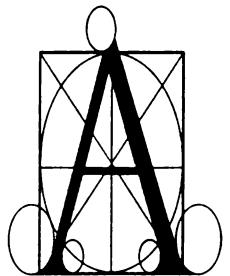

Под общ. ред.
С.А. Лебедева

Учебное
пособие
для вузов

ФИЛОСОФИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

The philosophy of the social sciences and humanities

(ed. by prof. S. Lebedev)

**Moscow
Academic Project
2008**

Философия социальных и гуманитарных наук

Под общ. ред. проф. С.А. Лебедева

*Учебное пособие рекомендовано Отделением
по философии, политологии и религиоведению УМО
по классическому университетскому образованию*

Москва
Академический Проект
2008

Рецензенты:

доктор филос. н., проф. Ахиезер А.С.
доктор филос. н., проф. Гиренок Ф.И.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:

Лебедев С.А. (руководитель авт. колл.) — предисловие, гл. 1 (разд. I), гл. 10 (разд. II); Ананьин О.И. — гл. 5 (разд. II); Артамонова Ю.Д. — гл. 9 (разд. II); Барулин В.С. — гл. 4 (разд. I); Борзенков В.Г. — гл. 3 (разд. I); Запесоцкий А.С. — гл. 8 (разд. II); Зинченко Ю.П. — гл. 7 (разд. II); Ильин В.В. — гл. 2 (разд. I), гл. 10 (разд. II); Ионин А.Г. — гл. 4 (разд. II); Капицын В.М. — гл. 2 (разд. II); Кезин А.В. — гл. 6 (разд. II); Лазарев Ф.В. — гл. 1 (разд. I); Малахов В.П. — гл. 3 (разд. II); Рубочкин В.А. — гл. 1 (разд. II); Тхостов А.Ш. — гл. 7 (разд. II); Ушаков А.И. — гл. 1 (разд. II); Шилок Р.С. — гл. 7 (разд. II); Юдин Б.Г. — гл. 5 (разд. I).

Философия социальных и гуманитарных наук. Учебное пособие для вузов / Под общ. ред. проф. С.А. Лебедева. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Академический Проект, 2008. — 733 с. — (Gaudeamus).

ISBN 978-5-8291-0918-9 (Академический Проект)

В учебном пособии анализируются философские проблемы социальных и гуманитарных наук: 1) общие методологические вопросы социально-гуманитарного познания; 2) философские проблемы отдельных социальных и гуманитарных наук (истории, политологии, социологии, экономики, юридических наук, языкознания, менеджмента, психологии, педагогики). Авторы книги — профессора МГУ им. М.В. Ломоносова, других российских вузов, ученые институтов РАН. Адресовано студентам, аспирантам, преподавателям, научным сотрудникам, всем, кто интересуется философией социально-гуманитарных наук.

Subject matter of the textbook is philosophy of modern social sciences and humanities. The book contains three parts: 1) general methodological questions of social sciences and humanities; 2) philosophical problems of social sciences (history, politology, sociology, economics, law, linguistics, management, psychology, pedagogics). Authors of the textbook are famous Russian researchers in philosophy of social sciences and humanities. They are professors of Lomonosov's Moscow State University, other Russian universities, members of Russian Academy of Sciences. The book is addressed to students, teachers, researchers, also all, who are interested social sciences and humanities.

УДК 1/14
ББК 87

© Лебедев С.А., 2008
© Коллектив авторов, 2008
© Оригинал-макет, оформление,
Академический Проект, 2008

Данное учебное пособие посвящено раскрытию содержания такого важного раздела современной философии науки, как философские проблемы социальных и гуманитарных наук. В отличие от общей философии науки, исследующей структуру, методы и закономерности науки в целом, философия социальных и гуманитарных наук концентрирует свое внимание на исследовании особенностей социально-гуманитарного знания как одного из видов научного знания. Здесь на первый план выходят вопросы о специфике социально-гуманитарных наук по сравнению с естественными, логико-математическими и техническими науками в отношении всех главных структурных аспектов науки (ее предмета, методов и закономерностей развития). Опыт обсуждения этих вопросов показывает необходимость различения внутри научной рациональности ее видов: естественно-научной, социально-гуманитарной, логико-математической и технико-технологической рациональности. Эти виды научной рациональности и соответствующие им концепты образуют основу указанных типов научного знания. Необходимо при этом подчеркнуть, что история развития философии науки как особой области философского знания сложилась так, что в ней наиболее разработанными оказались, с одной стороны, общие проблемы философии науки, а с другой, — философские основания естествознания (и прежде всего физики), математики и логики. Гораздо меньше внимания уделялось (эта тенденция сохраняется в настоящее время) разработке философии социальных, гуманитарных, а также технических и технологических наук. Основу такого положения дел составляли две главные теоретические предпосылки: 1) рассмотрение естественных и математических наук в качестве наиболее развитых и «парадигмальных» образов

научного знания и 2) чрезмерное подчеркивание методологических различий естественно-научного и социально-гуманитарного знания как качественно различных видов познания вплоть до попыток проведения между ними жесткой демаркационной линии (традиция, идущая еще от неокантианства). Однако развитие философии науки в XX в., всех ее основных направлений — постпозитивизма, постструктурализма (постмодернизма), герменевтики, диалектики — привело сторонников этих конкурирующих «парадигм» к одному общему выводу: признанию ошибочности (теоретической несостоятельности) обеих указанных выше предпосылок в истолковании соотношения естественных и социально-гуманитарных наук и разработке понимания различия между ними как имеющего не столько качественный, сколько количественный и структурный характер. С одной стороны, пришло понимание того, что не только социально-гуманитарное знание, но и естественно-научное и даже математическое аксиологически нагружены, имеют ценностные основания своего бытия и функционирования, конструктивный характер, что любое научное знание социально и культурно детерминировано в своем развитии. С другой стороны, стало признаваться то, что не только естественные науки, но и социально-гуманитарные (история, политические науки, правовые науки, психология и др.) имеют объектный характер своего предметного содержания и объективную логику своего развития. Более того, в рамках постструктурализма (постмодернизма) и герменевтики выдвигаются серьезные аргументы и предпринимаются попытки доказать (показать), что именно гуманитарные науки, а вовсе не естествознание и математика, являются наиболее развитым и адекватным видом научного познания (многомерным, целостным и даже более «честным» в оценке своей природы и возможностей) по сравнению с так называемым сайенсным пониманием науки, когда высший смысл научного познания усматривается лишь в экспериментально-математическом моделировании и описании объекта познания. Последний тип знания безусловно важен и полезен, но в современной философии науки он все чаще рассматривается как антропологически односто-

ронный и «отчужденный» от реального человека в силу своей претензии на чистую объективность и абсолютную истинность. В этих своих притязаниях сайенский тип знания оказывается, как это не парадоксально на первый взгляд, гораздо более идеологически нагруженным и иллюзорно-мифологическим нежели социальные и гуманитарные науки. Последние по самому своему предмету и задачам четко «привязаны» к человеку. В свете вышесказанного разработка проблем методологии не только социально-гуманитарного, но и естественно-научного познания вновь оказывается чрезвычайно актуальной, так как требует пересмотра утвердившихся в философии науки XX в. представлений, основанных на противопоставления «наук о природе» и «наук о духе». Общий тренд преодоления этого противопоставления может и должен быть реализован двумя путями: с одной стороны, гуманитаризации естественно-научного познания и его методологии, а с другой, — своего рода «прививки» сайенской культуры мышления социально-гуманитарным наукам. Идея сближения характеристик и методов естественных и социально-гуманитарных наук легла в основу данного учебного пособия при рассмотрении философии социальных и гуманитарных наук. Содержание философии социальных и гуманитарных наук представлено в двух разделах учебника: 1) общая методология социально-гуманитарных наук и 2) философско-методологические проблемы отдельных социальных и гуманитарных наук. Это такие науки, как история, политические науки, право, социология, экономика, менеджмент, педагогика, психология, лингвистика. Ну и, конечно, сама философия как особая социально-гуманитарная дисциплина. По сравнению с первым изданием учебника в настоящем исключен раздел «Философия социально-гуманитарной сферы». Вторым отличием настоящего издания от первого является некоторое расширение сферы анализа философии социальных и гуманитарных наук и, в частности, включение в нее философии таких важных наук, как история и политическая наука. Наконец, третьей особенностью настоящего издания является то, что за прошедший год существенно изменился сам контекст предмета нашего изложения. Во-первых,

за это время вышел целый ряд учебных пособий и монографий по философии социально-гуманитарного познания (учебники и монографии А. Ивина, В. Федотовой, Л. Микешинной, П. Гайденко, В. Барулина, И. Исаева, Б. Юдина, В. Межуева и др.).

Во-вторых, вышел цикл наших работ, посвященных целостному научно-методическому обеспечению различных аспектов новой дисциплины кандидатского минимума для аспирантов «История и философия науки». Содержание философии социальных и гуманитарных наук, а также различных философских проблем этих наук может быть адекватно понято только в контексте всех этапов этих работ. Их наличие освобождает нас от обязанности подробно доказывать и обосновывать те положения, которые были рассмотрены и обоснованы нами в данных работах. В отмеченный выше комплекс работ входят следующие книги, изданные нами в издательстве «Академический Проект» за последние два года: «Философия науки» (под ред. С.А. Лебедева). 5-е изд. М., 2007; С.А. Лебедев «Краткая энциклопедия философии науки». М., 2007; «Философия естественных наук» (под ред. С.А. Лебедева). М., 2006; «Философия социальных и гуманитарных наук» (под ред. С.А. Лебедева). М., 2006; «Философия математики и технических наук» (под ред. С.А. Лебедева). М., 2006; С.А. Лебедев «Философия науки: словарь основных терминов». 2-е изд. М., 2006; С.А. Лебедев, В.В. Ильин, Ф.В. Лазарев, Л.В. Лесков «Введение в историю и философию науки». 2-е изд. М., 2007.

*Заслуженный профессор
Московского университета
С.А. Лебедев*

Раздел I

Общие методологические проблемы социально-гуманитарных наук

**ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В ЕСТЕСТВОЗНАНИИ
И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ**

В статье «Истина в науках о духе» Х.-Г. Гадамер писал: «Трудно сделать наглядным то, что является истиной в этих науках и что выступает результатом их деятельности»¹. И все же потребность в прояснении этой гносеологической проблемы продолжает не только жить в душе каждого философа, но и волновать исследователей в сфере гуманитарных и социальных наук. Пожалуй, здесь в вопросе о научной истине царит гораздо большее разномыслие, чем в науках о природе. Имеются определенные аргументы для оправдания такого положения дел в современной науке в целом. Приведем на этот счет высказывания двух российских ученых: политолога А.С. Панарина и социального философа В.Г. Федотовой. В учебнике по политологии А.С. Панарин пишет: «Современная наука решительно рассталась с претензиями на объяснение смысла и сущности бытия. Она более осознает себя инструментально, как разновидность технологии, способной влиять на объекты, но выносящей вопрос о целях и смысле этого влияния за скобки»². Еще более определенно высказывается по этому поводу В.Г. Федотова: «Вопреки классической эпистемологии, истина, в настоящее время, может быть истолкована не как воспроизводство (слепок) объекта в знании, а как характеристика

¹ Гадамер Х.-Г. Истина в науках о духе // Топос. Минск, 2000. № 1. С. 7.

² Панарин А.С. Политология. М.: Проспект, 1998. С. 225.

способа деятельности с ним. Поскольку таких способов может быть много, возможен плюрализм истины и, следовательно, исключается монополия на истину»³. С лингвистическим обоснованием неизбежности плюрализма истин в любой сфере познания, где имеется дискурсное знание, а значит, и в науке, выступают и сторонники такого влиятельного течения современной философии, как постмодернизм. Оценивая все вышесказанное, сразу же обозначим нашу позицию. Да, мы согласны и с ростом инструментального массива знания в современной науке, с описанием в науке не только свойств и отношений самих объектов, но и способов деятельности с ними. Столь же невозможно отрицать и наличие в современной науке (как в науках о природе, так и в науках об обществе и человеке) известного многообразия (плюрализма) концепций относительно одного и того же предмета познания. Для современной науки это стало скорее нормой, чем исключением. Мы также полагаем, что плюрализм истин в науке неизбежен и неустраним. Более того, мы хотели бы подчеркнуть не просто деятельностный, а конструктивно-творческий характер процесса научного познания, особенно на его теоретическом уровне (распространяя эту характеристику и на сам продукт научно-когнитивной деятельности — научные знания). Это, однако, не отменяет постановки следующих значимых вопросов. За счет чего и как наука избегает «безбрежного» плюрализма истин, оставаясь фактически, а может быть и принципиально, на позиции ограниченного разнообразия конкурирующих концепций? Устарела ли концепция истины как тождества содержания объекта и его когнитивной модели? Абсолютного или относительного тождества — это уже второй вопрос. Почему в социальных и гуманитарных науках мы имеем гораздо больший плюрализм концепций, претендующих на истину об одном и том же объекте, чем это имеет место в естествознании и математике? Возможна ли вообще объективная истина (включая ее классическое понимание) в социальных и гуманитарных на-

³ Феготова В.Г. Классическое и неклассическое в социальном познании // *Общественные науки и современность*. М., 1992. № 4. С. 50.

уках, и если да, то за счет чего именно? При всем очевидном различии в методах получения и способах обоснования естественно-научного и социального знания существуют ли некоторые общие для них и общезначимые фундаментальные когнитивные характеристики? Что означает (или должна означать) научная рациональность и подпадает ли под ее стандарты социально-гуманитарное знание? Насколько преодолим «безбрежный плюрализм» в социальных и гуманитарных науках и за счет чего может быть достигнут научный консенсус между профессиональными исследователями в данных отраслях знания? На поставленные вопросы мы и постараемся дать ответы в данной статье.

1. Предпосылочная природа социального познания

Вопрос о природе и возможности достижения истины в науке в современном ее понимании как специфической когнитивной деятельности человека был поставлен, как известно, еще в Новое время. Так, в эпистемологии Р. Декарта утверждалось, что истина имплицитно находится в человеческом разуме, а выявляется она с помощью его «естественного света» (сомнения, критики, интеллектуальной интуиции и дедукции). С другой стороны, Ф. Бэкон поставил важный вопрос о факторах, затемняющих или искажающих истину: «призраки» рода, толпы, театра, и предложил свое решение этой проблемы — экспериментально-индуктивное добывание и вершение научной истины. Только такое знание, полагал он, может увеличить могущество человека и дать ему реальную власть над природой. Попытка примирить противостояние рационализма и эмпиризма в вопросах научной истины была предпринята И. Кантом. Основой такого примирения должно быть признание обеими сторонами существования необходимых априорных предпосылок осуществления любого акта познания, как чувственного, так и рационального. Хотя научное познание, утверждал Кант, начинается с опыта, это отнюдь не означает, что оно логически вытекает, следует из него. Услови-

ем получения научных знаний о «вещах в себе» является не только чувственный контакт с ними, но и наличие в познающем сознании априорных форм созерцания (в частности, пространства и времени), а также априорных форм рассудка (основные онтологические категории, а также формы и законы мышления). Эти последние образуют когнитивную структуру, создающую саму возможность продуцирования и конституирования истинных суждений и научных доказательств. Однако априоризму Канта также не суждено было стать общезначимой философией науки.

Первым шагом на пути преодоления кантовской эпистемологии была критика понятия «трансцендентального», вневременного субъекта и осознание принципиальной историчности познающего субъекта. Это означает, что, будучи погруженным в конкретную историческую реальность той или иной эпохи, познающий не может в принципе полностью абстрагироваться от нее в процессе осмысления познаваемых им объектов. Он всегда остается заложником определенных (часто несознаваемых) установок («предрассудков»), которые выступают для него в качестве «исторического а priori». По отношению к самой исторической науке это имеет особое (двойное) значение. Гадамер так оценивал данную гносеологическую ситуацию: эта «...обусловленность означает не принижение исторического познания, но момент истины. Обусловленность даже должна мыслиться как необходимый составной момент истины, если человек не хочет оказаться заложником этой самой обусловленности. Здесь должно считаться как раз «научным» — разрушить фантом истины, оторванной от места нахождения познающего. Именно это является знаком нашей конечности, непрестанно помнить о которой — единственное средство, способное сохранить нас от иллюзий и самообмана. Таким обманом была в свое время наивная вера в объективность исторического метода. Однако то, что вступает на его место, — это не слабый (matte) релятивизм»⁴. Вторым важным шагом на пути осмысления предпосылочности любого акта познания, особенно в сфере социально-

⁴ Гадамер Х.-Г. Истина в науках о духе // Топос. Минск, 2000. № 1. С. 10.

го и гуманитарного знания, было прояснение еще одного эпистемологического обстоятельства: человеческое сознание и познание может предопределяться не только историческими особенностями, но и наличными социальными детерминантами — формами материальной деятельности людей, экономическими связями и отношениями, их интересами как представителей тех или иных социальных групп, механизмами функционирования властных институтов, способами манипулирования общественным сознанием и т. п. К. Маркс именно в этом контексте выдвинул свой широко известный тезис: общественное бытие людей определяет их общественное сознание. Духовный и мыслительный горизонт индивида, замкнутого на систему существующих социально-экономических и властных отношений, также оказывается в силу этого определенным образом ограниченным. В связи с этим перед социальной философией и методологией социальных и гуманитарных наук стоит задача вскрыть формы и содержание «социального а priori», а также реальную зависимость оценок и способов интерпретации субъектом социальной реальности от его объективного положения в обществе. Социальная философия должна осуществлять критику социальных мифов и господствующих идеологий, снимать с них претензии на универсальную и вневременную истину. В XX в. возникла устойчивая тенденция признания социо-культурной детерминации научного познания. В сфере наук о духе это привело к культурному релятивизму в трактовке проблемы истинности гуманитарного знания. Если для марксовской методологии была характерна установка на «выведение» всех «надстроечных» структур социума и всех форм общественного сознания из экономического базиса, то современная парадигма обращается к иной, более широкой, а именно социо-культурной реальности как «подлинному» основанию жизнедеятельности людей, из которого можно объяснить все многообразие содержания форм социальной и индивидуальной жизни, включая политику, искусство, мораль и др. Таким образом, была выявлена еще одна линия детерминации познания — его социо-культурная обусловленность («культурное а priori»). Постепенно обнаружилось, однако, одно важное обстоятельство. Подобно тому, как

не все явления социальной жизни могут быть в конечном счете редуцированы к «экономическому бытию», аналогичным образом отнюдь не все в рамках научной рациональности можно свести к фундаменту культуры. Здесь по-прежнему порочной оказалась прежде всего сама редуccionистская стратегия методологии социальных наук, хотя теперь и в новой — социо-культурной форме. С нашей точки зрения, ни в диахроническом (историческом) разрезе, ни в синхроническом (социальном) отношении не существует какого-то одного основания, которое можно было бы рассматривать в качестве единственной универсальной причины всех исторических, социальных, а тем более — индивидуально-личностных изменений и измерений. Означает ли констатация этого положения необходимость перехода от монистической (всегда редуccionистской по сути) методологии к концепции «многих факторов»?

Следует отметить, что в последние 10–15 лет подобная методологическая концепция получила широкое распространение в гуманитарных науках под названием «принципа мозаичности». Отказываясь от редуccionистской методологии, ее сторонники руководствуются идеей «полидетерминизма». Так, в одной из работ по политологии утверждается: «Постиндустриальное общество лишено того единого основополагающего центра, вокруг которого вращается вся социальная жизнь. Это в полном смысле «мозаичное общество», которое то и дело меняет центры своего притяжения... В этом мире сохранились типы политики, по-прежнему связанные с экономикоцентричной доминантой. Однако наряду с этим существует множество других групп (в частности, утверждающихся этнонациональных общностей), для которых «культура есть более важный способ национальной идентичности, чем общность экономики, территории и т. п.»⁵

Идея одновременного существования разных детерминант в многоликом и мозаичном функционировании социума, разумеется, может и должна с определенными оговорками применяться как для понимания происходящих в обществе процессов, так и для осмысления обусловленности процесса их познания. Однако

только при таких условиях, что а) сама многофакторность понимается системным образом и б) вес различных факторов в целом неодинаков и для каждой ситуации он должен фиксироваться (или подразумеваться) каждый раз специально, исходя как из объективных особенностей социальной системы, так и из целей ее познания субъектом. В связи с этим весьма перспективной нам представляется методология исследования истины, получившая в гносеологии название интервальной, определенный вклад в разработку которой внесли и наши работы⁶. Однако, прежде чем перейти к раскрытию ее содержания и возможностей применения к социально-гуманитарному знанию, целесообразно сначала остановиться на тех исторических предпосылках возникновения идеи интервальной методологии, которые связаны с развитием естествознания XX столетия. Речь пойдет прежде всего о тех методологических уроках, которые преподало современной философии развитие неклассической физики. Эти уроки имеют, по нашему мнению, непреходящее значение и для разработки современной методологии социально-гуманитарного знания.

2. Методологические уроки естествознания XX в.

Если историческая и социокультурная предпосылочность социально-гуманитарного знания была осознана уже в середине XIX в., то в естественных науках и математике эпистемологические концепции Декарта, Бэкона и Канта просуществовали вплоть до начала XX в. Для такого положения дел были свои причины. Дело в том, что в естественно-научном познании гос-

⁶ Лазарев Ф.В. Природа научных абстракций. М., 1971; Лазарев Ф.В., Трифонова М.К. Структура познания и научная революция. М., 1980; Кураев В.И., Лазарев Ф.В. Точность, истина и рост знания. М., 1988; Лебедев С.А., Лазарев Ф.В. Структура и развитие научного знания // Философия науки. Общий курс. М., 2004; Лебедев С.А. Интервальный подход к оценке интерналистского и экстерналистского объяснения развития научного знания // В сб. Человек: деятельность, творчество, стиль мышления. Симферополь, 1987.

подставала объективистская установка, согласно которой при описании природных явлений объективность знания гарантируется лишь в том случае, если сам субъект их познания вынесен за скобки, т. е. выступает в качестве некоторого абсолютного наблюдателя, способного постигать универсальную, постоянно расширяющуюся объективную истину о мире. Впечатляющие успехи естествознания XVII – XIX вв., казалось, подтверждали эту установку. Существовало убеждение в том, что естественнонаучные законы, например, механики или термодинамики, в отличие от социальных, являются универсальными и неизменными, а адекватность их формулировки не зависит от того, какая на дворе эпоха: времена Перикла, Ивана Грозного или Наполеона.

Ситуация, однако, радикально изменилась в связи с кризисом в физике в начале XX в. Путь выхода из этого кризиса был намечен работами А. Эйнштейна и А. Бора по теории относительности и квантовой механике. С методологической точки зрения особый интерес представляли три момента:

- революция в физике вскрыла фундаментальный факт ограниченной применимости старых классических теорий и законов физики;
- в существенно новом свете предстала классическая идея физической относительности;
- при анализе явлений микромира были сформулированы принципы дополнительности и неопределенности.

Релятивистская механика, отказавшись от идеи привилегированного, абсолютного наблюдателя при описании явлений, уравнивала в правах все инерциальные системы отсчета. В результате качественно изменился (и с физической, и с философской точки зрения) сам смысл понятия относительности. Это изменение влекло за собой ряд далеко идущих следствий: во-первых, философский вывод о существовании не только когнитивной, но и объективной относительности в природе (относительность к определенным условиям и ситуациям); во-вторых, последовало более широкое толкование понятия физической относительности, включающее в себя три аспекта:

- 1) зависимость некоторых характеристик явлений (относительных величин) от условий их локализации;
- 2) принципиальную неразличимость хода физических процессов для внутренних наблюдателей, находящихся в двух взаимно движущихся инерциальных системах отсчета;
- 3) независимость законов природы, выражаемых связью инвариантных величин от системы отсчета.

В результате такого понимания относительности по-новому предстала диалектика внутреннего и внешнего: одни и те же физические процессы и события могут восприниматься по-разному в зависимости от того, находится ли наблюдатель внутри данной системы отсчета или вне ее. Но при этом оба наблюдателя имеют равное право на утверждение объективной истинности описываемых или наблюдаемых ими экспериментальных данных.

Другим важнейшим принципом новой физики, имеющим огромное методологическое значение, являлся принцип неопределенности квантовой механики, сформулированный В. Гейзенбергом⁷. Согласно этому принципу, невозможно одновременно абсолютно точно задать значение некоторых физических величин, называемых сопряженными. Например, согласно этому принципу, принципиально невозможно одновременно с абсолютной определенностью задать координату и импульс микрочастицы. В конкретный момент времени мы можем точно знать только одну из них: либо координату, либо импульс. Конечно, с практической точки зрения для описания многих физических ситуаций этой неопределенностью можно смело пренебречь ввиду ее чрезвычайно малых размеров (в пределах постоянной Планка). Однако с философской точки зрения принцип неопределенности имеет громадное значение. Он кладет конец любым абсолютистским и фундаменталистским гносеологическим и онтологическим концепциям.

Наконец, третьим новым фундаментальным принципом, введенным в физику XX в. и впоследствии получившим статус общегносеологического, явился

⁷ Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М., 1989.

принцип дополнительности Н. Бора. Разрабатывая «копенгагенскую интерпретацию» квантовой механики, Бор решает на революционный с точки зрения методологии классической физики шаг: признать онтологическую и познавательную правомерность двух взаимоисключающих картин поведения микрообъектов, одинаково опытно удостоверяемых, — корпускулярную и волновую. Волновая и корпускулярная ипостаси поведения микрообъекта никак не укладывались в какую бы то ни было обобщенную физическую картину одноплоскостного типа: волновое описание исключало корпускулярное, и наоборот. При осмыслении идеи дополнительности очень важной оказалась ее связь с понятием физической относительности. «Общее понятие относительности выражает существенную зависимость всякого явления от системы отсчета, которой пользуются для ее локализации в пространстве и времени»⁸. Бор рассматривал дополнительность как дальнейшее **обобщение** эйнштейновского понимания относительности. Речь идет об «относительности к средствам наблюдения»: в зависимости от того, какой прибор выбирает наблюдатель (скажем, камеру Вильсона или экран со щелью), он получает или корпускулярную, или волновую картину микрособытий. Конечно, данный эффект можно объяснить характером материального взаимодействия элементарных частиц с различными условиями наблюдения (в частности, типом прибора, входящим в эти условия в качестве одного из элементов). Однако можно было пойти по другому, более радикальному пути: совмещения в одном объекте одновременно присущих ему взаимноисключающих свойств, независимо от условий наблюдения. По этому пути пошел В. Гейзенберг. Но для такого совмещения пришлось ввести новый тип (уровень) физической реальности: мир возможного, мир потенциалов. Так вот, в этом интервале рассмотрения микрообъекта он одновременно является и частицей, и волной, независимо от условий наблюдения, потенциально. (Позже подобным образом К. Поппер предложит диспозиционную интерпретацию вероятности, которая реально [в наблюдении] всегда проявляет себя как некоторая частота по-

явления события при постоянном воспроизводстве одних и тех же условий.) Признание справедливости указанных интерпретаций принципа дополнительности поставит вопрос о правомерности различных интервалов абстракции для рассмотрения (описания) одной и той же ситуации, а также о введении понятия «иерархия интервалов абстракции».

Создание релятивистской механики и квантовой физики явилось не только прорывом в познании физической реальности, но и мощным фактором, преобразовавшим сам общий стиль научного мышления, его дух и методологию. Возник естественный вопрос: насколько гносеологические уроки, преподанные нам новой физикой, содержат в себе общеметодологический смысл, можно ли результаты, полученные в рамках одной науки, так или иначе перенести на другие области познания? Крупнейшие физики XX в. много размышляли и писали об этой проблеме. Эйнштейн неоднократно заявлял об огромной гносеологической важности осмысления новейших открытий в физике. Бор в своих публичных выступлениях и общетеоретических статьях обращал внимание на существование сходства в эпистемологическом плане между «дополнительностью описания» в квантовой физике и некоторыми познавательными ситуациями в исследованиях по психологии, биологии, культурологии и др.

И все же очевидно, что основную работу по философскому осмыслению и обобщению революционных идей в естествознании не могли взять на себя представители частных наук — физики, космологии, математики, биологии и др., ибо в конечном счете речь шла о собственно философском уровне и типе исследования. Среди тех, кто внес вклад в эту философскую работу, необходимо отметить такие имена, как Б. Рассел, Ф. Франк, К. Поппер, Т. Кун, П. Бриджмен и др. Говоря о попытках «философского обобщения» естественно-научных открытий, необходимо иметь в виду три следующих обстоятельства: во-первых, всякое гносеологическое размышление, или рефлексия, всегда осуществляется в рамках тех или иных философских школ, течений и т. п., т. к. не существует чисто логического (однозначного) перехода от фактов и теорий науки к философским выводам; во-вторых, долгое вре-

мя практически отсутствовало распространение философских интерпретаций естествознания на социально-гуманитарные науки, поскольку считалось, что с методологической точки зрения это принципиально разные и даже несовместимые типы исследования; в-третьих, в ходе эволюции методологии науки XX в. от неопозитивизма к постпозитивизму и далее к герменевтике и постмодернизму эта работа хотя и началась, но все еще не доведена до конца.

Необходимо отметить, что как раз в те годы, когда физика переживала революционные потрясения, в сфере методологии «наук о духе» также были сделаны глубокие и далеко идущие выводы. В первую очередь это касалось комплекса идей, развитых в рамках такого течения начала века, как неокантианство. В. Дильтей одним из первых обосновывает идею о том, что предмет и методология наук о духе существеннейшим образом отличаются от того, что мы имеем в науках о природе. В отличие от «рассудочного» и чисто казуального метода «объяснения» в естествознании, в науках о духе ученые пользуются другой познавательной стратегией — методом «понимания» как интуитивного постижения тех или иных духовных целостностей и ценностей. В. Виндельбанд, анализируя типы научного исследования, различает обобщающие (генерализирующие), или номотетические (законополагающие) науки и индивидуализирующие (идеографические) науки. Первый тип наук является превалирующим в естествознании, второй — в познании общества и человека. Интенция физики, например, направлена в основном на постижение общего, инвариантного в физических объектах, процессах, явлениях. Напротив, историк, психолог, социолог часто стремятся понять уникальное, неповторимое, единичное в предметах своего познания. Другой представитель неокантианской школы — Г. Риккерт — дал, развернутое методологическое обоснование глубокого различия между науками о культуре (о духе) и науками о природе. В связи с этим он обратился к понятию ценностей и показал, что, в отличие от наук о природе, ценности не только составляют необходимый фундамент наук о духе, но при этом могут иметь и вполне объективное значение, воплощаясь в материальном теле культуры.

Названный круг идей достаточно быстро укоренился в методологическом сознании, что позволило преодолеть «комплекс неполноценности», которым страдали ранее гуманитарные науки, включая и саму философию. Обретя твердую почву под ногами, социальные и гуманитарные науки получили важный импульс в своем развитии. Разумеется, многие авторы готовы были согласиться с тем, что (рассуждая чисто теоретически) существование глубоких различий между естествознанием и гуманитарными науками в принципе не исключает факта их общности как двух ветвей единого древа познания. Однако это ничего не меняет в реальной научной практике, в очевидно различных методологических пристрастиях ученых естественнонаучного и гуманитарного профиля. В результате вопрос о возможности применения методологических идей естествознания к проблемам гуманитарных наук так и остался висеть в воздухе и постепенно вообще был отодвинут в тень. Это умонастроение еще больше усилилось в контексте бурного развития идей герменевтики (М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер и др.) как имманентной методологии гуманитарных исследований. И все же мысль о внутреннем единстве всей человеческой науки возрождается уже в 70–80 гг. XX в. Так, известная книга И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса» в своем первом издании на французском языке (1979) называлась «Новый альянс». Это название, по мысли авторов, отражало наметившуюся конвергенцию естественных и гуманитарных наук⁹. Рассмотрим реальные методологические основания возможности такой конвергенции.

3. Понятие «познавательной позиции» (интервальный подход)

Новая физика прежде всего решительно изменила наши взгляды на понятие объективности в познании, на диалектику абсолютного и относительного и на идею обусловленности знания. Если для классической науки объективность означала полное исключение наблюда-

⁹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986. С. 280.

теля из картины мира, то на новом этапе, как говорит Пригожин, ученые исходят из другого тезиса: научное описание должно соответствовать источникам, доступным наблюдателю, принадлежащему тому миру, который он описывает, а не существу, созерцающему наш мир «извне»¹⁰. Познающий субъект (наблюдатель), не абстрактное, вне мира ютящееся существо, это конкретное «физическое» существо, оперирующее физическими приборами, инструментами измерения и находящееся в физически определенной «познавательной позиции» (например, в некоторой системе отсчета). Наблюдатель неотделим от своей позиции, а эта последняя составляет выделенную часть описываемой реальности. В результате оказывается, что некоторые аспекты исследуемых явлений зависят от позиции наблюдателя, другие — инварианты не зависят. Так, в классической механике течение времени не зависит от того, в какой системе отсчета описываются экспериментально наблюдаемые явления. Благодаря наличию инвариантов и в классической, и в релятивистской механике в понятии «объективность описания» еще сохраняется идея полноты описания природы. Квантовая механика вносит еще одну поправку в категорию объективности: процесс измерения не только «привязан» к познавательной позиции, но и предполагает выбор измерительного устройства и тем самым выбор вопроса, на который эксперимент должен дать ответ. Приборы одного типа могут исключать применимость приборов другого типа, но тогда теряет физический смысл тезис о полном описании объекта самого по себе, не зависящем от выбора способа наблюдения. Мы сталкиваемся с фактом неустранимой множественности перспектив видения реальности, языков описания, точек зрения.

Сказанное не означает, что принцип объективности отбрасывается, — суть лишь в том, что новая физика позволила вскрыть более тонкую диалектику объективного и субъективного в познании. Обратимся теперь к новому пониманию соотношения абсолютного и относительного.

В ньютоновской науке естественнонаучным аналогом «познавательной позиции» фактически служила

абсолютная система отсчета (ориентированная на систему неподвижных звезд). Именно в силу ее абсолютности ей и приписывался статус подлинно объективной. Любая же относительная система отсчета расценивалась скорее как «прием описания», как «строительные леса» при постройке теории, как задаваемая субъектом проекция видения реальности, имеющая лишь технический смысл. Единственно объективными характеристиками этой реальности рассматривались инвариантные величины и соотношения (законы). Теперь, когда Эйнштейн отбросил понятие абсолютной системы отсчета, мы оказываемся перед дилеммой: либо признать равный статус объективности как за абсолютными (инвариантными), так и за относительными величинами, либо отказаться от признака объективности вообще. С нашей точки зрения, предпочтительнее первый путь. Это одно из главных положений интервальной методологии. Физическая система отсчета не есть лишь «способ описания», а есть совокупность условий наблюдения, конституирующая познавательную позицию. Но в таком случае необходимо признать, что противопоставление абсолютного относительному само является относительным, справедливым лишь в границах меры, задаваемой архитектурой физического бытия, его интервальной структурой. То, что выступает в качестве абсолютного в границах применимости классической механики, вполне может оказаться относительным в релятивистской области. Иными словами, новый виток развития физики в рассматриваемом аспекте выразился в том, что абсолютное было релятивизировано и одновременно сохранено.

Глубокие трансформации, произошедшие в естественно-научной картине мира, не могли не повлиять на состояние философской онтологии, а через нее и на современные эпистемологические представления. Начать хотя бы с констатации того, что ни один наблюдатель, описывающий события в той или иной системе отсчета, не может претендовать на привилегированную позицию; в этом смысле субъект познания — это наблюдатель, существующий наряду с другими наблюдателями, имеющими свое собственное видение реальности. Различие в получаемых кар-

тинах исследуемого явления обуславливается различием в объективном положении субъектов познания. Возникает представление о топологической многомерности познавательного пространства. Главный гносеологический вывод из сказанного заключается в том, что ни один исследователь в науке не обладает способностью занимать позицию привилегированного субъекта, постигающего абсолютную истину о мире. Напротив, существует множество возможных для субъекта познавательных позиций, каждая из которых имеет свою перспективу видения реальности, но обеспечивает получение лишь ограниченной истины. Признание существования равноправных (т. е. имеющих равное право на истину) позиций не отменяет, однако, того факта, что позиции эти могут иметь отличные друг от друга гносеологические характеристики.

В истории философии давно был известен тезис, что всякая истина относительна. Вопрос, однако, в том, как его понимать. В интервальной эпистемологии относительность истины означает, что всякое имеющее смысл высказывание может быть истинным лишь в определенном интервале абстракции (как границах применимости соответствующих понятий и теории). Это касается как фактуальных высказываний, так и номологических (выражающих формулировку закона). Вместе с тем интервальность означает не только факт относительности всякой истины, но и сохранение момента абсолютного в познании. Это абсолютное обнаруживается в троякой форме: во-первых, всякая истина, будучи относительной извне интервала (т. е. для «внешнего наблюдателя»), тем не менее являет себя как абсолютная «изнутри»; во-вторых, внутриинтервальная истина может иметь смысловую связь с абсолютной истиной в более широком интервале, играющей роль инварианта для исходного случая. Например, в классической механике, измеряя величину массы тела внутри данной системы отсчета, мы получаем результат, который справедлив и для посторонних наблюдателей. Это значит, что истина, абсолютная «изнутри», может быть абсолютной и для внешнего субъекта познания. Разумеется, для такой абсолютной истины может, в

свою очередь, существовать интервал (в данном примере это интервал релятивистской механики), по отношению к которому она не является таковой. В-третьих, понятие абсолютной истины справедливо также для тех познавательных ситуаций, когда в процессе поступательного роста знания имеет место переход к более общей истине в результате сдвига от одной интеллектуальной перспективы видения реальности к другой, более широкой (например, от евклидовой планиметрии к евклидовой стереометрии).

Методологический анализ структуры естественно-научного знания, как она предстает в свете революций в физике, показывает, что необходимо также признать факт обусловленности, предпосылочности знания в науках о природе. Это следует как из идеи относительности (Эйнштейн), так и из идеи дополнительности (Бор). Если раньше можно было говорить о существовании в физическом познании исторического и социокультурного а priori, то теперь необходимо стало учитывать и собственно «физическое а priori». Это означает, что указание на познавательную позицию наблюдателя входит в само понятие физической истины.

Совершенно очевидно, что предпосылочность естественно-научного знания имеет свою специфику по сравнению с предпосылочностью в гуманитарных науках, о которой шла речь в начале данной работы. Тем не менее мы имеем все основания сделать общий вывод: всякое научное знание ограничено системой предпосылок, входящих в само определение истины в той или иной отрасли знания. Этот вывод имеет принципиальное значение в методологическом отношении, ибо указывает на еще один момент глубинной общности всех типов научного знания. Просто структура физического знания в силу ее большей четкости, точности, однозначности (по сравнению с социальным знанием) позволяет более ясно и конкретно понять феномен предпосылочности и выстроить соответствующую гносеологическую модель. После этого появляется возможность использовать эту модель в наших попытках более ясно понять природу и социального знания.

Если попытаться дать обобщенное описание познавательной ситуации, то необходимо констатировать, что ее структура состоит из двух основных элементов: предмет познания и условия познания. В объективированном языке условия познания могут быть обобщенно названы «когнитивной системой отсчета». Содержание последней образует совокупность определенных предпосылок философского («метафизического»), исторического, социокультурного, научно-теоретического и физического (реальная физическая система отсчета или условия наблюдения), с позиций которых рассматривается конкретный предмет, познания. По своему гносеологическому статусу «когнитивная система отсчета» является объективной системой, т. к. она никогда не является полностью продуктом конструктивной деятельности отдельного познавательного субъекта, а в существенной степени «присваивается» им (или ими в случае коллективного субъекта познания) из арсенала наличной культуры. С другой стороны, необходимо подчеркнуть, что субъект познания является активным конструктором когнитивной системы отсчета. Именно он своей волей и творчеством «собирает» ту или иную когнитивную систему отсчета и идентифицирует себя с ней. Поэтому для полного понимания содержания когнитивной системы отсчета всегда очень важно знать характеристики самого познающего субъекта: кто познает, как (с помощью каких средств) познает, наконец, для чего (с какой целью, целями) познает. Очевидно, что ответ на последний вопрос невозможен вне анализа ценностной сферы познания. Хотелось бы также подчеркнуть два следующих момента. Во-первых, субъект научного познания играет активную роль не только в формировании определенной конфигурации условий познания, но и в решении вопроса о том, что познается (содержания предмета познания). Это также результат определенного когнитивного решения субъекта, а не просто (не только) детерминации его сознания со стороны объекта («вещи в себе»). Во-вторых, именно когнитивная система отсчета в целом, а не только физическая система отсчета, являющаяся лишь одним из ее элементов, задает (формирует) интервал абстракции

познаваемого объекта. Правда, в самой физике выбор той или иной физической системы отсчета играет первостепенную роль в формировании интервала физических абстракций, т. к. она непосредственно входит в структуру физического знания. В социальном же и гуманитарном познании решающее влияние на формирование того или иного интервала абстракций оказывают, как правило, другие элементы когнитивной системы отсчета, которые назывались выше.

Для общеметодологического понятия интервала важное значение имеет указание на интервалообразующие константы и факторы. Для понятия стандартной инерциальной системы отсчета в классической механике такой константой является закон инерции. Что же может служить объективной основой для выделения того или иного социокультурного интервала? На основе чего люди объединяются в те или иные исторические и социальные целостности, детерминирующие формы их жизнедеятельности, их индивидуальное и общественное сознание? Что заставляет большие массы людей, те или иные социальные группы видеть себя и свое бытие именно таким образом, а не иначе? Таких объективных оснований можно выделить множество, например, общность материальных, экономических, социокультурных и др. интересов людей, включенность людей в те или иные независимые от них структуры и социальные институты, в ту или иную систему производственных отношений и т. д.

В качестве интервалообразующих факторов здесь могут выступать:

- человеческие потребности, интересы, ценности, цели;
- системы материальных отношений, социальные институты, организации;
- единое экономическое, правовое или информационное пространство;
- нормы, регулирующие поведение людей в обществе;
- традиции (в быту, культуре, науке, политике и т. п.).

Эти факторы могут быть устойчивыми, долговременными, глубинными, но могут быть и быстро изме-

няющимися, случайными, ситуационными. Но во всех случаях они выступают как основание и как предпосылка детерминации поведения людей, их деятельности. Различие заключается только в масштабах, устойчивости, долговременности, а также в характере иерархической подчиненности возникающих интервалов. Одни интервалы могут существовать на протяжении веков, другие — на протяжении нескольких часов, одни охватывают миллионы людей, другие касаются отдельной личности. Кроме того, между самими интервалами могут существовать определенные отношения. Если какой-то индивид смотрит на окружающий мир через призму интересов и ценностей той социальной группы, с которой он себя идентифицирует, то это вовсе не исключает того, что для него существуют и трансинтервальные, общенациональные и даже общечеловеческие ценности. Подобно тому как в физике существуют относительные и абсолютные (инвариантные) величины, в социальных науках можно выделять истины, которые замыкаются на данную познавательную позицию субъекта, и истины, которые остаются справедливыми и в более широкой системе отношений.

Единство объективных и субъективных условий мыслимости предмета познания как раз и фиксируется в понятии познавательной позиции. Последняя предполагает, во-первых, внутренний, субъективный момент, выражаемый наличием у субъекта в любом познавательном акте той или иной интеллектуальной перспективы; во-вторых, внешний, объективный момент, связанный с выбранным (из множества возможных) интервалом рассмотрения. Другими словами, познавательная позиция исследователя включает в себя важное в гносеологическом отношении качество: с одной стороны, она есть некоторая точка отсчета познающего субъекта, задающая перспективу видения реальности, с другой стороны, она есть нечто извне детерминируемое, задающее объективность смысла наших «образов» действительности и обуславливающая масштаб подхода к изучаемому предмету, некая его проекция, или измерение, высвечиваемое субъектом с помощью имеющихся у него предметно-практических и концептуальных средств.

4. Плюрализм научных истин

Сегодня уже стало фактом нашего культурного самосознания то обстоятельство, что на один и тот же социальный процесс или историческое событие можно посмотреть с разных точек зрения. Правильно ли интерпретировать этот факт таким образом, что среди возможных точек зрения лишь какая-то одна по сути своей является верной, все же остальные суть заблуждения, исторические иллюзии или преднамеренное искажение истины? Принято считать, что в демократическом обществе каждый гражданин имеет право на свое мнение по любому вопросу, на свое собственное видение и свое отношение к тому или иному событию или явлению. Но это, так сказать, правовой аспект проблемы, а что можно сказать по поводу «плюрализма» точек зрения в гносеологическом контексте? Естественно ли считать, например, что каждый специалист в области политической науки может иметь и преподавать студентам свое видение излагаемых проблем и что такое положение вещей должно быть нормой в образовательной практике. За счет чего же и с помощью какого механизма может преодолеваться абстрактно возможный и «безбрежный» плюрализм истин?

Известный методолог науки К. Поппер полагал, что среди разных возможных прочтений реальности могут встретиться как истинные, так и ложные. И в этом смысле они неравноценны и неравноправны. Однако, утверждал он, вся суть в том, что мы в силу сложности познавательного процесса никогда не можем знать наверняка, какая из имеющихся точек зрения является истинной. Истина всегда является истиной «в себе», тем идеалом, к которому мы стремимся в науке. Реально же «для нас» всякое истинностное значение выступает на практике всегда только в статусе «гипотезы». Конечно, не все реальные гипотезы равноценны или имеют равное право на существование. Такого права в науке лишаются две группы гипотез: 1) внутренне логически противоречивые и 2) следствия из которых логически противоречат эмпирическому опыту. Критерием отбора наилучшей из имеющих право на существование является, согласно Попперу, степень потен-

циальной фальсифицируемости гипотезы до испытания опытом. Предпочтение должно отдаваться наиболее смелым, тем, у кого эта степень была а priori больше, т. е. содержательно наиболее информативным. Некоторые современные философы (например, постмодернисты), напротив, утверждают и доказывают, что все точки зрения равноправны, ибо все они в равной степени недоказуемы и непроверяемы. Познание и знание как его результат есть вообще не более чем один из способов самовыражения и самоутверждения людей. Конечно, с такой точкой зрения ученые никогда не согласятся, хотя бы потому, что она является внутренне противоречивой, поскольку рассматривается самими постмодернистами как не просто предпочтительная, а как истинная.

Интервальный подход исходит из того, что в научном познании могут существовать в качестве допустимых разные «картины» одного и того же объекта. Однако эти точки зрения могут рассматриваться как равноправные лишь при одном условии: если все они удовлетворяют требованиям рациональной обоснованности. В точном естествознании высказывание считается рационально обоснованным, если оно удовлетворяет требованиям логической непротиворечивости, осмысленности, проверяемости (подтверждаемости или потенциальной фальсифицируемости эмпирическим опытом), системной принадлежности, полезности, практической эффективности. Таким образом, разные системы описания и объяснения одного и того же предмета в принципе имеют право на существование, если они удовлетворяют указанным выше критериям. Правда, сами эти критерии, к сожалению, также не имеют однозначного, а тем более количественного понимания (определения). И в области естествознания и даже в сфере математики мы имеем дело с наличием конкурирующих гипотез и теорий, претендующих на истину и разделяемых в качестве таковой разными группами научного сообщества. Причем плюрализм истин в этих областях легко зафиксировать не только при анализе их исторического развития (в диахронии), но и при синхронном анализе их бытия, т. е. в одно и то же время. Этот феномен известен в философии и методологии науки под названием «альтернативные концепции»,

или «конкурирующие теории». Диахрония: геоцентрическая — гелиоцентрическая системы мира, эвклидова — неэвклидова геометрии, аристотелевская — ньютоновская механика, классическая механика — релятивистская механика и т. д., и т. п. Синхрония: корпускулярная и волновая теория света и вещества, ламаркизм — дарвинизм, детерминизм — индетерминизм, механистическая причинность — телеология, элементаризм — холизм, классическая — конструктивная математика и т. д., и т. п. Природа плюрализма истин в науке была правильно объяснена только в философии науки XX в. Плюрализм в науке рассматривается как необходимое следствие четырех гносеологических факторов:

- 1) конструктивного характера теоретического мышления;
- 2) отсутствия абсолютно надежного, «окончательно-го» эмпирического и/или теоретического базиса любых концепций;
- 3) ограниченной разрешающей силы любых эмпирических или теоретических моделей по отношению к своему предмету («прототипу»);
- 4) неустранимости в принципе из науки неявного и личностного знания.

Неполнота любых научных концепций была почти одновременно осознана в разных областях науки в 30-е гг. XX в. (корпускулярно-волновой дуализм в физике, принципиальная неполнота любых формализованных моделей содержательных математических теорий — Гедель и т. д.). Оказалось, что в силу отсутствия принципиальной возможности окончательного эмпирического или теоретического обоснования любой концепции (поскольку при всех таких попытках «регресс в бесконечность» и неопределенность всегда гарантирован), выбор между альтернативными концепциями и предпочтение одной из них как истинной или более вероятной не может быть решен на чисто когнитивных основаниях. В конечном счете такое предпочтение оказывается возможным только в результате научных коммуникаций между членами научного сообщества и подчас драматичных научных дискуссий и «переговоров» (путем критики, влияния научных авторитетов, традиций, школ, оценки практической значимости концепции и т. д.). Эти «переговоры», имеющие ярко

выраженный социальный характер, как правило, заканчиваются выработкой определенного научного консенсуса. Однако, как показывает вся история науки, такой консенсус никогда не является и не может быть окончательным и не подлежащим пересмотру в будущем другими поколениями ученых, новыми субъектами познания. Как показали социологи научного познания (Малкей, Блур, Кнорр-Цетина и др.), процесс выработки научного консенсуса по вопросам признания истинности научных концепций может занимать довольно длительное время, особенно если затрагивает вопросы пересмотра устоявшегося, парадигмального знания (неевклидова геометрия — около 50 лет, частная теория относительности — около 15 лет, квантовая механика — около 25 лет, гелиоцентрическая модель солнечной системы — около 200 лет и т. д.). Все «когнитивные переговоры» такого рода включают в себя как минимум три репертуара, три вида дискурса: эмпирический, теоретический и социальный. Важно подчеркнуть, что научный консенсус имеет не чисто когнитивный, а когнитивно-волевой характер. Это означает, что проблема истины — это дело не только опыта и разума, но и воли. Именно благодаря когнитивной воле обрывается бесконечный регресс в эмпирическом и теоретическом обосновании научной концепции и преодолевается всегда имеющая место недоопределенность и имплицитность любого знания. Именно когнитивная воля лежит в основе принятия субъектом познания решения об истинности того или иного фрагмента научного знания. Разумеется, эта воля не произвольна, а органически включена и детерминирована той системой факторов, которую мы назвали выше «познавательной ситуацией». Всякая воля имеет своими неизбежными «спутниками» определенное мужество и ответственность за принимаемые решения. В полной мере это относится и к когнитивной воле субъекта научного познания при решении им вопроса о истинности той или иной концепции. Мужество, когнитивный нонконформизм — такие же необходимые условия осуществления научной деятельности, особенно при радикальных теоретических инновациях, как и любой другой человеческой деятельности. Бруно, Коперник, Лобачевский, Кантор, Эйнштейн, Павлов,

Бор, Ландау — безусловно, наиболее яркие примеры демонстрации этого важнейшего качества в научном познании.

В свете вышесказанного становится понятным кажущееся на первый взгляд в высшей степени парадоксальным знаменитое высказывание Эйнштейна о том, что как ученому ему дал больше Достоевский, чем Гаусс. Спрашивается, чему могли научить произведения великого русского писателя гениального физика? С нашей точки зрения, ответ может быть такой: осознанию свободы и ответственности в качестве родовых свойств (атрибутов) человека, в том числе и в качестве познающего субъекта по отношению к познаваемой им действительности. В силу врожденной свободы, с одной стороны, и необходимости действовать, с другой, человек часто находится в ситуации выбора, когда необходимо время от времени «переступить черту», отделяющую прошлое от будущего, и принимать решение в условиях всегда неполной определенности со всеми вытекающими отсюда в будущем последствиями за принятое решение. А для этого необходимо мужество, в том числе и при принятии ответственных когнитивных решений. Молодой А. Эйнштейн, как известно, решил бросить вызов классической механике А. Ньютона и стал признанным автором теории относительности. А. Пуанкаре не решился на такой шаг, считая, что он и в математике сделал немало. Ф. Гаусс также не стал создателем неевклидовых геометрий именно потому, что убоился общественного мнения математиков в отношении неевклидовых геометрий, бросавших вызов (и притом весьма рискованный) тысячелетней математической и умственной традиции человечества. Н. Лобачевский и Я. Бойаи, напротив, решились на этот шаг, изменив привычному стереотипному интервалу геометров рассматривать реальное пространство как неизменно плоское, не имеющее кривизны. Тактически Гаусс оказался прав: математическое сообщество в лице своих видных представителей (в России, например, Остроградский) действительно устроило мощную обструкцию неевклидовой геометрии как неполноценной (и, возможно, противоречивой) математической теории, а ее создатели так и умерли, не испытав радости признания своего эпохального свершения. Про-

цесс выработки научного консенсуса среди математиков по принятию новых геометрий в качестве математически полноценных и истинных длился около пятидесяти лет (1825 — 1875). Таким образом, стратегически Лобачевский и Бойаи оказались все же правы. Кстати, одним из важных факторов, резко ускорившим такой консенсус, явилась посмертная публикация личной переписки Гаусса, в которой общепризнанный «король математиков» XIX в. положительно отзывался о возможной истинности неевклидовых геометрий.

Необходимо отметить, что история с открытием и принятием научным сообществом математиков неевклидовых геометрий является ясной и довольно типичной познавательной моделью развития науки в целом. Именно это дало основание пониманию истории науки как подлинной «драмы идей» многими видными учеными и философами (А. Эйнштейн, Н. Бор, М. Льюис, Т. Кун и др.). Выработка научного консенсуса хотя и осуществляется конкретными субъектами научного познания, однако является столь же объективным процессом (прежде всего в силу его синергетичности, предполагающей взаимосвязь очень большого числа факторов), как и установление цены товара в ходе взаимодействия между участниками экономического пространства. Различие между естествознанием и социально-гуманитарными науками в отношении научного консенсуса состоит лишь в том, что если в первом случае консенсус есть интегрированный итог согласия между определенным видением природы и самой природой, то во втором — между взглядами ученых на общество и самим обществом.

В диалоге физика со своим объектом — природными процессами и явлениями — решающее слово принадлежит именно природе. Она не есть создание рук человеческих, но именно с ней человек вынужден не только взаимодействовать, но и приспособливаться к ней, считаясь с ее законами.

При исследовании же социокультурной реальности ситуация существенно иная. В этой сфере, созданной усилиями человека, субъективная составляющая не только содержится в отчужденных и объективных продуктах его деятельности (материальная культура, социальные структуры и институты, массовое сознание

и др.), но и входит в качестве активного, творческого элемента в саму исследуемую реальность. Здесь больше партикулярности, уникальности, текучести, относительности, неопределенности и случайности, поэтому гораздо труднее установить разграничительные линии между явлениями, событиями, процессами, а следовательно, сложнее выявить интервалы исследуемого объекта, многообразные условия его осуществления. Они как бы сливаются, теряют четкие очертания, «наплывают» друг на друга. Создается впечатление многозначности, мозаичности и даже произвольности. Но именно в силу указанных обстоятельств при проведении социально-исторических, политологических и культурологических исследований так важно руководствоваться методологией, которая нацеливает на выявление объективных оснований, четких контекстов, главных направлений детерминации, вооружает исследователя методами научного абстрагирования и анализа, способами поиска социальной истины.

Существует ли какая-либо нетривиальная аналогия между фактором обусловленности (и предпосылочности) естественно-научного и социально-гуманитарного знания? И если да, то в чем заключается специфика «условий познания» в гуманитарной сфере? В физике при исследовании одного и того же физического процесса получают порой разные данные наблюдений, разные физические истины. Однако и те и другие бывают правомерны, будучи основаны на определенных законах и структурах физической реальности. Серьезным онтологическим основанием возможности и правомерности физического плюрализма является тезис об интервальной структуре самой объективной реальности: мир, равно как и любая его часть, любой объект, многомерен. Те или иные свойства предмета и возможность их измерения можно определить как объективный интервал его существования, как пространство его актуального бытия. В разных условиях своего бытия один и тот же объект часто проявляет себя качественно по-разному. Утверждение о многомерности мира и объектов реальности, их взаимодействии всегда только в определенном отношении, составляет сущность интервальной версии онтологии.

Итак, на вопрос, как могут одновременно существовать несколько достаточно убедительных позиций в понимании одной и той же проблемы, в восприятии одного и того же явления, мы можем ответить, в частности, так: поскольку любое событие, явление, любой предмет имеют много сторон, граней, аспектов, то соответственно в познании мы можем подойти к предмету исследования, взяв его в том или ином аспекте. Выбор субъектом того или иного аспекта познаваемого объекта не абсолютно случаен: он диктуется условиями его бытия как конкретного социального существа. Отсюда естественным образом следует, что любая точка зрения, любая познавательная перспектива видения реальности, даже самая убедительная, всегда замыкается только на какой-то один аспект, один интервал.

А как складывается «точка зрения» в процессе постижения общественно-исторических процессов? Что означает здесь «познавательная позиция», задающая ракурс видения тех или иных событий, фактов, ситуаций? Эта позиция обуславливается теми историческими, социокультурными целостностями и ценностями, в которые может быть «погружен» тот или иной индивид, те или иные массы людей. Такими целостностями могут быть некие этносы, локальные культуры, институции, социальные группы, кровнородственные общности людей и т. п. Каждая из этих разнообразных целостностей имеет свои интервалообразующие константы, свое культурно-историческое время, свои смыслы и ценности.

В социальном и особенно гуманитарном познании истина имеет не только фактуальный, но и ценностный аспект. При этом последний может быть как явным, так и неявным, как рационально обоснованным, так и личностно экзистенциальным. Все это создает специфический «познавательный горизонт» исследовательской позиции в социально-гуманитарных науках.

Понятие горизонта тесно связано с тем фактом, что в познании мы всегда преднаходим себя в какой-либо ситуации, высветление которой является для нас задачей. Как подчеркивает Гадамер, понятие ситуации определяется как раз тем, что она представляет

собой точку зрения, ограничивающую возможности этого зрения. Таким образом, в понятие познавательной ситуации существенным образом входит понятие горизонта. Последний есть поле зрения, охватывающее все то, что может быть увидено из какого-либо пункта. Со времен Ницше и Гуссерля практика философствования пользуется этим словом, дабы охарактеризовать связанность мышления его конечной определенностью. Задача исторического понимания всякий раз включает в себя требование найти такой исторический горизонт, чтобы увидеть то, что мы исследуем, с наиболее перспективной, наиболее полезной и практически значимой точки зрения, удовлетворяющей при этом общим стандартам «научности».

В связи с этим Гадамер задает вопрос: правильно ли описывается искусство исторического понимания, когда говорят о перенесении себя в чужие горизонты (например, при исследовании историком отдаленных эпох). Историческая подвижность человеческого бытия состоит в том, что оно никогда не привязано к какому-то исключительно одному месту и поэтому не обладает абсолютно замкнутым горизонтом. Горизонты смещаются вместе с движущимся в потоке истории субъектом. Когда наше историческое сознание переносится в исторические горизонты, то речь не идет об удалении в какие-то чужие миры, никак не связанные с нашим собственным, но все они, вместе взятые, образуют один большой, внутренне подвижный горизонт, который, выходя за рамки современности, охватывает исторические глубины нашего самосознания¹¹.

Однако понятие горизонта, как его трактует Гадамер, нуждается в важных уточнениях. Можно согласиться с тем, что между разными горизонтами существует тонкая связь, подвижность, но отсюда вовсе не следует, что в конце концов существует лишь один всеохватывающий горизонт. Не случайно поэтому, что именно в социальном и гуманитарном познании концепции релятивности и метафоричности истины (знания «как бы») получили наиболее глубокие корни.

¹¹ Гадамер Х.-Г. Истина в науках о духе // Топос. Минск, 2000. № 1. С. 2.

5. Две модели развития знания

Осознание наличия «физического априори», а также факта принципиальной относительности любых (даже самых фундаментальных) естественно-научных истин, теорий, моделей, принципов и т. п. породило много философских и эпистемологических вопросов, из которых один представляет особый интерес в контексте обсуждаемой здесь проблемы. Речь идет о том, что факт релятивизации научной истины в естествознании заставляет предположить существование возможного сходства (и даже единых корней) между «точными» и гуманитарными дисциплинами. Если раньше предполагалось, что строгие требования научной рациональности в известной степени оберегают естествознание (в отличие от гуманитарных наук) от влияния социально-исторических, культурных факторов, то теперь методологи должны были считаться с вескими аргументами сторонников экстерналистской концепции в развитии научного знания. Постановка и решение тех или иных научных проблем, способы их толкования не могут быть полностью адекватно осмыслены вне культурно-исторического контекста, вне господствующего в данную эпоху стиля научного мышления, вне тех или иных методологических установок, парадигм (Т. Кун), «тем» (Холтон) и т. п. И не только часто неосознаваемый «культурный фон», но и самые обычные экономические и социальные факторы постоянно оказывают влияние на развитие науки. У Гадамера по этому поводу читаем: «В насквозь организованном обществе каждая группа интересов разворачивается по мере ее экономической и социальной власти. И научное исследование она оценивает также согласно тому, в какой мере его результаты будут полезны или вредны ее собственной власти. В этом отношении любое исследование должно опасаться за свою свободу, и любой естествоиспытатель знает, что его открытия с трудом могут добиться признания, если они невыгодны господствующим интересам»¹².

¹² Гагамер Х.-Г. Истина в науках о духе // Топос. Минск, 2000. № 1. С. 11.

При этом следует различать два типа факторов, влияющих на развитие точных наук — те, которые деформируют истину или препятствуют ее свободному развертыванию, и те, которые образуют самую предпосылку ее формирования. Но прежде чем рассмотреть эту сторону дела, следует сказать несколько слов о двух возможных подходах к обсуждаемой проблеме.

Традиционная модель развития научного знания может быть определена как континуальная («кумулятивистская»). Рост знания рассматривается как непрерывный процесс накопления, приращения и обобщения истин. Сторонниками этого подхода были представители многих философских ориентаций (гегельянского, марксистского, прагматистского и др. толка), различавшиеся между собой лишь пониманием самой природы истины. Так, для марксизма рост знания означал бесконечное приближение познания к полной объективной истине. При этом на каждом конкретном этапе развития человеческое знание неизбежно носит исторически ограниченный характер. Это касается и всех типов научного знания. Для развития знания характерна «противоречивость», тесная зависимость от запросов общественной практики, от уровня развития производительных сил эпохи. Противоречивость между знанием и объектами, теорией и опытом, наукой и практикой предполагала возможность «научных революций»; каждая из которых истолковывалась как качественный скачок, резкий переход от изучения «сущности» первого порядка к изучению «сущности» второго порядка и т. д. Строго говоря, марксизм не предложил достаточно разработанной и глубокой концепции развития науки. Возможно, это объясняется тем, что в марксизме эклектически сочетались разные, часто исключаящие друг друга посылки — кумулятивизм и антикумулятивизм, интернализм и экстернализм, признание социально-исторической ограниченности знания, с одной стороны, и независимой от нее «внутренней логики развития» науки, с другой. В этом смысле марксизм был неуязвим для критики, ибо он требовал «диалектической многосторонности» в толковании модели роста знания: как внутренних факторов, так и внешних, как непрерывности, так и прерывности, как

зависимости от хода истории, так и «относительной независимости». Такая методологическая установка на «диалектическую гибкость», на учет всех противоречивых тенденций, сторон и факторов в результате, однако, породила застой мысли, боязнь «впасть в ту или иную односторонность». Так, социально-исторический подход казался достаточно убедительным, когда речь шла о гуманитарном познании, о формах идеологии и т. п., но он становился малосодержательным, когда необходимо было применить его к развитию точных наук. Влияют ли формы и содержание социальности на математическую или физическую истину, если она никак не затрагивает материальных интересов тех или иных классов, групп, национальных элит и т. п.? Вообще, какие ограничения накладывает на естественно-научную истину фактор историчности познания? На эти вопросы не было вразумительных ответов. Любопытно, что в целом марксистская гносеология была в сущности асоциальна и внеисторична, как это ни парадоксально. Несмотря на общие декларации о важности социально-исторического подхода, в своих гносеологических схемах марксизм во многом остался на уровне традиционных концепций XIX в., веря при этом в абсолютную истинность своих положений. Впрочем, исключением здесь был, пожалуй, только сам аутентичный Маркс, а в XX столетии — Г. Лукач и незаслуженно забытый грузинский философ Мегрелидзе. (Лишь в 80-е гг. среди советских философов оживился интерес к социокультурному контексту познавательной деятельности.) Причина такого положения, скорее всего, кроется в характере ленинских работ по гносеологии и их последующем влиянии на «марксистско-ленинскую» теорию познания. Хотя основная книга Ленина по теории познания — «Материализм и эмпириокритицизм» — была написана под влиянием революционных процессов в физике начала XX в. и в контексте гносеологических споров того времени в европейской философии, однако сама гносеологическая позиция автора была по сути эмпиристской. В результате в советской философии возобладал не «истматовский», а чисто «диаматовский» подход к проблемам познания, который на долгие годы предопределил «стиль» философствования марксистов по вопросам эпистемологии

и методологии науки в духе «теории отражения». Правда, в условиях идеологического тоталитаризма это имело скорее положительный, чем отрицательный эффект, ибо в случае «победы» «истматовского подхода» в гносеологии эта отрасль философии (в условиях неизбежного в ту пору вульгаризаторского «социологизма») окончательно захирела бы. Однако анализ знания, его структуры и динамики безотносительно к историческому контексту, к человеку и специфически человеческим условиям его производства на каком-то этапе стал явным тормозом в развитии гносеологии и методологии науки. Дело в том, что всякий процесс познания, в том числе и научно-го познания, всегда включен в определенный социально-исторический контекст. Более общий по отношению к познанию контекст предметно-практической деятельности людей предполагает наличие социокультурных условий и предпосылок постижения мира в виде тех или иных методологических принципов, способов умопостижения. И это касается не только социально-гуманитарных дисциплин, но и естествознания. Дж. Холтон, обращаясь к особенностям научного стиля мышления Кеплера, отмечал, что ученый в процессе поиска законов движения планет использовал в качестве эмпирической базы данные наблюдений Тихо Браге, но при этом он отнюдь не ограничивался только опорой на опыт: «...Когда его физика оказывается бессильной, на помощь ей приходит метафизика; когда механическая модель оказывается неспособной служить инструментом объяснения, выручает математическая модель, а теологическая аксиома, в свою очередь, берется в качестве связующего звена. Классическую картину мира, которая была расколота на две области: небесную и земную, — Кеплер пытается объединить при помощи представления об универсальной физической силе; но, когда эта проблема не поддается физическому анализу, он с готовностью возвращается к конструкциям объединяющего образа, а именно Солнца, находящегося в центре мира и управляющего им, и объединяющего принципа — всеобъемлющей математической гармонии»¹³.

¹³ Холтон Дж. Тематический анализ науки. М., 1981. С. 47–48.

Исторические, социальные и культурные факторы, конечно, могут деформировать, исказить, огрублять конечные результаты познания, демонстрируя при этом неизбежную историческую ограниченность любых усилий людей познать окружающий их природный и социальный мир. Но вместе с тем справедливо утверждать, что исторический, социальный и культурный контекст является абсолютно необходимым условием самой возможности истины. И в этом заключается глубокая аналогия познавательной ситуации в естествознании и гуманитарных науках. Признание этой аналогии требует радикального пересмотра всей традиционной — континуальной — общей методологии научного знания. Прежде всего речь идет о принятии следующих исходных допущений:

- в способах умопостигаемости мира существует принципиальное сходство между естествознанием и социально-гуманитарными науками, вытекающее из существования единого для них корня — рационального освоения мира человеком;
- в социальном познании научная истина возможна в таком же смысле, как и в естественных науках, а именно как соответствие (тождество) содержания знания познаваемому объекту;
- как и в естествознании, в социальных науках истина всегда относительна, т. е. зависит от онтологически задаваемых «систем референции», от интервалов абстракции; выделить эти интервалы, зафиксировать их средствами соответствующего научного языка — исходная задача любого не только естественно-научного, но и социально-гуманитарного исследования;
- любая истина теряет всякую определенность и содержательность, если не указывается, относительно какого интервала абстракции она имеет однозначный и проверяемый смысл;
- всякий предмет как естественно-научного, так и социально-гуманитарного познания принципиально многослоен и многомерен, поэтому он может стать чем-то эффективно познаваемым только будучи заданным в том или ином интервале абстракции относительно фиксированной познавательной ситуации; отсюда вытекает, что в познании исто-

рической и социокультурной реальности истина также принципиально плюралистична и интервальна;

- плюралистичность и интервальность социально-гуманитарных истин не исключает того, что они могут образовывать некие иерархические системы (на базе инвариантных переходов) или могут быть упакованы в еще более сложные смысловые конфигурации (семантические спектры);
- в исследовательской практике всегда важно отличать факторы, которые затемняют или искажают истину, от факторов, которые образуют условия самой возможности истины.

Четкое осознание физиками XX в. наличия «физического априори» в XX в. было важнейшим гносеологическим открытием не только в развитии и осмыслении физического познания. Новое состояло также в том, что любая наука (как «точная», так и гуманитарная) имеет свою особую «онтологию», конституирующую мир «онтологических относительностей». Сама возможность истины в научном познании укоренена в этой онтологии, позволяющей «состыковать» субъект и объект познания так, что онтологическая относительность и гносеологическая относительность оказываются в некотором общем «пространстве встречи».

6. Социальная истина и проблема диалога

Человеческий разум должен сегодня воспринять идею диалога в широком общекультурном плане как важнейшую интенцию и как способ мышления, адекватный новой исторической ситуации, как необходимое условие выживания человечества. Диалогичность мышления непосредственно вытекает из факта многомерности как бытия, так и разума, его постигающего. Иное (иной народ, иная культура, иной язык и т. д.) во всех случаях есть лишь иная грань, другой мир, другая ипостась единого человечества. Не смешивая, не сливая в одно эти грани, но и не противопоставляя их друг другу, — только так мы можем найти взаимопонимание, компромисс, гармонию. При этом важно иметь в виду, что глубинной методологической осно-

вой диалога должен быть тезис о существовании социальной истины, как и наличие механизма ее достижения.

В социальном и гуманитарном познании истина всегда окрашена мотивами, интересами, потребностями, ценностями, культурными установками. И тут может возникнуть вопрос: как же в таком случае возможна истина, если она так сильно зависит от многих обстоятельств, не релятивна ли она в самой своей основе, не субъективна ли? Возможен ли момент объективной истины в процессе постижения людьми социальной реальности? Или у каждого субъекта истина своя, индивидуальная?

Суть дела, однако, заключается в том, что любой социальный субъект (индивид, социальная группа, этнос и т. п.), как уже отмечалось, всегда находится в определенных целостных системах, интервалах своего исторического бытия, которые содержат в себе некие константы, универсалии, общие для всех представителей данной целостности. Эта общность существует объективно, независимо от того, осознается она субъектом или нет, ибо вытекает из самой логики человеческой жизнедеятельности, из логики тех социальных ролей, которые играет тот или иной субъект. Субъект, находясь в определенном интервале, не просто имеет свою картину реальности, свое видение происходящего, он имеет это с некоторой необходимостью. А это значит, что любой другой субъект, будучи поставленным в аналогичные условия, будет иметь примерно ту же самую картину реальности. Данное обстоятельство в сущности означает, что речь идет не о партикулярном, личностном видении реальности, а об объективной истине, о ее привязанности к тем или иным контекстам социального бытия. Это касается даже кратковременных ситуаций, когда люди с прямо противоположными интересами на какой-то момент оказываются в одних и тех же условиях. Парадоксальным примером сказанному может служить так называемый синдром заложников. Ситуация изнутри и извне всегда выглядит по-разному. Перед угрозой непрофессионального штурма и разного видения наиболее целесообразной стратегии действий интересы заложников и террористов неожиданно объединяются, их охваты-

вают единые чувства и сходное понимание ситуации. Понятно, что это «единомыслие» террористов и их жертв носит сугубо временный и контекстуальный характер. Тем не менее этот факт наглядно высвечивает природу любых интервальных ситуаций. (Если интересы могут объединять людей на один-два часа, то какая же сила кроется за теми интересами, которые объединяют людей на века!)

Из сказанного следует и другой аспект проблемы. Если пребывание людей в одних и тех же условиях может порождать у них сходное восприятие происходящего, то, напротив, субъекты, находящиеся в разных интервалах, будут принципиально по-разному смотреть на одни и те же социальные явления. Известно, что в период межгосударственных или межэтнических конфликтов люди оценивают и истолковывают одни и те же события и факты в прямо противоположных категориях. Это различие интересов, условий бытия, стратегий и точек зрения есть объективный факт, связанный с различием в их объективном положении.

После того как выявлены объективные основания той или иной позиции, того или иного взгляда на мир, необходимо сделать еще один шаг и попытаться осознать принципиальную ограниченность любой точки зрения, ибо те предпосылки, которые делают какое-то мнение, какой-то подход обоснованным, они же задают границы однозначной применимости этого подхода. Интервальная диалектика, таким образом, обращает внимание на относительность любого человеческого суждения, любой истины, и не только в повседневной жизни, но и в науке, философии, политике и т. п. Другими словами, всем нам следует раз и навсегда осознать тот урок, который вытекает из развития современной науки и философии: не существует таких убеждений, философских доктрин, политических платформ, экономических моделей хозяйствования, которые были бы справедливы в неограниченном интервале. Отсюда следуют два практических вывода: во-первых, каждому человеку, а особенно деятелю духовной сферы, идеологу, политологу, политику, надо быть терпимым к инакомыслию, ибо в позиции другого всегда может быть боль-

шая доля истины; во-вторых, всегда надо пытаться максимально полно понять другую точку зрения, видеть и слабые, и сильные ее стороны. Инакомыслие — не отклонение от истины, а важнейший путь к ее глубинам и новым граням.

Возможно ли, однако, какое-либо взаимопонимание людей, стоящих на различных или даже противоположных точках зрения? Могут ли эти точки зрения как-то согласовываться между собой, рационально увязываться или между ними всегда непреодолимая пропасть? Во многих случаях взаимопонимание возможно и даже необходимо. Единственное, от чего здесь следует предостеречь, так это от попыток слияния разных взглядов в нечто единое. Подобно тому, как нельзя совместить панорамы, открывающиеся с двух разных вершин, в одной картине, так и не имеет смысла объединять разные точки зрения. И неверно думать, что истина в споре всегда бывает где-то «посередине». Однако важно другое: во многих случаях можно выявить способы перехода от одной системы суждений к другой. Всегда есть не только различие, но и общее, не только «внутриинтервальные» ценности, но и общечеловеческие, транскультурные. Поскольку мир не только многомерен, но и образует связанное целое, то при желании и доброй воле можно и нужно искать реальные условия «состыковки» позиций, возможности иерархической соподчиненности, казалось бы, «несоизмеримых» толкований, предпосылки гармонического согласования противоположных интересов. Это особенно важно, когда мы имеем дело с идеологическими расхождениями, политическими конфронтациями, опасными конфликтами.

Поиск разумного компромисса — не утопия, а признак мудрости тех, кто в силу обстоятельств вовлечен в конфликт. Исторически наиболее эффективным способом нахождения взаимопонимания людей является диалог. Необходимо учиться слушать другого, вникать в его аргументацию, взвешивать его доводы, уметь жертвовать частностями ради общего блага. Цель любого цивилизованного диалога — совместный поиск истины или ее вербализированное раскрытие. В конфликтной ситуации диалог может использоваться для решения одной из следующих задач:

- ясное изложение позиций каждой из сторон;
- в процессе совместного обсуждения выявление общей зоны интересов конфликтующих сторон, нахождение такого более широкого контекста, в рамках которого обе стороны оказываются в совместной ситуации «изнутри»;
- обсуждение согласования несовпадающих интересов сторон через нахождение формулы компромисса, предполагающего добровольные шаги навстречу друг другу;
- вскрытие и обоснование факта возможной неадекватности восприятия обсуждаемого явления со стороны одного из вовлеченных в диалог субъектов (имеется в виду неадекватность понимания ситуации в свете своих собственных, внутриинтервальных интересов, ценностей, стратегических установок и т. п.);
- вскрытие возможных неясностей, запутанности, противоречивости в позиции каждой из сторон (т. е. констатация отсутствия «сфокусированной позиции»).

Формула решения, принятая в результате диалога, не может быть названа компромиссом, если в процессе обсуждения на одну из сторон оказывалось давление в той или иной форме (шантаж, угроза, ущемление прав, подкуп, насилие и т. п.). В строгом смысле слова подобное обсуждение не может быть названо и диалогом, ибо здесь отсутствует главный признак — совместный и заинтересованный поиск истины. Как возможен поиск истины в условиях, когда заведомо есть по крайней мере две противоречащие друг другу истины, точки зрения, имеющие достаточные основания? Установление факта обоснованности обеих точек зрения и признание этого факта обеими сторонами есть уже первый результат «поиска истины». Второй шаг заключается в поиске общих, трансинтервальных истин, в отношении которых согласны обе стороны. Третий шаг заключается в поиске и установлении подлинной иерархии интересов и ценностей, что позволяет зафиксировать согласованную группу приоритетов. Поиск социальной истины в процессе диалога предполагает опору на идею человеческой справедливости как изначальной основы морали, права и истины. Неуклю-

жий спор между НАТО и Россией по поводу бомбардировок Югославии весной 1999 г. показал, что искусство диалога как феномена культуры находится в зачаточном состоянии даже на высшем уровне дипломатических отношений. Правила диалога должны неукоснительно выполняться спорящими сторонами так же, как законы формальной логики в процесс рационального доказательства, в противном случае слово «диалог» превращается в бессодержательную абстракцию. Но диалог может получить свою социокультурную легитимацию лишь при условии, что признается принципиальная возможность социальной истины.

Интервальная эпистемология признает факт гносеологического плюрализма истин как в естественных, так и в гуманитарных науках. Но она не останавливается на этом факте, а идет дальше, ставя вопрос, как в относительном возможно абсолютное. Между тем многие современные методологические концепции довольствуются абсолютным релятивизмом и абсолютным плюрализмом. Однако, последовательно отстаивая свою гносеологическую трактовку познания, они неизбежно сталкиваются с парадоксом: провозглашая правомерность различных точек зрения, они настаивают все-таки на своей. Зачем? Если я верю в возможность абсолютной истины, то релятивист будет спорить со мной, убеждая меня в том, что я не прав. Получается, что его точка зрения верная, а моя ошибочная, иначе какой смысл вести спор релятивисту со мной. Но такой вывод находится в противоречии с исходным тезисом релятивизма. Значит, релятивизм делает бессмысленным свою собственную позицию. Если все точки зрения равноправны, то это значит, что этот тезис столь же правомерен, как и тезис о том, что есть абсолютно верные точки зрения, и есть абсолютно ложные. Но в таком случае исходное утверждение релятивизма теряет всякую информативность.

В актах человеческой коммуникации, в сфере общения людей между собой главная проблема подчас заключается не в том, чтобы через диалог найти истину или разумное решение запутанной ситуации, а в том, чтобы сам диалог состоялся. Оказывается, люди в большинстве своем по уровню культуры, по типу мышления, ментальности не готовы к диалогу. Все помнят, как

в недавнем прошлом талибы в Афганистане на глазах у всего цивилизованного мира уничтожали величайшие памятники древней культуры, мотивируя свои варварские злодеяния религиозными мотивами (а закономерный итог — трагические события 11 сентября 2001 г.). Трагедия состоит именно в том, что их мышление носит закрытый характер, в нем нет места идее межлического и межкультурного диалога, и дело вовсе не в том, что талибы не будут обсуждать с вами интересующую вас проблему, — они в принципе не готовы к коммуникации. Просто у них нет потребности в полноценном общении, нет понимания смысла совместного поиска истины. Отсюда вытекает: первое, что цивилизованный человек должен развить в себе в смысле мыслительной культуры — это способность к диалогу. Однако эта способность не возникает сама по себе. Ей приходится учиться — учиться стихийно, интуитивно схватывая основные элементы этого мыслительного искусства, или учиться сознательно, осваивая соответствующую методологию. Применительно к искусству диалога речь идет о следующих (уже упоминавшихся ранее) аксиомах:

- каждый субъект имеет право на свою точку зрения;
- разные точки зрения на одно и то же явление могут быть достаточно обоснованными и выглядеть одинаково убедительными;
- каждый субъект способен добывать истину в процессе постижения окружающей его природной и социальной действительности;
- точка зрения каждого субъекта (а значит, и каждого из нас) принципиально ограничена, в лучшем случае она может заключать лишь часть истины, полная истина всегда многомерна;
- правильная стратегия мышления заключается в том, чтобы стремиться понять, наряду со своей, и другую точку зрения, другую возможную истину.

Типичная ошибка в споре состоит в том, что каждый из спорящих считает, что он прав, а другой ошибается. Такая позиция задает соответствующую стратегию спора: во что бы то ни стало навязать другому свое понимание проблемы. Аргументация противника отбрасывается с порога, зато случайные промахи и

оговорки или неудачные, неточные примеры делаются мишенью для острых нападок, независимо от того, входят ли эти оговорки или примеры в существо самой позиции противника.

В искусстве диалога речь должна идти не о том, чтобы формально принять к сведению некий набор аксиом, а о том, чтобы понять цельную методологию поиска истины, научиться применять ее в мыслительных практиках. Эта методология выросла не на пустом месте. Как уже отмечалось, она явилась обобщением практики научного мышления, сформировавшегося в результате эпохальных открытий в естествознании в первой трети XX в. Если принять в расчет идею относительной замкнутости социокультурных целостностей, конституирующих познавательную позицию того или иного участника коммуникации, то становится более понятным феномен культурно-исторической цензуры — наблюдатель «изнутри» неизбежно «утаивает» часть своей информации, причем двояким образом: во-первых, в силу неотрефлексированности до конца всех предпосылок, которыми он неявно пользуется в процессе общения и которые накладывают свой отпечаток на его видение реальности; во-вторых, в силу внутренних целевых установок или обстоятельств, которые также часто имеют неявный характер. Это означает, что любой субъект в своих оценках и принципиальных решениях всегда является не настолько прозрачным, как это ему представляется. Это создает дополнительные трудности для чисто рационального диалога. Эти трудности могут быть преодолены только при одном условии: использовании участниками диалога не только аргументов, но и когнитивно-волевых ресурсов для принятия согласованных решений в условиях всегда неполной определенности. Ясно, что это возможно только при общей заинтересованности и доброй воле.

Подводя итог всему сказанному, можно сделать следующие выводы:

- при всем различии естественно-научного и социально-гуманитарного способов постижения реальности оба они нацелены на получение объективной истины;
- опыт развития естествознания XX в. показал, что существует глубокое сходство между естественными

- ми и гуманитарными науками в самих актах и технологиях добывания истины;
- всякая научная истина предпосылочна и связана лишь с каким-то одним измерением многомерного объекта познания;
 - освоение объекта в том или ином интервале предполагает свою особую систему понятий и свою познавательную стратегию;
 - отдельные «образы объекта» не исключают, а дополняют друг друга, если мы научились фиксировать границы их адекватной применимости, а также концептуальные способы перехода от одной интеллектуальной перспективы к другой;
 - диалог и научный консенсус — необходимые условия достижения истины как в естествознании, так и в социально-гуманитарных исследованиях.

Истина — дочь не только мышления, но и когнитивной воли (способности принимать решения в условиях всегда неполной определенности, в силу принципиальной неустранимости из научного познания элементов неявного знания (или «скрытой» информации)). Позитивной основой когнитивной воли является общий интерес и наличие у актантов познания когнитивного мужества.

7. Либеральная модель редуccionистской методологии в социальных науках

Известно, что широкое культурное измерение человеческого бытия попытался в свое время редуccionировать до материальных интересов людей марксизм. Считается, что сегодня эта концепция подвергнута разрушительной критике не только в теоретическом, но и в практическом плане. Однако своеобразной «наследницей» редуccionистской методологии марксизма в социальных науках стала либеральная идеология апологетики современного капитализма. Более того, экономический редуccionизм либерального подхода оказался значительно радикальнее исторического материализма Маркса. Этот большой радикализм связан с

различием как в содержании, так и в «местоположении» политического мифа в этих двух идеологических конструкциях. В марксизме миф об особой роли пролетариата в прогрессивном развитии общества был вынесен в историческую перспективу. Этот миф обосновывал пролетарскую революцию и последующий захват власти «партией пролетариата». В либерализме, который не нуждается в утопиях на перспективу, историософский и политологический миф встроен в само ядро конструкции, но, правда, в качестве «неявного знания», о котором не принято распространяться. Этот миф включает в себя, в сущности, несколько мифологем, например, концепцию «естественности» данной системы, мифологему «демократии», «прав человека» и т. п. В форме «явного знания» провозглашается свободная игра частнособственнических инстинктов атомизированного общества в мире рыночных отношений. В форме же «неявного знания» подразумевается, что государственная система при этом выступает как гигантский Левиафан, способный жестко и мощно защищать коренные интересы элиты не только внутри страны, но и с точки зрения глобальных геополитических притязаний. Марксизм разделял интересы людей в социуме на частные и коренные, на ситуационные и инвариантные. Либерализм не желает вдаваться в такую «метафизику»: существуют лишь интересы рынка и ничего больше. Государство служит лишь одной главной цели: поддерживать корректность, подлинную свободу рыночной игры, равенство условий для всех играющих.

Как видим, марксистский редуccionизм был с философской точки зрения более тонким, ибо в явной форме включал в себя метафизическую идею об инвариантах. Либерализм же в своих формулировках более прямолинеен: он все сводит к миру «рыночного», «экономического» индивида. С этой точки зрения мир культуры, мир духовного бытия людей предстает в еще более уплощенной форме, чем в марксизме. В этом контексте представляет интерес тот анализ, который был дан известным отечественным политологом А.С. Панариным¹⁴ относительно рассматриваемой проблемы.

¹⁴ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность XXI в. М., 2002. № 8. С. 172 – 186.

Критикуя методологию экономического редукционизма, он отмечает, что экономикоцентристский либерализм знает только два состояния человечества: «доэкономического» принуждения и экономической свободы, при которой люди вступают в отношения с себе подобными под влиянием материальной выгоды и личного экономического интереса. Между тем культурные антропологи, изучавшие механизмы образования социума в эпоху «примитивных обществ», еще не знавших рыночных отношений, ввели понятие *коллективного символического капитала*. Они показали, что собственно человеческая связь выводит нас за пределы дилеммы: либо принудительное объединение людей силой, либо объединение их на основе экономического интереса. На самом деле собственно человеческий социум возникает на основе общей духовной собственности — тех ценностей, которые они готовы сообща защищать. К копилке общих духовных ценностей добавляется и копилка общей исторической памяти. В этом контексте и вводится такое понятие, как *габитус*. А. Панарин определял габитус как способ согласования практик человека с заветами коллективной памяти, ставшими культурной нормой, с одной стороны, и коллективными целями и проектами — с другой¹⁵.

Другой известный социолог П. Бурдьё пишет: «В этом качестве инкорпорированной истории, ставшей натурой и тем самым забытой как таковая, габитус есть деятельное присутствие всего прошлого, продуктом которого он является; следовательно, он есть то, что придает практикам их *относительную независимость* по отношению к внешним детерминациям непосредственного настоящего. Эта автономия прошлого, действовавшего и деятельного, которое функционирует как аккумулярованный капитал, производит историю с незапамятных времен и обеспечивает, таким образом, непрерывность в изменении, которая делает индивидуального агента миром в мире»¹⁶. Следует отметить, что понятие символического капитала призвано отобразить не духовные ценности народа вообще, а лишь

¹⁵ Там же. С. 174.

¹⁶ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность XXI в. М., 2002. № 8. С. 174

некоторую особую часть их, а именно ту, которая образует социально мобилизованную духовность, выступающую в качестве инструмента людского социального сплочения и солидарности. Этот капитал есть исторически реальный ресурс общества и индивида, который при необходимости можно пустить в дело и получить ощутимый выигрыш — во времени, в материальных ценностях, в достижении тех или иных социальных целей. Так, в грозный для нашей Родины час, когда гитлеровская Германия напали на нашу страну, Сталин в своем обращении к народу говорил не только о коммунистических идеалах, он делал акцент на исторической памяти народа, на его духовных и патриотических традициях, т. е. на том, что социологи иногда неточно называют «мобилизационными мифами».

Совершенно очевидно, что вопрос о сущности мобилизационной духовности представляет несомненный философский интерес. Посмотрим, как трактуют эту проблему марксизм и либерализм. Выше уже отмечалось, что в рамках исторического материализма в полной мере признается роль великих гуманистических идей и идеалов в борьбе передовых классов за историческое обновление общества. Идеалы бывают «прогрессивными», если они созвучны объективным тенденциям общественного развития, и «реакционными», если они отражают умонастроения отживающих свой век, уходящих с исторической арены классов. Передовые идеи — вовсе не прикрытие сугубо материальных интересов, они вдохновляют людей на великие исторические деяния во имя светлого будущего всего человечества. Все это нисколько не исключает того, что за любыми политическими и культурными идеями в конечном счете стоят объективные тенденции общественного развития и коренные интересы тех или иных классов и социальных групп. При этом у реакционных классов эта зависимость идей от интересов более непосредственная и вульгарная. Такова суть материалистического понимания истории вообще и духовного производства, в частности, в истолковании феномена духовности.

Позднее свою версию редукции идеальных мотивов к их «материальным истокам» выдвинул З. Фрейд. Редукционистская методология психоаналитического учения в качестве ключевых детерминант сознания людей принимает, как известно, так называемую сферу «либидо», сферу половых влечений.

«Фрейд также принуждает всех нас быть настороженными аналитиками, оценивающими с презумпции недоверия все высокие и чистые помыслы человека, усматривая в них спрятанный сексуальный интерес и давление инстинкта. Современная идеология либерализма, задумавшая превратить каждого из нас в человека рыночного типа, репрессивует уже не низменный мотив, как это делала, по Фрейду, традиционная культура, а именно «высокие», т. е. собственно человеческие, постинстинктивные мотивы. Либеральная идеология не просто «раскрывает» стяжательский подтекст всех наших мотивов, но и осознанно преследует все то, что мешает его бесстыдно откровенному проявлению»¹⁷. Парадокс, однако, состоит в том, что то общество, из которого вытравили объединяющие его культурные, духовные скрепы, неизбежно начинает распадаться. И получается так, что наши «культурные мифы», наши «иллюзорные в своем существе» духовные чувства и идейные помыслы в каком-то смысле оказываются не только полезными, но и необходимыми для существования общества. Но тут следует еще один парадокс либерального редукционистского мышления: как только мы осуществим демифологизацию и десакрализацию сознания отдельного индивида или всего народа, как только мы «вскроем» за высокими чувствами, помыслами и побуждениями лежащую в их основе прагматическую целесообразность и материальный расчет, — как тут же мы лишим человека его духовного капитала. Он сам откажется от него как от иллюзии и превратится в «трезвомыслящего» индивидуума, изгоняющего из глубин своего бессознательного «ложные комплексы». В эти комплексы попадает и его патриотизм, и альтруизм, и чувство сострадания к ближним, и преданность идеалам добра, красоты и истины, культурным традициям своего народа. Дух

¹⁷ Там же.

такого индивидуума (или такого народа) станет девственным, незамутненным никакими «культурными категориями», превратившись в типично потребительское сознание одномерного «экономического» человека. Однако, как показывает реальная жизнь, вытравить из души человека все святое не так-то просто. Говорят, что многие американцы даже в бытовой обстановке встают, когда слышат гимн своей страны, а ведь США — наиболее характерный пример либерально-рыночного государства.

Отсюда вывод: если общество не желает пережить самораспад, оно должно быть поосторожнее с «бритвой Оккама» либералистского образца, срезающей за ненадобностью все «духовные сущности», т. к. они ведут к удвоению мира человека на материальный и идеальный. Духовность, с треском выгнанную в дверь, приходится тайком впускать в форточку. Более того, чтобы ее не вспугнуть, приходится делать вид, что ничего не произошло и что ни о какой редукции не может быть и речи.

Габитус, культура по своей природе избыточны, но по какой-то непонятной для либералов прихоти истории без них не обойтись. Пока мы не замечаем их в себе, пока мы позволяем им жить в нашем сознании естественной жизнью, они исправно делают свое историческое дело. Как только мы пытаемся вытащить их на свет расчетливого рассудка и искать за ними чисто практическую целесообразность, они рассеиваются, как призраки. Это подобно тому, как исчезает чувство любви, когда мы начинаем подвергать его саморефлексии и пытаться объяснить его павловскими рефлексам.

Почему ненужная, избыточная, иллюзорная с точки зрения реальных рыночных отношений «идеальная надстройка», затрудняющая естественное функционирование экономического механизма, оказывается тем не менее почему-то нужной людям? Либеральная мысль выдвигает в связи с этим несколько версий. Первая версия, отвечающая установкам «радикал-либерализма», состоит в том, что прикрытие «правды» о действительных человеческих интересах является временным и исторически преодолемым, будучи пережитком сознания, еще не порвавшим связи с «традицио-

налистским мифом». Вторая версия состоит в констатации разделения сознания господина, знающего подлинную правду для «внутреннего употребления», и сознания раба, которое обречено быть обманутым «более проницательными» и даже нуждается в обмане. Здесь все богатство символического оказывается *рабским богатством*, т. е. свидетельством неприспособленности к действительности. Третья версия, отражающая мироощущение буржуа как «инородца», извне внедрившегося в «туземный» социум с целью его экономического потрошения, сводится к истолкованию символического как уловки, посредством которой удастаиваются легитимизации практики, сами по себе нелегитимные.

Итак, с точки зрения либерализма категории духовности служат некой компенсацией для тех, кто не созрел до современного мышления, или для тех, кто обречен на «рабское сознание». Другими словами, либерализм в полной мере осознает «силу духа» как особого символического капитала эту силу эксплуатировать, ставить ее на службу своим интересам. В тех же случаях, когда духовность как важнейший элемент *традиции* оказывается силой в руках противной стороны, либерализм знает рецепт, как с этой силой бороться: необходимо сделать ее «узнанной», т. е. попытаться осуществить демифологизацию коллективной памяти того или иного народа, высмеять его традиции, шаржировать их, вскрыть исторические неточности, указать на возможность иных интерпретаций и т. п. Либералы прекрасно понимают, что если они посеют у народа сомнения в своих исторических ценностях, национальных героях, они разрушат коллективные скрепы, те моральные основы, которые обеспечивают солидарность и сплоченность. К сожалению, именно такой процесс размывания и осмеяния всех национальных ценностей мы наблюдаем последнее десятилетие в деятельности различных СМИ в России. Вслед за приватизацией и последующим вывозом за рубеж ее экономического капитала принялись разрушать ее духовный (символический) капитал. И для той, и для другой операции на Западе давно разработаны весьма эффективные технологии. В рамках этих технологий сознание масс является объектом изоциренного мани-

пулирования с использованием различных средств «промыывания мозгов», подмены ценностей, зомбирования, насаждения потребительской психологии, героизации зла и т. п.

Что можно сказать о методологии редукционизма в социальном познании, включая такие его варианты, как марксизм, фрейдизм и либерализм? Здесь следует иметь в виду три обстоятельства: во-первых, сам по себе «метод редукции» как вскрытие детерминированности сферы идеального, как обнаружение *относительности* надстройки, ценностного сознания к определенным интервалам бытия людей вполне правомерен; во-вторых, ограниченность редукции связана с тем, что любая редукция справедлива лишь в своих границах и совершенно недопустима при переходе к другим срезам, уровням реальности; в-третьих, относительность к данному контексту не исключает момент абсолютного — наличие инвариантных характеристик, в отношении к которым не может быть никакой редукции.

Разумеется, указанные выше философские концепции сами не осознавали своей ограниченности и поэтому не могли адекватно оценить ни свои позитивные возможности, ни свои недостатки. Так, марксизм рассматривал государство и такие институты, как церковь, наука в качестве «орудий», инструментов в руках господствующих классов для достижения своих целей. В самом деле, человеческая история свидетельствует, что «верхи» всегда стремились приспособить все структуры социума к своим собственным задачам и поставить их себе на службу. Это касалось и государственной машины, и церкви, и искусства, и науки. Один из способов такого приспособления — коммерциализация науки и различных сфер культуры. Марксисты часто указывали на то, как умело «верхние классы» заставляли служить себе религию, право, идеологию, философию, искусство... Этот факт, однако, создавал иллюзию, будто все эти феномены только для того и существуют, чтобы быть в услужении верхам. В свое время древнегреческие мыслители были убеждены в том, что раб — это «говорящее орудие». Они как будто не замечали, что раб — не только «средство», но и некая самоценная, самодостаточная личность, такое же от

природы существо, как и свободный человек. Родовая сущность раба вовсе не в том, чтобы только служить господину, хотя это и важное его функциональное свойство. Подобным образом, сущность государства, религии, искусства — не в том, чтобы служить господствующим классам, хотя они и могут быть приспособлены в определенных исторических обстоятельствах к этой функции. Однако это приспособление никогда не было полным и универсальным, но лишь частичным. Тем самым мы должны признать, что все указанные сферы по своей природе являются самодостаточными, автономными интервалами, некими фундаментальными измерениями человеческого бытия, не редуцируемыми до конца ни к экономическим, ни к каким-либо другим «низким» интересам. Мир духовных ценностей имеет свою собственную сферу, логику существования и свой собственный онтологический смысл. И мы ничего толком не поймем в истории, если будем сводить духовное к материальному, в какой бы утонченной форме это ни осуществлялось.

Здесь мы подходим к одному важному пункту нашего анализа — к диалектике интервального видения реальности «извне» и «изнутри». Когда Маркс рассматривал государственную машину и такие социальные институты, как церковь, наука, образование, лишь с точки зрения их зависимости от базиса, лишь как орудие господствующих классов для достижения своих коренных интересов, то такой методологический редукционизм отнюдь не был просто философским заблуждением. Суть в том, что «изнутри» социально-экономической сферы бытия людей дело обстоит именно так, как его описывает Маркс. Чтобы получить возможность иметь другую перспективу видения исторической реальности, исследователю необходимо занять другую, а именно «внешнюю» познавательную позицию по отношению к материальной сфере бытия людей. От имманентно-материалистического взгляда на общество надо перейти к другой перспективе. Например, посмотреть на сферу материального производства, распределения и потребления с точки зрения жизни культуры, сферы духовного производства. И тут вполне может случиться, что не культура, не сфера духовных ценностей служат материальным интересам, а напротив, люди создают

материальные богатства для того, чтобы в конечном счете получить возможность удовлетворять свои высшие эстетические, моральные и экзистенциальные потребности. Именно эти последние служат конечной и высшей целью всех усилий человеческого рода. И только исходя из них, мы можем по-настоящему понять глубинные мотивы человеческого поведения и самую направленность истории. Из сказанного вытекает важный методологический вывод: наше видение социальной и исторической реальности, равно как и адекватность такого видения, не существует само по себе. О нем есть смысл конкретно говорить лишь при условии, что мы фиксируем объективный интервал рассмотрения, задающий интеллектуальную перспективу видения и постижения реальности. Таким образом, любое социологическое или гуманитарное высказывание, любая оценка всегда относительны, интервальны и предполагают точную фиксацию рамок рассмотрения социального или экзистенциального бытия.

В контексте сказанного мы должны осмыслить и концепцию либерализма. Отмеченные выше три версии либерализма относительно природы «символического капитала», природы габитуса и т. п. можно рассматривать как грубый экономико-центристский редукционизм. Однако такая оценка отражает лишь один аспект проблемы. Более тонкий и потому более адекватный подход заключался бы в том, чтобы прежде всего ответить себе на вопрос: о каком интервале рассмотрения идет речь в данном случае? Если мы находимся в мире коммерческих интересов «экономического человека», в мире рыночных отношений, где осмыслен только один вопрос «сколько?», то либерализм прав, объявляя габитус то пережитком мифологического сознания, то «сознанием раба», нуждающегося в духовном наркотике (вспомним Маркса: религия — *опиум для народа*), то уловкой буржуа, прикрывающего свою жесткую экономическую практику удобными для «туземцев» сакральными словесами. Однако правота либерализма относительна: ведь мы можем посмотреть на вещи и с другой стороны, вернее, с точки зрения другой, столь же законной перспективы, а именно с точки зрения имманентных начал и внутренней логики существования духовной сферы культуры. И тогда

вся картина предстанет совсем в другом свете. И откроются другие истины. Именно изнутри сферы функционирования символического капитала мы наконец-то по-настоящему поймем причину того парадокса, о котором говорилось выше: почему, казалось бы, «иллюзорная» духовная надстройка в жизни так нужна людям. Ответ здесь прост: потому что в ценностно-экзистенциальном измерении не бытие определяет сознание, а сознание определяет бытие. Вопрос только в том, в какой интервал бытия вы себя практически помещаете и каким интервалом ограничиваете свою жизнь.

Здесь хотелось бы сделать одну принципиальную оговорку. В свое время Марксу казалось, что сфера материального производства — это нечто «объективное», это целый мир реального, фактического бытия людей со своими законами и структурами; а вот сфера человеческих чувств, верований, мировоззренческих установок — это нечто «вторичное», производное, менее существенное. К. Маркс был во многом прав, когда говорил, что человек, конечно, может внушить себе, что он независим от материальных интересов, отношений, что он служит только Трансцендентному и т. п. Но от этого в реальной практике человека мало что меняется. Так что все это — сознательная или бессознательная поза, некая психологическая «игра», часто весьма далекая от жизни, от ее реальных проблем и забот. Мало ли что мы можем о себе думать и каким себя воображать. По большому счету, к жестким реалиям жизни это не имеет никакого отношения. Так что все эти разговоры, что одни живут материальной жизнью, а другие — духовной, все это либо трюизм, либо своеобразный маскарад. Для Маркса также была абсолютно очевидна важность духовной сферы как «символического капитала» («идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами»), но это не исключало сводимость — в конечном счете — духовного к материальному. Слабость этой позиции заключается в том, что в самой реальной жизни отдельные люди могут руководствоваться разными стратегиями в зависимости от того, какие ценности они примут за ключевые. Они могут по тем или иным причинам считать главной ценностью материальное богатство и подчинить всю свою жизнь соответствующей стратегии

материального обогащения. Но они могут видеть смысл жизни в ценностях более высокого порядка и, исходя из этого, выстраивать свою линию жизни в совершенно другой плоскости и в соответствии с другой логикой. В этом случае возникнет особое ценностное пространство жизни со своими смыслами и приоритетами, со своими технологиями и традициями, со своим видением реальности. И это будет вовсе не «игра», не виртуальная реальность, а столь же естественное и законное измерение человеческого бытия, в котором материальная сторона жизни не отбрасывается, но ей определяется свое, подчиненное место. Мы знаем целые культуры, если не сказать, цивилизации, где сакральный аспект бытия занимал доминирующее положение. Такова, например, древнеегипетская цивилизация, где не голый материальный интерес, а сакральное начало как мощный стабилизирующий фактор в глобальном, неустойчивом хаосе жизни занимало ключевое положение в иерархии ценностей социального организма. Это и европейская средневековая религиозная цивилизация. Важное место духовная жизнь, безусловно, всегда занимала в ценностных основаниях российской цивилизации с ее культом нестяжательства, социальной справедливости, доброты, широты натуры, презрением к любым формам скаредности и др. Никто не спорит с тем, что нам нужна «нормальная», естественная, рыночная экономика. Вопрос в том, должна ли она подавить своей тяжестью наш исторический габитус? Вряд ли когда-нибудь из россиян удастся сделать американских буржуа или аккуратных немецких бюргеров. Ясно, однако, и другое: наш путь к процветанию должен лежать не через рыночный криминал и не через криминальную приватизацию, а через возрождение исторических корней, духовную культуру. Нельзя не считаться с вековыми культурными традициями и духовными константами народа.

Подведем некоторые итоги.

Первый. Тезис о том, что одна и та же социально-историческая реальность раскрывается по-разному в разных интервалах абстракции и что мы ничего не можем сказать конкретно об этой реальности, не привязываясь к тому или иному интервалу, к тому или иному контексту рассмотрения, вовсе не означает, что

стоит нам очутиться в какой-то сфере бытия, в каком-то из «возможных миров», как истина предстанет перед нами как бы автоматически. И если мы смотрим, например, на государство, на институты религии или искусства изнутри экономического измерения человеческой жизнедеятельности, то это не ведет автоматически к тому, что у нас формируется адекватный данному интервалу взгляд на указанные элементы надстройки, на их «сущность», социальные функции и конкретно-историческую обусловленность. Маркс говорил, что стихийно адекватное классовое сознание возникнуть не может. Нужна теоретическая рефлексия идеологов данного класса, а для этого эти идеологи должны эмпирически данный интервал бытия мысленно преобразовать в соответствующую *познавательную позицию*, вооружившись необходимыми понятиями и методами исследования, четко определив свою «систему отсчета», свои исходные предпосылки, абстрагируясь от искажающих картину явления побочных обстоятельств. А исследование предмета в чистом виде — особая системная познавательная операция.

Второй. Следует также обратить внимание не только на сходство, но и на существенное различие между естественнонаучным и социально-гуманитарным познанием. Субъект в естествознании — в особенности в классическую эпоху — предстает как нечто относительно простое, постулируемое в своей целостности, объективированное, непосредственно постигающее предметную истину. В гуманитарном же познании субъект сам становится объектом наблюдения, ибо кроме интервальной ситуации здесь возникает еще и особого типа метаинтервальная: необходимость выяснения степени корреляции между видением себя в определенных условиях (и своими субъективными стремлениями и мотивами) и объективным положением самого наблюдателя (по аналогии этот вторичный познавательный процесс можно было бы назвать «самофокусировкой»). Естественно, что возникает вопрос о принципиальной возможности аутентичной, соответствующей объективному положению дел самофокусировки исследователя, включенного в социальный или культурный контекст.

Третий. Поскольку в контекстах социальности и особенно гуманитарности одним из главных интервалов

образующих факторов выступают ценности, то возникает вопрос, как такие интервалы конституируют некую объективность, по отношению к которой мы вправе говорить об адекватном или неадекватном видении реальности наблюдателем? Иначе говоря, в каком смысле мы можем говорить об истине применительно к познавательным ситуациям такого рода? Вообще, как возможна некая объективированность в том, что касается хрупких человеческих отношений? С нашей точки зрения, ответ здесь заключается в следующем. Истина в данном случае характеризует такое знание, которое обеспечивает людям эффективное, максимально адаптивное решение тех или иных задач в социальной сфере, достижение адаптивного результата. Критерием истины здесь оказывается полезность и практичность знания в рамках конкретной объективной ситуации.

Четвертый. Хотя интервальный подход гносеологически оправдывает плюрализм истин в науке (как в естественно-научном знании, так и в социально-гуманитарном познании), он, тем не менее, предлагает средства для его ограничения, показывая, почему «безбрежный плюрализм» в науке в принципе не реализуем. К этим средствам относятся:

- 1) стремление ученых к максимально точному определению содержания предмета исследования;
- 2) стремление ученых к максимально полной экспликации «когнитивной системы отсчета», с позиций которой и в рамках которой формируется определенный интервал абстракции рассмотрения предмета;
- 3) стремление к познанию систем логических связей между различными интервалами абстракций (в частности, установление отношений субординации между ними, когда один интервал рассматривается в качестве частного случая другого, более общего интервала);
- 4) принятие требования когнитивной ответственности за утверждение истины;
- 5) стремление к выработке научного консенсуса как необходимого условия придания статуса «истины» некоторому множеству научных утверждений и концепций (фактов, законов, принципов, теорий и др.).

Пятый. Интервальность истин вполне совместима и даже внутренне взаимосвязана с их консенсуальностью. И это относится не только к естественно-научному познанию, но и к социально-гуманитарному. Формирование и конструирование конкретного содержания интервала абстракции есть в конечном счете дело консенсуса профессионального научного сообщества. Но столь же консенсуальным является и принятие решения об истинности того или иного знания в рамках данного интервала.

Шестой. Судить об истинности весьма общих теорий можно только по оценке характера истинности их следствий (относящихся к менее общим интервалам), которые уже могут быть непосредственно соотнесены с набором чувственных данных об объекте познания, а также по последствиям практического характера, связанным с использованием данных теорий в человеческой деятельности. Полезность общих теорий является одним из необходимых условий их истинности. Важнейшим измерением этой полезности является их вклад в общий адаптивный потенциал человечества (в целом). Таким образом, понятия «истина», «интервал», «научный консенсус», «полезность» необходимым образом дополняют друг друга, образуя сложный и целостный категориальный кластер при конструировании и утверждении истин в естествознании и социально-гуманитарных науках.

Седьмой. Существование значительно большего плюрализма истин в социально-гуманитарных науках по сравнению с естествознанием — явление вполне закономерное и нормальное с позиций интервального подхода. Эта специфика вызвана тремя главными факторами:

- 1) ценностным характером самой социальной реальности как результата предшествующей конструктивной деятельности людей;
- 2) большим весом ценностной составляющей в когнитивной системе отсчета в социальном и гуманитарном познании, всегда оценивающем объекты познания с позиций определенных социальных интересов и идеалов;
- 3) разнообразием индивидуальной ценностной «нагруженности» самих субъектов социальных и гуманитарных исследований.

Все указанные выше факторы делают достижение научного консенсуса в области социальных и гуманитарных наук делом на порядок более сложным по сравнению с естествознанием и математическими науками.

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

1. Исторические искания, версии

Единой методологии как нормативной системы предписаний, руководств к разработческой деятельности, регулированию операций по достижению, организации, обоснованию, утилизации знания обществознание не знает. Причины этого очевидны и связаны не столько с концом времени абсолютных и исключительных авторитетов, сколько с самой логикой развертывания теории, опирающейся, по обстоятельствам, на разные метатеоретические допущения, предпосылки. Какие гипотезы существования, онтологические постулаты, модели социальной реальности принять, зависит от масштаба личности исследователя, его профессиональной квалификации, чувства жизни, поисковой стратегии, интуиции, догадки. Вместе взятое, сознательно или инстинктивно, это и актуализирует в интеллекте различные методологические порядки.

Социально-философская проблематика сводится, в принципе, к тематизации вопросов: «что такое, собственно, есть общество, какое значение оно имеет в жизни человека, в чем его истинное существо и к чему оно нас обязывает»¹. Для снятия вопросов, воссоздания природы общественного процесса требуется наличие:

¹ Франк С.Л. Духовные основы общества. Париж, 1930. С. 12

- 1) добротных верифицируемых (опытно обосновываемых — подтверждаемых, опровергаемых) данных (потенциал фактов);
- 2) отработанных приемов, процедур моделирования, рационального реконструирования, концептуализации познаваемых явлений (потенциал идей);
- 3) явных способов оптимизации, корректировки, компенсации, ревизии, выявления, преодоления дефектов обозначенных выше массивов (потенциал рефлексии).

Обработка и выработка данных потенциалов, соответствующая глубине, широте, основательности постановок человеком вопросов к себе и к жизни, варьировалась в истории, проходя неравноценные стадии. История, как зеркало взыскующей души, содержит многообразие постоянных и непредсказуемых исканий. Не стремясь к систематичности, полноте, охарактеризуем основные русла, в которых текла и течет работоспособная мысль теоретизирующих обществоведов.

АНТИЧНОСТЬ. Обществоведческие (социально-политические) взгляды в древности вызревали в ходе длительного развития доклассовых и раннеклассовых социумов (обществ, государств). Гносеологическим фоном подобного вызревания выступала рационализация, освобождающая архаичные социально-политические образы и сюжеты от мифообразующих сверхъестественных значений.

В первоначальном мифологическом единстве натурального и супранатурального, объективного и субъективного обособливается причинно-следственная основа, ориентирующая на выявление естественно-исторических порядков земных дел и людских судеб. Создаются предпосылки дискурсивного доказательно-логического уровня знания, необходимого для адекватного понимания реальных общественных отношений, принципов организации человеческой жизни.

Наполненная чувством исторического присутствия, мысль делает сутью своих забот не кажимость, а живую действительность, являющуюся единственным подножием мира и общества. В различных областях цивилизации — Индия (брахманизм, локаята, джайнизм), Китай (даосизм, легизм, конфуцианство, моизм),

Греция (пифагореизм, Фалей, Эвгемер, Ямбул, Гераклит, Феогнид, Демокрит, софисты, Сократ, Платон, Аристотель, стоики), Рим (Цицерон, Марк Аврелий, Эпиктет, Сенека) — возникают перспективные (с позиций магистралей умственного прогресса) опыты логико-понятийного анализа, дополняющиеся первыми систематическими социально-историческими описаниями (Геродот, Фукидид, Полибий, Ливий, Тацит).

Отрабатываются, таким образом, интерпретативная, концепционная, историографическая база, обуславливающая капитальнейший фазовый переход от предания к зачаточной-научной стадии интеллекта со своими автономными хронологическими, проблемно-категориальными приемами, способами структуризации фактического материала, упорядочения содержания сознания.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. Хотя культура Средневековья не знала науки в современном понимании, обществознание функционировало там как прикладное богословие, в его недрах достаточно глубоко и успешно обсуждались, прорабатывались столь принципиальные для судеб знания темы, как природа государства, существо права, законосообразность социальной жизни и др. К наиболее видным представителям средневековой мысли, развивавшим в своем творчестве проблематику политической, правовой, нравственной философии относятся богословы, государствоведы, юристы, моралисты, правоведаы: в Западной Европе — Ф. Аквинский, М. Падуанский, Г. Брэктон, Ф. де Бомануар, Грациан; на арабском Востоке — Аль-Фараби, Ибн Сина, Ибн Рушд, Аль-Маварди, Ибн-Хальдун; на Руси — Иларион, Владимир Мономах, Даниил Заточник.

НОВОЕ ВРЕМЯ. В это время упрочается капитальнейшая для перспектив оформления обществознания идеология гуманизма, зиждущаяся на принципах:

- самоценности: личность — высшая социальная ценность;
- самодостаточности: судьба личности зависит от нее самой;
- самореализации: максимальное самопроявление на базе максимального социального участия;
- самовозвышения: активное самотворчество, т. е. принципах, призванных вписать личность в мас-

штабы и векторы общественной практики. Оптимизации последней под этим углом зрения — с позиций превращения каждого не в средство, а в цель социальной деятельности, — посвящены основательные рассуждения (о прочности государства, народном суверенитете, компетенции властей, прерогатив правителей, совершенствовании общественных форм, благоденствии граждан) многочисленных политических мыслителей, юристов, державных деятелей. (В Западной Европе это: Н. Макиавелли, Ф. Готман, Т. Без, Дж. Бьюкенен, Э. Ла Бозси, Ж. Боден, Б. Спиноза, К. Салмазий, Г. Гроций, Т. Гоббс, О. Сидней, Р. Фильмер, Дж. Гаррингтон, Д. Хилберн, Д. Уинстенли, Дж. Локк, Т. Мор, Т. Кампанелла. В России — Нил Сорский, Вассиан Патрикеев, Максим Грек, Феодосий Косой, Иосиф Волоцкий, Филофей, Федор Карпов, Зиновий Отенский, Иван Пересветов, Иван Тимофеев.)

ПРОСВЕЩЕНИЕ. Антиклерикальные, антидеспотические мотивы нововременной обществоведческой мысли получили мощное развитие в период Просвещения: наступления на обскурантизм, религиозный догматизм, фанатизм, феодальные пережитки во имя торжества разума, гражданской справедливости, раскрепощения личности, социальных, духовных свобод многократно усилились. Триумфальное шествие разума в обход предрассудков воплощалось в представительные проекты, модели совершенного общества, наделяемого атрибутами гармоничности, гуманистичности, самосбалансированности, стройности.

Умственная и моральная атмосфера, подготовленная антипровиденциалистской светской философией истории Бодена, Бэкона, Гоббса, питает крупномасштабные монументальные обществоведческие конструкции таких корифеев науки того времени, как М.Ф. Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, П. Гольбах, К. Гельвеций, Д. Дидро (Франция); Г. Лессинг, И. Гердер, Ф. Шиллер, И. Гете (Германия); Т. Джефферсон, Б. Франклин, Т. Пейн (США); Н.И. Новиков, А.Н. Радищев, Ф. Прокопович, В.Н. Татищев, И.Т. Посошков, М.М. Щербатов, С.Е. Десницкий (Россия); Дж. Вико, Ч. Беккария (Италия).

Именно в данный момент закладываются основы, очерчиваются контуры последующих собственно научных идеально-типических построений. Радикально порывая с распространенным еще в XVII в. взглядом о божественном предопределении исторического процесса (Боссюэ), идеологи Просвещения утверждают рационально понятый эквивалент христианства — возможность справедливости, добра через разумные усилия.

Следует отдать должное непреходящим, моментально востребованным просвещенческим идеям относительно:

- непредопределенности человеческого существования (Вольтер, Дидро, Даламбер, Тюрго, Лессинг, Франклин);
- циклов и ритмов (инвариантов) в историческом движении человечества (Вико);
- общих законов истории (Гердер, Монтескье);
- автономии субъекта (правовое государство) (Вольтер);
- общественного прогресса (французские материалисты, Смит, Робинс, Гиббон, Годвин);
- народного суверенитета (Руссо);
- верховенства законов (Монтескье, Руссо, Мабли);
- ротации власти (Морелли);
- социальной неоднородности общества (Адамс).

НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ. Историческая полоса новейшего времени в культуре, философии, науке представлена множеством мировоззренческих парадигм, направлений, задающих тот или иной вектор понимания и истолкования общественных явлений. Остановимся на некоторых из них.

Антропологизм. (Шелер, Плеснер, Гелен, Шельски, Фрайер.) Система установок на учет специфики человека как социально-исторического, культуросозидающего существа, поддерживающего собственную жизнеспособность переработкой вещества природы в социокультурное вещество. Последнее — вторичная, искусственная, рукотворная, социогенная природа — агрегирует технику, устой, общение, межличностные связи, учреждения. Пафос платформы — подчеркивание нормо-, законосообразности усилий институцио-

нально консолидированных людей, действующих в силу причастности к гуманитарной формации не хаотично, но нацеленно, надежно, предсказуемо.

Историзм. (Вико, Вольтер, Руссо, Гердер, Фихте, Гегель, Сен-Симон.) Принцип рассмотрения действительности в терминах «становления», «самоизменения». В философском плане противостоит эмпиризму, фатализму, релятивизму. Смысл позиции — в проведении генетического подхода к явлениям социосферы, — единственно объективного и доказательного.

Механицизм. (Конт, Кетле, Кэри, Парето, Винярский, Барсело.) Разновидность редукционизма, прямолинейно, безосновно сводящего и выводящего элементы социосферы из произвольно объявляемых «более фундаментальными» механических, энергетических, термодинамических — физических — явлений (законов). Несостоятельность механицизма как умонастроения определена идейной наивностью, вульгарностью выхолащивающих существо социального эксплуатируемых им аналогий, моделей. Сказанное, однако, не подрывает заметный вклад, внесенный адептами механицизма в упрочение количественной базы социологии (социальная статистика, социометрия).

Натурализм. (Спенсер, Шеффле, Лебон, Вормс, Гумплович, Мак-Дугалл, Самнер.) Проявляется двояко — в виде некритической: а) инкорпорации естественно-научных техник в изучение социальных реалий; б) редукции социального к природному. Работающим в парадигмах биологизма, механицизма, инстинктивизма сторонникам натурализма присуще игнорирование собственно гуманитарной подкладки (целеполагание, сознание, рациональность) человеческой деятельности. В плане принципиальной критики натурализма уместно представлять, что с некоторых пор мировая история перестает быть естественно-историческим и становится социально-историческим процессом. Утверждением этого акцентируется роль субъективного фактора (воля, интерес, идеал) как иницирующей, креативной силы.

Неомарксизм. (Лукач, Корш, Фромм, Маркузе, Хоркхаймер, Адорно, Лефевр, Гольдман, Миллс, Гоулднер, Бирнбаум, Боттомор.) Идейная программа на основе сочетания элементов марксизма, фрейдизма, феноме-

нологии, экзистенциализма предпринимающая мощную концептуализацию вопросов отчуждения, рациональности, акционизма. Непреходяще значимы разработанные в его недрах доктрины праксиса и критицизма. Первая обосновывает целостность слагающегося из частичных видов деятельности исторического опыта. Вторая развенчивает несостоятельность расчеловечивающих классических инструментальных общественных форм.

Органицизм. (Конт, Спенсер, Лилиенфельд, Шеффле, Вормс, Эспинас.) Вариант редукционизма, предполагающий перенесение на явления общественной жизни лобовых биологических традукций. В противоположность механицизму дискредитируются аддитивность, элементаризм, комплементарность; утрируются динамизм, адаптивность, целостность как сущностно-образующие признаки социальных систем.

Позитивизм. (Сен-Симон, Конт, Спенсер, Нейрат, Ландберг, Чэпин, Додд, Бейн, Лазарсфельд, Блейлок.) Умонастроение сциентистски ориентированной научно-технической интеллигенции, сложившееся как гигантская критическая реакция на спекулятивную, умозрительную интеллектуальную культуру традиционной метафизики. Отправляясь от тезиса единства науки — общность способов тематизации, приемов освоения предметных сфер естественных и гуманитарных наук, — настаивает на переносе стандартов исследований из наук о природе в науки об обществе. Сказанное обуславливает ставку на объективизм, верификационизм, деидеологизацию, математизацию, радикальное исключение из контекста рассуждений оценочных суждений, точную, строгую категоризацию.

Психоанализм. (Фрейд, Райх, Хорни, Фромм, Мид, Рисмен, Эриксон.) Версия антропсихологического редукционизма, гиперболизирующего роль бессознательного в самопроявлениях индивидуальных общественных существ. Непроясненность статуса бессознательного — обусловлено ли оно физиологическими или культурными факторами, — неадекватность гиперсексуализма как базовой интерпретативной схемы подрывают респектабельность позиции, имеющей ввиду своей узости, догматичности весьма скромные и небесспорные поисковые заслуги.

Психологизм. (Лацарус, Штейнталь, Лебон, Уорд, Гиддингс, Тард, Кули.) Возник в противовес биологизму, натурализму, органицизму, настаивает на внутренней сложности, самодостаточности духовного мира личности, его несводимости к природному. В качестве локомотива социального поведения человека полагает психику. Недоуточненность реальной основы социальной, плюрализм толкований, отсутствие когеренции в аргументах (акцентируются то потребности, то желания, родовое сознание, народный дух, подражание, самосознание и т. д.), эвристическая скудость платформы оказываются решающими: психологизм не получает у специалистов какого-то явного кредита доверия.

Структурализм. (Парсонс, Леви-Стросс, Фуко, Гольдман.) Противостоящая субъективизму, психологизму исследовательская программа, нацеливающая на выявление устойчивых связей, обеспечивающих целостность, организованность, упорядоченность, самождественность социальных явлений, инвариантных относительно фиксированных преобразований. Оперативную возможность изучения подобных связей задает идентификация структур — непреходящих отношений институциональной, ролевой, статусной, групповой, позиционной природы, изменяющихся под влиянием культуры, ценностей, но сохраняющих и поддерживающих свою изоморфность.

Сциентизм. (Конт, Кэри, Кетле, Дюркгейм, Парето, Ландберг.) Интенция на абсолютизацию и радикализацию науки, имеющая когнитивную (а) и социальную (б) редакции. (а) Гипертрофия потенциала точного и строгого (математика, естествознание) знания, объявляемого эталоном, стандартом, каноном всех и всяких научных предприятий. В качестве следствия — антиисторизм, натурализм, эмпиризм, формализм, квантитативизм, дискредитация собственно гуманитарных техник освоения материала. (б) Фетишизация бюрократизма, технократизма, эффективизма как рычагов социальной санации, толкуемой в духе антитрадиционалистской модернизации, упор на организационное манипулирование, оптимизацию менеджмента.

Феноменологизм. (Мерло-Понти, Шюц, Бергер, Лукман, Фиркандт, Уинч.) Антипозитивистская, анти-

натуралистская версия социологической метатеории, сосредоточивающаяся на восстановлении смыслоопределенности социального. Толкуя движущую пружину развития последнего — личность — через призму способностей генерировать значения, порождать смыслы, озабочивается реконструкцией социального как образования одухотворенного, возникающего вследствие символотворчества. Конструируемость мира в ходе созидания горизонтов опыта в процессе межиндивидуальной коммуникации и интеракции — семантически продуктивный, эвристически сильный мотив, снискавший себе популярность у многочисленных последователей школы.

Формализм. (Зиммель, Визе, Теннис, Беккер.) Течение, противостоящее онтологически — эволюционизму, гносеологически — дескриптивизму и уповающее в развертывании социологической теории на выделение «чистых» инвариантов общественных явлений (взаимодействия, нормы, отношения), подпадающих под строгие аксиоматические фиксации. Обратной стороной аналитико-формалистических достоинств платформы пребывает академизм, отвлеченное формотворчество, выхолащивающее поиск, каталогизирование реалий.

Функционализм. (Парсонс, Мертон, Шилз, Малиновский, Радклифф-Браун, Блау, Луман.) Нацеленный на дополнение каузализма подход, расширяющий «причинение» представлением роли, места, назначения элементов в системе. Интерес аналитика с этих позиций озабочивается разложением целого на составляющие с установлением зависимостей между частями и их с целым с прояснением оснований адаптированности, жизнеспособности целого. Издержками императивов этого безусловно перспективного направления в их фактической реализации выступают абстрактность, статизм рассмотрения, искусственность допущений равновесности, интегрированности, неконфликтности общества, невнимание к индивидуальному.

Холизм. (Смэтс, Майер-Абих, Леман.) Исходя из несводимости целого к частям, системы к элементам, концентрируется на изучении социальных целостностей, высшими и конкретными материализациями которых объявляются личности.

Эволюционизм. (Вико, Тюрго, Конт, Спенсер, Хобхаус, Салинс, Сервис.) Набор предписаний, выстраивающих исследования по принципу прослеживания вызревания социальных явлений (общества, институты, организации, действия) от предковых до относительно зрелых. Камень преткновения составляют сомнения в адекватности исходных пресуппозиций программы, допускающей унитарность морфогенеза для крайне дифференцированных многофакторных общественных воплощений.

В пределах этих, впрочем, предварительных рассуждений о стратегиях поисковой культуры в обществознании мы доходим, наконец, до фундаментального убеждения о невозможности методологического унитаризма: не существует инструментария, допускающего единообразное концептуальное освоение полиотсечной, поливариантной социальной реальности. При выходе на конечный уровень понимания статуса регулятивной сферы в ее духоподъемном, целеориентирующем назначении обнажается порочность любого фундаментализма, унификационизма, универсализма. Почва методологии — живая действительность и плодотворная идея, исключая стремление заставить молчать вечность, за достигнутой вершиной искать сумерки богов.

2. Особенности познания социосферы

В понимании явлений социосферы невозможно использовать метод, выработанный для изучения неодушевленной природы. Требуется иной тип исследовательской культуры, ориентированный на «рассмотрение людей в процессе их деятельности» (Тойнби). Как высказать «живое слово о живых»? — разработкой этого занята социальная рефлексия — критико-аналитическая, углубленно-мыслительная деятельность, противостоящая мелководным традициям исповедальности, пророчества, натурализма, нарративизма.

Исповедальность: конструирование отрешенных состояний социального существования с позиций исторической венаходимости (утопизм, ухронизм).

Пророчество: представление социальности в свете идеальной перспективы освобождения человечества от груза прошлого (авангардизм).

Натурализм: толкование социальности в терминах не положительно жизненной, но текстовой реальности (герменевтика). Текст (источник) и жизнь (существование) не равноценны. Жизнь выступает не экспонатным (памятниковым), а личностным (гуманитарным) явлением, реставрируемым арсеналом не объективного, но субъективного (антропологического) духа.

Нарративизм: социальность уместается в показания протоколов хроник. Социальный теоретик — не регистратор, он передатчик духа времени плюс фиксатор магистралей социальной эволюции. В мыслительных воссозданиях социальная реальность не укладывается в фактограммы (Т. Моммзен, И. Дройзен, Ф. Савиньи, Н. Фюстель де Куланж):

1. Порой нет источников, удовлетворяющих стандартным требованиям критичности, аналитичности. К примеру, основной текст по истории Древней Руси «Повесть временных лет» — апокрифичен.

2. Зачастую не имеется доступа к источникам. В силу отсутствия в отечественном законодательстве статьи о периодическом рассекречивании документов эмпирическая база деятельности российских обществоведов сужена, если не подрублена.

3. Подчас источники изъяты либо фальсифицированы — лакировка истории со стороны власть предержащих.

4. Требуется решения колоссальной сложности и остроты проблема интерпретации источников. Тот же пакт Молотова — Риббентропа. Как к нему относиться? С нашей точки зрения, пакт этот — решение политически вынужденное, свидетельствующее не об агрессивности СССР, а о его миролюбии. Способом поддержания мира в той обстановке оказывалось: а) сближение с Германией; б) создание системы коллективной европейской безопасности. С последним не получилось по причине обструкционистской позиции Англии и Франции. Исчерпав возможности действий во втором направлении, СССР обратился к первому. 23 августа 1939 г. между ним и Германией подписан пакт о ненападении. В дополнительном секретном протоколе обозначались сфе-

ры влияния: для Германии — Польша (исключая восточные области), для СССР — Восточная Польша (Западная Украина и Западная Белоруссия), Финляндия, Бессарабия, Северная Буковина. Ревизия прошлого — занятие неблагодарное: на всякого интерпретатора найдется посрамляющий его более радикальный переинтерпретатор. Удержаться на плаву здравого смысла позволяет реализм, верность правде истории. В соответствии с этим условием подходя к рассматриваемому фрагменту прошлого, мы считаем его не подлежащим переоценке. В ту конкретную эпоху действовать иначе, руководствуясь национальными интересами, возможным не представлялось. К выгоде для себя СССР оттягивал войну, изменял геополитический баланс в свою пользу, воссоединял родственные народы, возвращал бездарно сданные большевиками территории. Масштаб государства, как и человека, — масштаб его возможностей. В этом случае Россия (СССР) доказала свою сопричастность великому масштабу. Она выиграла. Изощренно интригующие на европейском театре действий Англия и Франция проиграли.

5. Есть нечто (трансфактичное, внеисточниковое), в источнике не фиксируемое, из него не выводимое. Так, можно в деталях описывать эпопею Александра Македонского, однако оставлять в тени, что собственно он сделал как исторический актант, социально-политический деятель. Выскажемся пространнее, для чего не согласимся с Лотреамоном, говорящим: «Поэт полезнее любого гражданина своего времени. Его творчество — кодекс для дипломатов, законодателей, наставников молодежи». Суть в том, что поэт начинается там, где кончается человек. Оттого полезнее поэта — правитель, личным примером задающий кодекс. Поэт пребывает в идеальном; предводитель отечества же — конкретный человек — реально вменяет образцы поданным.

Александр Македонский прожил без малого 33 года. Находился у власти 13 лет (336 — 323 гг. до н. э.). 3 года из них ушло на стабилизацию собственного правления на родине; 10 лет — на ведение восточной завоевательной кампании. Для лакея нет героя. В обыденно-житейском смысле судьба Александра невзрачна: к каким высотам приобщился он, кроме тягот, лишений в об-

щем элементарного ратного существования, скрашиваемого безысходными солдатскими попойками и тривиальными походными оргиями?! Научная точка зрения, однако, располагает к иному ракурсу видения. Она обязывает подойти к феномену Александра не как к казусу, отдающему случайную дань происходящему, а как к единичности, поднятой до уровня явления.

Равнодостоинство людей перед ликом вечности неоспоримо. Между тем в нашем обозримом локале все мы друг другу не равны. Покой и воля — не атрибуты исторической призванности; не каждый способен реализовать соответствие вызову времени, некое высшее, если угодно, метафизическое назначение. Верно, Александр воплотил версию человека, не чуждого частной жизни, но и нечто большее: нащупав, отработав правила складывания империй, он открыл в мировой истории эпоху обмирщения великих социальных проектов.

Перипетии державного опыта Александра во многих смыслах примечательны. Самого пристального внимания заслуживает техника созидания им организма империи. Чисто опытно Александр нащупал, выявил здесь свои зависимости, которые в мировой практике использовались в последующем вполне сознательно.

Цивилизация, эксплуатирующая, но не культивирующая, не имеет будущего. В отличие от своих советников это отлично понимал Александр, поставивший на обихожение — аннексируемых пространств, подключение покоряемых аборигенных народов к высотам цивилизации. Цивилизация противостоит варварству жизневоспроизводственным отрывом — более высоким уровнем культурных, индустриальных, гражданских, земледельческих технологий. «Империя» в наиболее широком смысле, подчеркивает Бицилли, есть «отношение властвование — подчинение, отношение господствующего народа и подвластных»². Подобное отношение реализуется через кратократическое потестарное начало, государственную опеку, силовое давление. Империя в начале своей повышательной фазы наращивает территориальную громаду, расширяя масштабы исключительно применением

² См.: Бицилли П. Наследие империи // Рубежи, 1996. № 8. С. 83.

силы. Далее, однако, о себе заявляет логика гарантийного воспроизводственного процесса. Завоевать территорию, народ можно, но держать их в подчинении одной силой продолжительное время достаточно трудно. Трудно по причине затратности — рано ли, поздно ли, силы тают; воевать с народом на его территории невозможно. Для удержания завоеваний в отношении покоренных окраин требуется программа приемлемого (по крайней мере достаточного для срыва немедленного выступления) существования. Если выработать ее удастся, империя, пребывая в повышательной фазе, самостабилизируется. В противном случае внутренние антагонизмы обостряются, начинается освободительная борьба, удерживать целое в исходном порядке становится все затруднительнее, империя входит в понижательную фазу развития, характеризующуюся державным деградансом вплоть до распада и краха. В отношении первого Александр преуспел. С державной (аннексионистской) миссией он справился. В отношении второго Александр не успел. Между тем империя его целеустремленно начала выполнять культуротворческую, устроительную миссию — применительно к покоренной провинции проводилась дальновидная стратегия цивилизационного обихоживания, состоящая из глубоких шагов:

- экспорт этноса из метрополии (подкрепляющая экспансию торговопромышленная колонизация земель);
- экспорт бюрократии (привлечение к управлению местами ставленников из центра);
- инкорпорация аборигенной знати во власть;
- урбанизация (закладка нескольких десятков стратегически ответственных опорных пунктов, городских центров);
- централизация финансовой политики (введение для Греции и Передней Азии единой монетной системы);
- интернационализация армии (создание контингентов из эпигонов — обучаемых по-македонски аборигенных народов);
- либеральное, избирательное отношение к обычаям покоренных народов (сакрализация власти — для Востока, поддержание демократических традиций властвования — для Запада);

— активное наступление на эндогамию (поощрение межнациональных браков, создание энергичной, буферной диаспоры, — «чтобы путем... родственных уз установить между величайшими материками согласие и дружбу, какая существует между родственниками»).

Все эти безусловно перспективные слагаемые имперостроения, начавшие материализоваться Александром, не смогли за его короткий век проявить себя полномочно и представительно. Как следствие — отсутствие единой экономической, хозяйственной, культурной, административной основы державности, без которой последняя выступала не органической целостностью, а хаотичным конгломератом непереваренных плавильным котлом местных укладов. Не решил Александр проблемы регламента власти. Это касается моментов как отправления, так и передачи властных функций. Отправление власти во многом опиралось не на легитимный правоустановленный порядок, а на импульсивную импровизацию первых лиц.

Аналогичное справедливо и касательно вопроса передачи власти. Самый опасный, тревожный момент государственности — послевластие, обостряющее борьбу за трон. Державу Александра Македонского разорила война диадохов. Кризис государства Селевкидов после смерти Антиоха IV целиком и полностью вызван династической враждой (с участием членов царской семьи, временщиков, узурпаторов); по выделении Вавилонии, Персии, Мидии царства не стало. Для предотвращения паралича деятельности аппарата государственности смена власти должна протекать в четко очерченном легитимном, правовом поле. Никаких актов, процедур, инструкций, задающих канву, контур подобного поля, империя не имела.

В результате борьбы вокруг вопроса о престолонаследии Грецию и Македонию получил Антипатр; Египет — Птолемей; Каппадокию и Пафлагонию — Эвмен; гелеспонтскую Фригию — Леоннат; Фригию — Антигон; Фракию — Лизимах. Великое детище Александра, грандиозная империя древности пала.

Примечательным в сказанном является то, что существо концепта «империя» в источнике не зафиксировать.

Возникает, следовательно, проблема несопряженного с источником идейного базиса понимания социального — проблема, определяющая и предопределяющая ток социальной рефлексии.

Тематизация способов рефлексии этого вызванного характером групповой интеракции словесного наименования «социальность» заставляет оценить некогда популярный, но, по-нашему, непродуктивный подход, толкующий социальность в терминах деривата способа производства, подвергнуть критике сцепленную с ним (подходом) поисковую стратегию. Будучи абстрагирован от западноевропейской реальности, формационный подход с позиций оценки и фактологии, и логического и систематического значения понятий, очевидно, во многом несовершенен. В ракурсе «вширь» он плохо ложится на ситуацию скандинавской, славянской, сибирской культур, равно как не затрагивает вершения истории в ближне- и дальневосточном, среднеазиатском и некоторых других регионах. В ракурсе «вглубь» он отвлекается от концептуализации характерных проявлений общественных отношений, таких, как статус властного фактора в человеческой жизни, роль торговли, рынка в становлении вторичных и третичных формационных признаков, природа «третьего мира» и т. д. Иными словами, ограниченный эмпирически и теоретико-модельно, он не является всеохватывающе-всеобъемлющим.

Данная констатация тем не менее не подрывает эпистемологическое реноме рассматриваемой конструкции. Следует иметь в виду, что универсальных в некоем доскональном смысле систем в науке попросту не бывает; кроме того, как теперь ясно, финитность и фальсифицируемость не однозначно негативные свойства теории — как таковые они включаются в сбалансированное представление научности. Таким образом, формационная схема предстает конструкцией добропорядочной: теоретически воссоздавая определенные слои действительности, она удовлетворяет самым придирчивым требованиям науки, выгодно отличается от псевдонаучных мистических, субъективистских и т. д. толкований исторического процесса. Это одна сторона дела.

Другая заключается в том, что в логике и методологии познавательной деятельности принято именовать внутренним совершенством научнотеоретических построений.

3. Критика формационного подхода

Взращенный в лоне европейской культуры, формационный подход имеет солидную ретроспективу. Семантические корни формационных представлений образуют обширные пласты и элементы предшествующих идеально-типических построений:

- противостоящая провиденциализму светская философия истории (Боден, Бэкон, Гоббс);
- идея циклов и ритмов (инвариантов) в историческом движении человечества (Вико);
- понятие возможности общих законов истории (Гердер);
- принципы телеологического описания — модель внеисторической истории: теистический вариант (Августин), рационалистический вариант (Гегель);
- опирающаяся на категории единства истории, законосообразности событий, естественной необходимости идея исторического прогресса (Кондорсе);
- культура спекулятивного теоретизирования — схематизация всемирно-исторического развития как способ подгонки эмпирической конкретики под абстрактные модели.

Наряду с сильными формационная конструкция наследует и воспроизводит слабые стороны своих первоисточников:

1. Формационный подход дегуманистичен. Задуманный в пику субъективистским теоретизациям человеческой жизнедеятельности, формационный подход оформлялся на волне сциентизации исторического познания. Цель привнести науку в историю в качестве средства обслуживала пятичленная модель исторического процесса, крепящаяся на выделении общесоциологических критериев повторяемости.

Идея внедрения в безбрежный массив переменных инвариантов (абстракции «способа производства»,

«производительных сил», «производственных отношений» и т. д.) сама по себе перспективна и с позиций генерации добропорядочных теоретизаций единственно возможна. Однако как таковая, единосушно она не позволяет задать адекватную канву поиска. Бесконтрольное и монопольное использование макро-социологических понятий (каковыми выступают базовые концепты формационного подхода) делает формационную схему фундаментом не конкретно-исторических, а отрешенных социально-экономических описаний. Если принять во внимание также, что исходно формационный подход упрочался в культуре в противовес расчетливому историческому провиденциалистским и объективно идеалистическим спекуляциям, становится ясно, что капитальная интенция дать принципы концептуализации исторических деяний исторически самоутверждающегося человечества оказалась им не реализованной. Формационный подход оперирует гуманитарно пустыми генерализациями («строй», «собственность», «трудовой ресурс»), обделенными реально человеческим пафосом. Насколько же подобное духовное основание способно фундировать историю, изучающую прошлое человечества во всей его объемности и многообразии?

2. Формационный подход схематичен. Проецируемая на все и всякие типы социумов пятичленная модель исторического процесса проявляет то, что теоретики Франкфуртской школы именовали репрессивностью. Репрессивностью неполной, незавершенной теории, претендующей на далеко идущие экстраполяции, охват событий *in toto*. Суть в том, что, конечно же, не все и не любые формы человеческого общежития соответствуют признакам, вводимым и вытекающим из природы формационных представлений: а) имеют место случаи нетипические, никак не укладывающиеся в пятичленку — «азиатский способ производства», «античная формация»; б) есть масса примеров отсутствия обязательности постадийного прохождения народами именно пяти фаз мировой истории — стабильность традиционных обществ (вопреки формационному престабилизированному динамизму), ориенталистских структур и т. д.

3. Формационный подход не отвечает эпистемологически значимому критерию гомогенности. Постулат о примате базиса над надстройкой не проводится в тео-

рии последовательно, монистично. «Досадными», однако не рядовыми девиациями общих мест теории выступают: а) соответствующие концептуальные изъятия для дихотомии «базис — надстройка» в случае переходного периода; б) ничем не оправданная, искусственная пролиферация понятий, характеризующих, казалось бы, одно и то же. Такова пара «античная формация» и «рабовладельческий способ производства». Поскольку производительным базисом Античности выступал труд не рабов, а свободных крестьян и ремесленников, ситуация античности прямо «выпадала» из ячеек формационных представлений.

4. Формационный подход эсхатологичен. Любая ступень общественной истории лишена самодостаточности: она — лишь веха на пути к последующему. Изображение, предполагающее оценку настоящего через призму будущего, во всех отношениях несовершенно. Во-первых, оно односторонне; во-вторых, как правило, оно смещает акценты, абсолютизируя перспективу; в-третьих, оно перекрывает возможности непредвзятого анализа объективных альтернатив. Нечто подобное и произошло с формационным подходом, который (рассматривая тот же капитализм с позиций его замены коммунизмом и игнорируя его внутренние, крайне солидные, потенции саморазвития), во-первых, достаточно некритично обозначил весьма элементарный контур движения человечества от бесклассовости (первобытный примитивизм) к классовости и вновь бесклассовости (отголоски гегелевской триадичности) как итогу прогресса, выходу из предыстории и вступлению в подлинную историю (в данном наращивании потенциала свободы сквозь межформационное движение, разумеется, прослеживается секуляризованная версия христианского хилиазма, остроумно называемая четвертым источником марксизма) и, во-вторых, столь же некритично однозначно поставил на пролетариат и его футурологические ресурсы (идея всемирной революции), якобы достаточные для вековечного освобождения человечества.

5. Формационный подход спрямляет, сглаживает историю. Фигурирующие в формационной схеме идеализации не просто выхолащены в гуманитарном смыс-

ле, равным образом они освобождены от жизненно конкретных деталей, случайностей. Классическая дилемма «предопределение — свобода воли» решается здесь в пользу экономически истолкованного предопределения. Последнее и методологически, и фактически некорректно. Скажем: было ли Сараевское убийство, серьезно повлиявшее на ход последующих событий; были ли иные злокозненные акты (и даже подсолнечное масло булгаковской Аннушки), изменившие течение жизни?.. Не неотвратимо, но пуля находит адресата, постное масло делает много шума. На фоне этих прецедентов трудно избавиться от мыслей, что в истории все подтасовано. Подобные мысли питают формационный подход, навевая суждение «если бы не Гаврила Принцип, нашелся б другой, но... не избежать» и т. д. На это, однако, возможно возразить указанием на многочисленность иных пуль, иных типов и агентов причинения, никаких социальных трансформаций не вызвавших.

История не развертывание экономической, базисной необходимости. В ней есть человек, «эгоистическое» лицо и сцепленный с ним простор действия. Но есть интегральный (не формационный) эффект самоорганизации больших сложных систем. История и реализуется как синтез проявляющихся более или менее спонтанно возможностей, как статистическое резюмирование альтернатив. К примеру, российская монархия пыталась ассимилировать парламентаризм; большевизм же как псевдопарламентаризм ассимилировал цезаризм и самодержавность (наблюдение М. Волошина) — история российских культов личностей и безличностей.

6. Формационный подход как семантическая конструкция узок. Упор на экономическое измерение социальной жизни — чрезвычайно сильная и ограниченная идейная платформа. Возникают трудно разрешимые сомнения в справедливости того, что в произвольных точках (и на Западе и на Востоке) многомерного исторического пространства (и в «старое» и в Новое время) социально-экономические факторы (и лишь они) преимущественно обуславливают стиль общественно-го общежития. Фундирование истории экономикой (в чем сказывается и проявляется формационно-эконо-

мический редукционизм) — прием из разряда несостоятельных, потому что:

- идея определяющего начала на интервал «всегда — везде» в гносеологическом аспекте фиктивная. В действительности наблюдается взаимодействие многих начал, в зависимости от обстоятельств проявляющихся разнородно. Отсюда адекватной представляется гетерогенная схема исторических описаний с приматом — применительно к условиям — различных факторов;
- априорное ранжирование социально-исторических параметров по принципу «базисное первично, надстроечное вторично», в сущности, произвольно. Отношения координации и субординации определений исторического бытия подвижны; их упорядочение осуществляется локально, зачастую в обход канонических предписаний — властный фактор в политарных формациях, эмоционально-волевой компонент в ситуациях межнациональной розни и т. д. В данных и аналогичных им эпизодах истории во главе угла оказывается сугубо надстроечный и, надо сказать, малорациональный или даже иррациональный элемент, имплицитный, вопреки базисным детерминациям, и способ обработки людьми друг друга, и производство (воспроизводство) социальной жизни в целом.

7. Формационный подход допускает структурную изоляцию генетически связанных социально-исторических таксонов. Он намечает вертикальный (диахрония социумов) и обходит стороной горизонтальный (синхрония социумов) срезы существования общественных организмов, без чего картина исторической жизни оказывается и усеченной, и неточной. Отвлечение от межформационного взаимодействия нерезонансно прогрессирующих обществ, ведущее к изоляционизму в трактовке способа функционирования формаций, не правомерно. На это указывают и факты, свидетельствующие, что мы погружены в стихию межформационного взаимодействия, когда:

- одни социально-исторические общности подпитывают другие (античное общество цивилизованного Запада — варварство восточных стран; оппозиция «Север — Юг» в современности);

— происходит взаимодействие региональных и мировых политико-экономических систем (оппозиция «Запад — Восток»; поворот к конвергенции).

В качестве итогового оценочного суждения примем такое. Формационный подход как антисубъективистская интеллектуальная традиция сыграл положительную роль в методологии социального познания, однако эвристически самоисчерпался; в настоящий момент не оказывает плодотворного воздействия на гуманитарные искания, генерализацию исторической фактуры. Адекватная концептуализация исторического процесса, социальности должна крепиться на иной регулятивной основе, возникающей как своеобразная рефлексивная апологетика человека, его реальной активности в сообществе людей. Социальность — материя гуманитарная, и эпистемологический арсенал работающего социофилософа поэтому логично обогатить:

— слоем антропологических описаний, реконструирующих внутреннюю и внешнюю инициацию людей (аппарат герменевтики, исторической поэтики, культурологии). Уместно исходить из того, что люди сами создают себе жизненную среду, безмятежную или взрывоопасную. И делают это под влиянием как базисных, так и надстроечных причин. Ментально (идеологически, религиозно, этнически) инспирированные идеи, накладываясь на людские страсти, способны возбуждать энергию народа, влечь социальные катаклизмы. Страсти эти могут зреть в нас под действием материальных условий жизни, не только личных обстоятельств и перипетий частной судьбы, но и исходя из объективной логики, характерологии производительной деятельности. И одно и другое возможно. А коли так, нет никаких резонов пренебрегать заведомо состоятельными возможностями.

Формированию теоретического мира в случае отправления от «духовности» способствует использование не обезличенных концептов («строй», «уклад», «класс»), а категории гуманитарной тождественности человечества, под которой понимается кристаллизованная в адаптации система рациональной кооперации людей, завязанная на общезначимые средства коммуникации и интеракции (язык, типологические принци-

пы экзистенциального самоутверждения в виде морально-правовой, производственной, нормативной регуляции самопроявлений);

— системным видением подпадающей под рефлексию социально-исторической онтологии. Человеческий социум — комплексное, разветвленное образование, схватываемое не частичными, выпячивающими те или иные определения описаниями, а целостной дифференцированной картиной — унитарной, хотя и многоотсечной. С методологической точки зрения подходящим содержательным основанием философии истории выступает по этой причине не формационный редукционизм, а холизм. От бинарной, субординирующей факторы человеческой жизни логики пора отказаться, ибо понятие несамостоятельной производной от базиса надстройки — дезориентирующая химера. Базис, сколь капитальными свойствами его ни наделять, непосредственно сам может вытекать из надстройки (взять то же соотношение политики и экономики в затянувшуюся эпоху диктатуры пролетариата).

С последним надо считаться, а значит, отходить от прямолинейного сведения (выведения) надстроечных показателей к базисным (из базисных). Надстройка самодостаточна и способна играть роль системообуславливающего, системоформирующего фактора. Таким образом, дихотомическое мышление на ниве социофилософии нетерпимо. Следует оставить и базисный фундаментализм, и надстроечный редукционизм. В философии истории нет места априори первичным и вторичным структурам — здесь могут быть лишь целостные рассмотрения однопорядковых равноправных определений с запретом перевода «всего и вся» из мира континуальных гуманитарных величин в мир дискретных величин исторического материализма (оттого и не оставляющего шанса истории людей в обществе);

— понятием специфической детерминации исторического процесса, которую вполне точно можно именовать гуманитарной детерминацией. Социум — динамический гомеостаз с комплексом не номогенетических, а преимущественно тихогенети-

ческих связей. Личность, исходящая из своих потребностей и побуждений, привлекает для их удовлетворения кажущиеся ей приемлемыми средствами. Так проявляется свобода воли, свобода персонального выбора, которая, однако, не сродни произволу. Дело в том, что человек-гражданин не безотносителен к режиму бытия социума. Социум — целое, индивид — его часть. Принципы функционирования целого статистичны, складываются как некий порядок из хаоса посредством макросоциологического подытоживания персональных усилий, организующихся по законам вхождения частей в целое. Последнее блокирует произвол, эксцессы, инстинкт, неконтролируемые слепые деструкции.

Понимание этого дает содержательный ресурс для обновления эвристических основ социальной философии, откуда во всяком случае правильно удалить парадигму обезличения. Пружина исторического развития — не цель, не мировой разум, не классовая борьба; она — в приемах гармонического самосогласования активности свободно действующих гуманитарных существ. Внутренний механизм движения истории — в самой истории, в шлифующихся веками правилах ее строения и устройства.

4. Гуманитарные константы

Говоря об этих правилах, необходимо помнить об ориентированных на безусловное и непреходящее гуманитарных константах — социальных, моральных абсолютах (образы оптимальной жизни — цивилизность, демократизм, персональная автономия, независимость, всеисилие права; этико-гуманистические идеалы достойного существования — альтруизм, человеколюбие, взаимопомощь). Новая философия истории разрушает эсхатологизм (телеологизм, провиденциализм, милениаризм, узкоклассовый коммунизм): выступая универсально цивилизационной внеэтнической, внеклассовой идеологией самостановления гуманитарности, она не имеет исторических рамок, ибо в деле совершенствования жизни с позиций приближения и приобщения к социо-

культурным и морально-этическим абсолютам «нет надежды конца и уяснения» (Толстой).

Каков адекватный проект рефлексивной социальной теории (СТ)? В качестве «идеального типа» классики социологии (Вебер, Сорокин) предлагают специфический вариант социального знания, крепящийся на допущении рациональной подпочвы мира: бог не играет в кости; в сущем ничего не подтасовано; мотивы, интенции агентов действия естественно сопряжены с обстоятельствами, что конституирует усмотрение в социальности каузального фактора, поддающегося артикуляции в терминах научного причинно-следственного дискурса.

Рационализация коммуникации (интеракции) с исключением девиаций, внедрением «объективности рассмотрения», ориентаций на оценку «обстояний» — идущий от Жозефа де Местра методологически вполне адекватный ход, по способам рефлексии предметности сближающий социально-политические и естественно-научные искания в границах толкования научных занятий как номологической проработки беспристрастной несамочинно-непроизвольной реальности, поддающейся непредвзятому освоению. Ход адекватный, но тем не менее для случая СТ далеко не органичный. В принципе небеспочвенной презумпции рационального устройства мира (рациональность мира — следствие его высокоадаптивности) уместно адресовать такие контрдоводы.

Довод антропологический.

1. Систематизатор йоги Патанджали выделяет в человеке ипостаси «минерало-человек, растение-человек, животное-человек, человеко-человек», соответствующие стадиям его возвышения. Как видно, наиболее приближенная к фазе рационального человека — ступень «человеко-человек» — не всеохватывающая для существования человека. По уточнению Аль-Фараби, свойство рациональности (способность действовать разумно-целесообразно) приобретает лишь в старости. До того же — поливариантное поведение с доминированием в разные периоды жизни различных детерминант-факторов. И разумеется, во многом нерациональных.

2. Рассудок, разум, *ratio* объединяет сознание, а не людей. Мировая история, утрирует Вебер, подобна пути, который Сатана вымостил уничтожаемыми ценностями. История — процесс разрушения ценностей? Это абсурд. Что такое абсурд? Нарушение правил логики. Но ведь и логика есть нарушение правил абсурда. Пока решают, что первичней, возникает лазейка расценивать человека не как «*tool-making*», а как «*foolery-making animal*».

3. Причина многих философий — великий человек. Эту идею Ницше правильно воспринимать под углом зрения персональных инкарнаций жизни. Самсон побеждал силой. Далила — красотой. Один взгляд Людовика XIV убивал Расина...

Измените идеи и чувства — и вы избегнете много неизбежных войн, рекомендовал Фулье. Изменить. Но как? Каков человек — таков и его Бог. Апеллируя к «чистым», «рациональным» основаниям, растворяя «лицо» в «факторе», деиндивидуализируя, ожидая столкнуться с «обстоятельствами», мы неожиданно обнаруживаем «человека». С его «нерационально-неправильным» оснащением. Вроде длины носа. Поскольку все, что мы видим, может быть также другим³ (вплоть до гротескных форм сродни тезису в «Макбете»: жизнь — «повесть, рассказанная идиотом»), спрашивается: что в рамках СТ считать существенным, что пропускать по части девиаций?

Если прав Наполеон, и роль судьбы в жизни играет политика, то «лучше не навешивать ярлыки, лучше не пытаться придавать жизни какую-то структуру, лучше оставить окончание открытым, лучше не придумывать категорий, лучше не ставить штампов»⁴. Так что, похоже, не заблуждался Сент-Бев, полагавший, что история пошла бы иначе, если бы нос Клеопатры был короче.

Довод онтологический.

1. В трилогии об Иосифе Флавии Фейхтвангер, опираясь на миропредставление древних, формулирует «железный закон» истории, в силу которого «все

³ См.: Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. С. 82.

⁴ Бхагаван Шри Раджниш. Жизнь, любовь, смех. СПб., 1991. С. 9.

происходит в положенное время: родиться и разрушать, находить и терять, обнимать и расставаться, воевать и мириться». Если Фейхтвангер не заблуждается, в жизни все детерминировано динамически, случайность не играет никакой роли, — история утрачивает черты естественного процесса, приобретает крайне мистический характер. Вслед за Гегелем тогда придется исповедовать ортогенез, провиденциалистскую картину существенного универсума.

Все дело в том, однако, что Фейхтвангер заблуждается: никакого ортогенетического пресуществования в истории не заложено. Во-первых, никто не планирует, когда нам появиться, когда нам уйти. Во-вторых, используя мысль Флоренского, подчеркнем: культура есть деятельность не по отрешенным (спекулятивным), а по обозримым целям; социально-политическая жизнь творится заземленно-телеологически. В-третьих, вслед за Фихте скажем: не прибегая к насилию, нельзя внедрять внешнюю цель жизни; человеческое бытие как бытие для себя суть бытие самоцельное.

2. В силу фиктивности закона Фейхтвангера реален навеваемый обстановкой неоднозначный выбор. Даже, в казалось бы, обескураживающих безнадежностью ситуациях, как ситуация дилеммы Кандида: 10 тысяч палок или расстрел. И здесь человек выбирает.

Как протекают судьбоносные акты выбора — доподлинно неизвестно: теоретически (доктринально) они не подлежат реконструкции. Единственное, на что допустимо уповать, — не на рациональную, а смысложизненную логику. Рационализация выбора влечет экзистенциальное вырождение типа «брака по расчету». Объективная невозможность просчитать, учесть, взвесить все до конца — причина не только интригующей виртуальности бытия, но и самовозвышения, самопреодоления, внутреннего роста.

Сказанное оттеняет тщету проектов сознательного творения существования по рациональным схемам. И в варианте Фонтенеля, при виде преступника восклицавшего: «Вот человек, плохо рассчитавший!» И в варианте Энгельса, пытавшегося уверить, что, когда «люди начнут вполне сознательно... творить... историю, толь-

ко тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают»⁵. Подобный скачок из царства необходимости в царство свободы — великий миф, разоблаченный жизнью, обильно политой потом и кровью действительностью. Как знать, что бы сказал о социотехническом конструировании на исходе XX столетия горячий поборник общественного рационализма Фейхтвангер, по меркам времени еще так недавно утверждавший: «Я неизбежно симпатизировал эксперименту закладки фундамента для создания гигантского государства на базе одного лишь разума»?

3. Подмечает Вико: «Мир, несомненно, вышел из некоего ума, часто отличного, а иной раз совершенно противоположного, и всегда — превосходящего частные цели самих людей, тех людей, которые ставили себе эти цели»⁶. Аналогичное высказывает Гегель, вводя понятие «хитрость разума» и усматривая сущность ее в опосредовании, которое, дав объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя во взаимодействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь свою собственную волю⁷. Оба указывают на зазор между целью и результатом. Откуда же избыточность конечного итога сравнительно с замыслом в социально-историческом действии?

В качестве рефлексивной тематизации вопроса остановимся на возможностях:

а) **Динамизм**: предустановленность истории; любая произвольная социально-политическая уникальная манифестация есть выражение скрытого за ней фундаментального основания. Тот же Наполеон. Как исторический деятель он не «лицо», а «функция», французская революция в человеческом обличье. Если бы он пал, рассуждает, к примеру, Барт,

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 295.

⁶ Вико Д. Основания новой науки, об общей природе нации. М., 1937. С. 470.

⁷ См.: Гегель Г.В.Ф. Соч. М., 1929. Т. 1. С. 318.

на его место заступили бы Гош, Клебер, Дезэ, Марсо, другие подходящие люди⁸. Есть, следовательно, закон и его персональное наполнение. Недостаток данной платформы — низкая эвристичность: объясняя, социально-политический динамизм мало что объясняет. Витиеватая жизненная реальность подводит к разумению: народ говорит устами своих героев, герои же имеют собственные уста.

- б) **Окказионализм**: спорадичность, иррегулярность истории; случайность — ткань социально-политического. Эту концептуальную программу заявляли Паскаль, Бурдо, в несколько ироничной форме проводил Вольтер, передававший происшествие с индусом, который доказывал, что его левая нога — причина гибели убитого в 1610 г. Генриха IV. (В 1550 г. индус во время прогулки непреднамеренно столкнул в воду персидского купца. Его осиротевшая дочь вышла замуж за армянина и родила девочку, связавшую судьбу с греком. Их дочь переселилась в Париж, воспитав убийцу короля Франции — Равальяка.) И наконец, горячо отстаивал Ясперс, убеждавший: «То, что составляет в истории лишь физическую основу, что возвращается, сохраняя свою идентичность, что есть регулярно повторяющаяся каузальность, — все это неисторическое в истории»⁹.

Сомнительность окказионализма в исходном «историческое эпизодическое». С прецедента Гераклита между тем очевидно, — образ «потока», непрерывного «становления» во всех отношениях неинспирирующий. Неизбежными пороками окказионализма выступают:

- **нигилизм**: схожий с кратиловским онтологическим релятивизмом «в одну и ту же реку нельзя войти и один раз» экзистенциальный релятивизм «таких, как я, и одного нет» (Хлебников).
- **беллетризм**: превращение СТ в антологию анекдотов типа жизнеописаний какого-нибудь Растиньяка, вблизи столицы заявляющего: «Ну, теперь дело между нами»; последнее дает повод квалифи-

⁸ См.: Барт П. *Философия истории как социология*. СПб., 1902.

⁹ Ясперс К. *Истоки истории и ее цель*. Вып. 2. М., 1978. С. 135.

цировать СТ либо как атеоретичную хронику (вслед за Сен-Симоном), либо как откровенный вздор (вслед за Г. Фордом).

- в) **Статистизм**: положение в истории родственно совокупности обстоятельств в статистической физике; история — результирующая поведение ансамбля. Характерно в этой связи суждение Энгельса: «То, чего хочет один, встречает противодействие со стороны... другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел. Таким образом, история... протекает подобно природному процессу и подчинена... тем же самым законам движения»¹⁰. История — броуново движение? Такая картина если и отличает, то архаичную социальность с равноценно-равноправными агентами действия. В развитой социально-политической организации практикуются сравнительно жесткие технологии, векторизующие обмен деятельностью и не оставляющие простора для статистического подытоживания спонтанных индивидуальных воль. Для прошлых эпох справедлива позиция Аристотеля, разволившего амплуа историка и поэта: первый трактует о действительно случившемся, второй — о том, что могло бы случиться¹¹. Для современной эпохи ригидных социально-политических технологий, превративших историю в искусственно направляемый процесс, подобие абсурда, где, используя слог Камю, репликами на просцениуме жизни беспорядочно обмениваются надежда и смерть, различение Аристотеля не проходит. Или проходит с точностью до наоборот: историк трактует о том, что могло случиться, поэт (лучше — трагик) — о действительно случившемся.
- г) **Флуктуирующее воление**: история есть нечто, существующее в виде не «чего-то», а «для чего-то»; история не следствие сцепления множества переменных, равнодействующая необозримых, трудно просчитываемых многообразных параметров,

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 396.

¹¹ См.: Аристотель. Поэтика. М., 1957. С. 67–68.

резюме игры стихийных сил, она — итог уникальной способности к самодействию, самоутверждению, проявлению свободной воли, поиску решения; история не постав, не вовлечение, а персональное самодействующее становление. История — не мы в прошлом, а прошлое в нас, проявляемое в особом типе пассионарного причинения: не от обстоятельств, а от напряжения внутренних сил, самоиндукции, самочинности, своевольности. Взять ситуацию «Иван Грозный убивает сына». Событие стихийное, катастрофическое, общими причинами недетерминированное. Именно из таких флуктуаций соткана поливариантная ткань истории.

Поскольку есть апокриф, доносящий, что во время Великой французской революции во многих местах Парижа останавливались башенные часы, постольку прав Мерло-Понти, утверждая: первоисточный принцип субъект-объектных (и, добавим, субъект-субъектных) отношений — своеволящее, «дикое бытие». Дикость бытия как исходная онтология жизни — от дерзания, охоты «пожить по одной свободной воле своей», а не от статистики.

В результате фатальной заброшенности, безопорности человек осужден быть свободным (Сартр). Оттого в одних случаях он действует как волк, в других — как Бог.

Воспользуемся сказанным для критики представленной линии. Во-первых, в силу политической сущности людей, того, что они получают не самые вещи, а мнения о вещах (Эпиктет), зависит аутентичность действий — следствий автономной свободы. Во-вторых, остаются проблемы овладения персональным потенциалом — актив

- самопонимания: показательно итожащее творческий труд Гегеля, его сетование: «Только один из моих учеников понял меня, да и тот меня не понял»;
- самовосприятия: далеко не обязательная для каждого необходимость поднять глаза, чтоб видеть, видят ли его, и как именно¹²;

¹² См.: Данте А. Малые произведения. М., 1968. С. 46.

- самосознания: в диалоге Оливера Венделла Холмса участвуют: личность, как она есть; личность, как она представляется себе самой; личность, как она представляется другой личности. Унамуну дополняет этот перечень модусов личностью, какой она хотела бы быть. Дело усугубляется тем, что, кто такие мы, объясняем не мы, а те, кто перед нами и за нами (М. Поздняев), что снижает порог рациональности персональной самооценки, а значит, самореализации;
- самополагания: какая может быть цель жизни, если из нее исчезли свежие желания юности, чувство неудовлетворенного любопытства;
- самоосуществления: неочевидность дифференцировок между *mala in se* и *mala prohibita*, т. е. действиями собственно дурными и нарушающими условности (справедливые или несправедливые).

Довод гносеологический.

1. Условие возможности СТ составляет пресуппозиция рациональной самоидентичности человечества: творят и исследуют историю идентичные лица. Она охватывает, однако, лишь стандартные случаи самопроявлений, распространяющиеся на обстоятельства «всегда-езде». Потому СТ: а) оказываются продуктами конструктивного разума, комбинирующего логическими диспозициями, изощрениями наподобие «Ухронии» Ренувье, где отслеживаются интригующие возможности равноправия ветвлений истории в альтернативном моделировании отрезков прошлого не такими, какими они были, а такими, какими они могли бы быть¹³; б) не схватывают позитивную, непредвзятую, безусловную реальность жизни в «здесь-теперь». Пресуппозиция «рациональности» ориентирует на задание абстрактно-универсальных «чистых» мысленных контекстов, непригодных для артикуляции гносеологического деиксиса — «исторического в истории», «политического в политике» — многообразных интриг, козней, подвохов, вывертов, гримас «фона личности», без которых нет ни истории, ни политики.

2. Имея в виду искусственность феномена традиционных СТ, нельзя отказать в правоте Риккерту, советуя каждому раз создавать СТ (ту же историю) заново. Однако тайну нельзя превращать в басню. От духа релятивизации соотношения вымысла и действительности в границах СТ недалеко до печальной болезни Фроуда, имевшего слабость никогда не писать правды (как говорили, он был *constitutionally inaccurate*), и, более того, до полного разочарования в науке. Вероятно, по этой причине пальму первенства адекватной формы человеческого самопознания (рефлексивные, предельно широкие типы СТ, охватывающие частности) Шеллинг и Кроче отдавали искусству (тут, правда, свои трудности, связанные с привнесением «видения», «идеала». Скажем, художник, которому поручили изобразить переход евреев через Красное море, написал полотно, закрашенное в однотонно красный цвет, и пояснил: евреи перешли, египтяне утонули...).
3. Пресуппозиция рациональности, что, очевидно, в специфически теоретико-познавательном ключе пытается снять барьер между сущностью и существованием. Парадоксальность человека в двойственности: он — конструирующий мир субъект и существующий в мире объект. В силу закона гомогенности: хорошая теория исходит из минимума унитарных объяснительных принципов (прибегая к мысли Гегеля, можно сказать: опасение и боязнь односторонности есть признак теоретической беспомощности, способной на разностороннюю непоследовательность) — гиперболизируется то одна, то другая сторона человечности.

Гипертрофия субъективности субъекта (связь «субъект — мир» относительно субъекта) обрекает на бессодержательный нарциссический самоанализ — крах феноменологической самосозерцательности. Гипертрофия объективности субъекта (связь «мир — субъект» относительно мира) чревата тупиками натурализма, элементарного антропологизма, объективизма, техницизма, утратой смыслоотносности человека к действительности.

Постулат «вещи в себе» препятствует постижению сущности; постулат «феномена» (сущноданности) препятствует постижению существования. Парадокс сущности — существования в пределах «рационально» выполненных односторонних СТ — не преодолевается: в одном случае субъективность элиминирует объективность в гносеологическом смысле; в другом случае субъективность элиминирует объективность в онтологическом смысле.

4. Пресуппозиция «рациональности», навевая фиксацию неисторического в истории, неполитического в политике, учит о нечеловеческом в человеке. Как возможно, что, невзирая на свободу воли, девиации, есть закономерный исторический процесс? Сие возможно благодаря введению трансцендентных скрытых параметров. Метасознание захватывает гердерско-гегелевская установка, выводящая законы мира из курирующих социальную интеракцию предвечных факторов. Геропизмы, разумеется, могут внедряться в дискурс, но только подрывают общегносеологические понятия желательности, оптимальности, импозантности устоев вершения теории, канонов отправления поисковых актов.

В качестве обоснованного резюме из изложенного выведем, что есть избыточный рационализм в допущении рациональности тока исторической жизни, которому всецело сопротивляется естественная стихия существования. Реалистичный предел мыслимого мира — жизненный мир, последовательно отвергающий эвристические издержки традиционных СТ, являющихся построениями слишком отрешенного плана. Искомый удел СТ — избегать:

- схематизма обезличенных, бессубъектных «моделей»;
- многозначительных *ad hoc* вкраплений в виде апелляций к побочным инстанциям, влияющим на якобы свободные поступки людей;
- престабилизированности образца «героизма отчаяния», *amor fati*. Принципиальный изъян традиционных СТ — некритическое подстраивание под общенаучную практику. Будучи наукой, используя стандарты науки, гуманитарное знание все же

должно отвечать своему назначению. Назначение же его таково, чтобы в отличие от прочих наук выступать человеконесущим, личностно-ориентированным, субъектосодержащим знанием. Как это возможно?

Научная теория представляет субъекта (комплексы субъективности) лишь во всеобщей форме — утверждает не субъективность индивида, а ее структурные свойства — субъективность как таковую. Последнее, однако, совершенно недостаточно для полноценного отображения реально-жизненных эпизодов. Если в жизни есть индивид — Иван, Петр, Гаврила, — общими сентенциями о субъективности не обойтись; в рассуждениях должны фигурировать личности с контекстами их присутствия в бытии.

Обработка путей включения субъекта в теорию в рамках метасознания предпринималась в операционализме и ультраинтуционизме. Однако, говоря: «Моя наука операционально отличается от вашей науки, как и моя боль — от вашей боли», Бриджмен разваливает каноны науки. В фарватере эпатирующих бриджменовских откровений «существует столько наук, сколько индивидов»¹⁴ идет и Есенин-Вольпин, умножающий количество рядов натуральных чисел в зависимости от субъектов счета. Для положительной математики, естествознания это немыслимо, потому и ультраинтуционизм и операционализм остаются методологическими ухищрениями, осязаемо не влияющими на разработческие мероприятия.

Извлекая мораль из подобных показательных опытов, правильно признать: на уровне как техники, так и семантики ни математика, ни естествознание не располагают инструментарием освоения жизнесубъективности. При гносеологической реконструкции состава точных наук обнажаются массивы собственно знания и истории знания. Первый — позитивный корпус науки в виде множества обезличенных деперсонифицированных положений. Второй — корпус истории науки в виде хроник, биографий с деталями исканий, девиациями. Поскольку бывают теории типажей и не бывает теорий индивидов, индивид может быть включен в

¹⁴ *Brigman P. The Intelligent Individual and Society. N.Y., 1938. P. 157.*

теорию лишь в результате соответствующего изъятия из теории. Практически сие означает привлечение нетеоретических хроникально-биографических соображений в лице антропологических повествований с «пуантой». Они сосредоточиваются в корпусе истории науки, где вводятся описания с экзальтациями об «особом характере» субъекта применительно к случаю.

Двусоставность онтологии точной науки — концентрация универсалий в корпусе знания, а уникалий в корпусе истории знания — существенно поднимает планку ее (точной науки) теоретичности, позволяет функционировать ей преимущественно как объектный тип рефлексии с фактическим исключением описаний индивидов.

Ничего подобного не просматривается при реконструкции тела социально-гуманитарного знания, из композиции которого невозможно выдворить антропологизмы. Понимание атрибутивности гуманитарному дискурсу суждений об «особом характере» субъекта подводит к проекту антропологической гуманитаристики: всякая нетривиальная СТ должна быть индивидоцентричной. Непосредственное воплощение этого императива обслуживает такая версия поэтики СТ:

- 1) фундаментальная теория (теории социального бытия, социального действия и т. д.);
- 2) антропоцентричная квазитеория двух уровней:
 - а) описание типов — ареалы субъективности;
 - б) описание лиц — деяния индивидов.

Раздел «Фундаментальная теория» по своему гносеологическому статусу дублирует аналогичные разделы негуманитарных наук. В нем ассоциируются универсалии, обусловленные естественной необходимостью. Так, есть геополитика, определяющая мировую конъюнктуру по части добычи, переработки, транспортировки, поставки энергоносителей.

Раздел «Антропоцентричная квазитеория» включает два сегмента. Первый — формулировки о структурных отношениях, схемах типов, формально-динамических характеристиках поведения, идентичности в границах устойчивых континуумов признаков. В нашем случае есть представляющий средостение геополитических силовых линий в мировой энергополитике

ближневосточный регион, где должен(!) воплотиться заказ на поддержание желательной энергетической конъюнктуры. Это требует культивации социально-политического одиоза (девианта), потенциальная борьба с которым гарантирует обеспечение неких высших интересов. Второй — суждения о персональном локале, экзистенциальной конкретике, обслуживающие ситуационное присутствие личностного начала. Подразаывается Саддам Хусейн, играющий роль инспирированного одиоза.

Идейными предтечами представляемой версии поэтики СТ выступают Геродот, Фукидид, Полибий, Тацит, уделявшие подобающее внимание антропологическим плоскостям регистрируемых событий. К числу упомянутых предтеч, несомненно, должен быть отнесен Тит Ливий, ставящий задачу проникнуть в душу описываемых им исторических лиц. Баланс теоретического и антропологического (экзистенциального), к несчастью, не был выдержан ни в методологии, ни в практике вершения социально-политического знания. В разные времена, в разных обстоятельствах верх одерживал то объективизм (географизм, космизм, техницизм — Гиппократ, Монтескье, Ратцель, Леруа-Гуран), то субъективизм (Верморель, Лампрехт, толкующие социально-политическую интеракцию в терминах процесса личностей, истории героев). Дело же заключается в том, чтобы в рефлексивной теории социальности обезопасить себя как от трансцендентного, так и от беллетристического. Этому благоприятствует развертываемый проект социального знания, дающий простор непредвзятой теории, которая органично включает обнаруживаемое в истории активно, автономно самоутверждающееся «Я».

Первый уровень антропологической квазитеории (префикс «квази» — для обозначения неточности, нестрогости, неаподиктичности суждений в формальном смысле) предполагает задание ареалов субъективности. В общем случае (минуя оценку частных исполнений вроде теорий психологических, сексуальных, политических, культурных и т. п. типов) выполнение этой задачи связано с последовательным возвышением мысли от содержательно бедных фиксации неких поверхностных проявлений субъективности до разверну-

того понимания ее сущностного назначения. Здесь обособливаются фазисы:

- «графия» — артикуляция субъективности в феноменологических теориях, полуэмпирических констатациях наподобие веберовских, фрейдовских, юнговских типологизаций;
- «логия» — отличающая деятельность в рамках Бт (теоретический базис), сущностная проработка природы субъективных типов — движение от атрибутивных Бэ (эмпирический базис) и Бо (операционный базис) регистраций, фиксаций в сторону процессуальных моделей (веберовская модель социальной динамики от традиционной к рациональной организации);
- «гония» — концептуализация генезиса, возникновения, становления субъективности. Применительно к «гонии» имеется явный дефицит идей. Причина — характер субъективности как особой телеологической субстанции, в отношении себя не решающей, «откуда», «зачем», «почему». Кто мы такие по природе своей, решают те, кто до нас и после нас. Предшествующие нам отягощают нас онтогенетикой (шлейфы «семьи», «школы», «эпохи»); наследующие нам (представители наследства и наследия) удостоверяют цельность, состоятельность, завершенность нашего явления в мир (реконструктивные онтогенетические проработки с неперемной апелляцией к широко толкуемым «хронизму» и «биографизму»);
- «софия» — головоломный метауровень, рефлектирующий вопросы цели, назначения субъективности как таковой. Если человек для истории завершаем всегда, то человечество — никогда. Оно есть ничем не лимитируемый имперфект. Задать смысл, приписать значение, вывести предназначение субъективности возможно *post factum*. Но никакого *post factum* в случае человечества нет. Мы встроены в историю и лишены способности выйти вонне: позиция стороннего наблюдателя для представителя человечества по отношению к человечеству недостижима. Отсюда по части «софии» — сугубо некритическая практика, в перекрытии опыта стремящаяся овладеть трансцен-

дентным. Таков, скажем, гегелевский социософский ортогенез, наивные финалистские, провиденциалистские, эсхатологические доктрины истории (хилиастического, коммунистического, либерально-рыночного толка).

Смысл человечества выводим не извне, а изнутри его бытия на базе фиксации капитальных для него ценностей. К ним, пожалуй, относятся: а) продление существования и б) обретение совершенного существования. Тематизация этой сферы подводит к убеждению: нетрадиционная СТ оказывается не только антропологичной, но и аксиологичной наукой; в прямом смысле слова она является универсальной теорией ценностей жизни. Так как ценность человечна, лишь интенция на человеческую ценность делает жизнь ценной; ценность жизни — в воплощенности в ней фундаментальных социальных констант: гуманитарных абсолютов. Свернутое их понятие, обобщенно-объемный образ вводится трихотомией Истина — Добро — Красота. Расчленение Истины и Добра влечет инструментализм. Нынешнее состояние человечества ущербно, ибо инструментально. Разъединение Добра и Красоты дает авангард — превращенную реакцию на бездуховное существование. Современная точка мировой линии человечества несовершенна также и потому, что авангардна — потребительски-бездуховна.

Будущая общесоциологическая парадигма ранга «софии» оконтуривается по вектору соединения «органицизма», «экологизма», «всеединства». Ценно уникальное, а не тиражируемое (предел инструментализма, механицизма). Геоусловия существования человечества хрупки, самоценны (предел инструментализма, консьюмеризма). Мир плюралистичен, полифоничен, объединенные в нем особи, культуры, национально-государственные формирования самодостаточны, взаимопроницаемы (предел редукционизма, линейаризма).

Второй уровень антропологической квазитеории — описание лиц — сосредоточен на артикуляции деяний индивидов. Взятый единосуцно, индивид как таковой — всегда тайна, загадка, проблема; сам по себе он нерационализируем и неконцептуализируем. Однако причастность к человеческому делает его внутренний мир понимаемым. Поскольку живут и толку-

ют жизнь более или менее схожие люди, в отношении партикулярных пластов субъективности вполне оправдан вопрос о характерных приемах их идентификации. В качестве подобных видоопределяющих приемов идентификации неререфлектируемых комплексов интеллектуальной, эмоциональной, моторной природы мы указывали на партиципацию, синхронию, эмпатию.

Как видно, намечаемая стратегия разработки нетрадиционной СТ — антропологическая. Ее реализация при ближайшем рассмотрении неожиданно натывается на два препятствия. Во-первых, в предельном смысле у нас нет надлежащей «гонии» — следствие концептуальной разобщенности космогонии, антропологии, социологии. Во-вторых, ввиду обозначенных выше сложностей имманентно теоретического порядка у нас нет добротной «софии». Историсофия в своем завершенном выражении как рефлексия задним числом состоявшегося жизненно-исторического пути человечества невозможна в принципе. «Человечество» для отдельного его представителя есть никогда не завершаемый объект, открытая форма в прошлое и будущее, всегда становящаяся и ни в коем случае не «ставшая». «Человечество» для человека вообще не предмет опыта. Где оно подается содержанием не свершающегося (имперфектного, ддящегося), но уже свершенного опыта, там производится иллюзорное, выходящее за пределы и границы науки неверифицируемое натурфилософское конструирование. Апекс его, как отмечалось, — спекулятивная, догматическая платформа социально-исторического финализма, развертывающаяся за счет извлечения искусственных, произвольных связей непосредственно из «высочайшего черепа» «избранных посвященных».

Цель, смысл, назначение человечества, истории, как утверждалось, выводятся не извне, а изнутри — из погружения в стихию актуального вершения жизни, устройства социальности. Смысл бытия суть само бытие. Оно, быть может, трудно выносимо — неизвестность самопроизвольности вселяет ужас, но этот ужас все-таки предпочтительнее кошмара неизбежности существования. Лучшее и худшее в нас — не от запрограммированности, а от нас самих. Наш бог —

бег. Не по проторенной колее, тем не менее и не как попало, — с оглядкой на разумное, доброе, вечное, посеянное в веках, — осуществляем мы бег свой в незнание грядущее.

Итак, два препятствия, затрудняющие исполнение антропологического проекта, — отсутствие респектабельных «гонимых» и «софии».

«Живешь, смотришь на людей, и сердце должно либо разорваться, либо превратиться в лед», — печалился Шамфор. Ламентация лишается привкуса драматического, если представить, что дело человека связано с его назначением. Такой поворот требует принятия принципиального рамочного условия в качестве предпосылки движения в теме. Разумеется допущение о единстве всемирно-исторического процесса.

Если вставить на единственно приемлемую для нас сравнительно-аналитическую точку зрения и выводить назначение человечества из самого факта человечности, существа человека, надлежит прежде всего оговорить исходное. Исходное же — двуединый вопрос единства истории и его факторов. В отношении первого признаем: мы являемся последовательными, убежденными сторонниками естественно-исторического монизма. История едина: ее унитарность — в объективно-эволюционном возникновении. В отношении второго уточним: опять-таки мы остаемся апологетами естественно-историчности. Говоря откровенно, нам никогда не была близка вероучительная схема Ясперса, обнаруживающая единство истории в мистериях творения богом человека по образцу и подобию своему и грехопадения. Сверхъестественное наделяет смыслом, означает нечто лишь для субъекта, потерявшего вкус к разуму. Те же, на кого мало действует фидеистическая установка, принимают в расчет внешний мир не как фантазм, а как данность.

Человек как существо самоценное есть предмет, бытие которого само по себе есть цель, он есть сущее для себя; остальное все — его обслуживающее. С позиций этого не человек — создание бога, а бог — создание человека. Вникнуть в судьбу человека позволяет не сакрализация, а взвешенная диалектическая натурализация становления человека разумного. Подпочва единства истории — не священнодействие, зада-

ющее тривиально чудотворный ряд: творение — грехопадение — воплощение — искупление — воскресение; ось жизни в ином — достойном движении к материальной и духовной раскрепощенности, полноте самореализации через социальный и экзистенциальный прогресс, восхождение к гуманитарно высокому.

В истоках противопоставления естественных и гуманитарных наук — страсбургская речь Виндельбанда, выделившего из единого целого науки природо- и культурознание и утвердившего их внутреннюю несовместимость.

5. Оппозиция: естествознание — обществознание

Усиленная многочисленными адептами баденца оппозиция естествознания — обществознания приобрела вид гносеологической дихотомии, основанной на гипертрофии формального характера автономных целей этих отсеков познания. Согласно такому углу зрения номотетическое естествознание преимущественно исследует законы, занято поиском объяснений, прибегает к абстрагированию, типологизирует реальность через связку «всегда-везде», выявляет тенденции, исходит из инвариантов (отношений тождества), нацелено на генерализацию, тогда как идиографическое социальное знание по сути своей фактофиксирующее, описательно, упорядочивает действительность посредством схемы «однажды — некогда», довольствуется наглядностью, погрязает в однократности, фундируется становлением, ориентировано на индивидуализацию.

Налицо взаимоисключающие ряды наук, сталкиваемые буквально по всем эпистемологически значимым показателям: один тип знания законосообразен, оперирует систематичными логико-понятийными универсалиями, другой тип знания событийен, погружен в стихию беспорядочных неподводимых под общее уникальностей. В качестве тематизации принципиального вопроса правомерности подобного обособления и противопоставления двух сегментов науки в теории познания прорабатывались следующие достойные упоминания концептуальные линии.

Первая линия — гносеологический романтизм, дискредитирующий «точную» науку и на этой базе посредством мечтательно-приподнятого возвеличения гуманитаристики возвышающий ее над ней (идея наднаучности обществознания). От Шопенгауэра к Бергсону, Шелеру и далее Ясперсу крепнет, упрочивается специфическое понятие недискурсивности гуманитарного знания, индуцируемого «полнотой переживания жизни». Характерно, скажем, такое признание Дильтея — горячего поборника данных взглядов — не категориальная деятельность образует почву наук о духе, но «убеждение психического состояния в своей целостности и обнаружение таковой в переживаниях»¹⁵.

Будучи принят как экзистенциальная духовно-практическая платформа, интригующий своей недосказанностью тезис «жизнь постигает жизнь» логически не критикуем; развернутый же в гносеологическую плоскость, он поддается явной и ясной критике. Во-первых, мир истории и мир природы — в силу биосоциальности человека, антропогенетичности биосферы, по ходу социогенеза трансформирующейся в ноосферу, — не два несостыкуемых мира; неперемнную их синхронизацию осуществляет высокоадаптивный механизм цивилизации, перерабатывающий вещество природы в вещество истории и обратно (становление антропо-техно-социо-натурного комплекса как многомерной и динамичной среды нетрадиционного типа). Во-вторых, внутренний (изучаемый гуманитаристикой) и внешний (анализируемый натуралистикой) опыты человека не противоположаемы: с одной стороны, потенциал интроспекции, вживания, вчувствования, сопереживания, духовного прорыва к реальности свойствен человеку вообще, и нет никаких резонов смещать приоритеты его (потенциала) использования в сторону лишь с головой ушедшего в гуманитаристику человека; с другой стороны, гиперболизация герменевтических ресурсов, наделение их какой-то исключительностью в освоении сущностной плоти *materia humana* само по себе безосновательно: ниоткуда не вытекает, что герменевтика, и только она, располагает монополией достижения истины.

¹⁵ Dilthey W. Desammelte schriften. Bd. VII. Stuttgart, 1961. S. 136.

Вторая линия — эпистемологический редукционизм. Не вникая в конкретные варианты редукционистской реконструкции гуманитаристики (от физикализма до физиологизма, от энергетизма до бихевиоризма) и квалифицируя эту программу суммарно и по существу, ограничимся определением ее как явления, не выдержавшего эвристических нагрузок; возводя в новое откровение старую (романтизм наизнанку) ложь, эпистемологический редукционизм не породил ничего, кроме пустой фразы.

Третья, альтернативная обозначенным выше линия — гносеологический унитаризм, акцентирующий родовую единообразность науки. Общеизвестен феномен использования исследовательского инструментария одних систем знания в пределах иных — молекулярная биология, квантовая химия, структурная лингвистика и т. д. Как это возможно и чем обеспечено? Предпосылкой внутренней прозрачности науки, обуславливающей ее структурную диффузность, выступает единство науки, под которым понимается сущностная гомогенность познавательных актов, процедур, принципов генерации, трансляции и демонстрации единиц знания, отвечающих общим критериям научности. К числу последних относятся правила, задающие общую основу разных наук. Таковы приемы, способы рационально-дискурсивного логически и практически обоснованного освоения и удостоверения истины (формально-логическая непротиворечивость, каузальность, критикуемость, общезначимость, опытная адаптированность и др.)

Принципиально разделяя установки и ориентации третьего подхода и отмечая домыслы и предрассудки о наднаучности или паранаучности гуманитарного знания, оценим реальные проблемы единства и различия наук о природе и наук о культуре в их наблюдаемом действии и развитии.

Антиномия естественное-гуманитарное знание не индуцируется антиномией наука-ненаука. Противопоставление науки иным пластам разветвленного духовного производства оправдано в фиксированных пределах проблемы демаркации — разведения совокупной науки и ненауки. Однако оно утрачивает смысл как в более широких рамках рассмотрения

науки в качестве элемента культуры, так и в более узких границах трактовки науки в качестве автономного типа знания. В последнем — интересующем нас случае — натуралистика и гуманитаристика не антиподы, а подвижно взаимодействующие части самодостаточного и самождественного целого. Логичным резюме из сказанного будет соображение, что идея диморфии естественных и гуманитарных наук не может быть фундирована гносеологическими аргументами: конформные по базовым теоретико-познавательным параметрам естествознание и обществознание — ветви Науки; в лимитах своего академического амплуа естествознавец и гуманитарий едят одно блюдо, хотя с разных концов и разными ложками.

Несмотря ни на что, гносеологические сепаратисты настаивают:

Виндельбанд: «...все, имеющее значение для человека, относится к единичному и однократному»¹⁶.

Дильтей: «человечество, постигнутое в восприятии и (разумном) познании, было бы для нас физическим фактом и, как таковое, было бы доступно только естествонаучному познанию. Как предмет наук о духе оно существует лишь постольку, поскольку человеческие состояния переживаются и поскольку оно находит выражение в жизненных откровениях, а эти выражения понимаются»¹⁷.

Зиммель: «индивидуум должен познаваться только посредством некоторого рода интеллектуальной интуиции, поскольку это означает постижение целого посредством целостной функции»¹⁸.

Бергсон: «как и обиходное познание, наука удерживает из вещей только одну сторону, повторение», «интеллект характеризуется естественным непониманием жизни»; «абсолютное может быть дано только в интуиции, тогда как все остальное открывается в анализе»¹⁹.

¹⁶ Windelband W. *Geschicht und Naturwissenschaft*. Strassburg, 1900. S. 22.

¹⁷ Op. cit. S. 86.

¹⁸ Simmel G. *Lebens und Chauung*. 2 Aufl. Munchen und Zeipzig, 1922. S. 196.

¹⁹ Бергсон А. Введение в метафизику. Собр. соч. Т. 5. СПб., 1914. С. 13.

Шпенглер: «причинность есть нечто рассудочное, законосообразное, выражаемое словами, форма внешнего интеллектуального опыта. Судьба есть слово для неподдающейся описанию внутренней достоверности. Можно сообщить сущность причинности физической системой или системой теории познания, числами, анализом понятий. Идею судьбы может сообщить только художник портретом, трагедией, музыкой... Настоящая история имеет судьбу, но никаких законов»²⁰.

Следствием ложной гносеологической стратегии подрыва компетенций науки, исходя из того, что она, переводя необозримую континуальную калейдоскопическую реальность из модуса *vivo* в конструктивно-линейный, дискретный модус *vitro*, опускается до калькуляции, фабрикации реальности, стала установка на противопоставление интуитивного — дискурсивному, художественных форм — понятийным. Атака на *ratio*, как видно из приведенных едва ли не хрестоматийных цитат, носит фронтальный и вроде бы неотразимый характер. Однако неотразимость эта мнимая. Довольно вникнуть в этой связи в существо таких обстоятельств.

Прежде всего необходимо положительное разъяснение того, что представляет собой замещающая разум интуиция. Какой бы то ни было программы на сей счет, вопреки ожиданиям, не разворачивается. Далее. Что человек — не колония клеток, не биомасса, в общем, ясно. Но откуда берется, будто адекватное средство познания человека — не вмещаемая в понятия беллетристика? Соответствующие утверждения внедряются в аналитический контекст как декларации. Наконец, требует рефлексии центральное и крайне темное место о всеобъемлющем схватывании реальности. Не драматизируя, уместно признать — задача всеохватного ментального воссоздания реальности из разряда фиктивных: на духе изначально лежит проклятие избирательности, дробности. По этому вектору, решительно, у искусства нет никаких преимуществ перед наукой. Как и формы знания, художественные формы условны, схематичны, отрывочны, возникают в распредемечивании, т. е. селекции, монтаже, а следова-

тельно, «искажении» реальности. Такого рода искажение, однако, в точном значении слова предзаложено: оно — от самого инструмента прерыва непрерывного в образно-представленческой — частичной — деятельности. Отмеченное позволяет критически отнестись к допускаемому наукообразности — перед лицом неотвратимости не стоит бить себя в грудь сосновыми шишками.

Из сказанного очевидно, что гносеолога не могут удовлетворять ни эпистемологический сепаратизм, ни апология вненаучных форм отображения действительности. Тем не менее орфографическое подразделение наук — факт, за которым стоит систематика, ассоциирующая типы знания по родственным теоретико-познавательным признакам. И если беспочвенно безверие относительно совместимости естество- и обществознания, то столь же беспочвенно и легковерие, порывающее границы между дисциплинами и допускающее аналогичность и даже гомологичность естественных и гуманитарных наук. Дабы не брать аккорд одним пальцем, тактика дальнейшего обсуждения будет определяться обходом категоричности: отстаивание научности гуманитаристики пойдет рука об руку с демонстрацией ее специфичности.

Различная степень зрелости естественных и общественных наук, дистанция в их концептуальном и методологическом оснащении представляют питательную среду для реставрации взглядов о несостыкуемости их творческой процедуры. Чтобы придать всесторонность выяснению резонансов этих взглядов, рассмотрим конкретные обслуживающие их доводы.

Довод первый. Естествознание теоретично, берет явления в идеально-логическом измерении; в пику этому обществознание фактуально, не возвышается над качественной конкретикой.

Подобная точка зрения — расхожий промах рассуждений, обусловленных не столько утрированием неких черт наук, сколько непониманием природы науки. На стадии развитого знания, оперирующего концепционными формами, фигурируют утверждения, которые проецируются не на визуальное, а на идеализированное пространство, являющееся средоточием не «фактов жизни», а их ментальных прообразов — кор-

релятов. С изложенной позиции не вызывающий подозрений закон инерции и «сомнительный» закон капитала — не альтернативные, а гносеологически изоморфные формулировки, т. к. получены не вследствие прямой регистрации непосредственного обстояния дел, но посредством изоциренного интеллектуального комбинирования абстрактных объектов в трансэмпирической модельно-аналоговой реальности (анализ «фиктивных» точечных масс, наднациональных формационно «чистых» социумов).

Сродни положениям естествознания утверждения обществознания соотносятся с ситуациями искусственными, воображаемо-предполагаемыми. Подобно коллеге-естественнику обществовед не высказывается о чувственно воспринимаемой вещиности (формацию так же невозможно наблюдать, как и инерцию): в фокусе его оценок — представляющие потенцию субъективного выбора диспозиции. Он и исследует диспозиции, строя сценарии, что может произойти на уровне мегэ — (цивилизация), макро — (общество) и микро — (личность) тенденций при воплощении соответствующих обстоятельств.

Довод второй. В отличие от естествознания в обществознании даже на высших теоретических этажах используется аппарат естественного языка.

Наблюдение пронизательное, но не являющееся плацдармом для радикальных выводов.

Естественный язык есть предельная граница любой науки. В наиболее широкой редакции это означает, что посредством словесной артикуляции человек реализует свою способность познавать. Для познания в полной мере справедлив тезис *universalia ante rem* — поиск слова влечет нахождение вещи, ибо мы различаем то, что знаем, но мы знаем то, что вербализуем (категоризируем). Нюанс в том, однако, что наличие специализированной терминологии (что и разобщает, как мнится, естественные и общественные науки) характеризует весьма стандартный ареал устоявшейся науки (знание в модусе твердого ядра): вследствие развитых процессов кодификации, метризации, операционализации, логификации, квантификации и т. д. именно тут создаются предпосылки особой лексики с фиксированной семантикой. Что

же касается науки переднего края (знание в модусе активного поиска), то, по определению, строгой лексики здесь нет и быть не может. Стимулирующее искания расширение запаса языка на этой фазе идет за счет паранимии — заимствования слов из обыденного словоупотребления. Так, даже в самую точную теорию входят метафоры — многообразные «вихри» (Декарт), «демоны» (Максвелл), «кирпичи» (Гильберт) и т. п. Вообще ни одна достаточно глубокая (не покрываемая бумажно-карандашными операциями) интеллектуальная процедура не в состоянии избежать пользования всякого рода иносказаниями. В особенности это касается объемных содержательных толкований нетривиальных концептов, сопоставимых с такими, как, скажем, «жизнь», «время»; «тяготение», «сила» и т. д.

Резюмируя и возвращаясь к аргументу, правильно подытожить: привлечение естественной лексики — общее и вполне ординарное место познания; оно связано с внутренней расслоенностью науки и соответственно с разными режимами деятельности ученого в науке твердого ядра и переднего края; разумеется, обогащение словаря науки обиходной фразеологией чревато издержками (утрата точности, строгости, однозначности, определенности), однако раздвигающий горизонты наличного знания ищущий профессионал лишен возможности выбора; естественный язык в отношении языка науки играет роль запасника-резервуара предельной выразительной емкости; он оказывается средством номинации нетрадиционных категориальных пластов и планов.

Довод третий. У естествознания и обществознания разные онтологии: первое осваивает объективно сущий мир «сам по себе», второе понятийно-логически восстанавливает мир несамостоятельный, историчный, непрерывно творимый.

Как следует из утверждения, эпистемологическим водоразделом служит отношение существования объекта к субъективной деятельности: в одном случае деятельность под видом несамостоятельности, историзма включается, в другом не включается в теорию. Штурм проблемы, коей нельзя отказать в серьезности, начнем с различения двух вопросов: а) статуса объектов

естественных и гуманитарных наук и б) перспектив концептуализации субъективного фактора.

Разведение объектов двух типов наук по признаку внутренней историчности, несамостоятельности, на наш взгляд, надуманно. Набившие оскомину акцентуации нестабильности, изменчивости и т. п. гуманитарных структур своим естественным завершением имеют общегносеологическую критику точного знания, негативное отношение к математизации, причинному объяснению, аналитическому рассечению явлений, якобы деформирующим первозданную бытийную целостность. Что стоит за такой критикой? Главным образом недопонимание, что теория (в том числе гуманитарная) не воспроизводит полностью действительного положения дел, что она является упрощенной схематизацией, в чем и заключается ее эвристичность. В то же время, не покидая почвы фактов, неправильно полагать, будто историко-эволюционные представления внутренне чужды естествознанию. Со знанием дела можно говорить только о том, что эти представления чужды классическому естествознанию. С упрочением же постклассических подходов (послефридмановская космология, синергетика, химия катализаторов, кинетические теории иерархических природных процессов и т. д.), сосредоточивающихся на анализе поведения нелинейных, нестационарных, самоиндуцируемых, когерентных, кооперативных явлений, в естествознание проникает и закрепляется в полном смысле слова процессуальная, организмическая парадигма, центрирующая эффекты самоорганизации, конструктивной роли времени, динамической нестабильности систем и т. п. Соответственно очерчивается и обслуживающий эту картину новаторский концептуальный блок, составленный неустойчивостью, неравновесностью, неаддитивностью, избирательностью, необратимостью композиционностью, целеориентированностью и т. п. Поскольку взятая как целое с основания до вершины постклассическая наука буквально пронизана пафосом «становления», нужно очень хотеть, чтобы не замечать восприимчивости естествознания к историко-эволюционным принципам и идеям.

Следующий капитальный вопрос — тактика концептуализации человеческой деятельности, пути включения субъекта в теорию.

Оперируя типажам, теория выдворяет из рассмотрения неповторимую, уникальную личность. В той же политэкономии не предпринимается изучение конкретных капиталистов. Их персональность гасится логикой процесса возрастания стоимости, который, будучи субъективной целью, через растущее присвоение абстрактного богатства, выступающего единственным движущим мотивом капиталистических действий, подпадает под идентификацию и вырождается в «капитал». Потому капитал есть полномочный объективно-логический заместитель и представитель капиталиста. Аналогично метаморфозе работодателя партикулярный работополучатель превращается в «товар». Проводя параллели, по сути те же вариации внедрения субъекта в теорию (под видом «наблюдателя», «экспериментатора») можно отслеживать в релятивистской и квантовой физике.

Теоретизация субъекта в гуманитаристике и натуралистике, следовательно, идет сходно по накатанной колее, весьма жесткой, выхолащивающей личностное абстракции отождествления. Иных способов введения субъекта в теорию не дано. Сказанное важно, но тем не менее не исчерпывает сути дела. Дополнительная деликатность заключается в том, что теоретик сталкивается с пассажем, требующим учета жизнедействий не стандартизированного, а произвольно проявляющегося субъекта. Взять ситуацию «Иван Грозный убивает сына». Событие стихийное, катастрофическое, общими причинами не детерминированное. Именно из таких флуктуаций соткана поливариантная ткань истории. Однопорядковые проблемы самостийного личностного начала поставляет ультраинтуитизм, вводящий не универсального, а уникального субъекта счета. Деяния Самодура-Самодержца трансформируют разворачивание истории, деяния вычислителя-оригинала трансформируют разворачивание математики. Перед нами штатные примеры «некорректных» задач, не поддающихся регуляризации.

Общее квалифицирующее суждение о возможностях концептуализации подобных пикантных мест состоит в следующем. Поскольку бывают теории типажей и не бывает теорий индивидов, индивид может быть включен в теорию лишь в результате соответству-

ющего изъятия из теории. Практически сие означает привлечение нетеоретических хроникально-биографических аргументов в виде антропологических, психоаналитических повествований с «пуантой». Последние в избытке обнаруживаются в гуманитарных курсах, однако при желании ими можно наводнить и математику.

Достаточно задаться рефлексией: почему Фарадей не признавал атомизма; почему Лоренц отвергал теорию относительности, почему для субъекта X будет такой ряд натуральных чисел, а для субъекта Y — иной и т. д.

В завершение разбора выведем правило обратной зависимости теоретического и личностного в знании: чем значительнее удельный вес первого, тем незначительнее удельный вес второго. Преимущественно субъектный тип рефлексии гуманитарных наук, оставляющий простор для индивидуализирующих контекстов со ссылками на флуктуирующее поведение конкретных лиц, снижает порог их теоретичности. Напротив, преимущественно объектный тип рефлексии естественных наук, фактически исключающий описание индивидов, существенно подымает их планку теоретичности. На фоне изложенного призывы обретения естествознанием «истинного состояния», при котором оно включит «всестороннего человека в цельное представление о мире» (Тейяр де Шарден), кажутся избыточными: нельзя требовать от науки обращаться к решению либо уже решенных, либо вовсе неразрешимых задач.

Довод четвертый. Естествознание изучает «стихийные», «слепые», «бессознательные», обществознание же — «рационально-устроенные» силы. У хитроумной конструкции нерациональности природы и рациональности общества отсутствует мелочь — точка опоры; за длинными речами по данному поводу, как правило, просматривается слишком короткий смысл.

Первое, на что стоит обратить внимание в этой связи, — антропный принцип, устанавливающий корреляцию между эволюцией Вселенной и эволюцией жизни и разума на Земле. Самый факт существования человека, накладывая сильнейшие ограничения на величины фундаментальных физических констант, на обстановку во Вселенной, детерминирует ее этапы и

свойства, per impossibile демонстрирует целесообразность ее внутреннего устройства. Разумеется, тезис «*cogito ergo mundis talis est*» не может получить надлежащего оправдания в рамках наличной науки — для этого требуется разработка только складывающейся глобальной эволюционистики, однако соответствующие результаты, которые получены уже на сегодня, столь грандиозны, что не оставляют места сомнениям относительно целесообразности, «мотивированности» организации известной нам природной мегасистемы.

Не менее серьезно и второе встречное полемическое соображение. Обществознание, действительно, в подспудье принимает презумпцию рациональности человека: раз возникнув, в противоположность *homo ferus*, *homo sapiens* не утрачивает рационально-гуманистическую сущность. Обеспечивая определенный простор действиям социального теоретика, презумпция рациональности, тем не менее, достаточно сильная идеализация: многочисленность неосмысленных и бессмысленных эксцессов нашей жизни, почти уже превративших ее в театр абсурда, позволяет усомниться в ее (презумпции) адекватности.

Сказанное избавляет от пустопорожней риторики о якобы нерациональности природной и рациональности общественной среды.

Некогда К. Леонтьев, писатель, публицист, литературный критик, применительно к национально-государственному устройству России выдвинул остроумную формулу: единство через дифференциацию или дифференциация в единстве. Сообщим этой глубокой политической мысли гносеологическую интерпретацию. Единство естество- и обществознания обуславливает познавательный этос, или блок ценностных факторов, обеспечивающий способ формирования и удостоверения истины с опорой на идеалы рациональной обоснованности. Откуда вытекает, что естественные и общественные науки расходятся в материале, а не в средствах, в началах, а не в образе действия. Этот, несомненно, принципиальный тезис требует, однако, некоторых пояснений. Наличие сущностного подобия в исходных умственных интенциях, позволяющих объединить два типа наук в мир науки, не исключает оперативного различения познавательных систем в рам-

ках дисциплинарного строения знания. Учитывая, что последнее характеризуется взаимосвязью способа отображения и доказательства, фиксация особенностей подобной взаимосвязи в разных случаях позволяет специфицировать секторы науки. Отправляясь от сказанного, будет справедливо утверждать, — различия естественных и гуманитарных наук кроются в природе теоретичности.

Теоретичность естествознания конституируется его номологичностью — выявлением существенно-необходимых связей в математизированных рассмотрениях при формально-аксиоматическом задании причинно-следственных цепей и их гипотетико-дедуктивном отслеживании. Теоретичность гуманитарного знания конституируется его генетичностью — выявлением существенно-необходимых связей в историко-диспозициональных рассмотрениях при содержательно-диахроническом задании причинно-следственных цепей и их мотивационно-смысловом отслеживании. В первом случае интеллектуальные акты предусматривают типизацию реальности с радикальным устранением ситуативности, эпизодов «здесь-теперь» — очевидная неудовлетворенность специалистов вхождением в космологию сингулярности. Во втором случае типизация (без нее мысль утрачивает теоретичность) уравнивается индивидуализацией, предполагающей прямую апелляцию к деиксису — экзистенциальному субъекту в «здесь-теперь» — очевидная неудовлетворенность специалистов деперсонализацией истории, допускаемой историческим материализмом. Благодаря этому теоретические контексты естествознания свободны от сфер полаганий субъекта, — неразрешимые трудности ультраинтуиционизма, операционализма, остающихся не рабочими поисковыми программами, а изошренными эпистемологическими метаконструкциями. Гуманитарные же науки, будучи науками о духе, культуре, человеке, пускай в ущерб теории, но не уродуя человечности, не могут не вводить личностные модальности. Прокламируемая некоторыми (Маркс, Тейяр) перспектива включения «человека» в естествознание грозит его развалом по концептуальному вектору — впадение в вульгарный субъективизм; диаметрально противоположные, но глубоко родствен-

ные обозначенным директивы реорганизации обществознания по образу и подобию естественных наук (Гроций, Вольф, Спиноза, Вольней, Тюрго, Леммер, Ламеттри и др.)²¹ грозят развалом обществознания по теоретико-методологическому вектору — впадение в вульгарный объективизм. Естествознание не имеет шансов справиться с анизотропией личностного в случае его антропоморфизации; обществознание имеет все шансы быть низведенным до бытописи в случае его натурализации.

Так как и одно и другое не *utile dulci miscere*, руководствуясь идеями дополнительности, необходимо признать паритет наук, отбросив расхожее и небезобидное заблуждение, будто «вся наука делится на физику и собирание марок».

Наше итоговое квалифицирующее суждение таково. Попытка рассмотреть науку как специфическую область духовного производства, единую надстроечную сферу, подчиняющуюся своим законам и удовлетворяющую особым критериям точности, сталкивается с критической системой доводов ее горизонтальной неоднородности. Под последней понимается гносеологическая многообразность, предметная, семантическая разрозненность, обособленность отсеков знания, доводимая в случае сравнения естество- и обществознания до их противопоставления. В связи с этим спрашивается: что позволяет объединять различные системы знания в совокупную науку? Или в более общей форме — что выступает основой гносеологической общности науки как таковой?

²¹ Для конкретизации мысли сошлемся на проекты Адамса — основанная на втором начале термодинамики и правиле фаз Гиббса динамическая теория истории (*Adams H.A. Dynamic theory of history. The Education of H.Adams // Autobiography, 1927*; Гиддингса — своеобразная космоизация и физикализация социологии (см. *Giddings Ф. Основания социологии. М., 1988*); Н. Рашевского и Ш. Николая — биологизация социологии и социальной философии (*Rashevsky N. Outline of Mathematical Approach to History // Bull. Math. Biophysics, 1953. Vol.10. № 2*; *Nicole Ch. La Nature, conception of morale biologiques. P., 1934*); Мида — физиология социума (*Mead G.H. Mind, Self and society. Chicago, 1934*); Дарлингтона — подверствывание истории под генетику (*Darlington C. The facts of Life. L., 1953*); неофрейдизма — сексуализация общества (*Brown N. Life against Death. Psychoanalytic meaning of history. N.Y., 1963*).

Внутреннее единство науки устанавливается понятием рациональности, представляющим форму аттестации научной деятельности и знания и употребляемым для обозначения эталонов исследований в науке как особой сфере интеллектуального производства.

Начнем с уточнения понятия «гуманитарного». В различных контекстах в зависимости от целей, установок исследований фигурируют различные толкования этого понятия. Обзор таковых показывает: имеющиеся интерпретации сводятся к трем наиболее типическим. Первая — этимологическая — отождествляет гуманитарное с человеческим. Вторая, наметившаяся в Новое время и существующая по сегодня, полагает центральным процесс секуляризации духовной жизни человечества: исходя из противопоставления гуманитарного теологическому, связывает определенность первого с широко понятой «светскостью». Третья основывается на сопоставлении гуманитарного с альтернативным ему естественным; сущность первого в отличие от второго она сближает не с *materia naturata*, но с *materia humana*.

Каждая из интерпретаций правомерна. Однако для наших целей — уяснения природы гуманитарного знания, которое, как и любое предметное знание, «замыкается» на свою неповторимую реальность, — предпочтительнее третья. Действительно. Первая интерпретация малопродуктивна ввиду синкретичности: причисление к гуманитарным вопросов в диапазоне от культуры до анатомии, во всяком случае, не содействует выявлению подлинно человеческого в человеке. Скажем, вполне понятна разница между гуманитарностью «социальной природы человека» и гуманитарностью «биологической видовой природы человека». Одна говорит о признаках, которые специфичны только для человека; другая говорит о признаках, характеризующих человека как представителя отряда приматов.

Вторая интерпретация неэффективна с точки зрения эпистемологии: смешивая естественное, техническое и гуманитарное со светской образованностью вообще, она закрывает пути их познавательной спецификации.

Эпистемологические достоинства третьей интерпретации состоят в том, что она позволяет вполне адек-

ватно понимать гуманитарное знание как знание о гуманистически-личностном в человеке, ибо это определяется законами духовного производства и потребления и сосуществует в нем вместе и наряду с его физическими, физиологическими и прочими «определениями». По этой причине в качестве логичного шага из гуманитарного знания следует вывести медицину, инкорпорируемую сюда принятой ЮНЕСКО типологией наук, которая базируется на первой и, как было выяснено, непродуктивной трактовке гуманитарного как человеческого вообще.

Более сложен вопрос о разведении предметных сфер гуманитарного знания и обществознания, а также культурологии. Естественное толкование «обществознания» как знания о социальных структурах, учреждениях и институтах, а гуманитарного знания как знания о собственно человеческом в человеке показывает их неэквивалентность. Однако неэквивалентность не означает несовместимость. Реальное познание обнаруживает тесное взаимодействие между ними.

Будучи ассоциацией наук, исследующих социальные отношения в отдельности (экономика, политика, право, этика, эстетика, религиоведение) или в совокупности (история, философско-социологические доктрины общества), обществознание гуманитарно в той мере, в какой предусматривает учет субъективного фактора — рассмотрение человека как личности, носителя индивидуального.

Там, где представитель обществознания — историк, юрист, философ и т. д. — апеллирует к социально-политическим сущностям (факты, законы, зависимости общественно-исторического процесса), он выступает преимущественно как обществовед. Там, где он апеллирует к «миру человека» (мотивационные, ценностно-смысловые параметры, аспекты «фона личности»), он выступает прежде всего как гуманитарий.

Так, строя теорию, историк, разумеется, обращается к социально-политическим законам, действующим в обществе и определяющим поведение людей. Однако, поскольку история — не совокупность безликих «коллективных движений», но персонифицированных событий, на каком-то витке рассуждений историк вынужден

прибегнуть к реконструкции некоего личностного их измерения. Учет общественно-закономерного в исторической теории делает ее объективной, учет индивидуально-личностного делает ее человеческой. Как видно, обществоведческое и гуманитарное взаимопроникаемы: без закономерного (общего) история выродилась бы в субъективизм; без личностного (особенного) она стала бы вульгаризованной в духе экономизма.

Аналогично этому устанавливается координация «гуманитарного» и «культуры». Культура истолковывается как такой феномен материального и духовного производства, который, представляя совокупность форм деятельности, ее объективаций, систему норм и институтов общественных взаимоотношений, выступает механизмом порождения и потребления благ и ценностей в ходе развития и самовоспроизводства человека как родового существа. Детальным анализом культуры во всех ее модусах и проявлениях занимается культурология. Собственно же гуманитарной стороной культуры является человеческое бытие «второй природы». Иными словами, если культура выражает меру овладения человеком своими отношениями к себе, обществу, природе, то личностный смысл этих отношений как раз и будет составлять предмет гуманитарного знания. Именно здесь будут перекрещиваться векторы культурологического и гуманитарного исследования.

6. Природа гуманитарного знания

Проведенные уточнения позволяют развить позитивную интерпретацию природы гуманитарного. Понять ее можно, лишь исходя из представления характера самопроявления человека, его деятельности. Сфера гуманитарного — сфера жизнедеятельности, где есть основания различать объективную и субъективную компоненты. Объективное — социально-исторические законы, действующие в обществе и определяющие поведение людей. Субъективное — индивидуальные интересы, мотивы, намерения, словом, интенции человека, преследующего в социуме свои цели и подбирающего для этого кажущиеся ему оптимальными средства. Разумеется, разведение объективного и субъективного

в деятельности — плод сильного аналитического приема. На деле социальные законы и механизм их реализации в индивидуальной эгоистической активности не разводимы. Тем не менее препарирование унитарной деятельности плодотворно. Оно плодотворно в границах познания как отделенных от деятельности людей (хотя данных в ней и через нее) социальных законов, так и мотивационно-смысловой экзистенциальной активности, вписывающейся (ламинарные периоды истории) либо не вписывающейся (турбулентные фазы истории, вызванные волюнтарными интервенциями в жизнь) в сферы закономерного.

Предмет гуманитарного знания — человечески значимый и значащий материал, личностные измерения объектов, их «судьбоносность». Вещь может стать гуманитарной в случае сопряжения с ней человеческих ценностей, свойств, качеств. По отношению к человеку, по способности воплощать в себе, «излучать» из себя человеческое, по степени замкнутости на человека, собственно, и проводится разграничение гуманитарного и негуманитарного. Интенсивно предмет гуманитарного знания образует вещь, так сказать, самонетождественная, превосходящая свои физические пространственно-временные пределы. Вещь потому не равна себе самой, наделена человеческим смыслом: она воплощает вне- и сверхприродные значения, относящиеся к самоопределению человека, его самодеятельности. Вещь, следовательно, берется не в форме объекта, а субъективно, что и позволяет выделять в ней специфически человеческие значения и предназначения, квалифицировать ее как гуманитарный объект. Скажем, «Сикстинская Мадонна» Рафаэля как таковая не гуманитарный, а материальный объект. Она перестает быть материальным и становится гуманитарным объектом тогда, когда воспроизводит или порождает в нас человеческие возможности, которых в нас не было до контакта с ней; возможности видения, понимания и т. д. «чего-то в мире и в себе, а не в самой этой картине: картина в этом смысле не изобразительна, а конструктивна»²².

²² Методологические вопросы историко-научных исследований. М., 1982. С. 47.

Экстенсивно предмет гуманитарного знания образует широкий спектр феноменов, выражаемых понятием «мир человека», куда входит все актуально и потенциально переживаемое, выстраданное, индивидуально значимое. Это — интенции, ценности, значения, смыслы, интросубъективные и аутокоммуникативные отношения, детерминированные сенсорным, топогностическим и прочими уровнями сознания; текущее настоящее, прошедшее прошлое, открытое к протеканию будущее, данные в памяти, эмоциях, душевных порывах, всех расположенностях и предрасположенностях, которые конструируют и конституируют мир из «субъективной спонтанности»; в более общей форме это — целостный континуум реальности, составляющий достояние и внутреннее богатство индивида.

Гуманитарное знание, следовательно, есть знание о том, что не укладывается в «точную» науку в принятом понимании слова. Оно есть знание о чисто экзистенциальных ценностях, всей внутренней сложности личности с ее многочисленными потребностями, самовыражением и самореализацией; оно есть знание о всех приоритетных проблемах человека и человечества, какими являются духовные проблемы, лежащие в границах самоотречения, самоуважения, самопознания, самопреобразования, самоосуществления и подпадающие под столь фундаментальные аксиологические начала, как Истина, Добро, Красота, Польза.

Объект гуманитарного знания. Познание в сфере гуманитарного апеллирует не к природной сущности вещи, а к ее смыслу. Последнее определяет ряд особенностей концептуальной репрезентации предмета гуманитарного знания в форме его объекта. Во-первых, оно обуславливает его более мобильный, гибкий статус. В противоположность объекту естествознания объект гуманитарного знания в гораздо меньшей мере стеснен внутренней сущностью, само его существование как объекта (смысла) есть дериват некоего априорного относительно него принципа осмысления, порождающей семантической модели. Во-вторых, оно обуславливает его двойственную сущность. Дело в том, что сущность объекта гуманитарного знания слагается, с одной стороны, из понимания некоторого знака как достояния человеческого, а с другой — его декоди-

рования, расшифровки, т. е. из конструктивного понимания-истолкования. Объект знания здесь, таким образом, есть смысловая реальность, которая разворачивается при контакте с фрагментом реальности как конструктивная оценка и переоценка сопрягаемых с ним личностных ценностей и смыслов.

Отсюда вытекает: объект гуманитарного знания образует не пространство эмпирически-фактуальных данностей, а пространство человеческих значений, ценностей, смыслов, возникающих при усвоении и освоении культуры.

Задачи гуманитария. В пределах гуманитарного знания мир задан человеку не вещно-натуралистическим, а духовно-смысловым образом как ценностная сущность, подлежащая пониманию и истолкованию. Собственно, это и определяет основные задачи гуманитария: ценностно окрасить мир, наполнить его смыслом, сделать сопричастным человеку (экзистенциальный аспект) и общечеловеческой культуре (культурологический аспект).

Законы гуманитарных наук. Закон есть существенная, необходимая, повторяющаяся связь явлений объективного мира. Его чертами выступают:

- 1) имплицативность. Закон представляет условное предложение вида $\forall x(P(x) \rightarrow Q(x))$. Последнее означает, что для всех индивидных переменных $x_1 \dots x_n$ справедливо утверждение: если $x_1 \dots x_n$ присуще P , им присуще Q ;
- 2) универсальность. Закон есть утверждение максимальной общности, соответствующее предметам данного типа;
- 3) номологичность. Закон фиксирует необходимую связь, вытекающую из сущности предмета. Именно по этому основанию проводится граница между собственно законами и универсальными акцидентальными утверждениями, не имеющими статуса законов. Достаточных формально-логических рецептов демонстрации номологичности не существует; достаточным критерием номологичности является совокупная общественно-историческая практика;
- 4) пространственно-временная интервальность. Закон действует в соответствующих условиях, про-

странственно-временных границах. Так, простейшие физические законы удовлетворяют накладываемым однородностью и изотропностью пространства условиям симметрии и могут записываться лишь одним из трех дифференциальных уравнений — уравнением Пуассона, уравнением теплопроводности и волновым уравнением. Варьирование условий меняет проявление закона вплоть до его упразднения. Переход к неоднородному и неизотропному пространству, к примеру, деформирует законы физики.

Существуют ли законы гуманитарных наук, соответствующие данному понятию закона? Множество взглядов, возникших как результат рефлексии вопроса, возможно упорядочить в два русла.

Одно русло — субъективизм. Его сторонники отрицают существование законов гуманитарных наук, гносеологически тождественных законам естествознания. В качестве решающего приводится аргумент уникальности (Дройзен), неповторимости (Дильтей) и т. п. гуманитарных явлений (процессов, событий, отношений).

На это целесообразно заметить следующее. Онтологические параметры гуманитарного материала выдерживают испытание на соответствие закону: наличие стандартных духовных (этических, эстетических, поведенческих, аксиологических и т. д.) ориентиров, идеалов, образцов и т. д. позволяет констатировать здесь существенные, необходимые, повторяющиеся, инвариантные, т. е. законосообразные связи и отношения...

К примеру, проблема счастья — уникальна: она индивидуально окрашена, глубоко личностна, неповторима и т. д. Однако, принимая во внимание реальность неких однотипных требований, задающих жизненную основу человеческого общежития в виде весьма стандартных инструкций относительно оптимальной реализации человеком его природных, социальных начал и потенций — гедонистическая, моральная, эстетическая и т. п. орнаментация жизни, — можно утверждать, что проблема счастья имеет довольно универсальное решение. Другими словами, каждый, решая проблему по-своему, в конечном счете приходит к одному из уже выработанных человечеством и в этом смысле общих решений. Следовательно, инварианты есть и в области гуманитарной.

Другое русло — объективизм. Его адепты решают вопрос о существовании законов гуманитарных наук на пути редукционизма. Наличие автономных законов гуманитарных наук отвергается; признается наличие законов более «фундаментального» уровня, которые «задают» законосообразность гуманитарных явлений. Таковы в многообразии идейных ветвлений натурализм (биологизм, фрейдизм), социологизм (экономизм), географический детерминизм и т. д., предусматривающие введение в материю гуманитарного своего рода скрытых параметров. Издержки линии, прибегающей к такому приему, хорошо известны: это вульгаризация, фатализм, искажающие объективную картину.

Таким образом, в вопросах онтологии, т. е. тех объективных предпосылок, которые обеспечивают возможность номологичности гуманитарного материала, следует проявлять сугубую тщательность во избежание как субъективизма (актуализма), так и объективизма (вульгаризаторства, фатализма).

Познавательная специфика законов гуманитарных наук определяется целями и задачами, стоящими перед сферой гуманитарного знания в целом.

Гуманитарий движется в ценностно-смысловых, а не вещно-натуралистических связях. Гуманитарный объект внеприроден — вынесен вовне природного бытия в мир человечности, многообразных межсубъективных отношений, которые постигаются не непосредственным наблюдением и созерцанием, а реконструкцией оснований, форм человеческой деятельности, проникновением в суть характера, способа ее организации.

Описание мира человеческой субъективности со стороны сущности достигается путем апелляции к двум типам законов: обществоведческим, отвечающим общесоциологическому критерию повторяемости, — законам культурно-исторического процесса и экзистенциальным, данным в научно-психологическом анализе личностных характеристик в строгом соответствии с реалиями эпохи. Данные законы — основа постижения того, что делает мир человеческим миром, а также того, что раскрывает меру нашего собственного человеческого развития. Эти законы, по которым устанавливается связь культуры, достигается возмож-

ность взаимопонимания, в отличие от известных археологии мостообразующих законов были названы нами «мостонаводящими»²³. В их основе то, что актуализация реальных потенций, заложенных в каждом из нас соответственно нашему темпераменту, субъективным желаниям, укладывается в некие ключевые, вполне стандартные начала, к которым еще Аристотель относил действие, язык, чувство жизни. В законах развития и функционирования действия (труд, а также прочие взаимодействия людей в обществе), языка (универсальное средство категоризации явлений), чувства жизни (стремление к самореализации, максимальному удовлетворению потребностей) возможно вычлениить некую ось — общность практического, духовного, экзистенциального освоения мира, что выражается в общих правилах творения себя и друг друга. Она-то, эта общность, и позволяет наводить мосты между уникальными личностями, культурами, адекватно воссоздавать их интимные черты, признаки. Основные идеи гуманитарного исследования, собственно, вращаются вокруг данных фундаментальных начал, которые задают единую канву оценки самопроявления человеческого.

Насколько надежны, точны, строги законы гуманитарных наук? Поскольку относительно обществоведческих законов, удовлетворяющих соответствующим стандартам, вопрос остро не встает, исследуем особенности экзистенциальных законов.

Причины неоднозначности подобных законов, как указывалось выше, определяются тем, что материя их — ценностно-смысловая, мотивационная формация — жестко не детерминирована. Однако это не влечет произвол, релятивизм, субъективизм исследования. Существуют вполне объективные основания, которые, вопреки убеждениям иррационалистов, конституируют непроблематизируемый базис гуманитарного познания. Мы имеем в виду:

1. Требование привязки структур внутреннего мира к объективным условиям, принципам жизнедеятельности человечества, которые выступают как их

²³ См.: Ильин В.В. О специфике гуманитарного знания // *Вопр. филос.*, 1985. № 7.

(структур) детерминанты. Хотя кажется человеку, что определения его внутреннего мира помимо внешнего мира взяты от него независимо, на деле они порождены внешним миром. Поэтому не правы те, кто апеллирует лишь к индивидуальному вживанию, эмпатии, сопереживанию как средству проникновения в мир другого «Я».

2. Требования историзма, конкретности, всесторонности, объективности подхода, отсекающие возможность предвзятых модернизаций и архаизаций и гарантирующие правдивость, глубину анализа. Инструмент познания гуманитарных наук — понимание — не произвольная исследовательская обработка и переработка оригинала. Как подчеркивает М.М. Бахтин, «нельзя понимать понимание как вчувствование и становление себя на чужое место (потеря своего места)... нельзя понимать понимание как перевод с чужого языка на свой язык». Понимать так, как понимал автор, и самообогащаться авторским пониманием — познавательное кредо гуманитария.
3. Индивидуализация, персонификация, идиографизация в гуманитарном знании не равны субъективизации. Субъективизм — неглубокая, исторически неоправданная интерпретация гуманитарных явлений. Предел гуманитарного поиска — «не Я, а Я во взаимоотношениях с другими личностями, т. е. Я и другой Я, Я и ТЫ»²⁴.

Учет авторского социально-исторического и духовно-экзистенциального измерения кладет предел субъективизму в виде преодоления чуждости чужого без превращения его в чисто свое (подмены всякого рода, модернизация, неузнавание чужого и т. п.)²⁵.

4. Апелляция к таким закономерностям (социально-исторического процесса) и принципам (межличностной коммуникации, труда и т. д.), которые обеспечивают идентификацию гуманитарного материала, его общезначимую рационализацию, теоретизацию. Такая апелляция возможна там, где, как, например, в социологии, уникальные индивиды

²⁴ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 370.

²⁵ Там же. С. 371.

идентифицируются по некоторым типологическим параметрам. Там, где она невозможна, как, скажем, в случае, когда один человек не может стать на место другого, когда требуется целостная и неповторимая личность человека, обращаются к традукции по принципу: если хочешь знать себя, изучай других, если хочешь знать других, изучай себя, а также к иноточнонаучным способам познания — гуманитарной интерпретации и реконструкции «индивидуальной каузальности», которая представляет форму понимания другого на базе понятия «своего другого» и «другого своего». В этих случаях также удастся найти интересубъективную основу рациональной идентификации гуманитарного материала.

Сказанное позволяет добиться адекватности, глубины понимания мира другого «Я», что в итоге способствует решению стратегических задач познания в сфере гуманитарных наук: 1) постичь природу, смысл человеческой деятельности; 2) вписать ее в современность.

Понимание не связано только с истинностными оценками. Включение понятого в контекст современности сопровождается активной оценочной деятельностью, предполагает истинную оценку соответствующим образом истолкованных гуманитарных ценностей — истолкованных с позиций господствующих в современности идейных установок, которые преломляются в социальных, гражданских, личностных позициях исследователя. В той мере, в какой санкционируемые обществом оценки гарантируют историческую правдивость, реалистичность и т. п., результаты познания гуманитарных объектов адекватны.

Оценочная деятельность адаптирует гуманитарный материал к конкретным историческим условиям, где на передний план выдвинуты специфические ценности, отвечающие определенности этих условий. Последнее обуславливает характерные для гуманитарных наук «видения», «переоценки» и т. п.

К примеру, почему неоднократно переиздававшаяся в период Великой Отечественной войны повесть Лескова «Железная воля» практически не издается в наше время? В известной мере это поддается объяснению благодаря апелляции к так называемому «малому

времени». Лесковская повесть о немце «подсобила нам в страшный час. Ушла в прошлое война — ушла повесть из непосредственного арсенала»²⁶. Непосредственный арсенал — это актив культуры, изменение реалити которой движет динамикой ее актива. Последнее конкретизирует тезис двумерности объектов гуманитарного знания. С одной стороны, они — продукты эпохи, что характеризует их принадлежность к «малому времени», с другой, они — продукты сверхэпохальные, что определяется наличием в них незамкнутого на эпоху общечеловеческого содержания, которое переосмысливается под действием ценностей и оценок, и что характеризует их принадлежность к «большому времени».

Сфера приложения гуманитарного знания — мир человека, человеческая культура. Познавательные качества гуманитарных наук измеряются в терминах не технико-утилитарных, но гуманитарно-преобразовательных.

Возможность воздействовать на человека, изменять, целенаправлять, одухотворять, преобразовать моральные, правовые, экзистенциальные, идейные его измерения, способствуя общему гуманитарному росту, — высшее мерило познавательных качеств гуманитарного знания. Поскольку же наличие этих качеств есть результат адекватного познания на основе обнаружения законов, чему способствует планомерное развитие методологического самосознания, рефлексия проблемы законов гуманитарных наук представляется актуальной.

Структура гуманитарного знания. Структуру гуманитарного знания, как и структуру других наук, составляют факты, законы, утверждения относительно фактов и законов, конструкты, идеализации, интерпретации, аппарат логики, предназначенный для аргументации, и т. п. Специфика этих элементов задается особенностями фактуального и концептуального базисов гуманитарного знания.

Фактуальный базис образует множество объектов, взятых в аспекте их ценностно-смысловой выразительности. Как указывалось, интерес гуманитарного поиска направлен не на натуралистические свойства

²⁶ Новый мир, 1985. № 8. С. 240.

вещи, а на те ее специфические свойства, которые позволяют вещь считать объектом не природы, но культуры: эти свойства вещь обретает в процессе очеловечения, гуманизации, в ходе мысленно-духовного освоения, преобразования. Последнее придает вещи идеальную, ценностно-смысловую форму, соответствующую реальному месту и положению индивида в мире, его исторически конкретному общественному бытию.

Смысловая детерминация, ценностная причинность — те познавательные приемы, которые отличают поиск гуманитария. Гуманитарий берет вещь, действительность в круге целей, намерений, побуждений, ориентаций человека, т. е. берет их как события человеческой жизни, как нечто соразмерное и соизмеримое с сугубо человеческим.

Суть дела, таким образом, заключается в том, чтобы вещную среду, воздействующую «механически» на человека, «заставить заговорить», т. е. раскрыть в ней потенциальное слово и тон, превратить ее в смысловой контекст мыслящей, говорящей и поступающей (в том числе и творящей) личности»²⁷.

Вспомним горьковское: «море смеялось». Может ли море смеяться как объективное, натуралистическое явление? Ответ очевиден: смех моря — человеческий смысл-образ, в этом своем значении передающий состояние «мира человека» (при восприятии моря) и, значит, обладающий гуманитарностью.

Специфику концептуального базиса гуманитарного знания помогает выяснить подчеркивание роли оценочных актов — процедур, осуществляющих оценку, отнесение к ценностям в рамках реализуемого познания. Они позволяют не просто понять (задача интерпретации), но вписать гуманитарный материал в современность. Привнося дополнительный контекст, окутывая явление «музыкой интонационно-ценностного контекста», в котором оно понимается и оценивается (конечно, контекст этот меняется по эпохам восприятия, создавая новое звучание явлению²⁸), давая простор нормативно-оценочным суждениям, эти процедуры обновляют яв-

²⁷ Бахтин М.М. Цит. соч. С. 366.

²⁸ Там же. С. 369.

ление, придавая ему статус современно-значимого. Отнесение к ценностям, наличие оценок определяют неизбежно ценностный характер гуманитарного знания и связанную с этим полисемичность фактов, неоднозначность истины и т. д.

Специфической направленностью познания в гуманитарных науках является рациональная реконструкция помыслов, побуждений, намерений, прочих данностей мира личности, вызываемых к жизни тем, что Коллингвуд именовал ситуационной мотивацией — при наличии *causa quod* (достаточных причин) и внутрисубъективной интенцией — при наличии *causa ut* (целевой причины).

То, что может быть осмыслено в гуманитарном познании действием социально-исторических законов и зависимостей, подпадает под апеллирующее к ним дедуктивно-номологическое «объяснение». То же, что не может быть объяснено действием этих законов и зависимостей, подпадает под мотивационно-смысловое «понимание». В этой своей функции понимание представляет процедуру, применяемую в познании сугубо гуманитарных явлений. Ее, эту процедуру, не следует, однако, квалифицировать как иррационалистический акт, эмфатическое постижение-вживание. Эмфатический элемент здесь хотя и присутствует, но ни в коем случае не является основным, а тем более исчерпывающим суть дела.

Возможность понимания гуманитарного материала обусловлена зависимостью жизнепроизводства от исторических условий, определяющих характер обработки людьми друг друга, обмена деятельностью, уровня развития их истинной природы.

Понимание, т. е. реконструкция личностных изменений объективаций деятельности, осуществляется в контексте учета общественной практики, очерчивающей их (объективаций) смысловой потенциал и способствующей адекватности его (потенциала) раскрытия. По этой причине понимание — не профетический, не авгуровский (Шлейермахер) акт; не замыкается на данную во внутреннем опыте реальность переживаний (Дильтей); не есть мистическое перенесение смысловой связи из чужого мира в собственный (Гадамер). Понимание базируется на привязке объектов мира

человеческого бытия к общественному целому, на фоне которого разворачивается деятельность индивида.

Конкретно понимание реализуется «или путем вхождения в знаковую ситуацию герменевтического отношения, или путем конструктивного освоения объекта, или через его эмоциональное переживание»²⁹. Первое производно от того, что «объекты мира человеческого бытия, вещи выступают как голоса значений информационно-знаковых моделей действительности и тем самым вовлекаются в герменевтическое отношение понимания»; второе заключается в переконструировании (с использованием ассоциативных связей) гуманитарного материала «в контексте нового опыта»; третье состоит в переживании смысла гуманитарного предмета «путем воссоздания узловых моментов ситуации, в которой он возник»³⁰.

Как видно, понимание, т. е. вписание объектов понимания в систему индивидуальных и общественных смыслов, рационально. Оно основано на реконструкции инвариантных структур, данных в значениях следов человеческой деятельности, которые закрепляются социально-исторически.

Проблема языка. Язык теории — это материализованные в знаках теоретические объекты, конструкты, идеализации и т. д. Гуманитарный анализ располагает языковым фондом — специальными понятиями, терминами, позволяющими осуществлять познавательные функции относительно осваиваемого в нем предмета. М.М. Бахтин обогатил гуманитарный словарь «диалогичностью», «полифоничностью», С.С. Аверинцев — «символогичностью», структуралисты — «типологичностью», «структурностью», эволюционисты — «становлением», «генетической связью» и т. д. Между тем о наличии какого-то стандартного общепринятого в гуманитарной среде языка говорить рано. Его выработку осложняет то, что в отличие от естественного гуманитарный материал индивидуализирован, плохо структурируем, типологизируем, что затрудняет его унификацию, категоризацию, артикуляцию.

²⁹ Понимание как логико-гносеологическая проблема. Киев, 1982. С. 34

³⁰ Там же. С. 36 — 41.

Язык гуманитарной теории расслаивается на два фрагмента. Один состоит из понятийного фонда общезнания — используемые в гуманитарном знании модели, концептуализации экономики, юриспруденции, социологии, философии и т. д., предназначенные для объяснительной деятельности. Другой включает терминологический арсенал теории культуры, антропологии, психологии и т. д., предназначен для герменевтической деятельности. Первый достаточно отработан, строг, точен. Второй только начинает складываться.

Упорядочение языка, образующего второй фрагмент лексического фонда гуманитарного знания, осложняет наличие иррационалистических традиций в трактовке его, так сказать, гносеологического призвания. Иррационалисты полагают, что применение языка к гуманитарному материалу препятствует реализации основной задачи гуманитария — воссоздать, понять уникальный внутренний мир человека. Общезначимый язык, на их взгляд, разрушает индивидуальное, затрудняет самовыражение, заставляет испытывать безличие, что вызывает противоречие цели (выразить уникальное) и средства (выразить его при помощи универсального языка) в рамках деятельности гуманитария.

Тезис иррациональной уникальности гуманитарного материала представляется искусственным. Во-первых, всякое уникальное включает элемент универсального. Даже, казалось бы, максимально индивидуализированные суждения вкуса типологизируемы, генерализуемы, о чем говорит возможность квалифицировать некий вкус как хороший или дурной. Во-вторых, в полной мере уникальное, т. е. никак и ни с чем не идентифицируемое, — нерационально, невыразимо. Так что акцентация уникального иррационалистами чревата уничтожением выразительных средств вообще, означает, в сущности, пропаганду безмолвия.

На деле использование языка в сфере гуманитарной теории не ведет к деперсонализации исходного материала. Этот материал просто требует адекватной лексики, одновременно передающей индивидуальное и достигающей универсального смыслового единства.

Поскольку создание языка науки не предшествует разработке, а совпадает с разработкой науки, постоль-

ку лучший способ развития языкового фонда гуманитарной теории — позитивные искания.

Математизация. Оценка специфических ценностей, позволяющих человеку быть человеком, располагаться по эту сторону духа, отношений гуманитарности, деликатность, если угодно, «неуловимость» гуманитарного материала значительно затрудняют математизацию гуманитарной теории. Здесь не может быть нивелировки, подведения под единый знаменатель, обезличения. Вообще трудно «лучше — хуже» выразить через «меньше — больше». В исследовании многомерного мира человека много места отводится установлению «дискретных отношений», т. е. факторов, для которых нарастание степени несущественно; важно, имеется ли структура или ее нет. (Так, совести не может быть много или мало. Она либо есть, либо нет.) По этой причине формулировки гуманитарной теории не квантитативны.

Препятствует математизации гуманитарного материала и обилие случайных, спонтанных, неподконтрольных факторов, трудность их изоляции, локализации. Радикальными представляются неформализуемость, неалгоритмичность, немеханизируемость и т. п. оценок гуманитарного материала.

Математические приемы исходят из допущения тождественности, равнозначности единиц расчета разных переменных в разных условиях, однако последнее не проходит: как подчеркивал Бахтин, чем глубже личность, т. е. чем ближе к личностному пределу, тем неприложимее генерализирующие методы — генерализация, формализация стирают границы между гением и бездарностью.

Между тем, хотя связи, исследуемые гуманитарием, не количественные, а ценностные и их математизация крайне затруднена, если не сказать — проблематична, принципиальных запретов на математизацию гуманитарного не существует. В настоящее время математические методы исследования вторгаются в гуманитарное знание через обществознание, где в оценке, планировании, прогнозировании широко применяются статистика, регрессионный анализ, моделирование и др. Известные перспективы математизации гуманитарного открывает и теория нечетких множеств Л. Заде.

Эксперимент. Иррационалисты отрицают возможность эксперимента в гуманитарной теории. На это, в частности, работает их противопоставление *experimentum* в естествознании *experimentia* в гуманитарном знании. Первое есть деструктивное преобразование ситуации, связанное с вмешательством искусственных средств воздействия на предмет познания. Второе же считается свободным от этого недостатка, предполагая недеформирующее предмет освоение его «изнутри» — методами вживания, сопереживания. Оценка правомерности данного противопоставления требует специального анализа. Для наших же целей достаточно отметить следующее. Тезис невозможности эксперимента в гуманитарном знании фактически является декларативным: он просто-напросто не обоснуется. Экспериментальные методы исследования вторгаются в гуманитарный поиск через обществознание. Тестирование, опросы, изучение общественного мнения, анкетирование, модельное экспериментирование и т. д. весьма действенны, эффективны в познании гуманитарного материала: положить им какие-то заведомые пределы в экспансии в данную сферу невозможно. Нацеленность же эксперимента в гуманитарной теории должна определяться задачами раскрытия человеческой природы рассматриваемых феноменов, показом их принадлежности к миру личности. Поскольку мир человека сам по себе крепится на наличии многочисленных интерсубъективных, коммуникативных, ценностных, смысловых и других связей и детерминации, постольку эксперимент, базирующийся на их учете, вполне возможен; его особенность — в способности служить орудием проникновения в тайники интимно человеческого.

Теоретизация. Теоретизация — идеализированное моделирование подлежащего познанию предмета. Предпосылкой успешной теоретизации является наличие эмпирического (совокупность данных опыта, индуктивных законов) и теоретического (совокупность идей, ранее наработанных в данной науке) базисов. Роль эмпирического базиса в гуманитарном знании сводится к доставлению фактического материала (данные для теоретизации), а также к осуществлению проверки

теоретических моделей, конструкций. В принципе, ввиду крайней подвижности, расплывчатости эмпирического базиса гуманитарной теории его функции довольно пассивны. Роль теоретического базиса гуманитарного знания более весома, значительна: он полностью владеет монополией на генерацию идей, теорий.

К сожалению, фундаментальные теоретические идеи, как правило, инкорпорируемые в гуманитарный анализ из иных наук, не способствовали прогрессу теоретизации гуманитарного материала. В частности, выяснилась крайне низкая эвристичность, с одной стороны, субъективистских установок иррационалистической антропологии, психоанализа, а с другой — объективистских, вульгаризаторских установок натурализма, биологизма, экономизма. Перефразируя известную мысль, можно сказать: внедрение этих установок, перенесение связанных с ними понятий на почву гуманитарного порождает лишь фразу.

Адекватные принципы теоретизации гуманитарного материала, на наш взгляд, заключаются в использовании как аппарата обществознания — особенно в той части, какая призвана (на социально-политическом уровне) давать объяснение явлениям гуманитарного рода, — так и аппарата герменевтики — особенно в той части, какая призвана (на мотивационно-смысловом уровне) давать понимание этих явлений.

Сигнатура. Сигнатура гуманитарного знания как автономной отрасли знания такова: $\Omega = \langle S-S, Int, Nv, L \rangle$, где:

$S-S$ — множество знаков-символов, образующих фактуальный базис теории. Введением этого компонента подчеркивается, что интерес гуманитария направлен не на материальную, а на духовно-смысловую реальность. Знак-символ — предмет, несущий символически-ценностно-смысловое отношение; указывая на подобное отношение, он всегда выразителен, полифоничен. Наличие $S-S$ определяет разнопричинность — способность одних и тех же факторов в схожих условиях приводить к разным следствиям. Представление об $S-S$ уточняет задачу, нацеленность поиска в сфере гуманитарных наук, а именно: он

заключается в том, чтобы по фрагменту реальности реставрировать, воссоздать картину духовного мира человека.

Int — множество герменевтических актов, обеспечивающих осмысливание, наделяющих значением, удостоверяющих ценностный статус объектов гуманитарных наук.

Nv — множество ценностей и нормативно-ценностных процедур, осуществляющих оценку гуманитарного материала. *Nv* позволяют не просто понять (задача *Int*), но вписать гуманитарный материал в современность. Привнося внеситуативный контекст в осмысление исходного фрагмента реальности, давая простор нормативно-оценочным суждениям, *Nv* актуализируют данный фрагмент, придавая ему статус современно значимого. Наличие *Nv* — отнесение к ценностям, нормативная оценка — определяет неизбежно конъюнктурный характер гуманитарного познания и связанную с этим полисемичность фактов, неоднозначность, многоликость истины.

L — множество логических средств, используемых в гуманитарном знании.

Исходя из того, что гуманитарное знание образует множество предметно специфицированных теорий (*Ts*), описываемых Ω , а также учитывая роль (*L*) — средства обоснования положений и (*A*) — атрибутивно-го поиска отнесения к ценностям, структура гуманитарного познания выражается формулой $\langle \sum Ts ; A ; L \rangle$.

Гносеологическая специфика. Гносеологические особенности гуманитарного знания образует:

А. Непосредственная привязка к культурно-личностной онтологии, выступающей предметным базисом гуманитарности. В той части, где гуманитарий выясняет определенность общественного бытия, формирующего структуры мира индивида, он обращается, как отмечалось, к базисным общественно-историческим законам. В той части, где гуманитарий стремится понять эти структуры, он обращается к «мостонаводящим» законам, выражающим инвариантное в человеке как носителе гуманитарности, как личности.

Поступок как некое социальное действие есть объект исследования обществознания (социология, юриспру-

денция). Поступок как акция, реализующая цель, наполненная смыслом, который нужно постичь взаимодействием двух сознаний, есть объект исследования гуманитарного знания.

М.М. Бахтин отмечал: «Вещь, оставаясь вещью, может воздействовать только на вещи же: чтобы воздействовать на личность, она должна раскрыть свой смысловой потенциал, стать словом, т. е. приобщиться к возможному словесно-смысловому контексту»³¹. Смысловая детерминация, ценностная причинность — те антивещно-антинатуралистические формы связи, которые специфичны исключительно для гуманитарного знания.

Б. В качестве эффективного средства познания используется «понимание». Понимание — коммуникативно-смысловой процесс, результатом которого является возможность истолкования, интерпретации объекта, наделения его смыслом. Понимание — универсальный познавательный процесс, имеющий место во всех отраслях науки.

Гносеологическую основу понимания образуют:

- а) идентификация компонентов герменевтического отношения;
- б) общность категориальных смыслов, определяемая общностью фиксируемых ими объективных связей.

Глубинный базис понимания конституирует человеческая деятельность: каждый в состоянии понять то, что понимают другие, представив это объектом и продуктом своей деятельности. Специфику понимания гуманитарного материала задают два постулата:

1. Человек — существо ценностное: его сознание и поведение направляется, регулируется определенным множеством ценностей.
2. Так как рациональное познание — идентификация, обеспечиваемая наличием стабильных структур, существует общность элементов субъективной реальности; в ее основе — человеческие потребности, черты жизни и ценности, отображающие адаптационное становление человека; эти потребности, черты всегда могут быть выделены как

объективные инварианты, которые действенны, пока человек остается человеком; позволяя спрятать прошлое с настоящим, общечеловеческое с глубоко личным, они лежат в фундаменте рационального идентифицирующего познания гуманитарного материала.

Постулаты не могут быть непосредственно выведены из теории: они имеют практический характер. В фундаменте возможности понимания гуманитарного материала — инвариантность структур материально-практического и духовного освоения мира, что задает своего рода предметно-культурную интерсубъективность, универсальность онтологической основы, базис несомненности человеческого общения³². Благодаря этому базису, определяемому через культурную предметность цивилизации, оказывается возможной «презюмция услышанности» в той полифонии вопросов и ответов, какую создает культурно-исторический процесс³³.

Понимание мира человека — рационально. Оно есть реконструирование не душевных, а духовных явлений. Будучи знанием, гуманитарное знание имеет дело с объективно-логическим (смысловым) измерением гуманитарного материала, при необходимости реставрируя по нему и субъективно-психологическое (переживаемое) его измерение. В гуманитарном познании понимание — рационально, общезначимо, оно связано с таким приобщением к смыслам человеческой деятельности, когда сознание начинает резонировать в вещах, а вещи выступают как вещание, раскрывая свой смысловой потенциал, удостоверяемый культурно-историческим, социальным опытом.

В. Отсутствие точности, присущей «точным» наукам. Последнее обусловлено как онтологическими (предметными), так и гносеологическими (концептуальными) причинами.

Онтологические причины отсутствия точности гуманитарного знания определяются тем, что гуманитарный предмет — самоизбыточное, выразительное, говорящее, ценностно-смысловое бытие, его самораскрытие не

³² Понимание как логико-гносеологическая проблема. С. 34.

³³ Там же.

детерминировано натуралистически (механически). Естественно, бытие остается бытием, но несет символ, смысл, оно ценно не своей натуралистической вещностью, а символичностью, смысловой нагруженностью. Смысл — субстанция не материальная; смысл не изменяет, но видоизменяет бытие, он — сильнее всякой силы — меняет тональность бытия, не меняя ни йоты в его действительном (вещном) составе. В результате бытие разворачивается в определенные ракурсы, позиции, становясь позиционно-преображаемым, полифоничным, многоликим.

Гносеологические причины «неточности» гуманитарного знания сводятся к наличию:

1. Диалогичности, определяемой встречной активностью субъекта. Гуманитарный познавательный акт — встреча двух субъективных миров, двух сознаний — «авторского» и «реципиент-акцепторского». Отличительной чертой последнего является творческая сущность: реципиент-акцептор не может быть пассивным — он включен в познавательное отношение как соавтор, поэтому продукт гуманитарного познания — всегда со-творчество, со-переживание, со-деятельность, со-знание. Творческая природа реципиента-акцептора объясняет феномен обновления, круговорота смыслов гуманитарных $S-S$, которые живут жизнью «оборотней», испытывая «тягость» беспрестанного переосмысления. Гуманитарное как реальность, субстанция подвержено измерению двух типов времен: малого — смыслы, рождаемые современностью, ближайшим обозримым прошлым и будущим и гибнущие вместе с ними, и большого — бесконечный и незавершаемый диалог, в котором ни один смысл не погибает, входя в общечеловеческое достояние. Наличие малого времени обуславливает конъюнктурность (широко понятую), а большого — надвременность, непреходящность природы смыслов гуманитарных $S-S$.
2. Символичности. Основанная на рационализации и ценностной концептуализации интерпретация приближается к понятию, но не переходит в него. Это потому, что:

- а) смысл, раскрываемый лишь на основе других смыслов, зависит от настроенности субъекта-интерпретатора; гуманитарное осмысление — всегда открытие наличного путем узрения (созерцания) и прибавления путем творческого созидания³⁴, что делает невозможным алгоритмизацию, формализацию соотнесения смыслов;
- б) природа $S-S$ полифонична. Экстенсивно ее диапазон безграничен, как и вселенная, — мы говорим не о физической безграничности, а о смысловых глубинах, которые так же бездонны, как и глубины материи. (Бесконечное разнообразие осмыслений, образов, образных, смысловых сочетаний материалов и их осмыслений и т. п.³⁵) Интенсивно «через опосредствованные смысловые сцепления» ее диапазон очерчен соотнесенностью с идеей «мировой целокупности, с полнотой космического и человеческого универсума»³⁶, — идеей крайне трудно рационализируемой;
- в) по причине диалогичности и полифоничности истолкование $S-S$ «принуждено уходить в бесконечность символических смыслов, поэтому оно и не может стать научным в смысле научности точных наук»³⁷.

Сказанное позволяет обосновать, что интерпретация, понимание $S-S$ в каких-то аспектах остаются нестрогими, — к примеру, они заведомо возможны, а не необходимы, предположительны, а не несомненны, что в итоге лишает гуманитарное знание строгости «точных» наук.

3. Индивидуализированности (персонифицированности). Для точных наук не важен «фон личности»: его поглощают общезначимые теоретические курсы, включающие монологическую — «безымянную», формально обоснованную истину.

Антивещно-антинатуралистический гуманитарный материал и антиобъектно ориентированный способ его освоения — личностны, идиографичны. Диалогическое

³⁴ Бахтин М.М. Цит. соч. С. 367.

³⁵ Там же. С. 344.

³⁶ Там же. С. 361.

³⁷ Там же. С. 362.

гуманитарное знание не знает однозначных смыслов: имеется бесконечное, нескончаемое многоголосье в понимании лишенных привкуса вещности личностно окрашенных смыслов. Гуманитарная мысль знает «только условные точки; мысль смыывает все поставленные ранее точки»³⁸.

4. Полисемичности. Смысл $S-S$, на расшифровку которого нацелен гуманитарный поиск, «не существует в качестве некоей рациональной формулы, которую можно «вложить» в образ, и затем извлечь из образа»³⁹. $S-S$ — знак-символ, опознавательная мета, указующая на иной смысл, непосредственно любому данному $S-S$ нетождественный. Как таковые $S-S$, следовательно, есть формы смыслов-символов, которые «нельзя дешифровать простым усилием рассудка», в них «надо вжиться»⁴⁰. Так как сфера действия $S-S$ широка (это культурная общность человечества), при учете того, что символ есть средство опознания «своих», на что указывает и этимология термина (в отличие от аллегии, дешифруемой «чужими»), простор для наведения мостов в ходе «вживания» в символ поистине необъятный. По этой причине интерпретация $S-S$ не бывает окончательной, что фиксируется двумя максимумами:

- а) нет смыслов «в себе», есть смыслы для других смыслов;
- б) нет смыслов всех смыслов, которые легализуют универсальное переосмысление, реинтерпретации, субъективные видения, углы зрения и т. п.

Актуальная незавершенность интерпретаторской деятельности в познании-понимании человеческой сущности знаков-символов, недопустимость смешения реальности, внеположной символу, и реальности самой символической формы, взаимооборачиваемость смысловых связей символа и т. п. дает основания квалифицировать науку об $S-S$ как симвонологию.

5. Системы гуманитарных связей не рефлексны: точное описание обратных связей затруднено здесь

³⁸ Бахтин М.М. Цит. соч. С. 365.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1971. С. 826.

необходимостью учета таких этапов, как переработка информации, принятие решений и т. п., развертывание которых серьезно видоизменяет ситуации, делая их трудно планируемыми, предсказуемыми.

Г. Принятие в качестве центрального критерия научности «глубины понимания». Как отмечалось, задачи гуманитарного поиска двойкие: 1) понять смысл $S-S$; 2) включить его в контекст современности. Непосредственно понимание не связано с истинностными оценками. Включение же понятого в контекст современности, сопровождающееся активным действием Nv , предполагает непосредственную истинностную оценку соответствующим образом понятых $S-S$. Понятых с позиций господствующих в современности мировоззренческих (в широком смысле) установок, которые преломляются в социальных, гражданских, личностных позициях субъекта гуманитарного знания.

Nv -деятельность — адаптация смыслов $S-S$ к конкретным историческим условиям, где на передний план выдвинуты специфические ценности, отвечающие их определенности. Последнее обуславливает характерные для гуманитарного поиска «видения», «переоценки» и т. п. К примеру, «мы можем сказать, что ни сам Шекспир, ни его современники не знали того «великого Шекспира», которого мы теперь знаем»: «втиснуть в Елизаветинскую эпоху нашего Шекспира никак нельзя»⁴¹. Чем порождена избыточность «нашего Шекспира» сравнительно с творившим в Елизаветинскую эпоху? Открытием новых смыслов наследия. Шекспир, следовательно, вырос «за счет того, что действительно было и есть в его произведениях, но что ни он сам, ни его современники не могли осознанно воспринять и оценить в контексте культуры своей эпохи»⁴².

Шекспир был пленником смыслов современного ему времени. Новые времена, новые современности дают новые смыслы старому. Это конкретизирует выдвинутый ранее тезис о двумерности гуманитар-

⁴¹ См.: Бахтин М.М. Цит. соч. С. 331.

⁴² Там же.

ных объектов: с одной стороны, они — продукты эпохи, что характеризует их принадлежность к «малому» времени, с другой стороны, они — продукты сверхэпохальные, что определяется наличием в них незамкнутого на эпоху общечеловеческого содержания, которое переосмысливается под действием *Nv*, что говорит об их принадлежности к «большому» времени.

Сфера реализации гуманитарного знания — не техника, а мир человека, человеческая культура. Познавательные качества гуманитарного знания измеряются в терминах не технико-утилитарных, но гуманитарно-преобразовательных. Возможность воздействовать на человека, изменять, целенаправлять, одухотворять, преображать моральные, правовые, идейные его измерения, способствовать его общему гуманитарному росту, — высшее мерило познавательных качеств гуманитарного знания. Поскольку наличие этих качеств есть результат адекватного освоения мира человека средствами понимания, постольку глубина понимания оказывается центральным критерием научности гуманитарного знания. Индикаторами глубины понимания выступают, во-первых, реалистичность, историзм оценки гуманитарного материала, а во-вторых, возможность этих оценок обеспечивать общий гуманитарный рост, содействовать всестороннему развитию в человеке всех его потенций, способностей.

Подытоживая, возвратимся к высказанной ранее мысли, что методологию гуманитарного знания еще предстоит создать. Базовой идеей этой методологии, на наш взгляд, должна быть идея особой смысловой человеконесущей реальности, которая «становится» (при контакте субъекта культуры с объектом) в качестве всей полноты разверток возможных оценок и переоценок сопрягаемых с ним (объектом) ценностей, значений. Здесь нам, однако, не уйти от вопроса: если теория гуманитарного невозможна без концептуализации ценностно-субъективной реальности, спрашивается: как это делать? Трудности заключаются в том, что традиционный причинно-следственный подход применительно к гуманитарному зачастую не проходит. (Вспомним пример с совестью. Она не за чем, не отчего и не почему. Она не состоит в мере.

Она просто есть или нет.) Но это-то и умножает сложности, ибо принятая в «точной» науке универсальная причинно-следственная схематика явлений в гуманитарном знании во многом не работает. Не помогает и обращение к наследию: возможности известных ходов из пантеона гносеологически активных методик особого удовлетворения не дают. Ни натурализм, ни иррационализм, ни фрейдизм, ни психологизм содержательной глубиной не отличаются. Как быть? Этот вопрос требует специализированной кропотливой рефлексии.

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Введение

Вопрос о связи естествознания и социально-гуманитарных наук имеет длительную историю своего обсуждения и огромное число важных аспектов. В настоящей работе речь пойдет о тех его сторонах, которые прямо связаны с феноменом так называемого «раскола двух культур» (естественно-научной и гуманитарной) и движением «на пути к преодолению» этого раскола или «на пути к единству науки», ставших яркими приметам научной и философской жизни последней трети XX в. В предыдущих публикациях¹ мы уже писали о том, какое большое место занимала (и занимает) эта проблема в работах крупнейших ученых-естественников современности (В. Гейзенберга, С. Вайнберга, К. Лоренца, Ж. Моно, И. Пригожина, Г. Хакена, Э. Уилсона и мн. др.). Они настойчиво обращали внимание ученых-обществоведов на огромные возможности, содержащиеся в современных неклассических концепциях естествознания, для преодоления

¹ См., например: *Борзенков В.* Проблема единства науки на рубеже веков // *Высшее образование в России*, 2004. № 8; *Борзенков В.Г.* Проблема единства науки на рубеже XX – XXI вв. // *Пятые сократические чтения. Рефлексивность социальных процессов и адекватность научных методов.* М.: Эслан, 2004; *Борзенков В.Г.* На пути к единой науке о человеке // *Человек*, 2004. № 3.

взаимного недопонимания различных ветвей современного научного знания и для резкого повышения «ранга научности» современных научных исследований феноменов человека, истории, общества, всего, что связано с феноменом человеческой деятельности и его высшим продуктом — человеческой культурой. В этой статье будет обращено внимание на те работы обществоведов, которые остро чувствуют потребность в преодолении образовавшегося отчуждения между естествознанием и социально-гуманитарными науками. Это тем более необходимо сделать, что до сих пор огромным числом ученых-обществоведов и гуманитариев эти призывы естествовников воспринимаются с большой настороженностью, а нередко и как попытка прямой незаконной «интервенции» на свою «территорию» со стороны «чужаков». Так, имеющиеся опыты плодотворного использования понятийного аппарата синергетики (и всего пучка примыкающих к ней направлений: теории детерминированного хаоса, нелинейной динамики, теории диссипативных структур, теории катастроф и др.) — для описания различных процессов общественной жизни часто рассматриваются ими в лучшем случае как любопытные мысленные эксперименты, имеющие малое отношение к фундаментальным проблемам и стратегии развития общественных наук. А уж попытки использования данных таких современных биологических дисциплин, как этология, социобиология, популяционная генетика или теория естественного отбора при объяснении поведения человека или механизмов формирования человеческой культуры прямо трактуются многими представителями гуманитарных наук как прямой «биологизм» и «редукционизм», несовместимые, по их мнению, с самим «духом гуманитарной научности», как он традиционно понимается в их кругах.

Конечно, не все здесь, как в таких случаях говорится, «так просто». И здоровый консерватизм обществоведов и гуманитариев, не желающих «за просто так» расставаться с приобретенными веками исследовательскими традициями и заменять их «неизвестно чем», в чем-то вполне правомерен, законен и оправдан. Он тем более оправдан, что часто эти новейшие подходы и направления, став предметом моды, размно-

жены и растиражированы в таком количестве полностью «несъедобных» вариантов, что, как говорится, «дальше уже ехать некуда».

И тем не менее проблема остается, а решение ее, можно смело сказать, имеет судьбоносный для европейской науки характер. И центральным фокусом этой проблемы является вопрос о возможности, предпосылках и путях преодоления «раскола двух культур» (естественно-научной и гуманитарной) или, говоря другими словами, поиск оснований для конструктивного диалога между этими культурами. Именно в этом вся суть дела: **ПОИСК ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ДИАЛОГА.**

Нередко надежда на преодоление раскола двух культур связывается с прогрессирующим взаимным обогащением различных областей науки теми концептуальными наработками и методическими средствами, которые исторически возникали в недрах каждой из них. Достаточно в этой связи напомнить о значимости результатов развития физики XX в. для совершенствования методик датировки событий в истории, археологии, эволюционной антропологии. С другой стороны, известно, что немалое прояснение в вопросе об эпистемологическом статусе естественных наук, их, если угодно, социальных, гуманитарных и герменевтических истоках и основаниях было достигнуто в XX в. благодаря развитию таких сугубо социально-гуманитарных областей науки, как герменевтика, социология знания, культурология науки и др. Вне всякого сомнения, этот процесс будет продолжаться и впредь. Развитие и активное прямое использование в сфере социально-гуманитарного познания результатов вышеназванных концепций и движений неклассического естествознания, таких как синергетика, теория информация или социобиология, в немалой степени будут способствовать сближению естествознания и обществоведения.

Но у этой проблемы есть и другая, более глубокая и фундаментальная составляющая. Как представляется, развитие науки XX в. (и прежде всего естествознания), подготовило почву для разрушения, деструкции тех предельных оснований, на почве которых возник сам конфликт двух культур: «наук о природе» и «наук о культуре». Именно на это прежде всего обращают

внимание наиболее пронизательно мыслящие специалисты-обществоведы и гуманитарии, которые рассматривают новейшие разделы естествознания в контексте размышлений о путях стратегического развития своих собственных областей научных исследований. Но прежде чем перейти к изложению и анализу их работ, необходимо сделать еще одно важное поясняющее отступление.

1. Деструкция бинарных оппозиций как необходимое условие создания предпосылок для конструктивного диалога

Состояние раскола двух культур (естественно-научной и гуманитарной) — это вовсе не изначальная и не естественная форма взаимоотношения между ними. Более того, оно сравнительно недавнее по меркам исторического времени «приобретение»: ему от роду всего сто лет. А начиналась европейская наука с широко распространенного убеждения в единстве научного метода и в возможности его продуктивного и плодотворного использования не только в механике или физике, но и во всех других областях научного интереса человека, в том числе и при изучении самого человека, общества, политики, права, морали, искусства и т. д. Залогом этого было глубокое убеждение в единстве человека и природы, в естественном (а не сверхестественном) их происхождении.

Сейчас, при обсуждении вопроса об истоках характерного для западной цивилизации состояния раскола между естественно-научной и гуманитарной культурами, корни его видят в разделении и последующем противопоставлении материального и духовного начал в мире и в человеке. Противопоставление в общих чертах было намечено, уже, например, в космологии Платона, а впоследствии было возведено в принцип христианской догматикой. Считается, что, воспроизведя на новом витке развития философии и науки это противопоставление души и тела, Р. Декарт тем самым и положил начало сегодняшнему расколу двух культур. Но такое прямолинейное толкование нуждается в серьезной корректировке. Известно, что

дуалистическая картина мира и человека в философии Р. Декарта, противопоставление в его системе *res cogitans* и *res extensa* вызвали сопротивление уже у его современников. При этом попытки преодоления этого раскола предпринимались не только в русле сугубо метафизических размышлений (вспомним системы Спинозы, Лейбница, Шефтсбери и др.), но и в русле обсуждения более специальных вопросов о связи природного и духовного начал в человеке, о возможностях его научного познания. Как пишет Э. Кассирер, в «духовной жизни XVII в. понятие и слово «ПРИРОДА» охватывает две группы проблем, которые сегодня мы обыкновенно отделяем одну от другой, и соединяет их в некоторое единство. «Науки о природе» никоим образом еще не отделяются от «наук о духе», тем более не противопоставляются им в своем качестве и в своей значимости. Ведь «природа» обозначает не только сферу чисто «физического» бытия, от которой следует ограничивать душевно-духовное; это не «материальное» в отличие от «духовного». Выражение «природа» относится не к бытию вещей, а к происхождению и обоснованию ИСТИН. К «природе» принадлежат, безотносительно от ее содержания, ВСЕ истины, которые способны к чисто имманентному обоснованию и не нуждаются ни в каком трансцендентном откровении, а, напротив, достоверны и очевидны сами по себе. Таких истин ищут и требуют теперь не только для физического, но также и для духовно-нравственного мира; ведь именно такие истины только и делают оба этих мира действительно одним «миром», одним космосом, который покоится в себе самом и имеет в себе свой центр тяжести»².

Именно исходя из такой презумпции единства науки, начинает строить свое учение о государстве Т. Гоббс. Он глубоко убежден, что подлинная наука о государстве возможна только на основе переноса того аналитико-синтетического метода, который Галилей сделал столь эффективным в физике, и на область политики. Весь XVIII в. свято держится за эту нерушимую связь между физическим и духовным мирами. На этом ос-

² См.: Кассирер Э. Философия Просвещения. М.: Республика, 2004. С. 267.

новании, как замечает тот же Кассирер, было развито и построено все учение о ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ и ГРАЖДАНСКИХ ПРАВАХ, каким мы его знаем сегодня. Эта линия нашла свое последовательное и продуктивное продолжение и в XIX в. Вспомним хотя бы системы О. Конта, Дж. С. Милля, К. Маркса, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма и др. И только к концу XIX в. ситуация радикально поменялась. Этому в немалой мере способствовало то обстоятельство, что к этому времени чисто позитивистские (а тем более сугобо механистические) модели научного познания, активно пропагандировавшиеся тогда в качестве «единственно научных», не только закрывали доступ науки к наиболее важным и интересным аспектам бытия человека в мире в качестве свободного и творческого существа, но и прямо объявлялись ими в качестве иллюзий и метафизических заблуждений. Именно в этих условиях известное кантовское противопоставление природы (как «царства чистых законов») и человека (в качестве «свободного» творца мира духовных ценностей) возводится в принцип, а «науки о культуре» не просто отделяются от «наук о природе», но и противопоставляются им по всем важнейшим параметрам и критериям научности. Вот характерное наблюдение, сделанное выдающимся русским философом С.Л. Франком в 1910 г.: «Современное сознание в отличие от античного — до самых последних своих корней проникнуто глубочайшей двойственностью: двойственностью между миром природы и миром культуры, между сферой слепой, безжизненной и бездушной естественной закономерности, которая объемлет макрокосм, и сферой разума, целей и ценностей, которая образует человеческий микрокосм»³. Именно под знаком этого раскола и осуществлялись поиски новых путей формирования наук о человеке и человеческом обществе на протяжении всего XX в., и именно этим определяется вся причудливость и противоречивость этих путей.

Сегодня, т. е. практически ровно через сто лет, ситуация вновь резко поменялась. И самое главное

³ Франк С.Л. Личность и вещь (философское обоснование витализма) // С.Л. Франк. Философия и жизнь. Этюды и наброски по философии культуры. СПб., 1910, С. 217.

изменение, которое как раз менее всего осознается в современных дискуссиях по проблемам взаимосвязи естествознания и обществоведения, это полное деструктурирование тех оснований, по которым проводился непроходимый водораздел между «науками о природе» и «науками о духе» в начале XX столетия. И решающий вклад в этот процесс расчистки почвы для принципиально новой постановки вопроса о единстве науки сделало прежде всего естествознание XX в. целой чередой своих радикальных трансформаций.

Напомню, что в работе «Преодоление раскола?» мною было выделено семь бинарных оппозиций, по которым (как представлялось в начале XX в.) проходил непреодолимый барьер (или раскол) между естествознанием (или, как тогда говорили, — «науками о природе») и сферой социально-гуманитарного знания («науками о культуре»): субъект/объект, каузальность/телеология, объяснение/понимание и др⁴. Однако развитие естественных наук XX в. (и здесь особое место принадлежит биологии) дает веские основания считать, что по всем этим пунктам раскол между естествознанием и гуманитарной сферой сегодня если и не преодолен, то во всяком случае решительно и неумолимо преодолевается. Этот процесс идет на самых разных уровнях общности и в самых разных формах: и на уровне чистой логики, когда, опираясь на известные результаты в области модальной и деонтической логик, делаются попытки доказательства ложности противопоставления, скажем, объяснения пониманию (и наоборот) и, соответственно, естествознания гуманитарному знанию; и на более конкретном уровне построения теоретических моделей возникновения, функционирования и эволюции сложных систем любой природы в рамках кибернетики, теории информации, синергетики и других междисциплинарных подходов и направлений в науке 2-й половины XX в.; и наконец, на уровне теоретических идей и построений в рамках более специальных областей биологии, культурной антропологии и психологии, из которых выстраивается современная научная картина мира и человека, самым ра-

⁴ Борзенков В. Преодоление раскола? // Высшее образование в России, 1999. № 5.

дикальным образом отличающаяся от той, из которой исходили участники дискуссий по проблемам соотношения «наук о природе» и «наук о культуре» первых десятилетий XX в.

Наиболее отрадным и обнадеживающим признаком движений в среде обществоведов последних лет является все более растущее осознание ими этого обстоятельства. В качестве первого примера укажем на работу Никласа Лумана «Общество как социальная система». Автор довольно скромно оценивает достижения (возможно, не совсем справедливо) теоретической социологии за последние, скажем, 50—100 лет. «Начиная с классиков, — пишет он, — т. е. вот уже примерно 100 лет, в общественной теории социология не сделала никаких успехов, достойных упоминания»⁵. Правда, чуть ниже все же упоминается теория Толкотта Парсонса как «Единственная имеющаяся ныне в наличии систематическая социологическая теория... как всеобщая теория системы действия»⁶, но и она, по мнению автора, проходит мимо важнейших проблем общей теории общества. Конечно, говорит он, причину этого можно видеть в чрезвычайной сложности общества как «сверх-комплексного» образования и в отсутствии соответствующей методологии. Но, «рассуждая по-другому, можно было бы воспользоваться одним из понятий Гастона Башляра — понятием «*obstacles epistemologiques*»⁷. Под этим понимается бремя традиции, препятствующее адекватному научному анализу и порождающее ожидания, которые не могут быть реализованы, но которые, однако, вопреки этой их очевидной слабости, нельзя и заменить». К числу таких «эпистемологических препятствий» автор, в частности и относит приверженность старой методологической установке, в соответствии с которой «общество стремятся мыслить чем-то таким, что можно наблюдать извне». «При этом, — продолжает он, — все-таки приходится опираться на давно устаревшую теорию познания, которая исходит из таких различий, как мышление/бытие, познание/пред-

⁵ Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. С. 18.

⁶ Там же, С. 19.

⁷ Там же. С. 21.

мет, субъект/объект, а реальный процесс познания способна постигать лишь как рефлексию, локализованную, соответственно, на одной стороне этого различия. Но это было отвергнуто, начиная, по меньшей мере, с лингвистического поворота в философии, несмотря на все те логические проблемы, которые были привнесены переходом к «натуралистической эпистемологии» (Куайн)⁸. «Но почему, — спрашивает далее автор, — для социологии оказывается так тяжело оказать содействие этому повороту?» И опять, и возможных, и действительных причин здесь множество, но, утверждает автор, главное — это то, что «требуется теория, дезавуирующая методологические рамки исследования. Деррида, возможно, сказал бы: «деконструирующая»⁹. После таких слов не приходится удивляться, что сам Н. Луман связывает свои надежды с привлечением идей и аппарата теорий рекурсивных и самосоотносимых (саморефлективных) систем, теорий автопойезиса и радикального конструктивизма и других новейших направлений системного анализа, теорий самоорганизации и нового эволюционизма.

2. Отто Герхард Эксле: точка зрения историка

Немецкий историк О.Г. Эксле — один из наиболее активных участников дискуссий по проблеме единства науки последних лет, автор большого числа публикаций на эту тему, в том числе и монографического порядка¹⁰. Его работы дают достаточно полное и адекватное представление как о сути самой проблемы единства науки в ее современной интерпретации, так и о наиболее реалистичных путях ее решения. Тем более, что автор использует термин «история» не только в обычном смысле наименования специальной гу-

⁸ Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. С. 28.

⁹ Там же. С. 40.

¹⁰ См., напр.: Oexle O.G., *Geschichtswissenschaft im Zeichen des Historismus. Studien zu Problemgeschichten der Moderne*, Gottingen, 1996.

манитарной дисциплины, но и как синоним гуманитарных наук (или «наук о культуре») в целом.

Эксле начинает с того, что, опираясь на добротный фактический материал, оценивает состояние отношений между естественниками и гуманитариями в том виде, в котором они сложились к концу 90-х гг. XX в., как «войну наук», из чего он делает вывод, что «диалог между естествознанием и так называемым гуманитарным знанием должен быть начат вновь»¹¹. Но на какой основе? И вот здесь Эксле делает решительный шаг в направлении полной реконструкции самой проблемной ситуации. С его точки зрения, обсуждение этой проблемы слишком долго зависело от тех традиционных мыслительных фигур, которые в свое время были заданы В. Дильтеем, а в более близкое к нам время Ч.П. Сноу. Следовательно, требуется радикальное переосмысление уже имеющегося опыта с целью более глубокого и адекватного уяснения самой ПРОБЛЕМНОСТИ этой проблемы. «Если этот диалог, — утверждает он, — следует начать заново, тогда нужно, как я полагаю, соблюдать два условия. 1. Первое: ведущиеся сейчас дебаты являются слишком репрезентативными, демонстративно-поверхностными. Их недостаток в том, что они не имеют ни исторической, ни диахронической глубины резкости. 2. И второе: историческому доказательству, получению диахронической глубины резкости следовало бы быть сфокусированными на основных вопросах: что такое научное познание? Какова действительность этого познания? Может ли познание осмыслить эту действительность? И наконец, каково различие между повседневным и научным знанием и какова его природа. А также — как наши представления о «повседневной жизни» и «познания в повседневной жизни» влияют на науку и на научное познание»¹². Разумеется, говорит Эксле, эти фундаментальные вопросы не впервые встают в европейской науке (их появление можно датировать по меньшей мере с конца Средневековья, с появления номинализма), но сейчас они

¹¹ Эксле Г.О. Натурализм, историзм и сегодняшнее состояние вопроса о единстве наук // Теоретические проблемы исторических исследований. М.: МГУ, 2002. С. 6.

¹² Там же. С. 7.

актуальны вновь в свете остроты проблемы путей нахождения диалога «двух культур».

В соответствии со столь масштабной и амбициозной постановкой вопроса автор выделяет для исторической реконструкции период в сто лет — с 1831 по 1933 г. Ну, почему немецкий исследователь выбрал 1933 г. — это понятно (не говоря уж о том, что эти предвоенные годы действительно были годами завершения формирования классических подходов и концепций в области социально-гуманитарных наук). А вот почему 1831 — это и любопытно, и важно по существу. Не только потому, что это год смерти Гегеля (1831), а затем почти сразу же и Гете (1832), и В. фон Гумбольда (1835), — этих величайших корифеев гуманитарной мысли. Это и время завершения романтизма в изучении природы, для которого естествознание являлось одновременно и гуманитарной наукой. На смену пришла эпоха всевозрастающего разделения естествознания и гуманитарного знания. В трудах таких выдающихся представителей естествознания того времени, как Рудольф Вирхов, Герман фон Гельмгольц, Эмиль Дюбуа-Раймон и др. естествознание решительно и четко отделяет себя вначале от философии (гегелевско-шеллинговского типа), а затем и всей гуманитарной сферы, формулируя свое кредо научности — «власть фактов» и «господство законов» (природы). И если гуманитарные науки хотят быть «научными», заявили эти авторы, они должны следовать этими же (естественнонаучными) путями.

Каков мог быть ответ историков (гуманитариев) на этот вызов со стороны естествознания? Здесь, как показывает Эксле, имелись три возможности. Первая заключалась в том, чтобы подчиниться притязаниям естествознания на выражение подлинной нормы научности. Вторая состояла в признании комплементарности (дополнительности) исторической науки и естествознания. И третья в том, чтобы отстаивать и доказывать преимущества исторического познания перед естественнонаучным. И вот на большом фактическом материале Эксле ярко и убедительно показывает, что все эти три возможности были востребованы и реализованы в непрерывно идущих дискуссиях на эту тему в период с последней трети XIX по первую треть XX в. Первую он иллюстрирует на примере позиции английского ис-

торика Т. Бокля, который в 1857 г. в своей «Истории цивилизации в Англии» предложил развернутый проект программы истории (как науки) по модели Ньютонской физики (т. е. исходя из теоретического изучения «фактов»), открыть «законы истории». В этом же русле чисто позитивистского сциентизма стали работать и многие другие ученые-гуманитарии (вспомним хотя бы того же И. Тэна).

По второму пути пошел Иоганн Густав Дройзен, причем прямо полемизируя с Боклем. Свою теорию исторического познания он назвал «Historik» (историкой). Дройзен был первым, кто сознательно поставил вопрос о природе исторического познания в стиле кантовской постановки вопросов, а именно — «как возможна история?» (как наука). И ответил на него вполне в духе Канта: «Историческое познание является... не зеркальным отображением прошедшего, но построением познающего духа, созданным однако не произвольно, но эмпирически, на основе исторического материала». В чем же разница между историком (и гуманитарием вообще) и естествознанием по Дройзену? «Историк имеет дело с людьми, т. е. с подобными себе, поэтому, — и только поэтому, — процесс его исследования является «пониманием». Естественно-научное и историко-научное исследование находятся вследствие этого друг к другу в отношении комплементарности, взаимодополнения»¹³.

Третий вариант ответа был реализован в творчестве В. Дильтея, который, как известно, отталкиваясь от сходных соображений, остро противопоставил гуманитарные науки («науки о духе») естествознанию («наукам о природе»). Как сформулировал Дильтей в 1894 г., «природу мы объясняем, духовную жизнь понимаем». При этом речь здесь шла не только о чисто гносеологическом противопоставлении двух типов наук. Гуманитарные науки, с точки зрения Дильтея, обладают и большим аксиологическим достоинством, поскольку речь в них идет о свободе и достоинстве самого человека в противовес «бездушной» и «механической» природе.

¹³ Эксле Г.О. Натурализм, историзм и сегодняшнее состояние вопроса о единстве наук // Теоретические проблемы исторических исследований. М.: МГУ, 2002. С. 12–13.

На мыслителей, которые продолжили обсуждение этой проблемы в первой трети XX в., большое внимание оказало творчество Ф. Ницше, с его идеей научной истины как ФИКЦИИ, маскировкой и адаптацией скрытой «воли к власти». Но эти мыслители (например, Георг Зиммель или Макс Вебер) склонны были трактовать эти вопросы все-таки (как и Дройзен) в духе кантовского априоризма и трансцендентализма. Научные высказывания в этом свете не являются ни абсолютно истинными, ни чисто фиктивными или произвольными. Они являются скорее «относительными» истинами, т. е. истинами в границах вопроса, которыми они были вызваны на свет. Эксле эта позиция кажется наиболее разумной и обоснованной, тем более, что она вошла в полный резонанс с аналогичным пониманием «истинности» научных утверждений, формирующегося в недрах самого естествознания первых десятилетий XX в. (вспомним высказывания А. Эйнштейна, Н. Бора и В. Гейзенберга). Тем самым, справедливо считает Эксле, был сделан первый решительный шаг в направлении объединения норм научности в естественнонаучной и гуманитарной сферах познания, шаг, до сих пор еще недостаточно осознанный и оцененный в дискуссиях на эту тему.

Если мы теперь с этих позиций посмотрим на современную ситуацию в том виде, как она представлена в дискуссиях по проблемам единства науки, то она, — с точки зрения Эксле, — в высшей степени неудовлетворительна. В гуманитарной сфере почти безраздельно доминируют постструктурализм и постмодернизм, объявляющие — вслед за Ницше — все построения (не только собственно гуманитарных, но и естественных наук) фикциями, а всю науку трактующие не столько как род познания реальности, сколько как подраздел поэзии/литературы. Автор считает эту альтернативу сомнительной, а всю дискуссию, ведущуюся в таком ключе, — «бессмысленной». Однако, — справедливо подчеркивает Эксле, — она бессмысленна, но «не безвредна: она вносит путаницу и усиливает отчуждение естествоиспытателей от гуманитариев»¹⁴.

¹⁴ Эксле Г.О. Натурализм, историзм и сегодняшнее состояние вопроса о единстве наук // Теоретические проблемы исторических исследований. М.: МГУ, 2002. С. 21.

«А как же обстоит дело со всеми этими вопросами в естественных науках?» — задается вопросом автор. Здесь тоже, к сожалению, считает он, ситуация далеко не однозначна, но, с другой стороны, и вполне обнадеживающая. В последние годы, обращает он внимание, особую активность в обсуждении всех этих вопросов проявляли ученые-биологи. И это вполне понятно, учитывая близость биологии к человековедческой проблематике и те захватывающие перспективы, которые открываются в этой области в свете последних достижений биологических наук. Но и здесь эпистемологическая трактовка этих достижений очень различна. С одной стороны, есть ученые (и наиболее выдающимся среди них является, безусловно, Эдвард О. Уилсон), которые трактуют единство естествознания и человековедения как совершенно «естественное» единство, поскольку как человек, так и природа как бы самой эволюцией созданы так, что даже мораль, искусство неизбежно подчинены генетическим законам. А с другой стороны, есть более осторожно настроенные исследователи (как пример он приводит работу известного молекулярного биолога Альфреда Гирера «В зеркале природы мы узнаем самих себя. Наука и представление о человеке»), которые полагают, что биологически заданные способности человека ОБУСЛОВЛИВАЮТ культурное развитие, но не ДЕТЕРМИНИРУЮТ его. «Именно поэтому, — пишет Эксле, — Гирер идет еще дальше и включает в свои размышления даже эмпатию, т. е. способность человека к сочувствию, трактуя ее... в биологическом плане как побочный продукт развития стратегического мышления и саморепрезентирования. Тем самым он набрасывает новую перспективу для естественно- и гуманитарно-научного мышления. Ученым-гуманитариям следует многое позаимствовать у такого подхода. Им следует также, наконец, попытаться бороться, — утверждает немецкий историк, — со своим традиционным невежеством в отношении естественных наук»¹⁵. Какой же вывод можно сделать из всего этого? Каков главный урок и каково наипервейшее условие достиже-

¹⁵ Там же. С. 24

ния взаимопонимания представителей двух главных ветвей научного познания? Даю заключительное развернутое слово автору: «Человеку присуще стремление к познанию, абсолютному, «действительному», «истинному» познанию, к поиску истины. Решающим здесь является то, как он понимает этот поиск, и как он понимает себя в этом поиске. Научная теория, в которой предметы соотносятся с познанием, т. е. как выводы гипотезы идущей вперед науки, может создать модель единства науки. Подобная наука нацелена на целое, однако она осознает, что никогда не достигнет абсолютной истины, что, впрочем, не означает необходимости отказываться от истины как «руководящей идеи». Подобная наука знает, что никакие высказывания науки в целом не являются истинными, она знает, что эмпирическое познание устремлено в «бесконечность», но знает одновременно об ограниченности человеческой жизни и действий. И она знает, что она ОДНА НЕ МОЖЕТ определять «целого». Этот род науки, конечно, отказался от старого девиза «Scientia est potentia», «знание есть сила». Используя понятие теолога и философа Николая Кузанского, жившего в XV в., и математика и философа Блеза Паскаля, жившего в XVII в., она могла бы обозначить саму себя как «Docta ignorantia», как «ignorans savante», как «ученое невежество». Она знает что-то, она знает даже очень много, и она узнает изо дня все больше и больше. Она знает также нечто фундаментальное о самой себе: она знает УСЛОВИЯ своего знания. И именно поэтому она осознает свои границы. Ускорение накопления ею опыта очевидно. Очевидным, однако, является и то, что это ускорение накопления опыта... идет на необозримом пространстве знания. И из всех форм науки, которые появились в европейской истории, начиная со Средневековья, именно с этой формой, как мне думается, во всех науках в будущем будут связаны наибольшие ожидания»¹⁶.

¹⁶ Эхсле Г.О. Натурализм, историзм и сегодняшнее состояние вопроса о единстве наук // Теоретические проблемы исторических исследований. М.: МГУ, 2002. С. 24 – 25.

3. Иммануэль Валлерстайн: точка зрения социолога

Следующий автор, которого мне хотелось бы рассмотреть более основательно, — это известный современный американский социолог И. Валлерстайн. Занимая с 1994 по 1998 г. должность президента Международной социологической ассоциации, Валлерстайн имел возможность выступать на самых высоких уровнях и перед самыми представительными кругами социологов (и представителями других общественных наук), чем и воспользовался для постановки самых принципиальных вопросов развития социологической науки (и, повторяю, — общественных наук в целом) в XXI в. (к тому же тесно увязав их с обсуждением проблем грядущих судеб западной цивилизации). Эти выступления, собранные вместе, составили значительную часть его монографии «Конец знакомого мира. Социология XXI в.», на которую я и буду в основном опираться. «Мне кажется, — говорит Валлерстайн в «Предисловии» к этой работе, — что мы бродим по темному лесу и не вполне понимаем, в каком направлении следует идти. Думаю, что нам необходимо как можно скорее обсудить это всем вместе, и подобная дискуссия должна стать поистине всемирной. Более того, такое обсуждение, на мой взгляд, не относится к числу тех, где можно разделить и «развести по разным углам» вопросы знания, этики и политики... Мы вовлечены в необычайный и трудный спор. Однако мы не сможем решить проблемы, которых будем пытаться не замечать»¹⁷.

И. Валлерстайн оценивает современное состояние отношений между представителями различных ветвей знания (и прежде всего естественно-научного и гуманитарного) в терминах чуть ли не военных действий. «При этом ожесточенность идущих ныне так называемых научных и культурных войн, — утверждает он, — свидетельствует о глубине раскола в среде интеллектуалов»¹⁸. И еще: «Вот уже двести лет мы живем в мире, где философия и естествознание рассматриваются как

¹⁷ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI в. М.: Логос, 2003. С. 10–11.

¹⁸ Там же. С. 214.

различные и чуть ли не антагонистические формы знания. Полезно помнить, — замечает он, — что так было не всегда. Этот раскол между так называемыми двумя культурами также является относительно новой социальной конструкцией, хотя он и возник чуть раньше, чем обществоведение распалось на отдельные дисциплины. Но, по сути, он оставался неведом миру до середины XVIII в.»¹⁹ Долгое время, — говорит он далее, — проблемы, вытекающие из этого конфликта, оставались в латентной форме, «но в последней трети XX в. вновь заявили о себе. Их решение представляется сегодня первоочередной задачей интеллектуальной деятельности»²⁰. Но разумеется, что совершенно необходимым предварительным условием этого решения является углубленная реконструкция истоков этого раскола и четкое уяснение самой сути ПРОБЛЕМНОСТИ этих проблем.

И. Валлерстайн так же, как и Эксле, выделяет столетний период с 1850 по 1945 г. как время оформления и социального институционализирования общественных наук, связывая именно с некоторыми особенностями этого исторического периода все трудности и беды, которые переживает нынешнее обществоведение. И главным среди них он считает тот «разрыв» (или раскол) между спекулятивной философией (как я уже говорил, гегелевско-шеллинговского типа) и бэконовско-ньютоновским эмпирическим естествознанием, который как раз падает на середину XIX в. Одним из важнейших следствий этого разрыва явилось отделение вопросов «истины» от вопросов «блага». Представители эмпирического естествознания утверждали, что намерены заниматься только поиском «истины», а поиски «блага» готовы были охотно отдать на откуп теологам и философам (метафизикам). Они шли на это сознательно и, чтобы несколько защитить себя, — говорит Валлерстайн, — с некоторым даже презрением. В конце концов, считали ученые-эмпирики XIX в., все равно невозможно определить, что такое «благо», но можно определить, что такое «истинно». Это разделение истины и блага, — счи-

¹⁹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI в. М.: Логос, 2003. С. 249–250.

²⁰ Там же. С. 252.

тает Валлерстайн, — и лежит в основе «двух культур». Философия (или, говоря более широко, гуманитарные науки) должна заниматься исключительно поиском блага (и совершенства). Наука же настаивала на том, что имеет монополию на поиск истины. Каково же место обществоведения во всей этой картине?

Как убедительно показывает Валлерстайн, в XIX столетии общественные науки, оказавшись перед лицом факта разделенности «двух культур», вступили в большой методологический спор (Methodenstreit). Одни (и среди них прежде всего историки) склонялись к подходу гуманитариев и пользовались эпистемологией, получившей название идиографической. Они были склонны подчеркивать уникальность любого социального явления, сомнительную полезность широких обобщений и необходимость ПОНИМАНИЯ, основанного на способности исследователя «вживаться» в контекст изучаемых явлений. Другие (среди них Валлерстайн особо выделяет триаду: социология, экономика и политология) склонялись к методам, применявшимся в естественных науках, и пользовались эпистемологией, получившей название номотетической. Они указывали на возможность проведения параллелей между природными и социальными процессами и стремились, подобно физикам, сформулировать универсальные и простые законы, не зависящие от времени и пространства. «Обществоведение, — говорит автор, — оказалось как бы привязанным к двум лошадям, скачущим в противоположных направлениях. Оно не имело собственной эпистемологической позиции и разрывалось на части борьбой между двумя колоссами — естествознанием и гуманитарными науками»²¹.

«Вплоть до 1945 г., — утверждает Валлерстайн, — историческая наука и вышеупомянутое «номотетическое» трио (экономика, социология и политология) исчерпывали обществоведение цивилизованного мира, созданное этим цивилизованным миром и описывающее этот цивилизованный мир». Для изучения же колонизированного мира или так называемых «примитивных» народов была создана особая обществоведческая дисциплина, антропология, обладавшая своими особы-

²¹ Там же. С. 255.

ми методами и традициями. Столкнувшись с необходимостью длительного погружения в изучаемые язык и культуру, пытаясь проникнуться ментальностью далеких от них людей и групп, попытаться увидеть мир таким, каким видели его они, антропологи вынуждены были становиться герменевтиками, что еще более расширило палитру обществоведческих методологий и запутало и без того сложную ситуацию.

Дальнейшая же эволюция обществоведения — это стремительная и безудержная фрагментация полей исследования на базе полного отсутствия сколь-нибудь ясных и единых методологических (направляющих) ориентиров. Отсюда обескураживающая картина современного обществоведения как сочетания безудержного партикуляризма с необоснованным (и подчас весьма агрессивным) империализмом. Причем «чем более разделенными оказываются обществоведы, — подчеркивает Валлерстайн, — тем более «империалистической» оказывается каждая их подгруппа»²².

«Между тем, — настойчиво обращает внимание Валлерстайн, — на протяжении двух последних десятилетий произошли два важнейших события в интеллектуальной жизни, высветивших, — по его мнению, — совершенно новую перспективу и свидетельствующих о том, что мир, возможно, идет к преодолению разделенности на «две культуры». «Я имею в виду то, — пишет он, — что называют исследованием неравновесных систем в естественных науках и культурологическими исследованиями в гуманитарных»²³. И все-таки главное значение он придает развитию различных теорий самоорганизации неравновесных и нелинейных систем, особенно идеям и достижениям непосредственно школы И. Пригожина.

Он отмечает два основных положения И. Пригожина: 1) наука находится в состоянии перехода к новой, основанной на неравновесности форме рациональности, которая выходит за рамки детерминизма и, следовательно, отрицает предопределенность будущего. Отсутствие же этой предопределенности и оказывается основным источником наших надежд; и 2) теория

²² Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI в. М.: Логос, 2003. С. 215.

²³ Там же, С. 283.

неравновесности обнаруживает нестабильность, эволюцию и флуктуации везде, где классическая наука неизменно видела лишь повторяемость, стабильность и равновесие — не только в социальной среде, но и в большинстве фундаментальных процессов природы. В этом мире, — повторяет он вслед за Пригожиным, — люди не отделены от природы и тем более не противостоят ей. Более того, сама природа управляется принципами, которыми следовало бы обычно руководствоваться людям. «Последствия для социологии кажутся мне очевидными, — завершает этот пассаж Валлерстайн. — Противостояние номотетической и идеографической эпистемологий, великий методологический спор (Methodenstreit) закончены. Или, что будет точнее, такая трактовка науки делает номотетический подход непригодным (как основанный на ньютоновских предпосылках), но вместе с ним она делает непригодным и идиографический подход (поскольку те особенности, которые он использует для своего обоснования, сегодня проникают в самую научную деятельность, и даже в святая святых физики). Такая трактовка науки требует переосмысления понятий порядка и, следовательно, рациональности, но не означает анархического и бессмысленного характера окружающего мира. Такая трактовка науки ставит под сомнение само понятие точности и подразумеваемую взаимозависимость между точностью и надежностью (или даже достоверностью). Такая трактовка науки заставляет нас задуматься о том, существует ли хоть что-то ценностно-нейтральное, но сохраняет принцип реальности коммуникации и поэтому может признавать одни утверждения более, а другие менее близкими к истине»²⁴. Какие же перспективы высвечиваются перед социологией и всеми общественными науками? В заключение дам развернутое слово самому автору: «Напоследок я приберегу перспективу, которая кажется мне самой потрясающей и, может быть, самой важной из всех. С тех пор как в конце XVIII в. произошел разрыв между наукой и философией, общественные науки были бедным родственником — так сказать, ни рыбой, ни мясом — и презирались обеими сторонами в этой войне «двух культур». И обществоведы согласились

²⁴ Там же. С. 224.

на эту роль, чувствуя, что им ничего не остается, кроме как примкнуть либо к естествознанию, либо к гуманитарным наукам. В наши дни ситуация радикально изменилась. В физике существует сильное и все растущее движение — исследование неравновесности, в рамках которых говорится о стреле времени, о вероятности и считается, что общественные системы человечества — самые сложные из всех систем. В гуманитарных науках существует сильное и все растущее движение — культурологические исследования, в рамках которых считается, что не существует универсальных эстетических канонов, что культурные продукты имеют социальные корни, уходящие к общественному восприятию и общественным аберрациям.

Мне кажется очевидным, — продолжает Валлерстайн, — что исследования неравновесности и культурологические исследования переместили, соответственно, естественные и гуманитарные науки в сферу общественных наук. Некогда центробежное поле сил в мире знания стало центростремительным, и теперь общественные науки занимают центральное место. Мы находимся в процессе преодоления разделения на «две культуры», пытаясь воссоединить в единой области поиск истины, блага и прекрасного. Это повод для радости, но для этого предстоит немало потрудиться»²⁵. Золотые слова!

Эти два примера дают достаточно полное представление о направлениях поиска естественнонаучных оснований социально-гуманитарных наук самими современными выдающимися представителями этих наук. Для полноты картины, однако, рассмотрим кратко и в предельно обобщенной форме состояние дел еще в двух областях социально-гуманитарного знания, расположенных как бы на противоположных полюсах по оси «номологическое-аксиологическое»: экономическую науку и науку о культуре или культурологию.

4. Эволюционная экономика и «мейнстрим»

Название этого маленького подраздела повторяет название весьма солидного труда, в котором представ-

лены материалы Международного симпозиума, проведенного с 29 мая по 1 июня 1998 г. в Пущине-на-Оке и посвященного обсуждению проблем наиболее перспективных направлений развития экономической науки в XXI в. Как подчеркнул академик Л.И. Абалкин в докладе с весьма симптоматичным названием «Эволюционная экономика в системе переосмысления базовых основ обществоведения», в «преддверии глубоких перемен, ожидаемых в новом XXI в. или, точнее, новом тысячелетии в развитии человеческой цивилизации, резко возрастает необходимость в критическом переосмыслении базовых основ обществоведения»²⁶. Сам он склонен связывать свои надежды с относительно новым (хотя, как увидим далее, имеющим глубокие исторические корни) направлением развития экономической мысли — «эволюционной экономикой», считая ее ни много ни мало как «качественно новой парадигмой знаний об обществе и его истории»²⁷. Но с точки зрения задачи настоящей статьи примечательнее сам факт постановки всех этих вопросов под таким углом зрения именно экономистами, т. е. представителями общественной науки, всегда считавшейся наиболее сложившейся, устойчивой, наиболее «номотетической» из всех общественных наук. Тем не менее кризисные явления во второй половине XX в. не обошли стороной и эту область обществензнания, и в последней четверти этого века экономическая наука в полной мере оказалась вовлеченной в тот водоворот методологических контrovers и распрей, которыми, как мы хорошо знаем, была столь богата научная жизнь второй половины ушедшего века в целом. А в 80-е гг. в мировой экономической науке начался методологический бум, который, как утверждают специалисты²⁸, не ослабевает до сих пор. Возникло новое научное сообщество, которое объединяет экономистов, философов, методологов науки, даже лингвистов; появились специа-

²⁶ Абалкин Л.И. Эволюционная экономика в системе переосмысления базовых основ обществоведения // Эволюционная экономика и «мейнстрим». М.: Наука, 2000. С. 7.

²⁷ Там же. С. 7.

²⁸ Ананьин О.И. Современная экономическая наука как объект методологической рефлексии // Эволюционная экономика и «мейнстрим». М.: Наука, 2000. С. 62.

лизируемые журналы «Economics and Philosophy» (выходит с 1985 г.) и «Journal of Economic Methodology» (выходит с 1994 г.); выходят монографии и учебные пособия, а под занавес века был выпущено Энциклопедическое руководство «The handbook of economics methodology. — Ed. By J. Davies, D.W. Hands, U. Maki. — Cheltenham: Elgar, 1998.

Как хорошо было показано в докладе О.И. Ананьина «Современная экономическая наука как объект методологической рефлексии», то, что в философско-методологических кругах называют «стандартной моделью» науки, выдержало испытание в экономических дискуссиях 40–60-х гг., но затем постпозитивистские веяния, концепция «научных парадигм» Т. Куна и особенно концепция «научно-исследовательских программ» И. Лакатоса захватили многих исследователей-экономистов. Но работы, писавшиеся в этом стиле в 70–80-е гг., не посягали на «святыню святынь» соответствующих экономических теорий и моделей, на то, что может быть названо «мейнстримом» экономической науки. И хотя никакого строго определения этого «мейнстрима» никогда не давалось (а при обилии различных подходов и направлений даже внутри классических школ, наверное, и не может быть дано), тем не менее, можно сформулировать несколько простых и ясных положений, на которые опиралась вся классическая экономическая традиция: методологический индивидуализм; положение о непременном стремлении экономических субъектов к максимизации полезности; положение о редкости как фундаментальной черте экономического блага; общее понимание экономики как науки и практики, направленных на распределение редких благ в конкурентной среде в соответствии с ресурсными вложениями; и, возможно, главное методологическое допущение о внутренне присущей экономической системе способности к достижению равновесия. «Такой набор утверждений, — пишет А.Н. Нестеренко в статье «Возможен ли синтез эволюционной экономики и «мейнстрима»?», — восходящих к неоклассике, и служит основой для объединения разных теорий и течений в понятие «мейнстрим», хотя четкого определения этого понятия нет... Видимо, самым общим критерием

отношения теории к «мейнстриму» можно считать признание принципов методологического индивидуализма и максимизации полезности»²⁹. Именно этому мейнстриму в самом начале 80-х гг. был брошен вызов, причем с двух, в известной мере прямо противоположных, позиций: с позиций гуманитарного постмодернизма и с позиций естественно-научного эволюционизма (как биологического, так и синергического толка).

Считается, что пионером постмодернизма в экономической науке выступил американский экономист Д. МакКлоски. Его статья «Риторика экономики» (вышла в 1983 г.), а затем и книга под таким же названием (вышла в 1993 г.) вызвали широкий резонанс именно тем, что затронули самые устои профессиональной веры ученых-экономистов, а именно, веры в то, что экономическая наука устремлена к познанию истины об экономической реальности. МакКлоски же в полном соответствии с общим духом постмодернизма доказывал, что экономическая наука — это прежде всего РИТОРИКА, т. е. искусство убеждать. Эти пионерские публикации Д. МакКлоски вызвали целую взрывную волну постмодернистских публикаций на материале экономической науки в последнее десятилетие XX в. Все это, безусловно, способствовало дальнейшему пробуждению экономической науки от застойной методологической дремотности. «Однако уроки постмодернизма, — пишет Ананьин, — неоднозначны: внедряя в сознание идеи методологического плюрализма и социальной обусловленности научных знаний, постмодернизм не дает убедительных разъяснений, как организовать эффективное функционирование научного сообщества на базе этих принципов. Критики постмодернизма в экономической науке резонно обращают внимание на то, что отказ от какого бы то ни было методологического стандарта в науке — пусть спорного и несовершенного — на практике может способствовать не столько свободе творчества, сколько дальнейшему усилению таких внеаучных критериев, как

²⁹ *Нестеренко А.И.* Возможен ли синтез эволюционной экономики и «мейнстрима»? // *Эволюционная экономика и «мейнстрим»*. М.: Наука, 2000. С. 56.

«продаваемость» или «карьерная эффективность» научного «товара»³⁰.

В эти же 80-е гг. взоры многих экономистов обратились к естествознанию, к эволюционной теории, генетике, к идеям неравновесной термодинамики и диссипативных структур школы И. Пригожина и др. «Долгое время, — как подчеркивает ведущий отечественный специалист в области эволюционной экономики В.И. Маевский, — вся мировая экономическая мысль исходила из предпосылки, что «неравновесные процессы в экономике — явление деструктивное и будто это явление можно и нужно преодолевать с помощью рыночного механизма или средствами госрегулирования»³¹. Следствием этого, как указывает он далее, явилось, во-первых, нарастающее отставание экономической науки от естественно-научных исследований, в ходе которых было установлено, что неравновесные процессы, присущие системам физического мира, играют важную роль в развитии данных систем, и, во-вторых, полная неадекватность некоторых рецептов классической экономической теории равновесия реальным экономическим явлениям.

Многие авторы полагают, что современный этап развития эволюционной экономики начинается с выхода в свет в 1982 г. работы *Nelson R.R. and Winter S.G. An evolutionary theory of Economic*. Harvard Un. Press. В 1989 г. начал выходить специальный журнал «*Evolutionary Economic*», а уже в 1993 г. один из наиболее выдающихся представителей этого направления современной экономической мысли Дуглас Норт был удостоен Нобелевской премии. Отечественные экономисты обратились к этим идеям совсем недавно. Только в 1994 г. был проведен 1-й международный семинар в г. Пущине-на-Оке, материалы которого под общим названием «Эволюционный подход и проблемы переходной экономики» вышли в 1995 г.³² Но вообще-то по-

³⁰ Ананьин О.И. Указанная работа, С. 75.

³¹ Маевский В.И. Эволюционная макроэкономика и неравновесные процессы // Эволюционная экономика и «мейнстрим». М.: Наука, 2000. С. 115.

³² См.: Эволюционный подход к проблемам переходной экономики. М., 1995.

пытки объединения центральных идей биологической теории эволюции и экономической теории имеют долгую историю. Фактически, они начались по меньшей мере сразу же после выхода в свет основного труда Ч. Дарвина и осознания важности эволюционного подхода ко всем проблемам, связанным с происхождением и природой человека и механизмами экономической (как, впрочем, и всех других видов собственно человеческой) деятельности. На родство своих экономических идей идеям дарвиновской теории эволюции не раз указывал и К. Маркс. Эти идеи активно разрабатывались советскими экономистами в 20–30-е гг. XX в. Оригинальную версию эволюционно-генетического подхода к проблемам экономики предложил в свое время выдающийся отечественный экономист Н.Д. Кондратьев, который был убежден, что «основными разделами номографической (вариант термина «номотетический». — В.Б.) экономической теории служат статика, динамика и генетика»³³. В эти же десятилетия значительный вклад в становление идей эволюционной экономики внес выдающийся австрийский ученый Йозеф А. Шумпетер. Из более близких к нам времен хотел бы обратить внимание на творчество выдающегося австро-американского экономиста, лауреата Нобелевской премии по экономике Ф.А. Хайека. Вся его последняя работа «Пагубная самонадеянность» (1988) буквально пронизана духом эволюционизма. В своей увлеченности идеей эволюции и высочайшей оценки ее как наиболее адекватного инструмента научного объяснения природы и происхождения всех человеческих феноменов (в том числе и законов экономики) он заходил столь далеко, что настаивал на глубоко гуманитарном источнике самой этой идеи. «Я готов даже доказывать, — писал он, — что Дарвин позаимствовал основные идеи об эволюции из экономической теории»³⁴. А в «Приложении А» к этой работе он даже доказывал, что «главный импульс как к созданию теории эволюции и разнообразных дисциплин, известных сегодня (кибернетика, об-

³³ Цит. по: *Ананьин О.И.* Траектория трансформации: к методологии поиска // Эволюционный подход к проблемам переходной экономики. М., 1995. С. 57.

³⁴ *Хайек Ф.А.* Пагубная самонадеянность. М.: Новости, 1992. С. 46.

щая теория систем, синергетика, теория самопорождения и т. д.), так и к осмыслению характеризующей рыночную систему (а кроме того — развитие языка, морали и права) непревзойденной способности самоупорядочения дан шотландскими моралистами XVIII в.»³⁵ Могут сказать, что книга Хайека «Пагубная самонадеянность» — это, в сущности, уже не экономическая работа, а скорее социально-философская. Но, во-первых, это не совсем верно. Сверхзадачей книги Хайека было все-таки обосновать «естественность» норм не только либерального общества, но и сугубо рыночной экономики. Но дело даже не только в этом. Все дело в том, что, как известно, человек — это далеко не только *Homo economicus*. И многие, казалось бы, чисто экономические проблемы (особенно экономик переходного периода) становятся более понятными (и решаемыми) с учетом такой более всесторонней точки зрения на человека. А именно такую возможность и предоставляет экономической науке перспектива эволюционного подхода к экономике. «Эволюционная парадигма, — отмечают отечественные исследователи Л. Евстигнеева и Р. Евстигнеев, — вводит целый ряд проблем, которые нужно либо воспринять, либо преодолеть, но нельзя проигнорировать»³⁶. И в этой связи они отмечают по крайней мере три результата, полученные в рамках эволюционной экономики, которые, как нетрудно будет заметить, все связаны с учетом человеческого измерения экономической деятельности: «во-первых, как пишут они, — эволюционная экономика просто насыщена субъективностью, вследствие чего экономика принимает форму экономической деятельности; во-вторых, решающие силы, действующие в экономике, явным образом антропоморфны: это стимулы... что пронизывают все сферы и уровни экономики, наделяя ее способностью к эволюции; и в-третьих, все экономические структуры являются институциональными — это узлы пересечения взаимодействия людей, вследствие чего можно рассматривать в качестве методоло-

³⁵ Там же. С. 99.

³⁶ Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. Проблема синтеза общеэкономической и институционально-эволюционной теорий // Вопросы экономики, 1998. С. 99.

гически равнозначных субъектов экономической деятельности и индивида, и институты. При этом институты представляют индивида социально, обуславливая культурные, экономические и политические механизмы его функционирования³⁷.

5. Мимы – новые единицы культуры?

А теперь перенесемся из «царства», как казалось долгое время, «чистой номотетики», в мир «безусловного доминирования» (как считается до сих пор) «чисто субъективных» человеческих ценностей, т. е. перейдем из области проблем экономической жизни в сферу проблем человеческой культуры.

Вопрос о статусе культурологии как науки является одним из самых дискуссионных в ряду философско-методологических проблем социально-гуманитарного познания. Особо острые дискуссии всегда вызывал вопрос о статусе гуманитарной составляющей культурологического знания, о возможности (или невозможности) приведения ее в соответствие с общепринятыми в «стандартной модели науки» критериями «подлинной научности». Как известно, долгое время в кругах обществоведов (социологов, антропологов и др.) господствовало весьма скептическое (если не сказать больше) отношение к гуманитарным методам изучения культуры как сугубо «субъективным», «описательным» и пр. Как реакция на этот скептицизм, в 70–80-е гг. XX в. последовала постмодернистская волна публикаций, в которых субъективизм и нарративность возводились в принцип при создании (конструировании) текстов любой природы, в том числе и «сугубо научных». В 90-е гг. не раз предпринимались усилия как-то «примирить», объединить эти две позиции, но пока, похоже, безуспешно. «Я полагаю, — пишет в этой связи в своем недавнем обзоре А.Я. Флиер, — что объединительная тенденция 90-х гг. XX в. фактически провалилась. В этом провале в равной степени виноваты обе дискутировавшие стороны: и социал-антропологи, вообще не признающие гуманитариев в качестве ученых

³⁷ Там же. С. 99.

и своих коллег, и гуманитарии, полагающие, что социальная антропология, будучи наукой об обществе, к культуре отношения не имеет. В результате к настоящему времени произошел фактический раскол, причем, «поле боя» осталось, в основном, за гуманитариями»³⁸.

А между тем в эти же годы нарастал интерес к эволюционным аспектам бытия культуры, к проблемам культурной эволюции и культурным изменениям. Конечно, культурологию менее всего можно удивить идеей эволюции, она, можно сказать, родилась вместе с этой идеей. Новым здесь явилось необычайно обостренное внимание к вопросу о выделении дискретных единиц культуры, т. е. единиц эволюции культуры (подобно тому, как в биологии выделяют единицы эволюции живого: организм, ген, вид, популяцию и пр.). Г. Чик, профессор Пенсильванского университета (Филадельфия, США), президент общества кросскультурных исследований не случайно свою в высшей степени интересную статью «Единицы культуры» начинает с цитаты из работы известного американского антрополога А. Рембо, котрый пишет: «Я полагаю, что выделение теоретически обоснованной и эмпирически приемлемой единицы, в которой аккумулируется и передается культурная информация, есть главная задача, и только ее решение обеспечит очередной прорыв в исследовании процесса культурной эволюции»³⁹. В этой связи в высшей степени любопытны последующие рассуждения самого проф. Г. Чика. Он обращает внимание на то, что, разумеется, и проблема выделения единиц культуры не является совершенно новой для культурологии. И в свое время было выдвинуто много кандидатов на роль таких единиц: характерные черты (культуры), культурные образцы, идеи, верования, ценности, нормы и др. Новым является то, что в современной литературе эти единицы выделяются с опорой на опыт точного естествознания, а нередко и самими естественниками, в особенности современными выдающимися биологами-эволюционистами, например, «культурген» (Ч. Ламс-

³⁸ Флиер А.Я. Культурология как гуманитарная наука // *Общественные науки и современность*, 2005. № 1. С. 66.

³⁹ Чик Г. Единицы культуры // *Общественные науки и современность*, 2000. № 2. С. 112.

ден и Э. Уилсон) и «мем» (Р. Докинз). Именно последний получил широкое распространение в значительной степени благодаря тому, что культурология уже была готова к восприятию подобного концепта.

Дело в том, что, несмотря на обескураживающее обилие существующих в литературе определений термина «культура» (а, как известно, их счет идет на сотни), все они, как показывает Г. Чик, могут быть сведены к 4-м:

1. Культура как идеи (в умах членов конкретных сообществ).
2. Культура как идеи совместно с поведением (т. е. нормы и ценности, задающие стереотипы поведения).
3. Культура как идеи, поведение и материальные артефакты.
4. Культура как информация (которая создается, передается, используется, утрачивается и т. д.)⁴⁰.

В последнее время, отмечает проф. Чик, именно это четвертое, наиболее широкое, определение культуры через понятие информации наиболее популярно, и оно же наиболее релевантно при обсуждении проблемы выделения единиц культуры (с этой точки зрения культура может быть измерена в битах, ее можно рассматривать как комплекс дискретных элементов, способных, тем не менее, объединяться в более сложные когерентные и функциональные единицы и пр.). Дискуссии в этом русле отсеяли все другие термины (в качестве единиц культуры), сохранив только «символ» и «мем». Но поскольку «символ» чрезвычайно многозначен, то выбор пал на «мем» (или — другое прочтение — «мим»)⁴¹.

⁴⁰ Там же. С. 117.

⁴¹ Здесь требуется терминологическое пояснение. Как будет сказано далее в тексте, термин и концепт «мим» (meme) впервые были запущены в оборот английским зоологом Р. Докинзом в его работе «Эгоистичный ген» (оригинальное издание 1976 г.). В «Предисловии к русскому изданию» его автор, замечательный отечественный биолог Б.М. Медников заметил, что слово meme он бы транскрибировал по русски как «мем» по аналогии с «ген» (gene), но, отметил он тогда, поскольку транскрипция «мим» уже вошла в литературу, она была сохранена и в русском издании книги Р. Докинза. Замечу, что именно как «мим» этот термин читается и в англоязычной литературе. Однако в вышедших в последние годы работах этот термин упорно транскрибируется как «мем» (в том числе и в переводе статьи

Термин (и понятие) мим (тете, читается как теет, от греч. мимезис — подражание) был запущен в оборот английским зоологом Р. Докинзом в своей знаменитой работе «Эгоистичный ген», по праву считающейся наряду с «Социобиологией» американского энтомолога Э. Уилсона классикой современной социобиологии. Любопытны (и в высшей степени знаменательны) мотивы введения им этого понятия. Вопреки широко распространенному убеждению противников социобиологии в ее неискоренимом редуционизме, Р. Докинз, вводя понятие мима, руководствовался как раз противоположной установкой, а именно, — желанием объяснить САМООЧЕВИДНЫЙ для него (так же, как и для всех других здравомыслящих людей) факт УНИКАЛЬНОСТИ вида *Homo sapiens* как именно творца и продукта КУЛЬТУРЫ. Однако все попытки прямолинейного толкования возникновения и эволюции важнейших элементов человеческой культуры как прямого продукта обычных механизмов естественного отбора на генном уровне (отбора родичей, реципрокного отбора и пр.) оставляют чувство глубокой неудовлетворенности. Вместе с тем завоевания современной дарвиновской генетической теории эволюции в прояснении механизмов формирования социальности столь велики и убедительны, что от них тоже нельзя попросту отмахнуться, пытаясь понять истоки возникновения специфически человеческих форм социальности и культуры. Но как же ими адекватно воспользоваться? Для этого надо отдать ясный отчет в том, в чем главная особенность гена как основы жизни и главной единицы естественного отбора, а следовательно, и всей собственно биологической эволюции. Эта особенность заключается в том, что ген, гены являются самовоспроизводящимися, самореплицирующимися единицами жизни, репликанами или РЕПЛИКАТОРАМИ. Жизнь и начинается с появления репликато-

Г. Чика). Как курьез, отмечу, что имеется и такой вариант перевода на русский язык этого термина, как «мемо» (Методологические вопросы теоретической биологии и биофизики. Пушино, 1986. С. 35) и даже, как «меме» (Вопросы философии, 2003. № 2. С. 111 и др.).

ров — единиц самовоспроизведения и передачи по поколениям наследственной информации, все остальное автоматически обеспечивается естественным отбором — такова точка зрения современной науки. Но нет необходимости считать гены единственно возможными во Вселенной репликаторами. И вполне логично предположить, что вся специфика собственно культурной эволюции человеческого общества обусловлена появлением новых репликаторов, новых единиц передачи наследственной информации, единиц имитации или мимов. Именно такой вывод и делает Р. Докинз. Примерами мимов, говорит он, могут служить мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок и пр., и пр., до бесконечности. Точно также, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью половых клеток, точно также и мимы распространяются в человеческой популяции, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле может быть назван ИМИТАЦИЕЙ. «Нам нет нужды, — говорит Докинз, — заниматься поисками обычных биологических ценностей, определяющих выживание таких вещей, как религия, музыка и ритуальные танцы, хотя они, возможно, и существуют. После того как гены снабдили свои машины выживания мозгами, способные к быстрой имитации, мимы автоматически берут это на себя»⁴². Вводя понятие мима, Р. Докинз, видимо, серьезно не претендовал на создание еще одной теории культуры. Но неожиданно идея существования мимов была воспринята многими специалистами именно в таком контексте и получила широкое распространение. Она была подхвачена философом Д. Деннетом, антропологом У. Дюрэм, психологом С. Блэкмор и мн. др. Вполне серьезное отношение к этой идее, как видим, проявил и такой авторитет в области культурологии, как проф. Г. Чик. А в 2000 г. в высшей степени авторитетный в научных кругах журнал *Scientific American*, провел первую широкомасштабную дискуссию по этим вопросам. В качестве горячей защитницы идеи возникновения новой теории челове-

⁴² Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993. С. 185.

ческой культуры — миметики — выступила психолог Сьюзен Блэкмор. Она попыталась всесторонне обосновать мысль, что именно удивительная человеческая способность подражать и, таким, образом, передавать мимы, отличает нас от других видов животных. Мимы, по ее утверждению, были и являются мощной силой, формирующей нашу культурную эволюцию. «По моему мнению, — говорит она, — идея мима как репликатора — это именно то, чего не хватало нашим теориям эволюции человека. Миметика окажется безмерно полезной для объяснения пути и причин приобретения нами исключительных качеств и способностей, возникновения разнообразных форм культуры и общественного устройства. Мы отличаемся от других животных тем, что только мы в какой-то момент в далеком прошлом приобрели способность распространять обобщенные имитации, таким образом дав волю новым репликаторам — мимам, которые затем начали распространяться, используя нас в качестве копирующей машины в той же степени, что и гены используют внутриклеточный аппарат репликации. С этого момента только один биологический вид стал обладателем двух репликаторов, а не одного. Вот почему мы отличаемся от миллионов других видов, населяющих нашу планету. Именно таким образом мы приобрели наш большой мозг, наш язык и другие исключительные «избыточные» свойства и способности»⁴³. Возражения ее оппонентов (а в их числе были такие известные специалисты, как эволюционный антрополог Роберт Бойд, зоолог и этолог Генри Плоткин) разделились на два класса: одни доказывали, что подражание столь широко распространено в мире животных организмов, что мимы могут считаться универсальной силой эволюции, другие же доказывали, что эволюция человеческой культуры — это столь сложное явление, что ни в коем случае не может быть понята на основе столь упрощенной теоретической идеи, как идея мимезиса, подражания⁴⁴. Но в любом случае миметика уже ста-

⁴³ Blackmore S. The Power of Memes // Sci. Amer., October. 2000.

⁴⁴ Dugatkin L.A. Animal Imitate Too // Sci. Amer., October. 2000; Plotkin H. People Do More Than Imitate // Sci. Amer., October. 2000.

ла фактом серьезных научных дискуссий а следовательно, и фактором дальнейшего развития теоретической культурологии и антропологии⁴⁵.

■ 6. Фрэнсис Фукуяма: и вновь позиция социолога

Возможно, наиболее четко и рельефно все основные интуиции ученых-обществоведов, которые были обозначены выше, проявлены в работах известного современного американского социолога и политолога Фрэнсиса Фукуямы, особенно в его «Великом разрыве»⁴⁶. Этому, видимо, способствовало и то обстоятельство, что в указанной работе вопросы методологии научного познания затронуты в контексте обсуждения предельно общих и принципиальных проблем обществоведения, а именно, — вопросы источников и эволюции социальных норм и оценок, механизмы порождения и поддержания социального порядка и др. Принимая общую характеристику общественных изменений, происходящих в США в последней трети XX в. (так же, как и в других экономически развитых странах), как переход от индустриального к постиндустриальному (информационному) обществу и, разумеется, в целом приветствуя это, Фукуяма тем не менее концентрирует свое внимание на тех резко негативных последствиях этого перехода, которые со всей силой обозначились в США (как и в некоторых других высокоразвитых странах, но не всех — это следует подчеркнуть) в 70–80-е гг. и появление которых поставило перед обществоведами (и политиками-практиками, разумеется) целый ряд фундаментальных проблем теоретического и методологического порядка. Особое внимание он уделяет трем категориям социальной дезорганизации:

⁴⁵ Для последующего знакомства с концепцией мимов рекомендую замечательную книгу одного из крупнейших специалистов по компьютерным программам Ричарда Броди: Психические вирусы. Как защититься от программирования психики. М.: 2002. Из отечественных авторов рекомендую работу: Левченко В.Ф. Эволюция биосферы до и после появления человека. СПб.: Наука. 2004.

⁴⁶ Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2003.

1) необычному росту уровня преступности, 2) стремительному распаду родственных связей и утерей традиционной нуклеарной семьей статуса основной социальной ячейки общества и 3) глубокому упадку доверия к общественно-политическим институтам со стороны широких кругов населения. «Эти перемены, — пишет Ф. Фукуяма, — носили драматический характер, все они имели место во многих странах, находящихся примерно на одинаковом уровне развития, и происходили примерно в один и тот же период истории. Они и создали Великий Разрыв в социальных ценностях, преобладавших в обществе индустриального века в середине XX в. <...> Упадок легко видеть в статистике количества преступлений или детей, растущих без отца, пониженного качества и возможностей образования, подорванного доверия и т. п.»⁴⁷ Естественно, возникает вопрос: было ли это случайностью, что все эти негативные тенденции, которые, как говорит Фукуяма, в совокупности отражают деградацию социальных связей и общих ценностей, объединяющих на Западе людей, проявились именно в период перехода экономики этих обществ от индустриальной эры к информационной? Такая постановка вопроса приводит автора в конечном счете к вопрошанию о предельных основаниях всякого социального порядка и даже к вопросу о сущностной природе человека. Так вот, современная наука, говорит Ф. Фукуяма, — и эта мысль становится у него развернутой методологической идеей всего исследования, — показала, что естественное состояние человека — не война «всех против всех», как полагал Томас Гоббс, а скорее, гражданское общество, упорядоченное наличием множества моральных правил. «Более того, — продолжает он эту мысль, — эти утверждения эмпирически подтверждаются огромным количеством данных недавних исследований в таких разнообразных областях естественных наук, как нейрофизиология, генетика поведения, эволюционная биология и этология, а также в рамках биологически ориентированных подходов в психологии и антропологии»⁴⁸.

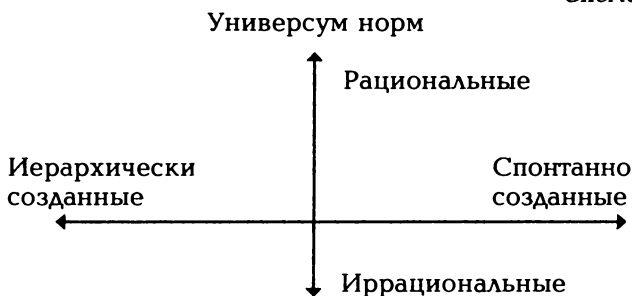
⁴⁷ Фукуяма. Указ. соч. С. 14.

⁴⁸ Там же. С. 15–16.

Разумеется, распутывание всех политических, технологических и культурных связей, которые приводят к изменению и стабилизации совокупности социальных норм и ценностей (всего того, что нередко объединяется под общим наименованием «социальный капитал»), — нелегкое дело. Тем не менее, несмотря на некоторый спад роста негативных тенденций в общественной жизни США 90-х гг., — подчеркивает Фукуяма, — остается актуальной проблема: как можно укрепить социальный капитал в будущем? Мы оказались в трудном положении, говорит он. Путь вперед, как представляется, обещает постоянно растущий уровень социальной дезорганизации, в то время как путь назад вообще отрезан. Не означает ли все это, что современные либеральные общества вообще обречены на все углубляющийся моральный упадок и социальную анархию (как то в свое время пророчествовали все критики Просвещения), пока они некоторым образом не взорвутся? Ф. Фукуяма категорически не согласен с таким прогнозом и как раз с целями обоснования своей, если и не оптимистической, то по крайней мере вполне реалистической позиции, обращается к исследованию проблемы истоков всякого социального порядка с опорой на все достижения в этой области как социально-гуманитарных, так и — и это то главное, на что я хочу обратить внимание, — естественных наук. Как только мы к ним обратимся, говорит Фукуяма, мы сразу же обнаруживаем, что порядок и социальный капитал имеют два широких естественных основания, которые их поддерживают. Первое основание — биологическое, и оно возникает из самой человеческой природы. Второе основание, поддерживающее социальную организацию, — человеческий разум и его способности спонтанно генерировать решения проблем социальной кооперации. Разумеется, ни генетические потенции, ни спонтанная склонность к самоорганизации не являются достаточными для того, чтобы породить всю совокупность норм («вселенную норм», как называет их Ф. Фукуяма), которые образуют социальный порядок сам по себе. Они должны быть подхвачены и трансформированы различными культурными факторами, действующими как по вертикали, так и по горизонта-

ли, т. е. идущими либо сверху вниз (от законодателя, первосвященника и т. д.), либо возникающие путем переговоров, дискуссий и диалога между индивидами. Следовательно, вся совокупность норм образует некоторый континуум, располагающийся между теми, которые заданы некоторой иерархической властью (например, государством или церковью), и теми, которые возникли спонтанно (например, путем голосования или референдума или даже в процессе биологической эволюции). Но на этот континуум норм может быть наложен еще один: норм, которые являются продуктом рационального выбора, и норм, которые унаследованы обществом и не являются заранее обдуманными. Сочетание двух осей дает матрицу, содержащую четыре возможных типа норм, как показано на схеме 1.

Схема 1

Если мы попытаемся обнаружить различные типы норм внутри образованной таким образом матрицы из четырех ячеек, мы получим что-то вроде схемы 2. Термин «рациональный выбор» употребляется Фукуямой только для обозначения того факта, что различные варианты норм осознанно дискутируются и заранее сравниваются. Совершенно очевидно, что рациональное обсуждение может привести к неудачному выбору, в то время как спонтанно (и в этом смысле «нерационально») возникающие нормы могут быть вполне функциональными. К ним, в частности, относятся и такие локально-социальные, групповые нормы, которые на схеме 2 обозначены Ф. Фукуямой как «личинки». Во многих отношениях, подчеркивает Фукуяма, это раз-

деление между рациональным и нерациональным соответствует разграничению между социологией и экономикой.

Схема 2

Источники порядка

Из схемы 2 видно, что любой формальный закон, установлен ли он диктатурой или демократией, попадает в ячейку «рациональные, иерархические», так же, как создание конституции, социальная инженерия и все другие попытки управлять обществом «сверху». С другой стороны, неписанные законы (например, законы рынка) возникают спонтанно, но также рационально. Рационально в том смысле, что все они принимаются в конечном счете на основе осознаваемых процессов спора, сравнений и дискуссий. Все богооткровенные религии исходят, естественно, из иерархического (но трансцендентного, т. е. иррационального) источника, в то время как все «народные религии» и псевдорелигиозные культы и практики возникают спонтанно и не имеют централизованного источника. Соответственно, религиозные нормы, исповедуемые их сторонниками, располагаются в нижней левой и нижней правой ячейках таблицы. Но существуют нормы, которые, как доказывает современная социобиология, имеют прямой биологический источ-

ник. Ярким тому примером является табу на инцест. Вопреки Фрейду, самые последние исследования говорят о том, что табу на инцест у человека имеет не культурные, а сугубо эволюционно-генетические корни, хотя и окрашивается при этом в разнообразные культурные формы выражения. Поскольку все такие нормы возникают естественно и спонтанно, они должны быть расположены в нижней правой ячейке (хотя, с моей точки зрения, термин «иррациональные» здесь мало уместен).

Построение такой матрицы норм, как показывает далее Ф. Фукуяма, позволяет рационально и обоснованно построить аналогичную матрицу для всех основных наук, имеющих отношение к исследованию и объяснению природы социальных норм и, в конечном счете, к природе человеческой социальности вообще (см. схему 3).

Схема 3

Распределение научных дисциплин

Экономика как изучение рынков в первую очередь имеет отношение к правилам рационального и спонтанного обмена. Политология, изучающая государство, фиксирует свое внимание на законодательстве и формальных институтах правления. Социология тесно связана с изучением религии и других иерархических и нерациональных норм, тогда как антропология и все в большей степени биология, — подчеркивает Фукуяма, — имеют дело с нормами, которые возникают спонтанно и неиерархическим образом. Разумеется, что каждая из этих дисциплин стремится выйти за пределы своей ячейки, что выражается в создании таких наук, как социология

права и социология экономики или политическая антропология и социобиология и мн., мн. др., что, собственно, выражает генеральную линию в развитии науки конца XX в. и что можно только приветствовать.

В данной связи мне особо хотелось бы обратить внимание на органическое подключение всего комплекса современных биологических наук к таким, казалось бы, сугубо социально-гуманитарным проблемам, как проблемы социальных норм и социального порядка и на заявку на полное преодоление (полную деструкцию) вековой оппозиции «биология или культура» при научном изучении человека и мира человеческих ценностей. В отличие от совершенно релятивистских положений культурной антропологии и социологии знания 1-ой половины XX в., а тем более постмодернистских построений его последних десятилетий, новая биология — как совершенно правильно подчеркивает Ф. Фукуяма — исходит из того, что пластичность человеческой природы и изменчивость человеческой культуры не настолько велики, как это долгое время считалось. Точно так же, как человеческие языки могут быть чрезвычайно разнообразны и в то же время выражать общие глубинные лингвистические структуры (как это убедительно показано современной психолингвистикой), определяемые соответствующими зонами новой коры головного мозга человека, так и человеческие культуры, по всей видимости, отражают общие социальные потребности, определяемые не культурой, а биологией. «Не биологический детерминизм (и не биологический редукционизм, добавлю от себя. — В.Б.) предлагает внимательным исследователям новая биология, — совершенно справедливо пишет Ф. Фукуяма, — а скорее более сбалансированный взгляд на взаимодействие природы и воспитания в формировании человеческого поведения»⁴⁹. В этой связи, ввиду чрезвычайной важности этой мысли для понимания современной постановки вопроса о взаимоотношении естественных наук с науками о человеке, приведу в качестве примера размышления известного голландского приматолога и антрополога Франса де Ваала (Frans B.M.de Waal).

⁴⁹ Фукуяма Фр. Великий разрыв. М., 2003. С. 217.

Все то время, что я себя помню, пишет Вааль в статье с характерным названием «The end of Nature versus Nurture», защитники природы и защитники воспитания держали друг друга за горло. В то время как биологи настаивали, что гены имеют прямое отношение к поведению человека, ученые, занимающиеся изучением общественных наук, в массе своей придерживались противоположного мнения, а именно, что мы (люди) всецело и полностью творцы самих себя, полностью свободные от оков биологии. Общество позволяло маятнику широко раскачиваться от воспитания к природе (и наоборот), оставаясь при этом в полном неведении о подлинных (весьма тонких) механизмах взаимодействия между генами и окружающей средой. Сейчас доказывать, что гены имеют прямое отношение к человеческому поведению, значит ломиться в открытую дверь, а защищать обратную точку зрения означает попросту проявлять вопиющие консерватизм и невежество. Но проблема на этом не завершается, поскольку мы по-прежнему остаемся все так же далеки от тонкого понимания взаимодействия наследственности и среды. Неожиданное богатство связей между ними, открываемых современной наукой, требуют принципиально новой методологической установки, разрушающей все старые перегородки и барьеры между дисциплинами. «Я предвижу продолжение установления связей между генами и поведением, появление гораздо более точных знаний о работе мозга и постепенное принятие эволюционных парадигм науками об обществе. В конце концов портрет Чарльза Дарвина украсит стены кафедр психологии и социологии! Но будем надеяться на то, что все это будет сопровождаться продолжающейся оценкой этической и политической причастности со стороны наук о поведении»⁵⁰. Чего можно ожидать в этой области где-нибудь лет так через 50? — задается вопросом он. И отвечает: «Наиболее вероятно, что в следующем тысячелетии эволюционные подходы к поведению человека будут становиться все более и более утонченными, принимающими во внимание явную гибкость культуры. Следователь-

⁵⁰ *Waal, Frans B.M. de. The End of Nature versus Nurture // Sci. Amer., 1999. 12. P. 98.*

но, традиционный подход: «или инстинкт, или обучение» будет замещен на более интегрированный подход... Вместе эти две различающиеся точки зрения ослабят популярную сегодня дихотомию вплоть до ее устранения. Мы добьемся более глубокого понимания поведения человека, если не будем рассматривать культуру как антитезис природы и потихоньку перенесем старые дебаты природа/воспитание в могилу»⁵¹. Золотые слова!

⁵¹ Там же. С. 99.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ЕЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Методологическое значение социальной философии для общественных наук многогранно. Мы остановимся лишь на некоторых аспектах этого явления.

Определение предмета любой общественной науки это, конечно, в первую очередь дело самой данной науки... оно зависит от особенностей ее становления, традиций, категориально-понятийного аппарата и т. д. Однако органическая связь определения предмета общественной науки с ее содержанием, особенностями развития и функционирования отнюдь не означают, что можно полностью абстрагироваться от принимаемых при этом явно или неявно определенных философско-методологических предпосылок, особенно из области социальной философии.

Методологическое значение социальной философии для определения предметов общественных наук. Как известно, социальная философия разрабатывает целостное представление об обществе, его структуре, общих законах функционирования и развития. Если философское знание в целом характеризуется как мировоззрение, как общий философский взгляд на мир и место человека в нем, то социальная философия разрабатывает общий взгляд на социальный мир. В таком качестве она, на наш взгляд, методологически необходима для всех общественных наук. Ее методологическое значение проявляется прежде всего в том, что она помогает раскрывать место каждой общественной

науки, ее предмета, ее законов в общей картине общественной жизни.

Социальная философия, являясь многогранным выражением целостности общественной жизни, создает объемный портрет общественной жизни и опирается не на какой-то один критерий общественной жизни, а на ряд таких критериев. Поэтому вытекающие отсюда принципы определения места той или иной общественной науки в общей картине общественной жизни не являются однозначными.

Во-первых, это проблема определения места предмета той или иной науки с точки зрения общей структуры общественной жизни. Имеется большая группа общественных наук, которые изучают какие-то части, стороны общественного организма. К их числу относятся, например, политология, изучающая политическое управление обществом, экономическая теория, изучающая производственные отношения, науковедение, изучающее научную деятельность, и т. д. По отношению к этим наукам социальная философия выступает как общая теория, раскрывающая место и значение предмета данных наук в структуре всего обществознания.

Во-вторых, это проблема определения места той или иной науки с точки зрения исторических процессов общественной жизни. Так, имеется целая совокупность исторических научных дисциплин, изучающих различные грани истории, эволюции общества. Это — всеобщая история, изучающая всемирно-исторический процесс, история отдельных стран, отдельных этапов человечества, скажем, рабовладения, феодализма и т. д., история отдельных сторон жизни общества, например история техники, история экономических учений, история религии и т. д. К числу подобных дисциплин можно отнести исторический анализ развития науки, скажем, учение о становлении научно-технического потенциала общества и т. д.

Здесь социальная философия важна, прежде всего, как общая теория развития общества. На первый план выходят такие аспекты этой теории, как разработка вопроса о всемирно-историческом процессе, его начале, об основных этапах всемирно-исторического процесса, например, общественно-экономических фор-

мациях, о различных модификациях революций в обществе — промышленной, научно-технической, культурной, в стилях мышления и т. д. Опираясь на эти положения, социальная философия может помочь правильно определить место той общественной науки, которая так или иначе изучает процессы динамики общественной жизни.

В-третьих, социальная философия имеет методологическое значение для тех наук, которые изучают различные механизмы развития общества. Речь идет о группе наук, изучающих в какой-то мере прикладные вопросы управления общественными процессами, влияния со стороны общества на эти процессы. Как нам представляется, для такого рода общественных наук социальная философия важна прежде всего тем, что она является общей теорией движущих сил общества. Изучая истоки этих движущих сил, действия разных общественных групп, экономические потребности, интересы, цели, мотивы, стимулы этой деятельности и т. д., социальная философия позволяет определить место каждой науки, занятой изучением какой-то стороны этих сил.

Наконец, в-четвертых, социальная философия определяет место разных общественных наук, для предметов которых характерны не столько выделение определенной области общественной жизни, сколько уровень, характер ее рассмотрения. Пожалуй, эта сторона классификации общественных наук и роль социальной философии в данном отношении являются относительно новыми в обществознании и нуждаются в более подробном рассмотрении.

Прежде общественные науки отличались очень четкой ориентацией на изучение какой-то стороны, грани общественной жизни. Соответственно обобщенный, интегральный подход к общественной жизни выступал как прерогатива философско-социологического знания. Почти единственным исключением в этом отношении была история, которая изучала в развитии все стороны естественной жизни. Общая же дифференциация общественных наук тяготела к довольно четкой поляризации: на одном полюсе — философско-социологическое знание, характеризующееся общим, интегральным подходом к обществу, на другом — множе-

ство общественных наук, каждая из которых изучала какую-то часть, грань, сторону жизни общества. Соответственно дифференциация философско-социологического знания и общественных наук опиралась методологически в основном на диалектику целого и части, исходила из нее.

В XIX – XX вв. конституируются такие общественные науки, для которых ориентирование на изучение какой-то одной части общества уже не является преобладающим и характерным. В качестве примера можно рассмотреть предмет социологии. Ограничить ее какой-то одной стороной, областью общественной жизни, в принципе, нельзя. Сложилось, например, социология труда, социология быта, спорта, семьи, искусства, массовых коммуникаций, международных отношений, города, деревни и т. д. Поэтому попытка «привязать» социологию к какой-то одной части общества, одной стороне общественной жизни, чем бы эта попытка ни обосновывалась, бесперспективна. Именно все стороны жизни общества без всяких изъятий интересуют социологию. Так, авторы учебника «Социология» под общей редакцией академика РАН Г.В. Осипова и других писали: «Обычно, согласно сложившейся традиции при определении предмета социологического знания выделяется в качестве «ключевого» то или иное социальное явление. К числу явлений, которые различные социологи считают ключевыми в определении предмета социологии, относятся: «групповое взаимодействие», «социальные отношения», «социальные организации», «системы социального действия», «социальные группы», «формы человеческих общностей», «социальные процессы», «социальная жизнь»... «но вопрос о предмете социологии остается нерешенным»¹. Добавим от себя, что нерешенность этого вопроса, на наш взгляд, в значительной степени зависит от того, что социологи слабо анализируют и учитывают уровневую специфику своего предмета. Уровневый подход важен не только в социологии. Это же мы можем сказать о социальной статистике, о применении общей теории систем в обществе, математических методов к общественной жизни. В каждом из перечисленных научных направ-

¹ Социология: Учебник для вузов. М.: Наука, 1995. С. 59–60.

лений под определенным углом раскрывается все общество, его различные стороны.

Как же определить место в обществознании этих новых научных направлений? Ведь ясно, что традиционная методология целого и части здесь уже не «работает», ибо каждое из перечисленных направлений имеет дело с общественным целым или с суммой частей этого целого. Здесь необходим иной путь, иной подход.

Как нам представляется, он раскрывается при особом, уровневом анализе общественной жизни. Суть этого уровневого анализа заключается в том, что общественная жизнь рассматривается на разных стадиях постижения — от конкретных эмпирически фиксируемых общественных явлений до общественных сущностей самых глубоких порядков. Сами общественные законы, естественно, также дифференцируются по степени общности. Если дифференциация общества по сферам, видам общественных отношений, типам деятельности и т. д. представляет собой как бы горизонтальное сечение общества, предполагающее выделение элементов одного уровня обобщения, то дифференциация по уровням может быть названа вертикальным сечением. Разумеется, типов этих уровневых делений может быть несколько.

С этих позиций понятно, что названные научные направления должны отличаться прежде всего тем уровнем общественной жизни, который они представляют. Так, формационная социология репрезентирует уровень специфических законов формаций, социология — уровень эмпирически фиксируемых видов и форм человеческой жизнедеятельности, статистика — уровень количественно фиксируемых показателей общественной жизни, теория систем — уровень выделения любых системных образований общества. Уровень дифференциации общества, таким образом, объясняет и различия перечисленных научных направлений — оно связано с различиями уровней — и определенную одинаковость их предметной ориентации на любую часть общественной жизни. Эта универсальность ориентации оказывается возможной именно и только в рамках того уровня общественной жизни, с которым связана данная наука. Совершенно

очевидно, что для обоснования указанной дифференциации общественных наук необходимо иметь четкое теоретическое представление как об определенных уровнях общества, так и об определенных уровнях их познания.

Разработка общей уровневой структуры общества осуществляется в рамках философско-социологической теории. Это объясняется как общесоциологическим характером этой теории, так и необходимостью при ее разработке опираться на категории явления и сущности, на особое соотношение объективного и субъективного в каждом из уровней. К сожалению, социальная философия в ее нынешнем виде еще мало преуспела в разработке этой проблемы. Налицо ситуация, когда потребность ее разработки, вытекающая из общего состояния развития общественных наук, значительно опережает реальное приращение философско-социологических знаний в этой области. И тем не менее именно в социальной философии, в ее понимании общества заложены те элементы уровневого анализа общества, на базе которых можно определить место рассматриваемых общественных наук в общей системе познания общества. Поэтому она сохраняет все свое методологическое значение для данных наук.

Таким образом, социальная философия выступает необходимой и важной методологической основой для определения места в общей системе общественнознания предмета каждой из общественных наук. Зачем это необходимо?

Дело в том, что каждая из общественных наук изучает только ту или иную часть, грань, аспект или уровень общественной жизни. Уже из самого этого обстоятельства, из сосредоточения той или иной общественной науки на какой-то одной стороне общественной жизни вытекает возможность односторонности. Социальная философия необходима как своеобразная компенсация, нейтрализующая возможные и неизбежные минусы любого конкретно-научного познания общества.

Но дело не только в этом. Следует учесть и то, что выделение предмета той или иной общественной науки, как и любой науки вообще, никогда не является жестким, абсолютно отгороженным от пограничных

областей. Особенно наглядно это обнаруживается в общественных науках. Здесь любая наука так или иначе «выходит» на проблемы человека, его возможностей, проблему сознания, на политическую жизнь, социальное управление, общественное производство и т. д., и т. п. Так что если внимательно присмотреться к предметам различных общественных наук, то можно сказать, что они лишь по преимуществу связаны с какой-то одной стороной общественной жизни, а через эту сторону они рассматривают множество других пограничных общественных проблем. Иначе говоря, любая общественная наука имплицитно содержит в себе момент комплексности.

Учитывая эту особенность предметов общественных наук, можно понять особую важность и значимость для любой из них той общей научной картины общества, которую дает социальная философия. Сверяясь с этой картиной, специально научно разработанной и философски взвешенной, каждая общественная наука может, образно говоря, проверить корректность своего выхода за рамки предмета, которые она неизбежно осуществляет в ходе своего собственного исследования. Ей, стало быть, общее знание об обществе необходимо как научное обоснование того момента комплексного видения общественной жизни, который содержится в ней самой, но содержится имплицитно, а не как развернутая теоретическая концепция.

Однако, наряду с той важной методологической ролью, которую играет социальная философия в правильном видении предмета любой из общественных наук, обращение к ее когнитивным ресурсам позволяет также профессионально решить и целый ряд других методологических проблем наук об обществе. Ниже мы остановимся лишь на трех из них.

Методологическое значение вопроса об объективном характере общественных законов. Известно, что любые науки, и общественные в том числе, изучают определенные закономерности. Их интересуют не отдельные явления, эпизоды, события, а именно сущностные, необходимые, глубокие общественные связи и зависимости. Вместе с тем для общественных наук принципиально важно и признание объективности тех законов, которые они изучают. Им важно знать, что те

законы, изучением которых они занимаются, это не мифы, не фантазии, не воображаемые связи и т. д., а именно реальности общественной жизни, существующие вне и независимо от любого исследователя, любого ученого. Без этой посылки, без признания объективной реальностью существующих законов научное познание не имеет смысла. Естественно, возникает вопрос, какая наука, какая система знаний дает обоснование самого объективного бытия этих общественных законов. Вопрос этот, если речь идет о законах общественной жизни, отнюдь не тривиален.

Дело в том, что объективная реальность физических, химических и других законов выступает в простой и непосредственной форме. В данном случае очевидно, что физическая, механическая и т. д. формы движения материи, а соответственно и законы этой формы существуют вне человека, его сознания, а зачастую и задолго до самого появления человека. Поэтому часто объективность законов естествознания постигается на уровне здравого смысла, стихийного материализма естествоиспытателей. И такой стихийно принимаемой посылки — мир природных законов существует вне человека — бывает достаточно для работы естествоиспытателя.

Мы, конечно, не хотим этим сказать, что стихийный материализм естествоиспытателей вообще достаточен для их исследования. Чем глубже познание природы, тем более необходима солидная, специальная теоретически разработанная философия науки. Здесь здравый смысл при всей своей рациональности не может считаться надежной базой, но в качестве первой посылки познания выводы здравого смысла вполне достаточны для естествоиспытателя.

Что же касается изучения общественных законов, то здесь дело обстоит намного сложнее. Общественная жизнь в силу того, что это деятельность людей, в силу осознанности этой деятельности, в силу уникальности, неповторимости общественно-исторических событий и т. д., не только ставит перед человечеством сложные задачи, но подготавливает ему как бы своеобразные «ловушки», уводящие исследователя от познания объективной сущности общественных законов. Вот почему при изучении общества и его законов обычный здра-

вый смысл оказывается малонадежным. Здесь, если речь идет о признании объективной природы общественных законов, нельзя просто апеллировать к очевидности, наглядности. Напротив, зачастую то, что кажется естественным, очевидным, что само собой разумеется, менее всего соответствует истине. Короче говоря, выявить, раскрыть объективную природу общественных законов отнюдь не просто. Здесь нужна не простая наглядность общественных событий, а специальный научный анализ, вскрывающий сущность за ее видимостью, за ее явлением.

С этой точки зрения понятно, почему в общественных науках появляются теории не только по-разному интерпретирующие общественные законы, но и отрицающие их как таковые. Вот что, в частности, писал известный философ К. Поппер: «Может ли быть закон эволюции?» Я полагаю, что ответом на этот вопрос должно быть «нет» и искать закон «неизменного порядка» эволюции в рамках научного метода нельзя ни в биологии, ни в социологии... Эволюция человеческого рода представляет собой уникальный исторический процесс... Всеобщие законы формируют положения относительно какого-либо неизменного порядка, т. е. относительно всех процессов определенного рода»². Мы полагаем, что отрицание К. Поппером общественных законов принять нельзя. Но, признаем, что возникло оно не на пустом месте.

Любая общественная наука раскрывает содержание специфических общественных законов. И этот анализ — важный шаг на пути изучения объективной природы законов. Но само по себе раскрытие содержания общественных законов еще не всегда является специальной аргументацией в пользу именно объективной природы данной закономерности. Зачастую это происходит не потому, что те или иные общественные науки сознательно устранились от подобного анализа. Дело объясняется проще — а именно тем, что раскрытие объективной природы общественных законов выходит за пределы возможностей науки, отражаю-

² Поппер К. Нищета историзма. М., 1993. С. 107 — 108; Полемика с К. Поппером. См.: Бузгалин А.В. Анти-Поппер. Социальное освобождение и его друзья. М.: УРСС, 2003.

щей какую-то одну сторону, один аспект общественной жизни.

Ведь объективность общественного закона не связана со спецификой, скажем, экономического, юридического, исторического и т. д. законов. Чтобы выявить эту объективность, закон необходимо рассмотреть не просто со стороны своего собственного содержания, а как бы в ином измерении, в ином повороте: а именно со стороны его сопоставления с сознанием общественного человека, его целями, мотивами. И это сопоставление должно быть достаточно полным, т. е. оно должно брать во внимание и объективные корни бытия закона и противопоставлять его сознанию по всем линиям. Так, когда анализируется объективный характер законов производственных отношений, то нельзя ограничиваться просто раскрытием содержания производственных отношений, указанием на то, что они — общественная форма производственных сил. Необходимо идти глубже — выявить такие факты, которые свидетельствуют об объективности эволюции производственных отношений (а для этого нужен особый анализ развития во времени этих отношений), сопоставить развитие производственных отношений с развитием общественного сознания, здесь нужно выявить, какое сознание и как берется во внимание. Лишь отобрав соответствующие факты такого рода, можно делать вывод об объективном характере законов производственных отношений.

Ясно, что ни одна из общественных наук именно таким анализом своих законов не занимается. Такой анализ возможен лишь в аспекте интегрального взгляда на общественную жизнь, когда выделяется объективная основа общества, когда оно раскрывается как естественно-исторический процесс. Иначе говоря, раскрытие объективной природы общественных законов есть определенное следствие целостного философского социологического анализа общества. И это раскрытие выступает как характеристика не какого-то одного отдельного закона, а именно всех общественных законов без всяких изъятий, ибо качество объективности одинаково у всех законов общества. Вот почему научно-теоретическая аргументация объективного характера всех общественных законов достигается именно и только в рамках социальной философии.

В этом пункте и прослеживается определенное методологическое влияние социальной философии на все общественные науки. Социальная философия не может и не должна претендовать на то, что она полнее, всестороннее отражает содержание того или иного отдельного общественного закона, изучаемого специальной наукой. В этом отношении приоритет, безусловно, за конкретной общественной наукой. Но зато социальная философия глубже и полнее любой общественной науки аргументирует объективный характер любого общественного закона. А эта аргументация необходима общественной науке, ибо она теоретически доказывает объективную реальность самого предмета данной науки, а тем самым и глубокую объективную обоснованность и самой общественной науки. Без такого обоснования любое содержательное знание того или иного закона будет неполным, половинчатым, уязвимым в самой своей основе — в признании объективности самого закона, и, напротив, на базе такого признания знание специфического содержания общественных законов завершается, доводится до своей субстанциальной основы — до признания объективности самого закона. Именно поэтому социальная философия выступает, с одной стороны, как своеобразный итог того познания общественных законов, которое осуществляется всеми общественными науками, с другой — как своеобразные пролегомены в это специальное изучение отдельных общественных законов. Можно вполне определенно сказать, что без социальной философии общественные науки не способны доказать объективную природу общественных законов.

В то же время следует подчеркнуть, что признавая в полной мере роль и влияние законов общественного развития, нельзя их и абсолютизировать. Ф.И. Успенский справедливо писал: «Если бы мы всю историческую эволюцию приписали бы неизбежным и неумолимым силам, действующим как закон и организующим человечество с той же свободой, с какой скульптор создает из бесформенной массы задуманную им фигуру, то история утратила бы свой приветственно-поучительный и гуманитарный характер»³.

Методологическое значение исследования проблемы сознания в социальной философии. Пожалуй, нет ни одной общественной науки, в которой так или иначе не отражен вопрос о человеческом сознании, его природе и возможностях. Конечно, в разных науках этот вопрос имеет разный удельный вес. Так, в науках социально-психологического плана — это сама предметная область данной науки, здесь изучается не что иное, как само сознание в его социально-психологических аспектах. В политической экономии, напротив, есть такие подходы, где осуществляется определенное абстрагирование от сознания. Есть общественные науки, где сознание рассматривается в своих гносеологических аспектах, скажем, в науковедении; есть разделы, где оно исследуется, прежде всего, в своих аксиологических, ценностных измерениях, например в этике. Короче говоря, подходы к сознанию, степень внимания к нему в различных общественных науках самые различные. Если представить себе картину сознания общества, складывающуюся из простого суммирования «портретов» сознания, которые присущи каждой общественной науке, то это будет некоторая мозаика разных граней, аспектов, функций, ролей сознания общества. Но следует еще раз подчеркнуть, что такой общественной науки, которая могла бы вообще абстрагироваться от природы сознания, нет. Это и понятно, ибо сознание — необходимый компонент человеческой деятельности.

В связи с этим возникает вопрос: как же выработать правильный подход к рассмотрению сознания. Это очень непростой вопрос. Конечно, каждая общественная наука подходит к сознанию общества, имея определенные объективные основания. Эти основания — сам исторически сложившийся предмет данной науки, ее законы, категории, специфические задачи, которые и определяют в контексте данной науки тот специфический фокус, аспект, в рамках которого изучается сознание. И поскольку выделение предмета каждой науки детерминировано определенными объективными основаниями, поскольку каждая наука, если можно так выразиться, подчиняется прежде всего своему предмету, постольку это обеспечивает и определенные критерии в подходе к сознанию.

В связи с этим возникает вопрос о том, насколько оправдан тот или иной ракурс рассмотрения сознания в рамках конкретной общественной науки. В данном случае мы несколько не сомневаемся в праве любой науки — теории государства и права, статистики, демографии и т. д. — подходить со своих позиций к сознанию. Речь идет лишь о том, есть ли какие-нибудь теоретические основания, кроме тех, которые выдвигает сама эта общественная наука, для того, чтобы существовал именно такой ракурс изучения сознания. Более того, есть основания поставить вопрос не только о том, выражает ли он сущность сознания общества, но и более общий: выражает ли эту сущность все множество образов сознания, которое создают все общественные науки, вместе взятые. Ведь ясно, что суммарный портрет сознания общества отнюдь не гарантирует, что он отражает все в сознании общества, что он отражает его сущность. Можно поставить вопрос и о том, в какой степени та или иная общественная наука может абстрагироваться от анализа сознания, отдельных его сторон. Так, мы уже упоминали показательную в этом отношении политическую экономию. В какой мере политэконом в своих исследованиях может и должен редуцировать сознание до некоторой несущественной величины? Где та грань — и есть ли она, — за которой абстрагирование от сознания становится ошибкой, мешает познанию экономических и иных законов.

Ответить на эти вопросы сами общественные науки не могут, прежде всего потому, что они подходят к сознанию именно с позиций своего предмета, так сказать, изнутри, отталкиваясь от своих законов и категорий. Кроме того, как отмечалось выше, каждая отдельная общественная наука частична. Она выделяет какую-то одну — пусть очень важную, но одну — сторону, грань общественной жизни. Поэтому в ней, если можно так выразиться, запрограммирована определенная узость взгляда на общественную жизнь. Соответственно, и сознание общества в рамках той или иной общественной науки рассматривается также узко, частично, какой-то одной из своих граней.

Между тем ответы вопросы о природе сознания и возможностях для любой общественной науки очень

важны. Так, определенная недооценка роли сознания создает почву для фетишизации определенных законов общественной жизни. Переоценка же этой роли чревата субъективистской опасностью истолкования каких-то сторон жизни общества⁴. Так что точные позиции в подходе к сознанию — это не просто гарантии против крайностей в изучении самого сознания, что само по себе важно, но это и правильность в понимании самого предмета, самих законов, изучаемых той или иной общественной наукой.

Поскольку сама конкретная общественная наука это сделать не в состоянии, встает вопрос о такой теории, которой под силу дать соответствующий анализ природы и роли сознания в обществе. Такой теорией и выступает социальная философия, ее учение о сознании общества, духовной жизни. То, что именно социальная философия выступает общей теорией сознания общества, глубоко обоснованно. Ведь сознание человека по сути своей общественно-универсально, оно как бы вбирает, впитывает в себя все богатство общественных отношений, деятельностей, различных его структур и т. д. Оно есть продукт всей общественной жизни без всяких изъятий и исключений.

Поэтому и рассмотреть сознание общества в его сущности, в его сложных взаимосвязях со всей общественной жизнью может лишь общая, философская наука об обществе. Именно эта наука в соответствии со своим предметом имеет такие категориально-методологические возможности, которые позволяют ей осуществить комплексный общественно-философский анализ сознания общества. Выводы социальной философии помогают понять общественной науке, почему она может в определенной мере абстрагироваться от сознания и как далеко идет это абстрагирование.

⁴ «Особое место в палитре исторических исследований школы «Анналов» (французская историческая школа. — В.Б.) заняла «история чувств и образа мышления эпохи» (М. Блок). И именно в истории ментальностей основоположники «школы» видели «суть истории», позволяющей осуществлять «всеобщий исторический синтез». См.: Философия и историк / Под редакцией проф. А.С. Панарина. М.: Гардарики, 1999. С. 228–229. Разумеется, изучение ментальности вполне оправдано. Но усматривать в ментальности «суть истории» — сомнительно.

Методологическое значение исследования проблемы человека в социальной философии. Любая общественная наука, так или иначе, имеет дело с человеком, так сказать, вводит в контекст изучения своих закономерностей фигуру человека, субъекта. Человек целостен и многогранен, он обладает множеством черт, характеристик, которые с различных сторон раскрывают его жизнедеятельность, он включен во множество самых различных общественных связей и отношений. Но учет всего этого богатства определений отнюдь не является необходимым с точки зрения той или иной отдельной общественной науки. Каждая из них подходит к человеку со своих позиций, выделяя именно те характеристики человека, которые важны именно с точки зрения данной науки. Соответственно каждая из общественных наук определенным образом абстрагируется, отвлекается от тех черт человека, которые с позиций ее предмета несущественны.

Особо наглядно это разнообразие научных подходов проявляется, если мы проанализируем подходы представителей различных общественных наук к одному и тому же человеку, исторической личности. Возьмем, например, такую выдающуюся фигуру в истории нашей страны, как Петр I. Если изучением его деятельности занимается историк, то он обращает внимание на историческую преемственность его деятельности, конкретные формы прихода к власти, основные деяния Петра I, на их прогрессивность, историческую обусловленность, на противоречивость действий этой фигуры, в какой-то мере на особенности его личной жизни. Подход к фигуре Петра I с позиции социально-психологической несколько иной. Здесь фиксируется внимание на социально-психологической атмосфере, в которой вырос и работал Петр I, выделяется ближайшее окружение Петра I, его роль как лидера в среде своих ближайших сподвижников и т. д. Теоретик государства и права в деятельности Петра I видит свои проблемы. Он рассматривает, прежде всего, закономерности законотворческой деятельности Петра I, выясняет, насколько созрели те изменения в юридических законах, которые ввел Петр I, как эффективно они действовали, позиции какого класса они укрепляли. Таким образом, деятельность одной и той же лич-

ности рассматривается разными науками по-разному, она как бы — в рамках каждой науки — раскрывается разными гранями, аспектами.

Но дело не только в том, что описание человека как бы распределяется между различными общественными науками. Налицо и более глубокий момент дифференциации, когда имеется разная степень абстрагирования, отвлечения от индивидуальных черт человека, разная степень, так сказать, растворения человека в тех законах, которые изучаются той или иной общественной наукой. Особенно отчетливо это видно в политической экономии. Так, К. Маркс настаивал на том, что в политико-экономическом исследовании субъект должен постоянно учитываться как предпосылка. Вместе с тем он последовательно проводил мысль, что в контексте политэкономических исследований человек, личность должны рассматриваться как определенные «маски общественных законов». В экономическом анализе человек отнюдь не выступает во всем богатстве своей индивидуальной полнокровности. Нет, это определенный тип, характер, как бы накладываемый на человека системой экономических отношений.

Вместе с тем имеются и такие общественные науки, когда принципиально важно учесть именно индивидуальные, личностные характеристики человека. Так, анализ форм духовного производства обязательно требует, предполагает учет именно индивидуально неповторимых качеств участников этой деятельности. Особенно наглядно это проявляется в литературоведении, теории искусств. Сказать, например, о Шекспире, Пушкине, Бетховене и других, что это «маски эстетических законов», что это общественные характеры эстетических процессов, — значит до предела вульгаризовать историю духовной культуры человечества.

Таким образом, общественные науки исходят не только из относительно простого разделения черт человеческой индивидуальности, но базируются на значительно более тонких методологических процедурах абстрагирования, выделения специфических качеств человека, раскрываемых в рамках данной науки.

Правильное выделение для каждой общественной науки «своего» аспекта человека весьма важно. Важность эта объясняется причинами примерно того же

порядка, что и изучение сознания общественными науками. Суть вопроса здесь не просто в том, как правильно понять человека самого по себе. В данном случае небольшие отклонения в одну или другую сторону — чуть «больше» раскрыта роль человека или чуть «меньше» — не столь уж важны. Здесь самое главное в том, что те или иные неточности в трактовке человека, его удельного веса в той или иной науке влекут за собой определенные деформации в понимании самих законов общественной науки, они — эти законы — как бы смазываются, нечетко выделяются⁵.

Интересно в этой связи замечание К. Маркса по поводу упреков в адрес Рикардо в том, что последний, исследуя производительные силы капитализма, «пренебрегал» судьбами людей:

«Наиболее значительно у Рикардо именно то, — писал К. Маркс, — в чем его упрекали: что при исследовании капиталистического производства он, не занимаясь «людьми», обращает внимание только на развитие производительных сил, каких бы человеческих жертв и капитальных стоимостей это ни стоило» (выделено мной. — В.Б.). Разумеется, речь в данном случае идет не о том, что Рикардо как идеолога буржуазии действительно не беспокоили судьбы людей, которых перемалывал буржуазный производственный молот. Такое пренебрежение К. Маркс никак не отнес бы в счет заслуг Рикардо. К. Маркс подчеркивает правомочность особого теоретического анализа «людей» при рассмотрении законов развития производства. Именно эта способность представить человека как особую персонификацию общественных отношений и позволила Д. Рикардо, а затем и К. Марксу раскрыть законы капиталистической экономики «в чистом виде». Иначе проникновение в механизмы экономического процесса было бы невозможно.

⁵ Немецкий лингвист Р. Шварц писал: «Специализированная наука несет свой закон сама в себе». Человеческая проблематика «в вопросах, которые касаются человека как человека, ей чужда, и вообще оказывается за пределами ее охвата. Даже если она занимается исследованием человека, то человек остается ее объектом» (цитирую по книге: *Методологические проблемы общественных и гуманитарных наук*. Изд-во Московского ун-та, 1989. С. 130.

И напротив, невозможно понять сущность законов развития искусства, литературы, если исключить интимно-личностное начало из искусствоведческого анализа. Без анализа личных качеств деятелей культуры, отпечатавшихся, выразившихся в их произведениях, не может быть глубокого рассмотрения законов художественного творчества. Из всего сказанного вытекает, что каждой общественной науке необходим надежный методологический механизм для того, чтобы обосновать и разработать, проверить правильность, четкость своего подхода к человеку, своего специфического анализа его роли.

Но могут ли сами общественные науки обеспечить для себя методологическое обоснование постановки данной проблемы? Конечно, дифференциация общественных наук, выделение их предметов — это процессы, объективно обоснованные. Поэтому и подход каждой науки к человеку, обусловленный спецификой ее предмета, не представляет собой субъективистского выбора исследователя, а глубоко объективен в своей основе. Стало быть, в определенной мере довериться объективной логике каждой науки, когда она требует именно определенного подхода к человеку, можно и должно.

Вместе с тем каждая общественная наука ограничена своим предметом, своими имманентными требованиями и подчиняется им. Она не в состоянии взглянуть на эти требования, так сказать, со стороны, оценить их с каких-либо более общих общественных позиций, потому что человек — это такой феномен, который связан со всем обществом, со всеми его гранями, структурами. Анализ сущности человека может быть осуществлен наукой, которая изучает всю совокупность общественных отношений, всю общественную жизнь в целостности. И здесь речь опять может идти только о социальной философии.

Вот почему социальная философия в той своей части, которая рассматривает сущность человека, по необходимости выступает теоретико-методологической основой наук о человеке. Разумеется, социальная философия не может и не должна соперничать с другими общественными науками в конкретности и многосторонности раскрытия роли человека в общественной

жизни. В этом отношении приоритет всегда был и будет за отдельными науками. Но социальная философия может и должна раскрыть саму общественную сущность человека, обосновать саму возможность его многопланового раскрытия в общественных науках, выявить общие принципы подхода к человеку.

Именно в таком качестве социальная философия с одной стороны, завершает изучение человека, осуществляемое всем обществознанием, с другой — предвзвешивает его, обосновывая многообразие самих научных выходов на человека и их внутреннее единство.

Социальная философия и философская культура представителей общественных наук. Итак, мы рассмотрели некоторые аспекты методологического значения социальной философии для общественных наук. Истоки этой роли в научности социальной философии. Философия — это не наука наук, носительница всех знаний о мире. Она имеет свой предмет, изучает его точно так же, как изучают свои предметы другие науки. Поэтому ни о каком директивно-указательном тоне в отношении социальной философии к другим общественным наукам не может быть и речи. Но, как нам представляется, нет нужды впадать и в другую крайность. Социальная философия, будучи действительной наукой, доказывая, аргументируя свои выводы, должна эти выводы передавать другим наукам. И если эти выводы свидетельствуют о том, что какое-то направление развития той или иной науки перспективно, а какое-то противоречит общим, многократно проверенным научным положениям социальной философии, то к этим свидетельствам нельзя не прислушаться. Они — эти свидетельства — выступают в данном случае в виде своеобразных императивов для той или иной общественной науки. Корень этого влияния не в каких-то особых притязаниях философского знания, а в научном содержании социальной философии. Здесь «командует» не социальная философия, а объективная истина, с которой необходимо считаться. Если можно вообще говорить о большем или меньшем влиянии какой-то науки, то единственным критерий этого измерения — степень научной доказанности, научной аргументированности той или иной науки. В полной мере это относится и к социальной философии. Осо-

бенность ее положения не в том, что ее влияние по своим истокам чем-то отличается от влияния других наук, особенность — в ее предмете, в его универсальном, философском взгляде на общественную жизнь, который делает ее всеобщей методологией обществознания.

Хотелось бы отметить, что социальная философия, будучи живой, реально развивающейся философской наукой, разумеется, не гарантирована от ошибочных положений, заблуждений. Естественно, эти заблуждения отражаются и на его отношениях с общественными науками, деформируют их. В реальном развитии эти деформации преодолеваются за счет развития как социальной философии, так и общественных наук. Такие диспропорции естественны для развития любого региона наук. Хуже обстоит дело тогда, когда социальная философия оказывается под диктатом идеологических и политических догм и распространяет этот диктат на общественные науки. Ничего, кроме вреда для всех наук, в том числе кроме дискредитации самой социальной философии, эта ситуация не приносит. Но не будем вместе с тем отмежевываться и от плодотворного взаимодействия социальной философии с обществознанием, что не раз подтверждалось историей их развития. В заключение считаю необходимым особо подчеркнуть, что социальная философия необходима и важна для любой общественной науки, прежде всего и главным образом именно в своей целостности, в качестве общей философско-социологической теории. Конечно, представитель каждой общественной науки может интересоваться по преимуществу теми сторонами социальной философии, которые ближе к его предмету, непосредственно с ним соотносятся. Например, для историка представляет особый интерес учение об этапах общественного развития, для юриста — вопрос о государстве и праве, для исследователя конкретной экономики — разработка учения о хозяйственной сфере и т. д. В таком преобладании интересов общественных наук к определенным сторонам социальной философии нет ничего крамольного. Однако из этого в общем верного подхода может вырасти и заблуждение. И начинается оно там и тогда, где и когда это преимущественное внимание абсолютизируется и превраща-

ется в некоторый принцип оценки философии вообще. Именно в таких условиях тот или иной специалист начинает думать, что для его науки интересна и важна именно и только определенная сторона социальной философии, то, что ему ближе. Все же остальное, что выходит за пределы непосредственных интересов той или иной общественной науки, полагается для нее неважным, внешним, ненужным. При таком подходе социальная философия рассматривается как своеобразное приложение к общественной науке: истории, юриспруденции, политической экономии и т. д. Соответственно формируется утилитарно-потребительское отношение к философии.

Против такой установки следует решительно возразить.

Социальная философия — это наука со своим предметом, системой законов и категорий, имеющая самостоятельную познавательную ценность. Она значима и важна именно этой своей самостоятельностью и цельностью.

Знание социальной философии — это определенный показатель уровня философско-методологической культуры исследователя. Говоря об этой культуре, мы не можем измерить ее только уровнем знания, понимания и т. д. Здесь речь идет о более тонких, менее фиксируемых особенностях сознания. Это и определенные установки, когда, например, исследователь, рассматривая любую проблему общественной жизни, склонен соизмерять ее с фундаментальными законами общества. Это и определенный навык, и умение сопоставить любую проблему со сложной многогранностью связей общественных отношений. Это и определенная устремленность к тому, чтобы не доверять впечатлениям от поверхностных общественных явлений, а доискиваться до скрывающейся в них общественной сущности. Это, наконец, живое ощущение того, что за динамикой, быстросменяемой картиной общественных событий, на которую влияют тысячи видимых и невидимых причин, человеческих страстей, желаний и т. д., скрывается глубинное, закономерное, «спокойное» объективное течение общественной жизни, естественно-исторический процесс.

Может показаться, что речь идет о таких особенностях человеческого мышления, которые как будто бы далеко отстоят от содержания собственно конкретно-научного описания общества. Установки, навыки, чуткость к определенным явлениям, живые ощущения и т. д. — все эти характеристики еще ничего не говорят нам о самом научном содержании общественной науки. Вместе с тем они и не выступают как совершенно нейтральные по отношению к определенному теоретическому познанию. Напротив, эти формы человеческого сознания могут наполняться различным теоретическим содержанием, они всегда содержательны. Именно через эти формы, в живой сращенности с ними, живет, пульсирует в реальной человеческой познавательной деятельности содержание социальной философии.

Когда знание законов и категорий социальной философии, ее принципов преломляется, соединяется с этими формами духовной жизни исследователя, когда оно становится реальным содержанием этих форм, только тогда можно говорить о том, что это знание стало методологией научного познания исследователя. Причем это преломление — выражение знаний в активных формах духовно-мыслительной деятельности исследователя — должно быть имманентной чертой подлинно-научного стиля мышления, оно должно осуществляться как бы само собой, так что объективно оно воспринимается исследователем как единственно логическое и возможное.

Изучить социальную философию — ее законы, категории и т. д., понимать, запомнить, уметь адекватно воспроизвести их — не так уже и сложно. Но добиться такой глубины знания социальной философии, чтобы оно стало характером, стилем собственного мышления, это гораздо более сложная задача. Разумеется, отсюда не следует, что сознательная выработка философско-социологической, методологической культуры того или иного обществоведа — дело настолько сложное, что она доступна немногим избранным, вроде подарка судьбы. Нет, эта культура — дело вполне достижимое, оно прямо определяется количеством и качеством тех самостоятельных усилий, которые затрачивает каждый представитель общественных наук, работая над постижением социальной философии.

ОТ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ К ГУМАНИТАРНЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ

XX в., а в особенности его вторая половина, стал временем неуклонно ускоряющегося научно-технического прогресса. Начавшееся столетие в этом отношении продолжает наметившиеся и оформившиеся ранее тенденции. Вместе с тем и в темпах научно-технического прогресса, и в его направленности, и в формах его социальной организации, и в характере его воздействия на человека и общество сегодня происходят радикальные перемены — начало XXI в. можно характеризовать как качественно новый этап в развитии науки, технологий и их взаимодействия с обществом.

Действительно, даже на фоне внушительных научно-технических достижений, которыми ознаменовались последние десятилетия прошлого века, прогресс наших дней поражает своими ошеломляющими масштабами и темпами. Этому в немалой степени способствует то, что в развитых странах сформировались эффективные механизмы, обеспечивающие устойчивый и, более того, быстро растущий спрос на производство и потребление новых технологий.

Традиционный порядок вещей был таким: сначала создается технология, а затем для нее ищутся рынки сбыта. Именно в этой ситуации возникает пресловутая проблема «внедрения», копия по поводу которой ломались в нашей стране на протяжении многих десятилетий. Сегодня же все чаще последовательность выстраивается прямо противоположным образом: разработка

новой технологии начинается тогда и постольку, когда и поскольку на нее уже имеется спрос.

В нашем привычном восприятии, говоря несколько иначе, появление всякой новой технологии выступает как выход за пределы данного, уже освоенного нами, рутинного порядка вещей. Сегодня, однако, можно, воспользовавшись термином М. Вебера, говорить о рутинизации самого этого процесса технологических обновлений, т. е. об изготовлении новых технологий «на заказ».

Современная наука все более отчетливо выступает как деятельность, направленная прежде всего на генерирование новых технологий. Применительно к технологиям, возникающим на базе естественных наук, такая констатация представляется едва ли не самоочевидной (хотя далеко не все последствия такой роли науки столь же очевидны; эта тема будет затрагиваться в дальнейшем). Существенно новая роль технологий и всего того, что с нею связано, проявляется, в частности, и в области особого рода технологий — технологий гуманитарных, которые и будут главным объектом рассмотрения в данной статье.

* * *

Для того чтобы уточнить нашу трактовку технологии, обратимся прежде всего к хорошо известной оппозиции «естественного» и «искусственного». Отметим, что оба члена этой фундаментальной для всякой культуры оппозиции несут в себе очень мощный ценностный заряд, который для каждого из противопоставляемых понятий бывает положительным либо отрицательным.

(1) «Естественное» может восприниматься как дикое, неосвоенное, чуждое, некультуренное, хаотичное, неорганизованное, неразумное, как источник опасностей и угроз. Тогда «искусственное», напротив, будет представляться освоенным, окультуренным и своим, близким, организованным, упорядоченным, а также и тем, что дает прибежище и защиту.

(2) Либо, напротив, «естественное» будет выступать в качестве чего-то существующего вне и помимо нас, обладающего собственными законами и потенциями

своего бытия, собственным устройением, порядком и организованностью, тем, что может восприниматься не просто как безразличный материал для нашей деятельности, но и как нечто самоценное, а также и то, чему мы можем внимать, в том числе и для извлечения каких-то уроков. При такой трактовке то, что будет пониматься под «искусственным» — это прежде всего вторичное, заведомо несовершенное, не более чем подражание — более или менее удачное — естественному, нечто, быть может, несущее «естественному» (а вследствие этого, между прочим, и самому себе) угрозу разрушения.

Трактовка (1) может показаться не очень популярной для нашего времени, особенно в связи с широким осознанием негативных экологических последствий деятельности человека. Но эта видимая непопулярность никоим образом не отменяет того, что на более глубоких уровнях своего сознания современный человек в целом чрезвычайно привержен деятельностной или, иначе говоря, *технологической* установке, связанной со стремлением так или иначе упорядочить, организовать и даже поставить на службу своим интересам хаос «естественного».

«Искусственное» в таком случае — не просто сделанное человеком; это не только техническое, но и *рационально* определенное и опосредованное, спроектированное, замышленное, то, в чем заключена и выражена *собственно человеческая* деятельность. Таким образом, для раскрытия оппозиции «естественного» и «искусственного» имеет смысл различать натуралистическую и деятельностную установки сознания.

В частности, одним из выражений деятельностной установки можно считать тот пафос, который подчас бывает связан с радикальным отвержением наличной ситуации. Натуралистическое созерцание выступает при этом как синоним не критического отношения к существующей социально-культурной ситуации, признания ее правомерности, согласия с ней, конформизма. Деятельностная же позиция, напротив, будет ассоциироваться с императивом радикального преобразования существующего положения дел. Здесь, таким образом, имеет смысл обратиться к еще одной ценностной (впрочем, не только ценностной) альтернативе: мы можем придерживаться либо ценностей изменения — и тогда

окажемся в фарватере «искусственного», деятельностного. Либо же мы можем придерживаться ценностей сохранения и тогда окажемся ближе к установкам «естественного», созерцательного.

Имеет смысл несколько более развернуто провести различие двух ценностных ориентаций в отношении мира природы, включая и живую природу, и даже природу человека. Одна из них выражает ценности сохранения и акцентирует необходимость оберегать, защищать существующий порядок вещей, который может быть легко и необратимо разрушен нашими грубыми и неразумными действиями. Подобные мотивы особенно очевидны в восприятии экологических проблем и того, в каких направлениях ищутся их решения. В частности, они проявляются в настороженном отношении к биотехнологическим вмешательствам, таким, как введение в окружающую среду генетически модифицированных организмов.

Безусловно, во имя сохранения нам приходится производить немало изменений; однако все эти изменения направлены на восстановление некоторых (воспринимаемых в качестве естественных) поврежденных или нарушенных условий, состояний, структур, процессов, функций.

Согласно другой ценностной ориентации, мы можем ставить наши интересы и стремления выше императивов сохранения окружающей нас природы (включая, впрочем, и нашу собственную). Природа воспринимается прежде всего как сырье, которое подлежит преобразованию, более или менее радикальным изменениям в соответствии с нашими замыслами и посредством наших технологий, во имя того, чтобы мы могли достичь своих целей. Это значит, что в конечном счете природа понимается как нечто лишенное собственной внутренней ценности и значимости.

Эту оппозицию двух ценностных систем можно представить и как противостояние позиции натуралиста как *наблюдателя* (стремящегося как можно ближе подойти к идеалу «чистого» наблюдения) феноменов внешнего и внутреннего мира, с одной стороны, и позиции *естествоиспытателя*, т. е. исследователя, осуществляющего активные вмешательства и, в конечном счете, производящего изменения в мире, — с другой.

Ярким выразителем первой позиции является И. Гете, призывавший «видеть вещи, как они есть». Конечно же, нынешняя философия науки отвергает такую позицию «чистого наблюдателя» как чересчур наивную, поскольку она не учитывает конструктивные возможности нашего познания и, даже больше, самого нашего восприятия. Тем не менее эта позиция — позиция «благоговения перед природой» (включая швейцеровское благоговение перед жизнью), несмотря на ее тщательно разобранные слабости, не лишена и некоторых достоинств.

Согласно этой позиции, мы познаем природу для того, чтобы постичь ее красоту, либо восхититься ее совершенством, либо (в более современных версиях) попытаться спасти ее. Природа существует на своих собственных основаниях и как таковая заслуживает уважения безотносительно к нашим желаниям и намерениям.

Вторая позиция очень часто воспринимается в качестве наиболее адекватного выражения духа науки прежде всего как исследования. Если наука натуралиста — это наука наблюдения, описания, классификации, наука постижения природы, наука существующего, то наука исследователя — это наука вмешательства, воздействия, эксперимента как *испытания природы*, наука изменения, наука возможного¹. Одним из наиболее влиятельных выразителей второй позиции стал К. Маркс, в частности, в его знаменитом 11-м тезисе о Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»².

Принято — и вполне справедливо — толковать слово «философы» в этом афоризме расширительно, включая всех тех, кто специально занимается объяснением мира, то есть прежде всего ученых. Критика Маркса, следовательно, направлена здесь против позиции, претендующей на объяснение мира таким, каков он есть

¹ Если говорить о таких функциях научного познания, как объяснение и понимание, то по отношению к этому различию они стоят особняком. Как объяснение, так и понимание могут быть отнесены, при соответствующих интерпретациях, к каждому из этих типов науки.

² Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 4.

сам по себе, до и помимо каких бы то ни было человеческих вмешательств.

В контексте предыдущих тезисов о Фейербахе трудно увидеть, что Маркс по сути отождествляет такую «объясняющую» интенцию с созерцательной установкой предшествующего материализма. Такое отождествление, вообще говоря, не вполне справедливо, поскольку, как мы уже отмечали, существует немало концепций, согласно которым объяснение и понимание мира (точнее, его отдельных так или иначе выделенных фрагментов) возможно не в форме чистого созерцания, а именно постольку, поскольку мы воздействуем на эти фрагменты, т. е. взаимодействуем с миром, а значит, и изменяем его.

Можно, между прочим, заметить, что сам Маркс отнюдь не гнушался, особенно после того, как его попытка изменить мир оказалась безуспешной, тем, чтобы этот мир объяснять. В этом, надо сказать, он весьма преуспел. Но, как бы то ни было, в «Тезисах о Фейербахе» совершенно отчетливо противопоставляются две установки: с одной стороны, созерцательная, натуралистическая, нацеленная «только лишь» на объяснение, и, с другой стороны, установка, которая ставит во главу угла изменение мира и которую можно интерпретировать как технологическую, проектную, конструкторскую и т. п., причем совершенно очевидно, что именно последней отдается предпочтение.

Стоит обратить внимание, на то, что один, и весьма существенный, вопрос остается у Маркса открытым: коль скоро мы действуем, изменяя мир, будет ли истинное, подлинное объяснение следствием, пусть даже побочным, нашей деятельности по изменению мира, либо же сам поиск такого объяснения лишен смысла? Сам Маркс, скорее всего, склонялся к первому ответу, но, подчеркнем, в логике его рассуждений и второй ответ отнюдь не выглядит неприемлемым.

* * *

Таким образом, исследование выступает не только как познание мира как он есть сам по себе, мира естественного, но и как преобразование этого мира естественного, т. е. как создание мира (а точнее, миров) искусственного. И в этой своей ипостаси исследование

оказывается прообразом технологического способа освоения и, более того, видения мира.

Исследование, в частности экспериментальное исследование, — это создание для изучаемого объекта (или явления, или процесса) таких условий, которые позволяют контролировать оказываемые на него воздействия. При этом внешние воздействия на объект так или иначе ограничиваются, контролируются, благодаря чему можно абстрагироваться от воздействия одних факторов, чтобы определить, какие изменения вызывает действие других, непосредственно интересующих исследователя. Достижение этой цели становится возможным вследствие того, что экспериментатор создает специальный прибор, или аппарат, или устройство — обобщенно будем все это называть экспериментальной установкой, обеспечивающей *воспроизводимый* и четко фиксируемый, измеримый характер оказываемых на объект воздействий.

Со временем, однако, выясняется, что тот контролируемый и воспроизводимый *эффект*, который обеспечивает работа экспериментальной установки, может представлять интерес и помимо решения задач, стоящих перед экспериментальным исследованием. Если, скажем, для решения этих задач требуется получение особо чистого вещества или выращивание колонии микроорганизмов, то такое вещество или такие микроорганизмы могут найти применение в производственных процессах, где они позволят получать уже не исследовательский, а потребительский и, следовательно, коммерческий эффект. Таким образом, сама экспериментальная установка и способы работы с ней — разумеется, после соответствующих трансформаций — преобразуются и, попадая в иной контекст, выступают в уже в качестве *новых технологий*.

Следует подчеркнуть, что в исследовательском контексте экспериментальная установка проектируется и конструируется в соответствии с определенным замыслом — для проверки, обоснования или подтверждения той или иной научной гипотезы. С точки зрения этой гипотезы конкретные результаты проводимых на установке экспериментов могут быть как положительными, так и отрицательными; однако сама природа этих результатов задана вполне определенно. Установка изначально

задумывается и проектируется как средство получения именно таких результатов. Иными словами, экспериментальная установка есть порождение рациональной и целенаправленной деятельности. И эти же *свойства рациональности и целенаправленности являются необходимыми признаками всякой технологии, как и в целом технологического отношения к миру.*

Необходимо, впрочем, отметить и глубокие различия между двумя рассматриваемыми способами использования экспериментальной установки. В первом случае, в контексте исследования, ее созданием и применением движет мотив искания нового и при том истинного знания.

Конечно, перед лицом современной философии науки этот тезис требует существенных оговорок. Учитывая, к примеру, неоднозначный характер взаимосвязей эмпирического и теоретического уровней познания, точнее было бы говорить не об истинности, а о большей или меньшей обоснованности, достоверности знаний, получаемых за счет использования экспериментальной установки. Тот эффект, достижение которого она обеспечивает, может, вообще говоря, получить не одну-единственную, а множество различных интерпретаций. Но, как бы то ни было, именно этот мотив достижения новых знаний с определенными качественными характеристиками стоит за ее применением в контексте исследования.

Если же говорить о технологическом контексте, то здесь вопросы истинности, качества знания отходят на задний план. Можно утверждать, что в этом контексте интерес представляет не знание как таковое, не та или иная интерпретация эффекта, производимого установкой, а сам по себе этот эффект — те преобразования и превращения, которые он обеспечивает.

Вывод, к которому приводят наши рассуждения, представляется весьма радикальным: когда говорится о науке как источнике новых технологий или же о технологиях, порождаемых развитием науки, эти выражения следует понимать не только и, может быть, даже не столько в том смысле, что за новыми технологиями стоят *результаты* научных исследований, но прежде всего в смысле заимствования из науки тех схем и структур деятельности, которые способны по-

рождать воспроизводимые и в тех или иных отношениях полезные эффекты.

Пойдем дальше. Место, где находится экспериментальное устройство — это лаборатория, которая изначально замыслена как пространство, служащее для получения новых знаний. При этом проведение исследований вполне органично сочетается с подготовкой новых поколений исследователей, которые, с одной стороны, обучаются ремеслу экспериментатора, а с другой — приобщаются к нормам и ценностям исследовательского этоса. В этих условиях исследование выступает одновременно и как получение нового знания, и как его передача коллегам-последователям. Вместе с тем и обучение выступает не только как усвоение где-то, кем-то и когда-то добытых знаний, а как все более весомое соучастие ученика в самом процессе добычи знаний.

Но по мере того, как осознаются скрытые в исследовательской деятельности технологические возможности, функции лаборатории изменяются. Именно лаборатории становятся обителью прикладной науки, т. е. науки, ориентированной исключительно на создание и совершенствование технологий. Именно лаборатории выступают в качестве форпоста научно-технического прогресса. Вместе с тем принципы и схемы действия, первоначально отработанные в исследовательской лаборатории, применяются не только для получения новых знаний и разработки новых технологий, но и для рутинного обслуживания многих видов практики, таких, как промышленное или сельскохозяйственное производство, медицина и пр., постольку, поскольку они перестраиваются под воздействием новых технологий.

Французский социолог науки Бруно Латур очень ярко описывает эти новые функции лаборатории. Обращаясь к творчеству Л. Пастера, который, в частности, изучал микроорганизмы, вызывающие такую тяжелую болезнь домашнего скота, как сибирская язва, он отмечает, что ученые «будут делать все от них зависящее, чтобы распространить повсюду некоторые из условий, способствующих воспроизведению благоприятных лабораторных практик. Поскольку научные факты производятся внутри лабораторий, то для обеспечения их свободного распространения

необходимо создать дорогостоящие сети, внутри которых будет поддерживаться их хрупкая эффективность. *Если это значит превратить общество в большую лабораторию, то так оно и будет.* Распространение лабораторий в те области, которые за несколько десятилетий до этого не имели ничего общего с наукой, является хорошим примером построения подобных сетей»³.

С точки зрения Латура, лаборатория не просто несет миру новые знания и методы действия, т. е. технологии. Она добивается успеха тогда и постольку, когда и поскольку делает сам этот мир своим продолжением, полем реализации своих потенций. «Одновременно с культивацией в лабораториях огромного количества микробов в чистом виде и многочисленными попытками воздействовать на их рост и деятельность, — пишет он, имея в виду разработку Пастером технологий, направленных на защиту скота от сибирской язвы, — развивается новое практическое ноу-хау. Спустя несколько лет экспериментаторы приобретают навыки манипулирования множеством ранее неизвестных материалов... Дрессировка и одомашнивание микробов является таким же ремеслом, как и книгопечатание, создание электронных схем, высококлассная кулинария или видеографика. По мере накопления этих навыков внутри лаборатории устанавливается большое количество взаимосвязей, ранее нигде не встречавшихся. Это не результат нового способа познания или того, что люди вдруг осознали существование микроорганизмов, о которых раньше не подозревали. Это всего лишь манипуляция новыми объектами с параллельным приобретением новых навыков в новых уникальных условиях»⁴.

Вполне вероятно, что истолкование лаборатории как Архимедова рычага, позволяющего перевернуть мир, является некоторым преувеличением, — мир оказался бы до невозможности вертким и неустойчивым, если бы каждая лаборатория давала возможность его перевернуть. И все же лаборатория действительно оказывает

³ Бруно Латур. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. № 5–6 (32). 2002. С. 27–28.

⁴ Там же. С. 8.

самое глубокое воздействие на наш мир, поскольку она задает образцы рационального и целенаправленного действия. В соответствии с этими образцами затем организуется деятельность людей в самых разных сферах.

В результате мы не только становимся все более восприимчивыми в отношении тех или иных новых технологий, но и, если можно так выразиться, проникаемся технологическим мировосприятием. Любая серьезная проблема, с которой мы сталкиваемся, осознается и мыслится нами как проблема существенно технологическая: сначала мы расчленяем ее по канонам, задаваемым технологией, а затем ищем и используем технологические возможности ее решения.

* * *

Мы уже отмечали, что сегодня, в начале XXI столетия, есть все основания говорить о качественно новом этапе развития не только науки, техники, но и их взаимодействия с обществом. Одним из выражений этого является становление нового типа взаимоотношений науки и технологии, который получил название *technoscience* — технонаука. Наиболее очевидный признак технонауки — это существенно более глубокая, чем прежде, встроенность научного познания в деятельность по созданию и продвижению новых технологий.

Взаимоотношения науки и техники в этом симбиозе, впрочем, внутренне противоречивы. С одной стороны, наука выступает как генератор новых технологий, и именно в силу устойчивого спроса на эти новые технологии наука пользуется определенной, и подчас весьма щедрой, поддержкой. С другой стороны, производство новых технологий определяет спрос на науку определенного, если угодно, ограниченного, одностороннего типа, так что многие потенции науки при таком ее использовании остаются нереализованными. Грубо говоря, от науки не требуется ни объяснения, ни понимания вещей — достаточно того, что она позволяет эффективно их изменять.

Помимо всего прочего, это предполагает понимание познавательной деятельности, включая и научную, как деятельности в некотором смысле вторичной, *под-*

чиненной по отношению к практическому преобразованию, изменению и окружающего мира, и самого человека. Тем самым, напомним, открывается возможность для переосмысления, точнее даже сказать — *оборачивания* — сложившегося ранее соотношения науки и технологии. Если традиционно это соотношение понималось как технологическое приложение, применение кем-то и когда-то выработанного научного знания, то теперь оказывается, что сама деятельность по *получению такого знания «встраивается»* в процессы создания и совершенствования тех или иных технологий.

Интересно не только то, как подобные трансформации происходят в реальности, но и то, как они осмысливаются. На поверхности все вроде бы остается по-старому: провозглашается, что наука — это ведущая сила технологического прогресса, который, в свою очередь, *использует достижения* науки.

На этом фоне, впрочем, пробуждается осознание того, что так называемая прикладная наука занимается теми проблемами, которые диктуются именно развитием технологий, при этом и по количественным масштабам, и по финансовому и иному обеспечению, и по социальному признанию такая «обслуживающая» наука становится определяющей. Как мы уже отмечали, регулятивом научной деятельности становится не получение знания, так или иначе претендующего на истинность, а получение эффекта, который может быть воплощен в пользующуюся спросом технологию.

При этом, однако, продолжает воспроизводиться и поддерживаться — вплоть до настоящего времени — представление о том, что *технологическая эффективность знаний есть якобы прямое следствие их истинности*. Эта иллюзия имеет смысл защитного механизма прежде всего для самосознания научного сообщества, но вместе с тем и для подтверждения общественного престижа научной деятельности. Впрочем, в последней функции она становится все менее работающей — в общественных ожиданиях сегодня явно доминируют запросы на новые эффективные технологии, а не на объяснение мира. Такого рода трансформации во взаимоотношениях между наукой, технологией и обществом, в частности, реальный переход науки с аван-

гардных на служебные роли, начинаются в сфере естественных наук, но затем, как мы увидим, захватывают и науки социально-гуманитарные.

Итак, и общество, и государство, включая даже органы, ответственные за формирование политики в области науки, все в большей мере склонны воспринимать и исследовательскую деятельность, и саму науку почти исключительно в облике машины, способной генерировать новые технологии. Пожалуй, наше государство в этом отношении готово пойти дальше всех других, стремясь совсем избавиться от такой обузы, как финансирование науки. Имеется в виду, что наука — исключая ту, которая работает на «оборонку» — должна перейти на самообеспечение, зарабатывая прежде всего на создании и продвижении на рынок новых технологий.

При этом практическое отсутствие в стране инфраструктуры, способной обеспечивать востребованность новых технологий, трактуется в том смысле, что «тем хуже для науки». Были времена, когда науку называли служанкой теологии; не так давно в ней видели служанку идеологии; сегодня же впору говорить о том, что наука начинает восприниматься как служанка технологии.

Следует только отметить, если иметь в виду нашу страну, что в целом невостребованность характерна для технологий, базирующихся на естественных науках. Что касается гуманитарных технологий, то, как мы увидим позже, они достаточно успешно находят для себя рынки сбыта.

Возвращаясь теперь к технонауке, отметим, что суть ее вовсе не исчерпывается упрочением связей между наукой и технологиями. Само научно-техническое развитие выступает в качестве лишь одного из элементов объемлющего контура, в который входит еще несколько составляющих. Принципиальное значение в этом плане имеет происходящая на наших глазах переориентация научно-технического прогресса.

Один из главных векторов, которым можно охарактеризовать направленность развития науки и технологий в последние десятилетия — это ее неуклонное приближение к человеку, к его потребностям, устремлениям, чаяниям. В результате происходит, если можно так выразиться, все более плотное «обволакивание»

человека, его погружение в мир, проектируемый и обустройстваемый для него наукой и технологиями. Конечно, дело при этом вовсе не ограничивается одним лишь «обслуживанием» человека — наука и технологии приближаются к нему не только извне, но и как бы изнутри, в известном смысле делая и его своим производением, проектируя не только для него, но и самого же его⁵. В самом буквальном смысле это делается в некоторых современных генетических, эмбриологических и т. п. биомедицинских исследованиях, например, связанных с клонированием.

Истоки этих сдвигов, радикально меняющих ориентиры и установки научного поиска, можно, хотя бы отчасти, обнаружить в событиях, имевших место треть столетия назад. Тогда, в конце 60-х годов, молодежь, прежде всего студенты, многих западных стран развернули мощные движения протеста, которые вылились в серьезные социальные волнения. Мишенью атак «новых левых» стали ключевые социальные институты буржуазного общества и его культура; в этом контексте резкой критике подвергалась и наука.

Прежде она воспринималась, как правило, в качестве силы, несущей свет разума, тесно связанной с идеалами свободного критического мышления и, следовательно, демократии. Одним из ярких выразителей такой позиции был известный социолог науки Р. Мертон⁶. Распространенной, впрочем, была и другая позиция, опирающаяся на некоторые установки неопозитивизма и акцентирующая утилитарно-прагматические стороны научной деятельности; она выражалась в нейтральной оценке социальной роли науки. Теперь же критики науки трактовали ее как силу, тесно связанную с истеблишментом, безмерно далекую от жизненных интересов простых людей и, более того, даже враждебную им, способствующую вовсе не демократическим, а, напротив, тоталитарным тенденциям, дегуманизирующую мир, порождающую и усиливающую отчуждение и порабощение человека.

⁵ Интересную трактовку многих подобных процессов предлагает П.Д. Тищенко. См.: *Био-власть в эпоху биотехнологий*, М., 2001.

⁶ См.: *Merton R.K. Sociology of science: Theoretical and empirical investigations*. Chicago; L.: Wiley, 1973.

Нас в данном случае не интересует та или иная оценка этих контркультурных и контрнаучных движений. Но среди множества порожденных ими последствий следует отметить весьма основательную и мучительную переоценку многих ценностей. И характерно, что именно критика науки со стороны «новых левых» оказалась весьма эффективной, хотя, как это часто бывает не только в России, последующее развитие пошло вовсе не в том направлении, о котором они мечтали.

В результате сначала в США, а позже и в странах Западной Европы серьезно трансформировался спектр ожиданий, предъявляемых науке со стороны общества, а вместе с тем — и ориентиры научно-технической политики государства. Отныне от научных исследований все больше начинают требовать того, чтобы их результаты позволяли удовлетворять запросы общества и потребности человека.

Происходит переориентация финансовых потоков, направляемых на поддержку науки и технологий — если вложения в физические и химические науки, в космические программы уменьшаются, то, напротив, все больше средств выделяется на исследования в области охраны окружающей среды и особенно — на биомедицинские исследования. Выдвигаются такие амбициозные цели, как победа к заранее заданному сроку над онкологическими или сердечно-сосудистыми заболеваниями. И хотя полностью победить эти недуги не удалось, успехи, достигнутые в этих направлениях, особенно в борьбе с сердечно-сосудистыми заболеваниями, оказались в высшей мере впечатляющими. А по мере того, как люди на собственном житейском опыте ощущали те эффекты, которые порождены этими новейшими технологиями, все более разнообразными и настойчивыми становились и их запросы и вожеления, адресованные науке и технологии. Растущая практическая эффективность науки и технологий в тех областях, которые ближе всего к повседневным нуждам и интересам рядового человека, таким образом, стала действовать как мощный стимул, ускоряющий развитие науки и технологий.

Параллельно с этими изменениями приоритетов научно-технической политики сходная переориентация происходит и в сфере бизнеса, который весьма преуспел в перенаправлении исследовательских ин-

тересов на создание того, что будет привлекательным для массового потребителя. И характерно, что именно те отрасли индустрии, которые теснее других связаны с медициной — фармацевтическая промышленность, медицинское приборостроение, биотехнологические производства, — оказались в числе наиболее успешных. Таким образом, люди во все большей мере становятся потребителями знаний, технологий и продуктов, создаваемых в биомедицинских исследованиях и на соответствующих промышленных предприятиях.

Здесь становится необходимым одно терминологическое разъяснение. Вообще говоря, *всякое новшество*, входящее не только в производственный процесс, но и в наш быт, и в социальную практику, *можно рассматривать как некоторый «предмет»* (даже при фигуральном понимании этого термина применительно, скажем, к социальной жизни). Однако такое «предметоцентрическое» понимание нередко оказывается чересчур узким, ибо это новшество есть *не только определенный предмет, но и определенные способы, практики его применения, оперирования с ним и т. п.* И с человеческой, и с социальной точки зрения именно эта сторона дела и является наиболее существенной, поскольку последствия для человека и общества обычно порождает не сам предмет, а те способы, которыми мы взаимодействуем с ним, те результаты, к которым ведут эти наши взаимодействия, и, наконец, те изменения в нас самих, которые вызываются этими взаимодействиями. Иначе говоря, *в реальности мы имеем дело не с самими по себе предметами и вещами, а с технологиями.*

Впрочем, не только в онтологическом, но и в методологическом отношении имеет смысл обращаться не к предметам, а к технологиям. Именно *технологии* — в отличие от изолированных предметов — *обладают теми свойствами комплексности и целостности, которые и позволяют их рассматривать, анализировать в качестве относительно обособленных объектов.*

Интересно сопоставить картину развития биотехнологий с тем, что происходило в те же годы в области информатики и компьютерных технологий. Здесь клю-

чевым моментом стало создание персонального компьютера, который стремительно вытеснил громоздкие и плохо управляемые ЭВМ прошлого. И опять-таки мы видим ту же самую тенденцию — современные технологии подходят все ближе к человеку, радикально меняя стиль его жизни и то, как и что он видит в мире и как взаимодействует с миром.

В этой связи имеет смысл обратить внимание и на следующее. Если в начале и середине прошлого столетия техническая мощь человека ассоциировалась прежде всего с циклопическими размерами его творений, таких, как гидроэлектростанция, атомоход, шагающий экскаватор, гигантские электронно-счетные машины, то в наши дни наиболее характерные символы технического прогресса соразмерны человеку. К их числу относится и все то быстро разрастающееся многообразие информационных технологий, которые реализуются в масштабах персонального компьютера, и биомедицинские технологии, которые по определению сомасштабны человеку и которые сегодня позволяют осуществлять манипуляции с генами человека на молекулярном уровне.

Таким образом, научно-технический прогресс все более ориентируется на интересы и нужды отдельного человека, который выступает в качестве главного потребителя того, что дает этот прогресс. Новые технологии оказываются теперь таким товаром, который ориентирован на массовый спрос; без этой массовости было бы невозможно обеспечить эффективность лаборатории. Но, в свою очередь, и сами интересы и нужды потребителей становятся мощным стимулом, во многом определяющим направления и подстегивающим темпы научно-технического прогресса. В итоге устанавливается двусторонняя связь между лабораторией, производящей новые технологии, и индивидами, выступающими в качестве их потребителей. Лаборатория и массовый индивидуальный потребитель, иначе говоря, оказываются включенными в единый контур.

Следует отметить, что «лабораторию» в данном случае мы понимаем как то место, где не только разрабатывается, но и производится новая технологическая продукция. В том чрезвычайно динамичном кон-

туре, о котором идет речь и в котором технологии должны непрерывно обновляться, производство технологической продукции оказывается не более чем подчиненным моментом, продолжением лаборатории. Оно строится и перестраивается в соответствии с требованиями, диктуемыми лабораторией.

Следующим составным элементом нашего контура является бизнес, предпринимательский капитал. Именно он финансирует лабораторию, обеспечивая тем самым возможности создания новых технологий. В свою очередь, массовый потребитель, оплачивая технологические новшества, позволяет бизнесу не только возмещать произведенные затраты, но и извлекать прибыль, которая часто инвестируется опять-таки в лабораторию, в создание все новых технологий. Важно подчеркнуть устойчивый характер связей между тремя рассмотренными элементами — бизнес вовлекается в этот контур не в разовом порядке, не от случая к случаю, а становится неотъемлемой частью постоянно действующего и неуклонно разрастающегося контура.

В качестве связующего звена между всеми названными элементами выступает еще один — средства массовой информации, СМИ. Они выполняют в этом контуре целый ряд функций.

Прежде всего, они доводят до потенциального потребителя информацию о появлении на рынке технологических новшеств. Но роль СМИ в данном контуре отнюдь не ограничивается беспристрастным информированием. Напротив, очень часто они формируют потребности в тех или иных технологических продуктах — в этом плане будет достаточно напомнить о том, сколь изощренной, навязчивой и даже агрессивной может быть реклама. Заметим здесь, что рекламировать гидростанцию или, скажем, шагающий экскаватор было бы бессмыслицей — реклама уместна только там и тогда, где и когда имеется в виду массовый потребитель. Именно СМИ, выступая в этой функции, позволяют включить в контур потребителя.

Термин «СМИ» используется нами в весьма широком и, быть может, не очень точном смысле. «СМИ» здесь — это, по сути дела, различные технологии работы с информацией, информационного обеспечения

контура. Можно сказать и так: термин «СМИ» в данном случае относится ко всем тем социальным и гуманитарным технологиям, которые *существенно важны, необходимы* для функционирования контура.

Так, особую сферу деятельности внутри контура составляет доведение до потребителя не только информации о вновь созданной технологии, но и самой этой технологии. Скажем, по некоторым оценкам, при производстве нового лекарственного препарата на собственно его создание (т. е. на лабораторию) приходится примерно десятая часть всех финансовых затрат, а все остальные расходы ложатся на продвижение препарата до стадии рыночного продукта. Разумеется, деятельность по продвижению новой технологии тоже строится сегодня на технологической основе, причем на этих стадиях основную роль играют именно социальные и гуманитарные технологии. А это еще раз свидетельствует о том, что разработка некоторого продукта — в данном случае лекарственного препарата — в рамках технауки есть не более чем часть технологического процесса, и что, стало быть, *технаука имеет дело прежде всего не с объектами как таковыми, а с обширными контурами, включающими помимо этих объектов также совместную, согласованную деятельность самых разных людей и социальных структур.*

Сколь бы эффективной ни была реклама, ее не следует демонизировать и считать всемогущей. Потребитель, вообще говоря, вовсе не является марионеткой, легко поддающейся манипулированию. У него есть и свои собственные, а не только диктуемые извне потребности и предпочтения. Эффективность функционирования контура технауки во многом обеспечивается тем, что в него встроены механизмы выявления потребительских интересов и ожиданий. Благодаря применению социальных и гуманитарных технологий эти интересы и ожидания, в свою очередь, доводятся до сведения бизнеса и лаборатории и становятся факторами, определяющими стратегию развития технологий.

Следует сказать о еще одной сети, по которой циркулирует информация в контуре. На этот раз имеется в виду не массовая, а специализированная информация

о желании того или иного предпринимателя вкладывать средства в разработку определенных технологий, с одной стороны, и о технологических возможностях и перспективах той или иной лаборатории, с другой. Во многих случаях, но далеко не всегда, лаборатория бывает составной частью деловой компании. Если же таких жестких отношений нет, то становится необходимым информационный посредник.

В целом, таким образом, технонаучный контур включает четыре элемента, связанных между собой прямыми и обратными информационными, финансовыми и товарными потоками. Следует подчеркнуть, что обратные связи внутри этого контура являются положительными: сигнал, проходящий от одного элемента к другому, не ослабевает, как бывает при наличии отрицательной обратной связи, а напротив, усиливается. Тем самым обеспечивается беспрецедентный динамизм в работе контура.

На практике это выглядит примерно так: лаборатория целенаправленно работает на удовлетворение запросов потребителя, которые становятся известными ей благодаря деятельности СМИ; потребитель готов нести расходы на продукцию, которая отвечает его запросам; благодаря этому предприниматель получает прибыль, которую он, в свою очередь, инвестирует в лабораторию, тем самым запуская новый цикл обновления технологии; СМИ формируют у массового потребителя все новые запросы, вызывая интерес к непрерывной замене уже имеющихся у него изделий на новые, которые становятся все более эффективными, все более полезными, все более привлекательными...

Заметим теперь, что, как известно из кибернетики и теории систем, контуры с отрицательной обратной связью бывают устойчивыми, тогда как контуры с положительными обратными связями, напротив, характеризуются чрезвычайной нестабильностью. Любой сигнал в таком контуре, проходя от элемента к элементу, усиливается, так что достаточно быстро система с положительными обратными связями идет, что называется, вразнос и либо разрушается, либо переходит в качественно новое состояние. Можно утверждать, следовательно, что описанный нами контур технонауки

неустойчив. Но, увы, ни кибернетика, ни теория систем не могут предсказать нам, каким будет последующее развитие событий.

* * *

В предшествующем изложении так или иначе затрагивались технологии не только естественнонаучных, но и социальных и гуманитарных. Теперь, опираясь на предлагаемую здесь концепцию технологического в целом, можно более обстоятельно и содержательно обсуждать специфические характеристики гуманитарных технологий.

Прежде всего следует уточнить наше понимание терминов «социальные» и «гуманитарные» применительно к технологиям. Различие между ними довольно простое — там, где речь идет о технологических воздействиях на индивида (или на индивидов), имеет смысл говорить о гуманитарных технологиях (ГТ); там же, где речь идет о воздействиях на социальные общности любого масштаба, имеет смысл говорить о социальных технологиях.

По сути дела это означает, что очень часто одни и те же воздействия можно относить и к одному, и к другому виду. Но для нас будет существенной разница в акцентах, поэтому мы и будем обсуждать главным образом ГТ, т. е. технологии, ориентированные на человека.

И еще одно уточнение: прилагательное «гуманитарный» может иметь два значения: либо оно выражает отнесенность к гуманитарным наукам, к гуманитарному знанию, либо — сфокусированность на человеке. Для нас будут существенными оба эти значения.

ГТ можно понимать как новые, современные формы бытования и функционирования гуманитарного знания. Конечно, как и во всех других случаях, при более пристальном рассмотрении будут обнаруживаться предшественники и предтечи. Однако мы здесь не будем искать их, как и специально обосновывать новизну ГТ. Действительно, для серьезного обсуждения этой проблемы необходимо прежде построить развернутое представление о том, что именно представляют собой такие технологии; только после этого

можно будет осмысленно приступать к глубинному поиску их исторических корней и анализу того, как соотносятся история и современность ГТ. В любом случае, впрочем, реализуясь в наши дни, эти современные формы не могут не нести на себе каких-то специфических «примет времени». Главное, о чем необходимо сказать — это то, что эффективное использование ГТ, как и их широкое распространение в наши дни, во многом обязаны тому, что современное общество вступило в стадию информационного: информация является «субстанцией» ГТ, и возможности их эффективного применения, вообще говоря, тем шире, чем большие количества людей могут подвергаться их воздействию.

Если обратиться к развитию ГТ в нашей стране, то нельзя пройти мимо творчества отечественного философа и методолога Георгия Петровича Щедровицкого (1929 – 1994). Напомнив рассмотренное ранее различие естественного и искусственного, сразу же отметим, что Щедровицкий был непримиримым противником «естественного» и, напротив, приверженцем «искусственного». Методологическая работа для него и была необходимым условием проектно-конструкторско-технологического отношения к миру. Объектом его резкой критики, в частности, был натурализм, свойственный традиционной науке.

«Традиционные науки, — писал он, — не дают знаний, необходимых для этой (организационно-управленческой. — Б.Ю.) деятельности; объясняется это прежде всего сложным, синтетическим, или, как говорят, комплексным характером этой деятельности и *аналитическим, или «абстрактным», характером традиционных научных дисциплин* (курсив мой. — Б.Ю.)»⁷. Иными словами, существующие научные знания в силу своей абстрактности заведомо не подходят для решения новых задач; необходимы новые формы функционирования науки и новые способы ее подключения к тем сферам деятельности, которые становятся наиболее значимыми для жизни общества.

Вскоре после этого дается характеристика методологической работы как работы, основной смысл кото-

⁷ Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. С. 280.

рой — генерирование новых средств и инструментов деятельности: «Суть методологической работы не столько в познании, сколько в *создании методик и проектов*, она не только отражает, но также и в большей мере создает, творит заново...»⁸

А дальше — еще более четко: «И этим же определяется основная функция методологии: она обслуживает весь универсум человеческой деятельности прежде всего *проектами и предписаниями*. Но из этого следует также, что основные продукты методологической работы — конструкции, проекты, нормы, методические предписания и т. п. — *не могут проверяться и никогда не проверяются на истинность. Они проверяются лишь на реализуемость* (в последнем случае курсив мой. — Б.Ю.)»⁹.

В данном случае речь идет о методологии, о методологической работе, но ясно, что такую работу Щедровицкий понимал чрезвычайно широко. Можно даже утверждать, что, с его точки зрения, она включает в себя едва ли не всю сферу гуманитарных наук, но, конечно, не аналитических, «абстрактных», а понятых особым образом: «Научно-техническая революция... поставила сейчас, в начале 70-х гг. прошлого века, задачу синтеза в инженерии технических, естественных и социально-гуманитарных знаний, а вместе с тем — и этих наук. Дальнейшее развитие всех этих областей, и в первую очередь самой инженерии, без ориентации на гуманитарные науки, на мой взгляд, просто невозможно. Но синтез такого рода сегодня упирается, как мне кажется, в *неадекватность самих гуманитарных знаний* (курсив мой. — Б.Ю.)»¹⁰.

Перед нами — проект создания гуманитарного знания нового типа — знания по своей сути не предметного, а технологического. Вообще-то говоря, традиционное гуманитарное знание ориентировано на понимание социального и человеческого мира, а выражением его результативности являются прежде всего интерпретации и переинтерпретации этого мира — постольку,

⁸ В этой связи имеет смысл отметить, что Щедровицкий характеризовал методологию как *технологию мышления*.

⁹ Там же. С. 95.

¹⁰ Там же. С. 439.

поскольку эти интерпретации получают признание. Интерпретации, получившие признание, могут затем становиться основаниями, определяющими человеческие действия (становятся материальной силой, если воспользоваться широко известным выражением). В таком их функционировании уже заложены элементы технологичности гуманитарного знания — в той мере, в какой оно используется для изменения (социальной и человеческой) реальности. Однако Щедровицкий идет гораздо дальше по пути технологизации гуманитарного знания, трактуя его не как знание о тех или иных предметах вне нас, а как рецептуру наших действий, направленных на достижение преследуемых нами целей.

Принципиально важным в этом смысле представляется проводимое Щедровицким различие и даже противопоставление результативности и истинности; здесь он прямо апеллирует к Марксу: «...продукты и результаты методологической работы в своей основной массе — это не знания, проверяемые на истинность, а проекты, проектные схемы и предписания. И это неизбежный вывод, как только мы отказываемся от узкой, чисто познавательной установки, принимаем тезис К. Маркса о революционно-критическом, преобразующем характере человеческой деятельности... (курсив мой. — Б.Ю.)»¹¹.

Конечно, сама по себе мысль о том, что в так называемых прикладных науках ценится не истинность получаемых знаний, а их эффективность, результативность, была бы не более чем банальностью. Но хотелось бы обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых, Щедровицкий в этих рассуждениях характеризует познавательную установку с ее ориентацией на истинность не только как абстрактно-аналитическую, но и как узкую, стало быть, — ограниченную. Проблема истинности гуманитарного знания отнюдь не является простой и при традиционном его понимании как знания не столько объясняющего, сколько интерпретирующего, понимающего. Тем не менее познавательная установка с ее необходимостью так или иначе *полагать* объект, подлежащий понима-

¹¹ Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. С. 96.

нию и интерпретациям, пусть даже самым различным, как нечто существующее независимо от конструирующего мышления, задает ограничения, которых нет перед установкой проектно-деятельностной. Теперь же оказывается, что эта установка ограничивает возможности применения гуманитарного знания.

Во-вторых, речь у Щедровицкого идет — а это для того времени было совершенно новым и, в силу такой новизны, трудно фиксируемым — о том, что неадекватен сам традиционный процесс (или путь) *получения гуманитарных или социально-гуманитарных знаний*. Возможность не просто их применения, но и производства в сугубо технологической, утилитарно-функциональной перспективе представляет собой глубокий разрыв с существовавшими тогда представлениями о том, как устроено и как «работает» гуманитарное знание.

Необходимо отметить, что тогда, когда Щедровицкий не только высказывал, но и реализовывал эти идеи, их было относительно нетрудно осмысливать применительно к естественным и техническим наукам. Если же говорить о гуманитарном знании, то, пожалуй, единственной сферой, где в принципе можно было задумываться об основанных на гуманитарном знании технологиях, являлась педагогика, но и для нее, насколько можно судить, такой технологический подход был тогда совершенно чужд. Между тем Щедровицкий совместно со своими коллегами разработал и реализовал практически такую ГТ, как организационно-деятельностные игры (ОДИ). ОДИ — это весьма четко проработанные технологии коллективного взаимодействия; в процессе проведения игры участники под руководством инструкторов-консультантов имитируют проблемные ситуации, возникающие в сфере их деятельности.

Довольно скоро ОДИ приобрели большую популярность. Интересным при этом было то, что, как выяснялось, обе категории участников ОДИ не обретали какого-то особого нового знания, получение которого могло бы объяснить растущий интерес к этим деловым играм. Оказалось, что их смысл заключен не в обретении нового знания, а в новом понимании тех или иных ситуаций, т. е. *в новом сознании*. ОДИ, сле-

довательно, оказались технологией воздействия на сознание, предназначенной для коллективной работы.

Представляется, что сегодня социальное и гуманитарное знание в нашей стране все более основательно осваивает те маршруты, которые прокладывал для него Щедровицкий. Речь идет о том, что наиболее востребованными становятся именно технологические возможности этого вида знания. Это обстоятельство было зафиксировано, в частности, А.В. Юревичем¹².

Сегодня мы постоянно слышим сетования по поводу тяжелого, если не безнадежного, состояния отечественной науки в целом, а особенно науки гуманитарной. Но вот на этом фоне обнаруживается, что по целому ряду выделяемых А.В. Юревичем симптомов можно зафиксировать возрождение социогуманитарной науки в современной России. Среди этих симптомов автор указывает такие чуткие индикаторы, как, например, возрастание общей численности специалистов и количества научных центров; наиболее высокая стоимость платного обучения и вместе с тем высокий спрос на него; постоянный интерес и внимание СМИ к проблематике социогуманитарного знания.

Это значит, что востребованность социогуманитарного знания является следствием приоритетов, запросов и потребностей, складывающихся в обществе, в его сознании, а не какой-то осмысленной политики властей. В пользу такого вывода говорит следующее обстоятельство. При сопоставлении различных «секторов» отечественной социогуманитарной науки: академического, вузовского, отраслевого и «независимого», по таким параметрам, «как уровень доходов их представителей, общественный интерес, благополучие исследовательских центров, достаточно отчетливо обнаруживается, что в наилучшем положении оказалась «независимая» наука, а в худшем — отраслевая и академическая»¹³.

К сказанному Юревичем можно добавить, что и те, кто занят в академической и отраслевой гуманитар-

¹² См. его статью: Звездный час гуманитариев: социогуманитарная наука в современной России // Вопросы философии, 2003. № 12. С. 113–125.

¹³ Юревич А.В. Звездный час гуманитариев... С. 123–124.

ной науке, все более склонны ориентироваться не столько на мизерное бюджетное финансирование, сколько на поиск возможностей, возникающих в сфере технологических приложений. Между прочим, становление и развитие ОДИ как организованной формы применения социогуманитарного знания можно интерпретировать как важный шаг на пути создания — в тех условиях, когда об этом трудно было даже помыслить, — независимых структур в подвергавшейся достаточно жесткому идеологическому контролю области науки.

Ныне же мы являемся свидетелями того, как находит свое воплощение многое из того, что в 70-е гг. прошлого столетия могло видеться лишь как более или менее отдаленная перспектива. Гуманитарное знание все чаще выступает в технологических формах, будучи направленным не столько на объяснение, сколько на изменение реальности. Деятельностная установка основательно потеснила натуралистическую.

В наши дни, говоря о ГТ, нет надобности далеко ходить за примерами: многие из них сегодня стали ходовым товаром. Они, что называется, на слуху, а некоторые даже вызывают самое широкое негодование. Сколько гневных слов, скажем, было обращено в адрес политтехнологов, т. е. тех, кто переводит на технологические рельсы решение каких-либо политических задач! Задачи эти, как правило, носят ограниченный и вполне конкретный характер. Чаще всего речь идет об обеспечении благоприятных для «клиента» итогов выборов.

Эти ограниченность и конкретность — обязательные атрибуты любой технологии. Результат ее применения уже в исходной точке должен быть задан со всей определенностью, позволяющей оценить, действительно ли удалось его достичь.

Другие примеры — не менее известная сфера пиара (PR), само это именование уже получило права гражданства в русском языке; разнообразные психотерапевтические технологии индивидуального или группового воздействия. В предыдущем разделе, напомним, обсуждались технологии рекламы, которые стали необходимым составным элементом контура технотнауки.

Характерной особенностью современных ГТ является то, что в большинстве случаев результатом, на

получение которого они направлены, является та или иная поведенческая реакция индивида — скажем, голосование за определенного кандидата в случае применения выборной политтехнологии. В определенном смысле политтехнологом можно было бы назвать идеологического работника недавнего прошлого; однако между ним и современным технологом имеются серьезные различия. Задачей идеологического работника было в конечном счете воздействие на глубинные слои личности, формирование или изменение ее ценностей и, таким образом, ее существенное изменение в соответствии с некоторым идеалом. Однако сам этот идеал был выражен весьма расплывчато, что не позволяло сколько-нибудь строго оценивать эффективность воздействий. Современного же политтехнолога мало волнуют глубокие слои личности — ему важен четко фиксируемый результат, скажем, голосование за кандидата А. Можно говорить о том, что его подход — чисто симптоматический. Его интересует не личность как таковая, а возможности манипулирования ее поведением.

Это вполне согласуется с пониманием технологий как средств, создаваемых и используемых для достижения определенных целей. В этой связи имеет смысл отметить одно интересное различие между естественно-научными и гуманитарными технологиями. Отметим один важный для анализа ГТ параметр. Говоря о современных технологиях, Ф. Фукуяма называет их технологиями свободы¹⁴, имея в виду то, что они неизмеримо расширяют возможности человека. Он ссылается при этом на известного американского исследователя массовых коммуникаций Итиел де Сола Пула¹⁵. Последний имел в виду то обстоятельство, что новые возможности распространения информации затрудняют ее цензуру и позволяют людям получать разносторонние сведения об интересующих их событиях. Фукуяма же понимает термин «технологии свободы» более широко, относя их ко всем современным технологиям (его в данном случае интересуют прежде всего биотехно-

¹⁴ *Fukuyama F. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. N.Y., 2002. P. 15.*

¹⁵ *Ithiel de Sola Pool. Technologies of Freedom. Cambridge, Mass., 1983.*

логии) постольку, поскольку они создают для человека возможности выбора в таких ситуациях, в которых прежде от него ничего не зависело.

Правда, ГТ также часто выступают в иной, прямо противоположной роли, поскольку предназначаются для того, чтобы *навязать* индивиду тот или иной выбор. Безусловно, в данном случае речь идет о «мягком» воздействии, поскольку нет прямого принуждения. Тем не менее во многих случаях эти технологии применяются именно для того, чтобы индивид делал тот выбор, который требуется клиенту-заказчику данной ГТ.

Представляется, что именно этой практикой использования ГТ как средства манипуляции можно объяснить то, что нередко отношение к ним бывает по меньшей мере настороженным. Но, как мы уже не раз отмечаем, технологии — это всего лишь средства, пусть и весьма мощные, человеческой деятельности. А это значит, что использование ГТ в целях манипуляции сознанием и поведением людей вовсе не является неизбежным. И здесь, если сослаться на опыт применения естественно-научных технологий, следует отметить, что люди разработали специальные средства (иначе говоря, технологии) для выявления и оценки риска, с которым может быть сопряжено распространение той или иной новой технологии. Эти средства оценки вполне могут быть отнесены к числу ГТ, но направленных не на манипуляцию, а опять-таки на расширение возможностей выбора. Деятельность выявления и оценки риска, связанного с распространением новых технологий, имеет разные именованья, одно из которых — *гуманитарная экспертиза*. Обширным пространством для применения гуманитарной экспертизы следует считать и все то, что относится к ГТ.

Раздел II

Философские проблемы отдельных социальных и гуманитарных наук

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

История — основа, однажды заложенная, связь, которую мы сохраняем, если хотим не бесследно исчезнуть, а внести свой вклад в бытие человека.

К. Ясперс

■ 1. История, философия истории и философия исторической науки

Прежде всего определим статус понятий «история», «философия истории» и «философия исторической науки». Что мы понимаем в самом общем смысле под историей, философией истории и философией исторической науки?

История существует в разных ипостасях, и ей придают различные смыслы. Во-первых, история рассматривается как реальный процесс развития определенных событий во времени и пространстве (реальная история). Во-вторых, история определяется как интерпретация реальных событий прошлого (текстуальная история, историческая наука). В-третьих, история рассматривается как общая теория эволюции человечества (философия истории). На пересечении этих трех смыслов истории возникает еще одна научная реальность с особой областью исследования — *философия исторической науки*. Само по себе пересечение любых форм и уровней знаний, теорий и действительности всегда формирует новое когнитивное пространство. Одним из таких специфических по структуре и содержанию когнитивных пространств является философия науки, понимаемая как междисциплинарный синтез

философского и конкретно-научного знания. Разработка такого понимания философии науки подробно изложена и обоснована в фундаментальных учебниках под ред. проф. С.А. Лебедева, вышедших в последние годы¹. Рассмотрим эту концепцию более подробно применительно к философии исторической науки. Прежде всего обратим внимание на существенные отличия философии истории и философии исторической науки.

В начале 1970-х И.С. Кон определял философию истории как раздел философии, связанный с интерпретацией исторического процесса и исторического познания. В философии существовала и существует сегодня давняя традиция относить философию истории к особой области философского знания, наряду с этикой, философией науки, философией права, философией техники и т. д. И возникновение самого термина «философия истории» и определение его сути принято связывать с творчеством Вольтера, который употребил его в 1765 г. в статье с одноименным названием. Автор труда «Опыт о всеобщей истории и о нравах и духе народов» видел смысл и предмет философии истории в том, что она за конкретными историческими событиями, процессами, фактами стремится постичь сущность, логические связи и тенденции исторического процесса. Другими словами, для Вольтера исторический факт — это лишь явление, которым не может ограничиться и удовлетвориться исследовательская мысль: она должна проникать дальше в сущность исторических событий, в смысл и логику их возникновения и развития.

Однако необходимо учитывать то, что во времена Вольтера (и гораздо позже) все науки, которые постигали или стремились постичь сущность явлений, будь это естественные, социальные или гуманитарные дисциплины, назывались *философскими* науками. Даже физика носила название «естественной философии»². Знаменитая работа И. Ньютона, популярное изложе-

¹ История и философия науки / Под ред. С.А. Лебедева. М., 2004; Основы философии науки / Под ред. С.А. Лебедева. М., 2005; Философия науки: Общий курс / Под ред. С.А. Лебедева. М., 2005 и др.

² Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974. С. 57.

ние которой для широкой публики сделал Вольтер, называлась, как известно, «Математические начала натуральной философии». От этой традиции не отошел и французский мыслитель, когда причислил историческую науку к философии. Однако с точки зрения современной исторической науки проникновение в смыслы прошлых событий, их логическая интерпретация рассматривается уже как собственная внутренняя цель истории как одной из конкретных наук и не обязательно связывается с включением в этот процесс философского дискурса. Сегодня, видимо, должны быть представлены и осмыслены другие основания, на которых образуются взаимоотношения философии и исторической науки.

Новую интерпретацию категории «философия истории» предложил Гегель в 20–30-е гг. XIX в., читавший одноименный курс лекций в Берлинском университете. В этом плане заслуживает внимания его книга «Философия истории», где немецкий философ обнаруживает отличие философии истории как от эмпирической истории, связанной с изучением конкретного исторического материала, так и от истории с прагматическим «уклоном», ориентированной на практические выводы, уроки, которые следует из нее извлекать. По мнению Гегеля, философия истории должна выявить смысл мирового исторического процесса в целом, его единое логическое развитие, которое он видел, исходя из своей философской системы, в развитии «мирового духа». И поскольку сущность духа — в его свободе, то и всемирная история есть прогресс в осознании и осуществлении свободы в ее необходимости. Эта необходимость, по Гегелю, заключается в том, что «сознание свободы» последовательно воплощается в духе отдельных народов, которые становятся в данную историческую эпоху носителем мирового духа.

У самой философии истории также есть своя история, свои этапы развития. Так, в Новое время философия истории приобретает характер теории исторического развития, в которой осмысливаются движущие факторы и силы, управляющие историей, ее законы, цели, смысл. Впервые в работе Д. Вико «Основания новой науки об общей природе наций» (1725) ставится проблема единства и многообразия исторического

процесса. Просветители XVIII в. разрабатывают концепции исторического прогресса, подчеркивая внутреннюю связь и преемственность исторических эпох, выдвигают идеи культурного и социального детерминизма в историческом развитии, рассматривают роль выдающихся личностей в истории.

Идеи поступательного развития истории рассматриваются в книге И. Гердера «Идеи к философии истории человечества», где общая направленность развития человечества, его закономерности связываются с божественным началом истории. Французский просветитель Ж. Кондорсе обосновывает исторический прогресс развитием человеческого интеллекта, разума. Возникновение эволюционных теорий инициировало появление натуралистических подходов, трансформировавших естественные биологические законы в социальные принципы исторического развития. Значительный резонанс в развитии философии истории вызвало появление марксистской теории исторического развития, основанной на материалистическом понимании истории.

В рамках позитивизма традиционная проблематика философии истории уступает место логическим и семантическим вопросам в интерпретации исторического материала, логико-методологическим исследованиям историографии. Однако в конце XIX — начале XX в. появляются новые варианты метафизического, философского объяснения истории. Например, ее смысла в христианской философии истории (Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев и др.), характера и направленности исторического развития — в различных вариантах теории исторического круговорота (О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин). В философии персонализма и экзистенциализма история осмысливается как один из аспектов развития человека, его судьбы и жизненных проблем. В аналитической истории философии и неопозитивизме акцент делается на описании методов и результатов исследовательской деятельности историков, на критике метафизики в философии истории.

В связи с научно-техническим прогрессом в XX в. возникают технократические концепции доиндустриальных, индустриальных и постиндустриальных исторических эпох (Д. Белл, О. Тоффлер и др.). Вместе с тем

появляются пессимистические и эсхатологические версии исторического развития в модернизме (Ф. Фукуяма), а в постмодернизме обосновываются иррациональность, интуитивность исторического познания, отсутствие в нем смыслов и идей. Изучение истории в XXI в. связывается с формированием единой интегративной теории исторического процесса, создающей «голографический» образ истории.

Этот предельно краткий исторический экскурс в философию истории позволяет сформулировать общее суждение о теоретическом и методологическом смысле этой науки, ее месте в системе теорий, изучающих на различном уровне и в различных аспектах историческую реальность. Философия истории в совместном, корпоративном контексте исторического знания выступает как общая теория исторического развития, обосновывающая универсальные модели мировой истории, динамику и стратегию их развития и познания. Кратко и емко об этой теории сказано в названии работы К. Ясперса «Смысл и назначение истории». Именно эти два ключевых слова «смысл» и «назначение» определяют стратегию научного поиска в философии истории. «Картина всемирной истории и осознание ситуации в настоящем, — писал Ясперс, — определяют друг друга»³.

Понимание предмета философии истории, ее соотношения с исторической наукой позволяет определить собственную нишу для *философии исторической науки*. Философия исторической науки как бы объединяет «историческую триаду» (историю как реальный процесс, историю как науку и историю как философию истории), образуя в зонах пересечения свое пространство, свои теоретико-гносеологические проблемы.

Первая область пересечения — предметная (онтологическая). Объектом и самой исторической науки и ее философии является историческая *реальность*. Однако предмет у них разный: историческая реальность осмысливается в них под разным углом зрения. Если история науки описывает конкретные эмпирические события исторического характера, то философия истории стремится осмыслить универсальные проблемы исторического процесса: «смысл и назначение исто-

³ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 276.

рии», сущность исторического прогресса (или регресса), оптимистического или эсхатологического характера развития истории, универсальные модели истории и т. д. Онтологией, непосредственным предметом исследования *философии исторической науки*, в отличие от истории и философии истории, является не сама историческая реальность, а ее отражение, интерпретация в исторических науках, как их содержание.

Разумеется, и философия истории, кроме реальных исторических процессов, также рассматривает и их отражение, интерпретацию в исторических дисциплинах. Поэтому здесь возникает определенная сложность в «разведении мостов», в определении конкретных онтологических границ философии истории и философии исторической науки. Тем более, что демаркация между ними видна только в определенном спектре, под определенным углом зрения, именно с точки зрения исследовательских целей и интересов, с которыми связано обращение к исторической науке.

Философия истории использует данные исторической науки в своих целях, для создания собственной исследовательской базы, используемой в решении более глобальных исторических проблем, нередко метафизических, свойственных именно этой отрасли философского знания. Эта исследовательская база, образно говоря, используется как аэродром «подскока» к стратегическим объектам. При этом философия истории сопровождает анализ исторической науки критическим разбором с позиций, отвечающих или не отвечающих ее мировоззренческим и методологическим философским установкам. Поэтому существует различное философское осмысление не только исторической реальности, но и исторической науки в философии позитивизма, прагматизма, экзистенциализма, персонализма, марксизма и т. д. Другими словами, матрица отношений философии истории к исторической науке формируется в рамках определенной философской картины мира, философского осмысления исторических эпох.

Другими нитями связана с исторической наукой философия исторической науки. Ее предмет преимущественно локализован рамками этой науки, а исследовательская цель и философская рефлексия направлены на те конкретные вопросы, при решении которых воз-

никает необходимость в использовании философского дискурса. В частности, это могут быть проблемы общего и единичного, случайности, необходимости и вероятности, детерминизма и индетерминизма в исторических событиях, классификации исторических наук, выяснения их функций как социального института и важнейшего элемента духовной культуры общества и т. д. Значительная область философской проблематики исторических наук находится в рамках ее эпистемологии, что специально будет рассмотрено ниже.

Для решения такого рода концептуальных задач, возникающих в практике изучения истории, современный американский ученый А. Данто предлагает использовать философию, назвав этот феномен, или когнитивный процесс, «аналитической философией истории»⁴. В данном контексте «аналитическая философия истории» во многом тождественна философии исторической науки, а точнее является ее частью, поскольку последняя присутствует не только в историческом пространстве, но и осмысливает современные реалии — социальные, институциональные, этические характеристики исторической науки. При этом философия исторической науки связана и с философией истории, осуществляя в ней мониторинг креативных идей для исторической науки.

Вторая область пересечения истории, философии истории и исторической науки — эпистемологическая. История, как и любая наука, имеет свой круг гносеологических и методологических проблем. И как в любой науке этот круг проблем является важнейшим направлением философской рефлексии, вносящей плодотворные идеи в когнитивную практику конкретных дисциплин. Кроме того, есть эпистемологические вопросы истории, входящие непосредственно в компетенцию философского знания: проблемы исторической истины и исторических заблуждений, соотношения субъекта и объекта в историческом познании, осмысление новой методологии и методов исторического исследования, в частности информационно-компьютерного, синергетического и др.

⁴ См.: Данто А. Аналитическая философия истории. М., 2002. С. 11.

И в философии истории существует блок гносеологических проблем, но эти проблемы выходят за границы конкретных исторических исследований. Прежде всего они связаны с методологией самого философского осмысления исторической реальности. И природа этих методов, и область их применения носят сугубо философский характер. Нередко они вытекают из метафизики, общих положений определенных философских теорий, в рамках которых осмысливается история. В частности, есть метафизические основания религиозной философии истории, персоналистских, экзистенциальных, социально-классовых, натуралистических и других проектов истории.

В целом в философии истории выделяют классическую, неклассическую и постнеклассическую методологию познания⁵. Классическая когнитивная практика опиралась на монистические и плюралистические принципы анализа всемирной истории. Монистический подход к изучению глобальной истории характерен для позитивизма (В.О. Ключевский, М.М. Ковалевский, Н.А. Рожков и др.) и марксизма (М.Н. Покровский и др.). Классическое изложение этого метода в позитивистском духе, обосновывающем единый рационально-логический стиль исторического мышления, содержится в спецкурсе В.О. Ключевского «Методология истории»⁶. Марксистское понимание монистического взгляда на исторический процесс обосновывается в работах К. Маркса, Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова⁷ и др. Плюралистическая методология философского осмысления истории характерна для «теории факторов», предлагающей набор различных способов объяснения исторической реальности. В начале XX в. подобную концепцию разрабатывал профессор В.М. Хвостов⁸.

⁵ См.: *Дорошенко Н.М.* О современных подходах к изучению истории // *Фигуры истории или «общие места» историографии.* СПб., 2005. С. 23.

⁶ *Ключевский В.О.* Методология истории // В.О. Ключевский. Соч.: В 9-ти т. М., 1989. Т. 6.

⁷ *Плеханов Г.В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // *Избр. филос. произ.* в 5-ти т. М., 1956–1958. Т. 1.

⁸ *Хвостов В.М.* Теория исторического процесса: очерки по философии и методологии истории. М., 1919.

Неклассический этап в эпистемологии философии истории (середина XX в.) продолжает традиции плюралистической методологии и содержит целый каскад методов, используемых в философском познании истории: биосферный (В.И. Вернадский в работе «Размышление натуралиста»), эволюционно-энергетический (А.Л. Чижевский в монографии «Физические факторы исторического процесса»), культурно-информационный (А.И. Ракитов в работе «Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры»), кибернетический (С. Янковский), гуманистический (Н.И. Кареев, В.Г. Афанасьев и др.), системный (С.Л. Франк в книге «Методология общественных наук») и др. В центре постнеклассической эпистемологии истории философии (конец XX — начало XXI в.) находится, в частности, синергетическая модель исторического процесса, разрабатываемая на основе ключевых понятии теории открытых, сверхсложных, эволюционных систем: самоорганизации, бифуркации, хаоса, катастрофы, флуктуации, равновесия и неравновесия системы и др. (В.И. Арнольд «Теория катастроф»; Ю.М. Лотман «Культура и взрыв»; С.Г. Гамаюнов «От истории синергетики к синергетике истории» и др. работы отечественных и зарубежных ученых).

Даже краткий перечень эпистемологических концепций философии истории дает возможность отметить их существенную особенность — предельно универсальный характер методологических подходов к познанию истории, определяемый как особенностью философского мышления, так и целями создания глобальных моделей исторического развития. Естественно, что методология самой исторической науки, направленной на исследования конкретных исторических событий, более конкретна, «оперативна» и связана с решением другого круга исследовательских проблем. Поэтому философия исторической науки имеет дело с другой эпистемологией, непосредственно связанной с исторической наукой, о чем будет сказано ниже.

Однако философия истории может быть обращена и к конкретно-историческим проблемам познания, что только обогащает философию исторической науки, саму историческую науку плодотворными мыслями и идеями. Вместе с тем любая последовательная фило-

софская доктрина истории стремится внести в когнитивную историческую практику свой стиль мышления и свою методологию познания. И в этой ситуации философия исторической науки вместе с исторической наукой может выполнять критические функции, оценивая границы и возможности обоснованных философией истории гносеологических матриц, стилей исторического мышления и методов познания.

Третья сфера пересечения истории, философии истории и философии исторической науки — социальная. В этой области философия исторической науки сфокусирована на рассмотрении и оценке исторической науки как важнейшего компонента духовной культуры и социального общественного института.

■ 2. Философские смыслы и контексты исторической науки

Какие конкретные философские проблемы входят в формат исторической науки? Определение этих проблем связано с особенностью исторической науки как важнейшего элемента духовной культуры и образования, как способа познания истории и формы национального самосознания, как социального института, выполняющего определенные общественные функции. Отличительной особенностью философского аспекта в исторической науке является то, что в нем рассматриваются вопросы, выходящие за рамки конкретной исторической дисциплины и имеющие общее значение в целом для исторической науки. В философский круг исторической науки входят разные проблемы: аксиологические, эпистемологические, социально-культурные. Особое место в исторических дисциплинах занимают этические проблемы, поскольку историческая правда или преднамеренная ложь непосредственно влияют на общественную мораль, нравственный климат в обществе, могут укреплять или разрывать духовные скрепы, соединяющие народ в единое целое.

Общие подходы к историческому познанию. С философско-методологической точки зрения в изучении истории можно выделить два направления — онтологическое и эпистемологическое. При этом нередко кри-

зис в тот или иной период развития исторической науки, в той или иной исторической науке⁹ часто имел своей причиной абсолютизацию онтологического или гносеологического подхода к изучению истории. Представители онтологического направления концентрировали внимание на объекте истории, событиях, реальных процессах, оставляя «за бортом» сам теоретико-познавательный процесс и роль в нем субъекта познания. Ограниченность такого подхода подвергалась справедливой критике прежде всего за элиминацию субъекта из создания исторической картины прошлого и отсутствие исследовательского интереса к методологии исторического познания.

Радикальные сторонники эпистемологического направления, напротив, исключали из процесса исторического познания его объект, предполагая, что его нет как реальности, он уже исчез вместе с людьми и событиями. Останки истории — это лишь отдельные тексты, знания, материальные и письменные свидетельства. Поэтому процесс познания, по своей сути, сводится к «капитальному ремонту», реконструкции нового знания из старого материала. И эта концепция подвергалась острой критике. Еще в 1946 г. английский философ Р.Дж. Коллингвуд в своей работе «Идея истории» назвал ее «методом ножниц и клея», не без основания полагая, что подобный подход к историческому познанию не приводит к получению нового знания, поскольку, на самом деле, все сводится к переписыванию старых данных из различных источников, «перетасовке колоды». Логический каркас может быть новым, но знания остаются старыми. Поэтому историк должен не переписывать старое, а решать существенные проблемы. Под исторической проблемой Коллингвуд понимает сложный вопрос, на который еще нет ответа, поэтому нет смысла искать его в старых источниках. Там можно обнаружить только определенный материал, предпосылки для решения проблемы.

⁹ Например, директор Института российской истории РАН А.Н. Сахаров в 2002 г. писал о «кризисе советской исторической науки» (Сахаров А.Н. О новых подходах к истории России // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 4.

Для каждого из этих подходов — онтологического и гносеологического — есть свои основания, на которых и строится процедура их аргументации. Но очевидна и *односторонность* этих подходов, «расстыковывающих» субъект, объект и процесс познания, отделяющих их друг от друга, подтверждающая слова Гегеля о том, что односторонность есть величайшее и самое распространенное заблуждение человеческого разума. Более того, эта односторонность, если ее только возможно осуществить реально, делает несостоятельным сам процесс исторического исследования. Как пишет Коллингвуд: «...Все теории познания, которые понимают его взаимодействие или отношение между субъектом и объектом... противопоставленными друг другу... делают историю невозможной»¹⁰.

Односторонность, связанная с абсолютизацией одной стороны многостороннего явления, преодолевается выходом на новый виток знаний, в котором синтезируются рациональные идеи различных подходов (онтологического и гносеологического). Поэтому философия исторической науки, не создавая как философия истории глобальные эпистемологические модели исследования истории, а, обращаясь непосредственно к когнитивной практике исторического познания, рассматривает в этом познании и онтологические, и гносеологические, и методологические проблемы. Проблематизация и характер рассмотрения эпистемологического материала вытекают из необходимости рационального осмысления различных способов и методов исторического познания, выяснения связанных с ними новых исследовательских направлений и методологий.

История как идеальная модель прошлого. Есть существенное различие между предметом естественнонаучных дисциплин и областью исторической науки. Если предмет первых теорий представляет собой *действительность*, с которой имеет дело изучающий его ученый, то область изучения историка — *минувшая реальность*, прошлое. Никогда и ни один историк не может воочию увидеть ее подлинный лик, как ни один смертный не может поднять покрывало мифической

¹⁰ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 222.

богини, скрывающей тайну истории. Это обстоятельство имеет ключевое значение для эпистемологии исторической науки, ее принципиального отличия от эпистемологии в других научных дисциплинах.

В эпистемологии исторической науки возникает специфическая интерпретация *принципа наблюдаемости*. Если в классическом естествознании этот принцип исходит из того, что объект познания находится непосредственно перед ученым, который исследует его на основе эксперимента и теоретического (в частности, математического) обоснования, то в исторической науке такое понимание принципа наблюдаемости не может быть положено в основу исследовательской деятельности. В данном случае принцип наблюдаемости скорее аналогичен тому, что работает в неклассической физике, и связан с созданием идеальной модели действительности, которая в той или иной степени соответствует исторической ситуации.

Историк всегда имеет дело не с самой действительностью, а с ее репрезентацией в исторических источниках (вещественных, письменных, изобразительных и др.), которые в принципе идеальны и абстрактны в том смысле, что не могут охватить все многообразие действительности. Идеальная модель абстрактна по своей гносеологической природе, поскольку она отвлечена от всего многообразия реальности. Действительно, историк не может репродуцировать все многообразие исторической ситуации, ее нет даже в тех материалах, которыми он пользуется. Он стремится понять главное, существенное, не имея возможности охватить прошедшие события во всех его многоаспектных связях и проявлениях. Поэтому результатом исторического познания всегда является определенная *модель понимания* прошлого, исторический текст, дискурс или созданный ученым облик исторического времени.

Таким образом, изначально (по необходимости, а не по выбору) в исторической науке используется *метод репрезентации*, смысл которого заключается в замещении реального объекта исследования его идеальной конструкцией — моделью, языковой структурой, текстом, символами, которые выступают в качестве «посредника» (медиума) между исследователем и реальным историческим объектом познания, или, другими слова-

ми, *представляют* объект исследования. Данный метод значительно повышает роль субъективного фактора в историческом познании, поскольку сам исследователь выбирает, *что* будет замещать объект познания. Поэтому любая репрезентативная конструкция в исторической эпистемологии представляет не только объект, но и в определенной мере субъект познания, уровень его понимания проблемы и креативных возможностей. Здесь присутствует и этический аспект, связанный с тенденциозным или идеологически ангажированным выбором материала — негативного или позитивного. Этим во многом объясняется конъюнктурное «переписывание истории». Разумеется, история — это не назидательный роман, историк не придает событиям деонтологический смысл, не описывает их с этической точки зрения — как они должны происходить, а пишет о том, какими они были на самом деле. «Истинная история, — утверждал Ф. Бэкон, — излагает ход событий, совсем не заботясь о том, чтобы он демонстрировал торжество добродетели и наказания порока»¹¹.

Итак, текстуальная история (представленная в исторической науке) в отличие от реальной истории является *идеальной* моделью прошлого. В связи с этим возникает существенный для исторической науки вопрос о том, как гносеологически связаны между собой историческая реальность и ее идеальность, отраженная в науке. Это — вопрос философского значения, как писал Гегель, «*реальность и идеальность* обычно рассматриваются как два определения, противоречащие друг другу с одинаковой самостоятельностью, и, согласно этому, говорят, что кроме реальности есть *также* идеальность. Но идеальность не есть нечто, имеющееся вне и наряду с реальностью, а понятие идеальности, несомненно, состоит в том, что она является *истинной* реальности (*курсив наш*)...»¹². У Гегеля в термин «идеальность» вкладывается глубокий сущностный смысл, берущий начало от платоновского понимания идеи как подлинной сущности реального. В связи с этим

¹¹ Бэкон Ф. Великое Восстановление. М.: Наука, 1977. С. 176.

¹² Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974. С. 237.

возникает принципиальный для эпистемологии исторической науки вопрос: может ли быть идеальная модель, созданная историческим текстом, *истиной* изучаемого прошлого? Ответ на него связан с пониманием сущности исторической истины, достоверности исторических знаний. Этот вопрос актуален не только для выбора исторических теорий по критерию их адекватности действительности, но и для определения оснований критического анализа и оценок исторического материала. Он также важен и для выделения самой исторической науки из общего исторического дискурса, в котором существуют различные исторические жанры: литература, искусство, кино, поскольку подлинно научное знание всегда отличается от других форм знания высокой степенью достоверности.

Когда речь идет об идеальной модели исторической действительности, то следует иметь в виду, что идеальность обладает *действительным* (а не вымышленным) содержанием только тогда, когда является идеальностью *чего-то*. От этого «чего-то», то есть от того, с каким историческим материалом имеет дело историк, в определяющей степени зависит его приближение к исторической истине. Это — во-первых. Во-вторых, в исторической науке содержится особого рода идеальность, отличная от мифа, религии и искусства, в которых также отражаются исторические события. В науке представлен не образ (мифический или художественный), а *понимание* исторического события. Не в образах, а в *понятиях*, объединенных в концепции и теории, осуществляется научная репрезентация истории. Термин «понятие» связан со словом «понимать». Иметь понятие об историческом событии значит *понять* его. Понятие нередко путают с представлением. Гегель справедливо писал о том, что большинство людей имеют представления, а не понятия о вещах. Это еще в большей мере относится к истории. Если для литературного жанра исторические данные, первоисточники являются уже своего рода истиной, которую литература стремится выразить в эмоционально-чувственной форме и с авторских позиций, то эти же материалы для науки являются только фактами, которые она логически осмысливает и «возвышает» до уровня понятий и теории.

Именно понятия образуют основу языка науки. Оперирование понятиями — характерный признак научности текста, в котором содержатся и анализируются существенные стороны реальности. Как бы не относились к науке, сколько бы ни утверждали о «конце науки» (в частности, в постмодернизме), авторитет истории, ее социальная ценность и этическое достоинство заключаются именно в научном характере ее содержания.

Очевидно, есть определенное различие между научностью и истинностью. Научность относится к способам, процессу, своего рода «технологии» создания текста, где решающее значения имеют методы получения знаний и их системное оформление: нет теории без системы, нет системы без метода (Гегель). Истина — это тоже процесс, но процесс другого рода, характеризующий качественные рубежи познания: переход от незнания к знанию, от знания одного уровня к более глубокому знанию и т. д. Истинность характеризует *результат* познавательной деятельности как соответствие чему-либо: действительности (классическое понимание истины) или представлениям, сложившимся в определенном научном сообществе (неклассическое, конвенциональное понимание истины). В отличие от мнения («мнение есть то, что принадлежит мне»), у истины всегда есть адресат, к которому она апеллирует: божественному авторитету, реальности жизни, коллективной оценке. Поэтому истину, как бы теоретически ее не опровергали, невозможно элиминировать из научного процесса познания, поскольку он имеет публичный характер и всегда обращен к определенной аудитории, иначе он теряет свой смысл.

В истории проблема истины существует в различных аспектах и ситуациях, начиная от правильного освещения исторических событий в школьных учебниках, кончая научными дискуссиями в представительных теоретических журналах, монографиях и т. д. Очевидно, что в науке нет ни одного абсолютно бесспорного решения.

И все-таки более рациональной представляется точка зрения, обосновывающая притязание истории на присутствие в ней истины, позволяющей отличать историческое познание событий от их литературного

изложения. Достаточно ясно эта позиция изложена уже упоминавшимся историком Р.Дж. Коллингвудом, который справедливо видел разницу между трудами историка и сочинениями романиста в том, «что картина, рисуемая историком, претендует на истинность»¹³. В связи с этим английский философ выдвигает «три методологических требования», обязательных для исторического познания:

1. Картина, созданная историком, должна быть локализована в пространстве и времени.
2. Миры, рисуемые историками, должны согласовываться друг с другом.
3. Повествование, сотворенное историком, должно опираться на свидетельства источников.

Интерпретация как метод исторической науки.

В исторической науке способом создания теорий как идеальных моделей прошлого является интерпретация материалов, содержащихся в исторических текстах и фактах. Хотя интерпретация относится к общенаучным методам познания, но особенно широко она применяется в гуманитарном знании как метод истолкования текстов. Конечно, область научной интерпретации гораздо шире: например, она сыграла великую роль при различном истолковании физической реальности в квантовой механике (альтернативы Эйнштейна и копенгагенских физиков). Интерпретация является ключевым предметом специального исследования в герменевтике, где рассматриваются общие принципы интерпретации, ее гносеологические, аксиологические и экзистенциальные характеристики, правила истолкования текстов и др.

Необходимость интерпретации как важнейшего метода исследования в исторической науке определяется следующим. Во-первых, спецификой объекта исторического познания, который представляет собой реальность, опосредованную историческими документами, письменными и материальными свидетельствами, требующими адекватного истолкования. Во-вторых, постоянно изменяющимися временем и социальной ситуацией, в рамках которых возникают новые смыслы истории, ее оценки и образы, то есть новая интер-

¹³ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. С. 234.

претация событий. В-третьих, постоянным изменением интеллектуального «горизонта» и ценностной ориентации субъектов исторического познания, которые обуславливают перманентный характер переинтерпретации исторического материала. Исторические материалы всегда открыты для новой интерпретации их смыслов, тем более что среди источников существует немало таких, авторы которых, по замечанию английского филолога Е. Хирша, не всегда понимают, какие идеи они хотели выразить. В доказательство этого он приводит суждения Канта о Платоне, в которых немецкий философ заметил, что мы иногда понимаем автора лучше, чем он сам себя, если последний недостаточно точно определял понятия и «говорил и даже думал несогласно со своими собственными намерениями». Как продолжение этого примера можно отметить и высказывание Гегеля о Платоне, что тот был неверно понят в истории философии: мифологические образы Платона, использовавшиеся им лишь как аналогии и примеры, рассматривались нередко более поздними его интерпретаторами в качестве самих философских идей (например, миф о существовании двух миров).

В истории существуют различные планы и горизонты интерпретации. И в этом аспекте существует связь между интерпретацией, историческим нарративом, установлением исторических фактов и историческим исследованием. Есть разное понимание этой связи. В частности, Ф. Анкерсмит считает, что понятие «историческое исследование» связано с максимально точным установлением исторических фактов, а нарративное описание истории предполагает объединение фактов «в последовательное историческое повествование»¹⁴. Безусловно, историк имеет дело с фактами. Но они к нему приходят из определенных источников, которые нуждаются в особом типе интерпретации — аксиологическом, для того, чтобы установить их точность. А нарративное описание истории, в классическом его понимании, есть *повествовательное* изложение событий.

¹⁴ Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М., 2003. С. 23.

Однако в историческом познании повесть — это еще не научный уровень отражения истории, не способ ее научного познания и описания. Для «выравнивания крена», нахождения выхода из этой ситуации некоторые исследователи, например В.Н. Сыров, вводят наряду с «классическим нарративом» понятие «исследовательский нарратив»¹⁵. Но нарратив, какие бы мы ему названия не давали, все равно остается повествованием. Поэтому можно рассмотреть вариант, в котором эпистемология интерпретации в историческом знании рассматривается по-другому: 1) в фактологической форме (интерпретация имеющихся фактов с целью установления их подлинности) и 2) в форме нарратива (интерпретация-повествование, главным образом в литературе, где автор не просто рассказывает, но и интерпретирует события со своей авторской позиции), и 3) в форме теории (интерпретация предлагает научное объяснение истории). В рамках герменевтики все эти формы находят свое обоснование. В частности, П. Рикёр специально рассматривает теоретический уровень интерпретации, в которой соединяются метод и истина¹⁶.

Метод интерпретации предполагает особую корреляцию субъекта и объекта в историческом познании. Если, как утверждал Н. Бор, в естествознании XX в. исследователь уже не элиминирован из результата познания, а одновременно выступает «и как зритель, и как автор драмы», то в исторической науке эта ситуация тем более очевидна. Действительно, в истории один и тот же факт, одно и то же событие, как правило, имеют различные, нередко противоположные социальные, религиозные и этические трактовки и смыслы, начиная от разнообразных оценок отдельных исторических личностей, кончая событиями всемирного значения: возникновение и гибели цивилизаций и империй, мировые войны и социальные революции. Существовали и существуют не только различные времена, но и различные исторические школы, в которых по-разному оценивают и интерпретируют одни и те же исторические события.

¹⁵ Сыров В.Н. Введение в философию истории. — М., 2006.

¹⁶ См.: Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. — М., 1995; Конфликт интерпретаций. — М., 1995.

Современная наука в принципе допускает различные теоретические интерпретации физической и социальной реальности (например, в квантовой механике, теории относительности, синергетике, герменевтике). Эти допуски вытекают из разных методологических оснований: одни — из отрицания истины в науке («эпистемологический анархизм» Фейерабенда), другие — из релятивности истины (Н. Бор, К. Поппер), третьи — из практической целесообразности теории (прагматизм, марксизм), четвертые — из представления о конвенциональном характере истины в разных научных сообществах (А. Пуанкаре, научные парадигмы Т. Куна и т. д.).

Проблема неоднозначной, многовариантной интерпретации исторических фактов имеет онтологические, источниковедческие, мировоззренческие и нравственные основания. Онтологические основания заключаются в многогранности и противоречивости самой исторической реальности, которая воспроизводится в ее источниках, текстах и теоретической рефлексии. О Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. можно писать (и пишут) по-разному. Одни видят колоссальные просчеты и ошибки политического и военного руководства и на этом основании возлагают вину за сокрушительные поражения и миллионные жертвы на социально-политический режим. Другие — акцентируют внимание на невиданных масштабах боевых потерь и говорят о некомпетентности высшего командного состава. Третьи пишут о выдающихся победах и блестящих стратегических операциях. И все это, на самом деле, было. Исторические события, как масштабные явления прошлого, сотканые из многочисленных различных фактов, сведений, источников — уже в силу этого, сами по себе, объективно содержат основание для различных суждений, мнений, оценок, теорий и концепций. Это — объективно онтологическая сторона различных интерпретаций исторических событий.

Кроме того, поскольку интерпретация исторических событий — это осмысление прошлого, значительных поступков и деяний людей в рамках определенной культуры, ее национальных и общечеловеческих параметров, то эта интерпретация всегда сопряжена с мировоззренческими ценностями и социальной ориентацией конкретной культуры, ее духовными и политическими

приоритетами. Исторические школы, в рамках которых осуществляется признание или отрицание исторических концепций, формируются не только на основе чисто научных интересов, но выражают определенные общественные, идеологические и духовные установки.

Современное историческое познание, как и научное познание в целом, носит характер дискурса, доказательств, опровержений и оценок концепций, теорий, гипотез, осуществляемых всегда в границах определенного научного сообщества, в котором сложились примерно общие для всех «правила игры», ценностная и эпистемологическая парадигма и стиль мышления. Поэтому всякая научная деятельность — это способ познания, во многом регламентируемый нормами-конвенциями, принятыми в конкретной научной среде, от которых существенно зависит характер исторической интерпретации. Их очевидность особенно проявляется в языке науки, в выборе научных проблем, оптимальной теории, способах ее доказательств. Природу конвенциональных норм в науке исследовали К. Поппер, А. Пуанкаре, Р. Карнап, М. Вебер и др. При этом Пуанкаре специально подчеркивал, что согласительная норма в науке отнюдь не означает ее произвольного характера. Напротив, в нее возводятся регулятивные правила, сформулированные в науке принципы, которыми не только принято, но и удобно пользоваться в коммуникативной по своей природе научной деятельности. Поппер наряду с гносеологической проблематикой акцентировал внимание на этическом аспекте научной конвенции, которая предполагает нравственную ответственность ученых за выбор конвенциональных норм научной деятельности.

Интерпретация прошлого — это в известном смысле конструирование истории. Поэтому основной вопрос исторической науки — вопрос о том, *как писать историю*. Существуют различные стратегии и сценарии воссоздания исторической реальности. Во-первых, репродукция *подлинной* (конкретно-эмпирической) реальности (исторической онтологии), имеющей конкретные пространственно-временные параметры. Речь идет о состоявшейся, или «нормальной», истории, например, о наполеоновских войнах, событии, занявшем определенное пространство и время в истории чело-

вечества. Это адекватная модель исторической реальности, построенная на фактологическом материале. Известный русский физиолог Павлов писал, что «факты — воздух для ученого». Интересно высказывание о роли фактов и литературного героя Артура Конан Дойля — знаменитого сыщика Шерлока Холмса: «Строить... теорию, не имея фактов, — большая ошибка. Невольно начинаешь подгонять факты под теорию вместо того, чтобы объяснять теорией факты».

Нередко, именно такая модель понимания истории, построенная только на фактах, представляется *подлинной* историей для тех, кто ее пишет. Однако фактологический метод интерпретации прошлого как основной способ изложения (повествования) истории не всегда обеспечивает достаточную теоретическую глубину проникновения в ткань исторических событий и их всесторонний анализ. Нередко такой метод ограничивается рассмотрением внешних, хронологических, а не существенных, логически осмысленных исторических связей.

Во-вторых, возможно конструирование *альтернативной* истории, вероятных событий, которые могли бы произойти в той или иной конкретной ситуации, но в силу каких-либо причин не состоялись. Речь идет о возможности *другого развития* исторических событий. Когда говорят, что в истории нет сослагательного наклонения, отсутствует фраза «если бы», разворачивающая ход событий в ином направлении, то это не совсем так — с философской точки зрения (например, согласно концепции множественности миров Лейбница) и исходя из современной научной методологии (например, в синергетике) такая возможность в истории реально могла существовать. И для научного исследования истории первостепенное значение имеет анализ того, почему реализовалась именно данная возможность (произошло то, что произошло), а не другая. В силу каких обстоятельств именно эта возможность актуализировалась, превратилась в действующую причину.

Вопрос о том, «что было бы, если бы?» считается не относящимся к научной компетенции. Известно, что когда-то, в период классического естествознания, вопрос о случайных событиях тоже считался ненаучным. Многие казавшиеся за пределами науки, вероятност-

ные, недетерминированные, хаотические события и явления стали предметом современного научного знания, в которых обнаруживается своя логика «нелогичных» событий, открывающая более глубокий пласт природных явлений.

Традиционно предполагается, что описание различных сценариев развития прошлого характерно для литературных трудов и вымыслов писателей, а не для исторической науки. При этом обычно используется известное, ставшее хрестоматийным, высказывание Аристотеля о различии между историей и поэзией: «Ибо историк и поэт различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозой... — нет, различаются они тем, что один говорит о том, что было, а другой — о том, что могло быть»¹⁷. Можно привести современный пример литературной интерпретации истории. У Стефана Цвейга есть новелла «Невозвратимое мгновение», в которой он предполагает другой исход битвы при Ватерлоо и другую историю Европы, *если бы* командование одной из частей армии Наполеон не вверил храброму, надежному, испытанному в боях, но заурядному маршалу Груши, не стратегу, а лишь исполнительному командиру. «Одну секунду думает Груши, и эта секунда решает его судьбу, судьбу Наполеона и всего мира. Она предопределяет, эта единственная секунда... весь ход девятнадцатого века. *Если бы* у Груши хватило мужества, *если бы* он посмел ослушаться приказа, *если бы* он поверил в себя и в явную насущную необходимость, — Франция была бы спасена»¹⁸. В данном контексте это «если бы» наполнено патетическим, морально-психологическим и трагическим содержанием, драматизирующим историю, но далеким от ее научного изложения. Но, может быть, именно в подобных трагических сюжетах, коллизиях и альтернативах и осуществляется человеческая история?

Идея о вероятностном характере истории не нова. В свое время Гегель ввел понятие «размытая реальность», подчеркивая мысль о реализации различных возможностей, заложенных в конкретной ситуации. И именно анализ не одной, а всех возможностей по-

¹⁷ Аристотель. Сочинения. М., 1983. С. 655.

¹⁸ Цвейг С. Собр. соч.: в 7 т. Т. 3. М., 1963. С. 76.

зволяет осмысливать причину событий на теоретическом уровне. В связи с этим можно отметить работу И.В. Бестужева-Лады «Ретроальтернаристика в философии истории», где выстраивается теория утраченных возможностей в историческом процессе, в которой внимание акцентируется на нереализованных сценариях развития исторических событий. Автор вводит своеобразный «принцип дополнительности», предлагая к безальтернативному осмыслению истории добавить «ретроальтернаристику», основанную на вероятностных суждениях, виртуальных возможностях в интерпретации прошлого¹⁹.

Создание неадекватной или альтернативной ситуации развития прошлого может пролить свет и на природу исторического события с точки зрения его детерминированного или недетерминированного характера. В неклассической науке, исследующей природу на уровне микромира, случаю придается не меньшее значение, чем необходимости. И в истории следует согласиться с пониманием роли случайности как существенного фактора многих, если не всех исторических событий.

Поиск исторических закономерностей. Интерпретация исторических событий связана также с поиском общих тенденций, закономерностей развития истории, стремлением возвысить конкретно-эмпирическое познание, основанное на идеографическом методе, описывающем уникальность конкретного события, до понимания общего, целостного видения исторического процесса. Причем понимание закономерностей рассматривается как существенное основание для интерпретации отдельных исторических событий, их «объяснения через закон» — формула, разработанная К. Поппером и К. Гемпелем.

В исторической науке традиционно обсуждалась характерная для философии проблема единичного и общего в контексте исторических событий. Существует ли общее в форме повторяемости исторических событий, или они по своему определению неповторимы, как неповторимо время, в котором они происходят? Если нет

¹⁹ См.: Бестужев-Лада И.В. Ретроальтернаристика и философия истории // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 122.

повторяемости событий, то нет и закономерностей в их возникновении и в историческом процессе в целом. Повторяемость событий во многом определяет характер исторического развития. Однако многие философы и историки исходят из принципа неповторимости и уникальности исторической реальности. Так, В. Виндельбанд утверждал, что история отличается от естествознания, которое направлено на поиск общих необходимых связей для установления законов, тем, что должна определять ценность уникального, «однократного» неповторяющегося события.

С философской точки зрения проникновение в сущность явлений всегда обнаруживает в их глубине коэволюцию противоречивых начал, образующих их субстанцию: *единичного* и *общего*. Это касается всей онтологии, всех форм бытия. Известный русский писатель Иван Бунин заметил: неважно о ком писать, каждый заслуживает этого, потому что каждый человек — уникальный, неповторимый мир. Это верно, как верно и то, что каждому человеку свойственно то общее, что делает человека человеком, и это общее будет повторяться и присутствовать в каждом, пока существует род человеческий.

Уникальность исторических событий не иллюзия, а достоверный факт, который, однако, не отрицает существования общего в этих событиях. Никогда не повторится Первая мировая война, воздушные бои на примитивных аэропланах, газовые атаки на полях Европы, вражда и братание в окопах, но сами войны как исторические события повторяются, и повторилась мировая война, но у нее были уже другие особенности и своя уникальность. Есть и объективные материальные, социальные и духовные причины, лежащие в основе повторения событий как одной из закономерностей истории.

Речь здесь идет не об *абсолютной* повторяемости любых событий, а о повторяемости событий определенного класса, типа, вида, для которых существуют исторические условия, предпосылки для их репродукции в новой ситуации. Если бы история не повторялась, то кому нужны были бы ее уроки.

Философы и историки связывают существование исторических законов не только с повторяемостью ис-

торических сценариев и сюжетов, но и с единством, целостностью, направленностью исторического процесса. При этом выдвигаются различные доказательства: *религиозные* (провиденциализм) — события имеют смысл, общую направленность, объясняемые имманентным присутствием Бога в истории (Августин Блаженный, В. Соловьев, Н. Бердяев и др.), *натуралистические* — обусловленность единства исторического развития географическими и биологическими факторами (Ж. Боден, Ш. Монтескье, Л. Мечников и др.), *гуманитарные* — обращенные к историческому развитию человеческого разума, идеалов гуманизма (мыслители эпохи Просвещения), *социально-экономические*, связанные с материальным производством и производственными отношениями, трансформирующиеся в кульминационные моменты истории в повторяющиеся социальные революции — «локомотивы истории» (марксизм).

Синергетический метод в историческом познании. Синергетика представляет собой новый, отличный от традиционного понимания, образ теоретической реальности. У ней солидная научная «генеалогия»: ее предшественниками являются тектология А.И. Богданова, теория систем Л. фон Берталанфи, кибернетика Н. Винера. Решающий вклад в создание этой теории внес бельгийский химик русского происхождения И. Пригожин²⁰, получивший в 1977 г. Нобелевскую премию за исследование диссипативных систем, которые никогда не достигают равновесия, колеблясь между многочисленными состояниями. Уникальность синергетики, по утверждению английского ученого и философа М. Томпсона, в том, что она «...синтетизирует целый ряд фундаментальных выводов естественно-научной и социальной мысли последнего столетия (теории вероятности, информационно-кибернетического подхода, структурного функционализма, теории диалогового взаимодействия и др.), вырабатывая вместе с тем принципиально новую методологию, которая может быть использована в изучении как физического мира, так и живой материи, а также социальных систем и культу-

²⁰ И. Пригожин родился в 1917 г., во время революции его семья эмигрировала в Бельгию.

ры в целом»²¹. В интервью американскому журналисту Дж. Хоргану в марте 1995 г. И. Пригожин высказал мысль о том, что его наука «может залатать огромную дыру между наукой, всегда описывающей природу как результат детерминистских законов, и гуманитарными предметами, которые подчеркивали человеческую свободу и ответственность»²². Действительно, в современной науке отчетливо обозначается междисциплинарный характер синергетики, теория и методы которой приобретают универсальные функции и могут использоваться в естественных и социально-гуманитарных науках. Например, с внедрением синергетики в область социально-гуманитарных дисциплин возникают социосинергетика, эволюционная экономика, синергетическая антропология и др. дисциплины синергетического характера. Очевидно, не следует преувеличивать возможности синергетики как универсального способа решения научных проблем. И предсказание Э. Тоффлера, сделанное им в предисловии к книге И. Пригожина «Порядок из хаоса», о том, что наука третьего тысячелетия будет пригожинской, также может вызывать обоснованные сомнения.

В синергетике обнаруживаются характерные черты диалектического метода познания. Как утверждает В.С. Степин, «синергетику можно рассматривать как продолжение гегелевской диалектики»²³. Действительно, если рассмотреть основные принципы синергетики — нелинейность развития (скачкообразность, прерыв непрерывности, разнонаправленность), открытость и когерентность (взаимодействие с другими системами), неустойчивость в точках бифуркации, саморазрушение и самоорганизацию (хаос и выход из хаоса), саморазвитие и кольцевую причинность (определение друг через друга) и др. — все они осмыслены и описаны на философском языке в диалектике, отражены в ее законах. Диалектика со времен Гегеля предложила новый диалог с природой и обществом, новую логику понимания мира, которая становится востребованной в науке XXI в.

²¹ Томпсон М. Философия науки. М., 2003. С. 201.

²² Хорган Д. Конец науки. СПб., С. 353–354.

²³ Круглый стол по синергетике // Вопросы философии. № 9. 2006.

Есть опыт использования синергетики и в истории. Например, С.Г. Гаюмов в своей работе «От истории синергетики к синергетике истории» соединяет эволюционную и бифуркационную модели истории. По его мнению, характерной особенностью эволюционного развития является детерминация исторических процессов и присутствие в них сети различных причинно-следственных связей, придающих этому процессу системное качество. Однако «разрушение» системы, ее вступление в фазу бифуркации приводит к появлению новой «карты возможностей», представляющей набор различных вариантов приобретения новых системных качеств²⁴.

Метод познания во многом определяет результат теоретического поиска и содержательную часть науки. В данном случае мы говорим о синергетике не для того, чтобы раскрыть ее теоретические и когнитивные возможности, не как о совершенном, более глубоком уровне познания и проникновения в ткань исторических событий, а как об одном из способов, одной из возможностей исторической интерпретации прошлого. Тем более, сам этот метод, как и любая область новой науки, имеет своих противников. Однако наука всегда идет от непонятного к понятному, от неизвестного к известному, от непризнанного к признанному. Правда, на ее нелегком и неизведанном пути всегда появляются те, кому кажется все ясным настолько, что они могут присвоить себе право судить об истине. Истина — постоянная проблема научного дискурса. И пока развивается наука, пока не иссякает ее творческий потенциал, истина всегда будет оставаться открытой.

В заключение, необходимо отметить, что мысль историка, стремящего не просто описывать то, что было, но и *понимать*, как это было, всегда связана с решением «загадок» и трудных проблем, выходящих за пределы конкретных исторических данных. Нерешенные вопросы науки — как писал Б. Рассел — остаются на долю философии, которая подвергает их концептуальной обработке, чтобы сделать доступными для на-

²⁴ Гаюмов С.Г. От истории синергетики к синергетике истории // ОНС. 1994. № 2. С. 104.

учного знания²⁵. Это характерно не только для истории, но и для науки в целом: здесь и начинается философия науки. Как сказал Рассел: «Мы научились плавать, как рыбы, мы научились летать, как птицы, еще бы нам научится быть людьми». И в науке — тоже, тем более, в истории, где хранится память о тех, кто не просто был, а и сегодня — с нами, в каждом нашем дне, в наших мечтах и надеждах .

²⁵ См: Джеймс У. Введение в философию. Рассел Б. Проблемы философии. М., 2000. С. 283.

Введение

Задача данной главы — рассмотреть возникновение и развития философии политической науки, дать характеристику предмета данной дисциплины, ее метода, основных категорий, парадигм (исследовательских программ), ведущих школ и исследователей, а также разобрать другие вопросы философии и политической науки.

Сквозная проблема главы — сочетание основных способов философского осмысления науки, в том числе, политической, к которым можно отнести трансцендентально-аналитический, привлекающий категориальные ресурсы самой философии, и синтетически-обобщающий, опирающийся преимущественно на эмпирическое исследование науки как особой социокультурной реальности¹. В развитии политического знания эти способы и соперничают, и взаимодействуют.

Существенно важен вопрос о языках философии и политической науки. Язык философии выражает стремление мыслить «бесконечное» и «вечное». Язык же науки, научных средств и целей по определению имеет конкретно-эмпирический «конечный» характер. В полной мере это относится и к социальным дисциплинам, в том числе политической науке. Тем не менее эту рефлексию бесконечного и вечного философия «прививает» и политическому познанию через призму политико-философского мышления, использование философских кате-

¹ См.: Лебедев С.А. Структура и развитие научного знания // Философия: проблемный курс / Под общ. ред. С.А. Лебедева. М., 2002. С. 145.

горий, рассмотрение проблем эпистемологии и методологии. Есть области политического, где философская лексика в синтезе с языком науковедения, теории систем и управления, общей социологии, антропологии, культурологии способствует постановке и решению проблем политической наукой. Например, без привлечения языка философии невозможно исследование проблем политического рационального и иррационального сознания, государства и других политико-правовых образований, стратегий государственного управления, да и вообще дисциплинарной идентификации политической науки.

Весьма актуален вопрос о соответствии политической науки общим критериям научности. Это, несомненно, вопрос гносеологический и эпистемологический: вопрос познавательной «проницательности» политической науки, ее рациональности, способности искать и находить истину, характера этой истины, достоверности и объективности политического знания. Такая способность политической науки нередко ставилась и ставится под сомнение как в философии, так и в самой политологии. Например, это выражается в дискуссиях о нормативно-ценностной парадигме политического знания, о сугубо вероятностном характере утверждений политологии.

Большое значение имеет вопрос о предметности политической науки, о самостоятельности и внутридисциплинарной идентичности категорий политической науки. В какой мере политическое знание основано на заимствованиях из философии, социологии, экономической науки, юриспруденции, естественных наук? Например, очевидно, что именно философия облегчает политологам «муки» самоидентификации в новой постструктуралистской реальности, в процессе объяснения причин и последствий фундаментальных изменений мира в конце XX — начале XXI в.

Нельзя не выделить и проблему «нейтральности/ангажированности» ученого, специфики включенности исследователя в текущую политику в процессе описания и оценки им политической реальности, а также его рекомендаций². Поддержание интереса к судьбоно-

² См.: Боббио Н. Интеллектуалы и власть // Вопросы философии. 1992. С. 165.

ными темам часто затеняется конъюнктурными, отнюдь не главными проблемами. То, что говорили П. Бергер и Т. Лукман о социологе, занимающем «среднее» место между философом и обычным жителем³, полностью относимо и к политологу. Политическое знание, более чем какое-либо другое, принимает участие в таком конструировании. Ответственность политолога за конструирование реальности — это проблема как философской рефлексии, так и конкретного политического знания.

■ 1. Особенности становления философии политической науки

Одна из особенностей философии науки, в данном случае философии политической науки — явно выраженная «многослойная» рефлексия⁴ и интерпретация, когда в центр познания поставлены не просто политика, а процессы мышления, методы, эпистема в некоторой научной дисциплине, исследующей политические отношения, институты, процессы. В последние, в свою очередь, органично «вплетены» политическое мышление и сознание, интерпретационный процесс, включающий исследователей, экспертов, комментаторов, действующих политиков, объединения граждан⁵. Эту ситуацию, или состояние, — аналог дюрренматовского «наблюдения за наблюдающим за наблюдателями» — можно охарактеризовать как «двойную рефлекссию»⁶.

³ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

⁴ Рефлексия — определенный уровень и состояние процесса мышления, а также сам этот процесс, направленный не на вещную среду (или общественные отношения) непосредственно, а на исследование самого познания и мышления, его форм и предпосылок, содержания и методов.

⁵ На рефлекссию и интерпретацию оказывает влияние не только философия, но и политическая мифология, межкорпоративная борьба элит, политическая борьба классов и социальных групп.

⁶ Пример многослойной рефлексии — рассмотрение обращения Т.А. Алексеевой к предисловию М. Оакшота в издании гоббсовского «Левиафана» (См.: Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2000. С. 16).

Другой особенностью является то, что провести четкую границу между предметами дисциплин философии политической науки и политической науки, между субъектом и «объектом» в философии и политической науке довольно сложно. Тут происходит так называемая «интерференция» — наложение дисциплинарного материала, понятийного аппарата, методов, возникновение междисциплинарных областей, интерсубъективных реальностей. Поэтому такая «многослойная» рефлексия порождает специфический интерпретационный процесс, который носит нелинейный характер. Эта многослойность (разноуровневость) и нелинейность философской рефлексии отражена и в неустоявшейся терминологии, когда в литературе точно не определены соотношения понятий и предметности «политической теории», «политической философии», «политической науки», «политологии».

Предметность в данном случае формируется не столько состоянием реальных объектов — общественных политических отношений, изучаемых политической наукой, сколько конструированием идеальных объектов в процессе рефлексии, интерференции, интерпретации, сопровождающих концептуализацию. Немало зависит и от степени структурированности самой науки, дифференциации ее теоретической и эмпирической составляющих. Отмеченная выше интерференция может создавать «вуаль», заслоняющую видение реального содержания направления научной деятельности и ее результатов. Именно философ политической науки, как правило, преодолевает эту субъективную преграду, пытаясь вскрыть сущность политических отношений. Философия политической науки, не отрываясь от собственного уровня рефлексии и интерпретации, в то же время приобщается к анализу реальных политических отношений и процессов. Без этого философ будет напоминать ученых из Академии⁷, которую посетил Гулливер — герой Свифта, или интеллектуалов-идеологов, описываемых Н. Боббио⁸. Последний хорошо показывает, как взаимодействуют

⁷ Там научные темы были невообразимо оторваны от жизни.

⁸ См.: Боббио Н. Интеллектуалы и власть // Вопросы философии. 1992. С. 164.

политическая философия и наука, как возникает комплекс ценностей и фактов, логики, языка, методов в политическом познании.

Необходимо принять во внимание также ряд субъект-объектных моментов при познании политической реальности: зрелость способов научного познания, объем и логическую структурированность накопленных знаний об изучении политических отношений, способы хранения и передачи знаний. На процесс политического познания оказывает также существенное влияние научная коммуникация и институционализация, открытость, интерессубъективность, иерархичность научного сообщества, влияние идеологии и характер интерпретационного процесса. Развитость, зрелость, методологическая и методическая вооруженность становятся важными условиями научно-дисциплинарного опредмечивания связей субъекта и объекта. Играет роль и «возраст» научной дисциплины. В отношении «молодой» политической науки возникает много вопросов, неизбежных при рефлексии процесса ее зарождения и становления предмета, поэтому возникает необходимость систематической постановки философских вопросов и их обсуждения. Институционализация политической науки началась в начале XX в. Весьма актуальна и философская рефлексия становления российской политической науки в контексте развития современного мира.

В структуре политического знания посредником между философией политической науки и самой политической наукой является такая дисциплина, как политическая философия. Дифференциация этих трех видов философского и политического познания окончательно институционализировалась в XX в.

■ 2. Философские основания науки и политическое познание

Философская рефлексия оказывает влияние на все стороны формирования и функционирования политического знания. При характеристике предмета политической науки она помогает решить проблему соответствия и расхождения теоретической политической идеальности и политической социальной реальности.

Говоря о предмете философии политической науки, мы имеем в виду прежде всего идеальную политическую предметность, выражающую отношения ученого, общества, политической власти, выявляемую благодаря ценностному анализу и логико-семантической рациональности философа. Философия исследует противоборство разных течений, например, позитивистского (неопозитивистского) и ценностного, взаимодействие политико-философского и научного знания. Сама политическая наука имеет своим основным объектом реальную политику. Она изучает больше не идеалы, а реальные интересы, их оптимальные сочетания и конфликты, конфликт социально-гуманитарной идеальности и социально-технологической рациональности.

При характеристике соотношения философии и науки отмечается чаще всего важное детерминирующее влияние философских категорий на процесс познания. Например, таких, как диалектические дихотомии: бесконечное — конечное, необходимое — случайное, общее — особенное, тождество — различие, причина — следствие, содержание — форма и др. Например, существенное влияние философских категорий на политическое знание оказывает дихотомия «основа — обоснованное». «Основа» выступает в качестве определяющего свойства или отношения, существенным образом влияющего на все другие необходимые связи системы. «Обоснованное» — другая часть сущности (политического знания), совокупность необходимых свойств и отношений, формируемых основой⁹. В понятие «основа» входят также «философские основания науки».

Политическая философия исторически играла роль основы, детерминирующей обоснованное — формирующееся политическое научное знание. Философия, благодаря своей всеобщности (а возможно, и универсальности), не могла не проникать на уровень сущности предмета политической науки. Пока политическая наука не могла самостоятельно определить свою предметную область в пространстве политического знания, ее функции брала на себя политическая философия.

⁹ См.: Материалистическая диалектика как научная система / Под ред. А.П. Шептулина. М., 1983. С. 239.

Философские основания политического знания, развиваемые в течение многих веков политической философией, представляли совокупность идей, парадигм, понятий, логико-семантических конструкций, онтологических, гносеологических, методологических принципов. Философские основания науки соотносятся с понятием «метафизическая парадигма» Т. Куна, «жесткое ядро научно-исследовательской программы» И. Лакатоса, «исследовательская традиция» Л. Лаудана. В.С. Степин под основаниями понимает те философские идеи и принципы, которые обосновывают, а с одной стороны, идеалы и нормы, с другой, онтологические постулаты науки¹⁰. Такие основания составляют базис как общей теории познания, так и ее частных модификаций, в частности такой, как философия политической науки. Последняя, претендуя быть самодостаточной рациональной системой, учитывает в то же время, что в логико-гносеологическом плане основа и обоснованное взаимопроникают и переходят друг в друга. Другими словами, сейчас в треугольнике «политическая философия — политическая теория — философия политической науки» все три составляющие начинают выступать друг для друга и «основой», и «обоснованным». Основой философии политической науки выступают и политическая философия (мировоззренческое и ценностное основание), и политическая наука (онтологическое и эмпирическое основание). Соответственно и рефлексия, обеспечиваемая философией политической науки, выступает основой (логико-методологической, эпистемической) для обоснования двух других дисциплин.

Философские основания определяют некие инвариантные категориально-понятийные ряды, адаптирующие научные знания к более широкому социокультурному контексту. Они, как отмечает В.С. Степин, также ориентируют ученых на новые формы связи между субъектом и объектом, определяют эвристические программы научного познания и, соответственно, способствуют открытию новых структур и законов бытия. Например, это новые подходы к обозначению огромной роли информации в политике и управлении, к исследовательским про-

¹⁰ См.: Новейший философский словарь / Глав. ред. и составитель А.А. Грицанов. Минск, 1999.

граммам политологии в трансформирующихся обществах, пониманию роли сетевых структур в условиях глобализации и др. Обоснованное в политической науке существует в составе политического знания параллельно и относительно независимо от своего основания.

Политическая философия всегда вносила ценностный и критический компонент в политическое познание. Еще древние греки усматривали в философии критический и в некотором роде «подрывной» потенциал для любого конечного состояния. Истинный философ всегда, так или иначе, шел против устоявшихся политических мнений и условностей (Сократ, софисты, стоики). Именно философ часто предлагал проекты переустройства общества. Например, модель государства Платона, в котором философ стоял во главе государства. И хотя, за редкими исключениями (Марк Аврелий), власть царей-философов осталась в целом политической утопией, эта мысль по-прежнему продолжает будоражить умы людей, мечтающих об истинном, справедливом и мудром государстве.

Для уточнения современного соотношения названных выше политических дисциплин возьмем в качестве родового понятие «политическое знание». Тогда в качестве видовых понятий выступают: а) «философия политической науки» как осуществляющая рефлекссию и интерпретацию исследования политики логико-гносеологическая и методологическая основа, б) «политическая философия» как ценностно-нормативная, критическая и историко-философская ее основа; в) «политическая наука» — обобщающее название ряда теоретических и эмпирических научных дисциплин о политике. Политическая философия передала некоторые свои функции философии политической науки, но по-прежнему наряду с философией морали и философией права определяет ценностно-критическую основу политических исследований, раскрывает основные принципы взаимоотношений человека, общества и власти, связь политики с представлениями о глобальном мире, соотношение рационального и иррационального. Ряд положений политической философии иногда входит в состав философии политической науки. Она по-прежнему тесно связана с политической наукой, хотя влияние ее на последнюю теперь более опосредовано.

3. Политическая наука: структура и направления дифференциации

Политическая наука переживает, с одной стороны, дифференциацию, с другой, интеграцию по отношению к другим общественным наукам. Ее предмет по-прежнему до конца не определен. Остается много неопределенного относительно онтологии, гносеологии, эпистемологии политической науки. Отражение такой неопределенности в России — широкое употребление понятия «политология», предметная область которой аморфна, не совпадает полностью с предметом политической науки.

Сейчас обычно в политологии выделяют три направления, в зависимости от интерпретации политики: 1) «академическая политология», или собственно политическая наука, с ее теоретическими и прикладными составляющими, находящаяся в стадии дифференциации и институционализации (в классификаторе научных специальностей по политическим наукам в 2001 г. было только три специальности; для сравнения, по юридическим наукам — 13 специальностей); академическая политология ставит задачу развития политической теории и ее приложения к реальности; 2) политическое консультирование, экспертизы и политические технологии; наиболее развитое в России направление, где специалисты достигли мирового уровня; 3) политическое комментирование в текущем режиме, которое нередко транслируется в СМИ и Интернет-изданиях¹¹.

Следует отметить, что в России именно философия наряду с юриспруденцией сыграла важнейшую роль в становлении академической политической науки. Направления, которые определились во множестве научных исследований, академических институтах и вузах, по-прежнему сохраняют довольно тесную связь с политической философией¹². Это заметно по защите квалификационных научных работ. Диссертации по политическим наукам защищаются по трем собственно политическим специальностям, а также по философ-

¹¹ См.: Никонов В. Прислушиваются ли в России к политологам // Российская газета. 2006. 5 июня.

¹² Бюллетень ВАК. 1998. № 2.

ским (и социологическим, журналистским, психологическим, культурологическим специальностям). Собственно политические специальности с 2001 г.:

23.00.01 — теория политики, история и методология политической науки;

23.00.02 — политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии;

23.00.04 — политические проблемы международных отношений и глобального развития¹³.

Не стало ранее введенной специальности 23.00.03 — политическая культура и идеология (здесь присваивалась также степень философских наук). Одна из причин вывода ее из классификатора — сильная философская ориентация исследований культуры и идеологии. Также было изменено название специальности 23.00.02 (ранее называлась «политические институты и процессы»); это произошло в значительной степени потому, что старое название не способствовало четкому выделению политической специфики по сравнению с философской и юридической проблематикой¹⁴. Связь философии и политологии отражена и в том, что степень политических наук присуждается по специальности 09.00.10 — философия политики и права.

В целом российская политическая наука движется по пути, который проходила западная наука, хотя есть и своя специфика. В западной политической науке, особенно в США, дифференциация направлений, испытывала влияние строго научного стиля позитивизма, неопозитивизма, бихевиоризма, оттеснивших политическую философию. Эти направления создали значительный собственный теоретический аппарат и эмпирическую базу, достигнув значительной степени социологизации и математизации. Определились и субдисциплины — политическая теория, политическая методология, политические институты, политическое поведение, сравнительная политология, международные отношения, социальная политика, политическая

¹³ Бюллетень ВАК. 2001. № 3.

¹⁴ Новое название, хотя и не совсем удачно (слишком расширена тематика субдисциплин), но все же подчеркивает специфику политической науки.

экономия, математическое обеспечение политических исследований.

В российской политической науке более сильное влияние сохраняет ценностно-нормативное направление (политическая философия, философия права). Идет серьезная работа по накоплению эмпирического материала, разрешению научных проблем, дифференциации направлений и их институционализации с помощью журналов, кафедр, ассоциаций и исследовательских комитетов, экспертных советов, взаимодействующих с органами власти, политическими партиями, Общественной палатой РФ, общественными объединениями, бизнесом. Но развитие философских оснований политической науки по-прежнему остается актуальным. Можно согласиться с Т.А. Алексеевой в том, что «философско-теоретическая интерпретация политики есть, по-видимому, высшая форма политического знания, открывающая такие стороны познания, которые зачастую не лежат на поверхности и поэтому оказываются вне сферы внимания интересов политиков-практиков, да и ученых других политологических специальностей»¹⁵.

■ 4. Методология и метод в политическом познании

Для разграничения предметов дисциплин, составляющих политическое знание, важен вопрос о методе. Дисциплинарная предметность определяется и поддерживается в немалой степени специфическими методами исследования. Четкое выделение отрасли знания (дисциплины) происходит, когда определяется не только ее предмет, но и метод. Методология по определению концентрирует в себе направленность всех теоретических и эмпирических поисков исследователя на последовательное становление предмета, «опредмечивание» знаний относительно познаваемого комплексного объекта или области общественных явлений.

¹⁵ См.: Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2000. С. 15.

И здесь значение философской рефлексии для политической науки очень важно. Философия, помогая добиться методологической определенности, расширяет познавательные возможности политической науки. Возникает вопрос о наиболее адекватном методе, а еще шире — научной парадигме, синтезирующей методы исследования. Причем, отвечая на вопрос о методологии, философ в отличие от политолога обречен последовательно проходить циклы рефлексии, касаясь эпистемологии и аксиологии, гносеологии и онтологии, релевантности прикладных исследований, что является важным моментом критической оценки состояния научной дисциплины.

А.В. Сморгунов справедливо отмечает повышение методологической роли философии в становлении политической науки. Это не отрицает интереса к научной стороне в политическом познании, а, скорее, свидетельствует о серьезной методологической перестройке политического познания, новом прочтении роли методологии в политике. Критическое осмысление методологического кризиса в политической науке и возврат к политической философии ставят методологическую проблематику в плоскость решения вопроса о сути политического. Методология оказалась инструментом конструирования не только научных понятий, но и самого политического мира. В этом отношении политическая философия и политическая наука переходят от конфронтации к взаимовлиянию¹⁶.

В широком смысле слова методология — это учение о способах организации, построения и осуществления теоретической программы научного исследования, включающей комплекс парадигматических и логико-лингвистических структур, механизмов, стратегий. Философия помогает выявлять общественно-историческую зависимость «репертуаров» (комплексов) исследований от уровня развития науки, характера разрешаемых проблем, показывает, что реализация задач научной деятельности требует соответствующего нормативно-рационального и критического сопро-

¹⁶ Сморгунов А.В. Политическая философия и наука // *Miscellanea humanitaria philosophiae*. Очерки по философии и культуре. Вып. 5. СПб., 2001. С. 214.

вождения. Методология непременно выходит на проблему научной парадигмы, в том числе ее смены и обновления. Т. Кун показал, что каждая новая научная парадигма, сменяя старую, вытесняет ее. В отношении политической науки такого не происходит. Например, марксистская парадигма продолжает влиять на политическое познание. Англо-венгерский философ Имре Лакатос в противовес Куну и Файерабенду считал, что «старые» парадигмы, особенно в социальных и гуманитарных науках, не отмирают, они конкурируют, модернизируются, возрождаются, синтезируются, чему способствует динамизм развития политики, особенности хронополитических кодов в разных государствах.

Методология политической науки — особая научная область, учение о применении различных методов и их комбинаций в политическом познании, влияющее на правильность постановки проблем и выбора адекватных подходов, трансформацию методологических принципов и требований в совокупность конкретных операций и процедур, использование инструментов и разнообразной техники. Методология трансформируется под влиянием философских оснований науки и нацелена на повышение нормативно-рационального уровня научности дисциплины, оснащения ее методами, наиболее адекватно отвечающими характеру объекта и предмета, целям исследования.

Научные методы в общем смысле — это способы познания, теоретически обоснованные и норматизированные познавательные средства. Методы рационализируют познавательную деятельность и повышают ее эффективность. Еще во времена античной философии было впервые обращено внимание на взаимосвязь результата и метода познания, взаимодействие субъекта и объекта исследования. Р. Декарт описывал научный метод как «точные и простые правила, соблюдение которых способствует увеличению знания». Понятие «метод» в политической науке многомерно, соотносимо с разноуровневыми понятийными рядами. Например, на приземленном эмпирическом уровне метод — это «способ», «прием» практики. Но на другом, более абстрактном, философском уровне метод означает «путь», «направление» и приближается к понятию «парадигма». В одной из своих ранних работ

К. Маркс отметил, что в науке важен не только результат исследования, но и путь, ведущий к постижению предмета изучения, определяющий выдвижение научной гипотезы, цели, объекта, предмета.

А.А. Дегтярев¹⁷ правильно отмечает, что философские методы в политической науке, хотя, как правило, и опосредуются другими, более частными методами, тем не менее задают общую направленность исследования, принципы подхода к изучаемому объекту, характер интерпретации полученных результатов. Методы складываются в ходе рефлексии над объектной (предметной) теорией в некоторой метатеоретической области внутри определенных парадигматических ориентаций и закрепляются в принципах, нормах и методиках исследования, реализуются через навыки, умения конкретных исследователей.

Известно деление методов по степени общности анализа объектов, изучаемых наукой, на три группы, что относимо и к политической науке: 1) философские, 2) общенаучные и 3) специально-научные. Философские методы иногда включаются и во вторую группу. Первая группа методов, в свою очередь, состоит из двух подгрупп: *логико-эвристических* приемов и *философско-аксиологических* принципов изучения политической жизни. В *первой подгруппе* — известные всякой науке логические методы: индукция и дедукция, анализ и синтез, диагноз и прогноз, определение и классификация, сравнение и аналогия, дескриптивно-конкретное описание и абстрактно-объяснительная интерпретация, наблюдение и эксперимент, статистический анализ и логико-математическое моделирование, верификация и фальсификация. *Вторая подгруппа* включает общенаучные способы познания, связанные с философско-мировоззренческими принципами и оценочно-аксиологическими критериями, из которых явно или неявно исходит ученый. Политолог может быть ориентирован на принципы диалектики или системного подхода, структурного функционализма или информационно-энтропийного анализа, служащие для него определенной системой координат в виде оценочных критериев и общеметодологических принципов.

¹⁷ Дегтярев А.А. Основы теории политики. М., 1998. С. 31.

В современном политической науке методология — это, скорее, комплекс принципов, «репертуаров» и средств, характеризующий конкурентоспособность исторически сменяющихся и конкурирующих теорий, инструментов познания, интерпретационных процессов, исследовательских процедур и операций. В исследованиях политических явлений применимы разные комбинации качественных и количественных, общенаучных, философских, логико-семантических, конкретно-технологических средств. Рассмотрим некоторые из них.

Системный метод. Он содержит в себе комплексную модель объяснительной интерпретации того или иного объекта и предметной области из сферы политических явлений. Приведем пример использования системного метода американским политологом и социологом Д. Истоном, работавшим в парадигме бихевиорализма и предложившим оригинальный метод для объяснения политической системы. Его вклад в исследование политической жизни как поведенческой системы остается востребованным до сих пор. Каким образом политической системе удастся выживать как в стабильном, так и в меняющемся мире, — этот вопрос являлся для Д. Истона центральным. Это вопрос о фундаментальных функциях, без которых никакая система не может длительное время существовать, а также типичных способах реакций, с помощью которых системам удастся себя поддерживать. Система воспринимает импульсы через определенные типы «входов» (inputs) и преобразует их во властные решения и действия на «выходе» (outputs). Политическая жизнь как система существует в физическом, биологическом, социальном и психологическом окружении (environments), является открытой системой, подвержена постоянному воздействию других социальных систем, непрерывного потока событий и действий. К таким условиям элементы политической системы адаптируются, чтобы выживать. Обладая способностью реагировать на возмущающие воздействия (disturbances), они тем самым адаптируются к изменяющимся условиям.

Историко-философский подход. Историко-философский метод демонстрирует удивительный парадокс: хотя мыслители прошлого создавали свои политические и политико-правовые учения в условиях господства

другой научной парадигмы, другого пространства и времени, их идеи продолжают осмысливаться в современности для решения не только теоретических задач, но и современных практических проектов. Этот метод «следования за классиками» имеет непреходящее значение для осмысления развития политики и формирования ее предмета.

Предмет политической философии начал складываться гораздо раньше, чем предмет политической науки. По мере дифференциации самой философии выделялись философия права, морали, религии, политики. Но еще со времен Античности и Средних веков политическая философия пыталась заполнять те «ниши» познания, которые заняли в XX в. политическая наука и нынешняя философия политической науки. Двух последних еще не было, но уже была политико-философская рефлексия рассуждений о политике, представленная в опытах Сократа и софистов, «Диалогах» Платона, трудах Аристотеля, трактатах средневековых ученых. Процесс становления политической философии занял большой период и завершился в Новом времени. Именно он привел к формированию критического осмысления политики, бытия государства.

Ряд мыслителей прошлого разработали основательные концепции понимания природы и методов политического знания. Платон и Аристотель, Иоанн Солсберийский, Аквинат, У. Оккам, А. Данте, Н. Макиавелли, Ж. Боден, Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. Монтескье, Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс, М. Вебер создали основы политической философии. Историко-философский подход обозначает не только предпосылки становления философии политической науки, но и необходимый настрой на постоянную рефлексию в свете новых знаний, переосмысление уже познанного и оформленного в политической науке. Он привлекает внимание к проблеме постоянного развития становления предмета любой науки, что было подчеркнуто Гегелем. Одно из важных свойств этого подхода — постоянное обращение к принципу развития, его сопряженность с компаративным (историко-сравнительным) подходом и диалектическим методом.

Диалектический метод. Метод диалектики как теории познания и диалектической логики всегда широ-

ко применялся и применяется в политическом познании. Первоначально (dialektike — искусство вести спор) он рассматривался как искусство нахождения аргументов с использованием мнений других. Затем, как метод познания действительности и учений в их противоречивости, целостности, развитии, многообразии форм, течений (марксизм). В диалектике познание определяется принципами единства и борьбы противоположностей, единства логического и исторического, отрицания отрицания. У истоков этого метода — идеи Гераклита и Сократа. Но основательно он был разработан в учениях Канта, Гегеля, Фихте, Шеллинга, развит Марксом и его последователями, в том числе классиками современного западного марксизма (А. Грамши, Д. Лукачем). Представители Франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе) ввели понятие «негативной диалектики». Ж.-П. Сартр, опираясь на диалектику, разрабатывал критический метод поиска основ философии свободы, Н. Пуланзас исследовал государство как фактор регуляции глобального равновесия общественной формации как системы. Развитие диалектики существенно помогло продвинуться в разработке методологии современной политической науки.

Диалектика занимала значительное место в философских исследованиях проблем политической философии и науки у В. Зомбарта, М. Вебера, Г. Зиммеля, Н. Бердяева, И. Ильина, М. Вебера, К. Шмитта, М. Хайдеггера, Ш. Айзенштадта, Н. Боббио и многих других. Философии политической науки диалектика присуща органически, и это положение не могли отменить ни развитие системного метода, ни тем более постмодернизм. Диалектика подпитывала многие теории и методологии: функционализм, структурализм, бихевиорализм, институционализм, неопозитивизм, неинституционализм, прагматизм. Диалектика же «высвечивала» и односторонность этих методов.

Именно благодаря диалектике философия помогает выработке адекватной методологии политической науки, ибо предмет последней отличается перманентной динамичностью. Трудность установления универсальных закономерностей, неустранимость возможностей многовариантного развития в политике нашли

философскую интерпретацию с точки зрения диалектики, например, в объяснении комбинаций «постоянных» и «переменных» факторов. Диалектический метод помогает наглядно раскрывать парадокс: чтобы знания были достоверны, систематизированы и внутренне не противоречивы, следует выявлять глубокие исходные противоречия познания общества. Последние представляют собой исходные антиномии — противоречия, направляющие познание.

5. Язык и категории политического познания

5.1. Язык науки и философии

Язык науки — сложная, динамично развивающаяся знаковая система. Она обладает специфическими и универсальными средствами объективации содержания сознания для обеспечения духовного производства, общения специалистов, интерпретации научных результатов. Именно специфические языковые средства выделяют данную область знания из всей сферы науки, а также сфер распространения естественного языка общения, отличают методы и стили научных школ и отдельных специалистов. Универсальные средства языка бывают разных уровней: а) универсальные искусственные знаковые системы — термины математики и логики; б) универсальные термины естественного и гуманитарного языка, применяемые и заимствуемые разными научными дисциплинами; в) используемый в качестве контекста и для популяризации достижений науки естественный язык общения.

Язык науки выполняет в обществе ряд функций: 1) сигнификативную — производство знаковых систем; 2) интерпретационную — объяснение значений и смыслов научных текстов и дискурсов; 3) когнитивную — обеспечение мыслительного процесса и познания с помощью понятий; 4) информационно-трансляционную — передачу и хранение научной информации; 5) коммуникативную — поддержание общения специалистов между собой и с неспециалистами. Политическая наука имеет свой язык, составной частью которого является собственный понятийно-категориальный

аппарат. Вокруг интерпретации языка науки в философии идет борьба различных течений. Не случайно в своей критике позитивизма и бихевиоризма, которые господствовали в политической науке 1-ой половины XX в., И. Берлин отметил, что позитивистам не удалось свести политическую философию к металингвистической системе, обеспечивающей анализ и прояснение языка, используемого при изучении политики¹⁸.

Язык обуславливает в немалой степени коммуникативную природу социального и гуманитарного познания. Ф. Ницше, открыв философско-филологическое пространство, способствовал возвращению темы языка в поле социального и гуманитарного познания. Аналитическая философия XX в. совершила «лингвистический поворот», переведя философские проблемы в сферу языка: Л. Витгенштейн обозначил границы языка как границы «мира фактов». В структурализме структура языка представлена как образец объективных структур, поэтому исследование языка выступает основой научности социального и гуманитарного знания. Постмодернизм в критике модерна создает новый язык описания, прибегая к понятиям «языковые игры», «великие нарративы», «малые нарративы», «метадискурс» (Ж.-Ф. Лиотар). Язык рассмотрен в контексте «событийности»; при этом философствующий субъект представляется то как пересечение дискурсов, то как исчезающий субъект.

Понятия и категории — это элементы языка науки и философии, за каждым из которых стоит особое содержание, интерпретированная информация. Без владения ими невозможно познание и эффективное общение ученых (дискурс). Философия политической науки, взаимодействуя с философией науки о языке, решает ряд проблем логико-гносеологического и логико-лингвистического характера — интерпретации смыслов философских и политических текстов, дискурсов, продуктивного использования языка в теории и практике. В частности, серьезную философскую проблему представляют трудности использования категорий, объясняемые: а) многозначностью ряда понятий,

¹⁸ См.: Управителей А.Ф. Вопрошая очевидное. Исчисление субъектности. Барнаул, 1999.

перенесенных в политическое познание из других областей знаний (в том числе из естественных наук); б) заимствованием терминологии: в отечественной политической науке широко используются понятия и категории, пришедшие к нам из западной науки и философии; в) необходимостью «перевода» содержания научных понятий на язык политических программ; г) избытком метафоричности языка, «неразведенностью» метафор, философских и научных понятий; д) развертыванием в политическом познании антиномий — категорий, раскрывающих диалектические противоречия.

О метафорах и антиномиях следует сказать отдельно. Метафоры — фундаментальные структуры языка и познания, отражающие некоторые распространенные экзистенциальные индивидуальные и коллективные состояния, природные процессы. Метафоры могут «озарять» познание, предшествовать научным открытиям и объяснениям. В переходные периоды, когда философия и наука не в состоянии удовлетворительно объяснять происходящее, метафорическое мышление выполняет функции научного. Конечно, занимая свое место в структуре науки, они должны помогать политическому познанию, а не затемнять его. В политологии применяются метафоры «политическая игра», «судьба», «пастырь», «великая шахматная доска», «левиафан», «общественный договор» и др.

Вопрос об антиномиях еще более сложный. Философия политической науки отличается антиномичностью, но она же обладает потенциалом их адекватной интерпретации. Без соответствующей интерпретации антиномий другие понятия могут искажаться и терять свое значение. Известный австро-американский экономист Ф. Хайек приводит высказывание Конфуция («когда слова теряют значение, народ утрачивает свою свободу») и посвящает языку целую главу («Наш отравленный язык») в своей последней книге¹⁹. Интерпретация антиномий помогает как разделять, так и соединять язык философии и язык науки.

¹⁹ Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. М.: Новости, 1992. С. 184 — 206.

5.2. Антиномии в языке философии

Задача философии — раскрытие исходных антиномий²⁰ познания мира. Эта проблема затрагивает соотношение теории познания, политической философии и философии языка, логики, лингвистики. Антиномии — это вид парадоксов, выявляющих «несостыковку» определенных аспектов познавательной деятельности, несогласованность вводимых концепций, логики и принимаемых способов абстракции, идеализации, конструирования идеальных объектов. Антиномии свидетельствуют о необходимости переосмысливать принципы общего методологического порядка и язык²¹.

Антиномичность имеет прямое отношение к применению философского языка в исследовании политической науки. Многие исходные антиномии не беспочвенны: в политической науке они обозначают онтологические и гносеологические особенности общества, динамизм политики. Они воспроизводятся в противоборстве идей и интересов, политических ценностей, морали, политики, права, личности и государства. На это в свое время обращал особое внимание И. Кант.

К исходным антиномиям философии политической науки относятся универсальные противоречия, влияющие на познание политического мира. Рассмотрим проявление следующих антиномий. Во-первых, отражение возникающей в процессе политического познания напряженности между рациональным и иррациональным, например, противоречие легального и харизматического господства, закона и веры, гедонизма и аскезы, науки и мифа в процессе легитимации политической власти. О такой напряженности писал А.С. Хомяков, называвший рационализм «самодвижущимся ножом». Не случайно в политическом познании идет напряженная борьба позитивистского эмпиризма и ценностно-ориентированного направления. Такая на-

²⁰ Антиномия (греч. — противоречие в законе) — сочетание двух противоречащих понятий или суждений, которые не могут объясняться в отрыве друг от друга.

²¹ См.: Смирнова Е.Д. Парадоксы и мышление // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 152.

пряженность предотвращает приземление политического до уровня практической целесообразности (Н. Пуланзас). С. Московичи пишет о «машине, творящей богов», подчеркивая роль государственной власти и политики в сотворении иррационального (мифов, религии, харизмы). М. Вебер, улавливая «глубокие пласты» массового иррационального, выводя «чистые» типы политического господства (традиционного, харизматического, легального), рассматривал в качестве политического призвания «в его высшем выражении» именно служение высшей силе, т. е. господство харизмы — «авторитета необычного личного дара».

Следует сказать и об антиномии, проявляющейся в процессе осознания разнообразия трансцендентных представлений о ценностях, с одной стороны, и выбора некоего программного «общего» («срединного») пути воплощения ценностей, поддерживаемых большинством, с другой. Эта антиномия характерна для развития как государственного, так и геополитического пространства. В теории такая антиномия дает о себе знать в попытках конвенционального обоснования значения понятий «общественный договор», «правовое государство», «гражданское общество», «политическая демократия». Эту проблему обозначили древнегреческие софисты, Платон, Аристотель. Последний выдвинул идею «смешанного» правления, более жизненной «правильной» формы (политии), рождающейся из смешения неправильных форм олигархии и демократии.

Данная антиномия воспроизводится в столкновении легитимности власти и эффективности политики, парламентаризма и дискреционной исполнительной власти, демократии и авторитаризма. Особенно наглядно такая антиномия проявляется в проблеме современной демократии. А.С. Панарин считал демократию «номиналистической системой», в которой являются неуместными ожидания и ценности единой коллективной судьбы, подчинение частного общему²². В качестве универсальной ценности, единого цивилизационного про-

²² Панарин А.С. Философия политики. М.: Новая школа, 1996. С. 22.

екта западную демократию пытаются внедрять на Востоке, что встречает серьезное сопротивление, поскольку там еще почитаются ценности коллективизма.

В связи с этим необходимо отметить и третью исходную антиномию, отмеченную, в частности, Ш. Айзенштадтом. Она проявлена в осмыслении глубокого расхождения между идеалом общественного порядка, присутствующим в большинстве божественных заповедей, утопических проектов переустройства мира, и «не идеальным» (утилитарным, прагматичным) характером воплощенного порядка, ущербным («неправедным») способом воплощения идеала. Одним из результатов такого осмысления стало убеждение в невозможности полного (и «чистого») осуществления моделей, в которых идеал переводился на язык политических программ и законов. В свое время Платон пытался уговорить правителей Сиракуз пойти на проведение эксперимента по строительству идеального государства. Попытка не удалась; в конечном счете причина неудач подобных проектов — в трудностях разрешения данной антиномии.

Но снова и снова появлялись и появляются утопии. И от них нельзя отмахнуться в стиле позитивизма или прагматизма. Функция и смысл утопий — в актуализации и поддержании этико-политических постулатов типа «город не стоит без семи праведников». Эта антиномия освежает восприятие проблемы становления самой политической науки, а именно противодействия в ней ценностно-ориентированного направления (политической философии) и позитивизма. В науке это противоречие подвигало к познанию закономерностей политики как призвания (М. Вебер). Ранее Н. Макиавелли отразил в своих трудах трагизм положения будущего правителя, решающего священную задачу объединения Италии. Антиномия рассматривалась итальянским марксистом А. Грамши, сформулировавшим в качестве важнейшей проблемы «перевод» идеалов на язык политики. Политическое проявление антиномии в том, что, с одной стороны, полное осуществление идеалов грозит попыткой установления невыносимых «пуристских» нравов наподобие режиму Джироламо Савонаролы во Флоренции, сменившего власть Медичи в 1494 г. Но, с

другой стороны, значительными изъянами страдают порядки, третирующие идеалы, выбирающие упрощенные прагматические пути. В России отношение к ценности социальной справедливости в 1990-е гг., как «отвлекающей от реальной политики», отомстило депопуляцией, сопровождаемой деградацией населения, высокой преступностью. Не случайно, понятие справедливости все же вернулось в политический дискурс российской элиты в 2005 г.²³

Можно наметить проявление и других антиномий, например, противоречия внутренних и внешних механизмов контроля и ограничений гедонизма и девиаций. Политическое знание и практика развиваются в направлении, придающем все большее значение замене внутренних регуляторов (аскезы, совести, правосознания) внешними — законами, наказаниями, техническими средствами (камеры наблюдения, детекторы лжи, электронный контроль за пассажиром, работником, покупателем и т. д.). Значение технических средств абсолютизируется, отодвигая воспитание, дисциплину, законопослушание на второй план. Но достаточно ли будет внешних, тем более технических, средств для поддержания общественного порядка, легитимации власти или же необходимо усиливать также воспитательные меры?

Эти исходные антиномии являются базой воспроизводства других антиномий, что характеризует процесс развития политического познания. Сама дифференциация развивающейся политической науки показывает, что появление каждой новой политической субдисциплины (политический анализ, сравнительная политология, геополитика, политическая культура, партология, электоральная политика и т. д.) по-своему воспроизводит универсальные исходные антиномии. Учет данных исходных антиномий показывает возможности философии политической науки, подтверждая тезис, что нет ничего полезнее, чем теория, опирающаяся на хорошую философию. Развертывание антиномий способствует развитию категориально-понятийного аппарата политической науки.

²³ См.: Ежегодное Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ 2005 г.

5.3. Категории «политическое» и «политическая жизнь»

Категория «политическое» — центральное родовое понятие, выявление содержания которого требует определения специфически политических понятий. Как отмечал известный германский философ К. Шмитт, политическое имеет свои собственные критерии, начинающие своеобразно действовать в противоположность различным, относительно самостоятельным предметным областям человеческого мышления и действия в противоположность моральному, эстетическому, экономическому.

Для изучения понятия «политическое» целесообразно его сравнить с такими понятиями, как «политика», «политические отношения», «политическая жизнь». Его содержательное богатство и многообразие отражается другими понятиями на разных уровнях властвования и жизнедеятельности. Темой политического и сферой его приложения становятся социумы (общество в целом, региональное и местное сообщества), проблемы реальной жизни (религия, искусство, рождаемость, аборт, смертность, состояние дорог, землеотводы, охрана заповедников и т. п.). Это отражено в разных смыслах понятия «политика», широте его трактовок. Для американского политолога Д. Хэлда политика — это борьба за организацию человеческих возможностей; для немецкого социолога К. Занднера — внутриорганизационное регулирование. С 1960-х гг. распространяется понятие «микropolitика» с упором на политическое поведение²⁴. Более адекватно для политико-философского подхода определение А.С. Панарина: «Политика есть вид рискованной (не гарантированной) коллективной деятельности в области властных отношений, участники которых пытаются изменить свой статус в обществе и перераспределить сферы влияния в контексте сложившихся исторических возможностей»²⁵. О высоком категориальном статусе понятия «политическое» и его частных проявлений — разновидностей политики, свидетельствует употребление определений: федеральная, региональная,

²⁴ См.: Мусиенко Т.В. Микropolitика в современном мире. СПб., 2003. С. 27.

²⁵ Панарин А.С. Философия политики. М., 1996. С. 7.

муниципальная, государственная, партийная, демографическая, образовательная, правовая, бюджетная, техническая, информационная, экологическая, продовольственная, языковая политика.

Можно выделить полярные понятия, раскрывающие сущность экономического (рентабельное и нерентабельное), социального (общий и частный интересы), правового (закон и произвол), этического (добро и зло), эстетического (прекрасное и безобразное), религиозного (рай и ад, спасение и грех), научного (истина и заблуждение). Для различения политического К. Шмит предложил выделять понятия «друг» и «враг»²⁶, что позволяет понять, вокруг кого и каким образом концентрируется власть, против кого она направляется. Он применяет и другую пару понятий: ассоциация сил и их диссоциация. Ассоциация (объединение или согласование интересов, представление их как общих) и диссоциация (ослабление, разрушение чужих союзов) выявляют универсальную абстрактную сущность политического.

При этом «враг» в политике — это не личный враг, как в жизни. Речь идет именно об ассоциации, ставшей политической силой, которая по своим целям противостоит другой политической силе, направлена на удержание или завоевание государственной власти. В политике партия (народ или часть народа, государство или союз государств) открыто или нелегально, используя мирные и немирные средства, борется против другой партии (народа или части народа и т. д.). Наиболее острое противостояние политических сил переходит в столкновение.

Для философии политической науки интересно объяснение места категории «политическая жизнь». Здесь мы также сталкиваемся с антиномией. Понятие «политическая жизнь» образовалось в результате наложения таких противоречащих понятий, как «политика» и «жизнь». Многообразие проявлений политиче-

²⁶ Такое разграничение заметно еще в «Государстве» Платона, где говорится, что справедливая политика — «это искусство приносить друзьям пользу, а врагам причинять вред» (см.: Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. М., 2006).

ского, интерес к политике, ее динамизму, участию в ней разнообразных субъектов, переплетенность надстроечного и субстанционального (бытийного) — все это приводит порой к отождествлению политической жизни с миром иррационального, не поддающегося научному объяснению²⁷. Но это затушевывает суть политической жизни. Политику отделяет от жизни прежде всего связь с властными отношениями, государственной властью, институтами, призванными гарантировать реализацию общей воли, за которыми признаны власть и авторитет, утверждающие правопорядок.

В реальности как повседневная жизнь, так и порождаемый взаимодействием ее с политикой «буфер» («политическая жизнь»), отграничены от чистой («высокой») политики, политических тайн (даже журналисты не открывают их обществу). Можно вслед за К. Шмиттом определить политику как организационную и регулятивно-контрольную сферу общества. Между повседневной жизнью и «чистой» политикой образуется «буферная сфера», называемая «политическая жизнь». Политика постоянно апеллирует к жизни, в ней черпает поддержку и ищет ресурсы политического. Тот же К. Шмитт говорит о публичности политики, которая не может отгораживаться «стеной» от граждан. Он интерпретирует положение Т. Гоббса о публичном значении политического сочинения для сознательного гражданина²⁸. Таким образом, политическая жизнь — это ресурс политики и политической власти. Американский политолог Ч. Мерриам в качестве факторов, влияющих на развитие политической теории, называл анализ экономической жизни, окружающей среды, социальных, национальных и этнических проблем²⁹.

В политологии встречается также точка зрения, согласно которой понятие политической жизни рассматривается как форма существования политического

²⁷ В частности, А.И. Демидов относит к политической жизни «все иррациональное в политике» (Демидов А.И. Категория «политическая жизнь» как инструмент человеческого измерения политики // Полис. 2002. № 2. С. 156).

²⁸ См.: Филиппов А. «Критика Левиафана» // Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. М., 2006.

²⁹ Мерриам Ч.Э. Новые аспекты политики // Антология мировой политической мысли. В пяти томах. М., 1997. Т. 2. С. 176.

организма и способ осуществления политического развития общества, а основами формирования политической жизни служат политическая деятельность и политическая власть, взаимодействие общественных структур, жизнедеятельности людей, их повседневной жизни с институтами политической власти. Соответственно структура политической жизни включает в себя политические отношения, политическую систему, а также вырастающие из них политический конфликт и политический кризис³⁰. По существу, это ведет к отождествлению понятия «политическая жизнь» с понятием «политическое», идущее от характеристики полисных форм политики. При таком смешении сами политические структуры пытаются наделить атрибутами жизненных сфер, повседневного человеческого мира (Ницше: «политика — слишком человеческое»). Но ведь современная «высокая» профессиональная политика (призвание) существенно отличается по интенсивности ассоциаций и диссоциаций субъектов, ритму, ценностям, целям поведения от жизни, любой работы, даже службы чиновника.

Понятием «политическая жизнь» адекватнее обозначать «буферный» общественно-политический сегмент, где периодически или постоянно соединяются преобразованные элементы политики и жизни, уже не относимые ни к собственно политике, ни к повседневной жизни. Здесь господствует переменная величина «политическое участие», интенсифицирующая и институционализирующая коллективные интересы и формы жизни, интегрирующая апелляции государства и партий к населению. К. Шмитт справедливо полагал, что социальные отношения уплотняются, превращаются в политические при необыкновенной интенсивности общественных противоречий. Жизнь, даже жизнь политическая, не достигает такой степени интенсивности, чтобы выделять «политического врага». Такое возможно на выборах, референдумах, в пикетах, демонстрациях, митингах, в революциях, других массовых выражениях социального протеста. Членство в политической партии — тоже сегмент политической жизни

³⁰ См.: Борисенков А.А. Политическая жизнь: особенности понятийного анализа. М., 2005.

(но только не деятельность функционеров — это, как правило, «чистая» политика).

Таким образом, политическая жизнь — это совокупность интенсифицированных практик участия в общественно-политическом сегменте, частных проявлений общественно-политического под влиянием политики на жизненные сферы общества, политизации национально-этнических, территориальных, профессиональных, культурных вопросов, что приводит к различным формам выражения общественного мнения, протеста, действий общественных объединений, партийным и электоральным формам активности человека. Главный тезис: в «чистой» политике люди «не живут», а «выполняют политические функции» — очень важен для характеристики политического как над-человеческого, над-культурного и даже над-профессионального, а также других понятий (политическая культура, политические права, политический менталитет, политическое сознание и т. д.).

5.4. Другие понятия и категории политической науки

Категории — предельно общие понятия науки, отражающие наиболее существенные свойства и отношения предметов. В политической науке выделяются такие категории, как политика, политическое пространство и время, политические отношения, поле политики, политическая система общества, политическая власть и др. Группа понятий и категорий отражает процесс и направления политического познания — политическая наука, политическое знание, методология, метод, парадигма, исследовательская программа, дискурс, дискуссия, модератор, эпистемология, онтология, гносеология, логические схемы, позитивизм, бихевиоризм, институционализм, постбихевиоризм, постмодернизм и др.

Ключевое место занимают категории политической науки, с помощью которых исследуются системы, институты и институционализируемые состояния: политическая власть, политические отношения, господство, подчинение, порядок, нормы, законы, права, обязанности, гражданское общество, политическая система, партийная система, избирательная система, правовое социальное государство, управление, демократия, то-

талитаризм, солидарность, политическая стабильность, безопасность, легитимность, политический ритуал, авторитет и др.

Динамичная, субъектно-процессуальная сторона политической жизни описывается понятиями, характеризующими акторов или субъектов политики формально-официального типа (органы государственной власти, политические элиты и лидеры, политические партии, общественные объединения, парламент, парламентские фракции, электорат, гражданские ассамблеи) и неформального типа (группы давления, политические кланы и клики, лоббисты, политические клубы, олигархи, массы), а также политический процесс (политическая деятельность, кризис, конфликт, приоритет, избирательный процесс, коммуникация, политическое поведение, политическое участие, революция, реформы, политическое развитие, политические циклы, политическая ситуация и т. д.).

Значительный круг понятий и категорий охватывает неинституциональные и трудно институционализируемые явления: политическое сознание, национальное самосознание, вера, доверие, политическая культура, anomia, политический интерес, политическая психология, манипулирование, политический миф, политическая харизма, идеология, ценности, традиции, идеалы, идентичности, стереотипы, политический климат, политическая социализация и т. д.

Разработка проблем языка политической науки, ее категориально-понятийного аппарата — важное условие развития методологии политической науки, решения ее гносеологических и онтологических проблем. Необходима периодическая рефлексия и реинтерпретация понятий (своеобразная их инвертаризация). Иначе будут возникать ситуации, обозначенные германским социологом У. Беком: «Мы живем, мыслим и действуем, пользуясь понятиями-зомби, т. е. понятиями, которые умерли, но продолжают править нашим мышлением и нашими действиями»³¹.

³¹ Бек У. Политическая динамика в глобальном обществе риска // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 5. С. 10.

6. Научная картина мира и становление политического знания

Политическая наука развивается в контексте общей научной картины мира — фундаментальной системы образов природы, общества, сознания и деятельности человека. Такой образ синтезируется философией. В этом образе выражено взаимовлияние естественных, социальных и гуманитарных наук, их взаимообогащение в ходе взаимной критики и взаимодействия элементов языка, методов, парадигм. Философия помогает формированию «отраслевых» научных картин мира; так, политическая философия, в соответствии с историческим этапом развития культуры, синтезировала в научной картине мира представления об отношениях человека и государственной власти, мирового сообщества, национальных общностей и государств. Научная политическая картина мира выступает как рефлексия социокультурного контекста развития политического сознания людей, исследовательских программ политологов, видения предмета и перспектив политической науки. Общая и отраслевые научные картины мира складываются в соответствующие периоды истории и меняются при переходе от одного этапа развития к другому. Они включают в себя, в частности, представления о политическом пространстве и времени, отношениях общества и государства, общих и политических условиях реализации возможностей человека, его прав, свобод, обязанностей, долженствования и ответственности, легитимации политической власти. Таким образом, научные картины мира выполняет ряд функций, в частности эвристическую, систематизирующую, мировоззренческую, популяризаторскую, критическую.

В развитии научной картины политической философии и политической науки выделяются периоды, которые в целом коррелируют с этапами развития общей научной картины мира. В исторической динамике последней Л.Ф. Кузнецова выделяет три этапа — научные картины: а) додисциплинарной науки; б) дисциплинарно-организованной науки и в) современной науки³².

Первый этап связан со становлением в культуре Нового времени философской картины мира, выступавшей одновременно в качестве и общенаучной, и специальной. Общественные науки, еще не сложившиеся в дисциплины, прошли долгий путь в рамках развития философии, игравшей роль метафизического обоснования. Если о политической науке в узком смысле серьезно можно говорить только с начала XX в.³³, то политическая философия в виде отдельных учений заявила о себе значительно раньше и была изначально органично связана с обществоведческой мыслью в разных жизненных сферах.

Это позволило философии сделать понимание политики связанным с другими философскими дисциплинами, в первую очередь философией морали, права, истории, культуры. Обособление политики от них началось и происходило уже в Новое и Новейшее время.

С развитием капитализма, секуляризацией философии и естествознания, разграничением жизненных сфер началась дифференциация дисциплин внутри философии. Политическая философия обособилась от философии права, морали и других философских дисциплин в XVIII — XIX вв. Функциональное исследование политики привело к тому, что аристотелевские идеи об отношении политики и государства постепенно трансформировались в теории управления, власти, разделения властей, политической организации общества и др.

На втором этапе формирования научной картины мира в конце XIX — начале XX в. обобщался и переосмысливался накопленный опыт, происходило становление дисциплинарно организованного научного знания (естественно-научного, технического, затем гуманитарного и социального), оформление предметных областей конкретных наук. Научные революции в естествознании и математике оказали влияние и на все другие науки, способствовали внедрению в них коли-

³³ В данном случае не берется во внимание терминология XIX в., когда изучение политики называли наукой в силу юридической парадигмы исследования политических институтов (см.: *Политическая наука: новые направления*. М., 1999. С. 81).

чественных методов, стремлению к точному измерению параметров объектов, формализации процедур и результатов исследования. Это открыло новые возможности исследовать иррациональные начала политики, которые во многом скрыты в неполитических сферах. Начинается становление политической науки, которая постепенно выделяется из политической философии и философии права.

Нынешняя научная картина мира связана с формированием постнеклассической науки, характеризующейся усилением критического релятивизма и процессов междисциплинарного синтеза знаний на основе принципов глобального эволюционизма. Отходит на второй план стремление к унификации областей знания и их редукции к онтологическим принципам какой-либо одной науки, начинает доминировать синтез многообразия дисциплинарных онтологий. Это помогает поиску новых мировоззренческих смыслов и ответов на животрепещущие вопросы гуманитарного экологического плана. Научная картина — контекст выбора жизненных стратегий человечества, поиска новых путей цивилизационного развития. Изменения, происходящие в современной науке и фиксируемые в научной картине мира, коррелируют с поисками новых мировоззренческих идей, вырабатываемых разными дисциплинами науки и областями культуры³⁴. Существенный момент современной научной картины характеризуется ее постмодернистским поворотом.

7. Этапы развития политического знания

Выделение этапов производится на основании оценки соотношения уровней развития общественных отношений, политического знания, в более поздние периоды — на основе смены научных парадигм. Временные рамки ранних этапов вообще трудноопределимы. Но и для поздних этапов четкую границу провести трудно, поскольку, во-первых, вообще определение доминанты какой-либо научной парадигмы не может быть четким,

³⁴ Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира //Новейший философский словарь. Минск, 1999.

во-вторых, доминирование одной парадигмы не отменяет влияние других, т. е. их действие совпадает во времени, пространстве; сами исследователи могут синтезировать положения разных научных парадигм. Так, в политической науке исследовательские программы институционализма соединялись с парадигмой теории развития, образовав неoinституционализм.

В соответствии с взглядами известных философов этапы развития научного знания в целом можно разбить на: а) протонауку, б) архаику, в) классику, г) неклассику, д) неонеклассику (постнеклассику)³⁵. Политическая философия, а на ее основе — политическая наука, как и другие отрасли классического знания, прошли долгий путь, в основном повторяя эти этапы. Рассмотрим данные периоды относительно развития политического знания.

7.1. Протонаука

Сам термин «протонаука» еще не наполнен однозначным содержанием и четко не определен. В тот период зарождались лишь начала рационального мировоззрения, особенно в отношении взглядов на общество. Тогда люди уже подошли к объяснению закономерностей природы, но законы государства были для них «тайной за семью печатями», поскольку и государств в чистом виде еще не было. Что касается политического знания, то в самом начале оно было лишь одним из потенциальных «ростков» сначала в русле мифологии, затем наивной философии. Период соответствует времени развития ранних сообществ, когда не были еще сформированы даже протогосударства.

Но здесь важно не впасть в фигуру умолчания, считая, что раз не могло быть науки, значит, не было и элементов политического знания, не было протополитики и зачатков философии. На более поздних стадиях развития первобытного общества, с формированием союзов племен и зачатков протогосударств действия, которым присущи некоторые признаки политического, могли практиковаться. Значит, появлялись какие-то сведения, почерпнутые из наблюдений о политике, о

³⁵ См.: Ильин В.В. Философия и история науки. М., 2005. С. 329.

чем свидетельствуют, в частности, самые ранние гимны Древней Индии, передаваемые изустно. Исследователи, например, говорят о политической магии как использовании скрытых сил природы и космоса для решения политических целей³⁶. Культура ритуалов, в том числе жертвоприношений, могла иметь играть политическую функцию³⁷. Появлялись, видимо, оккультные знания, которые использовались в политике.

Граница протонауки и архаики, разумеется, расплывчата. Более определенно о политике и элементах политического знания можно говорить относительно истории древнейших восточных государств Китая, Египта, Индии, Ближнего Востока. Хотя по времени они ближе к периоду архаики, по мнению В.В. Ильина, в данных государствах науки не знали. Эти народы не смогли преодолеть парадигму аграрной общественной жизни, идущую от природы, навязывающую циклы жизнедеятельности, доминанту природных мифов, что ограничивало возможности принятия решений, носящих политический характер, и развитие политико-философских представлений о политике. Германско-английский философ и социолог Н. Элиас характеризовал такое состояние общественного сознания как воспроизводство в порядке жизни безличного природного контроля за людьми.

Но термин «протонаука» предполагает, хотя и донаучное, но все же познание, накопление данных наблюдения, записей, систематизацию. Появление письменности свидетельствовало, что к тому времени уже накопились сведения, которые можно записывать. И те сведения (в том числе о политике), что появились в древних восточных государствах, скорее всего можно отнести к протонауке, преддверию науки (В.В. Ильин). Даже ранняя история древних восточных государств демонстрирует богатую устную и письменную тради-

³⁶ См.: *Исаев И.А.* Власть и закон в контексте иррационального. М.: Юрист, 2006. С. 27.

³⁷ *А.М. Самозванцев* отмечает, что в Древней Индии ритуальная деятельность как главный вид общественной практики оказалась социальным механизмом, способствовавшим возвышению и через него обособлению индоариев в чужеродной им этнокультурной среде мунда и дравидов (См.: *Общественная мысль Индии: проблемы человека и общества.* М.: Наука, 1992. С. 5).

цию сохранения сведений о политике, которые могли использовать другие народы (Веды, Книга мертвых, Законы Хаммурапи).

7.2. Архаика

Зарождение элементов политического знания в древнегреческих полисах относится к периоду архаики. Х. Ортега-и-Гассет характеризует образование полиса как победу юриста над землепашцем. Древний период архаики (военная демократия, союзы племен, борьба за административную власть, зарождение государственных образований) требовал раскрытия тайн коллективной жизни. Ростки политической философии, зарождаясь в лоне мифологического и наивного естественно-научного знания, «пробивались на свет» в виде отдельных прозрений. Центральным предметом познания в древнегреческой натурфилософии выступает космос, а основной формой философского учения — космологические модели. Но греки рационально переосмыслили основания мифологии. Именно у них наступил своеобразный прорыв в накоплении знания, обусловивший формирование нетрадиционного типа культуры, динамичное социальное развитие и формирование критического мышления. Именно они в силу многих факторов смогли преодолеть доминанту природных циклов в мышлении и общественной деятельности, научились принимать политические решения, выработали механизмы отправления административной и судебной власти, политического толкования мифов и предсказаний.

Контекст античной культуры способствовал ориентации на рефлексивное осмысление глубинных мировоззренческих оснований традиционной культуры и выработку на базе этого новых способов видения мира, установки на плюральность знания. Исследователи справедливо отмечают, что античная философия является первым историческим типом философствования, и первой формой концептуального мышления вообще. В силу этого она содержит в себе такие предметные области, которые в будущем оформляются как самостоятельные теоретические дисциплины (математика, астрономия, медицина, лингвистика и др.). В рамках античной философии были конституированы не только

онтология и метафизика, гносеология и логика, но и моральная и политическая философии³⁸.

Этапы развития античной философии исследованы довольно подробно. Здесь мы отметим только некоторые узловые моменты, касающиеся философии и политической философии, в частности. Уже в натурфилософский период развития (досократики) с доминантой натурфилософских космологических и физических моделей утверждается научная картина мира, где артикулирована проблема интегрального единства множественных миров. В элейской школе замечено, что знание может быть специальным предметом философского анализа. Аттическая философия выделяет логико-гносеологическую, социально-политическую, нравственно-этическую и антропологическую проблематику. В рамках зрелой классики вырабатываются системные абстрактно-теоретические философские концепции Платона и Аристотеля. Любомудрие Сократа, труды Платона и Аристотеля заложили основы для выделения политической философии³⁹, хотя это выделение продолжилось и позднее, в Средние века и Новое время. В эпоху эллинизма и римского владычества эти идеи будут развиваться в трудах Эпикура, стоиков, Полибия, Цицерона.

В этот период формируются основы политико-философских учений, которые интегрировали знания этики, права, экономики, естествознания. В архаичном знании Античности, несмотря на силу натурфилософского и мифологического компонентов, родились гениальные прозрения, например, дихотомии «друг – враг» для обозначения политики, которую впоследствии К. Шмитт

³⁸ Можейко М.А. Античная философия //Новейший философский словарь. Минск, 1999.

³⁹ В.С. Нерсисянц пишет о «политической философии Платона» и «политической науке Аристотеля» (см.: *Нерсисянц В.С. Сократ*. М: Наука, 1984. С. 126). Г.А. Алмонд относит труды Платона «Государство», «Политик», «Законы» к классическим трудам политической науки, с которых начинается ее история (см.: *Политическая наука. Новые направления*. М., 1999. С. 72). Труды Аристотеля и Платона, хотя не могут отвечать современным представлениям о науке, тем не менее специалистами во всем мире признается их науковедческое и чисто научно-политическое значение. Аристотель собрал тексты 158 конституций греческих полисов и на основе их изучения читал лекции и написал свою «Политику».

обоснует как дифференциал для обозначения политического. В архаичный период возникли зачатки нормативно-ценностного, институционального, функционального, эмпирического анализа политики. Шел серьезный спор между разными школами, например о «мере всех вещей». Платон и Аристотель утверждали, что «мера всех вещей — Бог», а софисты, что «мера всех вещей — человек» (Протагор). Стоики и Цицерон разрабатывали концепцию естественного права. Появились идеи силы как основы политики (софист Фрасимах). В диалогах Платона Фрасимах выступал с позиций реального положения за то, чтобы в отношениях между властвующими и подвластными приоритет никогда и ни при каких условиях не отдавался подвластным, т. к. не существует людей, которые, находясь у власти, могут отдать предпочтение интересам других в ущерб своим собственным интересам [55, с. 39]. Эти идеи впоследствии будут развиваться политическим реализмом, особенно для исследования международных отношений. Концепции «правильных» и «неправильных», а также «смешанных» форм правления применялись Аристотелем для греческих полисов, Полибием для Рима (синтез монархии, аристократии, демократии), Цицероном для исправления находящегося в упадке римского государства.

В Средние века труды греческих и римских классиков стали основой разработки политической философии и науки. Но появляются и оригинальные труды, например, труд Иоанна Солсберийского «Политократикус» (XI в.), который принято считать первым политологическим трактатом, где закладываются основы разработки политического содержания понятия «государство», дифференцируется территория, население, императорская власть. Фома Аквинский на основе трудов Аристотеля провел философское различие между формами правления, выделив именно политическое правление на основе «смешанной конституции». Данте Алигьери обосновал необходимость власти светского императора. Н. Макиавелли рассматривал проблемы личности правителя, его политики, наиболее подходящей для Италии формы правления. Ж. Боден впервые всесторонне разработал концепцию суверенитета и абсолютизма.

Архаичная политическая философия подготавливала путь для появления политической науки.

7.3. Классика

Рамки классического периода также довольно условны. Собственно классику связывают обычно с XVII — концом XIX в. Но трудно оторвать этот период от эпохи Реформации, Возрождения, сыгравших выдающуюся роль в подготовке предпосылок научного наследия, которое назовут классическим. В Новое время политическая философия начинает отделяться от моральной философии, философии права, чему способствовало появление системы познавательных ориентаций, методов, отличавшихся единством и однородностью.

Эпоха Просвещения связана с классическими достижениями в области политической философии. Б. Спиноза, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. Монтескье начали систематизировать и показывать сферы проявления политического как усиления или ограничения власти правителей. Г. Гроций в особенности ясно провел различие права и политической науки. И. Кант наметил различие политики, права и морали. Гегель показал феноменологию духа и его роль в политическом развитии общества и государства.

Выдающуюся роль в развитии классической политической философии сыграл Т. Гоббс — автор концепции политической антропологии, учета человеческих потребностей в политике, законов политической жизни. Согласно этой концепции люди являются и подданными и творцами Левиафана, который в Библии назван «смертным богом», «царем над всеми сынами гордости». Гоббс называет его «искусственным человеком, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек, для охраны и защиты которого он был создан»⁴⁰. В произведениях Т. Гоббса отражено значение секуляризации государства, философии и науки. Свобода совести для ученых и для политики играла не меньшую роль, чем для верующих.

Концепция Т. Гоббса подвергалась серьезной критике. Вольтер спрашивал Гоббса: «А не смешиваешь ли ты силу с правом? А полагаешь ли ты, будто действи-

⁴⁰ Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Избранные произведения: В 2-х т. М.: Мысль, 1964. Т. 2. С. 47.

тельно сила дает нам право...?». Эту проблему (что предшествует политическому правлению — боязнь принуждения, силы или же право, полученное в результате договора?) не случайно называют проблемой Гоббса. Она еще не разрешена в теории, а на практике разрешалась по-разному различными народами.

Дж. Локк в отличие от Т. Гоббса считал, что люди, создавая политическое общество и государство, передают суверену не все свои права, а только их часть. Общественный договор предполагает, что подданные оговаривают свои права предъявлять претензии правителю, а также вынуждать его уйти, если он не справляется. Дж. Локк говорит о разделении властей на законодательную, исполнительную и союзную. Как и Гоббс, он продвинулся в развитии логики политического исследования.

Ш. Монтескье проводит сравнительный (компаративный) анализ исторических и современных форм правлений, изучает в комплексе влияние на политику и власть различных факторов — климата, обычаев, хозяйства, религии, культуры. Дух законов в государстве должен соответствовать всем этим факторам, иначе законы не будут действовать. Серьезный вклад Монтескье внес в теорию разделения властей.

Ж.-Ж. Руссо разработал концепцию «общей воли» и «публичной персоны», «народного суверенитета», закона, соотношения свободы и равенства. Идеи Монтескье и Руссо на практике применили творцы американской конституции (Б. Франклин, Т. Джефферсон, А. Гамильтон, Дж. Мэдисон, Дж. Джей) и деятели Великой французской революции (Марат, Робеспьер, Дантон и другие).

В XIX в. такие мыслители, как Кант, Фихте, Гегель, Дж. Ст. Милль, А. де Токвиль, М. Вебер — в Европе, С. Коллини, Д. Уинч, Дж. Барроу, В. Вильсон — в США, М. Острогорский, Н. Михайловский, П. Кропоткин и другие — в России, дополнили сокровищницу политической классики. Их труды способствовали формированию политической науки как самостоятельной научной дисциплины. В XX в. научная революция в естествознании стимулировала развитие дифференциации научных дисциплин, направлений развития обществоведения.

7.4. Неклассическая наука: модерн и отступление политической философии

Становление политической науки происходило в противостоянии различных парадигм. XX в. — век интенсивного развития политической науки отодвигал политическую философию на второй план. Такое развитие связывают условно с понятием модерн (хотя некоторые исследователи, например, Э. Гидденс усматривает ранний модерн еще в XVII в.). В самой философии усилилось аналитическое направление, согласно которому философ не должен высказывать оценочных суждений. Его задача — установление значения понятий, аналитических истин, касающихся логических отношений между понятиями языка. Что же касается оценочных (синтетических) суждений (о добре, зле, справедливости, свободе и т. д.), то о них нельзя сказать — истинные они или ложные. Наука должна заниматься анализом моральных и политических суждений, но не высказывать их. Господство сциентистского (научного) менталитета. Правда, степень господства сциентистских установок различалась по странам: в США и Великобритании — больше, чем во Франции и Германии⁴¹.

В США исключительно практическую направленность политическим исследованиям придала Чикагская школа политологов, в частности, Ч. Мерриам и Г. Госнелла, реализовавших несколько исследовательских проектов, в том числе экспериментов, например, выяснение воздействия на исход голосования направленной агитации для выявления различия между национальными и местными выборами. Чарльз Мерриам в 1923 г., констатировав упадок философских размышлений по поводу политики, которые были характерны для предыдущих столетий, говорил о возможности создания точной науки о политике, которая базировалась бы на систематическом наблюдении и строгом анализе: «Никогда не создавалось больших возможностей, чем теперь, для точного и научного познания процессов политического управления; и никогда не было боль-

⁴¹ Сморгунюв Л.В. Политическая философия и наука // *Miscellanea humanitaria philosophiae*. Очерки по философии и культуре. Вып. 5. СПб., 2001. С. 217.

шего стремления ученых к развитию объективных и аналитических методов наблюдения за этими процессами и для детального понимания природы законов, которые управляют ими и должны направлять их адаптацию и реконструкцию».

Кроме того Чикагская школа занималась проблемами социального управления (К. Райт, Л.Д. Уайт).

У истоков новой политической науки стоял также Г. Лассвел, посвятивший немало сил изучению политической психологии, роли средств массовой информации и пропаганды в политике. Не менее значительна роль Мичиганского университета в организации политических исследований, результаты которых внедрялись в практику. В США наиболее интенсивно шла институционализация и профессионализация политической науки, создавались ассоциации, факультеты и кафедры в университетах, готовящие высококвалифицированные кадры, исследовательские комитеты, финансирующие политические исследования, специализированные журналы.

Для модерна было характерно оттеснение политической философии с ее нормативно-ценностным подходом на периферию политического и философского знания, что объяснялось стремлением исследователей создать науку, базирующуюся на данных, обобщения которых могли быть проверены. Позитивистская и постпозитивистская модели научного знания считали политическую философию теорией, говорящей о должном, а не о фактическом. В свою очередь, ориентация на долженствование приносила в исследование субъективный фактор, связанный с позицией ученого. Определенное сопротивление сторонников политической философии, в частности Л. Страуса, И. Берлина и других, не меняло общей картины доминирования позитивизма.

Модерн обозначил начало интенсивной дифференциации политических исследований, выделение новых уровней и субдисциплин политической науки. Данный период выразился в усилении влияния бихевиоризма, внимания к исследованию политического поведения, за что даже был назван «поведенческой революцией» в американской политической науке. Широко распространились конвенциональные иссле-

дования выборов, роли политических партий, функционирования государственных институтов, основанные на опросах и других эмпирических методах. Модерн в то же время основывался на определенных крупных концепциях, например, концепции демократизации как составного элемента модернизации, рационализации и секуляризации общества⁴². Приобрел популярность анализ чисто количественных, в высшей степени агрегированных данных, полученных в результате крупномасштабных опросов. С содержательной стороны различные переменные анализировались в минимальной степени. Ставилась задача выявления единого архетипа избирателя (глобалистский подход, теория рационального выбора). Главным результатом стало расширение технических возможностей для анализа, предсказания и описания социального поведения и результатов выборов.

Позитивный этого этапа — разработка количественных методов, создание солидных баз данных по политическим партиям, органам государственной власти, общественным движениям, парламентским и законодательным процессам, государственной политике, теории организаций, по опросам в исследовании электорального поведения, отношения к политической рекламе, различным идеологиям. В этот период разработан системный метод Д. Истона. Научная парадигма модерна в политической науке доминировала вплоть до 1970-х, а по отдельным направлениям — и до 1980-х гг..

Недостаток этого этапа наглядно отразил Д. Истон, характеризуя бихевиоризм: «Мы можем теперь признать, что бихевиоральная фаза оказалась той стадией, когда социальные науки по разным историческим и случайным обстоятельствам были заняты укреплением научной базы своих исследований. Результатом стало значительное понижение интереса к социальной критике и к включенности в социальные дела». Проявились и другие недостатки модернистских подходов. Например, П. Данливи связывает модернистский (неклассический) этап в исследованиях политического

⁴² См.: Данливи П. Политическое поведение: институциональный и эмпирический подходы // Политическая наука. Новые направления. С. 283.

поведения с такими особенностями, как предположение широкой концепции демократизации, свёрхообщенность выводов, приоритет количественных исследований, основанных на опросах, монизм исследовательских методов и маргинализация социальных меньшинств, поиски единого оптимального алгоритма решений, инженерная трактовка знаний, абсолютизация системной природы развития познания, сверхполяризованные антиномии⁴³.

7.5. Постнеклассическая политическая наука: ренессанс философии, постмодернистский поворот, политическая коммуникация

Модернистские подходы критиковались уже в 1960-е гг. Последствия потери позитивизмом доминанты выразились в ряде противоречивых изменений: активизации политической философии, усилении плюрализма идентичностей политической науки и методологических позиций политологов, особо выраженных деконструктивизмом, постмодернизмом, и даже в отрицании дисциплинарного статуса политической науки. Активизировались коммуникативная концепция политики, прогрессистский подход, измеряющий развитие науки в соответствии с увеличением знания, основанного на достоверных сведениях и выводах; разрабатываются антиплюралистские концепции интегрализма.

Серьезную роль в опровержении позитивизма и подъеме политической философии сыграла работа И. Берлина «Существует ли все еще политическая теория?» (1962). И. Берлин отмечал, что в политической мысли всегда существовало философское измерение, которое никакая «наука» логико-дедуктивного или эмпирического характера не могла искоренить или скрыть, т. к. эти проблемы были не логического и не эмпирического свойства, а включали в идеологическое и философское содержание постоянный ценностный выбор. Поэтому позитивистская политическая наука была совершенно не способна создать «теорию» практической значимости с точки зрения того, что действи-

⁴³ Там же. С. 288.

тельно происходит в политике, или с точки зрения тех, кто персонально включен в политику⁴⁴.

Другой известный философ Л. Страус, рассуждая несколько по-другому, показал, что отделение факта от оценки в позитивизме, этическая нейтральность, стремление к внеценностному знанию «стимулируют стремление к безответственным утверждениям, в частности, при рассмотрении таких категорий, как правильное и неправильное или добро и зло»⁴⁵. Игнорирование ценностей ведет к уклонению от серьезных вопросов за счет отнесения их к разряду оценочных, освобождению от моральных суждений, моральной глухоте, в конце концов, к «нигилизму, конформизму, филистерству». К подобной позиции склонялись политологи Д. Риччи, Э. Саксонхауз.

На ренессанс политической философии повлияли кризис либерализма, актуализация новых морально-политических проблем, дискурс прав человека второго и третьего поколения (социальные права, право на пользование достижениями культуры, экологические права, информационные права и др.). Вновь философы и политологи обратили внимание на проблемы справедливости, свободы, долга, прав человека. Конец XX в. привел к кризису системы социализма в Европе, росту гегемонистских устремлений США, завершению образования Европейского союза и его расширению, углублению неравенства в мире по мере расширения социальных эксклюзий. Под влиянием глобализации развивается, как это характеризует З. Бауман, «глобальная иерархия мобильности», «экспроприация государства», «картографическая война», «свобода мобильного меньшинства» и «эксклюзия прикрепленного к земле большинства»⁴⁶.

Все это способствовало тому, что в философии, социальных и гуманитарных науках стали доминировать новые научные парадигмы. Значительную роль стал играть постмодернизм с его критическим настроением, абсолютизацией методологического и эпистемоло-

⁴⁴ См.: Сморгунюв Л.В. Политическая философия и наука. С. 217.

⁴⁵ См.: Strauss L. What is political philosophy? Chicago, 1959.

⁴⁶ См.: Бауман З. Глобализация: последствия для людей и общества. М.: Весь мир, 2004.

гического плюрализма. Все эти процессы характеризуют неопределенность, переходность современного этапа развития политической науки и политической философии. В философском и политическом дискурсе делаются попытки определения, что такое современность, на каком этапе мы сейчас находимся: модерна или постмодерна (современности или постсовременности)⁴⁷. Одни исследователи выступают за преемственность с классикой, другие — за разрыв с прошлым. В таких условиях возрастает роль учета социального и интеллектуального контекста науки, а соответственно повышается статус философии науки, в частности, философии политической науки.

Нельзя не обратить внимание на серьезное влияние постмодерна как направления в гуманитарных, социальных науках и философии (З. Бауман, Ж. Бодрийяр, Ж.-Ф. Лиотар, Ф. Джеймисон и другие.). Постмодернистский этап развития политической науки связывают с 1970 — 1990-ми гг. Постмодернисты интерпретируют политический процесс с точки зрения соотношения широких и локальных контекстов. Усиление взаимозависимости развития государств и народов в мировой системе, взаимовлияния социальной, экономической, политической, культурной подсистем приводит к новой неопределенности. При этом постмодернисты отказываются от общей методологии в пользу частной, переходят от универсализма к ситуативизму, реагируя на разрушение легитимности государственной власти и авторитета социального порядка, возрастание роли групповых ценностей и идентичностей в условиях глобальной мобильности и неустойчивости, снижения роли общественных норм. Ж.-Ф. Лиотар отмечает, что уходят в прошлое «великие нарративы»⁴⁸ модерна: нарратив Просвещения и нарратив Духа (нарратив Гегеля), нарратив современной науки, которые вели к тотальности, всеобщей связности событий и текстов и их связной

⁴⁷ См.: Алексеева Т.А. Современные политические теории. С. 320.

⁴⁸ Нарратив (лат. — повествование) — связный, синтезированный языковой контекст, позволяющий познавать взаимодействие смыслов событий и действий субъектов, обеспечивающий единство понимания среды и мира в целом и его частей как целостности интересующего.

интерпретации. Этот язык науки уже не дает возможности описания постсовременности. Лиотар превозносит значение различий, считает необходимым привыкать к несовместимости, полагается не на «большие», а на «малые» (местные, локальные, мобильные) нарративы, которые в условиях возрастания неопределенности и неустойчивости еще способны описывать общественные отношения. Малые нарративы как локальные способы познания и стратегии поведения, дают возможность меньшинствам и местным сообществам ориентироваться в политике и защищать свои права.

Серьезная заявка на адекватную интерпретацию политической сферы сделана коммуникативными концепциями политики. Коммуникативисты выступают с критикой постмодернистов, проявляя себя как интеграционисты, подчеркивающие возможность связной и адекватной интерпретации современной действительности в полноте ее взаимодействий. Идеи о политике как системе информационных потоков появлялись еще в 1950 — 1960-е гг. у Х. Арендт⁴⁹. Тогда К. Дойч ввел понятие «обратная связь» и обосновал ее значение⁵⁰. Ю. Хабермас представляет политическую сферу как мир коммуникаций и коммуникативных действий; системы коммуникативных действий выступают в качестве цепочки опосредований, имеющих этический смысл. Американские политологи Р. Дентон и Г. Вудворд в своей концепции политической коммуникации отметили, что «политический язык естественным образом настраивает к рассмотрению частных инвестиций, персональных и групповых потребностей как обслуживающих располагающий к себе символизм публичного интереса»⁵¹.

Интеграционистскую позицию занимают и другие известные политологи и социологи. Интересную концепцию общества сетевых структур выдвигает М. Кастельс. А Турен в своей социологии субъектов действия,

⁴⁹ *Arendt H.* The Human Condition. Chicago, 1959.

⁵⁰ *Deutsch K.* The nerves of governments. Glencoe (Ill.): Free press, 1963; *Дойч К.* Нервы управления. Модель политической коммуникации и управления. М., 1984.

⁵¹ *Denton R.E., Woodward G.C.* Political Communication in America. N.Y.: Praeger, 1985. P. 19.

отмечая ослабление традиционного политического поля, возлагает надежды на новые неформальные движения, которые способны создать новые политические поля. В рамках современных концепций коммуникации делается попытка преодолеть методологический пессимизм и нигилизм постмодернистских исследовательских программ.

Перед философией политической науки в условиях постмодернистского поворота стоит серьезнейшая гносеологическая, онтологическая и эпистемологическая задача сохранить некий синтез политической науки и политической философии, все позитивное в развивающихся направлениях, чтобы помочь найти ответы на вопросы, порождаемые обществом риска, смягчить социальную напряженность и конфликтность, объединить представления большинства в отношении судьбоносных ценностей. Для России эта задача выявляется как наиболее актуальная. И наиболее трудный вопрос — это вопрос об истине в политическом познании.

8. Истина в политическом познании

Достижение истины в политическом познании — одна из наиболее дискутируемых тем. Возможность достижения истины связывается с методологией, логическими средствами, философскими позициями в отношении эпистемологии⁵². К. Мангейм считал, что эпистемология является возможной только потому, что мы способны, если того желаем, абстрагироваться от мышления, обращенного к вещам, и направить наше внимание на сам акт познания. Благодаря этому свободному выбору эталона мы способны увидеть не только то, что вещи находятся во взаимосвязи, но и то, что

⁵² Эпистемология (греч. episteme — знание, logos — учение) — философско-методологическая дисциплина, исследующая знание как таковое, его строение, структуру, функционирование и развитие, эпистемические единицы — знание и языки. Эпистемологи исходят не из субъекта, осуществляющего познание, а из объективных структур самого знания, механизмов его объективации и реализации (см.: *Бабайцев А.Ю.* Новейший философский словарь. Минск, 1999).

сама взаимосвязь и предпосылки познания могут быть объективированы в качестве не вещественной данности, превращаясь, таким образом, в самостоятельный объект знания⁵³.

Российский логик А.А. Ивин, внесший значительный вклад в развитие логики оценок и логики норм, отмечает особое значение в социальном познании ценностей, а также социального, интеллектуального, ментального контекста, к которому он относит, в частности, авторитет, традиции, интуицию и веру, здравый смысл и вкусы⁵⁴. Ряд разновидностей контекстуальной аргументации имеет прямое отношение к философии политической науки, философии политики и самой политической науке. Например, аргументы к традиции (требования этикета, принцип «со своим уставом в чужой монастырь не ходи»), аргументы к авторитету (эпистемический авторитет, деонтический авторитет, разделяющийся на авторитет санкции и авторитет солидарности), аргументы к интуиции, вере, здравому смыслу⁵⁵. Приложение логики к контексту социального познания пытался осуществить Г. Тард в своем труде «Социальная логика», считая, что все душевные явления, а следовательно, и все социальные явления, составляющие их следствия, сводятся к верованиям и желаниям, изменения которых могут измеряться⁵⁶.

В конце XX в. начали исследовать и другую особенность политического познания. Содержание социального и интеллектуального контекста политики изменяется все быстрее, становится все более сложным, что способствует расширению области неопределенностей, опасностей и рисков. Изменения касаются также естественного языка, языка науки, искусственных языков. В качестве постнеклассического субъекта политики нередко выступают электронные СМИ, формирующие языковую и политическую культуру, новый информационный и моральный климат в обществе.

⁵³ Мангейм К. Структурный анализ эпистемологии. М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 12.

⁵⁴ Ивин А.А. Современная философия науки. М.: Высшая школа, 2005.

⁵⁵ Ивин А.А. Основы теории аргументации. М., 1997.

⁵⁶ Тард Г. Социальная логика. СПб., 1996. С. 17.

Необходимость познания истины в политической науке не отвергается полностью. Даже знаковая мифологизация опиралась на «ненасытное требование реальности, «истины», «объективности» (Бодрийяр). Но, говоря о познании истины, следует учитывать некоторые особенности современной информационной политики СМИ: 1) стремление СМИ демонстрировать документальность с помощью прямых репортажей, прямых включений, ток-шоу, экстренных сообщений и т. д.; 2) стремление к объективности проигрывает заинтересованности в шоке, эпатаже, «головокружении от действительности», в том, что обеспечивает высокий рейтинг; 3) с 1970-х гг. отмечены тенденции возникновения реальности, включающей в себя изначально симуляцию, господство знаков и производящих их систем⁵⁷; 4) монтаж знаков действительности позволяет даже при прямых репортажах поддерживать зрителя на «дистанции знака» от реальности; дистанция знака обеспечивается новым подходом к событиям — фантазмом присутствия-отсутствия, «перформансом» (англ. *performance* — действие, спектакль); разные факты подаются в форме универсального происшествия, драматизированного электронного зрелища, страстного, экзотического, шокирующего, но поданного под успокоительным знаком отстраненности и безопасности.

Так пропагандируется «отказ от действительности на основе жадного и умножающегося изучения знаков» (Бодрийяр), фундаментальный отказ от любых идентичностей, что находит свое проявление в программной замене понятийных средств выражения мысли на симулякр как способ фиксации принципиально нефиксируемых состояний. М. Кастельс отмечает политический аспект изменений: «Новая власть заключается в информационных кодах, в представительских имиджах, на основе которых общество организует свои институты, а люди строят свои жизни и принимают решение относительно своих поступков».

⁵⁷ «Мы потребляем реальное либо путем предвосхищения, либо ретроспективно, во всяком случае, на дистанции, каковая является дистанцией знака. <...> Мы живем, таким образом, под покровом знаков и в отказе от действительности» (Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика, 2006. С. 14 – 15).

СМИ изменяют систему политических ценностей и природу политического мира. Политика становится сферой накопления чрезмерной информации, загрязнения пространства компроматом, массой неиспользованной («избыточной») информации, рекламой. Информация представляет новую опасность, т. к. не решена проблема безопасного ее хранения в силу агрессивной охоты на нее с использованием журналистов, охранных и детективных служб, хакеров. Это способствует кризису легитимности всех институтов политической власти, требует перестройки коммуникационных систем политики.

Исследуя особенности познания на современном этапе, А.Ю. Бабайцев отмечает: складываются комплексные практики, где помимо познания, необходимо рассматривать функционирование знания в инженерии, проектировании, управлении, обучении; типология знания становится все более разветвленной и дифференцированной: наряду с практико-методологическим, естественно-научным, гуманитарным и инженерно-техническим знанием выделяются более частные его варианты; особым предметом исследования становится семиотическая структура знания; помимо знания интенсивно исследуются такие эпистемологические единицы, как «языки»⁵⁸.

В то же время возникают сетевые структуры, способные помогать деbüroкратизации, организовывать представительство по сетевому принципу. Общественные движения и политические партии уступают им часть политического поля, где могут доминировать сетевые структуры. Классическое понимание политики как общения (Аристотель) модифицируется, т. к. релятивизируется сам смысл общественного порядка, ценностей и целей общества, а власть, институты и способы политического регулирования утрачивают четкость и определенность. Эволюция представлений о политике в постнеклассический период вступает в принципиально новую фазу: политика из формы принудительного общения и механизма властного регулирования общественных дел превращается в способ эмансипа-

ции от власти, ухода от насилия политического модерна и обеспечения свободы выбора личности⁵⁹.

В познании реальности и влиянии на последнюю начинают играть важную роль сетевые структуры. Российский политолог И. Василенко отмечает следующие характеристики их развития и политического влияния:

- сетевые структуры — это децентрализованный комплекс взаимосвязанных «узлов» открытого типа, способных к неограниченному расширению;
- они гибки и динамичны, способны неограниченно расширяться и включать новые звенья;
- они ускоряют политическое время и уплотняют политическое пространство в рамках одной сети (Интернет, Европейский союз, СМИ);
- они разрушают монополию институтов государства и политических партий на информацию, распространяют ее через гибкие сети богатства имиджей, не привязанных к одному месту;
- политическая власть — отражение бесконечной информационной битвы вокруг политических имиджей и политических кодексов века;
- рычаг власти у того, кто имеет подключение своей сети к СМИ, информационным каналам для оформления виртуального мира общества и манипуляции;
- реальное подчиняется виртуальному; победитель на виртуальной политической сцене обладает реальной политической властью;
- противоречие между институтами и принципами плюралистической демократии и сетевой структурой информационного общества;
- авторитарные режимы способны быстрее воспользоваться сетевыми инструментами, чем демократическое общество с разделением властей;
- сетевые структуры требуют новой этической системы для восстановления доверия, легитимации правопорядка, заключения своеобразных «информационных общественных договоров»⁶⁰.

⁵⁹ См.: Сморгунюв Л.В. Политическая философия и наука. С. 220.

⁶⁰ Василенко И. Информационная революция и политическая картина мира XXI в. // Государственная служба. 2004. № 4.

Относительно эпистемологии в политической науке необходимо учитывать и другие особенности, расширяющие вероятностный характер политического познания. Например, противоречие антиномичности языка и политического праксиса. В силу универсальной неустранимости и вездесущности антиномии проявляются в разных темах (соотношение легитимности и эффективности, парламентаризма и дискреции администрации, авторитаризма и демократии). Решение вопросов антиномий становится вопросом артикуляции объективности науки, все более «растворяемой» в условиях постмодернистского поворота. Классическое значение «истинности» дополняется требованиями «плюрализма», «убедительности», «непротиворечивости», «полноты», «интерпретируемости», «реализуемости», «со-бытийности». Поиск истины в политическом познании, бытие политического знания неизбежно граничат также с вопросом утилитарности этого знания, его связи с политической коммуникацией, риторикой, политической психологией. Методы убеждения, коммуникация в политике, выходя на первый план, серьезно влияют на восприятие идей, проектов, тесня значение истинности, достоверности, обоснованности. Х. Арендт обозначала эту проблему, когда говорила о противоположности действия и созерцания: «...Теория превратилась в современную научную теорию, работающую гипотезу, изменяемую в соответствии с результатами, которые она производит. И ее обоснованность стала зависеть не от того, что она «открывает», но от того, как она «работает»⁶¹.

Политизация масс-медиа, медиатизация политики, развитие политической риторики и особенно медиариторики, политической рекламы, паблик рилейшнз — результаты взаимодействия нескольких процессов: технического развития электроники и масс-медиа, распространения легально-рациональной (западной) формы политического господства, возникновения политического рынка, успехов в исследовании социокультурных, психологических аспектов менталитета, идентификации, коммуникации. В результате нередко на

⁶¹ *Arendt H. Between Past and Future. Six Exercises in Political Thought. N.Y.: Penguin Books, 1968. P. 39.*

первый план в политических исследованиях, если они замкнуты на чисто праксеологические аспекты, выходит не нахождение истины, пусть вероятностной и относительной, а ее коммуникационное конструирование и встраивание коммуникативного замысла в политическую реальность.

В то же время требования политической конкуренции стимулируют развитие субдисциплины «политическая коммуникация», разработку таких научных проблем, как время и пространство в политической коммуникации, язык политики, взаимодействия в ней мифа и ритуала, игры и псевдоигры, в том числе «языковых игр», коммерческого и некоммерческого маркетинга⁶². Появились отечественные политологические исследования этой сферы (М.С. Вершинин, М.Н. Грачев, Ю.В. Ирхин, В.С. Комаровский, Г.Г. Почепцов, А.И. Соловьев, А.Н. Чумиков, Г.Г. Хазагеров, Е.И. Шейгал, С.А. Шомова и другие.). Такие исследования выявляют не только посреднические и манипуляционные функции СМИ, но и пути повышения их роли как самоценного члена политического взаимодействия, способствующего адаптации населения, избирателей, общественных объединений к демократическим переменам.

Заключение

Становление наряду с политической философией также философии политической науки связано во многом с усложнением методологических и эпистемологических проблем, с поиском в новых условиях ответа на вопрос о возможностях политического познания постигать истину. Еще элейская школа в Древней Греции осуществила деонтологизацию знания, разделив «пути истины» и «пути мнения», признала возможность видеть в знании специальный предмет философского анализа. С тех пор стремление разделить ценность и факт, философию и науку в политическом познании остается актуальным. Но оппозиционность философии

⁶² См.: Шомова С.А. Политическая коммуникация: социокультурные тенденции и механизмы. М., 2004.

и науки в современном политическом познании начинается сниматься объединением факта и ценности в понятии «политическое событие».

Становление философии политической науки должно стимулировать исследования эпистемологии в политической науке, коммуникационной природы политики, и тем самым способствовать синтезу восприятия факта и ценности в исследовании политического события. Роль философской рефлексии и интерпретации «ценности — факта — события» полезна в плане и актуализации исследования объединяющей идеологии, и ее практического применения. На этом заостряют внимание известные идеологи и политики, считая, что эти теоретические вопросы становятся прикладными. В. Сурков, отмечает, что общественная жизнь в России неизбежно будет усложняться по мере развития демократических институтов, и все большее значение в политической работе придется уделять методам убеждения и разъяснения. Демократическое общество намного более идеологизировано, чем тоталитарное, поскольку если «сила силы» убывает, растет «сила слова». «...В повседневной жизни все большее значение будут иметь общие ценности и умение друг до друга их доносить и побеждать противника в прямом идеологическом столкновении...»⁶³ Сложной остается проблема вербализации идеологии, актуализированная еще А. Грамши. И здесь помогает синтез факта и ценности в философской интерпретации политического события.

Важно, чтобы вербализация политической идеологии сдерживала догматизм и искажение ценностей административным ресурсом, разными центрами политических интересов. Иначе даже политическое творчество и достижения политического знания будут давать результаты, обратные ценностям, артикулируемым в идеологии и политических программах. Философия политической науки в конечном итоге готовит предпосылки политического знания, в котором ценности и знания, ме-

⁶³ Сурков В. Суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности // Стенограмма выступления перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров Всероссийской политической партии «Единая Россия» 7 февраля 2006 г.

тодологический и идейный плюрализм, антиномии языка не затрудняют, а, наоборот, способствуют подготовке почвы для развития политической науки, применения ее результатов для «произрастания» легитимной власти и эффективной политики.

**ФИЛОСОФИЯ ПРАВА
И ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Введение

Цель настоящей статьи — выяснить, находятся ли философия права и юридических наук в существенной связи, и какие теоретические и практические следствия вытекают из ее признания.

Решение данной проблемы имеет важное *теоретическое значение*, поскольку позволяет, во-первых, четко различить предметы философии права и юридических наук, во-вторых, получить достаточные основания для выбора адекватной им методологии, в-третьих, различить и упорядочить смысловые аппараты философии права и различных юридических наук.

Правильный ответ на поставленный вопрос будет иметь и существенное *практическое значение*, позволив в ходе профессионального образования юриста значительно расширить горизонт видения им существа, назначения и возможностей права, сформировать практические ценностные установки, дающие возможность преодолевать формализм действующего права, его ограниченность авторитетом наличной государственной власти и решать непосредственные проблемы юридической практики в контексте глубинных материальных, социальных и духовных начал жизни людей.

Определенные ответы на поставленный вопрос существуют давно, еще с тех пор, как в научный оборот вошло понятие «философии права», т. е. с конца XVIII в. И обусловлены они были, прежде всего тем, к

какому роду дисциплин относили философию права. Одни полагали, что философия права относится к философским дисциплинам (например, Г.В.Ф. Гегель), другие, что философия права — юридическая дисциплина (например, Г. Гуго, основатель исторической школы права). Наконец, третьи считали, что философия права является междисциплинарной областью знания, «объединяющей те или иные начала, как минимум, двух дисциплин — юридической науки и философии»¹.

То или иное решение проблемы взаимосвязи философии права и юридических наук существенно зависит от направления и исходного пункта анализа: от юридических наук к философии или от философии к юридическим наукам. Назовем первое направление юридической постановкой проблемы, а второе — философской.

1. Связь философии права и юридических наук

Здесь можно выделить три основные позиции.

Согласно *первой позиции*, философия права является составной частью общей теории права. Так, А.С. Пиголкин полагает, что в общей теории права (или теории государства и права) можно выделить две части: философско-методологическую и конкретно-аналитическую². Примерно такова же позиция В.В. Оксамытного: «В теории права представляется возможным выделить... философию права как науку, познающую суть права, его смысл и социальную ценность, содержащую философско-правовые учения, которые имеют методологическое значение для общетеоретической юридической науки...»³ Д.А. Керимов убежден, что «общая теория права и государства... включает в себя три основные части: социологию права, философию права и правовое государство»⁴.

Анализ данной позиции позволяет сделать ряд утверждений. Прежде всего разделяющие ее авторы относят философию права к науке.

¹ Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1997. С. 14.

² См.: Теория государства и права / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 2003. С. 15.

³ Оксамытный В.В. Теория государства и права. М., 2004. С. 44.

⁴ Керимов Д.А. Проблемы общей теории права и государства: В 3 т. Т. 1. Социология права. М., 2001. С. 20.

Философия права предстает здесь как особая юридическая дисциплина. Ее специфика видится лишь в круге решаемых задач и особенностях применяемой для их решения методологии. И круг задач, и философско-правовая методология представляют собой, в контексте указанной позиции, по существу лишь конкретизацию задач и методологии теории государства и права.

Согласно *второй позиции*, философия права не является составной частью общей теории права, а представляет собой видение права с позиций всего объема духовной жизни общества. Так, С.С. Алексеев пишет: «Право имеет три образа, в котором оно выступает перед людьми, являясь нам в виде... Юридические реалии, с которыми встречается в своей практической жизни человек, ... постигаются юридическими науками в основном прикладного профиля, преимущественно отраслевыми, такими, как уголовное право, трудовое право, гражданское право и многие другие. Право как особое сложное социальное образование — предмет теории права. Смысл и назначение права как мирозданческого явления изучается философией права»⁵. Такова же точка зрения и О.Э. Лейста: он выделяет три уровня познания права — практическую юриспруденцию, основанную на догме права и отраженную в отраслевых науках, общую теорию права и философию права, стремящуюся «постичь законы бытия права, его место и роль в социокультурном мире разных цивилизаций, его связи с человеком, коллективом, обществом и государством, с общественным сознанием и культурой человечества»⁶.

Рассмотренная позиция позволяет сказать следующее. Во-первых, она допускает признание философии права как юридической, так и философской дисциплиной. Во-вторых, особенность философии права определяется особым кругом ее проблем, отличающих ее от юридической теории любого уровня как количественно, по степени общности, так и качественно. Философии права присуща качественная методология, по сравнению с методологией юридической теории.

⁵ Алексеев С.С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 3.

⁶ Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 221.

Суть *третьей позиции* в полной мере выражена в двух следующих фрагментах: «философия разрабатывает идею государства и права через призму их ценности или антиценности для общества и отдельного человека»⁷; философия права «стремится... увидеть метаюридическое значение права и ценности, которые это право должно отстаивать, а также смысл права относительно полного видения человека и мира»⁸.

Относительно данной позиции можно сказать следующее. Философия права здесь явно относится к философским дисциплинам, являясь, по выражению французского правоведа Ж.-Л. Бержеля, юридической метафизикой⁹.

Такая связь философии права и юридической науки не требует изменения предмета последней, не предполагает обязательного расширения содержания юридического понятия права, что весьма важно для последовательного юридического мышления, приводящего право в действие. Знание совокупности факторов идейного (духовного) плана, в рамках которых действует право, может быть как «внешней» силой по отношению к действующему праву, влияющей на него «в конечном счете», общекультурно, исторически, а может и непосредственно влиять на него.

Предельно четко, хотя и обтекаемо эту позицию выразил М.Н. Марченко: «Философия права и теория государства и права органически сочетаются, дополняют друг друга и не взаимоподменяют друг друга»¹⁰.

2. Предмет философии права: юридическая постановка вопроса

Есть общепринятый способ определения той или иной науки и вообще выделения как относительно обособленной, самостоятельной совокупности (или системы) суждений — это выделение ее предмета. Вопрос о

⁷ Морозова Л.А. Теория государства и права. М., 2002. С. 12.

⁸ Бержель Ж.-Л. Общая теория права. М., 2000. С. 19.

⁹ Там же.

¹⁰ Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. М., 2001. С. 40.

предмете философии права уже фактически присутствовал при рассмотрении юридического понимания связи философии права и юридических наук, но он был, так сказать, фоновым. Рассмотрим более детально решение вопроса о предмете философии права с юридических позиций.

Самым естественным является признание в качестве предмета философии права самого права. Это утверждение абсолютно бесспорное, но само по себе еще не дает никакого представления о специфичности предмета философии права; ведь право является также предметом и общей теории права (теории государства и права). Приведем наиболее типичные определения предмета философии права в контексте юридической постановки вопроса. В своей совокупности они позволяют судить о тех существенных признаках, которые правоведы считают необходимым включить в определение предмета философии права.

Хорошо известный своими работами по философско-правовой проблематике С.С. Алексеев полагает, что «философия права... призвана дать мировоззренческое объяснение права, его смысла и предназначения, обосновать его под углом зрения сути человеческого бытия, существующей в нем системы ценностей»¹¹. Близкое высказанному толкование предмета философии права дает также Ю.Г. Ершов: он рассматривает философию права как «науку о познавательных, ценностных и социальных основах права»¹².

В определениях данного типа в предметную область философии права попадают наиболее общие, общесоциального и мировоззренческого плана, основы права. В сущности, это означает, что предметом философии права является не само право, как бы мы его ни понимали, а то, что определяет его смысл и назначение. В таком случае границы праву задаются не «изнутри», в связи с тем или иным его пониманием, а «извне», через указание на то, что правом не является, но что его обуславливает.

¹¹ Алексеев С.С. Философия права. М., 1997. С. 2.

¹² Ершов Ю.Г. Философия права (материалы лекций). Екатеринбург, 1995. С. 9.

В подобных определениях подчеркнута аксиологическая природа права. Конечно, характеристика права как особого проявления совокупности ценностей общества и человека существенно дополняет нормативистскую характеристику права.

Несколько иное определение предмета философии права дает Ю.В. Тихонравов: «Философия права есть учение о смысле права, т. е. о том, в результате каких универсальных причин и ради каких универсальных целей человек устанавливает право»¹³.

Первое, что следует отметить в этом определении, так это указание на то, что философия права представляет собой не науку, а именно «учение». Такая трактовка имеет, на наш взгляд, принципиальное значение, поскольку учение — это не какой-то специфический вид теоретического исследования или совокупность научных знаний, а то, что может быть выражением глубинного смысла не только научной теории, но и теологического труда, и морального иносказания-притчи. Учение может быть и системой взглядов, и отдельной концептуальной идеей.

Второй важный момент в приведенном суждении заключен в том, что в качестве предмета принимаются универсальные причины и основания права. Такой подход совместим с собственно философским пониманием вопроса, однако он является в некоторой степени двусмысленным и требует осторожности в оценке его плодотворности при определении предмета философии права. Эта двусмысленность состоит в следующем: хотя речь идет об универсальных, всеобщих причинах права, тем не менее по отношению к нему какие-либо цели и причины не могут не выступать в качестве того, что право обуславливает, но еще тем самым не обязательно является им. А это уже требует привлечения научного взгляда на предмет.

И третий момент, который определяет в целом критическое отношение к приведенному определению предмета философии права, — это указание в нем на то, что человек «устанавливает право». Думается, это не философско-правовая, сколько типично юридическая постановка вопроса.

¹³ Тихонравов Ю.В. Основы философии права. М., 1997. С. 46.

Иное понимание предмета философии права дает В.С. Нерсесянц: это «право в его различении и соотношении с законом»¹⁴. Позитивным моментом в приведенном определении является стремление указать на качественное отличие философско-правового подхода от иных подходов к праву, а не просто указание на более широкое понимание права или более широкий круг факторов и условий, которые принимаются философией права во внимание.

Указанное определение полагает, что в круг интересов философии права входит лишь право в той его форме, которая не отождествлена с юридическим законом. Но в этом случае предмет философии права может трактоваться слишком узко, вне связи его с юридическими науками.

Современными западными правоведами проблема предмета философии права решается чаще всего на основе классической западноевропейской философской матрицы. Например, французский правовед Ж.-Л. Бертельс понимает философию права как юридическую метафизику, которая «стремится освободить право от его технического аппарата... отталкиваясь от философии с целью сублимации юридического в метафизическом»¹⁵. Такой подход типичен для юридической мысли в странах с господствующей континентальной системой права: юридическая теория, понимаемая в строгом смысле как теория, описывающая действующее позитивное право, а потому концентрирующаяся на формальной стороне вопросов, противопоставляется философско-правовой теории как содержательной стороне мышления о праве. Следует отметить, что в понимании сущности и предмета философии права европейские правоведы и философы права, как правило, едины.

Можно ли в целом принять такой подход к определению предмета философии права? Нет, поскольку он хотя и предполагает существенное различие философии права и юридической науки, тем не менее придает философии права статус лишь вспомогательной

¹⁴ Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1997. С. 10.

¹⁵ Бертельс Ж.-Л. Общая теория права. М., 2000. С. 19.

дисциплины, дополнительной к юридической науке и лишь философски интерпретирующей ее общие положения.

Стереотип понимания предмета философии права, который выработался в рамках англо-американской философско-правовой и юридической мысли, отражает особенности правовой системы (семьи) общего права, существующей в этих странах. Поскольку там юридическая догматика по своей значимости явно уступает проблемам, непосредственно связанным с действием права, постольку назначение философии права видится исключительно в интеллектуальной интерпретации проблем юриспруденции как совокупности юридической практики. Представители данного теоретического направления считают философией права все, что выходит за пределы формально-юридического описания правовых ситуаций и различных элементов права. Типичным можно считать понимание предмета философии права, выраженное американским ученым С.П. Синхой. По его мнению, философия права рассматривает такие вопросы, как «природа права, сущность справедливости, правонарушение и наказание, права личности и т. д.»¹⁶.

Среди отечественных приверженцев англо-американской философско-правовой мысли можно выделить С.В. Моисеева, который следующим образом обозначает предмет философии права: «Философия права есть применение метода философского анализа к сфере права, критическая рефлексия над основными понятиями и проблемами юриспруденции... Философия права решает как аналитические задачи — логический анализ и прояснение основных юридических понятий, так и нормативные — дает критическую оценку функционирования права, например, обосновывает практику уголовных наказаний»¹⁷.

Итак, мы проанализировали основные подходы к определению предмета философии права в рамках того, что мы называли выше «юридическим подходом».

¹⁶ Синха С.П. Юриспруденция. Философия права. М., 1996. С. 5.

¹⁷ Моисеев С.В. Философия права. Курс лекций. Новосибирск, 2003. С. 7.

Ни один из них нас не удовлетворяет в должной мере, хотя в отдельных своих компонентах каждый представляет определенную ценность. Следует ли из данной оценки вывод, что в целом юридический подход не может быть принят за основу при решении вопроса о том, что такое философия права? Следует. По какой причине юридический подход неверен? Он неверен потому, что в его рамках философия права, осознанно или неосознанно, растворяется в юридической теории; качественная специфика философии права фактически не принимается во внимание; от понятия философии фактически остается только словесная оболочка.

Мы убеждены в том, что философия права — это, конечно, не юридическая, а философская дисциплина. И именно как философия она имеет ценность и значимость для системы юридических наук и органично связана с ними. Она не является результатом предельного (для воображения того или иного ученого) обобщения юридических знаний или мировоззренческой (идеологической) подпоркой положениям юридической теории. Это — знание особого рода, и получаемое, и выражаемое способами, качественно отличными от способов, свойственных юридической теории.

Чтобы убедить в верности наших рассуждений и формируемой на их основе методологической позиции, выясним, во-первых, чем философский подход качественно отличается от юридического. А поскольку в рамках философского подхода также существуют разные методологические позиции, то, во-вторых, необходимо установить последовательно философскую позицию, отвечающую характеру поставленного вопроса. Такая позиция будет принята за основу в определении того, что такое философия права и какое отношение она имеет к юриспруденции.

3. Философия права как часть философии

Хотя словосочетание «философия права» давно устоялось в отечественном научном обороте, однозначным его не назовешь.

Можно выделить четыре основных смысла, обозначаемых словосочетанием «философия права»: а) это часть философии (в том числе и социальной философии); б) это общая методология юридической теории; в) это система программных установок права, его мировоззренческие основания; г) это философствование правового существа. Очевидно, что искомая связь между философией права и юридическими науками будет заметно различаться в зависимости от того, в каком смысле будет трактоваться понятие философии права. Проанализируем указанные четыре смысла.

Понимание философии права как составной части социальной философии, предметом которой выступает право, является весьма распространенным как среди правоведов, так и в философской среде.

Очевидно, что в рамках социальной философии право не может быть единственным или исключительным предметом. Оно является лишь одним из элементов предметной области социальной философии, наряду с моралью, политикой, религией и другими формами общественной жизни.

В рамках понимания философии права как одного из разделов социальной философии право предстает как специфическая форма общественного сознания и элемент (сфера) общественной жизни.

Однако утверждения, что философия права есть часть философии, может иметь и другой смысл, когда под философией понимается не совокупность особого рода суждений о социальной действительности, а особый тип (форма) мышления, специфический способ обнаружения и организации любого мысленного содержания. С профессиональной точки зрения, философское мышление принципиально отлично от научного мышления; все базовые характеристики философского мышления в некотором отношении противоположны характеристикам научного мышления. Конечно, философия не может существовать и развиваться вне связи с наукой, не может не принимать во внимание достижений современной ей науки. Но при этом философия не является простой интерпретацией или обобщением научных знаний; она никогда не была и не может стать наукой в строгом, современном понимании «научности».

Поскольку вопрос о характеристиках философии права (как философии) и юридической науки нами подробно рассмотрен в других работах¹⁸, ограничимся лишь их сопоставлением через простое перечисление некоторых наиболее существенных их свойств.

Цель философии — мировоззренческое отношение к предмету, цель науки — предметная истина; философия — способ духовного бытия человека, наука — когнитивно-практического; философия — рефлексивна; следующая природе и логике самого разума наука объектна, и ее содержание во многом определяется свойствами и закономерностями познаваемых его объектов.

В контексте рассмотрения связи философии права и юридических наук наибольшую важность имеет их различие по характеру аппарата мышления. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

Философия права (как всякая философия) является областью категориального мышления, юридическая наука (как и любая наука) — область понятийного мышления. Конечно, нельзя утверждать, будто философское исследование совсем не связано с понятийным мышлением, а научное исследование возможно в обособленном от категориальной интерпретации виде. В конкретном исследовании эти стили мышления всегда взаимодействуют. Однако смешиваться они не должны.

В чем качественное различие указанных способов мышления? Понятийное мышление объектно; оно образует понятия посредством указания на совокупность некоторых свойств предмета. При этом всякое понятие о предмете охватывает лишь часть его свойств, сколько бы их ни вводилось в содержание понятия.

Понятийное мышление ориентировано на определения предметов мысли как исходный пункт и конечную цель познания. Вне указания на конкретный предел, границу знания никакое понятие о предмете невозможно. Теории, построенные на понятийной основе, как бы сами себя выстраивают, образуя собственную смысловую область, выйти за пределы которой не позволяют уже сложившиеся понятия.

¹⁸ См.: Малахов В.П. Философия права. М., 2002; Малахов В.П. Философия права: Альбом схем. М., 2001.

Понятия могут быть хорошо применимы только к тем или иным частным множествам, к отдельным явлениям. Но понятийное мышление рано или поздно сталкивается с универсальными и при этом идеальными предметами, которые представляют собой нечто принципиально иное, чем простое обобщение. Например, «право как таковое», его идея отнюдь не является результатом суммирования или простого обобщения всех конкретных правовых явлений или существующих систем права. Обращаясь к универсальным идеальным предметам (категориям), понятийное мышление испытывает серьезные трудности.

Категории имеют характер синтетического априори, они изначальны по отношению к любым мыслительным актам, являясь принципами их формообразования. Более того, связь категорий, в противоположность связи между понятиями, зачастую противоречива, поэтому вне диалектики, как логики и метода, она и не может быть осмыслена. Выявление динамики этой системы связей и составляет суть и цель развертывания содержания категориального мышления.

Категориальный строй мысли не связан жестко с определениями как сгустками мыслей о предмете. Смысл категорий обнаруживается и удерживается только в самом акте философствования, а вне его «оседает» в словесные конструкции, уже не полностью адекватные исходному смыслу. Категории выражают внутреннюю структуру любого знания и свидетельствуют о факте обращенности мысли на саму себя. Стало быть, категориальное мышление может быть понято только как способ философской рефлексии.

В каркасе понятийного мышления право всегда выступает определенной формой социальной практики. Описание права в этом аспекте приводит к необходимости искать единое в многообразном, ведет к утверждению сущности права как эссенции правовой реальности. Единое понимается при этом как равное сущности. В каркасе категориального мышления право есть одна из внутренних форм самого мышления. Многообразное содержание права есть следствие утверждения сущности права в ее конкретности. Эмпирически единое при этом может быть не только тождественно, а даже противоположно сущности.

Для установления связи философии права и юридической науки необходимо также раскрыть различия в характеристиках их предметности.

Для науки любой степени общности и объект, и предмет всегда являются фрагментом, сферой, областью, частью, стороной и т. п. реальности, выделенным из этой реальности. Предметом мысли всегда выступает что-то конкретное, будь то вещь, явление, свойство, связь, отличенные в реальности от всего остального, мысленно обособленные от других явлений, вещей и т. д. Существенность этого фрагмента обнаруживается посредством выявления закономерности и необходимости его существования. Для юридической науки в целом таким предметом является право как форма, сфера, явление жизни человека в его реальных проявлениях.

Для философии объектом выступает реальность как таковая, действительность в полном объеме, а потому она имеет дело с такими предметами, которые являются не просто идеальными, но и содержат всеобщие характеристики реальности. Философия схватывает любой предмет в его органической связанности с другими предметами. Для философского размышления предмет предстает не просто как фрагмент реальности, а как ее сгусток, «олицетворение», средоточие, как бы реальность вообще, представленная в своей содержательной конкретности.

Философия выражает свой предмет как универсальный, т. е. узнаваемый во всем и потому не связанный в отдельности ни с чем. Содержание философской мысли и предметно, и внепредметно. Философия видит всеобщее, целое в единичном, а единичное понимает как момент всеобщего и его наличность; она видит всеобщее и единичное в их неразрывности, что можно достичь только в напряженном акте философствования. Вне этого акта как всеобщее, так и единичное есть лишь абстрактные стороны реальности.

Наконец, существует принципиальное различие между предметом философии права и юридической науки в их, так сказать, категориальном выражении.

Если исходить из понимания философии права в строгом значении слова «философия», тогда ее искомым предметом будет, конечно, бытие права. Категория бы-

тия есть та узловая смысловая единица, которая, с одной стороны, позволяет сформировать понимание права в предельной глубине, а с другой стороны, предоставляет возможность принципиально различить философское и нефилософское видение права.

Для того чтобы понять качественную особенность предмета философии права, необходимо различить бытие и существование в собственно философском смысле.

Существование можно представить как «имение» вещью места, как явленность вещи и как ее наличность. Это значит, во-первых, что существование вещи есть конкретность не только ее содержания — оно всегда конкретно, — но и формы. Это значит, во-вторых, что в своем существовании вещь всегда не просто явление, — ибо за явлением всегда кроется сущность (явление существенно), — а видимость, т. е. то, в чем существенное и несущественное «спаяны» не необходимым образом. И это значит, в-третьих, что существование вещи определено, т. е. ограничено и конечно.

Исходя из общей идеи противопоставленности бытия и существования, мы должны, видимо, сказать, во-первых, что бытие есть неконкретность формы, т. е. ее всеобщность и всеобъемлемость, а значит — ее единственность. Мы должны сказать, во-вторых, что бытие вещи есть ее сущность как идеи. И мы должны указать, в-третьих, на неопределенность, неограниченность, на бесконечность бытия вещи.

Категория бытия в философии обнаруживается и исследуется в диалектической связи с категорией «ничто», с тем, что снимается существованием. Если мы начнем свои рассуждения с «ничто», тогда окажется, что бытие — лишь позитивность вообще, безотносительно к чему-либо конкретному. А если это так, тогда бытие должно пониматься только как всеобщее условие существования вещей, как горизонт существования всего, о чем мы только в состоянии говорить.

Каким же образом мы, в таком случае, можем что-либо высказать о бытии права? Разумеется, такие суждения, как: «Бытие права — это качественно определенное бытие формального равенства, которое...

идентично справедливости»¹⁹ — ничего не говорят о том, что такое бытие права, но указывают лишь на то, каким оно может быть.

Если мы ставим вопрос: «Что мы можем знать о бытии и как можем его понимать?», — тогда бытие предстает перед нами как непонятное. Но «сама задача исследования мира как непонятого впервые появляется с философией»²⁰. Таким образом, проблема бытия права с необходимостью предстает как проблема понимания. Философия немыслима вне предположения принципиальной исходной скоординированности, внутренней связанности бытия и мышления о бытии. Законы бытия и законы мышления должны приниматься как тождественные, иначе интеллектуального выхода в познавательную ситуацию не будет, и философский подход к предмету окажется невозможным²¹.

Обращение к предельным абстракциям в постановке проблемы представляется принципиальным потому, что мы должны выйти на уровень философии права как специфической формы духовного бытия человека, а не полагать, что философия права — это лишь более высокий уровень обобщений в сравнении с юридической теорией.

Таким образом, если исходить из понимания философии права как части философии, тогда о связи между ней и юридической наукой можно сказать следующее. Философия права и юридическая наука предстают как противоположные типы понимания права: философское понимание строится на категориальном осмыслении права в его бытии, а значит — в его универсальности; юридическое понимание строится на основе отражения действующего права в его особенности (как формы общественной жизни) и конкретности (содержательно).

Можно ли понять право в его особенности и конкретности без обращения к его универсальным харак-

¹⁹ Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1997. С. 43.

²⁰ Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. М., 1999. С. 20.

²¹ Разумеется, данное утверждение вовсе не равно утверждению о тождестве законов природы, общества и человеческого мышления. Последние, как давно известно, значимо различны.

теристикам? Представляется верным ответить так. Философско-правовое понимание феномена права, несомненно, в состоянии оказать влияние и на сам ход его научного исследования, и на его юридическое понимание. Но это влияние скорее опосредованное, чем непосредственное; философско-правовой взгляд на предмет выступает лишь своеобразным смысловым фоном, на котором разворачивается содержание юридической науки, его общекультурным контекстом.

4. Философия права как методология

Понимание философии права как той части философии или части общей теории права, которая сконцентрирована исключительно на решении проблем методологии, весьма распространено²². Такое понимание философии права, скорее всего, своими корнями уходит в толкование философии как «царицы наук». Из сказанного вовсе не следует, что философия права не имеет своим предметом методологию познания, так или иначе связанную с юридической наукой. Напротив, данная задача является одной из основных для философии права. Философия права по самому своему существу — совокупность допущений, которые делают возможным понимание самого права, задают горизонт видения всей жизни человека, а потому имеют методологический смысл.

Вне существующей методологии — юридической ли, философско-правовой или иной — невозможно даже поставить вопрос о понятии права. Однако нам важно не просто констатировать давно признанный статус философии, а определить, в чем суть философско-правовой методологии, и установить ее связь с конкретной методологией научного познания, являющейся основой организации юридического знания.

Какова же связь философии права и юридических наук, если принять за основу понимание философии права как методологии; совместимы они или нет в данном аспекте? Чтобы ответить на этот вопрос, не-

²² См. об этом, например: *История философии права*. СПб., 2000. С. 7.; Керимов Д.А. *Методология права*. М., 2000.

обходимо: а) адекватно выразить понятие методологии; б) определить связь методологии с характером предмета теории.

а) Типичным является понимание методологии как совокупности методов и средств изучения той или иной наукой вопросов возникновения, функционирования и развития определенных явлений, а также принципы, лежащие в основе изучения, и общий подход к выделенному теорией социальному явлению.

Такое понимание методологии следует признать слишком узким, потому что оно не в состоянии отразить и обеспечить весь процесс духовного освоения природной и социальной реальности; оно не позволяет увидеть действительный потенциал различных форм познания и организации содержания наших знаний в реальном исследовательском процессе.

Мы придерживаемся иного подхода к проблеме методологии, который позволяет не только качественно изменить содержание самого понятия методологии, но и переосмыслить ее роль в познавательном процессе? Этот смысл понятия методологии связан с указанием на систему познавательных установок и механизмов, способствующих постижению конкретного предмета познания и непосредственно осуществляющих это постижение в соответствии со спецификой предмета и целями познания. При таком понимании методологии ее содержание существенно превышает совокупность методов и средств познания или организации познания. Предметом методологии как специфической области теоретического исследования должно быть все, что имеет то или иное методологическое значение. Методологическим же значением обладает все то, что позволяет реализовать наш познавательный интерес и достигать поставленные цели, а также то, что способно организовать исследовательский процесс сообразно избранному предмету и корректировать его всякий раз, как только это окажется необходимым.

Методологическое значение имеет, помимо принципов, методов и средств познания, следующее: система сложившихся знаний о предмете; понимание природы той формы постижения предмета, которая положена в основу конкретного исследования; концептуальные идеи, т. е. исходные суждения о предмете,

программные предположения, предвосхищения; концептуальные модели как системы концептуальных идей, которые задают идеальную конструкцию предмета (процесса, области деятельности, элемента реальности, познавательного процесса и т. п.); парадигмы; концепты, т. е. исходные понятия, задающие смысловой каркас познания, его интенцию и являющиеся символами и рационализациями основополагающих идей²³.

Таким образом, в методологии следует выделять три блока элементов: блок логики, концептуальных идей и концептов теории; блок принципов и блок методов познания. Элементы первого блока связаны с определением горизонтов познания; элементы второго блока связаны с организацией конкретного познавательного процесса; элементы третьего блока обеспечивают раскрытие и теоретическое отражение содержания выделенной предметной области.

б) Неразрывность предмета и метода (методологии) очевидна. Поиск методов побуждается идеей предмета (например, идеей права); саму же эту идею невозможно проявить вне соответствующего метода.

Характер связи предмета и метода зависит от того, с какой теорией мы имеем дело. Любая научная теория обращена к реальности, связана с объективно существующим предметом, порождается им. Поэтому в науке предмет первичен по отношению к ее методу.

Для философии вопрос о первичности предмета или метода несуществен, ибо ее предмет и существует до размышления о нем (но существует как бы вообще, неспецифично), и появляется в самом акте размышления. Если для науки вопрос о методологии является, по существу, вопросом о рациональных основаниях применения тех или иных методов в соответствии с определенным предметом, то философия сама в целом выступает методологией.

Для научной теории конструирование предмета сопряжено лишь с организацией его содержания определенным для каждой конкретной науки образом; для философии конструирование предмета предстает ак-

²³ Подробнее об этом см.: Малахов В.П. Философия права М., 2002.

том его творения, организацией его содержания по замыслу субъекта, как бы объективируя мысль. В этой объективации заключается глубинный смысл философствования о предмете.

Адекватной является такая методология, которая не просто позволяет исследовать предмет и согласовывать результаты познания с исходными идеями, но и помогает выражать своеобразие самого предмета, своеобразие стратегии его познавания и конструирования. Так, принцип историзма неспецифичен для философии права, это скорее требование социологии и истории права, а потому собственно философско-правового понимания права не даст.

С другой стороны, представляется несомненным, что диалектика, будучи специфически философским методом, не может непосредственно применяться в любой нефилософской теории. Исключения не составляет и юридическая теория.

Диалектика является методом выражения и самоосуществления универсальных характеристик бытия в целом. Как только предмет размышления начинает выступать в своей особенности, философский анализ становится не только благим пожеланием, но и неадекватной, ошибочной установкой.

Следует отметить, что в самой философии неадекватными будут любые методы и принципы, построенные на основе отождествления идеи предмета, явления, процесса с конкретным предметом, явлением, процессом. Можно сколь угодно детально изучать право конкретных народов, право в отдельных странах, на разных этапах их развития; можно набрать огромный фактический материал о правовой жизни людей — и так и не прийти к такой идее права, которая стала бы синтезирующим началом этой фактологии, придающим правовой смысл каждому отдельному факту, событию, процессу.

Таким образом, если понимать философию права как методологию, в таком случае ее действительным предметом оказывается методология постижения права в его бытии. При таком условии перед философией права возникают две узловые задачи. Первая из них — поиск, описание и приведение в действие методологии, позволяющей дать адекватный взгляд на бытие

права. Вторая из них — поиск, описание и приведение в действие методологии, способной обеспечить связь философской методологии с общенаучной методологией, лежащей в основе правовой теории, поскольку бытие и существование права диалектически связаны.

Однако следует заметить, что хотя отрицать важность углубления связанности философии права и юридической теории в их методологической обеспеченности нельзя, при этом все-таки следует видеть и сохранять качественную определенность каждого из подходов к феномену права. Поэтому связь философской методологии и методологии юридических наук относится к одной из трудных «диалектических» проблем.

На первый взгляд может показаться, что философская и юридическая методологии различаются как общее и частное. Но философия права — не теория права, т. е. и не описание, хотя бы и всестороннее, феномена права, и не обобщающие или абстрактные (идеализирующие) рассуждения о праве; она представляет собой выяснение и выражение совокупности познавательных и вообще интеллектуальных условий понимания права. Поэтому вернее говорить о противоположности философской и юридической (общенаучной и тем более — частнонаучной) методологии. Философия права не представляет собой сосредоточения методологии юридического познания; она задает предельную (для юридической теории, конечно) глубину понимания всего массива юридической проблематики, позволяет определить любые положения юридической теории как частные случаи в постижении феномена права, что непосредственно влияет на мировоззренческую базу юридического мышления о праве.

Философия права имеет дело с правом в идее, потому и в состоянии сказать нечто о природе и сущности права вообще. Наука же имеет дело с правом в действительности, в конкретности, в эмпирической выраженности, а потому суждения о праве «вообще», о его сущности «вообще», даже об условиях возникновения «вообще» не имеют достаточных оснований в той методологии, которая адекватна научному взгляду на предмет.

Таким образом, в рассмотренном аспекте понимание философии права как его методологии не может

быть принято в полной мере, потому что, во-первых, оно оставляет возможность проводить между философией права и юридической наукой только «количественное» различие по принципу «общее — частное»; во-вторых, оно оставляет вне поля зрения ту часть философской методологии, которая принципиально отлична от конкретно-научной методологии.

Подводя итог, можно сказать, что в контексте рассмотренного понимания целесообразно говорить не о философии права, а о *философско-правовой методологии* понимания (познания, постижения) права.

■ 5. Философия права как система ценностных установок

Понимание философии права как мировоззренческого основания права, совокупности программных установок конкретной правовой системы отражает весьма важную ее сторону: оно связано с констатацией фактической включенности правовых идей и установок в содержание практической жизни людей.

Право нельзя построить только на науке. Только система ценностных, идейных координат позволяет праву существовать как форме человеческой жизни, а не как чисто технической процедуре. Всякое действующее право, в каких бы формах оно ни обнаруживалось, каково бы ни было сочетание этих форм, имеет свою собственную философию. Философия права — это исчерпывающая доктрина правовой жизни общества, но в особенности — правовой жизни человека.

Приняв философию права в качестве системы программных установок действительного права, мы с необходимостью должны признать предметом философии социальную реальность, взятую в трех аспектах: во-первых, в аксиологическом аспекте, т. е. посредством выявления, описания и идеологического кодирования общезначимых ценностей общества или определенных социальных групп; во-вторых, в телеологическом аспекте, посредством выявления, описания и идейного обоснования связанности социальных целей; в-третьих, в праксеологическом аспекте, посредством выявления, описания и предписания оптимального и целесообраз-

ного инструментария действия людей в социальной реальности. При этом центральным моментом неизбежно оказываются принципы, характер и формы связи права с другими формами общественной жизни людей.

Иными словами, социальная реальность в рассматриваемом здесь значении понятия философии права выступает иначе, чем она представлена научному взгляду, т. е. не в эмпирии, не в наглядности; точно так же она выступает здесь иначе, чем представлена юридическому мышлению (т. е. не как догма права). Она предстает как свидетельство реализованности определенных правовых ценностей, некоторое оптимальное состояние общественной жизни, синтезированное в правопорядке (понимаемом, разумеется, не в узкоюридическом, а в широком социально-философском смысле); она предстает как условие, основание разворачивания идеальной модели права в действительности общественных отношений.

Поскольку философия права может быть связана с осмыслением и внедрением в общественную практику идеалов, ценностных ориентаций, она, как справедливо заключает, например, О.Э. Лейст, «не наука, а идеология, стремящаяся опереться на научное основание и обоснование»²⁴. Философия права становится центральным элементом правовой идеологии как составной части политики определенных социальных групп и слоев. Это с одной стороны.

С другой стороны, философия права предстает в качестве учения или составной части конкретного правового учения, которые опосредованно «присутствуют» в мотивации, целеопределении правовой жизни и, чаще всего, могут быть выделены из единого мотивационного потока.

И для философско-правовой, и для теоретико-правовой мысли право выступает формой утверждения системы социальных целей, ценностей, идей. Но эти цели, ценности и идеи имеют в рамках философско-правовой и теоретико-правовой мысли существенно разные формы существования и выражения.

²⁴ Лейст О.Э. Сущность права. М., 2002. С. 222.

Таким образом, поскольку юридические науки всегда имеют идеологический компонент, постольку в рассматриваемом аспекте философия права предстает как мировоззренческое основание юридической науки. Причем содержание философии права является не общим смысловым фоном содержания юридической науки, а непосредственной (идейной, идеологической) составляющей юридической теории.

Так как в контексте рассматриваемого понимания смысла философии права речь идет не об условиях и принципах выяснения сущности и природы феномена права, а о глубинной социальной мотивации правовой (в том числе, и юридически оформленной) практики, поэтому можно утверждать, что слово «философия» здесь употребляется в особом смысле. Наиболее удачным обозначением указанного понимания будет словосочетание «*правовая философия*», а не «философия права».

■ 6. Философия права как философствование правового существа

Г.В.Ф. Гегель считал задачей философии права постижение мыслей, лежащих в основе права²⁵. Утверждение всеобъемлющее и совершенно верное. Но каковы условия, при которых становится возможным постижение этих мыслей; что позволяет считать, что они постигнуты; как обратить их в содержание действующего права? Попытаемся дать свои ответы на эти вопросы.

Первое. Точкой опоры всякого философствования (всякой философии) является человек с присущими ему по его природе способностями к духовному освоению окружающего мира и самого себя, к преобразению многообразного содержания своей мысли во всеобъемлющий взгляд на мир, во все объясняющий принцип. Точкой опоры философствования о праве является правовое существо, как человек, бытующий в сетке координат правовой реальности и перестающий быть

полноценным человеком, как только он за пределы этой сетки выходит. Правовое существо (или правовая сущность человека) должно приниматься как данность, и только в этом случае право оказывается полностью пронцаемым для познания, его существование — полностью объясненным. Точно так же и право как бытие правового существа в его безусловности не может быть определено через то, чем оно является и потому — обусловлено²⁶.

Второе. В философском смысле право и сознание права принципиально не разнятся. Все, что может быть отнесено к праву как к реальности (к правовой жизни) — все его элементы, стороны, связи, отношения, закономерности, действия и т. д., — одновременно предстает и как содержание сознания права (правосознания). Право есть исходная интенция правосознания. Правосознание находит право, т. е. находит то, что в состоянии найти и хочет найти.

Обращение не к реальности, а к правосознанию как к тому, что действительно исследуется не опосредованно (как реальность), а непосредственно и адекватно, будет наиболее правильным в философском смысле. И философия права должна указать условия, позволяющие постичь правосознание, а также указать условия перехода от сознания к реальности.

Третье. Логичным будет утверждать: если мы хотим проявить сущность права во всей ее полноте, то единственным адекватным данной цели путем будет *философствование самого правосознания*. Философия права должна мыслиться как процесс, суть которого состоит в рефлексии правосознания. Делая акцент на понимании философии права как философской рефлексии правосознания, мы самым естественным образом должны в качестве единственного всеобъемлющего предмета принимать само правосознание, взятое с точки зрения его природы и логики, а затем — с точки зрения содержания и сущности. Правосознание интересует философию права не в его отражательной способности, более или менее подробно раскрытой в отечественной социально-философской и правовой тео-

²⁶ Подробнее см. об этом: Малахов В.П. Философия права. М., 2002.

рии, а в качестве духовного бытия права. Это значит, что проблема правосознания становится всеобъемлющей; ее изучение способно дать глубинное знание о праве и как о феномене, и как об идее.

Рефлексия правосознания как саморазвертывание не только его содержания, но и его потенциалов (логики) позволяет получить взгляд на право как бы «изнутри» его оболочки. Тогда, раздвигая эту границу изнутри, мы лишь обогащаем свое понимание права. Находясь «вне» права, не идентифицируя себя с ним, мы лишь уменьшаем свои возможности понимания права, мысленно раздвигая его границы.

Философия права есть развертывание высших уровней правосознания. Она должна пониматься как продукт мысли по логике самого правосознания и, стало быть, выражать свою позицию в адекватной правосознанию категориальной форме.

И четвертое. Решить задачу формирования философии права можно, только актуализируя правосознание (приводя его в действие). Сложившаяся философия права призвана пробудить рефлексивность правосознания и выразить ее результаты адекватным образом.

В свете изложенного понимания смысла и особенности философии права можно высказать ряд соображений относительно ее связанности с общей теорией права.

Правосознание, само не являясь научным, способно задавать научному мышлению ценностные установки, интеллектуально-духовные парадигмы. Можем ли мы, исходя из этого, сказать, что эти ценностные установки и духовные парадигмы закладываются в основу общей теории права как науки? Положительный ответ будет верен только отчасти, потому что, во-первых, эти установки и парадигмы действуют лишь в каркасе логики правосознания. Сказать же, что общая теория права разворачивается на базе логики правосознания — значит, фактически утверждать, что философско-правовой и теоретико-правовой взгляды на право качественных различий не имеют. А это не так.

Во-вторых, хотя общая теория права и разворачивается как система научных знаний, а значит, подчинена логике научного познания, тем не менее базовые положения и идеи, т. е. содержательная основа юридической

теории права, формируются в каркасе иной формы общественного сознания и потому иной логики, а именно — в каркасе логики политического сознания. Сказанное отражает не природу общей теории права, а исторически сложившийся факт, состоящий в том, что юридическая теория права всегда, по сути, обращена к узаконенному праву как элементу политической организации общества. Юридическое мышление имеет своим предметом именно такое право. Не случайно и для политологов, и для большинства юристов право неразрывно связано с государством и может быть понято только через эту связь. Стало быть, в своем предельном выражении право предстает как продукт рефлексии политического сознания.

Качественное различие логик политического и правового сознания обычно не замечается, а потому возможности их взаимосвязи в отражении феномена права не являются предметом теоретического осмысления. Их различия оказываются неуловимыми прежде всего, потому, что достаточно не осознан факт базирования политического и правового сознания на качественно различных идеях. На наш взгляд, например, идея естественных прав человека является очевидным продуктом мысли в контексте логики правосознания. Идея же ложности утверждений о естественных правах человека, скорее всего, существует в контексте логики политического сознания. Идея неразрывности государства и права, несомненно, согласуется с логикой политического сознания. Определение права как воли господствующего класса, возведенного в закон, носит явно политический характер. Понимание же права как института гражданского общества, призванного защищать граждан от произвола государства, свойственно собственно правовому отражению социальной реальности (по крайней мере, в его классической форме).

Исходя из сказанного, можно утверждать, что взаимосвязь философии права и общей теории права определяется тем, насколько совместимы логики и базовые идеи правового и политического сознания в отражении феномена права. И эта совместимость определена далеко не только сущностными характеристиками данных форм общественного сознания, но, в весь-

ма значительной мере, — особенностями той или иной правовой и политической культуры. Так, представляется достаточно очевидным, что в отечественной юриспруденции правосознание в его рефлексирующей способности не представляет особого интереса, поскольку в юридической практике правосознание не является определяющим фактором. Для западной же юридической теории, особенно в рамках правовой культуры, сложившейся вследствие господства англо-саксонской правовой системы, оно гораздо значимее, поскольку актуализация правосознания — необходимый компонент юридической практики.

Однако нет сомнений, что успешно решить современную задачу преодоления ограниченностей нормативистского, юридико-позитивистского понимания природы и сущности права, сложившегося в отечественной юридической науке, можно только в том случае, если удастся органично соединить изучение и описание правовой реальности с постижением внутреннего строения и узловых механизмов бытия права в его духовной ипостаси, т. е. в правосознании.

Рассмотренное понимание философии права имеет ряд преимуществ в сравнении с другими тремя аспектами. Главное — оно позволяет преодолеть недостатки, выявленные при рассмотрении других аспектов рассматриваемого понятия.

Прежде всего, такое понимание является выражением последовательно философского подхода. Далее, оно предполагает такую конкретизацию философствования как способа духовной деятельности человека, которая полностью и ясно определена связанностью с феноменом права. Наконец, оно создает основу для синтезирования всех существенных моментов, характерных для рассмотренных выше вариантов понимания философии права. По нашему убеждению, повторим, только при таком подходе мы можем получить адекватный и всеобъемлющий взгляд на право.

Из сказанного становится ясным, что и в данном случае философия права и юридические науки в целом предстают как качественно различные, диалектически противоположные подходы к исследованию и пониманию права. Тем не менее значимость философско-правового взгляда на предмет при формировании

теоретико-юридической позиции здесь гораздо существеннее; их связь, как было показано, подчинена той же логике, какой подчинены различные формы общественного сознания (в нашем случае это правосознание и политическое сознание).

В рассмотренном аспекте философия права, в сущности, предстает как *философия правосознания*.

7. Предмет философии права

Итак, можно сделать вывод, что предмет философии права имеет сложное строение, та или иная сторона которого выступает на первый план в зависимости от избираемого контекста понимания самой философии права. Разумеется, все эти контексты, как показывает анализ, взаимно совместимы.

Но каков характер этой совместимости, определяющий структуру предмета, а стало быть, — и возможность выработать некоторую синтезирующую все выделенные стороны мысль? Представляется достаточно очевидным, что определяющую роль в структуре предмета играет связанность бытия права с пониманием и выражением его в смысловом каркасе правосознания. Тем самым, бытие права предстает как в своей материальности, так и в своей духовности. А если это так, тогда мы с полным основанием можем утверждать, что подлинным и синтезирующим все выделяемые аспекты предметом философии права должен стать сам акт философствования о праве, т. е., с одной стороны, его природа, а с другой стороны, условия его актуализации. Если быть предельно точным, то предметом философии права должно стать *духовное бытие правового существа*.

Различение контекстов единого предмета важно также потому, что оно позволяет достаточно точно определить возможности и пределы того или иного подхода к праву, взятого в отдельности от других подходов. Так, отождествление предмета философии права с бытием права фактически приравнивает философию права к онтологии и приводит, в конечном счете, к растворению специфики философско-правовой методологии в общей социально-философской методологии.

Отождествление же предмета философии права с методологией делает философию права трудно отличимой от философской теории познания.

Таким образом, найдено такое понимание сущности и предмета философии права, которое отвечает всем значимым для нас критериям. И искомая связь философии права и юридических наук будет далее определяться именно при условии понимания философии права как философской рефлексии правосознания.

■ 8. Юриспруденция

На основании сказанного уже получено представление о том, что такое юридическая наука. Но мы говорили о юридической науке в целом, не обращая внимания на ее внутреннюю структурированность и неоднородность; в рассуждениях фигурировала лишь одна из юридических наук — общая теория права (теория государства и права). Однако искомый ответ на поставленный вопрос невозможно получить, если не обращать внимания на составные элементы и структуру системы юридических наук, не учитывать того, что эти элементы весьма разнохарактерны и сводимы к «общему знаменателю» только путем крайне абстрактных, бессодержательных рассуждений.

Теперь настало время выяснить, что составляет систему юридических наук: ведь мы должны найти место философии права именно в *системе* (или в совокупности) юридических наук или по отношению к ней.

Отечественные праведы единодушно относят к юридическим все те науки, которые имеют, прямо или косвенно, общий объект исследования — право. При этом в системе юридических наук выделяются три блока: 1) базовые юридические науки — общая теория права (или теория государства и права), история отечественного и зарубежного государства и права, история правовых учений, сравнительное правоведение и др.; 2) отраслевые юридические науки — конституционное, уголовное, гражданское, административное и т. д. право; 3) специальные, так называемые

технико-прикладные науки — криминалистика, судебная медицина, бухгалтерский учет и аудит, судебная статистика и т. д. Иными словами, систему юридических наук определяет структура наук разного уровня общности: первая группа наук имеет своим предметом право в целом, вторая группа имеет своим предметом право в определенных видах (отраслях или институтах), третья группа связана с обеспечением права в отдельных его проявлениях, не связанных с его нормативно-регулятивным или ценностным строем.

Возникает три вопроса: во-первых, следует ли считать, что систему теорий, дающих то или иное знание о праве, формирующих понимание права в целом, исчерпывают науки в точном, строгом и прямом смысле этого слова; во-вторых, всякие ли элементы рассматриваемой системы представляют собой науку в строгом смысле слова, и не искажает ли такой подход понимание предмета и методологии некоторых юридических теорий; в-третьих, вправе ли мы ограничивать изучение права и понимание права лишь научным подходом и научным знанием. Все три ответа — отрицательные, из чего следует, что нам необходимо выявить и охарактеризовать более общую систему познания (постижения) и выражения феномена права и процессов, непосредственно или опосредованно связанных с ним, чем указанная выше система юридических наук.

Есть три понятия, посредством которых ученые выражают мысль о совокупности теоретических и прикладных знаний, отражающих право как свой общий объект: юридическая наука (в собирательном смысле), правоведение и юриспруденция. Эти понятия не являются синонимами.

Содержанием понятия «юридическая наука» является вся совокупность юридических наук. Если при этом слово «наука» подразумевается в точном, строгом, прямом смысле, тогда понятие «юридическая наука» не может обозначать искомую общую систему; если же слово «наука» здесь присутствует в расширительном толковании, тогда оно неоправданно вводит нас в заблуждение.

Есть разные точки зрения на содержание понятия «правоведение»: одни считают, что оно равнозначно понятию юридической науки; другие полагают, что

правоведение является результатом обобщения знаний, полученных в рамках более конкретных юридических наук; третьи принимают понятие правоведения просто как перевод латинского слова «jurisprudentia». Но качественных отличий этого понятия от понятия юридической науки не наблюдается. Понятием «правоведение» фактически охватываются общая теория права (или теория государства и права) и традиционно основные отраслевые науки.

Понятие «юриспруденция» употребляется в нескольких смыслах: и как система научных знаний о праве и государстве (правоведение), и как научно обоснованная правовая система, и как профессиональная деятельность юристов, и как философия права (понимание, характерное для английских и американских юристов). Нам нет нужды специально изучать аргументацию в пользу того или иного понимания; в рамках нашей основной проблемы достаточно знать, что этим понятием охватывается нечто большее, чем простая совокупность юридических наук. При этом важно отметить, что понятием «юриспруденция» обычно охватываются лишь те юридические науки, которые непосредственно имеют своим предметом право в целом или его определенные формы и виды, а не отдельные стороны действия права или моменты практики, не определяющие свойств самого права, но связанные с ними. Иными словами, не следует считать частями юриспруденции технико-прикладные науки.

В силу сказанного понятие юриспруденции лучше всего может обозначить искомую предельно общую систему теорий, дающих знание и понимание права во всем многообразии его сторон и проявлений. По крайней мере, оно вполне допускает расширительное толкование. То значение понятия юриспруденции, которое мы считаем наиболее верным, будет сформулировано позже.

Раскрывая связь юридических наук разных степеней общности, необходимо отметить, что не следует приравнивать вопрос о связи понятийного аппарата и методологий наук с вопросом о взаимовлиянии систем знаний разных наук, о формировании на их базе некоего целостного воззрения на предмет, который не является предметом ни одной отдельной науки, в том

числе и общей для круга родственных наук (в нашем случае это — общая теория права).

Связь наук, образуемая сходными предметами и методологиями, выражается, во-первых, во влиянии результатов познания, полученных в рамках одной науки, на постановку познавательных задач и уточнение элементов своих понятий о своем предмете другой науки, а во-вторых, испробованием применения тех или иных методик (или методологий) к своему предмету. Различия по степени общности вовсе не имеют следствием то, что более общие науки вбирают в себя без остатка более конкретные, а более конкретные берут в готовом и непеработанном виде понятия более общих наук.

Более подробно анализировать характер и предметы юридических наук разных уровней нет нужды по двум причинам: во-первых, их перечни и общую характеристику можно найти в любом учебнике по общей теории права, во-вторых, это не входит в круг поставленных нами задач.

Сказанное о совокупности юридических наук, входящих в юриспруденцию, уже позволяет дать вполне определенный ответ на вопрос об их связи с философией права, принятой нами в смысле философской рефлексии правосознания.

Конкретизируем данный вывод.

9. Философия права в системе юридических наук

1. Основное значение имеет, конечно, установление связи *философии права с общеправовой теорией*. Она является ключевой в изучаемой связи юридических наук и философии права.

Среди наук, обращенных к праву в целом, общей теории права (или теории государства и права) принадлежит особое место. По ходу изложения мы неоднократно обращались к характеристике общей теории права. В частности, мы установили, что с незначительными вариациями эта теория понимается отечественными правоведами как совокупность знаний о наиболее общих закономерностях, сторонах, свойствах права (и государ-

ства), его становления и последующего развития, о современных формах его проявления и взаимодействия с государством. К уже сказанному необходимо добавить следующее.

Общая теория права качественно отличается от всех других юридических наук. Во-первых, ее базовые смысловые единицы — право, правоотношение, правовая норма, правовая оценка, система права, правовая система и т. п. — не имеют непосредственных предметных воплощений: нет права вообще, правоотношения вообще, правовой нормы вообще и т. д. Поэтому они могут рассматриваться не только в понятийном, но и в категориальном ряду. И это — не просто смена наименований, а указание на совершенно иной уровень (точнее — принцип) теоретического анализа в рамках правовой теории. Другое дело, что в общей теории права категориальный анализ пока не развит, категориальный аппарат в должной мере не разрабатывается. Наличествует только понятийный уровень, такой же, который свойствен и любой конкретной юридической науке. В конкретных же юридических науках понятийный аппарат носит исключительно предметный характер, а категориальный аппарат отсутствует «по определению».

При этом нелишне повторить, что содержанием общей теории права не являются понятия, выступающие простым итогом обобщений содержания конкретных наук. Если бы это было так, тогда общая теория права не могла бы считаться фундаментальной теорией, выполняющей мировоззренческую и методологическую функции по отношению к конкретным юридическим наукам. Но ее предмет составляет не единство всех форм и видов права в их понятии и действительности, а то, что придает им единство.

Во-вторых, ее предмет составляет не только реальное право, но и то, что противостоит реальному праву как его сущность, как идеальная модель права (но не идея права); ее предмет составляет то, что выступает как постоянно меняющееся и внутренне противоречивое единство идеальной (оптимальной) и действительной правовой жизни. Тем самым общая теория права представляет собой единство двух компонентов: науки, относящейся к действительному и действующему пра-

ву, и учения как системы установок на определенные ценности, нормальные состояния, идеологию и пр.

Исходя из сказанного, видно, что связь философии права и общеправовой теории неоднозначна; она обусловлена характеристиками как философии права, так и общеправовой теории.

Прежде всего философия права и общая теория права *качественно различны*.

Во-первых, юридическая теория имеет своим предметом отчужденное право, поскольку исходным пунктом анализа для нее является не субъект, а социальная реальность. Поэтому право предстает для нее как социальный институт, а не как универсальная характеристика социального и индивидуального бытия. Более того, юридическая наука имеет дело не с эмпирической реальностью, а с реальностью правовых установлений. Философия же права имеет дело с реальностью субъективного, т. е. с реальностью человека, одухотворенного моралью и одушевленного правом, а не с реальностью, противопоставленной субъективности (с объективностью).

Во-вторых, для философии права источником права является субъект, и право предстает как имманентное свойство человека. В обществе нет ничего принципиально отличного от человека и существующего помимо него. Поэтому, только говоря о праве как свойстве человека (субъекта), мы в состоянии уловить право в его объективированных формах. Для юридической же теории право субъекта может быть понято только как следствие определенной совокупности общественных процессов.

В-третьих, философия права говорит о праве, его понимании и существовании как о феномене общественной культуры, а юридическая теория говорит о праве как о средстве, с помощью которого человек соотносится с некоторыми требованиями, продиктованными обществом.

Есть все основания утверждать, что, с одной стороны, философское понятие права не может и не должно быть исходным понятием общеправовой теории; из философского понятия о праве нельзя развернуть систему научных понятий юридической теории. С другой стороны, юридическое понятие о праве, как и любое иное нефилософское понятие о праве, не может и не

должно рассматриваться в качестве материала для философских обобщений.

Но в то же время философия права и общеправовая теория находятся в *органичном единстве*, потому что ими решается, по сути, одна и та же задача. Особенно это очевидно, когда мы принимаем во внимание, что каждая из них является особенным типом учения о праве: будучи учением, общая теория права может быть представлена как идейная, мировоззренческая программа действительного права; будучи учением, философия права дает предельно широкое понимание природы и сущности права как феномена человеческой жизни.

Но связь философии права и общеправовой теории значима и в более широком смысле. Речь идет о том влиянии, которое оказывает и должна оказывать философия права на развитие юридической теории.

Связь с философией права позволяет общеправовой теории обнаруживать и постоянно удерживать в зоне внимания то, что юридическое понятие права ориентировано на конкретность предмета, что оно является ограниченным, т. е. примененным к решению вполне определенного и исчерпывающего круга задач. Философия права в состоянии помочь общеправовой теории осознать принципиальную фрагментарность ее понимания права. Такая установка обязательно положительно скажется на результатах последовательного и корректного юридического анализа. Философия права помогает связать право с действием системы условий и факторов, присущих социальной реальности во всем ее объеме, в ее целостности. При этом общая теория права не должна считать научные методы познания и результаты научного познания самодостаточными, иначе фрагментарность в понимании права не будет осознана и учтена.

В практическом смысле учет сказанного чрезвычайно важен потому, что помогает видеть границы возможностей права, определенные самой природой той формы права, которая является действительным предметом юридической теории. Думается, гипертрофия роли государства и преувеличение регулятивно-организующих возможностей права в решении всего круга социальных проблем общества являются неизбежным след-

ствием теории, оперирующей неадекватными понятиями.

Под несомненным влиянием философии (социальной философии вообще и философии права — в частности) сравнительно недавно в отечественной юридической теории сформировалась позиция, согласно которой право требуется понимать в «широком смысле»²⁷. Означает ли это, что в область теории права и государства вторгается философское видение предмета? Конечно, нет. Борьба с узким (нормативистским) пониманием права ведется в рамках юридического подхода к праву, в рамках теории права и государства; новое, более объемное понятие права не перестает быть юридическим понятием.

Таким образом, философия права составляет такое диалектическое единство с общеправовой теорией, которое позволяет считать философию права составной частью юриспруденции.

При этом, как выяснено, философия права не может считаться юридической наукой. В рамках юриспруденции философия права, во-первых, противопоставляется общеправовой теории, которая является единственно соразмерной с философией права по масштабности взгляда на предмет. Во-вторых, внутренняя связанность философии права и общеправовой теории полагается совершенно очевидной, неустранимой и необходимой. И эта связь реализуется, прежде всего, по принципу дополнительности.

Но для философии права связь с общеправовой теорией служит также и «контрастирующим средством», позволяющим сохранять в предельной ясности и чистоте философский подход к предмету, вырабатывать методологию, способную каждый раз как бы заново преодолевать ограниченность мысли о предмете, «оседающей» в определениях, какого бы уровня общности эта мысль ни была. Анализ содержания общеправовой теории и ее методологии по принципу контрастности способствует развитию философского категориального аппарата, обогащению и без того раз-

²⁷ Она достаточно последовательно представлена, например, в работе: Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999.

нообразного арсенала мыслительных средств и принципов, уже наработанных философской мыслью.

Оставаясь в рамках научного познания, общеправовая теория должна совместиться с философствованием. Не растворяясь в философии права и не пытаясь растворить ее в себе, она должна в понимании сущности права составить с философией право органичное целое.

2. Несколько по-другому предстает связь *философии права и отраслевых юридических наук*, образованных и развивающихся по гораздо более строгим канонам научного исследования, чем общеправовая теория. Различия между ними принципиальны, а единство — не содержательное, а формальное, в том лишь смысле, что они входят в юриспруденцию.

Значит ли это, что отраслевые науки, в которых право выступает в своей непосредственной предметности, в реальных социальных формах, не нуждаются в философском знании и не испытывают влияния философии? Конечно, не значит. Но здесь мы должны вести разговор уже не об актуальной связи философии права и отраслевых наук, а о связанности этих наук с философией, принятой в ее строгом, классическом виде.

Проблематика отраслевых юридических наук, конечно, имеет определенный философский аспект. В применении к этим наукам целесообразнее и точнее говорить, например, не о философии уголовного, гражданского и т. д. права, а о философских проблемах этих отраслевых наук. Сразу скажем, что философия права (в том смысле, в котором мы ее приняли) не является совокупностью философских проблем юридической теории.

Что такое философская проблема в контексте, конечно, не только юридической теории и практики, но и любой науки и сферы общественной жизни?

Философия, влияя на отраслевую юридическую теорию, не предоставляет, конечно, ей свой понятийный аппарат и не навязывает свой взгляд на предмет. Это влияние двояко. Во-первых, философская образованность юриста задает ему качественно иной горизонт и масштаб видения любой конкретной проблемы, чем тот горизонт, который способны очертить отраслевые науки, базирующиеся на эмпирическом мышлении.

Во-вторых, философия оказывает влияние на юридическую теорию как методология. Философская и общенаучная методологии качественно различны, однако это не означает, будто данные методологии несовместимы. Относительная совместимость их обнаруживает себя, прежде всего, в характере развития отраслевой юридической теории: она не только все больше и больше содержательно обогащается (здесь первостепенную роль играет эмпирический аппарат науки), но главным образом становится все более фундаментальной, способной объяснить и спрогнозировать все больший массив общественных процессов и тенденций.

На стыке этих двух типов методологий и складывается комплекс философских проблем юридической теории и практики. Философской является такая проблема теории либо практики, суть которой сводится к поиску познавательных средств для получения более широкого или качественно нового видения того или иного явления, процесса, отношения и т. д. Возникают они не вследствие пустого любопытства или тщеславной игры ума, а потому, что на определенном этапе развития теории становится очевидным: имеющегося у нее познавательного инструментария недостаточно, чтобы объяснить то в действительности, что постоянно меняется, развивается; что еще недавно казавшееся совершенно незыблемыми точками опоры оказывается вторичным по отношению к чему-то более важному и глубокому. Кроме того, достичь качественно нового видения предмета, опираясь только на существующий инструментарий науки, невозможно. Самый прямой, хотя и самый сложный, путь в достижении этой цели — обращение к философскому инструментарю.

Философскую проблему можно охарактеризовать, с одной стороны, как содержательную интерпретацию и предметную привязку философских рассуждений, а с другой стороны, как чисто теоретическое мышление о конкретном предмете, явлении, аспекте в неопределенно широком значении.

Философские проблемы отраслевых юридических наук и юридической практики в своей совокупности не составляют философию права. Поскольку отрасле-

вые юридические науки имеют своим предметом лишь право позитивное, государством устанавливаемое, узаконенное, официальное, т. е. право только в одной своей форме, постольку то, что мы можем, следуя известным традициям юридической мысли, называть, например, философией уголовного права, философией международного права и т. д., на самом деле качественно противоположно философии права в принятом нами смысле. Это философии, скорее, в нестрогом, переносном значении, а именно — совокупности ценностных установок, идеологических компонентов теории отраслевого уровня. Каждая из отраслевых наук объективно несет в себе заряд социального учения.

На основании сказанного мы можем утверждать, что философские проблемы отраслевых юридических наук также являются составными частями юриспруденции. И хотя глубинное родство философии права и юридических теорий предельно ясное, тем не менее связь их с философией права непрямая, весьма опосредованная; она актуальна лишь в программном, идеологическом аспекте.

3. Наконец, самостоятельное значение имеет связь *философии права и прикладных (специальных) наук*. Несомненно, что и на этом уровне могут возникать те или иные философские проблемы, но в целом, на наш взгляд, прикладные науки самостоятельных, специфических, обусловленных только их предметом проблем не имеют. Выход на философский уровень осмысления конкретных вопросов одновременно означает выход за пределы конкретной прикладной науки на смежные науки или на уровень философской теории познания (гносеологии). Этот возможный философский базис рассмотрения прикладных проблем обретается, например, в области философских вопросов науки, техники, медицины, экономики, химии, физики и т. д.

Разумеется, поскольку прикладные (технические, специальные) науки не включены нами в юриспруденцию, их философские проблемы также не входят в состав юридического знания. Философия же права принципиально элиминируется из познавательного процесса на этом уровне; она может составлять только общий интеллектуально-культурный фон познавательной деятельности специалиста.

Итак, на основании проведенного исследования исходной проблемы связи философии права и юридических наук можно дать общую характеристику системы знаний о праве, которую мы обозначили как юриспруденцию. Во-первых, она выступает как триединство философии права, общей теории права и совокупности отраслевых (и подотраслевых) юридических наук и относящихся к ним совокупностям философских проблем; во-вторых, она выступает как триединство неюридического (в первую очередь — философского), строгого юридического (нормативистского, позитивистского) и широкого юридического (социологического) понимания права.

Связь философии права и юридических наук есть связь, в конечном счете, обусловленная глубинным единством познавательного процесса окружающего мира во всем богатстве его проявлений. Поэтому всегда в процессе познания находятся точки соприкосновения самых разнородных подходов к предмету, которые постепенно приводят исследователей к новому, интегрирующему разнородное знание взгляду на феномен права. Философия права в состоянии быть, до определенных пределов, познавательным инструментарием юридической теории, но главное ее предназначение — определять горизонт юридического мышления, соразмерный с таким сложнейшим феноменом, как право.

Общие выводы в решении поставленной в статье проблемы могут быть кратко сформулированы следующим образом.

1. Философско-правовой подход является неюридическим и в том смысле, что он не является конкретно-научным, и в том смысле, что служит способом выражения феномена права в контексте логики, неспецифической для юридической теории.
2. Юридическое понимание не является фрагментом философского понимания права, равно как и философия права не должна рассматриваться как интерпретация или обобщение юридического знания. Философский категориальный и методологический инструментарий не должен закладываться в основу юридического анализа права. Но обращение к философско-правовой интерпретации пред-

мета позволяет существенно дополнить, обогатить юридическую интерпретацию права.

3. Между философско-правовой и юридической теорией не существует непроходимой границы. И эта граница становится динамичной и прозрачной, когда мы переходим на уровень связи философии права и общей теории права (теории государства и права).
4. Юриспруденция охватывает не только всю совокупность традиционно выделяемых юридических наук, но и философию права и философские проблемы отраслевых наук.

1. Социология как позитивная наука

Современная наука зародилась в Европе XVII столетия. Она явилась главным орудием освобождения человека от власти религиозных предрассудков, магических суеверий, средством рационализации мира. Макс Вебер называл этот процесс онаучивания и рационализации «расколдовыванием» мира. «Прежде всего уясним, — писал он, — что собственно значит на практике эта интеллектуалистская рационализация посредством науки и научной техники; она означает, что человек... может увидеть, что нет больше принципиально непознаваемых таинственных сил, вмешивающихся в жизнь, что он может в принципе овладеть посредством рационального расчета всеми вещами. А это и значит расколдовывание мира»¹.

Но в течение первых двух веков развития современной науки лежащее в ее основе рациональное просвещение, имеющее огромный потенциал в деле разрушения устарелых верований и догм, оказалось неспособным к созданию позитивной программы освоения мира. «Восемнадцатое столетие было критическим и революционным, девятнадцатое — будет изобретательным и конструктивным»², — писал в самом начале XIX в.

¹ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tuebingen, Mohr, 1968. S. 594.

² Цит. по: Bryant C. Positivism in Social Theory and Research. L.: Macmillan, 1985. P. 23.

А. де Сен-Симон, увидевший в науке и промышленности важнейшие движущие силы современного мира. Он полагал, что современники имеют дело одновременно с тремя борющимися идеологиями: религиозной (применительно к Франции речь шла об идеологии Римской католической церкви), метафизической (она была представлена философией Просвещения) и позитивной, или научной. Именно за наукой — будущее.

Многие из идей, выдвинутых Сен-Симоном, были развиты и систематизированы О. Контом, он же стал основоположником идеи социологии как позитивной науки. Социология, таким образом, зародилась одновременно с возникновением того, что считается современным научным мировоззрением. Сен-Симон — один из предшественников социологии, объединял в себе черты инженера, исследователя, социального прожектера-утописта. И лишь Конт — бывший секретарь Сен-Симона — сосредоточился на разработке системы научного изучения природы и общества в единстве теоретического и эмпирического подходов. В духе Сен-Симона, но гораздо более последовательно и систематично, он проследил борьбу трех мировоззрений и определил основные стадии развития общественного процесса. Основным содержанием его является, по Конту, «прогресс духа». По существу, это прогресс форм человеческого познания мира, или, как говорил Конт, прогресс человеческого разума. Таких форм три (знаменитый контовский закон трех стадий): теологическая, метафизическая и научная. Их можно считать определяющими в общественном развитии, ибо, изменяясь сами по себе, они заставляют изменяться все прочие стороны общественной жизни. Каждому этапу развития разума соответствуют определенные формы хозяйства, политики, общественной организации.

Теологическая, или религиозная, стадия охватывала древнюю историю и раннее Средневековье (до 1300 г.). Метафизическая стадия (1300 г. — начало XIX в.) — стадия критической и скептической философии, для которой характерно разрушение старых верований и вообще старых порядков. Распространение наук, рост их общественного значения, повсеместное развитие ремесел и промышленности — свидетельство наступления научной, или позитивной, стадии развития духа.

Высшим выражением этого развития, согласно Конт, явилась его концепция «позитивизма» (и «закон трех стадий», в частности)³.

Важно, что, отвергая теологическое и метафизическое мышление как свойственное прошедшим стадиям развития человечества, Конт отбрасывал как устаревшие и характерные для этих стадий вопросы о первой и конечной причине, цели прогресса, предназначении человека и т. д. В его концепции позитивной стадии вопросы смысла и цели, т. е. телеология, не играют никакой роли. Вместо этого человеческий разум сосредоточивается на достижимом и на законах, управляющих этим достижимым. Применительно к социальным феноменам, речь идет о «достижимом» двух видов: статике и динамике. Законы, управляющие первым, — законы сосуществования, законы, управляющие вторым, — законы последовательности.

Конт утверждал, что позитивное знание может быть получено только путем применения позитивного метода. В основе этого метода — наблюдение, эксперимент и сравнение. Эмпирические методы изучения общественной жизни как таковые, уже начавшие разрабатываться современниками, его не интересовали. Также он не занимался конкретными методами естественных наук. Его волновал более общий вопрос, а именно: вопрос единства позитивного метода, как он применяется в разных науках. В этом смысле Конт оказался основоположником принципа единства науки, ставшего впоследствии одним из краеугольных камней позитивистского наукоучения, причем, в его интерпретации, единство науки заключалось в единстве метода, применяемого в разных науках, как естественных, так и общественных.

В своем знаменитом пятитомном «Курсе позитивной философии», опубликованном в период с 1830 до 1842 г., Конт рассматривает пять наук: астрономию, физику, химию, физиологию (биологию) и социальную физику, или социологию. Эта последовательность есть последовательность исторического становления научного знания. Конт полагает, что чем проще явления по своей природе и чем отдаленнее они от человеческих

³ См.: *История буржуазной социологии XIX — начала XX вв.* М.: Наука. С. 20 — 39.

дел и проблем, тем скорее человечеству удастся прийти к их позитивному, т. е. научному осмыслению. Именно поэтому первой наукой, т. е. первым знанием, освободившимся от религиозных догм и метафизических спекуляций, стала астрономия, имеющая дело с относительно простыми и отдаленными от человека проблемами. И наоборот, социология, имеющая дело с человеческим обществом с его невообразимой сложностью и представляющая собой как бы взгляд человека, обращенный на самого себя, стала последней в ряду дисциплин позитивного знания. В то же время, замечает Конт, для того, чтобы изучать более сложные феномены, нужно основываться на знании менее сложных, составляющих основу этого более сложного. Из сочетания этих двух особенностей познания и рождается контовская иерархия наук, в основе которой лежит астрономия, а на вершине — социология.

Важно подчеркнуть, что социология как эмпирическая наука возникла (или, может быть, лучше сказать, была проектирована) одновременно с появлением научного мировоззрения. И, несмотря на ряд непоследовательностей в концепции Конта, ему удалось в достаточно непротиворечивой форме сформулировать тезис о единстве науки, связав его с эмпирическим научным методом и объяснив эту связь потребностями современного общественного развития. Конт совершил грандиозный научно-социологический синтез. В его философии социология оказалась наиболее ярким образцом научности, а также и вершиной социального прогресса. Можно без особой натяжки утверждать, что социология стала символом позитивной эпохи в развитии человеческого разума. Точно так же, как сама позитивная философия Конта оказалась манифестом научного мировоззрения, которое отныне почти всегда связывалось с позитивизмом, какие бы превращения ни испытывала эта философская доктрина.

2. Объективизм в социологии. Дюркгейм

Английский социолог К. Браунт выделяет следующие двенадцать характерных идей, которые содержались уже в концепции Конта, но оказались свой-

ственными и большинству последующих социологических доктрин, претендующих на позитивное, научное освоение социального мира⁴.

1. Есть только один мир, и он обладает объективным существованием. Это не столько формулируемая Контом и последующими философами, сколько принимаемая без аргументации исходная посылка всякого суждения о мире.
2. Составляющие мир элементы и законы, управляющие их движением, могут быть открыты только наукой; наука есть единственная форма знания. Следовательно, то, что не может быть познано научно, не может быть познано вообще. В этом смысле эпистемология в позитивизме должна совпадать с теорией науки, а в еще более строгом смысле, с методологией. В таком случае, методология не нуждается в дополнительном философском обосновании.
3. Наука предполагает обязательное соединение разума и наблюдения. Одно без другого невозможно, утверждал еще Конт, критикуя обе крайности.
4. Наука не в состоянии открыть все элементы мира и все законы, ими управляющие, поскольку человеческие возможности рассуждения и наблюдения ограничены. Человеческое знание всегда остается соотнесенным с уровнем достигнутого интеллектуального развития и с уровнем прогресса в социальной организации науки.
5. Все, что человек стремится открыть в мире, обычно объясняется его интересами и его ситуацией.
6. Существуют законы исторического развития, открытие которых позволяет объяснить прошлое, понять настоящее и предсказать будущее. Это суждение совпадает с тематикой контовской социальной динамики.
7. Существуют социальные законы, управляющие взаимосвязями между различными институциональными и культурными формами. Этот принцип соответствует социальной статике Конта.

⁴ *Bryant C. Op. cit. P. 12 – 22.*

8. Общество представляет собой реальность *sui generis* («особого рода»). Это означает, что общество есть «органическое» целое, которое не может быть полностью понято на основе изучения составляющих его частей, т. е. индивидов и институтов.
9. Социальный порядок есть естественное состояние общества. Конфликты всякого рода — суть переходящие стадии развития общества, которое полностью реализует соответствующий его уровню потенциал в стабильном состоянии.
10. Моральный и политический выбор должен происходить исключительно на научной основе. Этот тезис характерен для Сен-Симона, Конта, вообще для французской ветви позитивизма, но, как будет видно из дальнейшего, не характерен для британского позитивизма, да и вообще для позднейшей позитивистской традиции, декларирующей принципиальную несовместимость науки с политикой и моралью.
11. Подчиненность человека естественным законам истории и общества делает невозможным оценивание институциональных и культурных форм с иной точки зрения, чем точка зрения соответствия или несоответствия этим законам.
12. Позитивное, конструктивное превосходит негативное, критическое. Позитивное, релятивное, следовательно, превосходит теологическое и метафизическое, абсолютное.

Как сказано выше, в большей или меньшей степени все эти тезисы поддерживались французской ветвью позитивизма, наиболее полно выраженной в работах одного из классиков социологии Эмиля Дюркгейма. Дюркгейм держался принципиальной установки на научность социологии и требовал рассматривать социальные факты как вещи, т. е. как внешние по отношению к человеку и объективные явления. При этом он признавал существование общества как совокупности фактов сознания. По его мнению, эти факты сознания суть специфические представления, которые, хотя и побуждены внешней, социальной реальностью, воспринимаются людьми как их собственные, принадлежащие их сознанию. При этом они не произвольны и не различны от индивида к индивиду, а имеют свойство обя-

зательности и принудительности. Дюркгейм называл их коллективными представлениями (*representations collectives*), и именно из идеи коллективных представлений родились его вошедшие во всеобщее наследие социальной мысли концепции общественной солидарности, аномии, учение об общественном происхождении морали и религии.

Но, подчеркнем, Дюркгейм оставался при этом на объективистской и натуралистической, т. е. в целом позитивистской позиции. Для него общество — вещь (*une chose*), а социальные факты состоят в строго детерминистской функциональной взаимосвязи и эволюционируют по собственным законам.

Дюркгейм следующим образом характеризовал черты своего метода.

Во-первых, он, этот метод, независим от всякой философии и идеологии. Так как социология возникла из философских доктрин, в частности, контовской, она «сохранила привычку» опираться на какую-нибудь философскую систему, хотя по существу ни с какой из них не связана.

Во-вторых, этот метод объективен. Он определяется идеей о том, что социальные факты суть вещи и должны рассматриваться как таковые. Этот принцип, говорит Дюркгейм, лежит также в основе доктрин Конта и Спенсера. «Но эти великие мыслители скорее дали его теоретическую формулу, чем применили его на практике». Применение же его на практике означает его методологически строгую реализацию на всех этапах социологического изучения, начиная с самого начального этапа, когда социолог только приступает к исследованию. Рассматривать факты как вещи в методологическом смысле означает устранять из сознания исследователя любого рода понятия, представления, идеи, предрассудки относительно фактов, имеющиеся в его сознании, т. е. очищать сознание, чтобы иметь возможность «стать лицом к лицу с самими фактами; как он должен находить их по их наиболее объективным признакам». Такого рода рассмотрение социальных фактов как вещей должно сопровождать социолога на всем протяжении исследования вплоть до вырабатываемых им объяснений. Дюркгейм неоднократно возвращается к вопросу о социальном факте как вещи, под-

черкивая именно методологический характер этого положения. «Мы не утверждаем, — говорит он, — что социальные факты — это материальные вещи; это вещи того же ранга, что и материальные вещи, хотя и на свой лад. Что такое в действительности вещь? Вещь противостоит идее, как то, что познается извне, тому, что познается изнутри. Вещь — это всякий объект познания, который сам по себе непроницаем для ума; это все, о чем мы не можем сформулировать себе адекватного понятия простым приемом мысленного анализа; это все, что ум может понять только при условии выхода за пределы самого себя, путем наблюдений и экспериментов, последовательно переходя от наиболее внешних и непосредственно доступных признаков к менее видимым и более глубоким. Рассматривать факты определенного порядка как вещи — не значит зачислять их в ту или иную категорию реальности; это значит занимать по отношению к ним определенную мыслительную позицию»⁵.

Третья характерная черта дюркгеймовского метода состоит в том, что он является исключительно социологическим. Это значит, что социологическое объяснение не предполагает редукции к какому-то иному виду реальности, биологической, например, или психологической. Поэтому можно утверждать, что социология не есть подраздел какой-либо другой науки, а представляет собой автономную научную дисциплину, изучающую особый, не сводимый к другим сегмент реальности, именуемой социальной реальностью.

Таковы основные черты социологического метода Дюркгейма. Во многом они близки к позитивистскому мировоззрению Конта, хотя и отличаются от позднейшего подхода, свойственного позитивизму в социологии. Для позднейшего подхода, основанного на философии логического позитивизма (об этом пойдет речь ниже), характерны номинализм (т. е. отрицание реальности существования общих понятий), феноменализм и эмпиризм (т. е. ограничение познания опытом непосредственно данного), а также методологический индивидуализм. По всем этим параметрам Дюркгейм пози-

тивистом не является. Но он является позитивистом в контовском смысле, он был бы согласен с большинством приведенных выше двенадцати тезисов Брайанта. Для характеристики такого подхода можно применить более широкий термин — объективизм. Объективизм состоит в констатации объективного, т. е. независимого от воли и сознания индивида, существовании социальных феноменов, в несводимости их к характеристикам индивидуального сознания, в требовании применять для их изучения общенаучные методы и в признании базового единства науки. Объективизм — это более широкая версия позитивизма, характерная для весьма существенной части социологической традиции. Именно в рамках объективизма развивались структурно-функционалистские концепции (Т. Парсонс, Р. Мертон и другие), основания которых были частично заложены еще Контом и Дюркгеймом.

Дюркгейм в своем учении о методе предложил своеобразную философию социологического опыта, состоящую в требовании наблюдать социальные факты как вещи в их «принудительности» и обязательности. Образец этой объективистской методологии был продемонстрирован им в работе «Самоубийство», где социальные факты конструировались и объяснялись на основе статистических данных. В этом смысле он явился одним из ранних представителей подхода к социологии как естественной науке, пользующейся количественными методами для описания своих объектов, имеющих объективное существование.

3. Понимание в социологии. Макс Вебер

На ином подходе основывался Макс Вебер в своей конструкции социологии. Для Вебера социология — «наука о действительности», т. е. эмпирическая наука, опирающаяся не на искусно отобранный, препарированный опыт исследователя, выраженный в терминах законов и каузальных зависимостей, а на прямой и непосредственный опыт реальных, действующих человеческих индивидов, выраженный и выражающийся в культурной значимости явлений. «Социальная наука, которой мы хотим заниматься, — пишет Вебер, — это

наука о действительности. Мы стремимся понять окружающую нас действительную жизнь в ее своеобразии — взаимосвязь и культурную значимость отдельных ее явлений в их нынешнем облике, а также причины того, что они исторически сложились именно так, а не иначе»⁶.

В отличие от Дюркгейма, особенность социального поведения заключается для Вебера не в том, что оно регулируется «извне», будь то вне его самого лежащие факторы общественной природы или неосознаваемые им самим инстинкты. Специфичность социального поведения — и в этом отличие человека от животных — состоит в наличии в нем субъективно подразумеваемого смысла. И именно субъективно подразумеваемый смысл становится ядром и отправной точкой его конструкции социального.

«Действием, — пишет Вебер, — мы называем действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится ли к невмешательству или терпеливому приятию), если и поскольку действующий индивид (или индивиды) связывают с ним субъективный смысл. Социальным мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом (или действующими лицами) смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него»⁷.

Именно потому, что конституирующим признаком социального является субъективный смысл, подлежащий и доступный пониманию, Вебер называет свою социологию *понимающей*. Феномены понимающей социологии относятся к совсем иному, так сказать, плану реальности, по сравнению с дюркгеймовскими социальными фактами как вещами или контовским обществом как объективным феноменом. Они специфичны, поскольку произведены сознательно, опосредствованы определенным мотивом или намерением. Другими словами, между действием как эмпирическим фактом и его эмпирической средой имеется «слой» субъективного смысла, субъективной интерпретации,

⁶ Вебер М. Избранные произведения / Под ред. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс. 1990. С. 369.

⁷ Там же. С. 602 – 603.

истолкования и понимания эмпирической реальности действия. Он-то и есть главный конституирующий фактор социального.

Если это так, то социология, которая видится Макс Веберу, не может стоять в одном ряду, как это думал Конт, с физикой, биологией и другими естественно-научными дисциплинами. Она не может, как это считал Дюркгейм, *исходить* из предпосылки объективности социальных явлений. Ее задача — *объяснить* саму эту объективность, показать, как она возникает и формируется из действий, субъективно ориентированных по своей природе. Но тогда меняется и само понимание человеческого общества: его уже не следует рассматривать как продолжение природы, как объективную реальность, подобную той реальности, которую изучают естественные науки. Оно, общество, — продукт человеческих действий, искусственное, созданное людьми явление, т. е., иначе говоря, культурный продукт.

Поэтому к изучению общества нужно подходить как к изучению продукта культуры. Для изучения любого культурного продукта можно использовать естественно-научные методы. Как утверждал Дюркгейм, к этим методам нужно обращаться при анализе любого продукта такого рода — от художественного произведения до технического устройства. Но нельзя при этом забывать, что мы не в состоянии вскрыть подлинный смысл всех таких продуктов. Акустический анализ симфонии или физико-химический анализ красок на полотне при всей их тонкости и изощренности не дадут представления о культурном смысле музыки или картины. Более того, даже чисто природные по своему происхождению явления и объекты, попадая в сферу социального действия, т. е. — *mutatis mutandis* — в сферу культуры, обретают качества, не уловимые с помощью естественно-научных методов. Ясно, что ни ботаника, ни география, ни почвоведение, ни какая-то другая наука не смогут объяснить, чем отличается лес как приют покоя и одиночества от леса как объекта хозяйственного использования. Именно это постоянно и старательно подчеркивает Вебер, говоря о том, что «в социальных науках речь идет о роли *духовных* процессов, «*понять*» которую в сопереживании — совсем иная по своей специфике задача, чем та, которая может быть разре-

шена (даже если исследователь к этому стремится) с помощью точных формул естественных наук»⁸.

На том и основывается методологическая и «эмпирическая» специфика понимающей социологии Вебера в ее отличии от объективистского подхода Конта и Дюркгейма. При однозначно объективистском подходе к социологии утрачивается специфически культурный смысл человеческого общества, так как в этом случае оно может отождествляться с социальными объектами, изучаемыми биологическими науками: сообществами животных, которые иногда достигают огромной степени сложности, как, например, муравейники, поселения термитов и т. п. С этой целью можно применять системный подход, функциональный анализ, изучать эволюцию животных сообществ и т. д., т. е. применять методы и подходы, рекомендуемые сторонниками изучения общества как естественного явления. Но такой подход неизбежно ограничен и вынуждает своих сторонников всегда подходить к изучаемым проблемам дуалистически, т. е. вводить два ряда факторов: естественные и культурные, объективные и субъективные. Так, по Конту, общество, с одной стороны, объективная реальность, вещь, система, эволюционирующая по собственным законам, а с другой — продукт эмоций, идей, мнений. В социологии у Дюркгейма социальные факты одновременно и вещи, и коллективные представления, факты психической реальности. Вебер как исходную предпосылку социологии использует положение о том, что человек — культурное существо, и на основе именно этой предпосылки строит здание объективной социологии. По Веберу, наряду с понятием субъективного смысла действия предметом социологического анализа является все многообразие идей, мнений, убеждений, представлений, образов мира, составляющих в совокупности то, что именуется культурой. Ведь то, что содержится в культуре, составляет некоторое актуальное или потенциальное содержание человеческой мотивации, т. е. некий смысл действий. В мотивации просто-напросто не может быть того, что отсутствует в культуре. Соответственно, то, чего нет в

культуре, не может стать предметом социологического изучения.

В нашу задачу не входит детальный анализ построения Вебером системы социологии от простейшего социального действия до сложных крупномасштабных социальных структур и институтов. Важно показать, что веберовская социология не просто основывается на предпосылке о человеке как культурном существе, т. е. о существе, сознательно организующем свое поведение и среду своей деятельности. Здесь найдены средства последовательно реализовать эту предпосылку, проследив, как на основе субъективных смыслов происходит «становление» социальной объективности, которую делают сами люди, и в этом смысле она является человеческим, т. е. культурным, продуктом.

Тем не менее ориентирующуюся на человеческую субъективность веберовскую социологию нельзя назвать гуманитарной дисциплиной в традиционном понимании, как, например, историю, которая изучает индивидуальные, обладающие культурной значимостью действия, институты и т. п. Социология как генерализирующая наука оперирует типическими явлениями, фактами, личностями, которые в ходе социологического образования понятий освобождаются от индивидуального содержания, но при этом социологические абстракции — типы — не оторваны от субъективного смысла реальных человеческих действий. По Веберу, они должны удовлетворять требованию «смысловой адекватности», причем адекватной смыслу он называет такую типическую конструкцию, в которой соотношение между ее компонентами «представляется с позиций нашего привычного мышления и эмоционального восприятия типичным (мы обычно говорим: правильным) смысловым единством»⁹. Смысловая адекватность — главный критерий социологического понимания. Но это, конечно, не полное и не точное воспроизведение индивидуальной мотивации. Социологические типы дают «очищенный» по сравнению с мотивацией реального поведения смысл человеческих действий. В реальности

⁹ Вебер М. Избранные произведения / Под ред. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 611–612.

этот смысл часто неосознан до конца, или полуосознан, или не отделен от побочных соображений, не играющих роли в данном конкретном действии. Социологические типы дают его «чистый» смысл. Поэтому Вебер называл их «чистыми» или *идеальными типами*. Именно такая культурно нагруженная методология стала основой веберовского социологического анализа.

Вебер неоднократно и детально останавливается на вопросе совместимости естественно-научного подхода в терминах законов и причинных связей с «культурным» видением социальных явлений. «Для естественных наук, — пишет он, — важность и ценность «законов» прямо пропорциональна степени их *общезначимости*, для познания исторических явлений в их конкретных условиях *наиболее общие законы*, в наибольшей степени лишенные содержания, имеют, как правило, наименьшую ценность... В науках о культуре познание общего никогда не бывает ценным как таковое. Из сказанного следует, что «объективное» исследование явлений культуры, идеальная цель которого состоит в сведении эмпирических связей к «законам», бессмысленно. И совсем не потому, что, как часто приходится слышать, культурные или духовные процессы «объективно» протекают в менее строгом соответствии законам, а по совершенно иным причинам. Во-первых, знание социальных законов не есть знание социальной действительности, оно является лишь одним из целого ряда вспомогательных средств, необходимых нашему мышлению для этой цели. Во-вторых, познание культурных процессов возможно только в том случае, если оно исходит из *значения*, которое для нас всегда имеет действительность жизни, индивидуально структурированная в определенных *единичных* связях. В каком смысле и в *каких* связях обнаруживается такая значимость, нам не может открыть ни один закон, ибо это решается в зависимости от *ценностных идей*, под углом зрения которых мы в каждом отдельном случае рассматриваем «культуру»¹⁰.

То же справедливо и по отношению к каузальному анализу. «Число и характер причин, определивших

какое-либо индивидуальное событие, всегда бесконечно, а в самих вещах нет признака, который позволил бы вычленить из них единственно важную часть... Порядок в этот хаос вносит только то обстоятельство, что интерес и значение имеет для нас в каждом случае лишь часть индивидуальной действительности, так как только она соотносится с ценностными идеями культуры, которые мы прилагаем к действительности... При этом только определенные стороны бесконечных в своем многообразии отдельных явлений, те, которым мы приписываем общее культурное значение, представляют для нас познавательную ценность, только они являются предметом каузального объяснения... Повсюду, где речь идет о каузальном объяснении «явления культуры», об «историческом индивидууме» (мы пользуемся здесь термином, который начинает входить в методологию нашей науки и в своей точной формулировке уже принят в логике), знание законов причинной обусловленности не может быть целью и является только средством исследования»¹¹.

Все сказанное выше приводит к выводу о коренной противоположности методологического подхода понимающей социологии Вебера и объективистской социологии, сформировавшейся в русле контовского позитивизма. Но в одном весьма важном пункте позиции этих двух направлений совпадают — в том, что касается методологического требования «свободы от ценностных суждений». Речь здесь идет, по словам Вебера, о том «тривиальном требовании», чтобы исследователь отчетливо разделял две группы относящихся к ценностям проблем: с одной стороны, проблем установления эмпирических фактов, включая сюда ценностные мнения и суждения исследуемых людей, также как и ценностное содержание изучаемых социальных феноменов (которые именно в силу ценностной значимости имеют свой индивидуальный характер), а с другой, — свою собственную практическую оценку этих феноменов, т. е. свое собственное суждение об этих фактах (в том числе и о превращен-

¹¹ Вебер М. Избранные произведения / Под ред. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 376–377.

ных в объект эмпирического исследования «оценках» людей), рассматривающее их как желательные или нежелательные, т. е. свою в этом смысле оценивающую позицию. Обращение к ценностям в первом смысле этого понятия настолько же, по Веберу, неизбежно и обязательно в социальных науках, насколько вредно и должно быть избегаемо во втором. Собственно, требование «свободы от оценочных суждений» в эмпирическом исследовании, на какую бы методологию оно ни опиралось и в рамках какой бы из социологических теорий ни проводилось, является обязательным в той мере, в какой речь идет именно об эмпирической науке, «науке о действительности», как бы ни понималась эта действительность.

Понимающая социология Макса Вебера стала родоначальницей альтернативной по отношению к объективизму традиции в социологическом мышлении. Вообще, если «очистить» социологические концепции, составляющие историю этой дисциплины, от многочисленных и многообразных наслоений, тончайших деталей, оговорок и уточнений, взаимных заимствований и выделить фундаментальные умозрения, лежащие в основе той или иной концепции, то все многообразие их явлений можно свести к двум направлениям: объективистскому, естественно-научно ориентированному, с одной стороны, и понимающему, или культурно-аналитическому — с другой. Их главное различие заключается в том, что в первом социальные явления — структуры, институты рассматриваются как объективные «вещи» (в этом смысле основоположником данного направления является Эмиль Дюркгейм), не зависящие от идей и мнений членов общества, в то время как во втором те же явления трактуются как существующие исключительно посредством этих самых идей и мнений. При этом сторонники обоих направлений анализируют одни и те же явления, в которых живет и действует нормальный общественный человек. Вследствие указанных различий представители первого направления занимают позиции «нормального общественного человека», того, кого в социологии называют «человеком с улицы» (кого можно было бы назвать первым встречным), принимая в принципе, его взгляд и его воспри-

ятие объективности общественных явлений, а представители второго направления стремятся заглянуть за эту видимую объективность и понять, почему нормальный общественный человек воспринимает эти явления как объективные, хотя на самом деле они объективны и принудительны лишь в той мере, в какой люди в них верят и подтверждают эту веру своими действиями.

Иными словами, объективист рассматривает социальный мир таким, каким он является, и исследует закономерности взаимодействия структур и элементов в этом мире, тогда как культурный аналитик «заглядывает за подкладку» и хочет понять устройство «ткани» этого мира, понять почему «с лица» он кажется объективным, т. е. несделанным и не зависящим от человека, его идей и мнений. Объективист принимает объективность социального мира на веру, понимающий социолог исследует эту объективность и только тогда, когда понята природа этой объективности, совсем не такой, как объективность естественных явлений, он может перейти к анализу самих социальных фактов. При этом и сами факты он воспринимает иначе, чем объективист: они являются для него артефактами в любом смысле этого слова.

Это различие исследовательских направлений не всегда прямо осознаваемо в конкретных социологических концепциях, однако носит достаточно принципиальный характер. Оно присутствует во всей истории наук об обществе с их возникновения и детально рассматривается такой дисциплиной, как философия общественных наук. Это различие стало основой различных классификаций наук, в которых в качестве специфической отрасли знания выделяются науки о духе (*Geisteswissenschaften*) или науки о культуре (*Kulturwissenschaften*), противопоставляемые наукам о природе (*Naturwissenschaften*). И в настоящее время, стремясь разграничить гуманитарные и социальные науки, мы также вряд ли сумеем обойтись без рассмотрения этого различия.

Повторим, что в социологии оно фиксируется как различие позитивистского натурализма и объективизма, с одной стороны, и понимающего подхода — с другой.

4. Социальная феноменология. Альфред Шюц

Австрийский философ и социолог Альфред Шюц, многие годы работавший в США, целиком принял социологическую программу Макса Вебера. При этом он поставил перед собой цель «дополнить» Вебера — создать теоретико-познавательное обоснование веберовской понимающей социологии. Первая и, пожалуй, наиболее значительная книга Шюца так и называлась: «Смысловое строение социального мира: Введение в понимающую социологию»¹². Однако Шюцу не удалось подстроить фундамент «под» Вебера; его концепция стала иной (причем существенно иной) версией понимающей социологии, хотя и родственной веберовской.

Шюц в своих работах исходил из идей феноменологической философии Эдмунда Гуссерля, в частности, его концепции «жизненного мира» как сферы дорефлексивного, непосредственно переживаемого опыта. Шюц в соответствии с идеями основателя феноменологической философии Э. Гуссерля искал в жизненном мире истоки и основания всех стабильных систем взаимодействия, всех крупномасштабных социальных структур, которые традиционно являются предметом исследования социологов. Он так же, как и другие сторонники понимающей социологии, не мог просто принять на веру представление об объективности этих структур; он стремился разобраться, как происходит становление этой объективности в ходе процессов, протекающих в жизненном мире, т. е. в ходе простейших человеческих взаимодействий.

«Предметом всех эмпирических наук,— писал Шюц, излагая соответствующие положения теории Гуссерля,— является мир как предданное, но они, эти науки, как и их инструментарий, сами являются элементами этого мира»¹³. Значит, науке, если она действительно желает быть «строгой», необходима не столько формальная строгость, т. е. логическая формализация и так называемые объективные научные методы, сколько выяснение ее генезиса и обусловленно-

¹² Schutz A. Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Einleitung in der verstehende Soziologie. Wien, 1932.

¹³ Schutz A. Collected Papers. Vol. I. Hague, Nijhof, 1962. P. 79.

сти миром пред-данного, из которого оно рождается и в котором живет. Этот мир, предшествующий объективирующей научной рефлексии,— мир человеческой непосредственности, феноменальный (в гуссерлевском смысле) мир чувствования, стремления, фантазирования, желания, сомнения, утверждения, воспоминания о прошлом и предвосхищения будущего и т. п., короче, это жизненный мир. Шюц определяет его как мир, в котором «мы, как человеческие существа среди себе подобных, живем в обществе и культуре, зависим от их объектов, которые воздействуют на нас и, в свою очередь, подвергаются нашему воздействию»¹⁴. Но социология не должна принимать этот мир «на веру» как данное. Наоборот, ее задачей становится исследование природы этой данности.

В обыкновенной социологии эта проблема не возникает. То, что другие люди существуют и их действия имеют субъективный смысл, что люди ориентируют свои действия в соответствии с действиями других, что коммуникация и взаимопонимание возможны,— все это, по Шюцу, предполагается как данное. Предполагается, но не анализируется. В таком случае теория и методы социологии не могут быть адекватно обоснованы, а их строгость и научность оказываются столь же эфемерными, сколь и объективность любого нормального человека, который руководствуется интересами своего дела. Может ли в таком случае наука претендовать на объективность?!

Шюц предпринимает своеобразную философско-социологическую одиссею: он рассматривает становление социальной объективности, начиная с элементарнейших процессов конституирования, порождения смыслов в «потоке опыта», обращаясь к конституированию «объектов опыта», затем «значимых действий», обладающих «субъективным смыслом» (в духе Вебера) и так далее вплоть до конституирования объективных социальных структур во взаимодействии индивидов. Это, по мысли Шюца, и есть социология жизненного мира.

Независимо от того как оценивать результаты шюцевского исследования, стремление ввести понятие

¹⁴ Schutz F. Collected Papers. Vol. III, Hague, Nijhof, 1966. P. 116.

жизненного мира в социологию оказалось весьма плодотворным, о чем свидетельствует последующее развитие дисциплины. Понятие жизненного мира стало общепринятым (хотя и потеряло ту строгость, которую имело в контексте феноменологической философии); во многих более поздних концепциях социологии жизненный мир как мир непосредственной человеческой жизнедеятельности стал противопоставляться «системе» как совокупности объективированных жестких структур, принудительно воздействующих на поведение людей. Это понятие применяется в социологии, как правило, интуитивно, ему недостает строгой определенности, иногда жизненный мир отождествляется с тем, что можно назвать обыденной жизнью, а иногда — с миром культуры. Но широкое применение этого понятия симптоматично, так как указывает на то, что, используя только объективистский социально-структурный подход, невозможно объяснить процессы, протекающие в обществе.

Основная задача общественных наук, в частности, социологии, справедливо констатирует Шюц — получать упорядоченное знание социальной реальности. «Под термином "социальная реальность", — пишет он, — я понимаю всю совокупность объектов и событий внутри социокультурного мира как опыта обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями взаимодействия. Это мир культурных объектов и социальных институтов, в котором все мы родились, внутри которого мы должны найти себе точку опоры и с которым мы должны наладить взаимоотношения. С самого начала мы, действующие лица на социальной сцене, воспринимаем мир, в котором мы живем, — и мир природы, и мир культуры — не как субъективный, а как интересубъективный мир, т. е. как мир, общий для всех нас, актуально данный или потенциально доступный каждому, а это влечет за собой интеркоммуникацию и язык». Пока что Шюц не выходит за пределы констатаций, свойственных понимающей социологии Макса Вебера. Но далее уже звучат феноменологически окрашенные тезисы. Во-первых, говорит Шюц, все формы натурализма и логического эмпиризма просто принимают на веру эту

социальную реальность, которая, собственно, и является предметом изучения в общественных науках. Интерсубъективность, взаимодействие, коммуникация и язык и обеспечиваемое ими взаимное понимание индивидов в конкретных социальных контекстах просто предполагаются как неявное основание этих теорий. Неявно предполагается, что социолог уже решил все эти фундаментальные проблемы до того, как начинается научное исследование. На самом же деле именно объяснение того, как возможно такое взаимопонимание людей, остается задачей обществоведа.

Для объяснения этого взаимопонимания Шюц и выдвигает идею «понимания» как «механизма» повседневного мышления и взаимодействия. «Тот факт, — говорит Шюц, — что в обыденном мышлении мы принимаем на веру наши актуальные или потенциальные знания о значении человеческих действий и их результатов, является, я думаю, именно тем, что ученые-обществоведы хотят выразить, когда говорят о понимании, или *Verstehen*, как технике, имеющей дело с человеческими действиями. Понимание — это не метод, используемый в общественных науках, а особая форма опыта, в которой обыденное сознание получает знание о социальнокультурном мире... Более того, понимание — это, вне всяких сомнений, личное дело наблюдателя, который не может быть проконтролирован посредством опыта других наблюдателей. По крайней мере он поддается контролю лишь в той степени, в какой личные чувственные восприятия индивида поддаются контролю любого другого индивида в определенных условиях. Например, при слушании дела в суде присяжных, где обвиняемый показал «злой умысел» или «намерение» убить человека, т. е. мог знать о последствиях своего поступка, и т. д. Здесь мы имеем даже определенный «Устав судопроизводства», заканчивающийся «процедурными правилами» в юридическом смысле и своего рода верификацией полученных данных, которые являются результатами понимания Апелляционного суда и т. д. Более того, прогнозы, основанные на понимании, пользуются большим успехом в обыденном сознании. То, что должным образом проштампованное и адресованное письмо, опущенное в почтовом ящике

в Нью-Йорке, будет получено адресатом в Чикаго, — нечто большее, чем просто счастливая случайность»¹⁵.

Хотя Шюц и утверждает, что понимание — не метод естественных наук, он отнюдь не отвергает трактовки понимания как именно социологического метода. Он говорит о необходимости проводить четкое различие между пониманием, как: 1) формой опыта в обыденном мире; 2) эпистемологической проблемой; 3) специфическим методом общественных наук.

То, что было процитировано двумя абзацами выше, есть описание понимания как формы повседневного опыта. Постановка же понимания как эпистемологической проблемы неизбежно ведет, с точки зрения Шюца, к гуссерлевской проблеме жизненного мира, в котором обнаруживаются многообразные мыслительные «механизмы» и конструкции, такие, как синтез, обобщение, формализация, идеализация и др., которые лежат в основе как обыденного мышления, так и науки. Естественно, говорит Шюц, что естествоиспытатели в своих исследованиях абстрагируются от жизненного мира, но именно он и оказывается той самой социальной реальностью, которой не уделяют внимания общественные науки, но которая должна стать едва ли не центральным предметом их интереса.

Такое философское (эпистемологическое) решение позволяет по-новому взглянуть на методологические проблемы, специфичные именно для социальных наук. С одной стороны, понятно, что, как это показывал еще Макс Вебер, точное следование методологическим предписаниям естествознания, не приводит к познанию социальной реальности как опыта повседневной жизни людей. С другой стороны, теория, направленная на объяснение социальной реальности, должна развивать особые, незнакомые естественным наукам схемы для того, чтобы согласовываться с повседневной практикой социального мира. Этим в действительности и занимаются все науки о человеке — от экономики до культурной антропологии. Они конструируют идеаль-

¹⁵ Шюц А. Социальная реальность и повседневная ситуация. В кн.: Американская социологическая мысль. Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1966. С. 533.

ные объекты, соответствующие специфическим смыслам и значениям, которые вложены в те или иные из исследуемых учеными социальных феноменов самими действующими в рамках этих феноменов человеческими индивидами. Ведь, в отличие от объектов, которые изучает естествоиспытатель, эти феномены уже осмыслены и интерпретированы индивидами, в их головах уже есть, уже сконструирован идеальный образ этих самых объектов. Поэтому идеальные конструкции феноменов, создаваемые социологом, представляют, по выражению Шюца, конструкторы второго порядка, или конструкторы конструкторов, созданных действующими лицами на социальной сцене, чье поведение обществовед должен наблюдать и объяснять в соответствии с принципами своей науки.

Таким образом, исследование основных принципов, в соответствии с которым человек в повседневной жизни организует свой опыт и, в частности, опыт социального мира, является первостепенной задачей методологии общественных наук. Одновременно это исследование оказывается и прояснением собственной методологии обществознания.

Шюц в своих работах дал множество образцов анализа типических конструкторов повседневного мышления, на которых мы здесь не имеем возможности остановиться. Важно лишь подчеркнуть, что, как показывает шюцевский анализ, большинство конструкторов повседневного мышления или типических описаний мотивов, ситуаций и структур поведения, которые употребляются людьми в обыденной жизни для описания собственного поведения и поведения своих ближних, вполне совместимы с соответствующими описаниями, применяемыми специалистами в науках об обществе. Эти конструкторы обыденного мышления могут объяснить, по крайней мере частично, что обществовед имеет в виду, говоря о структурно-функциональном подходе к изучению человеческого поведения. Концепция функционализма, говорит Шюц, — по крайней мере в современных общественных науках — происходит не из биологической теории функционирования организма, как это обычно считается. «Она относится к социально классифицированным конструкциям моделей типичных мотивов, целей, личностных позиций, кото-

рые инвариантны и, следовательно, интерпретируются как функции структуры самой социальной системы. Большинство этих взаимосвязанных моделей поведения стандартизовано и институционализировано, т. е. их типичность социально оправдана законом, фольклором, правами и обычаями, и большинство из них используются в обыденном и научном мышлении в качестве схем интерпретаций человеческого поведения»¹⁶.

Здесь дан лишь самый общий очерк некоторых главных методологических положений социальной феноменологии Шюца. Но уже на этой основе можно сделать два важных вывода. Первый вывод состоит в том, что концепция Шюца в определенном смысле представляет собой развитие понимающей социологии Вебера. Второй же вывод состоит в том, что концепция Шюца, сколь она ни кажется на первый взгляд опровержением современной социологии в том, что касается ее методологических оснований, на самом деле не является теоретической альтернативой современной социологии. Она лишь пытается объяснить — и объясняет зачастую более точно, чем традиционная методология, — происхождение социальнаучных теорий и их изначальную глубинную связь с повседневной реальностью, т. е. с социокультурным миром, в котором живут и действуют практические социальные индивиды. Более того, она показывает, что сами ученые, изучающие общество, представляют собой в некоторой степени обыденных индивидов, не только практические действия, но и теории которых определяются, в конечном счете, их повседневными конструктами, зачастую в почти неизменном виде входящими в их теоретические объяснения. В этом последнем смысле методологическая концепция Шюца представляет собой прекрасное объяснение механизмов культурной обусловленности всякого научного познания. Как будет видно из следующих разделов, на механизмах такого рода, хотя представления о них произошли совершенно из других

¹⁶ Шюц А. Социальная реальность и повседневная ситуация. Американская социологическая мысль. Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1966. С. 538.

теоретических источников, оказалось сосредоточенным внимание представителей постпозитивистской критики науки.

5. Разновидности позитивизма

Говоря о современной социологии, часто употребляют термин «позитивистская». Действительно, как мы видели, возникновение и развитие социологии оказалось глубоко связанным с философией позитивизма, в первую очередь позитивизма Конта. Но позитивизм — очень часто и неразборчиво употребляемый термин, так что для целей последующего изложения необходимо его прояснить. Существует масса разновидностей позитивизма, укорененных прежде всего в философской традиции. Именно философские вопросы о природе социального познания лежат в основе большинства современных методологических дискуссий.

Англичанин П. Хафпенни насчитал целых двенадцать позитивизмов¹⁷. Позитивизм-1 — это контовский закон трех стадий — философско-историческая концепция, рассматривающая знание как двигатель прогресса и источник социальной стабильности. Позитивизм-2 — это также контовская теория познания, согласно которой единственным источником подлинного знания является наука, основанная на наблюдении. Позитивизм-3 — это концепция единства науки, по которой, согласно Конту, все науки должны быть соединены в единую естественную систему. Позитивизм-4 — это контовская секулярная религия человечества, главной целью в которой является служение обществу. Следующим после Конта представителем философии позитивизма стал Г. Спенсер. Позитивизм-5 — это спенсеровская теория истории, согласно которой двигателем и основой прогресса, гарантирующей возникновение высших общественных форм, является конкурентная борьба все более и более дифференцирующихся индивидов. Позитивизм-6 — это теория познания, согласно которой, по идее Дюркгей-

¹⁷ *Halfpenny P. Positivism and Sociology: Explaining Social Life. L.: George Allen & Unwin, 1982. P. 114–121.*

ма, естественная наука социология состоит в сборе и статистическом анализе количественных данных о жизни общества. Позитивизм-7 — это теория значения, соединяющая в себе феноменализм и логический метод, объединяемые принципом верификации, согласно которому, как утверждает философия логического позитивизма, значение высказывания состоит в методе его верификации. Затем следует позитивизм-8 — также разрабатывавшаяся в философии логического позитивизма программа объединения наук на основе синтаксиса и семантики. Позитивизм-9 — это разрабатывавшаяся К. Гемпелем теория познания, согласно которой наука представляет собой корпус взаимосвязанных, истинных, простых, точных и широкоохватных универсальных законов, лежащих в основе любого объяснения и предсказания. Позитивизм-10 — это теория познания, по которой наука представляет собой совокупность каузальных закономерностей, служащих для объяснения и предсказания феноменов. Позитивизм-11 — теория научного метода, согласно которой развитие науки происходит путем индуцирования законов на основе наблюдения и свидетельств эксперимента. Основоположником такого взгляда был Ф. Бэкон. Позитивизм-12 — это выдвинутая К. Поппером теория научного метода, согласно которой наука развивается, выдвигая гипотезы и стремясь к их опровержению, благодаря чему опровергнутые гипотезы элиминируются, а неопровергнутые сохраняются в науке. В разное время разные группы и индивиды поддерживали позитивизм в каком-либо из указанных вариантов.

Не вдаваясь в детальную характеристику и сравнение разного рода позитивизмов, отметим, что социологи используют самый широкий спектр позитивистских подходов. Далекое не всегда это использование сопровождается достаточной философской рефлексией. Наиболее распространенным подходом в среде социологов является использование количественных методов сбора и обработки данных, когда как сами методы, так и получаемые при их посредстве результаты априори рассматриваются как надежные и не подвергающиеся сомнению. Более того, часто они рассматриваются как единственно суще-

ствующие и единственно возможные методы и результаты социологического изучения. Это чисто ремесленный подход, когда социология трактуется просто как набор приемов, дающих искомый результат. Для философского рассуждения о том, соответствуют ли применяемые методы специфике познаваемого объекта, могут ли полученные результаты быть транслированы в непосредственный контекст человеческих целей и ценностей и т. д., и т. п., здесь просто не остается места. Если в процессе такого изучения все же возникают проблемы, они трактуются как технические ошибки, которые принято решать путем уточнения операциональных понятий и дальнейшей отработки количественных техник и статистических процедур. Более продвинутым вариантом того же подхода может быть сознательное намерение строить социологию как естественную науку с использованием естественнонаучных по своему происхождению принципов и методологий.

Можно сказать, что в обоих этих случаях мы имеем дело с крайностью, происходящей, может быть, из недостаточного внимания к развитию философско-методологических дискуссий относительно природы и характеристик социального знания. Другой крайностью оказывается стремление по философским основаниям полностью отвергнуть позитивистский (как бы ни понимался позитивизм) образ социальной науки и лечь на курс, предлагаемый антипозитивистскими программами социологии, как они, например, описаны в предыдущей главе. Эти программы отвергают позитивизм на том основании, что предписываемый им образ социальной науки, строящейся по модели естественных наук, не соответствует человеческой природе и природе общества. Каждый раз, когда эти программы возникали (например, формирование феноменологической социологии, или новейшей когнитивной микросоциологии, о чем речь будет ниже), они обещали революционный переворот в науках об обществе. До сих пор, однако, этого переворота не произошло. Объяснением здесь может служить предположение о том, что сами эти альтернативные концепции недостаточно глубоко разработаны, чтобы с успехом противостоять позитивистской социологии,

имеющей долгую и глубокую традицию, в результате чего позитивизму удастся с большим или меньшим успехом освоить, адаптировать эти попытки и включить их в собственную программу. Во всяком случае, любая альтернативная программа социологического познания и исследования всегда оказывалась антипозитивистской программой и всегда была направлена против позитивизма как преобладающего и центрального направления в социологии, как социологического истеблишмента.

6. Позитивизм в социологии

Позитивизм-6, по классификации П. Хафпенни, — это идеология количественных исследований в социальных науках, в частности в социологии. На самом деле, эта идеология соединяет в себе многие черты и других описанных выше позитивизмов.

Во-первых, она предполагает уверенность в том, что методы и процедуры естественных наук полностью и по праву применимы в социальных науках. Эта уверенность сопровождается убеждением в том, что специфика объектов социально-научного познания, т. е. людей, которые мыслят, общаются, приписывают смысл объектам среды и т. д., т. е. обладают характеристиками, которыми не обладают природные объекты, — эта специфика не является основанием для отказа применять для их изучения естественно-научные методы. Один из самых выразительных сторонников применения естественно-научных методов к изучению социальных явлений Дж. Ландберг писал:

«Когда мы создаем методики отчета о "субъективных" явлениях таким образом, чтобы наблюдения можно было сообщать и подтверждать, они представляют собой такие же объекты научного изучения, как и любые другие данные. "Объективное" и "субъективное" поэтому оказываются не внутренне присущими качествами различных типов явлений, а скорее обозначением достигнутого уровня развития проверяемых средств сообщения наших наблюдений. Таким образом, различие между данными социологии и данными физических наук оказывается скорее ка-

жущимся, нежели реальным. Мы не получаем физические данные сколь-нибудь более непосредственно или объективно, чем информацию социальную — за исключением случаев, когда нами разработаны более адекватные приборы и символы для записи физических данных. Единообразие физических данных, составляющее основу физических наук, наблюдается также и в отношении социальных данных... Научные законы определяют конкретные простые и часто искусственные условия, при которых явление ведет себя определенным образом. В этих условиях поведение можно прогнозировать с высокой степенью точности. Аналогичным образом мы можем предсказать с высокой степенью точности, сколько людей в конкретном городе родится, умрет, покончит жизнь самоубийством либо вступит в брак в предстоящий год *исходя из того, что существенные условия, на которых основаны наши наблюдения, остаются неизменными*. Эти условия всегда должны быть точно определены в нашем прогнозе и могут быть довольно многочисленными и сложными. Прежде чем мы сможем точно определить все существенные условия, потребуется длительное и тщательное изучение окружающей среды. Однако это — *sine qua non* для всех без исключения научных законов. Таким образом, трудности, которые, как представляется, могут препятствовать превращению знаний об обществе в подлинную науку, проистекают не столько из различий, внутренне присущих самим данным, сколько из нашей несовершенной методологии и методологии исследования и вытекающего отсюда нашего незнания¹⁸.

Во-вторых, неотъемлемой чертой позитивизма-6, или, может, лучше сказать «практического социологического позитивизма», является уверенность в том, что познаны могут быть лишь явления, доступные наблюдению, т. е. доступные нашему чувственному восприятию. Причем доступность может быть как прямой, т. е. явления могут наблюдаться, так сказать, невооруженным глазом, так и косвенной, когда явле-

¹⁸ Landberg G. Social Research. N.Y.: Longmans, Green and Co, 1942.

ния наблюдаются при посредстве инструментов. Будучи сформулированной на философском уровне, такая позиция выступает под именем феноменализма. В рамках феноменализма всякого рода субъективные состояния типа «чувств», «намерений» и т. п. отвергаются как метафизические сущности, обоснованное знание о которых в сущности невозможно. Феноменализм не тождествен эмпиризму, хотя эти две философские доктрины часто отождествляются. В то же время феноменализм как учение об ограниченности познания данными опыта является логическим следствием эмпиризма как учения о необходимости основания знания на эмпирическом фундаменте. В практическом мировоззрении позитивизма — обе эти доктрины находят свое выражение в методологическом требовании принимать в качестве переменных только феномены, доступные эмпирической фиксации. Это не есть принципиальное ограничение познавательных возможностей социологии, как об этом иногда говорят. Наоборот, этим постулируется необходимость развития инструментов социологического познания, открывающих для социологии все более широкие горизонты опыта. Здесь можно повторить слова Дж. Ландберга о том, что трудности в познании субъективных состояний проистекают не столько из особенностей природы этих состояний, якобы недоступных наблюдению, сколько из несовершенства методики и методологии наблюдений. Современные методики, такие, как каузальный анализ, методы, почерпнутые из матричной алгебры, теории графов и др., существенно расширяют имеющиеся возможности и делают доступными для количественного исследования огромный спектр «субъективных состояний». Другое дело, что в ходе такого прогресса оказывается нерешенным огромное количество методологических проблем, поскольку речь здесь всегда идет об интерпретации как самих этих «субъективных состояний», так и используемых для их экспликации эмпирических индикаторов, а в этом деле активно участвуют невыявляемые предпосылки, коренящиеся в повседневном опыте исследователя. В результате часто то, что мыслится в качестве объективного индикатора таких индивидуальных или коллективных

состояний, как, например, тревожность, сплоченность или намерение, оказывается лишь метафорой, которая, в отличие от метафор, применяемых в должном контексте, т. е. в поэтическом произведении, не столько проясняет, сколько затемняет истинное положение дел, хотя (также в отличие от поэтического употребления метафор) создает ощущение научной строгости.

В-третьих (речь по-прежнему идет о практической социологической идеологии в рамках так называемого позитивизма-б), предполагается, что научное знание складывается в результате накопления верифицированных фактов, относящихся к той или иной области науки. Получение достаточно большого количества фактов приводит к формированию эмпирических закономерностей, сочетание которых, в свою очередь, ведет к формированию теории, описывающей ту или иную область реальности (в науках об обществе — социальной жизни). Доктрина, состоящая в том, что научное знание получается путем обобщения эмпирических фактов, именуется индуктивизмом. Индуктивизм относится к числу традиционных философских концепций, сыгравших огромную роль в формировании эмпирической науки. Однако в XX в. доктрина индуктивизма была подвергнута серьезной критике на том основании, что «факты» не бывают «чистыми», а всегда теоретически нагружены и оказываются продуктом часто неосознанного применения интерпретационных процедур, причем в этих интерпретациях большую роль играют не только ошибки и иллюзии, порождаемые нашими органами чувств, но и индивидуальные и групповые идиосинкразии и интересы. Кроме того, с самого момента возникновения концепций индуктивизма подчеркивались логические проблемы индуктивного обобщения, по самой своей природе не дающего логически необходимого знания. Другими словами, индукция, на каком бы гигантском наборе фактов она ни основывалась, всегда говорит о том, что было, но по самой своей природе не способна сформулировать высказывание о том, что будет или должно быть. Такая ситуация, с одной стороны, ведет к здоровому самоограничению науки в том, что каса-

ется ее претензий на познание мира («наука говорит о том, что есть, а не предсказывает будущее»), но, с другой стороны, приводит саму науку к логическому противоречию: открываемые ею законы имеют универсальный и обязательный характер, хотя они строятся на необязательном индуктивном основании. Поэтому индуктивизм дополняется гипотетико-дедуктивизмом, о котором говорится далее.

В-четвертых, к позитивистскому видению науки вообще и социологии в частности относится представление о наличии, так сказать, обратной связи между теорией и эмпирическими фактами. Всегда существует возможность на основе теории сформулировать дедуктивную гипотезу относительно, скажем, связи между двумя переменными, которую затем можно подвергнуть эмпирической проверке. Если гипотеза подтверждается, теория считается подтвержденной (*corroborated*), хотя это и не означает суждения об ее истинности. Если же гипотеза противоречит эмпирическим данным, теория считается ложной и отвергается (элиминируется). Эта концепция именуется гипотетико-дедуктивизмом. Если индуктивизм — это доктрина, подчеркивающая роль позитивных подтверждений (ее вариантом применительно к философии науки является верификационизм), то гипотетико-дедуктивизм — доктрина, подчеркивающая роль негативных фактов, т. е. опровержений (ей соответствует так называемый фальсификационизм). Если ученый исповедует индуктивизм, он ориентирован на поиск подтверждений своей теории, если он исповедует гипотетико-дедуктивизм (соответственно, фальсификационизм), он ориентирован на поиск опровержений, т. е. на более строгое испытание своей теории. Он стремится не доказать, что он прав, а, наоборот, испытать свою правоту. Его конечная цель — *exregimentum crucis*. Гипотетико-дедуктивистский метод, как он был сформулирован К. Поппером, придал истории науки более драматический облик по сравнению с тем, как она выглядела в рамках «плоского» индуктивизма. Подробнее об этом будет говориться ниже при изложении концепции К. Поппера. Но одновременно гипотетико-дедуктивная модель развития науки, предложенная Поппером, открыла «ящик Пандоры», т. е.

породила целый ряд альтернативных концепций динамики науки — от теории парадигм Т. Куна до анархической эпистемологии П. Фейерабенда, которые подвергли сомнению вопрос об объективности и абсолютной надежности научного познания и даже само право науки считать себя привилегированной инстанцией в вопросах познания. Но об этом далее.

И наконец, в-пятых, позитивизму в социологии свойственна особая позиция по вопросу о ценностях. Как указывает А. Бримен, позитивисты считают необходимым прояснить свою позицию по вопросу о ценностях в двух отношениях¹⁹. С одной стороны, считается необходимым, чтобы социолог в процессе исследования стремился в максимально возможной степени очиститься от ценностных суждений, предпочтений, предрассудков и т. д., которые могут воспрепятствовать объективности познания и, следовательно, негативно отразиться на надежности и обоснованности выводов. С другой стороны, позитивистски ориентированные ученые стремятся с максимально возможной точностью проводить различие между научными и нормативными проблемами и суждениями. Фактически проведение такого различия оказывается проведением границ между наукой и не-наукой. Научные суждения — это те, которые поддаются эмпирической проверке. Нормативные суждения эмпирической проверке не поддаются. В этом различии одновременно и выразительно проявляются как теоретико-познавательная, так и социально-ценностная концепция науки позитивизма. С точки зрения теории познания позитивистский подход к науке — это эмпирический подход, поскольку научные суждения основаны на опыте и проверяются опытом. С социально-ценностной точки зрения позитивизм исходит из идеи ценностной нейтральности науки. Разумеется, позитивизм может подвергнуть изучению любую ценностную позицию в соответствии с собственными методологическими предписаниями и выявить ее возможное воздействие на разные стороны социальной жизни, но он никогда не сможет, да и не стремится

¹⁹ *Bryman A. Quantity and Quality in Social Research. L.: Unwin and Hyman, 1988. P. 15.*

подтвердить или опровергнуть какую бы то ни было ценностную позицию.

Позитивизм-6 в этих его пяти признаках, в кратком виде сформулированных упомянутым выше А. Бриманом, представляет собой как бы обобщенный образ научности в социологии: желание соответствовать идеалу (в смысле приверженности естественно-научной модели познания), принципиальная опора на опыт, стремление избегать неverifiedируемых спекуляций, строгая и неукоснительная проверка собственных идей, идеологическая нейтральность и неподкупность в высшем смысле слова, т. е. отсутствие идеологических предрассудков, политических привязанностей, и т. д.

■ 7. Постпозитивизм и релятивизация социологического знания

7.1. Критический рационализм К. Поппера

Постпозитивизм связан, в первую очередь, с именем австрийского, затем английского философа К. Поппера. К основным достижениям Поппера в области философии науки относят: 1) открытие принципа фальсификации и соответственно отказ от принципа верификации, характерного для предшествующего этапа позитивизма — логического позитивизма; 2) специфическую интерпретацию контекста обоснования в ходе динамики научных теорий.

Попытаемся охарактеризовать подробнее оба этих попперовских нововведения в философии науки. Принцип фальсификационизма сформулирован самим Поппером в нескольких фундаментальных положениях²⁰:

- «1. Легко получить подтверждения, или верификации, почти для каждой теории, если мы ищем подтверждений.
2. Подтверждения должны приниматься во внимание только в том случае, если они являются ре-

²⁰ Adorno Th. u.a. Der Positivismusstreit in der deutschen Soziologie. Neuwied und Berlin: Luchterhand Verlag, 1970. S. 351.

зультатом *рискованных предсказаний*, т. е. когда мы, не будучи осведомленными о некоторой теории, ожидали бы события, несовместимого с этой теорией, — события, опровергающего данную теорию.

3. Каждая «хорошая» научная теория является некоторым запрещением: она запрещает появление определенных событий. Чем больше теория запрещает, тем она лучше.
4. Теория, не опровержимая никаким мыслимым событием, является ненаучной. Неопровержимость представляет собой не достоинство теории (как часто думают), а ее порок.
5. Каждая настоящая проверка теории является попыткой ее фальсифицировать, т. е. опровергнуть. Проверимость есть фальсифицируемость; при этом существуют степени проверяемости: одни теории более проверяемы, в большей степени опровержимы, чем другие; такие теории подвержены, так сказать, большему риску.
6. Подтверждающее свидетельство не должно приниматься в расчет за исключением тех случаев, когда оно является результатом подлинной проверки теории. Это означает, что его следует понимать как результат серьезной, но безуспешной попытки фальсифицировать теорию.
7. Некоторые подлинно проверяемые теории после того, как обнаружена их ложность, все-таки поддерживаются их сторонниками, например, с помощью введения таких вспомогательных допущений *ad hoc* или с помощью такой переинтерпретации *ad hoc* теории, которые избавляют ее от опровержения. Такая процедура всегда возможна, но она спасает теорию от опровержения только ценой уничтожения или по крайней мере уменьшения ее научного статуса. (Позднее такая спасательная операция стала называться «конвенционалистской стратегией» или «конвенционалистской уловкой».)

Все сказанное можно суммировать в следующем утверждении: *критерием научного статуса теории является ее потенциальная фальсифицируемость, опровержимость, или проверяемость.*

Эти семь положений, составившие суть попперовской работы «Логика исследования»²¹ (хотя в цитируемом здесь виде они были сформулированы гораздо позднее), можно сказать, произвели революцию в философии науки. На смену верификационистской идеологии, характерной для логического позитивизма, пришла идеология фальсификационизма. Верификационизм и индуктивизм считали теорию научной, если было получено ее подтверждение, а Поппер (на том основании, что подтверждение «легко получить, если мы ищем подтверждений») счел верификацию недостаточной для того, чтобы теория обрела статус научной теории. Если ее нечем опровергнуть, значит она далека от опыта и представляет собой «метафизику» и «спекуляцию», что не есть плохо само по себе, но имеет отношение не к науке, а к философии или идеологии. Фальсифицируемость теории, следовательно, оказалась критерием разделения науки и не-науки. Так что, с одной стороны, концепция Поппера усилила мотив эмпиризма, коренной для позитивизма вообще, и в еще большей степени приблизила науку к опыту. Но, с другой стороны, она лишила научные суждения их статуса вечных и неоспоримых истин, превратив их во «временно истинные» и в определенном смысле контекстуально обусловленные. Научные истины, по Попперу, не вечны, наоборот, они живут под постоянной угрозой опровержения, более того, они тем более научны, чем более опровержимы, и наоборот. Это внесло в научное познание мощную волну релятивизма, что, как мы увидим ниже, для некоторых мыслителей оказалось слишком сильным соблазном и привело их к нигилизму в отношении научного познания вообще.

То же, что было отнесено Поппером к науке вообще, он считал в еще большей степени относящимся к социальным наукам. Так, в одном из выступлений он выдвинул следующие тезисы применительно к социальным наукам²²:

«1. Метод социальных наук, также как и естественных наук состоит в том, чтобы проверять попытки решения их проблем — проблем, из которых он ис-

²¹ Popper K. Logik der Forschung. Wien, Springer. 1936.

²² Adorno u.a. Op. cit. S.

ходит. Решения предлагаются и подвергаются критике. Если попытка решения недоступна для деловой критики, то она исключается именно из-за этого как ненаучная, хотя бы и лишь временно.

2. Если она доступна для деловой критики, то мы пытаемся ее опровергнуть, поскольку любая критика состоит в попытках опровержения.
3. Если попытка решения нашей критикой опровергается, то мы пытаемся прибегнуть к другой.
4. Если она выдерживает критику, то мы ее предварительно принимаем — т. е. мы принимаем ее прежде всего как заслуживающую дальнейшего обсуждения и критики.
5. Итак, методом науки служит проверяемая (*tentativ*) попытка решения (или идея), контролируемая самой острой критикой. Это критическое развитие метода попытки и ошибки («*trial and error*»).
6. Так называемая объективность науки состоит в объективности критического метода. Но это означает прежде всего то, что никакая теория не свободна от критики, а также и то, что логические вспомогательные средства критики — категория логического противоречия — объективны».

При этом Поппер четко противопоставлял свои рекомендации для социальных наук традиционному позитивистскому требованию единства науки, критикуя то, что называется «методологическим натурализмом или сциентизмом», согласно которому главное достоинство социальных наук состоит в приближении их к методам наук естественных. Это означает, говорит Поппер, предписание для социолога начинать с наблюдений и измерений, т. е. со сбора статистических данных, а затем двигаться индуктивно к обобщениям и созданию теории. Таким образом якобы гарантируется приближение к идеалу научной объективности, насколько это вообще возможно в социальных науках. Поппер считает такие рекомендации сомнительными и ненадежными, так как в социальных науках объективность, если и возможна вообще, то крайне трудно достижима, поскольку «объективность означает свободу от ценностной оценки, а представитель социальных наук может лишь в очень редких случаях настолько освободиться от оценок своего соб-

ственного общественного слоя, чтобы хоть мало-мальски продвинуться к свободе от оценок и объективности».

Вторым исходным положением философии науки Поппера, наряду с фальсификационизмом, является разделение «контекста открытия» и «контекста обоснования». Открытие происходит «в миру», где на ученого влияют его настроения, социальная среда, предрасудки, случайности и т. д. Из истории науки хорошо известно, что теория может явиться как озарение, присниться и т. п. И здесь открывается обширное поле для психологического, социологического и любого возможного вида исследования. В отличие от широкого и неупорядоченного контекста открытия, контекст обоснования, наоборот, четко нормирован и подвержен строгим методологическим правилам и предписаниям. Именно к контексту обоснования и относятся все приведенные выше методологические предписания, составляющие в целом фальсификационистскую научную идеологию.

Главной целью Поппера при разделении контекстов обоснования и открытия было стремление «вынести за скобки» из философии науки все неупорядоченное и не поддающееся упорядочению, «загрязняющее» область научной деятельности как таковой. В результате должен был возникнуть гораздо более реалистический, чем в традиционном позитивизме, образ науки. Поппер предложил сузить сферу, в которой должны реализовываться методологические предписания (и изменить само содержание этих предписаний), и тем самым сделать картину научной деятельности более соответствующей тому, что происходит в реальности.

Попперовская философия науки, называемая также критическим рационализмом, привела к целому ряду последствий, которые оказались неожиданными даже для самого ее создателя. В 60–80-е гг. XX в. именно в рамках критического рационализма стали формироваться постпозитивистские концепции, развивающие тенденции релятивизма, содержащиеся и в самих попперовских трудах. Это относится, в первую очередь, к концепции научных революций известного историка науки и науковедца Т. Куна, а также к крайне радикальной в отношении выводов из фак-

тов истории науки так называемой анархической эпистемологии П. Фейерабенда. Оба этих направления возникли, разумеется, не только на основе попперовских идей. Они стали в определенном смысле воплощением духа времени, свидетельством наступления новой социокультурной эпохи, названной позже постмодерном. Подробнее об этом будет сказано ниже. Пока что лишь отметим, что названные концепции (так же, как и некоторые другие, на которых мы не можем здесь остановиться) стали — через посредство критического рационализма Поппера — развитием позитивистского наукоучения. Позитивизм в лице названных теоретиков пришел сначала к релятивизации результатов научного познания (Кун), а затем к отказу от признания за наукой роли главного источника познания и к отрицанию за ней безусловно позитивной роли в развитии современного общества (Фейерабенд). Применительно же к теме настоящей работы важно отметить, что постпозитивистское развитие ознаменовалось резкой социологизацией философии науки. Это отчетливо видно у Куна, показавшего, что критерием успеха научных теорий оказывается не их истинность, как бы она ни понималась, а признание со стороны научного сообщества, т. е. место критерия истины оказалось перенесенным у него из эпистемологии в социологию. Еще более отчетливо это проявляется у Фейерабенда, вообще отказавшегося от рассмотрения научного познания с точки зрения истинности или ложности и превратившего науку в одну из стратегий социального успеха, играющей к тому же весьма двусмысленную роль в социальном развитии.

7.2. Концепция парадигмального развития Т. Куна

Суть концепции Куна (по его знаменитой книге «Структура научных революций», вышедшей в свет в 1962 г.²³) заключается в следующем. В развитии науки чередуются бурные, но сравнительно краткие периоды научных революций и сравнительно протяженные спокойные, стабильные периоды существования так

²³ Русский перевод: Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.

называемой нормальной науки. Нормальная наука зиждется на великих образцах — парадигмах. Как правило, в качестве парадигм выступают эпохальные исследования или серии исследований, или исследовательские проекты, становящиеся образцом для работы многих других ученых, может быть, даже поколений ученых. Теоретически и методологически все исследования строятся в согласии с этим образцом — парадигмой. Эксперименты организуются так же, как они были организованы в образцовом исследовании. Факты, на которые направляется внимание ученых, — те же или того же рода факты, на которых строилось парадигмальное исследование. «Нормальная наука», т. е. наука стабильного, спокойного течения, представляет собой по существу воспроизведение того, что было сделано когда-то в образцовом исследовании.

Но постепенно накапливаются факты, не укладывающиеся в парадигму, т. е. противоречащие общепринятому представлению о том, как все устроено и должно происходить. Кун говорит в этой связи об «аномальных явлениях». Кем-то осуществляется то, что Кун называет экстраординарным исследованием, — исследованием, разрушающим старые парадигмальные каноны и закладывающим основы новой парадигмы. С этого момента в ломку старой парадигмы включается все больше ученых. Начинается период научной революции — крушения авторитетов, школ, институтов, моделей и методологий, теорий, мировоззрений, образов мира. Одновременно усиливается влияние новой парадигмы, возникшей на основе экстраординарного научного достижения. Вокруг новых авторитетов собираются сторонники, формируются школы, и научное развитие вступает постепенно в следующую стадию нормальной науки, но уже на новой парадигмальной основе.

Из куновской концепции следуют два важных для нас вывода. Первый: наличие парадигм указывает на исторический, т. е. относительный характер научных теорий и методологических концепций. Старая и новая парадигмы, по Куну, в целом несоотносимы друг с другом и, так сказать, несоизмеримы, что ведет фактически к отрицанию идеи прогресса в науке. В традиционных представлениях о науке каждый шаг позна-

ния есть добавление к познанному ранее. Движение науки — поступательное движение. С точки зрения теории парадигм развитие науки — это серия кризисов, каждый из которых по-новому организует всю систему знания.

Второй вывод состоит в том, что развитие науки — это по преимуществу социальный процесс. Парадигма формируется как система норм, организующих научное сообщество (нормы организации экспериментов, отбора и интерпретации важных фактов, элиминации не важных и не существенных, написания научных отчетов и т. д., и т. п.) и существует постольку, поскольку научное сообщество следует этим нормам. Развитие науки можно истолковать как совокупность долговременных процессов интеграции и дезинтеграции групп исследователей.

7.3. «Анархическая эпистемология» П. Фейерабенда

П. Фейерабенд в явном виде сформулировал ряд концепций, подрывающих традиционное наукоучение, в частности, концепцию «недетерминированности» теории эмпирическими данными. Суть ее состоит в том, что эмпирические данные не определяют однозначно истинность или неистинность теории. Всегда возможны несколько теоретических интерпретаций исходных эмпирических данных. На одних и тех же данных могут базироваться несколько даже несовместимых друг с другом теорий.

Другой основополагающей идеей для Фейерабенда стала концепция теоретической «нагруженности» эмпирических данных. Ею предполагается, что суждения научного наблюдателя всегда формулируются в определенном теоретическом и культурном контексте, к тому же наблюдатель использует инструменты и приборы, построенные с учетом определенных теоретических предпосылок и рассчитанные на определенный результат. Если строго придерживаться логики этой концепции, то нужно будет признать, что эмпирическая реальность или «природа» не может служить объективным критерием истинности наших теорий. Сами наши восприятия этой реальности предопределены нашими теориями.

Сам Фейерабенд сделал вполне радикальные выводы из этих и других своих теоретических соображений, выдвинув идею «анархической эпистемологии», согласно которой наука не есть истинное или главное познание объективного мира, и уравнивал в этом отношении науку с другими способами человеческого познания: магией, мистикой, мифом, искусством и др. «Сегодня наука господствует не в силу ее сравнительных достоинств, а благодаря организованным для нее пропагандистским и рекламным акциям»²⁴. Наука, говорил он, есть одна из форм идеологии, и ее следует отделить от государства, как это уже сделано в отношении религии.

Он утверждает, что идея строгого эмпиризма или строгой теории рациональности основана на слишком наивном видении человека и его социальной среды. «Для тех, кто наблюдает богатый исторический материал и не стремится обеднить его, дабы удовлетворить свои низкие инстинкты, свое стремление к интеллектуальной безопасности в форме ясности, точности, «объективности», «истинности», — для тех ясно, что есть лишь один принцип, работающий при всех обстоятельствах и на всех стадиях человеческого развития. Этот принцип: все годится (anything goes)»²⁵.

Как это должно выглядеть на практике? Ученый должен сравнивать идеи с другими идеями, а не идеи с фактами, он должен стремиться улучшить, а не отбросить идеи, не выдерживающие сравнения. Например, он может сравнивать представления о человеке и космосе, содержащиеся в Книге Бытия, с современной теорией эволюции и обнаружить, что теория эволюции не столь совершенна, как об этом обычно думают, и должна быть дополнена (или целиком заменена) усовершенствованным вариантом Книги Бытия.

Надо, кроме того, выдвигать гипотезы, противоречащие надежно подтвержденным фактам, наблюдениям, экспериментальным результатам. Природа «факта» сама по себе двусмысленна в силу, во-первых, изначальной теоретичности факта; во-вторых, обу-

²⁴ Фейерабенд П. Избранные труды по философии наук. М.: Прогресс, 1986. С. 513.

²⁵ Там же. С. 159.

словленности факта условиями чувственного познания; в-третьих, обремененности факта нашими обыденными предрассудками. Надо стремиться вскрывать эти обычно не замечаемые и не анализируемые самими учеными предпосылки, что может привести к опровержению считающихся ныне наиболее обоснованными результатов наблюдения, поставить под вопрос кажущиеся наиболее приемлемыми теоретические принципы, ввести в обиход восприятия, не имеющиеся в привычном нам перцептуальном мире.

Фейерабенд приводит целый ряд примеров, иллюстрирующих, как «сегодняшнее «знание» завтра становится «мифом», а самый смехотворный миф вдруг превращается в краеугольный камень науки». При этом он подчеркивает: умножение идей часто не может быть осуществлено силами самой науки. Для этого требуются вненаучные средства, обладающие мощью, превосходящей мощь научных институтов: церковь, государство, политические партии, социальная неувлеченность, деньги.

В общем и целом, заключает Фейерабенд, особенный метод, которым якобы обладает наука, это миф. Он скрывает свободу принятия решений, которой обладают, даже в пределах самых жестких и самых прогрессивных областей науки, как творческие ученые, так и широкая публика. Воспевание «объективных критериев» служит для того, чтобы «большие шишки» в науке (нобелевские лауреаты, руководители лабораторий, научных организаций, школ, деятели на ниве образования и т. д.) чувствовали себя в безопасности и были изолированы от масс (дилетанты, специалисты во вненаучных сферах, эксперты в других областях науки)... Так ученые обманывают самих себя и других, и не без прямой выгоды: у них больше денег, больше власти, больше sex appeal, чем они заслуживают, самые глупые процедуры и самые нелепые результаты в их области окружены аурой величия. «Пора, — заключает Фейерабенд, — их урезать, пора дать им более скромное место в обществе»²⁶.

Книга Фейерабенда «Против метода» по своей значимости оказалась сравнимой с работой Т. Куна

²⁶ Ibid.

«Структура научных революций», которая, впрочем, получила гораздо более широкое признание. Возможно, ученых устраивал имплицитный релятивизм Куна, но не устраивала прямая атака Фейерабенда на самые основы научного мировоззрения.

7.4. Л. Флек в возникновении научного факта

В предисловии к своей вышедшей первым изданием в 1962 г. книге «Структура научных революций» Т. Кун в качестве одного из источников своих идей указал на «почти неизвестную» монографию Л. Флека «Возникновение и развитие научного факта»²⁷, опубликованную в Базеле в 1935 г. Действительно, польский медик и бактериолог Людвик Флек гораздо раньше, чем Кун, пришел к практически тем же самым вполне революционным выводам. В основу его подхода легли два понятия, аналогичных основным понятиям концепции Куна. Там, где Кун говорит «парадигма», Флек употребляет понятие «стиль мышления», там, где у Куна фигурирует сложившееся уже в послевоенное время понятие «научное сообщество», Флек употребляет термин, который можно перевести как «мыслительный коллектив», или «коллектив мышления» (*Denkkollektiv*). Эти понятия он вырабатывает на основе пристального изучения истории медицины, а точнее, изучения истории представлений о сифилисе, начиная от Средневековья и до первой трети нынешнего столетия. Он приходит к выводу о том, что даже самые, казалось бы, объективные и четкие описания болезненных явлений и человеческой анатомии являются социально сконструированными. В зависимости от теоретических предпосылок, которых они придерживаются, врачи и биологи видят в одном и том же явлении совершенно разные вещи в зависимости от того, что соответствует практикуемому ими стилю мышления, и не видят то, что этому стилю мышления не соответствует. На основе собственных бактериологических штудий Флек заклю-

²⁷ Fleck L. Entstehung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache. Frankfurt a.M., 1994. Русский перевод: Флек Л. Возникновение и развитие научного факта. М.: ДИК, 1999.

чает, что беспредпосылочного наблюдения не существует; наблюдение проходит две фазы: сначала первоначальное «неясное видение», а затем непосредственное «формовидение» (*entwickelte Gestaltsehen*), когда воспринимается и видится именно то, что может и должно быть воспринято в соответствии со стилем мышления, практикуемым наблюдателем²⁸. «Неясное видение», говорит Флек, «бесстыльно», т. е. спутанно, хаотично, в нем не воспринимается фактическое, стабильное, фиксированное, наблюдатель не «наталкивается» на нечто жесткое — на «факт». «Формовидение», наоборот, есть прямое и непосредственное восприятие факта, формы, замкнутой целостности. Здесь важны два момента. Первый: формовидение не есть логическое умозаключение; Флек в нескольких местах подчеркивает, что это прямое, непосредственное усмотрение факта. Второй: «формовидение» предполагает наличие предшествующего опыта наблюдения в соответствующей области. Это тренированное научное видение; подразумевается тренировка в рамках определенного «стиля мышления». Но, научась видеть нечто, ученый одновременно утрачивает способность видеть формы, противоречащие избранному стилю мышления. В результате оказывается, что, что бы ни наблюдал ученый, результаты его наблюдения неизбежно будут подтверждать ранее принятую им теорию. Флек формулирует это следующим образом: «Каждое эмпирическое открытие... может рассматриваться как дополнение, развитие, преобразование принятого стиля мышления»²⁹.

Ясно, что мы имеем здесь дело с имплицитной критикой идеи прогресса науки. Развитие науки, по Флеку, это развитие определенного стиля мышления коллективом ученых или мыслительным коллективом, который придерживается определенных представлений о предмете исследования. При этом нет критерия для определения сравнительных достоинств различных комплексов предпосылок, различных стилей, поскольку речь не идет о более или менее тождествен-

²⁸ Fleck L. Op. cit. S. 121.

²⁹ Ibid. S. 122.

ном предмете познания. Каждый «стиль мышления» более или менее замкнут в себе и дополняется, развивается, преобразуется сам по себе независимо от прочих стилей. Если принять во внимание, что каждый из них имеет дело с разными наблюдаемыми «формами», т. е. в конечном счете с разными предметами познания (Флек неоднократно говорит о «неизмеримости точек зрения мышления» в рамках разных стилей), то станет ясно, что о прогрессе науки как целостного знания о мире здесь говорить бессмысленно.

У Флека имеется множество интересных и ценных соображений о процессах, протекающих в рамках «мыслительного коллектива», о социологических и историко-культурных детерминантах научных открытий. В целом его подход релятивизирует не только различные позиции в рамках науки, но релятивизирует формы знания вообще, ставя под вопрос как самоидентификацию науки в качестве рациональной формы знания, так и ее привилегированную познавательную позицию в сравнении с другими формами знания. Флек предвосхитил практически все идеи релятивистской философии науки 60–70-х гг.

7.5. Когнитивная микросоциология и ситуационизм

Социология добралась до лабораторий ученых довольно поздно — в конце 70-х гг. Это было невозможно на предыдущих этапах ее развития — вплоть до Куна и Фейерабенда, когда она строилась как абстрактная теоретическая дисциплина, скорее социологизированная эпистемология, чем социология. Ей не доставало метода, могущего стать основой эмпирического анализа. Конечно, существовала традиционная социология науки, но ей не хватало теоретических умозрений, которыми располагала социология знания.

Лишь развитие социальной феноменологии и некоторых родственных ей направлений, сосредоточившихся на анализе повседневности, поставивших в центр рассмотрения именно те аспекты социального мира, которые социологи (так же как и все прочие люди) принимали на веру, считали самоочевидными и

недостойными исследовательского внимания, дали социологии возможность пристально взглянуть в лабораторную повседневность и прийти к весьма неожиданным и даже шокирующим выводам относительно рациональности и объективности науки³⁰.

Немецкая исследовательница К. Кнор-Цетина, изучавшая практическое мышление ученых в ходе лабораторной экспериментальной работы, нашла, что речь здесь должна идти не столько о *познании*, сколько о *конструировании* фактов, в ходе которого используются несколько «моделей» рациональности, никак не совпадающих с идеализированным образом научной рациональности, гарантирующей объективность познания.

Прежде всего, в исследовательской практике научная рациональность подменяется *рациональностью выбора*, поскольку ученые работают в определенном социальном и «вещном» контексте и не могут не принимать его во внимание. Элементы этого контекста — ситуации их практической деятельности: доступность приборов и материалов, уровень энергетической обеспеченности, иерархические отношения в рамках научного коллектива и т. д., и т. п. В результате выбор проблем и направлений исследования определяется чем угодно, но не имманентной логикой предмета исследования.

Более того, критерии выбора проблемы иногда не имеют даже косвенного отношения к науке как таковой. Автор говорит о *смещении критерия выбора* за пределы лаборатории; это происходит, когда ученый вынужден принимать во внимание более широкий контекст своей деятельности, причем даже те его аспекты, которые лежат совсем в иной (не научной) сфере его мира. Это может быть, например, сфера финансов, или административная, или любая иная сфера.

³⁰ Latour B., Woolgar S. Laboratory Life. The Social Construction of Scientific Facts. Beverly Hills (Cal.), London, 1979; Knorr-Cetina K. The Manufacture of Knowledge. An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science. Oxford, 1981 (Нем. вариант: Die Fabrikation der Erkenntnis. Zur Anthropologie der Wissenschaft. Frankfurt/Main, 1984).

«Здесь, — пишет Кнор-Цетина, — сама по себе обнаруживается *трансэпистемическая*³¹ компонента научной рациональности. Рациональность, учитывающая как внутрिलाбораторные обстоятельства, так и факторы, находящиеся далеко за пределами лаборатории, отнюдь не ограничивается набором аргументов чисто научной или хотя бы чисто логической природы. Ученый вовлекается в *транснаучные* сферы деятельности, где агентами выступают отнюдь не группы специалистов и даже не «научное сообщество» в целом... Поскольку наука в лаборатории не ограничивается научно-эпистемическими соображениями в узком смысле слова, она оказывается соотносенной с общественными контекстами, которые включены в транснаучную и трансэпистемическую рациональность лаборатории»³².

Автор выделяет еще несколько «рациональностей», или «логик», которые прямо проявляются в научной деятельности: «оппортунистическая рациональность», мышление по аналогии, или метафорический перенос, «литературная рациональность» и интерпретативная рациональность. К последней, интерпретативной «рациональности» мы вернемся позже, когда будем обсуждать проблематику социальных наук. Пока же рассмотрим другие выделенные автором формы обоснования выбора в научной деятельности.

Оппортунистическая рациональность — это и есть собственно рациональность выбора в лаборатории. Ученый — типичный оппортунист, использующий для достижения своих целей любые возможности, которые предоставляет случай. Именно этими возможностями определяется зачастую направление исследований. На-

³¹ Автор называет эпистемическими (от греч. *episteme* — знание, наука) те элементы суждения и деятельности, которые обусловлены стремлением к истинности познания. Соответственно, трансэпистемические — это те, что принимают в расчет и другие, не обусловленные стремлением к истине мотивы. Научное сообщество — это те группы специалистов, на которые ученый ориентируется в своей деятельности. Транснаучные группы или сферы — это те группы или общности, не относящиеся к научному сообществу, на которые также ориентируется ученый при принятии решений в своей научной работе.

³² Knorr-Cetina K. Die Fabrikation der Erkenntnis. S. 271.

пример, в том калифорнийском научном центре, в жизнь которого пыталась «погрузиться» Кнор-Цетина, имелась вспомогательная лаборатория (service-lab), услугами которой могли пользоваться все сотрудники центра. Они и пользовались, что обеспечивало экономию сил и средств. Но, как говорили ей многие исследователи, если бы они проводили определенные анализы сами, они выбрали бы другую методологию, чем та, которая практиковалась в service-lab. Но, поскольку эти анализы получались «практически даром», они ими пользовались при любой возможности.

Другой пример касается ограниченности энергетических ресурсов. Калифорния находилась в ситуации энергетического кризиса. Было временно запрещено проведение энергоемких экспериментов после пяти часов вечера и по выходным. Поэтому биохимические эксперименты, рассчитанные на более долгий срок, прерывались, а образцы замораживались на периоды пика потребления энергии. В исследовательских отчетах об этом, разумеется, не сообщалось. Это лишь два из множества примеров, проанализированных и систематизированных немецкой исследовательницей. Они свидетельствуют о случайном (не «эпистемическом») характере выбора стратегий (первый), а также о внешних (транснаучных) воздействиях, определяющих ход экспериментов.

Другие приводимые ею примеры демонстрируют: а) наличие «локальных», присущих практике той или иной лаборатории, того или иного научного центра, «идиосинкразий» относительно, скажем, массы вещества, необходимой для успешного анализа, или времени, в течение которого вещество должно подвергаться воздействию реактива. На практике в разных лабораториях одни и те же стандартные анализы проводятся по-разному, что, естественно, также не упоминается в отчетах. Налицо также: б) постоянную «осцилляцию» критериев выбора стратегий, и в) воздействие на выбор властных отношений в рамках научной организации.

Эти примеры могут показаться банальными, но они как раз представляют собой те элементы лабораторной повседневности, над которыми, как правило, не задумываются ни сами ученые, ни социологи науки. Эти банальные факты лабораторной жизни крайне слабо отражаются в работах по социологии науки и практически

никогда не отражаются в научных статьях — отчетах об исследованиях. Действительно, кто будет писать в статье, что выбор стратегии исследования был обусловлен тем, что *service-lab* работает быстро и дешево, или что необходимый для опытов аппарат был занят руководителем лаборатории и пришлось использовать тот, что нашелся у соседей! Точно также не будет упомянут в статье, посвященной функциональным характеристикам определенных протеинов, факт энергетического кризиса в Южной Калифорнии в таком-то году в разгар курортного сезона. Локальные идиосинкразии и осцилляция критериев выбора стратегии также никогда не находят отражения в научных отчетах. А ведь именно эти идиосинкразии превращают каждый казался бы банальный анализ, проводимый ежедневно чуть ли не миллионкратно в разных лабораториях в разных концах Земли, если не в уникальный, то во всяком случае, в ситуационно обусловленный.

Почему эти «банальности» так важны? Потому что именно они делают каждый научный результат продуктом множества ситуационно обусловленных решений, принимаемых под воздействием множества более или менее чуждых науке факторов. Эта практическая логика ученого в процессе научной работы и есть оппортунистическая рациональность, чуждая идеализированной научной рациональности.

Но еще более важен тот факт, что когда из множества более или менее случайных выборов и решений выкристаллизовывается итоговый отчет, итоговая статья, эта ситуационность и случайность исчезают, и само исследование — как метод его, так и результат — представляются как универсально значимые.

«Чтобы вернуть научному продукту его контекстуальный и партикулярный характер, надо идти в лабораторию и наблюдать за его *возникновением*, — пишет Кнор-Цетина. — С точки зрения оппортунистической логики, действие которой при этом обнаруживается, «научный метод» представляется локально обусловленной и локально развивающейся формой практики, а не безгранично универсальной парадигмой. Он не внеконтекстуален, а наоборот, контекстуально обусловлен»³³.

Такая — социологическая по своему происхождению — концепция науки оказывает обратное воздействие на социологию, меняя традиционный взгляд на социальную теорию и методологию. Будучи относительно новой для теории науки, она не является совершенно новой для социологии. Кнорр-Цетина пытается объединить все эти выступающие как альтернатива господствующему позитивизму направления в концепции когнитивной микросоциологии. «Вызов со стороны микросоциологии, — пишет она, — можно наилучшим образом проиллюстрировать двумя различными, но взаимосвязанными процессами: переходом от нормативного к когнитивному пониманию социальной системы и отказом от таких понятий в методологии, как коллективизм и индивидуализм в пользу методологического ситуационизма»³⁴. Сначала о когнитивном понимании социальных процессов. По сравнению с общепринятой нормативной трактовкой общественной системы, когнитивный поворот, который можно отнести к микросоциологическим подходам, характеризуется переключением интереса и внимания социологов на использование языка и на когнитивные процессы, выражающие и интерпретирующие значимость ценностей и обязательств. Это подход, согласно которому первостепенное значение придается практическому мышлению субъектов и который не интересуется причинами, якобы действующими за чьей-то спиной. Подход, в основе которого — *знающий, активный субъект* как первопричина человеческого поведения. В зависимости от того, делается ли акцент в этом словосочетании на «знающем» или на «активном», формируются различные исследовательские подходы. В первом случае считается, что приписываемые субъекту знания объясняют его поведение: участники действуют в соответствии с подразумеваемыми знаниями и нормами, которые они умеют применять в конкретных ситуациях, но которые они, возможно, не могут изложить. Задача ученого-социолога — определить нормы и подразумеваемые возможности, лежащие в основе повседне-

³⁴ Advances in Social Theory and Methodology. Toward an integration of micro- and macro-sociologies. Edited by K Knorr-Cetina and A.V. Cicourel. Boston—L.: Routledge & Kegan Paul.

ной деятельности. Разница между постулируемыми этой моделью когнитивными правилами и нормативными обязательствами, содержащимися в предыдущих концепциях, поясняет Кнор-Цетина, станет очевидной, когда мы проведем аналогию с лингвистикой. Подобно правилам синтаксиса трансформационной грамматики, нормы поведения, обнаруживаемые в микросоциологическом подходе, представляют собой аналог глубокой структуры поведения, усваиваемой индивидом в процессе социализации. В отличие от юридических норм или глубоко укоренившихся культурно-ценностных ориентаций, они не являются социально кодифицированными в общественном смысле, и их игнорирование скорее может поставить под сомнение компетентность некой личности либо вести к его дисквалификации как знающего члена общества, чем к юридической или моральной ответственности. Теория поведения в таком случае становится теорией социальной или культурной компетенции.

Такой подход влечет определенные последствия и для социологической теории, и для методологии. В теории вместо образа общества, интегрируемого общими ценностями и моральными нормами, в результате «микроскопического» исследования вырисовывается *когнитивный порядок создания и описания сущности*. Вместо того, чтобы воспринимать общественное устройство как однородную систему, регулирующую действия индивида, его начинают понимать как результат конкретного коммуникативного взаимодействия. В каком-то смысле проблема социального устройства переопределена так, что традиционный подход к социальному порядку поставлен с ног на голову. Социальный порядок уже не то, что объединяет общество через некий контроль воли индивидов, но нечто осуществляющееся в ходе обыденных земных, но неумолимых преобразований этой воли.

Можно констатировать, что на уровне социологической теории микроподход представляет собой вызов ведущему свое происхождение от Дюркгейма и благодаря структурному функционализму прочно закрепившемуся в социологической традиции видению общества как системы, интегрированной базовыми культурными ценностями. Точно также меняется и методология. На ме-

сто традиционных для социологии методологического холизма (структурный функционализм) и методологического индивидуализма (позитивизм) ставится *ситуационизм*. Вот как определяет различия этих трех методологических подходов сама Кнорр-Цетина.

Согласно холизму, общество как целое определяет ситуацию индивида таким образом, что он не может уклониться (или даже не пытается это сделать по причине нецелесообразности такого поведения) от выполнения функций, отведенных ему системой в целом. С этой точки зрения социальное поведение должно объясняться объективной ситуацией, либо функцией индивида в системе и законами, управляющими данным обществом. Эти законы должны рассматриваться как реальность *sui generis*, (по Дюркгейму), характеризующая конкретную общность как целое, а не производное индивидуалистических принципов. Методологический индивидуализм, напротив, требует сведения любого понятия к конкретным индивидуальным целям, интересам, к индивидуальному поведению, поскольку лишь индивиды являются реально существующими и, следовательно, реально ответственными социальными акторами. В отличие от обоих этих методологических подходов микросоциология апеллирует не к общности и не к индивиду, а к взаимодействию в социальных ситуациях, рассматривая последнее в качестве методологической «единицы». Как отмечал И. Гофман в статье «The Neglected Situation», подход, характерный для большинства социальных исследований, предполагает, что «социальные ситуации не имеют собственных свойств и структуры, а являются лишь геометрической точкой пересечения акторов, ведущих диалог и обладающих определенными социальными характеристиками»³⁵. Такова, к примеру, идеология социологических опросов, в фундаменте которой лежит предположение о том, что человеческое поведение может быть описано и предсказано на основе переменных, характеризующих отдельных акторов. Напротив, в большинстве микросоциологических подходов социальные ситуации понимаются как реальность *sui generis*,

³⁵ Goffman E. The Neglected Situation. P.P. Giglioli (ed.), *Language and Social Context* (Harmondsworth: Penguin, 1972), P. 63.

³⁶ Knorr-Cettina K. Op. cit.

которая характеризуется собственной организацией и динамикой, которые невозможно ни описать, ни предсказать на основе знания характеристик отдельных акторов³⁶.

Подводя итог, Кнорр-Цетина подчеркивает, что содержащийся в микросоциологических исследованиях методологический ситуационизм отрицает правомерность методологического индивидуализма по причине упрощенного представления последнего о том, что ключевой фигурой социального действия является отдельный человек, а методологического коллективизма (холизма) — по причине его опять-таки чересчур упрощенных представлений о том, что статистика ответов на вопросы интервью, либо данные, представленные в тематическом докладе или организационной отчетности, представляют собой надежный источник «макроскопических» сведений. Взамен ситуационизм предлагает концепцию взаимности и ситуативного характера социального действия. Кроме того, ситуационизм ставит под сомнение возможность сколько-нибудь доказательной аргументации, опирающейся на данные и отчеты, о контексте и процессе получения которых исследователь ничего не знает. Но не только критикой методов занимается ситуационизм. Его корни лежат в сдвиге интереса, благодаря которому язык и познание частично заменили нормативную социальную интеграцию в качестве главного предмета научного интереса. Для одних этот сдвиг означает исследование строя, правил и норм, а также средств, которые предположительно создают социальное поведение. Для других он сводится к изучению практик, посредством которых члены общества (вос)производят и обретают ощущение упорядоченности. В обоих случаях результатом является новая форма теоретически обоснованного эмпиризма.

■ 8. От модерна к постмодерну — социология в социальном и культурном контексте

В начале этого изложения была приведена цитата из Макса Вебера. Теперь стоит дать ее в более полном виде. «Возрастающая интеллектуализация и рационали-

зация не означает, — писал Вебер, — возрастания всеобщего знания человеком своих жизненных условий. Оно означает нечто другое: знание о том или веру в то, что человек, если он *желает*, в любое время *может* обрести это знание, что в принципе не существует влияющих на его жизнь таинственных непознаваемых сил и что в принципе путем *рационального расчета* он может овладеть всем, чем угодно. Это также означает расколдованность мира. Теперь людям не нужно, как дикарям, для которых эти силы существуют, прибегать к магии, чтобы обезвредить или подчинить себе духов, — для этого имеются орудия техники»³⁷.

Именно в рациональном отношении к жизни и миру, в использовании с рациональными целями технических орудий, основанных на рациональном познании и расчете, и заключается специфическая характеристика «западного капитализма», делающая его, по Веберу, принципиально новым типом общественной организации.

Этот принципиально новый тип общественной организации стал ядром эпохи модерна. Если отвлечься от понятийных тонкостей, то можно сказать, что под модерном понимается культурно-историческая эпоха, начало которой приблизительно совпадает с началом Нового времени и которая длится до сих пор. Эта культурно-историческая эпоха характеризуется определенным специфическим набором черт, наиболее четко и определенно представленных в современных западных обществах. Общества эпохи модерна имеют обыкновенно индустриальную капиталистическую экономику, демократическую политическую организацию, классовую социальную структуру. Все это отражается в специфике образа жизни: индустриализация общества, усиление социальной мобильности, рыночная экономика, всеобщая грамотность, бюрократизация, консолидация национальных государств. В качестве основополагающих культурных характеристик модерна чаще всего подчеркиваются индивидуализм и рационализм. Под индивидуализмом понимается концепция свободной, автономной, саморегулирующейся личности как основы

³⁷ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Stuttgart, 1986. S. 594.

совместного социального бытия людей. Под рационализмом понимается стремление людей и социальных групп основывать свое поведение исключительно на принципах разума и отказ от следования истинам, диктуемым религией, традицией, авторитетом и т. п.

Классики социологии: Вебер, Дюркгейм, Зиммель, Теннис — именно как социологи внесли огромный вклад в понимание эпохи модерна. Прослеживается глубокая связь между социологией как наукой и идеологией и культурой модерна. Разумеется, модерн как социокультурная эпоха представляет собой явление более широкое, чем наука социология. Но определенно можно сказать, что классическая социология, а вместе с тем и социология как таковая в той степени, в какой она следует классическим образцам, стала самым ярким выразителем духа модерна.

Однако наряду с классическим существует еще один образ модерна, связанный, прежде всего, с творчеством Вальтера Беньямина.

Истоки модерна Беньямин ищет не в Просвещении, а в XIX в., и связаны они непосредственно с распространением индустриального капитализма и товарного производства. Но подходит он к столетию совсем «с иного конца», чем, например, Макс Вебер. Если Вебер был зачарован «механизмом и машинизмом» XIX в., в которых наиболее ярко и непосредственно отражалась тенденция рационализации, то Беньямин, наоборот, считал, что столетие «заколдовано», и виноват в этом капитализм, погрузивший его в сон. Явившийся капитализм окутал себя «снами, мифами, фантазмагориями», которые и составили все вместе духовный облик модерна. Эти «сны, мифы и фантазмагории» — не только и не столько теоретические конструкции, сколько трудноуловимые и неустойчивые культурные образования, определяющие культурный фон эпохи, проявляющиеся в «моде, рекламе, политике, архитектуре», в самом стиле жизни.

Но мифы модерна, по Беньямину, — не только сны и фантазмагории повседневной культуры, это и теории модерна; тот модерн, каким он является его проповедникам и каким он возвещается ими, есть миф, и задача понимания модерна есть задача разоблачения этого мифа. Таким образом, в 20-е гг. прошлого столе-

тия Беньямин сформулировал понимание модерна (и понимание капитализма) как мифологического и даже религиозного феномена в противоположность Веберу, который видел суть капиталистического развития именно в преодолении мифов.

«Нервом» модерна, по Беньямину, становится явление многократной повторяемости и воспроизводимости, заложенное в самой сути массового капиталистического производства и побуждаемых им культурных форм. Едва ли не важнейшей из них оказывается мода, парадоксально характеризуемая Беньямином как «вечное возвращение нового»³⁸. Новый продукт посредством моды стимулирует спрос. Новизна приобретает решающее значение. В новизне как таковой, в конечном счете, сосредотачиваются все интересы эпохи. Весь темп и ритм современной жизни ориентирован на исчезновение одного товара и возникновение взамен него нового — на «возвращение нового». Этим изменяются сами представления о прогрессе: прогресс ориентируется не на человека, а на постоянное обновление окружающего его мира посредством технических усовершенствований. Не лучшее даже (с точки зрения человеческих интересов и целей), а новое (хотя этим и предполагается технический перфекционизм) становится критерием прогресса. Прогресс оказывается состоящим в постоянном возвращении одного и того же — нового. «...Вечное возвращение — пишет Беньямин, — пробудила именно "плоско рационалистическая" вера в прогресс»³⁹. Отсюда и трактовка модерна как «вечного возвращения одного и того же». Идею вечного возвращения, ожившую в современном мышлении под влиянием Ницше, Беньямин считает основной формой мифологического сознания, и поэтому модерн, базирующийся на идее рационального прогресса, сводящейся к мифологической структуре вечного возвращения, и рассматривается им как эпоха, одержимая мифом, как «мир под властью фантазмагорий».

Внутренне, на уровне человеческой субъективности «фантазмагорический» модерн отразился в явлении, который Беньямин обозначил как кризис опыта. Начало

³⁸ Benjamin W. Gesammelte Schriften. Bd. 2. Frankfurt am Main, 1972. S. 677.

³⁹ Цит. по: Wehling P. Die Moderne als Sozialmythos. S. 80.

кризиса совпало с возникновением товарного производства. Суть кризиса состоит в том что опыт (*Erfahrung*) оказался замещенным переживанием (*Erlebnis*). Опыт надо отличать от переживания. Для опыта характерна преемственность; последовательность его элементов неразрывна. Опыт коренится в традиции как коллективной, так и индивидуальной жизни. Переживания же существуют по отдельности; они вырваны из смысловых связей. Высшая форма переживания — шок. Для повседневности эпохи модерна характерно преобладание шоковых переживаний.

Разрушению традиций в модерне как раз и соответствует обеднение опыта и нарастание количества переживаний, прежде всего шоковых переживаний. Вытеснению опыта переживанием соответствует замена повествования, рассказа *информацией*. Информация удовлетворяет совсем иные потребности, чем рассказ, более того, она ведет к конструированию совсем иного мира, где человек оказывается вырванным из взаимосвязей традиционного опыта и вступающим якобы в непосредственные отношения с миром, который по видимости близок и доступен⁴⁰.

Трактовка модерна Беньямином совпадает с преобладающей «классической» трактовкой в том, что модерн неразрывно связан с приходом современного капитализма, наступлением эры массового производства и технизацией жизни. Но она резко отличается от «классической» трактовки прежде всего тем, что модерн здесь рассматривается не как эпоха освобождения от мифов и прогрессирующей рационализации жизни, а как именно мифологическая, до предела мифологизированная эпоха. Миф в модерне вплетен в самую структуру повседневной жизни, она им буквально пронизана. Причем именно идеи рациональности и прогресса являются основными мифами модерна. В этом смысле сама концептуализация модерна в трудах классиков социологии является одним из элементов продуцирования мифов, проще сказать, она есть мифотворчество. Тогда концепция рационализации, концепция «расколдовывания» мира Вебера, которую, как показывает история модерна от тех да-

леких времен до новейших концепций модернизации, можно считать ядром самопонимания модерна — это мифологическая идейная структура.

Беньямин явился одним из главных предшественников постмодерна. Постмодерн — философская идея, наиболее ярко выразившаяся в новой эпистемологии, связанной прежде всего с именами французских философов М. Фуко, Ж. Бодрийяра, Ф. Лиотара и др. В их работах проявилось осознание особенностей современных общества и культуры, делающих их отличными от предыдущих времен — осознание начала новой социокультурной эпохи в истории человечества. Если обобщить их соображения, то окажется, что для постмодерна характерны два основных момента: во-первых, постмодерн ставит под сомнение свойственное именно модернистской эпистемологии четкое разделение субъекта и объекта, во-вторых, постмодерн не доверяет так называемым «метаповествованиям», т. е. глобальным объяснительным концепциям.

Остановимся на этом подробнее. Ж. Бодрийяр отправляется от марксова анализа капиталистического производства, прежде всего от анализа различий между потребительной и меновой стоимостью. Потребительная стоимость — это ценность объекта с точки зрения его способности удовлетворить определенные человеческие потребности. Меновая стоимость — это рыночная стоимость объекта или продукта, измеряемая его ценой. Именно как предмет, обладающий меновой стоимостью, объект, согласно Марксу, становится товаром. С превращением объекта в товар Маркс связывал всю динамику капиталистического производства. Когда к марксову анализу добавляется еще одна категория — *знаковая* стоимость объектов, то возникает своеобразная семиотическая теория экономики, где главным в товаре оказывается не возможность его потребления (т. е. удовлетворения потребности), а его способность репрезентировать статус. Функция товара как знака состоит не столько в удовлетворении потребности, сколько в символизации и репрезентации самой этой потребности. Товар не столько удовлетворяет потребность, сколько обозначает статус.

Из этого факта, несомненно, давно и хорошо известного, Бодрийяр делает далеко идущие выводы. На самом деле, говорит он, первичность потребностей в че-

ловческой жизни и общественном развитии — миф. Между индивидуумом и вещью нет прямой связи через потребность. *Субъект отделен от объекта*. Их связывает друг с другом то, что диктует формы потребления, а именно: жизненные формы и стили, представляющие собой неосознаваемую структуру социальных связей, выраженную в знаках и символах, в частности, в знаковых объектах — товарах.

От понятия знака Бодрийяр переходит к понятию кода. Применительно к обществу можно говорить, что совокупность ценностей группы, к которой принадлежит человек, есть код его потребления. От товара как кода он переходит к кодам вообще, наличие многообразия которых начинает рассматривать как исключительную черту современного общества, современной жизни, современного опыта вообще. Коды господствуют не только в производстве и потреблении, но и в науке, например, биологии (ДНК), где они приобретают фундаментальную роль в объяснении процессов становления организма, в компьютерной и коммуникационной технике, а при их посредстве проникают во все области жизни.

Наличие кодов расширило воспроизводство до невероятных масштабов. Реальные объекты «утратили доверие», потому что все они моделируются и воспроизводятся искусственно. Коды позволяют «обойти» реальность и порождают «гиперреальности» (голография, виртуальная реальность и т. д.). Возникает феномен «обратимости». Это ведет к исчезновению «конечностей» любого рода; все оказывается включенным в одну всеобъемлющую систему, которая тавтологична. Это эпоха *симуляции и симулякров*⁴¹.

⁴¹ От лат. *simulatio* — видимость, притворство, имитация. В современных европейских языках словом «симуляция» обозначается не только имитация, подражание вообще, но, в первую очередь, имитирующее представление функционирования какой-либо системы или какого-либо процесса средствами другой системы или другого процесса (например, компьютерная симуляция производственного процесса). Так же симуляцией именуется изучение какого-либо объекта, недоступного прямому наблюдению, посредством «симулирующей» модели. В русском языке и в том, и в другом случае употребляется слово «моделирование».

Что же касается «симулякров», то это слово, также ведущее свое происхождение от *simulatio*, обозначающее образ, репре-

Мир становится миром симулякров. На человеческую жизнь это оказывает поразительное влияние. Она становится одномерной, ибо противоположности либо сглаживаются, либо вовсе исчезают. Благодаря таким жанрам, как перформанс или инсталляция, переход от искусства к жизни оказывается либо незаметным, либо вовсе несуществующим. В политике благодаря репродуцированию идеологий, более не связанных с «социальным бытием», снимается различие между правым и левым. Различие истинного и ложного в общественном мнении — в среде масс-медиа прежде всего, — перестает быть значимым; значима сенсация, или переживание в беньяминовском смысле слова. Полезность и бесполезность объектов, красивое и безобразное в моде — эти и многие другие противоположности, определявшие ранее жизнь человека, теперь сглаживаются и исчезают. И главное, что исчезло, — это, как уже сказано, различие между реальным и воображаемым. Все равно в мире «гиперреальности».

Так же, как Бодрийяр, Жан-Франсуа Лиотар в своем анализе современных изменений жизни и опыта отправлялся от воздействий знания, науки, технологии. Постмодерн, для Лиотара, — это отрицание марксова тоталитаризма. Тоталитаризм здесь надо понимать не в политическом, а скорее в теоретическом смысле, в смысле отказа от идеи целого (лат. *totum* — все, целое, совокупность, *totaliter* — все, полностью), которое целиком и полностью определяет части. Он констатирует, что описания общества как целостности, тотальности, независимо от того, как «оформлено» это описание (в терминах целостности, спаянной «органической солидарностью», как у Дюркгейма, функциональной дифференциацией на основе «нормативного консенсуса», как у Парсонса, или насилем одного класса над другим, как у Маркса), представляется все более и

зентацию чего-либо или какое-либо, несубстанциональное, несущностное сходство предметов или явлений. Единственное число — *simulacrum*, множественное — *simulacra*. По сути дела, это слово обозначает модель (математическую, компьютерную или иного рода модель). В русском языке применительно к философскому контексту уже устоялся термин «симулякр», или «симулякра» в единственном числе, и «симулякры» — во множественном.

более неадекватным по причине утраты в современном мире доверия к *метаповествованиям*⁴². Метаповествования — это всеобъемлющие теории, например, теория социальной эволюции, или теория закономерного чередования социально-экономических формаций, или учение о том, что целью общества является удовлетворение потребностей его членов, либо доктрина о целом, предшествующем частям и их, части определяющем. Отличительным признаком и теоретической, а так же и социальной функцией метаповествования является дедуцирование (если речь идет о теории) или навязывание (если речь идет о мире социальной практики), соответственно, теоретических решений или форм поведения, которые диктуются заранее принятым способом видения целого. Метаповествование (или «метанарратив», если быть ближе к терминологии Лиотара) предполагает телеологию, т. е. идею смысла и цели целого, которая оправдывает, обосновывает, легитимирует насилие в обществе и использование знаний для целей насилия. Метаповествование наделяет смыслом науку, политику, просто всякий фрагмент социального поведения. Что же касается конкретно науки, то она вообще существует как таковая именно благодаря опоре на метаповествование, «лежащее» вообще за ее пределами, — благодаря идее единства объективного мира и объективно существующим целям и задачам научного познания мира. Именно эти метанарративы служат главными средствами как легитимации правил науки, так и интеграции научного сообщества.

Объективность — самый грандиозный из метанарративов модерна, и именно от него в первую очередь отказывается постмодерн. Такая ситуация порождает массу парадоксов. Как показывал еще В. Беньямин, классическая версия модерна парадоксальна: модерн — это миф о модерне, рациональность — это образ иррационального мира, являющийся ему самому. Но постмодерн, если можно так выразиться, еще парадоксальнее. Ибо отказ от объективности как главного метанарратива влечет за собой допущение в

⁴² Liotard J.-F. The Postmodern Condition. Manchester, 1984 (оригинальное французское издание — 1979).

жизнь бесконечного количества других метанарративов. Отказ от главного метанарратива отменяет его тоталитарную власть. От имени объективности нельзя уже сказать: это правильно, это соответствует объективному состоянию вещей, а потому этот «рассказ» может быть «вставлен» в глобальный метанарратив, и эта конкретная история может стать частью всеобщей истории. Без объективности метанарративов становится много, и столько же становится несовместимых друг с другом путей жизни, каждый из которых черпает собственную легитимацию из собственного метанарратива. Другими словами, отмена главной, стоящей выше любой другой, т. е. научной объективности порождает массу объективностей, несоизмеримых друг с другом. Осмысление этой глубоко парадоксальной ситуации и родило идею постмодерна.

Нетрудно увидеть глубинное сходство основных положений философии постмодерна с социологическими идеями того, что выше подведено под общую рубрику «постпозитивизм». Постпозитивизм, как говорилось выше, сыграл определенную роль в расширении представлений о науке, он раздвинул ее рамки, «впустив» в науку много из того, что раньше из нее старательно изгонялось. Правда, обратной стороной такого расширения рамок научного знания оказалась его релятивизация, грозящая утратой специфики научного опыта и вообще науки как определенной формы познания мира. Поэтому не удивительным стало выдвинутое Фейерабендом требование отказать науке в статусе привилегированной инстанции познания, отделить ее от государства и образования и «уравнять "в правах" с такими формами познания, как религия, магия, астрология и т. п. В конечном счете эти требования означали самоотрицание духа модерна, неразрывно связанного с наукой как источником надежного знания о мире и двигателем прогресса. Движение «от позитивизма к постпозитивизму» оказалось соответствующим движению от модерна к постмодерну, т. е. соответствующим развитию когнитивного стиля современности в целом.

Поэтому данный в этом заключительном разделе статьи анализ перехода от модерна к постмодерну является как бы анализом социокультурного контекста развития представлений о роли и месте социоло-

гического знания в мире. Рассмотрение на этом «фоне» социологических концепций, обозначенных выше как постпозитивистские, позволяет оценить их как последовательное проявление в социологии нынешнего духа времени. Эти социологические подходы воплощают в себе основные направления развития современного мышления. И самое важное то, что они последовательно противопоставляют себя социологическим «метанарративам», выражением которых стали как системно-структурные теории общества, так и позитивистские методологические концепции научной социологии, предполагающие последовательный кумулятивный рост научного знания. Хотя нужно откровенно признать, что противопоставление ситуационизма позитивизму по существу является противопоставлением его научности как таковой, ибо в рамках любой существующей или возможной критики модерна именно наука рассматривается как едва ли не самый главный метанарратив модерна и главное основание всей духовной и материальной системы господства модерна.

Это по необходимости краткое сопоставление современного философского и социологического развития показывает, что социология, так сказать, идет в ногу со временем. Разложение единства и непрерывности человеческого опыта, как данного в повседневной жизни человека модерна, так и запечатлеваемого, фиксируемого наукой, его фрагментация, «коллажирование» — не только свойство повседневного опыта постмодерна, но и характерная черта трактовки знания многими новыми социологическими концепциями. Можно сказать, что характерной чертой новейшего времени является «кризис», т. е. разложение и фрагментация социологического знания, традиционный канон которого сложился в XIX в. в трудах Конта, а затем на рубеже XIX — XX вв. у классиков социологической мысли, прежде всего у Дюркгейма, но также и у Макса Вебера.

Если попытаться сформулировать главный вывод из проведенного в этой статье анализа, то он должен состоять в следующем. Социология — любимое дитя модерна. Случайно или в этом сказалась какая-то еще до конца не осознанная закономерность, но она оказалась рождена или по крайней мере крещена (свое имя «со-

циология» наука об обществе получила от создателя позитивизма О. Конта) одновременно с появлением манифеста научности, провозгласившего науку двигателем и сердцевинной общественной прогресса — контовского «Курса позитивной философии». Более того, в выдвинутой Контом классификации наук социология заняла место на самой вершине иерархической пирамиды. Именно с социологией Конт связывал самые существенные перспективы прогресса науки и общества. В этом смысле кажется совсем уже не случайностью, что именно в трудах классиков социологии были наиболее глубоко и последовательно сформулированы концепции модерна как особенной эпохи в истории человечества. Социология в этом смысле оказалась рефлексией модерна, а социологический опыт — опытом модерна *par excellence*. Концепции модерна, сформулированные Дюркгеймом, Максом Вебером и другими классиками социологии, были одновременно концепциями знания в эпоху модерна, и только в этом своем виде они смогли стать его, модерна, обоснованием.

Отмеченный выше кризис социологического знания, сопутствующий достаточно резким изменениям в духовном климате эпохи, т. е. наступлению постмодерна, обещает глубокие изменения, по крайней мере в рамках самой дисциплины, с которыми нам, возможно, придется столкнуться в ближайшие десятилетия. Возможно, этот кризис означает конец социологии как идеологии модерна.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Экономическую науку иногда называют «мирской философией»: она обращена к проблемам повседневной жизни людей и стремится осмысливать их систематически и научными методами. Впрочем, что именно подлежит осмыслению и какими средствами оно достигается — это вопросы, на которые нет однозначных ответов. Более того, разные варианты ответов на эти вопросы служили основой формирования научных школ и целых направлений экономической мысли, что во многом определило и логику развития экономической науки, и современную палитру экономического знания.

В данной главе представлена общая характеристика экономики как науки (параграф 1); рассмотрены идеалы научности, определившие ее первоначальный облик (параграф 2), эволюция представлений об экономике как объекте познания (параграф 3) и взглядов на методы изучения хозяйственных явлений (параграф 4), роль ценностного и, в частности, этического начала в экономической науке (параграф 5), наконец, развитие современной экономической методологии как составной части науки (параграф 6).

■ 1. Экономическая наука как объект методологической рефлексии

Современная философия изучает экономическую науку в двух основных аспектах: как отрасль знания и как вид человеческой деятельности.

Наиболее традиционный аспект философского исследования науки — эпистемологический. Он фокусирует внимание на конечном продукте научной деятельности — системе научного экономического знания, ее структуре и генезисе. Развитие научного знания рассматривается прежде всего в его собственной внутренней логике при относительно пассивной роли социокультурной среды.

Структура экономического знания с точки зрения его *содержания* определяется дифференциацией научно-исследовательских программ и сложившихся на их основе научных направлений, школ и традиций. В основе каждой научно-исследовательской программы лежит ее ядро: набор базовых установок, составляющих картину экономической реальности, или онтологию. Конкретное воплощение эти установки находят в научной терминологии, тематике исследований, а также в идеалах и нормах научной работы в данной области. Одно из главных направлений развития экономики как науки — расширение спектра научно-исследовательских программ.

Механизм генерирования новых знаний охватывает широкий круг традиционных проблем эпистемологии и методологии в узком смысле слова (как учения о методах научного исследования). Взгляды экономистов на происхождение и природу научных знаний и научного метода складывались под влиянием общенаучных методологических стандартов, отражавших опыт наука лидеров. В разное время в этой роли выступали математика и астрономия, теоретическая физика и эволюционная биология.

Функциональная структура научного экономического знания включает:

- теоретическое знание;
- эмпирическое знание (совокупность фактов, получивших истолкование в рамках соответствующей теории и составляющих ее эмпирический базис);
- онтологическое знание, состоящее из обобщенных представлений о предметной области, согласованных с более широкими мировоззренческими установками;
- инструментальное знание и навыки по технологии исследовательской работы;

- инструментальное знание и навыки прикладного характера, составляющие основу искусства экономики (включая значительный корпус опытного знания).

Экономическая теория — это систематизированное знание об устойчивых, повторяющихся связях в экономических явлениях и процессах, их структурных характеристиках, закономерностях функционирования и тенденциях развития. Экономическая теория служит для объяснения экономических фактов, лучшего понимания и предвидения хозяйственно-политических событий. Экономическая теория в узком смысле слова — это частная совокупность взаимосвязанных между собой научных понятий и суждений, характеризующих определенную зависимость между элементами (состояниями, свойствами) экономической реальности. Совокупность теорий разного уровня составляет экономическую теорию в широком смысле слова.

Экономические теории строятся из соответствующих понятий — экономических категорий — и включают, как правило, следующие элементы:

- исходные посылы (аксиомы, постулаты);
- теоретические модели;
- теоретические утверждения, или выводы (законы, теоремы, гипотезы, предвидения и т. п.);
- свидетельства правдоподобности (истинности) теоретических выводов или условия проверки гипотез.

Экономические категории — это абстрактные теоретические понятия, обозначающие основные элементы экономической реальности: например, «экономический человек», «фирма», «капитал»; их состояния («экономическое равновесие») или свойства («стоимость», «предельная полезность»). Содержание категорий зависит от теоретического контекста: категории, выражаемые одинаковыми терминами, но используемые разными научными школами, часто имеют разное содержание (например, «капитал» в теориях А. Смита, К. Маркса, Е. Бем-Баверка и Д.Б. Кларка).

Теоретические понятия не идентичны по содержанию с одноименными эмпирическими понятиями: так, величина «теоретического» валового внутреннего продукта (ВВП) никогда не совпадает с ВВП, как его рас-

считывает статистика, — хотя бы из-за неизбежных условностей статистического учета.

Исходные постулаты теории («труд — источник богатства», «фирма максимизирует прибыль», «ожидания экономических агентов рациональны») могут иметь разное происхождение: отражать повседневный опыт, заимствоваться из религиозных представлений или философской картины мира, наконец, приниматься условно (конвенционально) как удобное упрощение. Впрочем, момент условности присущ даже тем постулатам, которые кажутся самоочевидными. Именно поэтому не существует абсолютно достоверных теорий.

Теоретическая модель — рабочий инструмент исследователя, при помощи которого теоретические понятия и реальность соотносятся между собой. Модель упорядочивает понятия, устанавливая между ними связи и отношения, которые предположительно соответствуют связям и отношениям реального мира. Сопоставление результатов логического анализа свойств модели с характеристиками реальности для последующей корректировки модели — важнейшее средство разработки теории. В экономической науке применяется широкий спектр моделей: от простейших метафор, аналогий и вербальных (словесных) схем, используемых в научных рассуждениях (мыслительных экспериментах), до сложных математических моделей и компьютерных имитационных систем. Первой четко выраженной экономической моделью, отображавшей кругооборот общественного продукта, была «Экономическая таблица» Ф. Кенэ (1758), построенная на метафоре кровообращения. В современной экономической науке неуклонно возрастает роль формализованных математических моделей, преимущество которых связано с возможностью надежного прослеживания сложных цепочек взаимосвязей между параметрами и переменными. В зависимости от творческой задачи могут применяться как модели-аппроксимации, призванные отображать реальность как можно ближе к оригиналу, так и модели-карикатуры, намеренно искажающие общую картину, с тем чтобы оттенить отдельные ее черты¹.

¹ См.: Gibbard A. and Varian H. Economic models // Journal of Philosophy. 1978. Vol. LXXV. № 11.

Примером такой модели-карикатуры может служить модель рынка с нулевыми трансакционными издержками, позволившая сформулировать «теорему Коуза».

Цели теоретического анализа варьируют в зависимости от методологических установок ученого: эмпиристские установки требуют выдвижения научных фактов или предвидений; рационалистические установки — обобщающих выводов: законов, теорий. В любом случае экономическая теория имеет дело с утверждениями, устанавливающими связь между понятиями (законами науки); степень их соответствия законам реального мира и, соответственно, область их применимости всегда ограничена их предпосылками.

Экономическая наука включает теории, различающиеся по степени общности, сложности, формализованности — такие как: количественная теория денег и трудовая теория стоимости, законы Грэшема и Сэя, закон тенденции нормы прибыли к понижению Маркса и законы Госсена, теория длинных волн Кондратьева и принцип мультипликатора Кейнса, уравнения Слуцкого и эффект Пигу, кривая Лоренца и др.

Теории делятся на позитивные и нормативные: первые ограничиваются суждениями о том, *что есть*, т. е. суждениями, подтвержденными фактами, или в принципе проверяемыми путем обращения к фактам; вторые содержат ценностные суждения, т. е. суждения о том, *что должно быть*. Это различие часто имеет условный характер, поскольку нормативное начало может неявно содержаться в исходных постулатах теории.

Теория получает признание в качестве истинной или хотя бы правдоподобной, если есть подтверждающие ее факты и нет опровергающих. Предпосылки теории могут не совпадать с обстоятельствами появления фактов, а отнесение факта к существенным для теории или, напротив, к сопутствующим и случайным — не всегда очевидно. Кроме того, чтобы установить любой факт, внимание наблюдателя должно быть определенным образом сфокусировано. Теория — не что иное, как способ такой фокусировки, поэтому факты, как правило, нельзя считать независимыми от теории.

Начиная с 80-х гг. XX в. в экономической методологии сложились новые подходы — риторический и институционально-социологический — рассматривающие эко-

номическую науку в единстве собственно научного знания и механизмов функционирования научного сообщества. Разнообразие направлений и школ экономической мысли с разными, порой несовместимыми методологическими установками, потребовало переосмысления прежних наивных представлений о возможности установления общего, обязательного для всех методологического стандарта. В современной экономической методологии широкое признание находит принцип методологического плюрализма, согласно которому ученый свободен в выборе средств исследования, правда, при условии четкой идентификации собственных методологических принципов (или принципов научной школы, в рамках которой он работает) и готовности к их критическому обсуждению. Последнее необходимо, чтобы плюрализм не выродился во вседозволенность, препятствующую эффективному профессиональному общению в рамках научного сообщества. В этих условиях меняются функции экономической методологии. Традиционная нормативная функция, предписывающая, как должно вести исследования, теряет былое значение. Методология становится дескриптивно-аналитической, изучающей, как фактически генерируются новые знания, ведутся исследования, функционирует научное сообщество. Формируется ее профессионально-этическая функция, призванная в условиях методологического плюрализма и растущей дифференциации знания совершенствовать механизмы внутринаучной коммуникации и содействовать взаимопониманию между экономистами разных специализаций и научных направлений.

2. Две модели экономической науки

Экономика как научная дисциплина сложилась в Западной Европе в XVIII в. на основе обобщения идей и опыта так называемой эпохи меркантилизма — двух столетий полемики о принципах экономической политики государств. Другим мощным фактором и стимулом ее формирования служил идеал науки, который в век Просвещения опирался на успехи и отражал опыт классической механики с ее строгим теоретическим каркасом. Под влиянием этих разнонаправленных

факторов с самого начала были предложены две разные модели новой науки, которую стали называть *политической экономией*. Их характерными представителями были два знаменитых шотландца: сэр Джеймс Стюарт и д-р Адам Смит.

«*Принципы исследования политической экономии*» Д. Стюарта (1867) базировались на концепции научного знания, в которой теоретическое начало было сознательно подчинено началу практическому: экономика как наука ставилась на службу экономики как искусства.

Стюарт изначально предполагал, что экономика нуждается в мудром правителе, и задача новой науки — вооружить его принципами, которые помогут всякий раз в меняющихся обстоятельствах выбирать верный курс экономической политики. Своими «*Принципами*» он задал гибкую систему ориентиров для обсуждения экономических проблем, оценки ситуаций и выработки решений.

Экономика по Стюарту представляла собой сочетание трех начал²:

- *природы человека*, задающей универсальные принципы его поведения, прежде всего приоритет собственных интересов;
- *истории*, определяющей изменчивость и разнообразие естественных, геополитических, культурных (включая «дух народа») условий, в которых эти принципы действуют;
- модели взаимодействия двух первых начал — фактически *типа социального строя*.

Подход Д. Стюарта допускал различную субординацию основных начал и, соответственно, существование различных экономических систем, одновременно оставляя место для проявления воли правителя. По его образному выражению, «*торговые нации Европы подобны флоту из кораблей, каждый из которых стремится первым прибыть в определенный порт. На каждом государь — его капитан. В их паруса дует один ветер; этот ветер — принцип собственного интере-*

² См.: *Urquhart R. The trade wind, the statesman and the system of commerce: Sir James Steuart's vision of political economy // The European Journal of the History of Economic Thought, № 3. 1996. P. 3, 379–410.*

са... Естественные преимущества каждой нации — это разная мера качества пlying судов, однако капитан, ведущий свой корабль с наибольшим умением и изобретательностью... при прочих равных условиях, несомненно, выйдет вперед и удержит свое преимущество»³.

Стюарт не претендовал на открытие универсальных экономических законов, для него важнее было, чтобы степень определенности знания соответствовала природе изучаемого предмета. Эта установка дорого обошлась автору. Сознвая сложность своего предмета, Стюарт обставлял свои обобщения многочисленными уточнениями и оговорками, что сильно утяжеляло стиль трактата и затрудняло его восприятие современниками. Примером для подражания стало разве что название работы Стюарта: позже «Принципами политической экономии» именовали свои главные сочинения Джеймс и Джон Стюарт Милли, Рикардо, Сисмонди, Мальтус, Мак-Куллох и др. известные экономисты. Однако в содержательном и методологическом отношении законодателем моды в нарождавшейся науке стала другая работа — «Исследование о природе и причинах богатства народов» А. Смита (1776).

Научным идеалом Смита была физика Ньютона. За внешним непостоянством и разнообразием экономических явлений Смит искал их общие причины и неизменную природу. Выражением истинной природы экономики он считал ее «естественное» состояние, точнее — некоторую последовательность таких состояний, или траекторию экономического роста, которая служит осью притяжения в колебательном движении реальных народнохозяйственных процессов.

Теория для Смита была характеристикой экономики в чистом виде, как идеально отлаженного часового механизма⁴. В этом его подход радикально отличался от подхода Стюарта, который нацеливал на охват объекта

³ Steuart J. An Inquiry into the Principles of Political Economy. L., 1767.

⁴ «Человеческое общество, рассматриваемое с абстрактной и философской точки зрения, можно сравнить с огромной машиной, правильные и согласованные движения которой дают массу полезных результатов» (Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. С. 305).

во всей его сложности. Для Стюарта экономика ассоциировалась скорее с таким часовым механизмом, который часто барахлит и постоянно нуждается в настройщике.

В столкновении принципов простоты и сложности победила модель Адама Смита, и экономическая наука стала развиваться преимущественно как наука теоретическая, ориентированная на идеалы и нормы естествознания. Правда, эта победа никогда не была полной. Политическая экономия выросла из моральной философии и традиционно классифицировалась как наука моральная, или — в современных терминах — общественная, а потому не вполне подпадающая под канон естествознания. У самого Смита стремление к простоте и универсальности теоретических принципов уравнивалось исторической эрудицией и житейским опытом автора. В последующей истории экономической науки такое сочетание достигалось не всегда, и ее канонический образ регулярно подвергался критике за неоправданное упрощенчество и отрыв от реальности.

3. Картины экономической реальности

Выделение экономики как объекта познания только на первый взгляд может показаться простой задачей. Отнюдь не случайно, что ранние общества, судя по исследованиям антропологов, вообще не знали такого понятия. Социолог Карл Поланьи назвал такое положение «анонимностью экономики»: в ранних обществах *«экономический процесс институционально оформляется посредством отношений родства, брака, возрастных групп, тайных обществ, тотемных ассоциаций и общественных торжеств. Термин "экономическая жизнь" не имеет здесь очевидного значения»*⁵. Понятие экономики, согласно Поланьи, возникло лишь после того, как сама экономика как объективное явление выделилась из нераздельной прежде социальной ткани в автономную подсистему

общества, что и произошло в процессе формирования рыночных экономик уже в Новое время.

Стоит заметить, что этимологический предшественник современной «экономики» — древнегреческое слово «*ойкономия*» было гораздо шире по значению и охватывало все, что относилось к ведению домашнего хозяйства — от агротехники до бытовой гигиены и семейных отношений. Знания на столь разнородные темы могли соседствовать в нравоучительных трактатах типа знаменитого «Домостроя», но не имели шансов стать единой наукой.

Кристаллизация представлений об экономике как объекте теоретического познания шла по двум линиям: одна выстраивалась вокруг особого предмета — *материального богатства*, другая — вокруг особого типа поведения людей, мотивированного исключительно их частными интересами. На этой основе сформировались две базовые картины экономической реальности, или онтологии, которые с долей условности можно назвать, соответственно, *продуктовой и поведенческой*⁶.

Первым из крупных экономистов, кто проявил осознанный интерес к картинам экономической реальности, или онтологиям как особому типу знания, был, по-видимому, Шумпетер. В своей «Истории экономического анализа» он отметил:

«Чтобы иметь возможность сформулировать какую бы то ни было проблему, прежде мы должны иметь перед собой образ некоторой взаимосвязанной совокупности явлений в качестве заслуживающего внимания объекта наших аналитических усилий... Такого рода видение не только исторически должно предшествовать началу исследования в любой области, но может и заново вторгаться в историю каждой сложившейся науки всякий раз, когда появляется человек, способный видеть вещи в таком свете, источник которого не может быть найден среди факторов, методов и результатов, харак-

⁶ Ср. с разграничением вещного и акционерного рядов у Н.Д. Кондратьева (Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики: Предварительный эскиз. М.: Наука, 1991. С. 88 – 89.)

теризующих ранее достигнутый уровень развития науки»⁷.

Систематическая работа по выявлению и анализу экономических онтологий началась позже и была связана с переосмыслением истории экономической науки на базе методологических идей И. Лакатоша. Идентификация и сопоставление конкурирующих научно-исследовательских программ предполагали прежде всего выявление их онтологической компоненты, или, в терминах Лакатоша, «жесткого ядра». Это позволило выработать новое, более емкое представление о логике развития экономической науки, показать, что структура экономического знания, с точки зрения его *содержания*, формировалась главным образом путем расширения спектра научно-исследовательских программ и сложившихся на их основе научных направлений, школ и традиций.

3.1. Адализм картины экономической реальности классической школы политической экономии

Обе базовые экономические онтологии — продуктовую и поведенческую — можно найти уже у А. Смита. В его теоретической системе явно выделяются два блока.

Один связан с метафорой «невидимая рука», согласно которой рынок координирует действия людей, направляя частный интерес каждого его участника на поиск путей удовлетворения общественного спроса. Это был смелый контринтуитивный вывод. Вопреки общепринятому мнению, он утверждал, что между частными и общественными интересами нет антагонизма. Этот вывод лежал в основе нарождавшейся либеральной идеологии, выражая веру Смита в способность рынка к саморегулированию, подкрепляя его приверженность принципам свободы торговли и предпринимательства, скептицизм в отношении государственного регулирования экономических процессов.

⁷ Шумпетер Й.А. История экономического анализа: В 3 т. СПб.: Экономическая школа, 2001.

Поясняя свою мысль, Смит ссылаясь на тенденцию рынков к взаимному уравниванию спроса и предложения и, соответственно, тяготение цен к их естественному (читай — равновесному) уровню. В свою очередь, эту тенденцию он выводил из двух простых зависимостей: а) превышение спроса над предложением повышает цену (и доходность) товара и тем самым б) привлекает дополнительные ресурсы на данный рынок, восполняя недостаточное предложение. Симметричный уравнивающий механизм «запускается» в случае превышения предложения над спросом.

Второй блок теоретической системы А. Смита покоится на абстракции общественного продукта. Экономика предстает как процесс непрерывного кругооборота некоторого однородного субстрата — общественного продукта, обеспечивающего материальную базу всей жизнедеятельности общества. Каждый год он распределяется между всеми классами общества, потребляется ими и снова воссоздается трудом производительных работников. Эта продуктовая онтология задает четкую и жесткую рамку для анализа зависимостей, определяющих возможности и последствия структурных сдвигов в распределении и использовании производимого богатства (пропорциях потребления и накопления, соотношениях заработной платы, прибыли и ренты и т. д.), предпосылки и пределы его роста.

Звено, которое связывает два блока, — понятие естественной цены. Механизм «невидимой руки» призван объяснить единство естественных и рыночных цен (в силу их совпадения в «естественном», т. е. равновесном состоянии экономики) и, следовательно, правомерность использования в экономических измерениях естественных, т. е. равновесных цен взамен фактических рыночных. Это дает единое и устойчивое во времени мерило всех продуктов. В результате общественный продукт как конгломерат разнородных благ, произведенных нацией в течение года, может быть представлен как нечто единое, как особый предмет изучения.

Вопреки распространенному убеждению, именно образ кругооборота общественного продукта, а не анализ рыночной конкуренции, стал первой научной картиной экономической реальности — сначала у физиокра-

тов, затем у Смита. Важнейшие собственно научные достижения классической политической экономии базировались именно на продуктовой онтологии⁸, для которой были характерны:

- предпосылка естественного (нормального, сбалансированного) состояния;
- выделение важнейших структурных инвариантов, описывающих такое состояние (затраты-результаты, продукт-доходы, сбережения-инвестиции и т. д.);
- акцент на ресурсные (материальные) факторы распределительных отношений и экономического роста.

Что касается поведенческой онтологии, то у Смита она еще не стала основой научной теории. В описании рыночного механизма Смит не был оригинален и не шел дальше представлений здравого смысла своей эпохи. Как и Ньютон, он верил, что естественный мир гармоничен в силу его божественного происхождения. В результате образ «невидимой руки» Провидения, гармонизирующей частные интересы с общественным благом, сразу же стал ядром идеологической доктрины, но лишь спустя век — в результате маржиналистской революции — развился в научную онтологию для целого спектра исследовательских программ.

Раздвоенность картины экономической реальности в классической политэкономии создавала значительные трудности при определении ее предмета. Первая же

⁸ В дискуссиях конца XIX в. этот момент четко зафиксировал один из ведущих английских экономистов и философов того периода Г. Сиджвик: «...“законы”, которыми занимается экономическая наука — это прежде всего законы, определяющие экономические величины — общий объем богатства, его ежегодный прирост, относительные ценности его различных элементов, доли в этом богатстве экономических классов, участвовавших в его производстве... Вовсе не защита естественной свободы, а именно вклад в понимание того, чем определяются эти величины, составляет, по мнению экономистов, главную заслугу Адама Смита и определяет его место в истории развития экономической науки» (*Sidgwick H. The scope and method of economic science. (1885) // R. Smyth (ed.) Essays in Economic Method. Selected papers read to Section F of the British Association for the Advancement of Science, 1860–1913. L.: Duckworth, 1962. P. 82).*

систематическая попытка такого рода, предпринятая в Д.С. Миллем в его методологическом очерке в 30-е гг. XIX в., натолкнулась на проблему разграничения факторов богатства и, соответственно, наук, их изучающих. Милль признавал, что рост богатства во многом обусловлен состоянием производственно-технической базы, изучение которой не входит в сферу компетенции экономиста: *«так, производство зерна посредством человеческого труда — это результат закона разума и многих законов материи»*. Его решение проблемы поначалу было прямолинейным: *«...те законы, которые представляют собой исключительно законы материи, относятся к ведению физической науки... законы же человеческого разума, и никакие иные, — в ведении политической экономии, которая окончательно суммирует совместный результат действия тех и других»*. Соответственно, политическая экономия определялась как наука об общих законах рационального человеческого поведения по сравнению с естественными науками, изучающими общие законы материи. *«Достаточно универсальный»* характер общественных законов Милль объяснял их сводимостью к *«элементарным законам человеческого ума»*, иначе говоря, наличием некоторой общей природы человека. Так, в случае производства зерна *«закон разума состоит в том, что человек стремится обладать средствами существования и, в конечном счете, действует ради их обеспечения»*⁹.

Однако после написания собственных трудов по политической экономии Д.С. Милль заметно скорректировал позицию. Прежде всего, он признал, *«что притязать на научный характер»* политическая экономия имеет право *«лишь благодаря принципу конкуренции»*, ибо только на его основе *«можно сформулировать довольно общие и обладающие научной точностью принципы, в соответствии с которыми будут регулироваться ренты и т. д.»*¹⁰.

⁹ Mill J.S. On the definition of political economy; and on the method of investigation proper to it // Essays on Some Unsettled Questions of Political Economy. L., 1844. (Reprint: LSE. 1948). P. 130 – 135.

¹⁰ Милль Д.С. Основы политической экономии... Т. 1. М.: Прогресс, 1980. С. 394.

Кроме того, он стал разграничивать законы производства и законы распределения и приравнял законы производства к «истинам, свойственным естественным наукам» и не имеющим в себе «ничего, зависящего от воли»¹¹.

Уточнив первоначальную позицию, Миль явным образом пошел навстречу практике тогдашней политэкономии, как она была представлена трудами Смита и Рикардо, Мальтуса и Сэя. Законы поведения нужны были «классикам» главным образом для того, чтобы оправдать сведение собственно *теории* политической экономии к анализу равновесных (естественных) состояний и, стало быть, к незыблемым «законам производства». Соответственно, определение политической экономии как моральной науки, науки о поведении, оказывалось в значительной мере формальной данью традиции. Показательно, что такой авторитетный и в то же время нейтральный наблюдатель, как философ И. Кант, не относил политическую экономию к сфере «моральных», или практических наук, считая ее наукой, основанной на «естественной причинности»¹².

Итак, классическая политическая экономия была, прежде всего, теорией богатства. Она изучала экономику преимущественно «на выходе», со стороны материального *результата* производственной деятельности — общественного продукта, его структуры и динамики. Продуктовая онтология классической школы активно использовалась и в дальнейшем — в ис-

¹¹ Там же, С. 105, 337. Примеры, которыми Миль иллюстрирует эту мысль, однозначно указывают на то, что речь идет о естественных (материальных) факторах, ограничивающих рост богатства (убывающее плодородие земли, удельный вес производительных затрат в совокупных расходах и т. п.). Ссылка на закон убывающего плодородия особенно показательна, ибо ранее — в методологическом очерке — он фигурировал как особый случай. Миль называл его «истиной, которая принадлежит по праву естественным наукам, но которую политическая экономия заимствует и включает в число своих собственных истин» (см.: *Mill J.S. On the definition... P. 133n*).

¹² Цит. по: *Murphy J.B. The Moral Economy of Labor. Aristotelian Themes in Economic Theory. New Haven & L.: Yale University Press, 1993, P. 36.*

следованиях К. Маркса, В. Леонтьева, П. Сраффы, Л. Пазинетти¹³, в различных теориях роста, а также в экономической статистике. Тем не менее главные события в развитии экономической науки в последующий период были связаны с выявлением и освоением новых сторон экономической реальности.

В ходе маржиналистской революции (70–90-е гг. XIX в.) основное внимание сместилось в сферу обмена и сфокусировалось на самом *процессе* деятельности, на поведении экономических агентов, прежде всего на принятии ими решений по распределению (аллокации) и использованию ресурсов. Соответственно, различные маржиналистские школы, неоклассическая микроэкономика, включая неoinституционализм, и ряд новейших направлений макроэкономики взяли за основу *поведенческую* онтологию.

Наконец, осознание того, что поведение экономических агентов, в свою очередь, зависит от сложившихся норм и правил, стимулировало появление еще одной базовой онтологии — *институциональной*. Ее взяли на вооружение в XIX в. — историческая школа, в XX в. — традиционный институционализм и некоторые течения в рамках нового институционализма.

Каждой картине экономической реальности соответствует своя эмпирическая база и свои методы ее изучения. Так, продуктовая онтология ориентирует на работу с макроэкономическими данными. Поведенческая онтология — это, напротив, онтология микроуровня. Она предполагает изучение актов выбора экономических агентов на основе их ожиданий, предпочтений и оценок вероятных исходов принимаемых решений. Институциональная онтология нацелена на описание исторически обусловленных стереотипов и норм поведения, организационных структур экономической деятельности, характера их эволюционных изменений.

Если одни и те же явления рассматриваются в контексте разных картин экономической реальности, они получают, как правило, альтернативные, контекстно обусловленные, толкования. Например, рыночные цены могут представляться и как соотношение

¹³ См.: Курц Х., Сальвадори Н. Теория производства: долгосрочный анализ. М.: Финансы и статистика, 2004.

трудовых затрат (производственно-продуктовая онтология), и как договор, уравнивающий спрос и предложение сторон (поведенческая онтология), и как общественная норма обмена (институциональная онтология).

Сама по себе опора на определенную онтологию не предполагает замкнутости на соответствующее предметное поле. Каждый экономист более или менее отчетливо сознает, что хозяйственные процессы складываются из действий людей, что эти действия люди соотносят с материальными и институциональными условиями среды, и что их общий результат выражается в некоторой совокупности благ, удовлетворяющих человеческие потребности. Выбор онтологии — это выбор ракурса рассмотрения объекта: что принимается в качестве предпосылок, как разграничиваются параметры и переменные и т. д.

Можно выделить три основных вектора развития онтологических представлений об экономике в пост-классический период:

- а) краткосрочная модификация исходной преимущественно продуктовой онтологии;
- б) кристаллизация альтернативной поведенческой картины экономической реальности;
- в) попытки выдвижения специфически социальной онтологии для экономической науки.

3.2. Кейнсианский вектор

Установка «классиков» на изучение равновесных состояний экономики как единственно достойный предмет теоретического познания придавала новой науке весьма абстрактный характер. Внимание фокусировалось на *стационарных* процессах и *долгосрочных* трендах, тогда как *краткосрочные* отклонения от равновесия объявлялись результатом действия случайных или, во всяком случае, несущественных факторов. Так, приняв «Закон Сэя», который по существу снимал проблему согласования спроса и предложения на макроуровне, лидеры классической школы (Ж.-Б. Сэй, Д. Миль, Д. Рикардо, Д.С. Миль) вывели из сферы теоретического анализа такие явления, как денежные кризисы и кризисы перепроизводства, и тем самым

отгородились от острейших практических проблем экономической политики.

Исторически наиболее ранние попытки выдвижения концепций, выходящих за эти узкие рамки, были связаны с вовлечением в экономический анализ краткосрочных факторов экономической динамики, которые с самого начала оказались тесно переплетенными с включением денег в картину экономической реальности.

Показательна судьба одной из первых попыток преодолеть смитианский канон, предпринятой в Англии в самом начале XIX в. коммерсантом и общественным деятелем Генри Торнтоном. К тому времени идеи Адама Смита успели стать частью мировоззрения образованных слоев британского общества, и не только эпигоны, но и критики Смита воспринимали экономику в понятиях и образах «Богатства народов».

Одной из характерных черт этого взгляда было представление об истинной экономике как *реальной* экономике, в противовес *генежной*. Обмены товаров на деньги и денег на товары понимались не иначе, как промежуточные акты, от которых в теоретическом анализе можно и нужно абстрагироваться. Реальное значение придавалось только конечному результату: обмену товара на товар при пассивной роли денег-посредника. Для Смита сами деньги были техническим средством обращения, частью реальных капитальных запасов общества (массой денежного металла в обороте). Это представление органично сочеталось с количественной теорией денег в версии Д. Юма, по которой изменения денежной массы затрагивали только номинальные величины и не влияли на реальные экономические процессы.

Как практик, Торнтон не мог согласиться с таким подходом и дополнил общую картину еще одним элементом. Он показал, что в экономике наряду с жестким каркасом, задаваемым объемными и структурными характеристиками общественного продукта, действует еще один значимый фактор, который прежде оставался за рамками экономического анализа. Этот фактор — доверие. В самых первых строках своей книги Торнтон подчеркнул связь этого фактора с уровнем хозяйственной активности: «*в обществе, в котором*

законность и чувство морального долга слабы, и, следовательно, собственность не имеет надежной защиты, уровень доверия и кредита будет, разумеется, низким; не будет велик и объем торговли»¹⁴. Кредитно-денежная система выступала механизмом поддержки такого доверия. Работая на кредитном рынке, Торнтон хорошо понимал, что экономические обмены не сводятся к товарным обменам, что на практике товары и услуги нередко обмениваются на обязательства (т. е., по сути дела, обещания) будущих платежей, и что возможность таких сделок придает экономике дополнительные важные свойства.

Кредит у Торнтонна — это не нейтральная и пассивная среда, через которую проходят технологически взаимосвязанные продуктовые потоки; это активный и пластичный посредник, способный быстро и чутко менять свою конфигурацию и пропускную способность вслед за изменениями в состоянии доверия. При возрастающем доверии скорость оборота платежных средств растет, и даже при неизменной их массе это вызывает эффект, соответствующий эффекту от увеличения их количества. При определенных условиях этот эффект может, по выражению Торнтонна, «побуждать трудолюбие», т. е. расширять производство или торговлю, иначе говоря — быть реальным эффектом. Напротив, при снижении доверия «пропускная способность» кредитной системы может падать, подавляя экономическую активность даже при растущей денежной эмиссии.

Концепция Торнтонна соединяла классический *долгосрочный подход* на основе макроагрегатов, характеризующих движение общественного продукта, и тогда еще совершенно новый *краткосрочный подход*, введивший в картину экономической реальности массовое поведение экономических агентов. Последнее выступало фактором, объяснявшим относительную

¹⁴ Подробнее о Г. Торнтоне см.: *Ананьин О.* Макроэкономика Генри Торнтонна, или о чем знали экономисты еще 200 лет тому назад // Вопросы экономики. 2002. № 12. С. 110–126; см. также: *Торнтон Г.* Исследование природы и действия бумажного кредита Великобритании. Введение. Гл. X // Истоки. Экономика в контексте истории и культуры. М.: ГУ ВШЭ, 2004. С. 458–494.

пластичность макроэкономических зависимостей и определявшим соответствующее поле маневра для регулирующей политики денежных властей. Состояние доверия в концепции Торнтонна — близкий эквивалент того, что впоследствии стали называть экономическими ожиданиями, своего рода субъективной компонентой экономической деятельности, институционально закрепленной в денежной системе¹⁵.

Однако эти представления Торнтонна не вписывались в смитовский научный канон и вскоре после смерти автора оказались практически забытыми. Господство долгосрочного подхода заблокировало их восприятие на целое столетие. Переоткрывший эти идеи уже на исходе XIX в. знаменитый шведский экономист К. Виксель узнал о своем предшественнике только через 20 лет после публикации собственных изысканий.

Только сдвиги в экономических системах ведущих капиталистических стран, происходившие с конца XIX в. (повсеместное утверждение института центральных банков) и в первой половине XX в. (возникновение различных форм регулируемого капитализма), закономерно привели к актуализации «линии Торнтонна» в экономической теории. В конечном счете новая онтология денежной экономики с пульсирующим уровнем деловой активности по-настоящему утвердилась в науке только в результате кейнсианской революции и выделения макроэкономики в отдельную отрасль современного экономического знания в середине XX в.

3.3. Неоклассический вектор

Самый масштабный сдвиг в развитии экономической науки произошел в последней трети XIX в. и был связан с маржиналистской революцией. Именно в этот период образ экономики как совокупности индивидов, координирующих свои действия через рынок, стал

¹⁵ По оценке нобелевского лауреата Д. Хикса, Г. Торнтону принадлежит «лучший анализ действия кредитной системы в сравнении с тем, что было сделано кем-либо из старых экономистов. Как теория для краткосрочного периода, этот анализ может быть переписан в форме, весьма близкой к Кейнсу». (Hicks J. Monetary theory and history — an attempt at perspective // Critical Essays in Monetary Theory. Oxford, 1967. P.164).

реальным организующим началом при построении новых экономических теорий. Если раньше «невидимая рука» была именно невидимой — изучались только результаты ее функционирования, то теперь на первый план вышел вопрос том, как она действует, каковы условия достижения равновесного состояния. Внимание сместилось с *макроуровня* на *микроуровень* — на поведение первичных агентов экономического действия, их индивидуальные цели, ожидания и оценки. Соответственно, то, что прежде находилось в центре внимания — вопросы распределения общественного продукта и обеспечения экономического роста — теперь отошло в тень, стало восприниматься как свойство, присущее равновесному состоянию едва ли не по определению.

Эти перемены были закреплены знаменитым определением экономической науки Л. Роббинса (1932), согласно которому она «*изучает человеческое поведение как отношение между целями и ограниченными средствами, имеющими альтернативное применение*»¹⁶. Это определение звучала весьма непривычно: оно фиксировало определенный ракурс человеческого поведения, вообще не связывая его с экономикой как сферой деятельности.

Правда, отвергнув стандартные «материалистические» формулировки предмета экономической науки (как науки о богатстве), Роббинс сохранил предпосылку о внешнем характере целей экономической деятельности, т. е. оставил целеполагание вне рамок науки. Под экономическим поведением подразумевалась деятельность, связанная исключительно с целереализацией: выбором и применением *средств*. Но совокупность средств — это и есть богатство! В этом смысле новизна формулы Роббинса касалась не столько объекта изучения, сколько именно ракурса его рассмотрения. Однако со временем из него выросла отдельная дисциплина «микроэкономика», ставшая инструментарием для анализа «экономного» (или «экономизирующего») поведения в самых разнообразных ситуациях, в том числе весьма далеких от экономики в обычном

¹⁶ Robbins L. An essay on the Nature and Significance of Economic Science. L.: Macmillan, 1932, P. 16 — 17.

смысле этого слова. Роббинс, например, настаивал на том, что разница между производством картофеля и производством философских идей, в свете этого подхода, несущественна.

В свете новых исследовательских задач ключевым элементом экономической онтологии стали, во-первых, характеристики экономических агентов, координирующих свои действия, и, во-вторых, условия координации этих действий.

Оказалось, что теперь экономика как наука возможна только при наличии определенности в отношении типа поведения экономических агентов. Если их поведение произвольно, то экономика непредсказуема.

Начало методологической проработки этой проблемы восходит еще к Д.С. Миллю, который полагал, что политическая экономия имеет дело с абстракцией человеческого поведения. Человек в экономике рассматривается, по Миллю, *«лишь как существо, желающее обладать богатством и способное сравнивать эффективность разных средств достижения этой цели»*¹⁷. Предложенная Миллем методологическая трактовка экономического человека заметно опередила свое время. По-настоящему востребованной она оказалась только в рамках неоклассического направления современной экономической мысли.

Взяв курс на строгое выведение любого экономического явления из логики рационального поведения индивидов, неоклассики не могли положиться на некий усредненный образ человека. Интересы теоретического анализа потребовали «экономического человека» с новыми, в том числе мало реалистичными и по существу идеальными характеристиками. Уровень когнитивных способностей и компетенции «экономического человека» предполагался предельно высоким. Экономический агент современных неоклассических теорий имеет неограниченный доступ к необходимой ему информации, способен мгновенно ее обрабатывать, без задержки оценивать обстановку, предвидеть будущие события и принимать на этой основе единственно правильные решения.

¹⁷ Mill J.S. On the definition... P. 137.

Другой ключевой элемент неоклассической картины экономической реальности — предпосылка конкурентного рынка в наиболее радикальном ее варианте — как рынка совершенной (идеальной) конкуренции. Введение этой предпосылки означает, что любой экономический агент противостоит анонимной стихии рынка в одиночку, не имея никакой возможности оказывать на нее влияние. Отношение «индивид — общество» в этом случае оказывается таким же объективным, как и отношение «индивид — дикая природа».

Таким образом, в теории поведение всех экономических агентов становится предсказуемым. Механизм конкурентного рынка перестает быть «черным ящиком» и получает четкое теоретическое описание, позволяющее логически строго выводить результаты его функционирования непосредственно из данных о наличных ресурсах и предпосылок об индивидуальном поведении.

Развитие экономической теории общего равновесия, в течение ряда десятилетий составлявшей ядро общей картины экономической реальности, привело к парадоксальному результату. Под интуицию А. Смита о «невидимой руке» был подведен сложнейший математический аппарат, с помощью которого удалось теоретически строго доказать, что общее равновесие в конкурентной экономике действительно возможно. Пятидесятые годы XX в., когда этот результат был получен, стали звездным часом «чистой» экономической теории. Однако то же самое доказательство продемонстрировало, сколь эфемерны, далеки от реальности условия, необходимые для получения такого результата. Кроме последовательно рациональных экономических агентов и отсутствия каких-либо препятствий для конкуренции между ними, необходимым оказалось соблюдение и такого экзотического требования, как полнота рынков: в каждый данный момент времени должны существовать рынки, на которых бы согласовывались поставки всех товаров на любую дату в будущем.

С тем чтобы как-то ослабить эти крайне нереалистичные предпосылки, в жертву пришлось принести полноту общей картины. Это привело к тому, что в конце XX в. микроэкономика в значительной мере

отошла от своего прежнего теоретического ядра — теории общего равновесия, т. е. попыток теоретически моделировать экономику в целом, — и распалась на множество частных теорий, описывающих отдельные рынки или иные типы экономических взаимодействий (конкурентные и монопольные, с нулевыми и ненулевыми трансакционными издержками, информационно совершенные и характеризующиеся асимметричной информацией и т. д.). На первый план вышли теории, базирующиеся на теоретико-игровых представлениях и моделирующие стратегические взаимодействия экономических агентов. Объединяет такое знание уже не общность предмета, а однотипность методов его получения.

Хотя модели общего равновесия нашли в последние десятилетия применение в макроэкономике, это было достигнуто опять-таки ценой дополнительных, заведомо нереалистичных предпосылок, существенно ограничивших степень общности соответствующих теорий.

В итоге ныне даже в рамках господствующего в современной экономической теории неоклассического направления трудно говорить о наличии единой картины экономической реальности. Скорее, современный экономист-теоретик имеет дело с мозаикой во многом сходных, но все же частных, не связанных между собой образов и фрагментов такой реальности.

3.4. Институциональные альтернативы

Классическая политэкономия претендовала на общезначимое (и именно в этом смысле — научное) описание экономических явлений — независимое от национальной и конкретно исторической формы, которую такие явления могли принимать. Это была наука об экономике вообще и, соответственно, о любой национальной экономике в меру ее принадлежности к данному классу явлений. Неоклассическая теория имеет аналогичные притязания, по крайней мере, по отношению к любой рыночной экономике.

При этом большинство известных экономических теорий можно назвать редукционистскими: они имеют тенденцию сводить свой предмет или к физическому продукту («богатству») «на выходе» из некоего эконо-

мического «черного ящика», или к рациональному человеческому действию как поведенческому стереотипу, запускающему этот же «черный ящик» «на входе». Внутреннее устройство, природа этого «черного ящика», т. е. собственно экономики, оставались и часто остаются на периферии внимания экономистов.

Такое положение дел издавна вызывало критику в адрес экономической науки. Первую волну такой критики инициировала немецкая историческая школа еще в середине XIX в. Оспорив идею универсальности человеческой природы, основополагающую как для классической школы, так и нарождавшегося маржинализма, ее лидеры столкнулись с необходимостью найти взамен иной фактор, объясняющий общее и повторяющееся в индивидуальном экономическом поведении. Альтернативный принцип был найден в национальном духе, или этосе, получающем свое внешнее выражение в обычаях, а также правовых и политических *институтах*, формирующих, в свою очередь, и индивидуальное поведение, и организацию народного хозяйства. Лидер школы Г. Шмоллер пояснял, что «под политическими, правовыми и экономическими институтами мы понимаем особый... порядок общественной жизни, направленный к определенной цели и обеспечивающий устойчивые рамки для непрерывной деятельности»¹⁸.

Первый опыт теоретического рассмотрения институционального среза экономики относится к рубежу XIX – XX вв. и связан с американским институционализмом. Он отразил приверженность основоположников институционализма к прагматической философии. Подобно тому, как научная истина трактовалась прагматистами как общее убеждение членов научного сообщества, так и институты понимались институционалистами как образ мыслей, совпадающий у разных людей, составляющих данную социальную общность. Согласно авторитетному среди традиционных институционалистов определению У. Гамильтона, институт «обозначает образ мыслей или действия, имеющий достаточно

¹⁸ *Schmoller G. Grundriss der allgemeine Volkswirtschaftslehre. Vol.1. Leipzig: 1920 // Cited from: Bortis H. Institutions, Behaviour, and Economic Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.*

широкое распространение и постоянство, укорененный в привычках групп людей или обычаях народа...»¹⁹

Это был принципиально новый для экономистов подход к пониманию экономической реальности. Он обошелся без апелляции к фикциям типа «неизменной человеческой природы» или «национального духа». Речь шла об особом типе реальности: трансиндивидуальных, или межсубъектных образцах поведения, т. е. о поведении индивидуальном и коллективном одновременно.

Институты существуют лишь в той мере, в какой они действуют, «живут», а это возможно лишь при скоординированном сосуществовании: а) *индивидуальных* мыследеятельных стереотипов; б) *коллективно* разделяемых убеждений (образцов поведения); и в) *внешних* предметных и организационных форм, способных эти образцы поведения поддерживать и закреплять («приводить обычай к строгой процедуре», по удачному выражению одного из лидеров институционализма Джона Коммонса). Как явления культуры, институты исторически специфичны и исторически «нагружены», т. е. несут в себе накопленный опыт предшествующих поколений.

Проработка институциональной онтологии в экономической науке шла по двум направлениям: ситуационно-компаративистскому и эволюционному.

Первое направление, долгое время занимавшее периферийное положение в науке, возникло из задачи сравнительного исследования экономических систем, прежде всего плановых и рыночных экономик. Однако в современных условиях оно оказалось созвучным отмеченной выше общей тенденции эволюции современной микроэкономики в сторону разработки частных теорий, привязанных к разнообразным формам экономических взаимодействий.

Методологической основой этой тенденции еще на ранней стадии ее формирования заинтересовался известный философ К. Поппер. Обобщением его наблюдений стал принцип «ситуационного анализа», или

¹⁹ См.: Neale W. Institutions // Tool M. (ed.) Evolutionary Economics. Vol.1: Foundations of Institutionalist Thought. Armonk (N.Y.): Sharpe, 1988.

«ситуационная логика»²⁰. Согласно Попперу, экономический анализ, как правило, сводится к процедуре из двух основных элементов: описания проблемной ситуации, с которой столкнулся экономический агент, и интерпретации действий агента как рациональной реакции на задачу по выходу из ситуации. При этом описание ситуации сводится к стандартным предпосылкам экономического действия: характеристике ограничений по ресурсам и институциональных ограничений, определяющих набор допустимых правил поведения.

Как показал анализ основного корпуса современных микроэкономических теорий, его составляют главным образом так называемые «модели с одним выходом», предполагающие однозначное соответствие между параметрами экономических ситуаций и реакцией на них со стороны рациональных агентов²¹. А это означает, что главный груз объяснения результатов экономической деятельности ложится на характеристику ситуации, а не поведение агентов²²! Если же принять во внимание, что при описании ситуаций институциональные ограничения дают, по-видимому, больше шансов на какую-либо их систематизацию, то напрашивается во многом неожиданный вывод, что анализ институциональных структур (типичных ситуаций взаимодействия между экономическими агентами) не случайно претендует на роль ведущего направления экономической теории.

²⁰ Поппер К. Логика социальных наук (1962) // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Общ. ред. В.Н. Садовский. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

²¹ Langlois R. and Czontos L. Optimization, rule-following, and the methodology of situational analysis // Maki U., Gustafsson B., and Knudsen C. (eds). Rationality, Institutions and Economic Methodology. L.: Routledge, 1993.

²² Предельно заостренная формулировка этого парадокса принадлежит лауреату Нобелевской премии по экономике Г. Саймону, сравнившему человеческое поведение с муравьиным: «В том, что касается принципов своего поведения, муравей весьма прост. Кажущаяся сложность его поведения... в основном отражает сложность внешней среды, в которой он функционирует... <...> В том, что касается принципов своего поведения, человек весьма прост. Кажущаяся сложность его поведения... в основном отражает сложность внешней среды, в которой он функционирует». (Саймон Г. Науки об искусственном. М.: Мир, 1972.)

Определенным противовесом подобной перспективе дальнейшей фрагментации теоретической структуры экономической науки может служить второе направление разработки институциональной онтологии — эволюционно-историческое. Формирование этого направления восходит к идеям К. Маркса о диалектике производительных сил и производственных отношений и — в методологически более радикальной форме — к исследовательской программе лидера американских институционалистов Т. Веблена по преобразованию экономики в эволюционную науку²³.

Свою программу Веблен противопоставлял всем современным ему экономическим теориям, будь то классическая или неоклассическая, марксистская или австрийская. Он выделил и отверг общее ядро всех этих, в других отношениях весьма различных, теорий: опору на принцип равновесия; «таксономический» характер, то есть ориентированность на выявление общих законов и тенденций развития; предпосылки в отношении человеческого поведения.

Главным источником его вдохновения служила эволюционная концепция Дарвина, предмет интеллектуальной моды во времена Веблена. Именно эволюционный подход был для него основой альтернативной картины экономической реальности, противовесом науке, видевшей свой предмет и задачу в изучении *нормального* (равновесных состояний, выровненных трендов развития и т. д.). Его не удовлетворяла наука, сведенная к «обсуждению конкретных фактов жизни с точки зрения степени их приближения к нормальному случаю». Его целью была теория «кумулятивно разворачивающегося процесса»²⁴ — такого типа процесса, траектория которого, в соответствии с исходной биологической метафорой, складывается шаг за шагом согласно правилам, которые сами могут меняться по мере развития процесса.

Это была исключительно амбициозная программа. Эволюционизм самого Дарвина оставался, по крайней мере до открытия генов, скорее философской доктри-

²³ Veblen T. Why is economics not an evolutionary science? // *Quartely Journal of Economics*. 1898. Vol. XII. July.

²⁴ Veblen T. The preconceptions of economic science. Part III // *Quartely Journal of Economics*. 1900. Vol. XIV.

ной, чем строгой научной теорией. Появление же генетики показало, что эволюционизм как научный подход способен дать не столько теорию самого *процесса* изменений, сколько теорию правил, направляющих такой процесс. В отличие от классической науки эволюционный подход с самого начала исходил из непредсказуемости конкретного исхода изучаемого процесса и, соответственно, ограничивал свою исследовательскую задачу выявлением механизмов, детерминирующих характер и спектр возможных его исходов. Как таковой этот подход не был, вопреки Веблену, отказом от «таксономичности» (ориентации на законосообразность, «нормальность»). Скорее речь шла о смещении внимания к поиску закономерностей («нормальностей») более высоких порядков — «нормальных» правил, регулирующих соответствующие типы процессов, и даже «нормальных» механизмов отбора таких правил регулирования и, стало быть, эволюции системы этих правил.

Центральная идея Веблена состояла в том, чтобы соединить *эволюционную методологию* с *институциональным анализом* экономического развития. Он полагал, что именно институты обеспечивают преемственность в экономических процессах, а посредством эволюции институциональной среды происходит приспособление экономики к изменениям ее материальной, прежде всего технической базы. Акцент на институты составлял главный содержательный пункт вебленовской программы.

Веблену не удалось самому реализовать свою исследовательскую программу. Понятие «экономического института» оказалось слишком расплывчатым, чтобы на нем строить убедительную теорию. Только в конце XX в. эволюционный подход получил новый импульс для своего развития.

В методологическом отношении современные версии экономического эволюционизма, как правило, опираются на представление изучаемого объекта в качестве популяции, и динамики этого объекта, соответственно, как постепенного обновления одной части элементов популяции (технологий, организационных форм, стереотипов поведения и т. д.) при сохранении других элементов, задающих общую структуру, неизменными. Иными словами, речь идет

уже о популяционно-генетической картине реальности.

Важным фактором современного этапа развития эволюционной экономики стало освоение экономистами математического аппарата синергетики, который, как предполагается, открывает путь к моделированию процессов типа тех, что Веблен называл «кумулятивно развертывающимися».

В содержательном плане речь идет о попытках выделения специфических особенностей социально-экономической материи в качестве носителей «наследственности» и источников «изменчивости». При этом механизмы изменчивости оказываются неотделимыми от активности субъектов хозяйственной деятельности, и в этом смысле проблема выходит за рамки собственно биологических аналогий, становится проблемой соотношений «генетического» и «телеологического», где «телеологическое» начало отражает не внешнее задание цели эволюции, а наличие целеполагания в самой деятельности субъектов хозяйства. Соответственно, эволюционное начало обогащается идеями австрийской школы, в частности Й. Шумпетера, с характерным для этой научной традиции акцентом на роль предпринимателя-новатора.

* * *

Наличие качественно разнородных картин экономической реальности — важная черта современной экономической науки. Это не проявление ее слабости, а естественная реакция на многомерный характер экономики как объекта познания, необходимая предпосылка расширения спектра теоретических поисков. Как отмечал один из ведущих экономистов-теоретиков XX в. англичанин Д. Хикс:

«Наши теории как инструменты анализа действуют подобно шорам... Сказать вежливее — это лучи света, которые высвечивают одни части объекта и оставляют во мраке другие. Пользуясь этими теориями, мы отводим взгляд от вещей, которые могут быть существенными, с тем чтобы четче разглядеть то, на что наш взгляд уже устремлен. Нет сомнения в том, что именно так и следует поступать, иначе мы увидим очень мало. Но очевидна и важность правильного выбора тео-

рии, чтобы она могла удовлетворительно выполнить такую функцию. Иначе она высветит не то, что надо... Поскольку мы изучаем меняющийся мир, теория, которая в один момент времени светила в правильном направлении, в другой момент может светить в неправильном. Это может происходить из-за перемен в мире (вещи, которые игнорировались, могут стать более важными, чем те, что принимались во внимание) или изменений в нас самих... Экономической теории на все случаи жизни, возможно, и не существует»²⁵.

По меткому наблюдению Й. Шумпетера, «экономическая наука — это не наука в том же смысле, в каком говорят об акустике как науке, скорее, это наука в том смысле, в каком таковой считается «медицина» — сгусток плохо скоординированных и пересекающихся областей знания»²⁶. Именно здесь истоки того, что термин «политическая экономия» к началу XX в. стал не столько обозначением отдельной науки, сколько общим названием для «наук об экономике». Соответственно, переход в англоязычной литературе к термину «экономикс» вместо «политической экономии» был лишь формальным отражением этих перемен.

4. Эволюция метода экономической науки

Эволюция методологических стандартов в экономической теории отразила соперничество двух базовых философско-эпистемологических установок: рационализма и эмпиризма.

4.1. Классический период

В классической политической экономии ведущей методологической установкой был рационализм: предполагалось, что экономика, как и мир в целом, устроена разумно, и задача науки — познать экономические

²⁵ Hicks J. «Revolutions» in economics // Latsis S. (ed.) Method and Appraisal in Economics. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. P. 208.

²⁶ Schumpeter J.A. History of Economic Analysis. N.Y.: Oxford University Press, 1954.

законы, лежащие в основе этого мироустройства. Для пионеров экономической науки *метод* был задан. Они заимствовали его из науки своего времени, будь то физика (А. Смит) или медицина (Ф. Кенэ). Исследовательская стратегия, предполагавшаяся этим *методом*, состояла в том, чтобы свести многообразие реального мира к его *существенным* чертам, системно представленным в *единой* теоретической схеме. Правда, при изучении экономических процессов в масштабе целых стран основной метод естествознания — строгий лабораторный эксперимент — был недоступен. На первый план вышел логический метод, а важнейшим достижением классической школы стало формирование системы базовых научных абстракций — категорий политической экономии, выражавших структуру и функции экономической системы. Осуществить эту программу удалось Д. Рикардо: именно он первым выстроил идеальный объект — систему «чистой теории», которая высвободила экономическую науку из плена эмпирико-рассудочного знания, обычно не выходившего за рамки здравого смысла. На основе этой системы категорий формулировались законы политической экономии и гипотезы о перспективах общественного развития, осмысливались факты и тенденции хозяйственной жизни.

Впрочем, ключевой вопрос об адекватности заимствуемого метода условиям этой новой области его применения вплоть до середины XIX в. не был даже поставлен. Упор на логический метод отвлекал внимание от многих практических проблем, не получавших объяснения на базе принятых теоретических предпосылок. Это стимулировало появление сначала внутренней (Т. Мальтус, Р. Джонс), а затем, в середине XIX в., внешней (историческая школа) критики в адрес методологии Рикардо.

Ответом на эту критику внутри классической школы стала методологическая доктрина Д.С. Милля, разграничившая науку и искусство политической экономии. Милль полагал, что эмпирические законы подлежат объяснению «конечными причинами», а применительно к политической экономии — законами человеческой природы. Но даже знание таких истин он признавал недостаточным для решения практических

проблем. Наряду с наукой как «собранием истин», Милль выделял еще и искусство как «набор правил поведения»²⁷.

Наука политической экономии — под которой, несомненно, подразумевалась рикардианская теория — квалифицировалась как «абстрактная». Ее единственным возможным методом называлась «абстрактная спекуляция», а наилучшим результатом — «абстрактная истина». Абстрактность политической экономии как науки проистекала из того, что в сферу своего анализа она вовлекала только главные причины хозяйственного поведения людей, абстрагируясь от прочих, *дестабилизирующих*, причин. Соответственно, законы политической экономии Милль определял как *законы-тенденции*.

В отношении искусства политической экономии подобное абстрагирование Милль считал невозможным: «когда речь идет о применении принципов политической экономии в конкретном случае, необходимо принимать во внимание все индивидуальные обстоятельства этого случая»²⁸. В «Системе логики» Милль предложил целый механизм взаимодействия науки и искусства:

Искусство ставит цель, которой нужно достичь, определяет эту цель и передает ее науке. Наука ее принимает, рассматривает ее, как явление или факт, подлежащий изучению, а затем, разобрав причины и условия этого явления, отсылает его обратно искусству с теоремой относительно того сочетания обстоятельств и — в зависимости от того, находятся ли какие-либо из них в человеческой власти или нет — объявляет цель достижимой или недостижимой. Таким образом, искусство дает одну первоначальную, большую посылку, утверждающую, что достижение данной цели желательно. Наука предлагает искусству положение (полученное при помощи ряда индукций и дедукций), что совершение известных действий поведет к достижению поставленной цели. Из этих посылок искусство заключает, что совершение таких

²⁷ Mill J.S. On the definition of political economy; and on the method of investigation proper to it // Essays on Some Unsettled Questions of Political Economy. L., 1844. P. 124.

²⁸ Mill J.S. On the definition... P. 149.

действий желательно; а раз оно находит их и возможными, оно превращает теорему в правило или предписание²⁹.

Никакой отдельной науке такое взаимодействие, по мнению Милля, не под силу: «предпосылкой каждого искусства служит не одна из наук, а наука в целом или по крайней мере ряд отдельных наук»³⁰.

4.2. Историческая школа и Карл Маркс

С позиций исторической школы разъяснения Д.С. Милля были явно не достаточными. Отталкиваясь от неоднородности геоклиматических и социокультурных условий хозяйственной деятельности по странам и эпохам, ее лидеры (Б. Гильдебранд, К. Книс, позднее — Г. Шмоллер) поставили под сомнение саму идею универсальных, не зависящих от места и времени экономических законов. Экономическая наука была переосмыслена как последовательно эмпирическая, преимущественно дескриптивная (описательная) отрасль знания, нацеленная на сбор фактов, изучение конкретного опыта хозяйствования в его историкокультурном разнообразии, выявление исторических аналогий и эмпирических зависимостей. Идеи исторической школы дали импульс формированию национальных систем статистики, а также выделению экономической истории в отдельную научную дисциплину. В то же время преимущественно описательная установка исторической школы противостояла общепринятым стандартам научности и делала ее уязвимой в глазах широкой научной общественности.

Карл Маркс был, по-видимому, первым, кто отреагировал на ключевую проблему, намеченную исторической школой. Он предложил способ сочетания теоретического задела классической школы с принципом историзма. Его решение включало два главных момента.

²⁹ Милль Д.С. Система логики силлогистической и индуктивной / Пер. с англ. В.Н. Ивановского. 2-е изд. М.: Издание Г.А. Лемана, 1914. С. 861.

³⁰ Mill J.S. On the definition... P. 152.

Во-первых, Маркс свел разнообразие институтов в пространстве к их разнообразию (изменчивости) во времени. Если исторический процесс — это естественно-исторический процесс, т. е. он следует некоторым естественным закономерностям, то институциональное разнообразие экономических систем национальных государств — это не что иное, как проявление **неравномерности** прохождения этими странами одних и тех же фаз универсального в своих основных чертах процесса исторического развития. «*Страна, промышленно более развитая, — писал Маркс, — показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего*»³¹.

Во-вторых, Маркс с помощью принципа *историзма* ограничил степень общности экономического знания: экономические законы *не всеобщи*, но они реальны и действуют на протяжении отдельных фаз исторического процесса, соответствующих периодам господства отдельных общественно-экономических формаций. Как следствие из этого подхода, классическая политэкономия переосмысливалась как политэкономия в узком смысле слова, относящаяся только к капитализму.

Соответственно, марксисты предполагали, что наряду с политэкономией капитализма возникнут аналогичные теории других способов производства (например, политэкономия феодализма), которые вместе составят политическую экономию в широком смысле слова.

В своем главном экономическом сочинении — «Капитале» — Маркс решал необычную научную задачу: выстраивал теорию капитализма как *развивающегося объекта*. Стандартные логические средства были недостаточны для ее решения, и Маркс опирался в своем исследовании на идеи гегелевской диалектики. Впоследствии метод, примененный Марксом в «Капитале», стал объектом глубоких исследований многих отечественных (А.А. Зиновьев, Э.В. Ильенков, В.П. Шкредов, А.К. Покрытан и другие) и зарубежных (М. Добб, Л. Альтюссер, К. Артур и другие) авторов, которые заслуживают специального рассмотрения.

В сжатом виде метод Маркса можно охарактеризовать как построение системы «встроенных» одна в другую теоретических моделей разного уровня общности и анализ этих моделей в целях выявления не только внутренней логики их функционирования, воспроизводящей относительно устойчивые связи и закономерности в объекте (что характеризует любую теоретическую модель), но также их внутренние противоречия. Последние рассматриваются как источники возможного роста и усложнения системы или, наоборот, наиболее вероятные угрозы для ее нормального функционирования. Основанием для увязки теоретических моделей между собой служит онтологическая схема генетического развития (самопорождения) системы — основа принципа восхождения от абстрактного к конкретному. Противоречия системы, как правило, выступают в форме классовых антагонизмов, в основании которых лежат закономерности и тенденции движения материального субстрата экономических процессов (динамика производственных пропорций, затрат, технических условий и т. п.). Общая картина развивающегося объекта возникает в результате наложения факторов динамики на модели функционирования системы. Еще одна характерная особенность диалектического мира Маркса — взаимосвязь объекта и субъекта познавательной деятельности. Познание закономерностей объекта и практическая деятельность людей, этим знанием вооруженная, не отделены от объективной диалектики объекта. Напротив, они выступают ее неотъемлемой составляющей.

4.3. «Спор о методе»

Радикальным ответом на методологический вызов исторической школы стала *маржиналистская революция* последней трети XIX в. Восстанавливая в правах приоритет рационализма и утверждая универсальность экономико-теоретического знания, первые теоретики маржинализма (К. Менгер, У. Джевонс) опирались на идею универсальности «природы человека» и, соответственно, принципов экономического действия. Эти принципы, в силу их всеобщности и простоты (максимизация выгоды, минимизация издержек

и т. п.), считались самоочевидными, не требующими иных эмпирических подтверждений, кроме собственного опыта каждого человека (принцип интроспекции, или самоанализа). Перед наукой ставилась задача логического выведения из этих принципов (постулатов) универсальных законов экономического поведения и взаимодействия. В результате экономическая наука стала перестраиваться в науку об экономическом поведении, а позже — в науку выбора оптимальных решений об использовании ограниченных ресурсов.

Еще один лидер маржиналистской революции Л. Вальрас настаивал на сходстве «чистой политической экономии» с физико-математической наукой, подчеркивая, что «математические науки... строят *a priori* конструкции своих теорем и их доказательств», а затем «...обращаются к опыту, но не для того, чтобы подтвердить, а чтобы применить свои выводы»³².

Конец XIX в. был отмечен ожесточенным «спором о методе», главными действующими лицами в котором выступили К. Менгер, глава австрийской школы, один из лидеров маржинализма, и Г. Шмоллер, лидер новой исторической школы. «Спор о методе» был спровоцирован выступлением исторической школы против того типа экономической теории, при котором логика научных абстракций воспринималась как логика самой экономической жизни — позже подобная подмена получила наименование «*рикардианского порока*» (Шумпетер). В противовес стратегии на сведение реальности к ее существенным чертам историческая школа предложила снизить сами научные амбиции экономистов, «смягчив» и ограничив познавательную задачу политической экономии до описания и толкования фактов. Шмоллер выступал за главенство исторического, индуктивного метода и нормативный (т. е. оценивающий и предписывающий) характер экономической науки, неустранимость в ней этической составляющей. Отказ лидеров исторической школы от выработки универсального экономического знания открыл путь к массовому производству нестрогого описательного знания,

³² Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии, или теория общественного богатства. М.: Экономика, 2000. С. 23.

которое для практики оказалось не более полезным, чем абстрактные теории.

К. Менгер решительно отверг подобную стратегию, поскольку, по его мнению, такое «*направление теоретического исследования принципиально исключает возможность достижения строгих (точных) теоретических познаний во всех областях мира явлений*»³³. Согласно Менгеру, точная наука — это сущностное знание, недоступное исследователю-эмпирику.

Хотя по своему содержанию теории Менгера и «классиков» были существенно различными, в методологическом отношении между ними было много общего. Менгер оказался преемником Рикардо в отстаивании приоритета логического, дедуктивного метода и позитивного, т. е. независимого от политических, этических и иных ценностных суждений, характера экономического знания.

В «споре о методе» не было явного победителя, но он обнажил слабые стороны в позициях оппонентов. Наиболее авторитетным подведением итогов этого спора стала монография Д. Невилла Кейнса «*Предмет и метод политической экономии*» (1890)³⁴, которая на десятилетия вперед определила моду на компромиссно-перечислительное изложение метода экономической науки.

Более важным результатом было то, что «спор о методе» послужил катализатором выдвижения принципиально новых подходов к изучению экономики. Среди них были упомянутая выше эволюционистская исследовательская программа Т. Веблена; эмпиристская экономико-статистическая программа, нацеленная на поиск эмпирических закономерностей методами статистического анализа данных (У. Митчелл — в США, А.А. Чупров и Н.Д. Кондратьев — в России); методология познания социально-экономических явлений Макса Вебера и др. направления. Именно этим временем можно датировать начало современной эпохи в разви-

³³ Менгеръ К. Исследования о методахъ социальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности. СПб., 1894.

³⁴ Кейнсъ Д. Невиль. Предметъ и Методъ Политической Экономіи. М., 1899.

тии экономической науки и экономической методологии.

Но если все же попытаться определить настоящего победителя в «споре о методе», то наилучший кандидат на такую роль — Альфред Маршалл, первый лидер будущего неоклассического «мейнстрима», главного течения экономической мысли XX в. Подъем и международное признание этого нового течения было прямым следствием падающего авторитета обеих научных школ — главных фигурантов «спора о методе».

В своих «Принципах экономической науки» Маршалл непосредственно отвечает на вызов «спора о методе». Хотя его ответ не свободен от компромиссных предостережений против крайностей, будь-то «факты без теории» или «теория без фактов», ядро его аргументации содержательно и последовательно. Это не что иное, как очерк принципиально новой для экономической науки исследовательской стратегии. С философской точки зрения методологическая доктрина А. Маршалла стала наиболее влиятельным проводником *позитивистских* тенденций в экономической науке.

Ясно осознавая ограниченные возможности всякого обобщающего знания в сфере, где *«никакие два экономических события не являются во всех аспектах полностью идентичными»*³⁵, Маршалл сделал еще один шаг в сторону снижения уровня притязаний теории в сфере экономического познания. Теория, по его выражению, *«это не совокупность конкретных истин, а мотор, предназначенный для того, чтобы открывать такие истины»*³⁶. Иначе говоря, теория — это не само знание об объекте, а лишь способ его получения, инструмент познания. Корпус **теоретического** знания Маршалл — вслед за Ф. Бэконом — называл *органомом*, с той существенной разницей, что у Бэкона речь шла о чисто логических методах, а *экономический органон* Маршалла включал арсенал методов конкретно научного исследо-

³⁵ Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 3. М.: Прогресс, 1993. С. 214.

³⁶ Marshall A. 1885. The present position of economics // Pigou A.C.(ed.) Memorial of Alfred Marshall. N.Y.: Kelly & Millman, 1956. P. 159.

вания. Маршалл даже сравнивал научную теорию с машиной в фабричном производстве: получалось, что теория нужна там и постольку, где и поскольку есть рутинная научная работа, допускающая «механизацию».

Субстантивные, собственно содержательные исследования (не связанные с разработкой инструментария), выступали как исследования, основанные на применении «заготовленного» инструментария. Они были призваны *«проливать свет на практические вопросы»*, т. е. быть тем, что сегодня принято называть прикладными исследованиями.

Фактически Маршалл разделил экономическую науку на фундаментальную и прикладную, отождествив фундаментальную компоненту с разработкой аналитического инструментария. В этой структуре не нашлось места для фундаментальных исследований другого типа — ориентированных на формирование общей онтологической картины экономики, на сущностное осмысление новых явлений и фактов. И не случайно: Маршалл явно не доверял таким построениям. Урок естествознания он видел в том, что *«физические науки претерпевали медленное развитие до тех пор, пока выдающийся, но нетерпеливый гений греков настойчиво искал единую основу для объяснения всех физических явлений, а быстрый прогресс этих наук в современную эпоху происходит благодаря разделению широких проблем на их составные части»*³⁷.

Свою исследовательскую стратегию он пояснял образом «цепочек логического вывода»: *«...функция анализа и дедукции в экономической науке состоит не в создании нескольких длинных цепей логических рассуждений, а в правильном создании многих коротких цепочек и отдельных соединительных звеньев»*³⁸.

Маршалл адресовался не столько к экономической науке, сколько к науке в экономическом познании. Последняя и складывается из множества «коротких цепочек» точного, твердо установленного знания, или частных те-

³⁷ Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 3. М.: Прогресс, 1993. С. 208.

³⁸ Там же. С. 212.

орий. Этот взгляд нашел классическое выражение в знаменитой метафоре Джоан Робинсон, назвавшей экономическую теорию «ящиком с инструментами»³⁹.

Как выбрать нужный инструмент из такого «ящика»? В маршаллианской экономике такой выбор вообще не относится к компетенции науки: ответственность науки не идет дальше рутинных аспектов экономического поведения, в то время как наиболее сложные вопросы, возникающие в хозяйственной жизни, остаются в сфере компетенции здравого смысла.

С утверждением теории Маршалла в качестве «мейнстрима» экономической науки XX в. развитие последней пошло по его сценарию. Быстро углублялась дифференциация и фрагментация экономических знаний. С начала XX в. при активной роли самого Маршалла резко ускорился процесс институционализации экономической науки: создавались университетские кафедры, началась и быстро расширялась специализированная подготовка студентов, учреждались научные журналы и исследовательские центры.

Заложенная Маршаллом кембриджская традиция получила развитие в методологической доктрине крупнейшего экономиста XX в. Д.М. Кейнса. Следуя за Маршаллом, Кейнс называл экономическую теорию «ветвью логики». Он не верил в продуктивность попыток строить ее по образу естественных наук. Методологическое кредо Кейнса наиболее четко выражено в его письме к Р. Харроду (1938):

«Экономика — это наука мышления в терминах моделей в сочетании с искусством выбирать модели, релевантные в современном мире... Цель модели — отделить действующие относительно долго или относительно неизменные факторы от преходящих или колеблющихся, чтобы разработать логический способ мышления о последних и понимать процессы, которые они порождают в конкретных случаях... Хорошие экономисты редки, поскольку дар использовать «бдительное наблюдение» для выбора хороших моде-

³⁹ Робинсон Дж. Теория несовершенной конкуренции. М.: Прогресс, 1980.

лей, хотя и не требует высокоспециализированных интеллектуальных навыков, оказывается весьма редким»⁴⁰.

4.4. Влияние неопозитивизма

Начиная с 30-х гг. XX в. в экономическую науку проникают новые методологические установки, основанные на идеях неопозитивизма и попперианства. Внимание сфокусировалось на проблеме демаркации, или — иными словами — отграничения научного знания от знания ненаучного. Научным стало признаваться только эмпирически проверяемое знание; к теории стали относиться скорее инструментально — как к эвристическому средству получения новых эмпирических обобщений. В своем стремлении обеспечить достоверность знания неопозитивизм выделил три основных условия научности: для «чистой теории» — логическую строгость; для эмпирического знания — надежное (проверяемое) соответствие данным опыта; для конкретной научной дисциплины — наличие четких правил «перевода» с языка теории на язык наблюдения, и наоборот.

Последнее условие оказалось особенно жестким для экономической науки. В результате наличие разных критериев научности для разных компонентов знания даже в рамках неоклассического «мейнстрима» дало толчок к усилению разрыва между теоретическим и эмпирическим знанием.

Одним полюсом притяжения стала «чистая теория», эпистемологически опирающаяся на рационализм в его различных проявлениях, другим — прагматический сектор науки, а также эконометрика — область исследований, в наибольшей мере отвечающая методологическим нормам эмпирицизма.

Традиционными для экономической теории были умеренно рационалистические установки, восходящие к методологии Д.С. Милля. Настаивая на том, что теория должна пользоваться абстрактным методом, Милль и его последователи в XX в. (Ф. Найт, Л. Роббинс) были тем

⁴⁰ Цит. по: Блауг М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004.

не менее «эмпирическими априористами» (Й. Клант), т. е. полагали, что исходные теоретические постулаты суть элементарные обобщения опыта⁴¹.

Оплотом рационалистических установок в экономической науке середины XX в. была вальрасианская ветвь неоклассического «мейнстрима». Именно в ее рамках в период 1930–1950-х гг. произошел переход экономической теории на язык математики и к методологическим стандартам формализованного знания. Главным средством анализа стало построение математических моделей, а главным критерием их научности — логическая строгость выводов. Образцовым воплощением нового типа теоретизирования послужила работа П. Самуэльсона «Основания экономического анализа» (1947)⁴². В качестве своего методологического кредо Самуэльсон провозгласил «выведение операционально значимых теорем», уточнив, что под операциональностью он подразумевает их эмпирическую проверяемость, или требование, чтобы они были выражены в такой форме, которая хотя бы в принципе допускала возможность их опровержения⁴³. Такая установка не противоречила позитивистским идеалам научности, но отдавала явное предпочтение теоретической работе ученого, пусть и с оговоркой относительно формы представления результатов.

⁴¹ В этом «эмпирические априористы» отличались от «рационалистического априориста» Л. Мизеса — единственного известного экономиста, отрицавшего необходимость какой-либо верификации предпосылок экономической теории и полагавшего постулаты рационального поведения *синтетическими априори* (см.: *Klant J. The Rules of the Game. The Logical Structure of Economic Theories. Cambridge: Cambridge University Press, 1984*).

⁴² *Самуэльсон П. Основания экономического анализа (1947)*. СПб.: Экономическая школа, 2003.

⁴³ Характерным воплощением этой установки служит теория выявленных предпочтений Самуэльсона, с помощью которой он стремился извлечь экономическую теорию от ненаблюдаемых сущностей, таких как полезности и субъективные потребительские предпочтения. Взамен он предлагал ограничить анализ операциональными сравнениями стоимостных величин, которые потребители затрачивают на покупку разных товаров. Эта информация, при рациональном поведении потребителей, делает их субъективные предпочтения эмпирически наблюдаемыми, выявляет их.

Курс на формализацию экономической теории усиливался процессами в самой математике. Если для Вальраса его математическая модель общего равновесия была выражением сущностных черт рыночной экономики, то в 40–50-е гг. XX в. теория общего равновесия переосмысливается (Ж. Дебре и другие) в свете тогдашней математической моды как чисто формальная математическая конструкция, теоретические достоинства которой не зависят от ее возможных эмпирических интерпретаций. Эта тенденция, распространившаяся и на другие разделы теории (например, основанные на теоретико-игровых моделях), фактически отгородила «чистую теорию» от методологического диктата неопозитивизма, но одновременно дала повод для интерпретации такой теории в качестве отрасли прикладной математики.

Одновременно в рамках неоклассического «мейнстрима» действовала инструменталистская тенденция к ограничению самостоятельного значения теоретических моделей вообще. Теории практически уравнивались с рабочими гипотезами, ценными лишь постольку, поскольку они содействуют получению тех или иных эмпирических результатов. Методологическим манифестом этого направления послужила известная работа Милтона Фридмена «Методология позитивной экономической науки» (1953)⁴⁴, провозгласившая, что качество теоретических моделей не зависит от реалистичности предпосылок, положенных в ее основу, и всецело определяется способностью теории давать достаточно точные предвидения.

Поводом для обращения Фридмена к методологии были дискуссии вокруг принципа максимизации прибыли как стандартной предпосылки микроэкономической теории. В полном соответствии с требованиями научности в конце 1930-х и в 1940-е гг. были проведены эмпирические исследования поведения фирм, призванные проверить надежность общепринятой теории. Результаты показали, что реальное поведение существенно отличается от того, как его представляют себе экономисты. Это поставило под удар все здание неоклассической теории.

⁴⁴ Фридмен М. Методология позитивной экономической науки (1953) // THESIS. 1994. Вып. 4.

Выступление Фридмена было ответом на эту критику. Линию своей обороны он строил на том, что требование реалистичности предпосылок теории заведомо невыполнимо: никакая теория не может претендовать на полное описание действительности. Хорошая научная гипотеза, напротив, должна быть экономной в средствах. Отсюда следовал самый знаменитый его вывод: «в общем плане, чем более важной является теория, тем более нереалистичны... ее предпосылки»⁴⁵.

Статья Фридмена отразила реальные проблемы профессионального ремесла экономиста, и это обеспечило ей широкий резонанс в научном сообществе. Парадоксы Фридмена были основаны на важных интуициях, хотя порой страдали нечеткостью формулировок и логическими подменами⁴⁶. Это стимулировало более тщательную проработку вопроса о предпосылках теории, их разновидностях, эвристических функциях, а также применимости основного тезиса в теории фирмы.

Методологические дискуссии между Самуэльсоном и Фридменом не привели к изменению общей ситуации: размежевание неоклассического «мейнстрима» на рационалистов и эмпириков сохранялось и послужило одним из катализаторов обострения методологических споров в мировой экономической науке в последней четверти XX в.

Начиная с 60-х гг. XX в. тенденция к «массовому производству» частных теоретических моделей получила новое ускорение. После ослабления интереса к прежнему научному лидеру — теории общего экономического равновесия — едва ли не главным направлением микроэкономического анализа стали исследования экономического поведения в разнообразных

⁴⁵ Фридмен М. Методология позитивной экономической науки (1953) // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 29.

⁴⁶ Так, нереалистичность гипотезы — условие как минимум недостаточное для ее эвристической значимости. Скажем, гипотеза максимизации убытков как целевой функции фирмы была бы куда более нереалистичной, чем общепринятая, но вопреки критерию Фридмена, вряд ли имела бы шанс оказаться более важной (см.: Maki U. The methodology of positive economics (1953) does not give us the methodology of positive economics // Journal of Economic Methodology. 2003. Vol. 10, # 4).

условиях: информационных и институциональных. Их цель — выявление взаимосвязей и закономерностей в экономических явлениях, справедливые «при прочих равных условиях», т. е. установленные для определенного набора условий (например, для отраслей или фирм с определенного типа производственной функцией или для товаров с определенным типом эластичности спроса по цене и т. п.). Такие знания применимы постольку, поскольку реальные условия соответствуют условиям и предпосылкам, для которых эти результаты получены. Они фрагментарны по своей природе. Их взаимная общность обусловлена методами генерирования и не гарантирует согласованности в контексте использования. Если применимость таких знаний обусловлена достаточно редкими или уникальными обстоятельствами, то значимость теоретических обобщений может мало отличаться от значимости простого описания исторического опыта.

Совместное действие тенденций к обособлению теоретико-инструментальной деятельности и расширению фронта частных теоретических разработок привело к своеобразному «переворачиванию» отношений между фундаментальной и прикладной наукой. Многие идеи и методы, определившие направление развития экономической науки во второй половине XX в., родились в междисциплинарных коллективах масштабных прикладных проектов (военных, космических и т. п.) и были выдвинуты неэкономистами: Д. фон Нейманом, Г. Саймоном, Д. Нэшем и др.⁴⁷ Эти исследования действительно были прикладными в том смысле, что они не были направлены на открытие и осмысление новых экономических явлений. В то же время их трудно назвать прикладными в смысле приложения ранее полученных теоретических результатов к решению практических проблем. Скорее наоборот: решение прикладных задач стимулировало «импорт» новых аналитических средств из других дисциплин, и — в ряде случаев — этот инструментарий становился основой новых направлений экономической теории.

⁴⁷ См.: *Mirowski P. Machine dreams: Economics Becomes a Cyborg Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.*

Модель развития современной экономической науки, ориентированная на «импорт» теоретического инструментария из других наук, прежде всего — математики, оказалась во многих отношениях весьма успешной. Авторитет в научных и политических кругах, устойчивый спрос и достаточно емкая ниша на рынке интеллектуальных услуг — характерные проявления общественного статуса экономиста во многих странах.

Однако эти успехи имели и свою цену. «Большие теории», отвечавшие на вопросы типа «куда идет экономика и/или общество?» и составлявшие главное содержание экономической науки XIX в., не просто ушли на второй план — для большинства современных экономистов они вообще выпали из поля зрения и сферы их профессиональной ответственности. Экономическая наука потеряла экономику как свой предмет, измельчала тематически, стала «аспектной» наукой⁴⁸.

4.5. От метода к методологии

Это не могло остаться незамеченным в научном сообществе. В те же 80-е гг. XX в. в мировой экономической науке начался методологический бум, который продолжается до сих пор. Поток публикаций по методологическим и философским проблемам экономического познания исчисляется десятками монографий и сотнями научных статей в год. Результатом этой интеллектуальной активности стало формирование экономической методологии как специализированной области исследований, возникновение соответствующего международного научного сообщества. Оно объединило экономистов (М. Блауг, Р. Бэкхауз, К. Гувер, Б. Колдвелл, Т. Майер, Д. МакКлоски, У. Сэмюэлс и другие), философов (У. Мяки, А. Розенберг, Д. Хаусман и другие), методологов науки (Н. Картрайт), даже лингвистов в общем стремлении осмыслить предпосылки, тенденции, проблемы и перспективы развития экономической науки, повысить тем самым уровень профессиональ-

⁴⁸ Klant J.J. *The Rules of the Game: The Logical Structure of Economic Theories*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

ного самосознания экономистов, содействовать более адекватному восприятию экономических идей.

Важным признаком и одновременно фактором консолидации нового научного сообщества служит появление специализированных научных журналов — «*Экономика и философия*» (Economics and Philosophy — выходит с 1985 г.) и «*Журнал экономической методологии*» (Journal of Economic Methodology — выходит с 1994 г.); тематических антологий, учебных пособий⁴⁹.

Рост количества публикаций по экономической методологии — это лишь внешнее выражение процесса качественной трансформации данной области исследований: ее границ, тематики, целевых установок. Направления такой трансформации можно суммировать следующим образом:

1. Методология из преимущественно нормативной (предписывающей, какие исследования считать научными, какие методы — надежными, а результаты — достоверными) стала преимущественно дескриптивной и позитивной. Ныне она стремится описывать и осмысливать фактически сложившиеся структуры экономического знания, тенденции его эволюции, практику научной деятельности.

2. Радикально расширилось предметное поле экономической методологии, охватившее ныне широкий спектр не только собственно методологических, но и философских проблем экономической науки. Это уже не только теория метода, фокусирующая внимание на инструментальной стороне научной деятельности — экономическая методология включила в круг своих

⁴⁹ См., напр.: энциклопедическое «Руководство по экономической методологии» (Handbook of Economic Methodology. Ed. by J. Davies, W. Hands and U. Maki. Cheltenham: Edward Elgar, 1998); компендиум тематических обзоров: Elgar Companion to Economics and Philosophy. Ed. by J. Davis, A. Marciano and J. Runde. Cheltenham: Edward Elgar, 2004; трехтомная антология: *The Philosophy and Methodology of Economics*. Vols. I-III. Ed. by B. Caldwell. Aldershot: Edward Elgar, 1993; учебные пособия: *Blaug M. The Methodology of Economics, or How Economists Explain*. Cambridge: Cambridge University Press. 1980, 1992 (русский перевод: *Блауг М. Методология экономической науки*. М., 2004); *Mouchot C. Methodologie Economique*. Paris: Hachette, 1996; *Hands W. Reflection without Rules. Economic Methodology and Contemporary Science Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

интересов сначала эпистемологическую проблематику (анализ экономического знания и познания), а затем и онтологическую, связанную с метанаучными (философскими, этическими, идеологическими и т. д.) представлениями о самой экономической реальности.

3. Наконец, с течением времени изменилось само восприятие экономической науки как объекта методологического анализа. Образ науки как единого «древа знания», формирующего свои новые ветви-направления на твердом стволе-основании ранее освоенных истин, постепенно уступал место новым представлениям, рисующим мир экономической науки плюралистичным, а само знание — ограниченным и фрагментарным. Подобная трансформация в области экономической методологии отразила масштабные тенденции, определявшие в странах Запада интеллектуальный климат последней трети XX в.

5. Экономика и этика

Вопрос о соотношении экономики и этики — одна из давних проблем философии экономики. В конце XIX в. она была предметом особенно острых дискуссий. Г. Шмоллер и другие представители исторической школы экономики рассматривали экономику как часть культуры народа, полагая, что в основании экономических явлений лежат этические нормы, от обсуждения которых наука не может и не должна уходить. Их главный оппонент Карл Менгер, не отрицая принадлежность экономики «этическому миру», настаивал на том, что и в этой области возможно точное, не зависящее от мнений людей, знание, что его характер и достоверность не должны отличаться от точного естественно-научного знания.

Пытаясь примирить противоборствующие стороны, Д. Невиль Кейнс предложил решить проблему соотношения экономики и этики путем уточнения классификации экономического знания. Деление политической экономики на науку и искусство (Д.С. Милль), он дополнил делением самой экономической науки на две части: *позитивную* («совокупность систематических знаний, относящихся к тому, что есть») и *нормативную* («совокупность систематических знаний, относящихся к тому,

что должно быть и потому имеющих своим предметом идеальное, как нечто отличное от действительности»⁵⁰. В то время, как позитивная экономическая наука занята «поиском закономерностей (*iniformities*)», а нормативная наука — «определением идеалов», искусство экономики отвечает за «формулировку предписаний»⁵¹.

5.1. Этика экономики

Точка зрения, что позитивная экономическая теория описывает существенные черты того, что есть, и потому не зависит от ценностей, вскоре завоевала популярность среди экономистов. Более того, она стала нормой, и на ее основании была подвергнута критике утилитаристская идея, взятая на вооружение экономико-политической доктриной маржинализма (особенно британского)⁵². В соответствии с последней дополнительная единица дохода богачу приносит меньше пользы, чем такая же единица дохода приносит бедняку. Из этой доктрины прямо следовало, что меры государственной политики по смягчению неравенства в доходах увеличивают суммарную общественную полезность. На первый взгляд может показаться, что такой вывод — прямое следствие принципа предельной полезности, утверждающего, что с ростом количества данного блага (или дохода) в распоряжении отдельного индивида полезность для него от каждой

⁵⁰ Кейнс Д. Невиль. Предметъ и Методъ Политической Экономіи. М., 1890. С. 27.

⁵¹ Согласно Д.Н. Кейнсу: «...возможность изучать экономические закономерности, не вводя нравственной оценки явлений и не формулируя практических предписаний, представляется настолько ясной без доказательств, — если только вопрос с самого начала поставлен правильно, — что трудно по этому поводу сказать что-либо, что не было бы общим местом» (там же. С. 31).

⁵² Доктрина утилитаризма восходит к концепции «арифметики счастья» Д. Бентама (1748—1832), который поставил задачу совершенствования законодательства в интересах «наибольшего счастья наибольшего числа людей». Для этого Бентам предлагал ввести определенные правила подсчета полезности, с помощью которых можно было бы количественно оценить воздействие любых мер социально-экономической политики государства на всех граждан страны.

дополнительной единицы этого блага падает. Критики обратили внимание на то, что принцип предельной полезности относится к каждому индивиду в отдельности, тогда как утилитаризм распространяет его на межличностные сравнения полезностей. Такую процедуру невозможно проверить эмпирически и, соответственно, нельзя считать научной⁵³. Допущение, что полезности разных людей соизмеримы, имеет нормативный, ценностный характер.

Взамен, в качестве ценностно нейтрального критерия выбора наилучших экономических решений, был выдвинут знаменитый критерий Парето-улучшений, согласно которому одно состояние лучше другого только при условии, что оно лучше хотя бы для одного члена общества (по его индивидуальной шкале предпочтений) и ни для кого из членов общества не хуже (по их индивидуальным шкалам предпочтений). Критерий Парето определяется на модели общего экономического равновесия для совершенно конкурентной экономики. Фактически он ранжирует состояния экономической системы по степени их приближения к состоянию равновесия. Межличностных сопоставлений полезностей для этого и в самом деле не требуется.

Но следует ли отсюда, что критерий Парето сделал оценки экономистов вполне объективными, избавил их от этической нагруженности? И «да», и «нет»! Проблема в том, что точкой отсчета при использовании этого критерия служит сложившееся на данный момент распределение ресурсов между членами общества. Экономическая теория благосостояния, частью которой является критерий Парето, устанавливает, что при заданных предпосылках каждому исходному распределению ресурсов соответствует состояние равновесия, и это состояние Парето-оптимально, т. е. при его достижении никакие Парето-улучшения уже невозможны. Но та же теория благосостояния утверждает, что Парето-оптимальное состояние не единственно и что, в частности, свои Парето-оптимумы должны иметь и система с уравнительным распределением ресурсов и система, в которой первоначаль-

⁵³ См., напр.: *Robbins L. An Essay on the Nature and Significance of Economic science. 2nd ed. L.: Macmillan, 1935.*

ное распределение ресурсов в высшей степени поляризовано.

Таким образом, критерий Парето сам по себе — как инструмент сравнения состояний системы в интервале от исходно заданного до равновесного — этически нейтрален. Иначе обстоит дело с применением этого критерия в конкретных условиях. Тот, кто использует принцип Парето-улучшений, должен отдавать себе отчет в том, что тем самым неявно он выражает согласие с исходным распределением ресурсов в качестве отправной точки анализа. Такое согласие (или, соответственно, несогласие) и есть акт этического выбора, основанный на определенных ценностных установках.

В этом отношении обращение к принципу Парето-улучшений как критерию оценки экономических изменений не освобождает экономиста от бремени этического выбора. Ценность критерия лишь в том, что он более четко очерчивает область такого выбора. Именно дискуссии вокруг теории Парето-оптимальности позволили лучше осознать этическую природу утилитаристской доктрины межличностных сопоставлений с ее возможными уравнительными выводами, равно как и консервативную ценностную установку, скрытую в доктрине Парето-улучшений. Это стимулировало поиск новых подходов к этическим основаниям распределительной политики, среди которых особый интерес для экономистов представляет теория справедливости американского философа Джона Ролза⁵⁴.

Теория Ролза — яркий пример нормативной концепции. Но в ней тесно взаимосвязаны этические и экономические аргументы. Ролз апеллирует к ценностям, понятным человеку современного западного общества и стремится выработать на их основе такие принципы общественного устройства, которые бы разрешили вечную проблему сочетания социальной справедливости и экономической эффективности.

Первое условие справедливого общества, по Ролзу, — равное право каждого на свободу, совместимое с таким же правом для других. Вместе с тем Ролз исходит из того, что полностью устранить социальное не-

⁵⁴ См.: Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1996.

равенство между людьми невозможно, и разделяет мнение, что уравниловка подрывает стимулы к активной и эффективной деятельности.

В поисках разумного ценностного компромисса Ролз предлагает взглянуть на проблему с необычной гипотетической точки зрения, которую он называет «начальной позицией». Это позиция человека, которому не дано знать его предстоящую жизнь (она скрыта «завесой неведения»), но дано определить тип общества, в котором эту жизнь предстоит прожить. В этой позиции все равны в своем незнании будущего, и это дает возможность каждому быть одинаково рациональным и взаимно бескорыстным. Тем самым открывается путь к соглашению о принципах свободного и справедливого общества.

Согласно Ролзу, в такой ситуации каждый рациональный человек, сознающий что он не защищен от угрозы оказаться на дне жизни, предпочтет снизить до минимума тяготы подобной судьбы и выскажется за такое социальное устройство, которое предусматривает максимально возможную поддержку для обездоленных. Так, Ролз подходит к принципу, который стали называть принципом ролзианской справедливости. В соответствии с этим принципом допустимым считается только такое неравенство, которое «максимизирует минимум», т. е. тот уровень доступности основных благ, который обеспечивается наиболее обездоленной частью общества. По критерию Ролза, несправедливым окажется не только общество, где улучшение положения сильных членов общества не ведет одновременно к улучшению положения слабых. Той же оценки заслуживает и общество, где неравенство компенсируется в такой мере, что подрываются стимулы сильных членов общества к активной деятельности, и обездоленные тем самым лишаются потенциального источника средств, необходимых для их поддержки.

5.2. Экономика этики

До сих пор речь шла об этически значимых *последствиях* экономических процессов, в особенности связанных с распределением общественного богатства и доходов. Но этические нормы встроены и в само эко-

номическое поведение. Начиная с Адама Смита, экономисты строили свои рассуждения на предположении, что человек ведет себя эгоистично (во всяком случае, в хозяйственных делах), но все же цивилизованно, в соответствии с принятыми культурными нормами (не допускающими, например, прямого насилия, обмана, вероломства и т. п.). Так, выше отмечалось (п. 3.2.), как важна для экономического процветания атмосфера доверия в деловых отношениях. Доверие необходимо для стабильного функционирования кредитно-денежной системы; оно экономит время и снижает издержки при заключении деловых контрактов и т. д.

К сожалению, предпосылка о благонамеренном поведении экономических агентов не всегда соответствует действительности. Появление в арсенале экономической теории такого понятия, как «оппортунистическое поведение», ознаменовало собой отказ от этой предпосылки. Современный «экономический человек» может заниматься вымогательством, скрывать важную информацию, нарушать принятые обязательства, отлынивать от работы и т. д. Это, в свою очередь, предполагает ответные действия со стороны контрагентов: надзор за ходом выполнения контрактов, премии за добросовестную работу, судебные тяжбы и др. Из чего следует, что уровень деловой и трудовой этики в обществе имеет прямые экономические последствия: влияет на уровень издержек производства и, следовательно, на конкурентоспособность продукции на рынке. Значимость этого фактора нетрудно оценить по расходам современных российских фирм на охранные службы. Не менее известный факт — обратная зависимость инвестиционной привлекательности стран и регионов от степени коррумпированности местных чиновников.

Вопрос о том, на какое поведение — благонамеренное или оппортунистическое — следует ориентироваться в теоретическом моделировании экономических явлений и практике институционального реформирования, высвечивает еще одну грань в отношениях экономики и этики. Оказывается, что это не только вопрос факта, — какой тип поведения преобладает. Это еще и вопрос ценностной установки: что исследователь, или законодатель, считает нормой, а что — отклонением от нее. Неоднократные эмпирические исследования зафик-

сировали общую закономерность: когда законодатель не доверяет рядовому гражданину, заранее предполагая за ним склонность к неблагоприятным действиям или неспособность к осознанию общественных интересов, рядовые граждане имеют тенденцию подстраиваться под такое отношение со стороны властей и снижать свой уровень гражданской ответственности⁵⁵. Нечто подобное наблюдается и в академической среде: по данным обследований, студенты-экономисты устойчиво демонстрируют больший эгоизм и меньшую склонность к кооперации, чем студенты других специальностей⁵⁶. Судя по всему, эгоизм как норма в теории становится оправданием эгоизма как нормы жизни!

5.3. Ценностные установки и «большие теории»

Особую роль ценностная компонента играет в концепциях, которые выше были названы «большими теориями», т. е. теориях, обобщающих масштабные и, как правило, уникальные исторические процессы. Предметная область «больших» теорий — экономика как целое и долгосрочные траектории ее эволюции. Их функция — интерпретация и оценка фактов и явлений, особенно новых, характеризующих долгосрочные тенденции развития экономической системы. В этом смысле «большие» теории — это не «чистая» наука. Это теория, привязанная к историческим реалиям. По выражению Джона Хикса, «экономическая наука находится на границе науки и на границе истории»⁵⁷.

В социально-экономическом познании, в отличие от естественно-научного, существенное значение имеют единичные и даже уникальные явления и процессы. При изучении этих явлений стандартные методы анализа, опирающиеся на формально-логические обобщения, не подходят. На роль и специфику познания таких явлений обращали внимание экономисты разных научных направлений. Так, лидер поздней исторической

⁵⁵ См., напр.: Frey B.S. A constitution for knaves crowds out civic virtues // The Economic Journal. 1997. № 107. July.

⁵⁶ Hausman D. and McPherson M. Taking ethics seriously: Economics and contemporary moral philosophy // Journal of Economic Literature. 1993. June. Vol. XXXI. P. 674.

⁵⁷ Hicks J. Causality in Economics. Oxford: Blackwell, 1979.

школы А. Шпитгоф ратовал за «гештальт-теории», методолог Б. Уорд — за «систематические истории», лидер неоавстрийской школы Ф. Хайек и традиционные институционалисты Ч. Уилбер и Р. Харрисон — за «структурные модели», эволюционисты Р. Нельсон и С. Уинтер — за «оценочные теории». В каждом случае речь шла об определенных схемах описания, способных фиксировать значимые признаки сложных социальных явлений (объектов) или процессов (ситуаций), т. е. об определенной *типологической* характеристике этих явлений и процессов. Фактически это были новые вариации на тему, впервые поднятую Максом Вебером.

Согласно М. Веберу, обществоведам приходится пользоваться особым видом научных понятий, которые он назвал «идеальными типами». Это понятия, которые специально конструируются исследователем на основе наблюдений изучаемого объекта и служат внутренне согласованной «интерпретативной схемой» для осмысления такого объекта в его конкретности⁵⁸.

«Большие» теории правомерно рассматривать в качестве специфического слоя знания, связанного с разработкой типологий социально-экономических систем и моделей типологически однородных экономических ситуаций. Такие концептуальные структуры способны интегрировать целые комплексы базовых экономических закономерностей, облегчая прикладные разработки по диагностике конкретных экономических систем и хозяйственных ситуаций, а также институциональному дизайну. Научная ценность типологий и моделей данного класса во многом зависит от способности исследователей выделить наиболее устойчивые и в то же время практически значимые признаки соответствующих объектов.

В этом свете заслуживают переосмысления наиболее известные из «больших» теорий прошлого — системы Смита, Рикардо и Маркса, или такие более локальные по объекту концепции, как теория крестьянского хозяйства А.В. Чаянова. Сила этих систем в том, что они давали целостную картину важных общественных

⁵⁸ Подробнее о методологии М. Вебера см. в главе 2, посвященной философии социологии.

процессов и потому приобретали мировоззренческое значение, давали жизненные ориентиры целым нациям и общественным классам. Однако на определенном этапе такие теоретические системы стали отождествляться с экономической наукой как таковой, и в этом качестве были заслуженно подвергнуты критике. Историческая школа продемонстрировала ограниченность подобного представления: «смитианство» могло служить социально-политической доктриной для Англии, но оказалось непригодным в Германии.

Идеально-типическая «большая» теория может и должна быть объективной, но ее объективность относительна. Она предполагает объективный анализ фактов, организованных вокруг априорно принятой гипотезы о структуре и логике развития социально-экономической системы — гипотезы, выбор которой неизбежно обусловлен ценностными установками и социальными интересами.

Предметная область «больших теорий» обычно распадается на множество частных процессов, многие из которых могут воспроизводиться в разных исторических контекстах, характеризоваться определенной устойчивостью признаков и обобщаться соответствующими частными теориями. Специфическая задача «большой теории» — осмыслить совокупное действие таких частных процессов, разграничить ведущие и сопутствующие тенденции, главные и второстепенные факторы развития экономики и общества в конкретных исторических условиях. Такая задача, как правило, не имеет единственного «объективного» решения.

Первым крупным мыслителем, который попытался осмыслить эту ситуацию, был, по-видимому, Карл Маркс. Он не только ограничил степень общности политико-экономических истин условиями отдельных общественно-экономических формаций, о чем шла речь выше (см. п. 4.2.), но и настаивал, как известно, на классовом подходе в политической экономии. Это предполагало возможность различных интерпретаций одной и той же реальности, в зависимости от классовой заинтересованности в том или ином вероятном сценарии развития событий. Фактически речь шла об определенном принципе интеграции и интерпретации частных положений политической экономии, или иными словами, о способе

рационализации того, что у Милля — и позже у Маршалла — оставлялось на произвол «здравого смысла». Правда, у Маркса это сближение базировалось на предпосылке линейности исторического развития, в результате чего интерпретации конкретных ситуаций сводились к выбору между прогрессивным, т. е. тем, что содействует движению вперед к более совершенному типу общества; и консервативным и даже реакционным — тем, что противодействует такому движению. Такой подход вносил в доктрину Маркса известное противоречие, ибо плохо согласовался с другим важным положением о том, что люди сами «творят свою историю»⁵⁹. Но в данном случае важно зафиксировать уже сам факт, что классовый подход был своеобразной попыткой осмысления статуса политической экономии как «большой теории». Речь шла о знании, которое не просто описывает действительность, но и служит основой преобразования ее на практике.

С более широких позиций эта проблема разрабатывалась в рамках неокантианской концепции наук о культуре, в частности в работах Г. Риккерта. Отправным пунктом рассуждений Риккерта служил факт невозможности для человеческого разума познать реальность в ее полноте и конкретности. Всякое человеческое знание строится поэтому на абстрагировании и в этом смысле избирательно. Этот вывод позволил Риккерту сделать важное разграничение между двумя принципами отбора эмпирических данных при образовании научных понятий и, соответственно, между двумя способами представления действительности в знании. Один принцип — это формирование понятий на основе общих признаков, характеризующих соответствующий класс явлений (при абстрагировании от признаков, характеризующих их индивидуальные особенности). Другой принцип — фокусировка внимания, напротив, на тех признаках конкретного явления, которые определяют его специфику, уникальность. В соответствии с первым принципом об-

⁵⁹ Стремление самого К. Маркса выйти за рамки линейной схемы исторического процесса хорошо известно специалистам по его научному наследию. Наиболее яркое тому свидетельство — переписка Маркса с Верой Засулич о путях развития России. Но важная роль, которую в его теоретической системе играет предпосылка линейного развития, этим не умаляется.

разуются *общие* понятия, в соответствии со вторым — *индивидуальные*. Разграничение методов «образования понятий» получило продолжение в делении наук на две группы: науки о природе, базирующиеся преимущественно на *общих* понятиях, и науки о культуре, где главную роль играют *индивидуальные* понятия.

Эта разделительная черта фиксирует лишь общую тенденцию и не влечет, по Риккерт, запрета на использование какого-либо из методов образования понятий в любой науке. Среди наук о культуре он выделял промежуточные случаи, относя к ним и политическую экономию. В таких науках неосновной способ образования понятий играет относительно большую роль, прежде всего в силу важности в экономической жизни массовых явлений⁶⁰.

Главное в классификации наук Риккерта было то, что она предполагала радикальное переосмысление статуса и структуры социально-научного знания. Если еще раз воспользоваться терминологией Милля, то можно сказать, что «науку» и «искусство» в иерархии социального знания Риккерт поменял местами. Он не просто объявил «искусство» частью «науки», но и фактически придал ему статус науки (во всяком случае, сделал важный шаг в этом направлении) тем, что обосновал правомерность его специфического метода и, более того, его приоритет в рамках этой вновь конституируемой социальной науки.

Второй ключевой момент в концепции Риккерта — критерий отбора признаков в процессе образования индивидуальных понятий. Этот критерий стали называть «принципом соотнесения с ценностью», т. е. отбором элементов эмпирической реальности, обладающих общекультурной ценностью для членов общества, к которому принадлежат и его исследователи. Говоря проще, Риккерт искал общее основание для «объективной», т. е. не произвольной и не связанной с особенностями индивидуального восприятия, оценки общественных явлений и исторических ситуаций и находил его в сформированных культурой ценностных установ-

⁶⁰ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998 (1910).

ках. Критерием объективности такого отбора в этом случае служил консенсус специалистов.

Стоит отметить, что функционально (но не по содержанию) критерий «соотнесения с ценностью» вполне аналогичен критерию «классового интереса» у Маркса. Правда, в отличие от Маркса, у которого такой критерий был внешним по отношению к науке, у Риккерта он стал внутренним элементом научной процедуры как таковой. Маркс оставлял выбор между экономическими системами и соответствующими *готовыми* теориями на долю *практического разума* (т. е. самим агентам социального действия), тогда как Риккерт предложил усилия *теоретического и практического разума* в социальном познании (иначе говоря, в поиске культурно обусловленного знания) объединить. Причем в этой комбинированной когнитивной структуре за *чистым теоретическим разумом* как генератором общих понятий осталось лишь весьма скромное вспомогательное место.

6. Современные тенденции в развитии экономической методологии

Противоречивые процессы внутри неоклассического «мейнстрима» и оживление альтернативных течений повысило интерес к методологическим дискуссиям в экономической науке, что, начиная с 1980-х гг., приобрело характер настоящего методологического бума. Эти дискуссии во многом изменили характер методологических исследований и дали импульс к переосмыслению самого образа экономической науки.

6.1. Постпозитивистские и постмодернистские интерпретации экономико-теоретического знания

В развертывании этих событий этапной была речь Василия Леонтьева как президента Американской Экономической Ассоциации на ее ежегодном съезде в 1970 г. В ней он обратил внимание на «симптом фундаментальной несбалансированности», характерный для состояния экономики как научной дисциплины: «...Слабое и к тому же медленно развивающееся эмпирическое

основание не может выдержать веса бурно растущей надстройки "чистой", я бы сказал, умозрительной, экономической теории»⁶¹.

Обсуждение вопросов методологии самими экономистами совпало по времени с важными сдвигами в западной философии науки последней трети XX в. Именно сочетание этих факторов предопределило развитие современной экономической методологии. Общим вектором изменений стало постепенное ослабление неопозитивистского ригоризма в трактовке научного знания, размывание демаркационной линии, отделяющей науку от других форм человеческого знания. Ключевая роль в таком переосмыслении принадлежала постпозитивизму Т. Куна и И. Лакатоша.

Непосредственное влияние концепции Т. Куна на экономическую методологию было, впрочем, незначительным — отчасти потому, что история экономической мысли в куновскую схему не вписывалась; отчасти из-за того, что экономисты с опозданием откликнулись на постпозитивистские веяния в философии науки. Гораздо более влиятельной оказалась концепция И. Лакатоша. Начиная с 70-х гг. новые идеи стали активно осваиваться историками экономической мысли и методологами.

Влияние, которое на экономическую методологию оказал Лакатош, обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, он пошел дальше Куна в сближении собственно научного знания и лежащей в его основе метафизики — «фонового», прежде всего философского, знания. Если у Куна роль парадигмы в текущей научной деятельности была скорее пассивной, то у Лакатоша эквивалент парадигмы — жесткое ядро научно-исследовательской программы — занял центральное место в составе самой научно-исследовательской программы, главной единицы анализа научных знаний. Во-вторых, Лакатош — в отличие от Куна — исходил из предположения, что в одной научной дисциплине могут сосуществовать различные конкурирующие между собой теории. Проще говоря, одни и те же

⁶¹ Леонтьев В. Теоретические предпосылки и ненаблюдаемые явления // Экономические эссе. М.: Политиздат, 1990.

факты, или, во всяком случае, факты, относящиеся к одной и той же предметной области, могут получать разные теоретические объяснения, в равной мере претендующие на истинность и признаваемые в качестве научных. В-третьих, позиция Лакатоша сознательно строилась как компромисс между Куном и Пóппером, и он не отказывался от привычной для методолога нормативной функции.

Параллельное развитие разных научных традиций и школ; слабая их чувствительность к критике, в том числе к фактам, не согласующимся с общепринятыми теориями; место, которое заняла в науке «чистая теория» с ее нефальсифицируемыми постулатами — все эти реальные черты экономической науки получали в концепции Лакатоша свое объяснение и — отчасти — оправдание.

В результате под влиянием Лакатоша направленность экономико-методологических исследований существенно изменилась. Вместо привычных рассуждений о предмете и методе, операциональности и верификации на первый план выдвинулись исследования, в которых существующие научные школы и теории стали переосмысливаться в качестве научно-исследовательских программ или парадигм; зарождение и эволюция таких программ подвергались историко-методологической реконструкции, включая попытки воссоздания их «жестких ядер»; оценивалась их научная «прогрессивность».

Методология вновь обрела интерес к содержанию научного знания. Произошло взаимное сближение экономико-методологических и историко-научных исследований: методологические концепции стали использоваться для объяснения логики развития экономической мысли, а история науки превратилась в своего рода полигон для проверки методологических гипотез.

Соответственно, изменилась роль методолога: последний стал прежде всего исследователем. Если раньше философия науки вооружала его своеобразным кодексом поведения ученого, с помощью которого он начинал судить, достойна ли теория считаться научной, то теперь та же философия науки снабдила его инструментами для анализа научных знаний.

Влияние постпозитивистской волны на экономическую методологию было глубоким, но недолго оставалось доминирующим: сказалось, что конкретный историко-научный материал не так легко, как обещали энтузиасты, вписывался в методологические схемы. С середины 80-х гг. это влияние стало ослабевать под напором более радикальных постмодернистских концепций в области философии и методологии науки и обусловленной ими широкой, многофакторной трактовки научной деятельности. Концепция Лакатоша на этом фоне стала восприниматься как слишком узкая. Те же самые качества (преемственность с попперианством и присутствие нормативного начала), которые обусловили ее успех в 70-е гг., позже стали мишенями для ее критиков. Это наглядно проявилось на конференции 1989 г., специально посвященной применению методологии Лакатоша к анализу экономического знания. К удивлению организаторов конференции, из семнадцати представленных на ней докладов только в пяти отношении к методологии научно-исследовательских программ было однозначно позитивным⁶².

Пионером постмодернизма в экономической науке выступил американский экономист Д. МакКлоски. Его статья «Риторика экономики», а затем книга с таким же названием⁶³ вызвали широкий отклик тем, что затронули устои профессиональной веры экономистов — веры в то, что экономическая наука устремлена к познанию истины об экономике. Согласно же МакКлоски, экономическая наука — это прежде всего риторика, то есть искусство убеждать. Что же касается аргументов, которые принято считать научными, то их следует трактовать как один из способов убеждения, отнюдь не единственный и далеко не всегда решающий. Свой основной тезис МакКлоски проиллюстрировал на примере ряда известных работ влиятельных современных экономистов (П. Самуэльсона, Р. Солоу и другие), выделив в их аргументации риторическую составляющую, то есть

⁶² См.: *Appraising Economic Theories: Studies in the Methodology of Research Programs*. Ed. by De Marchi N. and Blaug M. Aldershot: Edward Elgar, 1991.

⁶³ *McCloskey D. The Rhetoric of Economics*. Madison: University of Wisconsin Press, 1985.

приемы, которые призваны подкрепить позицию авторов за счет литературной формы ее представления читателю.

Резонанс вокруг работ МакКлоски открыл путь целому спектру новых подходов к анализу экономической науки, отразивших — прямо или косвенно — влияние постмодернистских тенденций в западной культуре второй половины XX в. Постмодернизм как общекультурное явление оказал неоднозначное влияние на методологию общественных наук. В позитивном плане постмодернизм стимулировал новый виток старого спора между универсализмом и релятивизмом в подходе к научному знанию. Универсалисты исходят из того, что функция науки состоит в познании всеобщих законов природы и общества, что процесс такого познания кумулятивен и подчинен собственной внутренней логике. Отсюда делается вывод, что наука может и должна рассматриваться как в значительной степени автономная сфера деятельности. Релятивисты, напротив, акцентируют относительность научного знания, его культурно-историческую обусловленность. В этом споре постмодернизм продолжил и предельно радикализировал релятивистскую линию в послевоенной философии и методологии науки, связанную с именами В. Куайна, Т. Куна и, П. Фейерабенда. Причем в отличие от релятивизма в гуманитарно-научном знании XIX в., который покоился на идее историзма (соответственно, изменчивости) *объекта* познания, релятивизм XX в. перенес центр тяжести на неустранимую ограниченность и специфичность *субъекта* познания. В такой форме релятивизм стал приложим к любым наукам, не только общественным.

Если Кун показал, что ученый воспринимает объект своего исследования не непосредственно, а с помощью парадигмы как выражения коллективного сознания конкретного научного сообщества, то постмодернисты разложили саму парадигму на составляющие, или, если воспользоваться постмодернистским термином, подвергли ее деконструкции. В результате то, что у Куна было своего рода «линзой», фокусирующей взгляд исследователя, у постмодернистов оказалось целой системой «фильтров», корректирующих, деформирующих и, в конечном счете, конструирующих образ изучаемого объекта (см. схемы 1 и 2).

Схема 1

Ученый и парадигма

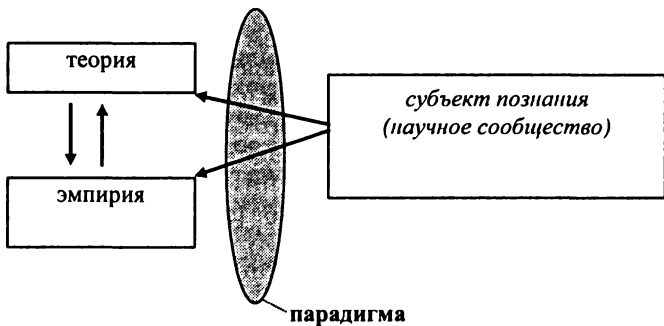
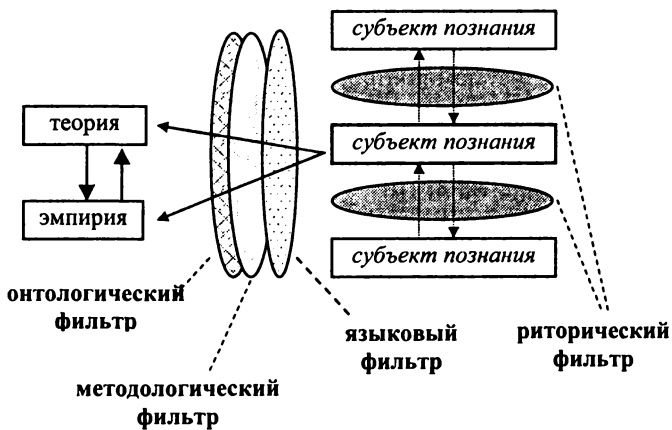

Схема 2

«Фильтры» в познании

6.2. Эпистемологические фильтры в экономическом познании

Действие таких эпистемологических «фильтров» основано прежде всего на функциях языка. Язык — непреременный посредник практически в любой научной деятельности. Но вопреки распространенному мнению, это вовсе не нейтральный посредник, полно и без искажений выражающий и передающий мысль. Язык-посредник имеет достаточно сложную структуру — можно выделить, по меньшей мере, три качественно разнородных слоя языкового опосредования в экономическом познании и связанные с ними эпистемологические «фильтры»:

- естественный (общекультурный) язык как средство описания экономических явлений в повседневной жизни — ему соответствует собственно языковый фильтр;
- терминология экономической науки как инструмент научного описания экономической реальности — ей соответствует онтологический фильтр;
- внешнее, прежде всего литературное, оформление экономических текстов и, соответственно, риторический фильтр;
- наконец, наряду с языком, еще одним посредником в познании выступает метод — основа методологического фильтра.

Фильтр естественного языка — фактор общекультурный и в силу этого внешний для экономической науки и от нее не зависимый. Одна их функций научной терминологии — как раз ослабление зависимости науки от многозначности слов естественного языка. Для экономиста естественный язык может быть объектом изучения. Так, для экономической антропологии несомненный интерес представляет сравнительный анализ национальных языков в части, описывающей хозяйственные явления. Такой анализ способен выявлять различия в экономической культуре разных эпох и народов.

Два других фильтра действует внутри самой науки. Они не только опосредуют деятельность ученого, но и сами формируются в этой деятельности. Язык здесь инструментален, причем и сами языковые средства, и их функциональная роль могут существенно

различаться. Одно дело — научная терминология как инструмент в процессе получения нового знания, другое дело — язык как средство представить уже полученный результат. В первом случае язык выступает посредником между ученым и объектом познания, и на этой основе формируется онтологический фильтр, определяющий как исследователь «видит» свою предметную область. Во втором случае речь идет об отношениях между ученым и пользователем научного знания (в самой науке или вне ее) — тут действует риторический фильтр.

Онтологический фильтр фактически присутствует уже в куновской концепции научной парадигмы, поскольку она включает профессиональную терминологию и, главное, формирует общее представление о предметной области. Постмодернисты сместили акцент на форму выражения научных онтологий, прежде всего на их образный, *метафорический* характер.

Точность и однозначность высказываний — одно из общепризнанных требований к языку науки. Поэтому постмодернистский тезис о том, что научные тексты изобилуют метафорами, поначалу прозвучал как вызов. Только после взаимного уточнения позиций постановка этого вопроса обрела некоторую респектабельность. Стало ясно, что метафоры — стандартный прием языковой практики, и сам по себе факт его использования в научном тексте ничего не говорит о его научных достоинствах. В то же время некоторые виды метафор (несмотря на свою расплывчатость, а возможно, и благодаря ей) имеют важную познавательную функцию и в научный лексикон попали не случайно. Была предложена следующая типология научных метафор⁶⁴:

- *педагогические* метафоры — они призваны прояснить сложные научные идеи для непосвященных, обычно путем создания соответствующих визуальных образов. При научном обосновании самих идей такие метафоры могут быть опущены без ущерба для аргументации. Такие метафоры сродни поэтическим: они изображают то, что хорошо

⁶⁴ Klamer A. and Leonard Th. So what's an economic metaphor? // Mirowski P. (ed.) Natural Images in Economic Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

известно, но делают это непривычным образом (такова, например, роль метафоры паутины при объяснении процесса установления рыночного равновесия с помощью так называемой «паутинообразной модели»);

- *эвристические* метафоры — это образы, чаще всего аналогии, которые помогают ученому осмыслить интересующую его проблему. Примером тому может служить понятие «человеческого капитала», возникшее в результате применения стандартного экономического термина «капитал» к нестандартному объекту — уровню образования и квалификации человека. Эта метафора была вызвана к жизни случайным разговором в американской глубинке, а впоследствии была развернута в целую исследовательскую программу⁶⁵. В более широком смысле любая теоретическая модель, в том числе формализованная, будучи по своей природе аналогией, также является эвристической метафорой;
- *конститутивные* метафоры — это целостные концептуальные схемы, с помощью которых человек постигает окружающий мир. Такие метафоры стоят у истоков целых научных школ и исследовательских программ, определяя общую направленность научной мысли. Именно на их основе формируются научные онтологии, или в нашем случае, онтологические фильтры. В свою очередь, эти корневые метафоры служат фоном, или контекстом при рождении эвристических метафор. Так, в истории экономической науки ключевую роль имело соперничество метафор «механизма» и «организма». Если А. Смит, Л. Вальрас, У. Джевонс, неоклассики XX в. мыслили экономику сквозь призму механических метафор, то К. Маркс, Г. Шмоллер,

⁶⁵ См.: McCloskey D. If You're So Smart: The narrative of Economic Expertise. Chicago: University of Chicago Press, 1990. Следует, впрочем, уточнить, что идея «человеческого капитала» в истории экономической мысли возникала неоднократно, в том числе в трудах таких авторитетных авторов, как Адам Смит и Фридрих Лист. Однако только во второй половине XX в. она оказалась востребованной и стала эвристической метафорой.

Т. Веблен, А. Маршалл отдавали явное предпочтение метафоре организма.

Риторический фильтр. В современных работах по риторике в науке это явление понимается неоднозначно. В узком смысле слова риторика — это искусство формы, прежде всего мастерство владения словом, умение придать тексту адекватный литературный вид. В этом случае научная литература выступает как особый литературный жанр и оценивается в соответствии с литературно-художественными критериями. Примером здесь могут служить исследования В. Браун, посвященные языку А. Смита⁶⁶. Опираясь на идеи известного русского философа и филолога М.М. Бахтина, автор проанализировала два главных сочинения Смита, обратив внимание на их литературно-стилевую контрастность: диалогизму «Теории нравственных чувств» противопоставит монологизм «Богатства народов».

Для риторического подхода в широком смысле слова язык — не самоцель. Это способ фиксации мыслей автора, которые и подлежат расшифровке. Предполагается, что научное знание эмпирически существует не иначе, как изложенное средствами языка, то есть как совокупность текстов, или дискурс. Соответственно, акцент ставится на отношении между носителем знания и его пользователем, в отличие от постпозитивистского акцента на отношении между субъектом и объектом познания. Именно этим различием обусловлено разграничение онтологического и риторического фильтров.

Хотя именно узкая трактовка риторики соответствует обыденному словоупотреблению, в постмодернистской литературе она является скорее исключением. Постмодернисты апеллируют к традициям античной риторики, не отделявшей себя «от знания истины вещей»⁶⁷.

Интерес постмодернистов к научной риторике — это, прежде всего, интерес к тому, как ученые используют имеющуюся у них свободу самовыражения. Разу-

⁶⁶ См., напр.: Brown V. Decanonizing discourses: Textual analysis and the history of economic thought // Henderson W., Dudley-Evans T. and Backhouse R.(eds.). Economics and Language. L.: Routledge, 1993.

⁶⁷ Гадамер Г.-Г. Риторика и герменевтика // Г.-Г. Гадамер. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.

меется, эта свобода не безгранична: ученый утратит свой статус, если допустит фальсификацию научных результатов или вместо научных данных начнет излагать собственные фантазии. Тем не менее риторика ученого — это не только и не столько вопрос его литературного стиля. Наука в постмодернистском восприятии насквозь социальна: ее главными персонажами, наряду с авторами научных текстов, выступают редакторы и рецензенты, академические боссы и грантодатели.

Предполагается, что именно эта социальная среда, а не бескорыстное служение абстрактной истине, в наибольшей степени влияет на мотивации научных работников. В свою очередь, эти мотивации диктуют поведение на всех этапах научного процесса: выбор диссертабельных тем и модных методик исследования, стремление к должному уровню математизации при обосновании результатов, презентации работы на престижных конференциях, обеспечение необходимого количества публикаций, предпочтительно в журналах с высоким рейтингом цитируемости и т. д.

Совокупное влияние всего комплекса факторов научной деятельности в конечном счете запечатлевается в научном дискурсе. Риторический анализ содержания и стилистики научных текстов, структуры научных публикаций смыкается здесь с институционально-социологическим изучением науки, что позволяет критически оценивать положение дел в «профессиональном цехе», выявлять расхождения между номинальными и реальными нормами научной жизни, декларативными и фактическими критериями, направляющими научную работу.

Примером подобного исследования может служить анализ выборки статей, опубликованных в ведущем английском экономическом журнале на предмет применения ослабляющих оговорок при оценке полученных авторами научных результатов. Речь шла о распространенном в научной практике обычае избегать категоричности при оценке собственных результатов, а соответственно, и авторских притязаний на новизну и оригинальность, и сопровождать такие оценки оговорками типа: «вероятно», «скорее всего», «собственно говоря», «как мы ожидаем», «следует предположить» и т. п. — оговорками, которые снижают уязвимость ав-

тора для критики. Исследователи обнаружили любопытную закономерность: оказалось, что такие оговорки гораздо чаще используются при формулировании авторских притязаний на теоретические результаты (связанные главным образом с разработкой аналитического инструментария — моделей, методов и т. д.), чем при оценке результатов, характеризующих реальную экономику. Для объяснения такого эффекта была предложена гипотеза, которая вывела на проблему, относящуюся к организации современной экономической науки, а именно, на иерархию действующих здесь критериев. Пришлось предположить, что вопреки декларациям об ориентации экономической науки на эмпирические и практически значимые результаты, на самом деле авторы научных статей придают больше значения разработке теоретического инструментария, чем выводам, относящимся к реальным процессам⁶⁸.

Методологический фильтр. Научное познание вооружено методом, то есть специально разработанной и сознательно применяемой технологией изучения соответствующего предмета. Для экономической науки вопрос о методе традиционно был вопросом о ее соответствии определенному методологическому стандарту. Если стандарт сомнений не вызывал, то внимание фокусировалось на особенностях его применения; когда же у принятого стандарта появлялся конкурент, дискуссия о методе перерастала в борьбу за утверждение одного из конкурирующих стандартов. Таков был знаменитый «спор о методе» между К. Менгером и Г. Шмоллером в конце XIX в., такой же характер имела в XX в. полемика между Л. Мизесом и неоклассиками, между К. Поппером и марксистами.

Сами методологические стандарты отражали опыт наук-лидеров, а методология служила главным каналом распространения общенаучных тенденций. По той же причине фактор метода сохранял известную автономность по отношению к внутренней логике развития конкретных наук. В разные эпохи и для разных

⁶⁸ См.: Bloor M. and Bloor T. How economists modify propositions // W. Henderson, T. Dudley-Evans and R. Backhouse (eds.). *Economics and Language*. L.: Routledge, 1993.

школ экономической мысли методологическими ориентирами служили механика, биология, история, философия, математика.

Выделение (см. схему 2) среди прочих методологического фильтра призвано отразить именно эту специфику распространения методологических импульсов в науке. Правда, вместе с методологическими стандартами нередко заимствовались и соответствующие онтологические метафоры, что на языке этой схемы равносильно совмещению методологического фильтра с онтологическим. Именно таким сдвоенным фильтром можно считать научную парадигму Т. Куна, которая одновременно служит методологическим образцом и обеспечивает общее видение предметной области.

6.3. Некоторые уроки методологического бума

Экономическая методология была и остается полем острых дискуссий и объектом критики, прежде всего со стороны исследователей-практиков. Насколько устойчивы, в свете этой критики, тенденции последних десятилетий? Чтобы ответить на этот вопрос, важно оценить как аргументы оппонентов, так и — в особенности — уроки, которые к настоящему времени уже принес методологический бум.

Главный аргумент против методологии основан на неприятии разделения труда между методологом и исследователем-практиком. Утверждается, что специалисту в конкретной области трудно ожидать пользы от советов неспециалиста в данной области, каковым, по определению, является методолог; если же по каким-то причинам методолог действительно знает, как решать конкретные проблемы, то зачем ему ограничиваться советами: не лучше ли самому взяться за их решение? Эти доводы звучали и в начале и в конце XX в.

Критика была, безусловно, справедливой в том смысле, что методолог не может заменить ни одного специалиста в конкретной области. Эта критика была отчасти оправданной в отношении традиционной нормативной методологии, которая нередко претендовала на роль верховного судьи в теоретических спорах.

Но эта критика вряд ли справедлива, если речь идет о современной экономической методологии, которая извлекла из истории важные уроки и в лице многих своих представителей не просто отказалась от подобных претензий, но и теоретически преодолела связанные с ними иллюзии.

Урок неопозитивизма. Неопозитивистский стандарт имеет сегодня мало сторонников в среде профессиональных методологов, но он сохранил привлекательность для заметной части экономистов-исследователей. Его опорой была и остается вера ученого в предназначение науки познавать мир, каким он есть, стремление твердо держаться фактов.

Главный урок неопозитивизма состоит в том, что он показал, как трудно в реальной научной практике строго держаться фактов и только фактов. Неопозитивизм существенно обогащал ремесло ученого, прививая привычку избегать неоднозначных суждений и обучая искусству перевода с языка фактов на язык теории. Однако попытка последовательно идти этим путем, отказываясь от метафизики, общих теорий и поиска скрытых от наблюдения сущностей, оказалась не просто не реальной: установка на строгость и эмпирическую однозначность научных утверждений привела к мельчанию тематики, уходу от фундаментальных проблем и даже, нередко, утрате смысла научного общения, когда, согласно лаконичной формуле известного американского экономиста А. Лейонхувуда, «мы точно знаем, что сказано, но затрудняемся понять, о чем именно идет речь»⁶⁹.

Уроки постмодернизма. Постмодернистская постановка вопроса о методе и методологии отталкивалась от концепции методологического анархизма П. Фейерабенда, оставлявшей за ученым полную свободу выбора в области метода. Применительно к экономической науке, постмодернистская позиция сводится к следующим основным пунктам:

- отрицание «большой», то есть традиционной нормативной методологии как особого типа знания, «вносящего» в конкретную науку «подлинно науч-

ный» (истинный, правильный и т. п.) метод познания;

- признание принципа методологического плюрализма, оставляющего за ученым право самому определять метод исследований;
- признание «малой» методологии как совокупности знаний о конкретных технологиях научного анализа;
- установка на изучение фактической методологии экономических исследований на основе описания и интерпретации научного дискурса или истории экономической мысли.

Принцип методологического плюрализма в контексте постмодернистской концепции науки привел к радикальному пересмотру отношений между объектом и субъектом познания. Если мотивация субъекта познания определяется сложившимися в науке «правилами игры» и если эти «правила игры» оставляют за ним свободу интерпретации предмета познания и свободу выбора метода исследования, то говорить об объективности познания становится затруднительным. Логика постмодернистского подхода к науке подводит к ряду важных выводов:

- *во-первых*, научное знание вообще и экономическое, в частности, — это социальный конструкт, то есть продукт сознательной деятельности, протекающей в определенных социальных рамках;
- *во-вторых*, социальным конструктом являются не только частные знания, но и любая общая картина экономической реальности, причем таких социально сконструированных «реальностей» может быть сколь угодно много;
- *в-третьих*, не существует экономики как единой научной дисциплины, есть лишь «изменчивое поле фундаментально различных и часто конфликтующих дискурсов»⁷⁰;
- *в-четвертых*, научное знание, будучи социальным конструктом, не дает основания судить о каких бы то ни было объективных сущностях; научное знание — это не более чем интерпретация объекта с

⁷⁰ *Amariglio J., Resnick S. and Wolff R. Division and difference in the «discipline» of economics // Critical Inquiry. 1990. № 1.*

определенной (одной из возможных) точки зрения⁷¹.

Уроки постмодернизма неоднозначны: внедряя в сознание идеи методологического плюрализма, теоретического релятивизма и социальной обусловленности научных знаний, постмодернизм не дает убедительных разъяснений, как организовать эффективное функционирование научного сообщества на базе этих принципов. Критики постмодернизма в экономической науке⁷² резонно обращают внимание на то, что отказ от какого бы то ни было методологического стандарта в науке — пусть спорного и несовершенного — на практике может способствовать не столько свободе творчества, сколько дальнейшему усилению таких вненаучных критериев, как «продаваемость» или «карьерная эффективность» научного «товара».

Реакцией на такое положение стало усиление в последнее время прагматической «средней линии» в экономико-методологической литературе. Наиболее характерная черта этого подхода — стремление определить границы методологического плюрализма без отказа от самого принципа. С одной стороны, плюрализм предлагается поставить под контроль критики, с другой — сохранить нормативность методологии в рамках плюрализма, «делегируя» ее отдельным направлениям и школам экономической мысли. Проявлением той же прагматической тенденции служат попытки

⁷¹ Характерно, что данная позиция, часто определяемая как антиэссенциализм, отстаивается не только эмпирически настроенными методологами, но и одним из течений в современном западном марксизме, опирающимся на идеи французского философа Л. Альтюссера. Представители этого течения усматривают в методологии К. Маркса противоречие между установкой на выявление сущностных характеристик объекта («эссенциализм»), с одной стороны, и классовым подходом в социальном познании — с другой. Выход из положения они видят в отказе от «эссенциализма». Поскольку, согласно Альтюссеру, детерминация конкретно исторических явлений всегда многофакторна и не сводима к единственной конечной причине, постольку поиск сущностей не имеет практического значения, и задача состоит в осмыслении действительности с некоторой сознательно избранной исходной точки зрения — «entry point».

⁷² См., напр.: *Hutchison T. Changing Aims in Economics. Oxford: Blackwell, 1992.*

переоценить отношение к парадигмам Куна как способу концептуализации структуры науки. Отодвинутая в тень сначала за избыток радикализма (в пользу теории Лакатоша), а затем — за его недостаток (постмодернистами), концепция Куна теперь выступает как своего рода компромисс между традиционным и постмодернистским подходами к методологии, на базе которого возможна конструктивная интеграция их элементов⁷³.

Значение постмодернистской деконструкции науки состоит прежде всего в том, что она помогла преодолеть многие иллюзии о научном знании, пусть и ценой немалого дискомфорта для тех, кто причастен к его производству. В результате самонадеянность представителей научной ортодоксии, в нашем случае — неоклассической экономической теории, была заметно поколеблена. Возникло характерное противоречие. Структуры и механизмы западного академического сообщества в области экономики за последние годы мало изменились: оно по-прежнему воспроизводит свои институты, критерии деятельности, учебные планы и — самое главное — кадры. Более того, не прекратился процесс вовлечения в эту орбиту все новых «оставших от поезда ортодоксии» стран и университетов. В то же время внешняя среда существования этого относительно замкнутого академического сообщества медленно, но неуклонно меняется: в точках соприкосновения академического микрокосма с миром внешним возникают все новые напряжения. Прежде всего, это реакция на провалы в экономической политике, запрограммированные учеными-консультантами, в не последней степени в так называемых «новых рыночных экономиках». Так, виднейший представитель поперианского крыла в современной экономической методологии М. Блауг недавно едко заметил, что «наше понимание того, как функционируют реальные рынки, стало теперь едва ли не меньшим, чем было у Адама Смита

⁷³ См.: *Dow S. The Methodology of Macroeconomic Thought: A Conceptual Analysis of Schools of Thought in Economics.* Cheltenham: Edward Elgar, 1996; *Salanti A. and Screpanti E. (eds.). Pluralism in Economics: New Perspectives in History and Methodology.* Cheltenham: Edward Elgar, 1997.

и Леона Вальраса... Не удивительно, что мы как профессиональное сообщество оказались хуже, чем бесполезными, когда стали давать советы правительствам Восточной Европы, как им переходить от командной экономики к рыночной»⁷⁴.

Среди других проявлений той же тенденции — наметившиеся сдвиги в предпочтениях студентов в сторону снижения популярности экономических факультетов, эволюция общего интеллектуального климата, и — отчасти как выражение этой последней тенденции — критическая работа экономистов-методологов, упорно и терпеливо разъясняющих своим коллегам по академическому сообществу источники и причины возникающих проблем.

В этих условиях в самом академическом сообществе создаются предпосылки для активизации и усиления влияния альтернативных течений экономической мысли, оживления контактов и дискуссий между представителями разных научных школ.

6.4. Функции современной экономической методологии

В то время как прежняя, преимущественно нормативная функция методологии оказалась под огнем критики, современные экономисты-методологи предприняли немалые усилия по освоению новых сфер профессиональной активности. В результате сегодня можно говорить о таких функциях методологии, как: а) дескриптивно-методологическая; б) критически-онтологическая; в) профессионально-этическая.

Дескриптивно-методологическая функция. В экономико-методологической литературе двух последних десятилетий переосмыслению подверглось не только общее представление о науке — во многом изменился и уровень понимания фактического положения дел в «профессиональном цехе» экономистов. В работах, характеризующих это положение, экономическая наука предстает как сложно структурированный и динамично развивающийся организм, действующий в соот-

⁷⁴ *Blaug M. Ugly currents in modern economics // Facts and Fiction in Economics. Models, Realism and Social Construction. Ed. by U. Maki. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.*

ветствии со своими, порой неявными, правилами и закономерностями.

Были описаны механизмы функционирования научного сообщества; на основе углубленных интервью с ведущими экономистами показана их творческая лаборатория; опубликованы работы, в которых видные специалисты разных направлений и специализаций представили свои взгляды на роль теории, принципы и методы научной работы; язык и литературный стиль экономических произведений.

Одним из наиболее перспективных направлений работы становится тщательный методологический анализ научного творчества отдельных авторов. Такие исследования дают возможность понять технологию научной работы крупных ученых и нередко развеивают связанные с ней мифы, вскрывая, например, расхождения между методологическими декларациями и фактической методологией многих видных экономистов, таких, как М. Фридмен, П. Самуэльсон, Р. Коуз⁷⁵ и другие.

Именно экономико-методологические исследования подвели к пониманию реального жанрового разнообразия современной экономической науки. Было показано, например, что немалая путаница при постановке научных и образовательных задач связана с нечетким разграничением исследований, нацеленных на разработку формализованных теоретических моделей, с одной стороны, и эмпирически ориентированных исследований — с другой⁷⁶.

Еще большие проблемы связаны с недооценкой специфики исследований, имеющих непосредственно практическую (прежде всего экономико-политическую) направленность. Такие исследования часто смешиваются с конкретизацией теоретических моделей для особых классов объектов или ситуаций, в то время как речь должна идти о разработках, увязывающих знание экономических закономерностей с конкретными обстоятельствами экономико-политической ситуации. Для

⁷⁵ См., напр.: Мьяки У. Является ли Коуз реалистом? // Истоки. Экономика в контексте истории и культуры. М.: ГУ ВШЭ, 2004.

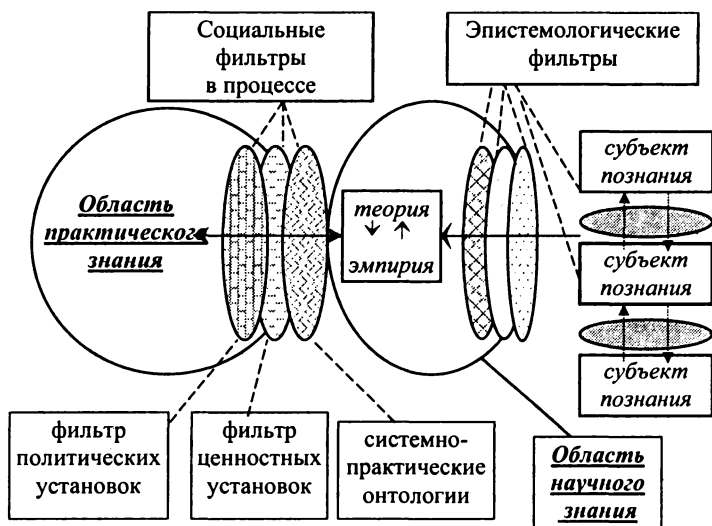
⁷⁶ Mayer T. Truth versus Precision in Economics. Aldershot: Edward Elgar, 1993.

более точного определения этого жанра исследований предлагается вернуться к термину «искусство экономики»⁷⁷.

Следует подчеркнуть, что в данной сфере также действуют свои социальные фильтры, направляющие восприятие проблемной ситуации исследователем-прикладником и заказчиком (см. схему 3). На стороне заказчика — это прежде всего его цели (политические установки), а на стороне исследователя — его системно-практическая онтология, концептуализирующая проблемную ситуацию на базе его профессиональных знаний и опыта. Наконец, фильтр ценностных установок обозначает особое место этого фактора в механизме функционирования прикладного знания как поля потенциального ценностного (в частности, этического) конфликта между заказчиком и ученым-исполнителем.

Схема 3

Наука и практика

Дескриптивно-методологические исследования имеют двоякую роль: для самого научного сообщества это необходимое условие формирования адекватного профессионального самосознания, для широкой общественности — источник информации об экономической науке как общественно значимом факторе, оказывающем влияние на экономическую политику. На значимость экономической методологии безотносительно к тому, как относятся к ней сами экономисты, указал известный современный экономист-теоретик А. Рубинштейн:

Академические экономические исследования используют общественные ресурсы и выполняют образовательные функции. В отношении таких видов деятельности должен существовать определенный мониторинг, тем более в данном случае, коль скоро многие экономисты постоянно высказывают суждения о действительности, базируясь в своей аргументации на опыте академических исследований. Между тем единственно, кто может осуществить такой мониторинг — это или сами экономисты, или философы, хорошо знающие экономическую науку⁷⁸.

Критически-онтологическая функция. Наглядным свидетельством активной роли в экономической науке онтологических установок служат данные специальных опросов американских студентов. Оказалось, что в университетах, известных своими научными школами, настроения студентов весьма четко следуют за ориентациями профессуры. Так, один и тот же вопрос анкеты «Согласны ли Вы с тем, что инфляция — это преимущественно денежный феномен?» в монетаристски ориентированном Чикагском университете получил 84 % твердо положительных ответов студентов, тогда как в традиционно кейнсианском Массачусетском технологическом институте — только 7 %⁷⁹.

Вернувшись в сферу своих интересов вопросы научных онтологий (картин экономической реальности), экономи-

⁷⁸ Rubinstein A. Comment // Backhouse R., Hausman, D., Maki U., and Salanti A. (eds). *Economics and Methodology: Crossing Boundaries*. Basingstoke: Macmillan, 1998.

⁷⁹ Colander D. Vision, judgment, and disagreement among economists // *Journal of Economic Methodology*. 1994. Vol. 1. № 1.

сты-методологи не только продемонстрировали значимость этой компоненты научного знания, но и включились в конкретную исследовательскую работу по реконструкции и критическому анализу таких онтологий.

Наибольшее внимание уделялось реконструкции и осмыслению онтологических (поведенческих, этических и институциональных) предпосылок современной неоклассической теории. В частности, анализировались противоречия между онтологиями, лежащими в основе, соответственно, микро- и макроэкономики, теории общего экономического равновесия и микроэкономической теории рационального поведения⁸⁰. Активно обсуждались онтологические предпосылки альтернативных направлений современной экономической мысли: «неоавстрийской» школы, посткейнсианства, институционализма.

Развитие эволюционной экономики привлекло внимание к вопросу о применимости в экономической науке синергетических представлений, особенно к возможностям и перспективам экономической интерпретации нового математического аппарата, развитого в этой области.

Профессионально-этическая функция. При общей дискуссионности вопросов, связанных с нормативностью методологического знания, есть один пункт, в отношении которого нормативное начало признается, похоже, экономистами-методологами разных направлений. Этот пункт касается этики дискуссии, или *Sprachethik* (этот немецкий термин был введен неомарксистскими философами франкфуртской школы). И хотя возможная действенность некоего кодекса научного обсуждения оценивается неодинаково, есть общее понимание его желательности для современной экономической науки. В условиях, когда экономисты разобщены профессионально, идейно, теоретически, методологически, а трудности общения между приверженцами разных

⁸⁰ Favereau O. Economics and its models // D'Autume A. and Cartelier J. (eds.). Is Economics Becoming a Hard Science? Cheltenham: Edward Elgar, 1997; Kirman A. The intrinsic limits of modern economic theory: the emperor has no clothes // The Economic Journal, 1989. 99 (suppl.), 126–39; Maki U. (ed.) The Economic World View. Studies in the Ontology of Economics. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

научных парадигм имеют достаточно глубокие эпистемологические корни — в этих условиях вопрос о взаимопонимании и профессиональном общении внутри научного сообщества приобретает совершенно новое звучание, вырастая в одну из главных проблем функционирования науки. Соответственно, распространение и культивирование в среде экономистов принципов *Sprachethik* станет, возможно, одной из приоритетных задач экономической методологии.

Речь идет о простых, но далеко не всегда соблюдаемых на практике правилах поведения, таких, как: *не лги; будь внимателен к собеседнику; не высмеивай оппонента; сотрудничай; не кричи; не мешай говорить другим; будь открытым к альтернативным взглядам; объясняй свою позицию, когда тебя об этом просят; не прибегай к насилию или тайному сговору в помощь своим идеям*⁸¹.

6.5. Заключение

Сегодня можно констатировать, что после трех десятилетий неуклонного усиления масштабов и глубины философско-экономических исследований экономическая методология сложилась в новую субдисциплину современной экономической науки. В основе этого явления лежат объективные процессы дифференциации и профессионализации экономической науки, тенденции к усложнению и даже фрагментации экономического знания. Возникла реальная потребность в укреплении таких элементов экономического знания и институтов научного сообщества, которые поддерживают механизмы внутринаучной коммуникации, обеспечивают взаимопонимание между экономистами разных специализаций и научных направлений.

Профессионализация экономической методологии внесла существенные изменения в характер взаимоотношений между методологами и специалистами в конкретных областях экономической науки. Прежний тип отношений, когда в роли методологов выступали, как правило, видные экономисты-исследователи, не-

⁸¹ См.: McCloskey D. Knowledge and Persuasion in Economics. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

редко принимавшие на себя функцию арбитра в научных спорах, а сама методология воспринималась как набор предписаний относительного того, как следует вести научное исследование — этот тип отношений, по-видимому, уходит в прошлое. Сегодня экономист-методолог — это прежде всего специалист, изучающий состояние и эволюцию системы научных знаний, практику функционирования и тенденции развития экономической науки как сложного общественного института. Экономист-методолог не может заменить профессионала в конкретной области теории или прикладного знания. Но точно так же и специалист-конкретник не может заменить методолога-профессионала в области его компетенции. Методолог призван выявлять узкие места в сложившейся системе научных знаний и механизме воспроизводства научного сообщества; способствовать взаимопониманию и диалогу между учеными в условиях теоретического и методологического плюрализма; содействовать междисциплинарным контактам экономистов; выявлять и поддерживать перспективные научные подходы, в особенности на стыках научных дисциплин и теоретических школ; культивировать этику научного общения; обсуждать общие проблемы состояния и перспектив развития экономической науки в современном и будущем обществе.

Литература

- Автономов В.С.* Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998.
- Ананьин О.И.* Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ. М.: Наука, 2005.
- Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004.
- Кейнс Д.Н.* Предметъ и Методъ Политической Экономіи. М., 1899.
- Кондратьев Н.Д.* Основные проблемы экономической статистики и динамики: Предварительный эскиз. М.: Наука, 1991.
- Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН, 1997.

- Макашева Н.А.* Несколько слов о методологии // История экономических учений / Под ред. В. Автономова и др. М.: Инфра-М, 2000.
- Отмахов П.А.* Современные концепции метода экономической науки // История экономических учений / Под ред. А.Г. Худокормова. М.: Инфра-М, 1998.
- Панорама экономической мысли конца XX в.* / Под ред. Д. Гринзуэя, М. Блини и И. Стюарта. Раздел 1.: Методологические перспективы. СПб.: Экономическая школа, 2002.
- Поланьи К.* Аристотель открывает экономику // Истоки. Экономика в контексте истории и культуры. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
- Полтерович В.М.* Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. Вып. 1. 1998. № 1.
- Роббинс Л.* Предмет экономической науки // THESIS, 1993. Вып. 1.
- Фридмен М.* Методология позитивной экономической науки // THESIS, 1994. Вып. 4.
- Шкредов В.П.* Превращение политической экономии в диалектическую науку // Первоначальный вариант «Капитала». М.: Политиздат, 1987.
- Шумпетер Й.А.* История экономического анализа: В 3 т. СПб.: Экономическая школа, 2001.

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ТЕОРИЙ МЕНЕДЖМЕНТА**

1. Общая характеристика

Философия и методология науки как самостоятельная, особая философская дисциплина исторически формировалась преимущественно в ходе анализа естественных, математических, т. е. так называемых «точных» наук. Постепенно сфера анализа расширялась. В нее вошел социокультурный контекст развития и функционирования науки, философско-методологические проблемы гуманитарных дисциплин. Одно из направлений дальнейшего развития философии и методологии науки связано с активным исследованием организационных теорий, теорий менеджмента.

Термин «менеджмент» употребляется как для обозначения особой сферы социально-практической деятельности, так и особой научной дисциплины, ставящей задачу изучения этой сферы и выработки практических рекомендаций по ее совершенствованию. *Менеджмент как социально-практическая деятельность* имеет много аспектов, но в своей главной части эта деятельность направлена на создание, обеспечение функционирования и развития организаций, предназначенных для достижения определенных целей. *Менеджмент как научная дисциплина* представлен как совокупностью эмпирических знаний, так и широким спектром теоретических концепций, раскрывающих и моделирую-

щих различные аспекты управленческой деятельности. Центральное место среди этих концепций принадлежит теориям организации. *Теории организации* изучают влияние формальной структуры, внутренней деятельности и внешней среды на сложное поведение людей, объединенных в организацию.

Специфика менеджмента как теоретической дисциплины определяется, по меньшей мере, двумя его главными особенностями:

- ориентированностью на решение социально-практических задач;
- междисциплинарным характером.

Формирование научно-теоретического менеджмента было движимо не академическим, внутринаучным, а прежде всего социальным интересом достижения большей эффективности фактически во всех сферах организационной деятельности людей. Познавательная-академическая составляющая современного теоретического менеджмента существенно возросла по сравнению с исходными концепциями. Однако его развитие, как и в начале, в конечном счете обусловлено тем же социально-практическим интересом, а выработка правил и норм эффективной практической организационной деятельности составляет его главную задачу. Такая ориентированность научно-теоретического менеджмента дает основание отнести его к классу практико-технических дисциплин.

Вместе с тем имеются существенные отличия научно-теоретического менеджмента от целого ряда иных «традиционных» практико-технических дисциплин (типа электротехники, генной инженерии и др.). В отличие от «традиционных» практико-технических дисциплин, опирающихся на одну базовую фундаментальную теорию или фундаментальную дисциплину, научно-теоретический менеджмент в качестве основы использует целый спектр достаточно разнородных фундаментальных дисциплин. Это социология, политическая наука, экономика, психология, математическая теория операций, теория игр, теория систем, синергетика и др. Единая парадигма, способная объединить весь этот достаточно разнородный комплекс научных знаний и стать общезначимой *теорией* менеджмента, пока не сложилась.

2. Способы анализа менеджмента

За приблизительно столетнюю историю научного менеджмента было развито немалое количество теорий и подходов. Имеются и различные варианты их упорядочения, классификации. Отечественные авторы О.С. Виханский и А.И. Наумов различают, например, лишь два основных вида учений об управлении: «одномерные» и «синтетические»¹. Американские авторы Дж.Д. Гордон и М.Е. Милакович выделяют четыре типа теорий организации:

- 1) формальные теории;
- 2) школа «человеческих отношений»;
- 3) «организационный гуманизм»;
- 4) современная теория организации².

Другие американские авторы — Д.М. Шафритц и Д.С. Отт — говорят о шести главных школах теорий организации:

- 1) классические теории;
- 2) неоклассические теории;
- 3) «современные» структурные теории;
- 4) системные и ситуационные теории;
- 5) школа «власти и политики»;
- 6) школа «организационной культуры»³.

Имеются и несколько иные типы классификаций теорий организации. Все они сходны и каждая из них имеет определенные объективные основания. *Особенность подхода* к анализу теорий организации, осуществленного в данной статье, состоит в том, что он ориентирован на рассмотрение их методологических оснований в контексте *развития и смены ведущих идеалов научности*.

Идеал научности представляет собой систему познавательных ценностей и норм, выбор, статус и интерпретация которых зависят от широкого познавательного и социокультурного контекста. Важно, однако, подчеркнуть, что социокультурная составляющая не находит своего прямого и непосредственного выраже-

¹ Виханский А.С., Наумов А.И. Менеджмент. М., 1995. С. 31–40.

² Gordon G.J., Milakovich M.E. Public Administration in America. New York, 1995. P. 121–171.

³ Shafritz J.M., Ott J.S. Classics Organization Theory. Chicago, 1987.

ния в содержании идеала научности. Его содержание составляют характеристики научного знания:

- описания и объяснения;
- построения и организации знаний;
- доказательности и обоснования.

Структура идеала научности в первом приближении может быть представлена в виде пирамиды когнитивных ценностей и основанных на них требований, предъявляемых к результатам научно-познавательной деятельности. Идея иерархической структуры ценностей научного познания получила достаточно отчетливое выражение уже у И. Канта, в его различении «понятия науки» и «науки в собственном смысле». «Всякое учение, — писал И. Кант, — если оно есть система, то есть некоторая совокупность познания, упорядоченного согласно принципам, называется наукой»⁴. С другой стороны, И. Кант утверждал, что «в любом частном учении о природе можно найти науки в собственном смысле столько, сколько имеется в ней математики»⁵.

По поводу вершины пирамидальной структуры идеала научности существует относительное единство взглядов. Ориентированность на истинность соответствует наиболее фундаментальным интересам человеческого рода и общей тенденции развития научного познания. Основание этой пирамиды составляют минимальные требования научности: предметность, проблемная ситуация, обоснованность, интересубъективная проверяемость, системность. Но при всей существенности универсальных характеристик научности их демаркационная сила и эвристический потенциал все же не высоки.

Большую значимость с современной точки зрения имеют требования научности, занимающие в общей пирамиде норм более высокую ступень. Эти требования также образуют некоторые целостные формирования, объединения и представляют собой то, что И. Кант имел в виду под выражением «наука в собственном смысле». Предметом дальнейшего рассмотрения будут

⁴ Кант И. Метафизические основания естествознания // Соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1966. С. 56.

⁵ Там же. С. 58.

идеалы, претендующие на роль выражения «науки в собственном смысле».

В современности идеал научности претерпевает существенные изменения. Происходит, можно сказать, радикальный, качественный переход от веками утвердившихся классических представлений к некоторому новому, еще формирующемуся ее образу и идеалу. Эти процессы ощутимы и в области теоретического менеджмента.

В зависимости от идеала научности, к которому объективно тяготеют различные теории организации, можно выделить *три основных философско-методологических типа*:

- теории организации, соответствующие классическому идеалу научности;
- теории организации, объективно тяготеющие к гуманитарному идеалу научности;
- теории организации, сгруппированные в соответствии с основными тенденциям формирования современного идеала научности.

■ 3. Философские основания формирования теорий менеджмента

Феномен управления в социальной сфере можно проследивать до самых глубин человеческой истории. Известный теоретик менеджмента — Питер Друкер — не без оснований, хотя и не без некоторого эпатажа, сравнительно недавно заявил, что «лучшими менеджерами в истории были люди, ответственные за строительство пирамид в Египте»⁶.

На найденных при раскопках осколках глиняных египетских сосудов сохранились изображения способа постройки этих знаменитых сооружений. Большая колонна рабов тащила тяжелую плиту. Впереди этой колонны шли музыканты, которые музыкальным сопровождением задавали определенный темп и ритм рабам, осуществляя координацию их индивидуальных усилий. По бокам колонны шли надсмотрщики с палками (сти-

⁶ Цит. по: Дункан У.Д. Основополагающие идеи в менеджменте. М., 1996. С. 12.

мулами), которые подстегивали выбивающихся из общего темпа и ритма рабов. Позади колонны шли те, кто добивал не могущих подняться.

Этико-гуманистические, но также ритуально-технические аспекты социального управления обсуждались и пропагандировались в древности Конфуцием, у которого также есть чему поучиться и современным менеджерам. Человеколюбие, почтительность, честность, искренность, вежливость, сочетаемые со строгим соблюдением ритуала — все это, по замыслу Учителя, важнейшие, необходимые качества подлинного управляющего, «благородного мужа». Поэтому людям, иронизирующим сегодня по поводу «китайских церемоний», следует напомнить о глубоких истоках и значительном исходном гуманистическом содержании этих процедур.

В Древней Греции проблема управления остро встает в связи с необходимостью решения как социальных, так и социотехнических задач. К числу наиболее значимых из числа последних относится задача кораблеводства. Греческий корабль — пентеконтера (50-весельное судно) — был самым сложным в то время техническим устройством. Характер организации совместной работы на корабле заставлял людей учиться повелевать и повиноваться. Развиваемые при этом единоначалие, централизм, иерархия и субординация становятся на определенном этапе образцами социального взаимодействия.

Кризисные процессы в древнегреческом обществе (разрушение полисной демократии) обострили проблемы социального управления. Теоретическим откликом (конечно же, не только откликом) на эти процессы можно считать концепцию «идеального государства» Платона, основу которого, как известно, составляла жесткая сословная структура. Хорошо известно и то, что многие черты идеального платоновского государства воспроизводились впоследствии в позитивном ключе не только утопистами (Сен-Симоном, Оуэном, Фурье), но и мыслителями, стремившимися занимать более реалистические позиции (Макиавелли, Гоббсом, Гегелем, Марксом).

Конкретные аспекты платоновского государственного устройства были подвергнуты критике мыслите-

лями либерально-демократической ориентации, обоснованность которой показало дальнейшее развитие социальной практики. Однако мысль об организации общества и его составляющих в соответствии с идеальными образцами, с большой силой развитая в философии Платона, стала основой интеллектуальной традиции, в русле которой происходило и становление классического научного менеджмента.

Тем не менее от самой этой интеллектуальной традиции до развитых концепций современного менеджмента была еще дистанция огромного размера, причем отнюдь не только временная.

Дело в том, что человеческие действия и, шире, мир человеческих отношений, как было замечено уже в античности, практически невозможно полностью подчинить идеальным образцам. Поэтому в практических делах огромное значение имеют находчивость, чутье, проницательность, гибкость ума, смекалка, ловкость, чувство уместности. В мифах и драмах древние греки восхваляли хитроумие (*metis*) и рассудительность (нравственный аналог хитроумия) в самых разных областях деятельности. Одним из самых любимых греческих героев, как хорошо известно, был «хитроумный Одиссей», обладатель *metis* (*polumetis*).

Однако, оставив нам развитую *теорию* идеальных образцов, древние греки не создали ничего похожего на «*теорию хитрости*». «Практическая эффективность для древних греков оставалась неподвластной и немислимой — даже если к ней и проявляли какой-то интерес и придавали ей какое-то значение»⁷.

Рассматривая *классический научный менеджмент* в этом самом широком познавательном контексте, его можно оценить как первую мощную попытку *овладеть практической эффективностью рациональными, научными средствами*.

Главными из числа *ближайших предпосылок* формирования классического научного менеджмента являются:

- трансформация социальных структур, в результате которой господствующими становятся структуры «целерационального» действия (по Веберу).

- Главное в «капиталистическом духе» — стремление к *эффективному* достижению целей посредством *рационализации*;
- промышленный переворот, в результате которого ремесленный труд был заменен массовым индустриальным производством с особым типом организации труда;
 - высокий авторитет науки, привлекавшей не только несомненной интеллектуальной значимостью, но и все более проявлявшейся практической эффективностью;
 - классический идеал научности, в безусловном следовании которому видели свою задачу большинство философов и ученых того времени фактически во всех областях науки.

Рассмотрим чуть более подробно последний, наиболее важный в данном контексте аспект. *Классический идеал научности* в основных своих чертах сложился еще в античности. На первых этапах, но в течение весьма длительного времени, он коррелировал с математическим знанием, а его главным эталоном выступала геометрия Евклида. Развитие естествознания, первоначально преимущественно физики, в Новое время придало новый импульс классическому идеалу научности, но новой модифицированной форме, с ориентацией на физику.

Главными основоположениями, значимыми для всех форм классического идеала научности являются:

1. «*Чистая истина*». Согласно классическим представлениям, в науке не должно быть «никакой примеси заблуждений». Истинность выступает здесь не только как нормативная ценность, как то, к чему следует стремиться, но и как необходимая описательная характеристика любых результатов познания, претендующих на научность. По сути дела, здесь переплетались два утверждения. Во-первых, соответствующее господствующим современным взглядам представление, согласно которому истинность является центральным, наиболее сильным регулятивом научно-познавательной деятельности. Во-вторых, ошибочное, согласно которому истинность должна быть необходимым атрибутом всех познавательных результатов, претендующих на научность.

2. *Фундаментализм* — одна из главных парадигм идеала познания в классической эпистемологии, выраженная в ориентации на принцип достаточного обоснования. Уже во времена античности обнаруживается отчетливо выраженное стремление обладать не просто «мнением» (*doxa*), возможно, даже и истинным, но прочным и надежным знанием (*episteme*), которое не давало бы никаких поводов для сомнений в его истинности. Поэтому суть идеального познания усматривалась в решении задачи обоснования. Идея обоснования в фундаментализме поставляла масштаб измерения, критерий разграничения подлинного знания и псевдознания, истины и лжи. Эти представления были ведущими для теоретико-познавательных концепций Аристотеля и Евклида, Бэкона и Декарта, Лейбница, Канта и Гегеля, Карнапа и Гуссерля, а также для многих других эпистемологов. Долгая история фундаментализма есть история постоянных поисков «начал познания», исходного пункта для процесса обоснования, «надежного фундамента», на который могла бы опираться вся система научных знаний.

Фундаментализм во всех его версиях базируется на принципиальном различии двух типов (классов) познавательных инстанций: с одной стороны, когнитивно первичных, абсолютно достоверных, непроблематичных, которые должны составлять «фундамент» и исходный базис обоснования; с другой стороны, когнитивно вторичных, проблематичных, гипотетических, а потому требующих обоснования. Вторичные инстанции могут считаться подлинным знанием тогда и только тогда, когда они достаточно обоснованы. Само же обоснование понимается как редукция (дедукция) вторичных, проблематичных инстанций к (из) первичным, депроблематизированным познавательным инстанциям. В любой версии фундаментализма можно выделить три главные операции: разделение всех познавательных инстанций на первичные (оправдывающие) и вторичные (оправдываемые); депроблематизация, стабилизация и автономизация первичных познавательных инстанций, предназначенных быть фундаментом познания; редукция проблематичных вторичных инстанций к якобы непроблематичной базисной инстанции.

Фундаменталистская модель познания имеет ряд важных следствий. Одно из наиболее существенных из них — теоретический монизм. Дело в том, что необходимым минимальным условием любой обосновывающей модели является требование непротиворечивости, согласования между обосновывающей и обосновываемой инстанциями. Любое несогласование было бы абсолютной противоположностью принципу достаточного обоснования. Так как инстанция, допускающая одновременно несколько логически несовместимых теорий, не может быть солидным обосновывающим базисом, фундаментализм прямо ведет к теоретическому монизму: одна истина, один фундамент всего познания, одна теория, которая в идеальном случае завершенной научности могла бы выступать как знание. Фундаментализм тесно связан также с представлением о том, что стабильность является весьма ценным эпистемическим качеством. Это естественно, так как сам фундамент, согласно классическим взглядам, должен быть прочным, надежным, «вечным творением». Соответственно, любое истинное познание, построенное на этой основе, должно характеризоваться такими же позитивными, с точки зрения фундаментализма, чертами. Так, стабильность становится в классической модели познания ведущим признаком истинности. Еще одним важным следствием фундаментализма, тесно связанным с предшествующими, является кумулятивистская теория познавательного прогресса. Согласно этой теории, развитие познания осуществляется не революционным образом, посредством опровержения и вытеснения старого в пользу нового, а больше эволюционным образом, через аккумуляцию новых знаний на основе традиционного познавательного базиса, который дополняется и расширяется, может быть, даже на периферии модифицируется, но в своем «твердом ядре» остается незатронутым. В такой познавательной модели революция если и предусматривается, то только как однократный, конституирующий науку акт, связанный с обнаружением «истинного» эпистемологического фундамента и установлением окончательного обоснования научного познания. Если

эта революция осуществлена, все прочие революции станут не просто излишними, но даже невозможными.

3. *Методологический редукционизм (универсализм)* — основу которого составляет представление о возможности выработки некоторого универсального (во временном и предметно-методологическом планах) стандарта научности. Это представление служит основой двух главных гипотез, определяющих стратегию методологического редукционизма. Согласно первой из них, нормативный стандарт научности может быть сформулирован на базе «наиболее развитой» и «совершенной» области познания или даже теории. Согласно второму предположению, которое может варьироваться по степени жесткости, все прочие области познания «подтянутся» к выработанному таким образом универсальному стандарту научности.

В соответствии со стратегией методологического редукционизма, многие ученые и философы современности эталон научности усматривают в естествознании, а в самом естествознании чаще всего обращаются к физике, оценивая при этом другие науки как «недоразвитую физику». Однако такая ориентация не является единственной. В научном познании достаточно отчетливо выделяются, по меньшей мере, три области: математика, естествознание, социально-гуманитарные науки, определенные эпистемологические черты которых служат основой разных универсалистских проектов. В зависимости от характера эталонной науки можно выделить три интерпретации научности:

- а) базирующуюся главным образом на математике;
- б) ориентирующуюся на экспериментальное естествознание, преимущественно физику;
- в) опирающуюся на специфику социально-гуманитарного знания. При этом каждый из выработанных таким образом идеалов научности, коррелирующих с определенными эталонами, претендовал, с той или иной силой, на универсальную значимость.

4. *Интернализм* — философско-методологическая позиция, противоположная *экстернализму*, в соответ-

ствии с которой научное знание и сами стандарты его обоснования должны быть полностью независимыми от социокультурных условий. Выводы науки должны осуществляться в соответствии с универсальными эпистемологическими стандартами и определяться только самой изучаемой реальностью, независимо от социокультурных условий ее изучения. Так, ведущие программы классической эпистемологии (Ф. Бэкон, Р. Декарт, Г. Спенсер и другие) исходили из возможности создания однозначной «логики открытия», которая позволяла бы осуществлять научное познание вне зависимости от любых внешних факторов. В дальнейшем от попыток такого рода фактически отказались. Однако в ослабленном виде позиция интернализма многими защищается и сегодня. Современный интернализм не подвергает сомнению воздействие социокультурных факторов на процесс научного творчества, выбор проблемы и метода исследования. Признается, что социокультурные факторы могут значительно стимулировать либо затормаживать исследования в какой-либо проблемной сфере научного познания. Однако современные разновидности интернализма предполагают, (1) что в основе действий ученых лежит использование универсальных эпистемологических стандартов, которые социологически непроблематичны, и (2) что существующие в науке эпистемологические стандарты являются достаточно «жесткими», чтобы не допускать никакого воздействия социокультурных факторов на содержание научных утверждений, гипотез, теорий.

Конкретные философско-методологические программы, в которых получил свое выражение классический идеал научного знания, характеризуются колоссальным разнообразием. Тем не менее важнейшие формы его выражения сочетаются с некоторыми реальными образцами науки. Реально в истории в качестве важнейших форм воплощения классических принципов научности выступали математика, естествознание (преимущественно физика, позднее нередко биология), гуманитарные науки. Соответственно, основными формами выражения классического идеала научности являлись: математический идеал научности, физический

идеал научности и, с определенными оговорками, которые будут сделаны в следующей главе, гуманитарный идеал научности.

В *математическом идеале* на передний план выдвигаются такие когнитивные ценности, как логическая ясность, строго дедуктивный характер, возможность получения результатов путем логического вывода из основных посылок, непреложность выводов, определение научности, обоснованности установлением соответствия (непротиворечивости) выводов основным посылкам, выраженным в аксиомах. Одним из наиболее притягательных эталонов математического идеала научности стали «Начала» Евклида. Ориентация на этот эталон просматривается на протяжении более чем двухтысячелетней истории его существования. Значимость его резко возрасла, начиная с эпохи позднего Средневековья. Высочайшая оценка математического познания и соответствующего стандарта научности в эпоху Возрождения и Нового времени позволяет даже говорить о «панматематической тенденции». В русле этой тенденции математическое познание рассматривается как безусловный идеал для всякого познания. Оценка математического познания оказывается столь высокой, что по степени качества, достоверности ставится на один уровень с божественной мудростью. В наиболее сильной форме панматематическая тенденция выражена в *рационализме*. Вершины своей значимости математический идеал научности достигает в выдвинутой Р. Декартом программе «*Mathesis Universalis*». Тенденцию панматематизма в значительной степени наследует И. Кант, который утверждал, что «в любом частном учении о природе можно найти науки в собственном смысле слова столько, сколько имеется в ней математики». Методы умозрения и дедукции, характерные для математического познания, активно использовали при построении многочисленных натурфилософских систем. Откровенно «геометрический» способ доказательства в философии пытался применять Б. Спиноза. В последующем значение математического идеала ослабевает, но на рубеже XIX—XX столетий вновь несколько усиливается в связи с проникновением в физику «духа математики». Данную ориентацию

развивают неокантианцы Марбургской школы, а также ряд других ученых и философов.

В *физическом идеале научности* центральная роль отводится эмпирическому базису. По сравнению с математическим типом знания, где допустимы любые логически возможные аксиомы, физическая аксиоматика имеет фактуальный характер, детерминирована имеющейся эмпирической информацией. Физическое знание рассматривается как гипотетико-дедуктивное, а потому как имеющее в той или иной степени вероятностный характер. Заключение физики не так непреложно, логически допустимо нарушение ее законов в отличие от математических формул. Ценность, научность гипотезы определяется здесь прежде всего плодотворностью ее прогностической силы, открываемыми ею возможностями предвидения новых фактов и явлений.

С позиций физического идеала научности, значимость математики в познании существенно переосмысливается. Она получает либо эмпиристскую интерпретацию (Ф. Бэкон, Дж. Локк, Г. Спенсер, И. Лакатос), либо трактуется как сугубо аналитическая дисциплина, как аппарат, инструментальное средство для развития физических теорий (Дж. Беркли, Д. Юм, Б. Рассел, неопозитивизм). Наибольшее распространение получает точка зрения, согласно которой математика — это не наука, а язык науки.

Эталоном физического идеала научности первоначально выступала механика. В ней видели образец, которому будет следовать научное знание, вне зависимости от характера изучаемого объекта. Затем в качестве эталонного стали рассматривать, по сути, весь комплекс физического знания. Ориентация на физические критерии в химии была ярко выражена, например, П. Бертелло, в биологии — М. Шлейденом, а Г. Гельмгольц прямо утверждал, что конечная цель всего естествознания — «раствориться в механике». Значимость физического идеала научности распространялась и на традиционно гуманитарные области. Г. Бокль, говоря о своем стремлении «поднять историю до ранга науки», прямо указывал, что хочет быть «Бэконом истории». Известный филолог XIX в. В. Шерер, выражая целое умо-

настроение, писал: «естествознание как триумфатор тянет повозку победителя, к которой все мы прикованы». Даже в исследовании по истории оды можно было встретить заявления типа: «Только путь индукции обещает успех». В социальных науках физический идеал научности, начиная с XVII в., стимулировал многочисленные попытки построения «социальной механики», «социальной физики», а затем «социальной инженерии». История с этих позиций рассматривалась лишь как склад «сырого» материала для обобщений естественно-научно ориентированной социологии. Универсалистско-редукционистские притязания физического идеала научности ярчайшим образом проявились в неопозитивистской доктрине «физикализма». Выражая в новом варианте идею Универсальной Науки, приверженцы этой концепции полагали возможным осуществить перевод предложений всех опытных наук, в том числе психологии и социально-гуманитарного знания, на язык физических терминов.

■ 4. Методологические установки классического менеджмента

Классическим менеджментом принято называть совокупность концепций, созданных в конце XIX — начале XX в. и объединяемых общностью исходных философско-методологических принципов. Прежде всего имеются в виду концепции Ф. Тейлора, А. Файоля, М. Вебера. Особое место в этом ряду занимает концепция А.А. Богданова. С одной стороны, Богданов фактически первым выдвигает и обстоятельно развивает идею о необходимости решения организационных вопросов на подлинно научной основе. И во временном плане его концепция соответствует классическому менеджменту. Однако, с другой стороны, в содержательном плане, можно сказать, что А.А. Богданов опережает свое время. Понимание науки и организационных принципов Богдановым выходит далеко за пределы классических определений и закладывает основу для подходов, развитых позднее.

Классическое определение менеджмента дается А. Файолем. Это определение, сформулированное на

базе соответствующего понимания, принято называть *функциональным*. Менеджмент определяется через перечисление его функций: предвидеть и планировать; организовывать; распоряжаться; координировать; контролировать. В этом определении уже видно важное различие статического (организовывать) и динамического (распоряжаться, приводить организацию в действие) аспектов менеджмента. Такое понимание сути менеджмента сохранилось вплоть до современности. Менеджмент и сегодня кратко определяется как «координация людских и иных ресурсов с целью решения поставленных организационных задач»⁸.

Дух и основную идею классического менеджмента отчетливо и сильно выразили в своих концепциях Ф. Тейлор и М. Вебер: достижение эффективности путем рационализации действий. Под эффективностью при этом понимается максимальное приближение к заранее поставленной, продуманной цели с помощью минимальных затрат. Главное средство обеспечения эффективности классический менеджмент видит в науке, завоевавшей высокий авторитет во многих областях человеческой жизни.

Обращение к науке отличает классический менеджмент от предшествующих представлений об управлении, а *особенности понимания науки* от развиваемых в современности теорий менеджмента.

Представления творцов классического менеджмента о науке соответствуют классическому идеалу научности преимущественно в его физикалистском варианте. *Философско-методологическую основу* классического менеджмента составляют принципы, фактически совпадающие с главными принципами классического идеала научности:

1. *Фундаментализм*. Существует единственный, наилучший способ решения любой организационной задачи, который устанавливается с помощью научного подхода. Менеджмент поэтому понимается как «подлинная наука», основанная на строго определенных законах, правилах и принципах.

⁸ Дункан У. Джек. Основопологающие идеи в менеджменте. М., 1996. С. 17.

2. *Редукционизм* (универсализм). Основные законы, правила и принципы менеджмента универсальны, действуют по отношению ко всякой организации, большой или малой, в любой сфере деятельности.
3. *Деперсонализм*. Люди, входящие в состав организации, рассматриваются лишь с точки зрения их ролевой функции, как детали единого организационного механизма. Личностные качества, не входящие в состав ролевой функции, считаются внешними и несущественными факторами, которыми в теории можно пренебречь. Сам менеджер определяется как «мыслящий калькулятор».

■ 5. Применение гуманитарно-научного подхода в менеджменте

Основная направленность *гуманитарно-научного идеала* выражена достаточно отчетливо. Он противопоставляется натуралистическому подходу и сосредоточивает внимание на субъективном аспекте в познаваемой реальности и в способах ее постижения. Если в рамках натуралистического подхода социальная реальность *объективируется*, рассматривается по аналогии с природными объектами, то в рамках противоположного, антинатуралистического подхода социальная реальность *субъективируется*, принципиально рассматривается как продукт деятельности субъектов. Субъективные аспекты выступают здесь в качестве основополагающего фактора социальной жизни. Соответственно предполагается, что методы изучения социокультурной реальности должны быть принципиально иными по сравнению с методами, используемыми в рамках натуралистического подхода. Как полагал, например, В. Дильтей, и системы культуры (хозяйство, право, религия, искусство, наука), и социальные системы (семья, община, церковь, государство) «возникли из живого целого человеческой души и не могут быть поняты иначе, как из того же источника»⁹. Действующий субъект

стремится к достижению определенных целей, реализации интересов, удовлетворению влечений, он выбирает и оценивает различные варианты действия. Поэтому при изучении поведения людей принципиально важно подвергать специальному рассмотрению «изнутри» субъективный план действий, который и является определяющим.

Суть такого понимания в социологии может быть выражена с помощью так называемой «теоремы Томаса» (У. Томас — известный социолог): «Если ситуации определяются как реальные, они реальны по своим последствиям»¹⁰. В ее подтверждение Томас приводит следующий пример. Параноик, попавший впоследствии в одну из нью-йоркских больниц, убил нескольких человек, которые имели несчастную привычку разговаривать сами с собой на улице. По движениям их губ он заключил, что они называют его позорными кличками, и вел себя так, будто это действительно имело место. Томас заключает: поскольку этот человек определял ситуацию как реальную, она на самом деле оказалась реальной по своим последствиям. Таким способом субъект определил ситуацию и объективировал ее посредством собственной деятельности.

Рассмотрение ситуации через призму субъективной оценки — главная особенность антинатуралистического, «субъективистского» подхода. Имеется и другая особенность, не менее принципиальная. Сторонники гуманитарно-научного идеала настаивают на более широкой трактовке субъекта действия и познания. Если в рамках натурализма и классического идеализма субъект «суживался» до носителя только «разума» (как отмечал Дильтей, в жилах кантовского субъекта течет не настоящая кровь, а «разжиженный флюид разума, как чистой мыслительной деятельности») или узко практически ориентированного индивида («экономического человека» А. Смита), сторонники гуманитарного идеала хотели бы понимать человека во всем богатстве его способностей и потенций, человека «во всей его жизненной полноте» (В. Дильтей), человека со всеми его чувствами, желаниями и инте-

¹⁰ См.: *Ионин А.Г. Понимающая социология. Историко-критический анализ.* М., 1979. С. 65.

ресаами. Включение такого рода субъекта и в познавательный процесс представляется необходимым условием адекватности если не всякого, то, по меньшей мере, гуманитарно-научного познания. Лишь в этом случае, по мнению сторонников гуманитарного идеала, устанавливается известное тождество, особого рода интимные, родственные связи между субъектом и объектом познания — социально-культурной реальностью, которая и есть продукт реализации всех потенций и интересов «целостного» субъекта.

Такое понимание особенностей гуманитарного познания явно не согласуется с классическими представлениями об идеале научности. Отсюда открывалась возможность перехода к новым представлениям о научности. Однако данная возможность отнюдь не сразу была осознана адекватным образом. Напротив, на первых этапах обостренное внимание к особенностям гуманитарного познания сочеталось с признанием незыблемости классической парадигмы научности в целом, что приводило, с одной стороны, к резкому противопоставлению гуманитарного и естественно-научного познания, с другой стороны, к стремлению сам гуманитарный идеал базировать во многом на классических основаниях, что влекло за собой внутреннюю противоречивость концепций. Поэтому гуманитарный идеал в первоначальных формах выражения остается еще в рамках классической парадигмы научности. Однако объективно его можно рассматривать как переходную ступень к новым представлениям о научности, выходящим за рамки классических оснований.

Ориентация на гуманитарный идеал научности в менеджменте обнаруживается в результатах исследований и концепциях, разработанных в школах «человеческих отношений» и «организационного гуманизма». С одной стороны, эти концепции составляют альтернативу классическому менеджменту, ориентированному на натурализм и даже механицизм. В противоположность классическому менеджменту в центре внимания представителей школ «человеческих отношений» и «организационного гуманизма» находится субъективный аспект организационного поведения. Однако, с другой стороны, субъективный план рас-

смотрения является в развитых ими концепциях фактически единственным, так что концепции оказываются почти такими же односторонними, «одномерными»¹¹, как и концепции классического менеджмента.

Первое важное исследование человеческих отношений в организации проводилось на заводе компании Вестерн Электрик в Хоторне, штат Иллинойс, в конце 20-х — начале 30-х гг. Элтон Мейо (1880 — 1949) и его коллеги по Гарвардской школе бизнеса начали исследования, чтобы оценить воздействие усталости рабочих на производство. Однако исследования, продолжавшиеся более пяти лет, дали определенные результаты, касающиеся производительности и других производственных факторов, но не связанных с экономическим вознаграждением. В частности, исследования концентрировались на том, как рабочие реагируют на действия руководителей. Как изменения физических условий труда влияют на выработку, и как социальные взаимодействия рабочих отражаются на их работе. Важно отметить, что изначально Мейо не собирался изучать все эти взаимосвязи; эти исследования стали необходимыми после того, как первые результаты оказались весьма неожиданными. По сути дела, широкий субъективный план социального взаимодействия, включая и упоминавшуюся выше «теорему Томаса», был открыт в менеджменте неожиданно, непроизвольно.

В одном из экспериментов мужчинам, изготавливающим элементы телефонных переключателей, платили сдельно. Согласно теории Тейлора, ожидалось, что они постараются собирать как можно больше элементов. Однако к удивлению и Мейо, и руководства компании выход продукции стабилизировался на довольно низком, по сравнению с ожидаемым, уровне в основном из-за нежелания рабочих поднимать его выше некоторой точки. Оказалось, рабочие опасаются быть отправленными в отпуск, и что бы ни говорили и делали руководители, отношение рабочих и уровень производства не изменялись. Такие результаты были совершенно неожиданны и ничто в теории научного управления не могло их объяснить.

В другом эксперименте ученые изменяли элементы физической обстановки для группы женщин, соби-

¹¹ См.: Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент. 1995. С. 32–37.

равших телефонные реле, и наблюдали за изменением выработки. Предполагалось, что улучшение условий труда приведет к повышению выработки, а ухудшение может спровоцировать падение производства. Такой же эксперимент производился и с мужчинами, изготовлявшими переключатели. Результаты обманули ожидания даже в двух отношениях. Во-первых, уровень выработки у женщин повышался после любых изменений, вне зависимости от того, были ли это изменения к лучшему (улучшение освещения, расширение рабочего места, более частые перерывы на отдых) или наоборот. Очевидно, женщины реагировали отчасти на то, что они были объектом эксперимента. (Такая реакция впоследствии стала называться «эффектом Хоторна».) Более того, поскольку руководители регулярно уделяли внимание женщинам и их работе, женщины, видимо, были готовы поддерживать постоянно повышенный уровень производства. Второй результат, идущий вразрез с ожиданиями, показал, что участники мужской группы реагировали полностью противоположным образом. Независимо от изменений условий труда, мужчины несколько снижали выработку. Эти результаты, противоречащие концепциям классического научного управления, указывали на необходимость новой теории.

Мейо и его коллеги заключили, что помимо формальной организационной структуры имеется неформальная социальная структура, которая ощутимо влияет на поведение и мотивацию рабочих. На мужчин, например, давила субъективная установка не производить слишком много или слишком мало и не связываться с начальством. Имелась также четкая субъективная установка на поддержку выработки группы, а не на уровень, установленный руководством. Но и мужчины, и женщины субъективно ощущали себя прежде всего членами группы и реагировали на руководство именно с этой позиции.

Таким образом, исследования Мейо и его коллег показали важность для работы внеэкономических субъективных побуждений и мотиваций, они открыли дорогу для изучения социально-психологических факторов, лежащих за пределами формальных действий и формальной структуры организаций.

Однако позднее многие обратили внимание на недостатки школы человеческих отношений. Более всего подвергались критике три момента.

Первое, на что чаще всего обращали внимание, — это то, что теория не смогла разобраться в конфликтах, возникающих между руководителями и рабочими. Критики указывали, что хотя «хорошие человеческие отношения» способствуют облегчению ситуации при любых конфликтах, совсем недостаточно просто дать рабочему «ощутить» свою важность в ситуациях, порождающих большинство основных конфликтов (степень контроля, долговременные задачи, методы работы, цели конкретных задач). В этом отношении сторонники школы «человеческих отношений» допустили ту же ошибку, в которой они обвиняли формальные теории — ни тот, ни другой подход не признавал того обстоятельства, что конфликты возможны и что с ними необходимо справляться.

Второе. Школа «человеческих отношений» почти полностью сбросила со счетов влияние формальной структуры на членов организации. Столь же мало внимания обращалось на столь любимые классическими формальными теориями рационально-экономические стимулы. Однако в последующих исследованиях обнаружилось, что, в противоположность точке зрения Мейо, для части рабочих, занятых на производстве, экономические стимулы служили гораздо более эффективной мотивацией, чем внеэкономические¹². Другие исследования позволили сделать аналогичные выводы по поводу денежных стимулов, значимость которых зависела от разницы по сравнению с зарплатой или окладом.

Третье. Оказалось, что при формировании неформальной социальной структуры гораздо более важную роль играют тип и сложность технологий, применяемых в организации, а не факторы, которые считали основными Мейо и его коллеги. Возможно, что на самом деле здесь нет противоречия с выводами школы «человеческих отношений». Технологии в современности стали играть гораздо более важную

¹² Whyte W.F. Money and Motivation: An Analysis of Incentives in Industry. N. Y., 1955.

роль, чем это было в 30-х гг., когда впервые был сделан акцент на человеческих отношениях. Однако такая точка зрения предполагает, что по мере изменения условий труда теории, которые ранее успешно применялись для анализа организаций, могут утратить свои возможности.

Имеются и другие претензии к подходу, разработанному школой «человеческих отношений». Школа «организационного гуманизма», проводившая исследования в 40–50-е гг., также акцентировала внимание на социально-психологических факторах. Однако в центре исследований этой школы оказывалось не отношение «рабочий-начальник», а отношение рабочих к работе *самой по себе*, которое расценивалось как главный фактор в поддержке мотиваций и получения удовлетворения от работы.

«Организационный гуманизм» основывается на нескольких предположениях, которые отличаются от принятых как в классической формальной теории организации, так и в школе «человеческих отношений». Первое предположение утверждает, что работе присущ некоторый изначальный интерес, который сам по себе может служить стимулом для рабочего выполнять ее хорошо. Согласно второму предположению, люди работают для того, чтобы удовлетворять потребности и желания как связанные с работой, так и независимые от нее. Это, в свою очередь, предполагает, что рабочие ищут удовлетворения *в работе*, и что достижение этого удовлетворения является отдельной целью, связанной с самыми фундаментальными причинами, побуждающими заниматься трудовой деятельностью. Третье предположение говорит о том, что работа является основным интересом в жизни рабочего, а не просто тем, чем занимаются по необходимости. Четвертое предположение прямо следует из утверждения о том, что работа и удовлетворение от нее занимают центральное место в жизни человека. Оно говорит, что руководителям следует предлагать положительныe мотивации, а не исходить из того, что рабочие изначально равнодушны к своей работе и при возможности предпочли бы ее не делать. Последняя точка зрения неявно подразумевалась к классической формальной теории орга-

низации, и даже школа «человеческих отношений» разделяла ее до некоторой степени.

Одно из самых важных исследований в области «организационного гуманизма» выполнил А. Маслоу. Он писал о «само-реализующемся» работнике, который достигает самого высокого уровня вовлеченности в работу посредством максимального использования своих творческих способностей и личной независимости. Согласно Маслоу, работник обладает «иерархией потребностей», каждый уровень которой надо удовлетворить, прежде чем человек сможет перейти на следующий. Высший уровень иерархии потребностей (она представлена ниже) по Маслоу — это самореализация, ощущение личной реализации, которое возникает благодаря независимому, творческому и ответственному выполнению работы.

Среди пионеров «организационного гуманизма» был также Дуглас Макгрегор; он утверждал, что рабочие могут мотивировать себя сами, вследствие увлеченности самой работой и желания ее выполнить. Его теория Y резко отличалась от той, которую он называл теорией X и в которой полагалось, что рабочие ленивы, склонны уклоняться от работы и их надо заставлять ее делать (подробнее см. ниже).

Однако «организационный гуманизм» тоже не избежал критики. В конкретных исследованиях было, например, обнаружено, что лишь менее 10 % рабочих производственной группы предпочитали неформальные отношения, заинтересованность в работе и независимость, столь высоко ценившиеся в «организационном гуманизме». Разные рабочие имеют разные потребности, и никакой подход не может успешно их охватить. Некоторые рабочие нуждались в сильном руководстве, а не в независимости; при недостаточном руководстве они испытывали разочарование и недовольство. Одни действительно работали ради денег, другие просто не ладили с коллегами; в таких ситуациях акцент на взаимодействии в группе вместо разрешения существующих проблем породил бы новые. Да и остальные не особенно хотели участвовать в принятии административных решений. Наконец, были такие, кто желал удовлетворить определенные потребности и вовсе не собирался потом на другие, более высокого

уровня, как это требовала теория Маслоу. Все это говорило о том, что нужно принимать во внимание разные потребности сотрудников.

Таким образом, *однозначная «онтология субъективности»*, которую в виде универсальной иерархии потребностей пытались создать в школе «организационного гуманизма», *не смогла справиться с реальным многообразием ситуаций.*

■ 6. Методологические установки современного теоретического менеджмента

В современности представления об идеале научного знания находятся в точке перехода от веками утвердившихся классических подходов к некоторому *новому, еще формирующемуся идеалу.* Состояние перехода выражается: в кризисе классических представлений об идеале научного знания во всех его формах и модификациях; в выявлении, анализе и резкой критике его фундаментальных оснований; в выдвижении альтернатив основаниям классического идеала научности; в попытках выдвижения новых эталонов, реальных образцов научности.

Формирование нового идеала научности через критику классического идет по линии *антифундаментализации, плюрализации, экстернализации.* Основные тенденции критики классического идеала научности — антифундаментализация, плюрализация, экстернализация — не только и даже не столько продукт имманентного развития «чистого» методологического мышления. В качестве важного фактора их развертывания выступает сама современная историческая ситуация. Эти тенденции имеют не только критический, разрушительный характер по отношению к классическому идеалу научного знания, но и содержат в себе определенный «зародыш» нового идеала научности, отвечающего потребностям рассмотрения реальности в аспекте универсальных человеческих ценностей.

В соответствии с этими тенденциями стандарты научности лишаются своей обособленной самооценности и во все большей степени рассматриваются как средство решения проблем, стоящих перед человечеством:

- способность науки решать проблемы, отесняя фундаменталистскую обоснованность, выдвигается в качестве ведущей ценности нового, формирующегося идеала научности;
- происходит решительный отказ от методологического редуccionизма, а его место прочно занимает представление о необходимости разных стандартов и идеалов научности, что, естественно, в гораздо большей степени отвечает «универсальному» познавательному интересу;
- методологическое мышление становится гораздо менее ригористичным и гораздо более терпимым, что соответствует и общим тенденциям развития самого научного познания.

Об относительном завершении этапа формирования нового идеала научности можно будет говорить лишь тогда, когда методологические идеи и тенденции обретут свое устойчивое воплощение в каком-либо реальном образце научного знания. В настоящее же время мы можем зафиксировать лишь отдельные попытки «материализации» новых методологических идей и представлений, не находящих, однако, достаточно широкого признания в качестве эталона научности, сопоставимого с классическими эталонами. Вместе с тем также и в отношении воплощения новых представлений о научности могут быть указаны некоторые ведущие тенденции. Дело в том, что в реальном научном познании могут быть зафиксированы определенные изменения, которые во многих аспектах соответствуют изменениям, происходящим в современном методологическом сознании. Суть структурных сдвигов, происходящих в современной науке, может быть определена как переход от стратегии преимущественно дисциплинарного, предметно-фундаменталистского развития научного познания к проблемно-ориентированным формам научно-исследовательской деятельности.

Методологические представления в области менеджмента развиваются в целом в русле общей методологии науки, имея, пожалуй, две важные, но в нашем контексте не принципиальные особенности. Во-первых, эти изменения проходят более быстро и интенсивно, во-вторых, что связано с первым, основ-

ные тенденции и линии изменений выражены не так отчетливо и преимущественно не как смена этапов, а, скорее, как конкуренция перекрывающих друг друга идей и концепций.

Имея в виду указанные особенности, в большей степени следует обратить внимание на *главное*: аналогичность, сходство трансформаций образа и идеала научности в общей методологии науки и методологии менеджмента. В результате трансформаций в общей методологии науки, как показано выше, на передний план выходит проблема, а научное познание предстает как совокупность попыток их разрешения посредством разнообразных теоретических моделей. Сходным образом в методологии менеджмента авторитетные авторы приходят к выводу, что *организацию следует рассматривать как «процесс возникновения и преодоления проблем»*¹³. К сожалению, этот вывод в методологии менеджмента, в отличие от общей методологии науки, осмыслен и оценен совершенно недостаточно.

Между тем такая методологическая переориентация имеет принципиальную важность именно для научного менеджмента, с точки зрения специфики его задач и особенностей предметной сферы. Выдвинутая научным менеджментом идея разработки идеальных образцов организации человеческих действий в целом была плодотворной, но в области реализации вела к затруднениям, которые должны были быть осмыслены как фундаментальные. Однако фундаментальный характер данного затруднения первым обстоятельно осмыслил военный теоретик Карл Клаузевиц (1780 — 1831). Разработав теорию «абсолютной» войны, он противопоставляет ей «реальную», прекрасно осознавая принципиальные трудности реализации идеальной модели. Трудность эта сравнима, говорит К. Клаузевиц, разве что с той, которую мы внезапно испытываем в воде, когда пытаемся повторить столь же естественное движение, как ходьба. Разница между реальной войной и ее идеальной концепцией примерно такая же, как разница между понятиями «погода» и «климат». Пытаясь снять противоречие, К. Клаузевиц разрабатывает концепцию «трения», в которой речь идет о

многочисленных точках «трения», способных обеспечить сопротивление «военной машине» и заставить войну сойти с намеченного пути.

Управленческая деятельность в любой социальной сфере направлена на некий объект, который *живет и реагирует в постоянно изменяющихся условиях*. Форма закона оказывается фактически неприемлемой для управления миром действия, по причине его разнообразия и постоянной изменчивости. Любая статичная идеализированная модель, даже достигшая высочайшей степени совершенства, окажется несостоятельной перед лицом многообразия реальности.

Современная методология науки осуществляет еще более радикальное переосмысление проблемы, имеющей первостепенное значение для научного менеджмента. Все наше знание имеет принципиально гипотетический характер, а прогресс познания выражается в серии теорий.

Процессуальная организационная модель глубоко аналогична процессуальной концепции научного познания, главный импульс для развития которой был дан К. Поппером. Общая схема последней достаточно проста: $P_1 \Rightarrow TT \Rightarrow EE \Rightarrow P_2$, где P — проблема, TT — пробная теория (tentative theory), EE — преодоление ошибок (error elimination). Познание начинается с постановки проблемы, для решения которой выдвигаются теоретические модели, подвергаемые затем критическим проверкам, в результате которых исследователи оказываются перед другой, более глубокой, в случае познавательного прогресса, проблемой. Легко, но принципиально важно видеть, что акцент здесь переносится на проблему, а теоретические модели выступают в качестве средств, которые должны претерпевать постоянные изменения в связи с изменением характера возникающих проблем.

Фактически такая же общая схема использована в процессуальной организационной модели. Основное внимание в ней концентрируется на проблемах выбора курса действий в окружающей обстановке, которая не полностью раскрывает доступные альтернативы и последствия этих альтернатив. Модель базируется на предпосылке, что организация постоянно пытается справиться с огромным и все возрастающим количе-

ством изменений, неопределенностью, по мере того, как она пытается в максимальной степени учесть особенности внешней обстановки и приспособиться к изменениям. Поэтому *главной задачей организационных структур становится работа с неопределенностью.*

В менеджменте процессуальная модель была обстоятельно развита Дж. Томпсоном. Важно отметить одно удивительное и в нашем контексте очень важное обстоятельство.

Процессуальная организационная модель Дж. Томпсона фактически совпадает, в структурном плане, с концепцией «исследовательских программ», созданной на базе изучения «точных» наук И. Лакатосом, учеником и последователем К. Поппера.

Дж. Томпсон, развивая процессуальную организационную модель, исходит из того, что организации являются открытыми и неопределенными системами, но, в то же время подчиненными критериям рациональности. Главная проблема усматривается им в трудностях сочетания, совмещения рациональности и неопределенности. В структуре организации он выделяет три основных уровня: а) технологический, б) управленческий, в) институциональный. Самый высокий уровень *определенности* должен быть обеспечен на технологическом уровне, который он называет «*технологическим ядром*» организации. Самая высокая *неопределенность* имеется на институциональном уровне. Следовательно, основная задача управленческого уровня состоит в создании «*защитного пояса*» вокруг «технологического ядра» организации. Вследствие постоянного изменения окружающих условий организация и должна принципиально рассматриваться как процесс преодоления непрерывно возникающих и умножающихся проблем. Прятаться от неопределенности с помощью жестких барьеров, в соответствии с рекомендациями механистической модели организации, как показала практика менеджмента, — во многих случаях занятие бесперспективное. Важно осознать, что неопределенность — неотъемлемый элемент нашей жизненной практики, с которым нужно научиться работать.

Процессуальная организационная модель — важнейший, но, безусловно, не единственный компонент современной методологии менеджмента. В современ-

ном теоретическом менеджменте вполне отчетливо можно обнаружить следующие общеметодологические тенденции:

- *критика классической парадигмы*, (концепции, являющиеся аналогом антифундаменталистской тенденции в общей методологии науки);
- *системно-органическая альтернатива*, (в концепциях которой выражена не только критика «базовой» механистической модели, но дана ее альтернатива, явившаяся также ступенью, ведущей к развитию плюралистических представлений);
- *плюрализм организационных моделей*, прямо соответствует *плюралистической* тенденции в современном идеале научности;
- *работа с неопределенностью*. (Ряд концепций можно рассматривать как некоторый аналог *экстерналистской* тенденции, поскольку речь идет о работе с неопределенностью, возникающей, в модели Дж. Томпсона, из внешнего окружения.)

Антифундаменталистская критика классической парадигмы в менеджменте ярко представлена, например, в работе Г. Саймона «Пословицы управления». Саймон обращает внимание на то, что пословицы почти всегда встречаются в парах, где одна противоречит другой. Эта особенность интересна потому, что, по его мнению, большинство предположений в теории управления несут в себе тот же дефект, что и пословицы. Почти для каждого принципа можно найти столь же правдоподобный и приемлемый принцип противоположного содержания и, хотя оба принципа предполагают совершенно различные рекомендации, теория управления не дает указаний, какой из них следует применить.

Большинство теоретиков управления выбирают какой-либо один из принципов и пытаются применить его к конкретной ситуации для выработки рекомендаций. Тот факт, что существует противоположный принцип, который также может быть обоснованно применен и может привести к другим результатам, благополучно замалчивается.

Проблема, которая ставится Г. Саймоном, не может быть сведена к недостаткам профессиональной компетентности теоретиков управления. Но она и не в недо-

статках самих формальных принципов управления как таковых. Формальные принципы управления, почти так же, как и пословицы, концентрируют многообразный опыт, являются продуктом жизненной и управленческой мудрости, значительных интеллектуальных усилий.

Главная проблема состоит в том, что формальные принципы управления допускают огромное множество эмпирических интерпретаций. Г. Саймон настойчиво подчеркивает: «содержание играет большую роль, чем это допускается формальной теорией управления в настоящее время». Поэтому высокую позитивную оценку получает отмечаемый им сдвиг акцента в исследованиях от принципов управления как таковых к *изучению условий, при которых применимы конкурирующие принципы.*

Правильный подход предполагает:

- 1) выявление всех диагностических критериев и анализ ситуации в терминах полного набора критериев;
- 2) проведение исследований для определения того, какие относительные веса могут быть поставлены в соответствии критериям, которые, как это обычно бывает, являются взаимно несовместимыми;
- 3) выбор полученных альтернатив, который должен определяться целями достижения эффективности работы организации;
- 4) осознание рациональных, но изменчивых границ на пути достижения максимальной эффективности, которые определяются: а) физиологическими особенностями человеческого организма, а также законами формирования навыков и привычек; б) социально-групповыми ценностями и представлениями; в) объемом знаний, которыми обладают работники.

«Системно-органическая альтернатива» — представлена рядом концепций, стимулированных во многом ориентацией на биологические аналоги, «общую теорию систем», у истоков которой стоял А.А. Богданов, а главным разработчиком был биолог Людвиг фон Берталанфи (1901 — 1972). На основе такой ориентации была выдвинута мощная альтернатива базовой механистической модели классического менеджмента. Появляются дихотомии организационных моделей: ме-

ханическая система — органическая система; закрытая система — открытая система. Методологическое значение системно-органического подхода не сводится только к разработке альтернативы механицизму. В рамках данного подхода содержится четкое и явное осознание того, что в «системе управления не существует единственной оптимальной модели». Выбор той или иной модели зависит от условий. В стабильных условиях приемлемой может оказаться модель механической и закрытой системы, в изменяющихся условиях более эффективна модель органической, открытой системы.

Примером *плюралистического многообразия* могут служить следующие концепции. А. Уолкер и Дж. Лорш выделяют различные организационные структуры: одна ориентирована на продукт («продуктовая организация»), другая на функции («функциональная организация»). Важно отметить, что каждая из этих моделей может быть эффективной, но в решении разного класса задач. «Функциональная организация» оказывается эффективной для решения задач увеличения производства в рамках имеющихся возможностей. «Продуктовая организация» является более эффективной, если ставится задача расширения спектра самих возможностей.

А. Этциони выделяет по определенному параметру девять возможных организационных моделей. Однако эффективными, как он показывает, являются только три из девяти возможных. Эффективными оказываются только те организационные структуры, особенности которых соответствуют организационным целям. Организации, которые имеют своей целью порядок, эффективны в случае принудительной структуры согласия; для достижения экономических целей эффективной будет утилитарная структура согласия; для реализации культурных целей более эффективна нормативная структура.

Дж. Пфеффер выделяет и обстоятельно анализирует четыре организационные модели принятия решений: «рациональную», «бюрократическую», «процессуальную» и «политическую». Также и эти модели оказываются эффективными лишь в определенных условиях и для решения определенного класса задач.

Таким образом, развитие методологии менеджмента идет в русле развития общей методологии науки. Основные линии изменения представлений об идеале научности, характерные для современности, обнаруживаются также и в методологии менеджмента, иногда, правда, в аналоговой форме.

7. Методологическое резюме

Формирование научного менеджмента базировалось на методологической идее о возможности создания строго рациональной и совершенной, единственной и универсальной организационной модели. В результате была создана «базовая» механистическая организационная модель, составившая основу концепций «классического менеджмента». Главная ценность этой модели состояла в том, что она открывала перспективы применения научного подхода к сложной и тонкой проблеме управления организациями. Использование этой модели на практике привело к ряду позитивных результатов. Она оказалась достаточно успешной в применении к ряду форм организационной практики (эталонном этой модели было крупное механизированное производство). Однако в целом, как выявилось в ходе дальнейшего развития теории и практики менеджмента, «базовая» организационная модель является весьма ограниченной, хотя и сохраняющей определенное значение вплоть до современности. Критика этой модели и разработка альтернатив в контексте общих изменений в методологии науки привели в итоге к существенным трансформациям методологических основ менеджмента.

— Было осознано, что не существует единственной, универсальной организационной модели. Следует считать оправданным и позитивным обстоятельством наличие множества, возможно, взаимно перекрывающихся друг друга, но все же в существенной мере различных организационных моделей. К их числу относятся рассмотренные выше организационные модели: механистическая и органическая; открытая и закрытая; «продуктовая» и «функциональная»; формальная и не-

формальная; принудительная, утилитарная и нормативная; рациональная, бюрократическая, процессуальная, политическая. Список моделей, конечно же, может быть продолжен.

— Главная методологическая трудность менеджмента состоит в применении теоретических моделей к реальной организационной практике. Она возникает вследствие многообразия, многоаспектности и изменчивости человеческой деятельности, вследствие того, что объект организационного управления «живет и реагирует». Многообразие теоретических организационных моделей позволяет, хотя и далеко не полностью, но все же более успешно справляться с этой фундаментальной трудностью.

— Организация во все большей мере рассматривается как процесс возникновения и разрешения проблем. Поэтому в качестве центральной выдвигается задача точной идентификации организационной проблемы, разработка ее альтернативных решений и выбор наиболее приемлемого из ряда возможных. В данном контексте теоретические организационные модели выступают важнейшим *средством* анализа проблемной ситуации. Они обеспечивают возможность всестороннего рассмотрения проблемы в *разных* ракурсах и срезам, возможность разработки *различных* вариантов ее решения.

— Выбор приемлемого решения из ряда альтернатив, осуществляемый на рациональной основе, определяется значительным количеством переменных: цели и задачи самой организации, окружающие условия ее функционирования, позиция ведущих менеджеров, уровень профессиональной подготовки, характер мотивации и особенности культуры членов организации и др. Значительное количество переменных, их изменчивость, умноженные на «человеческий коэффициент», определяют ограниченный характер организационной рациональности и постоянную потенциальную возможность ее нарушения.

— Степень рациональности различна в разных структурных компонентах организации. Наиболее жесткие

нормы рациональности применимы по отношению к «твердому ядру» организации. На уровне «защитного пояса» имеется значительная вариативность, нормы рациональности здесь ослаблены, имеют место *ad hoc* решения. Тем не менее неверные решения на уровне «защитного пояса» непреднамеренно могут привести к нарушениям в «твердом ядре» организации. Рациональные решения о характере стратегических изменений «твердого ядра» предполагают глубокое изучение внутренних возможностей и внешних условий функционирования организации, среди которых особого внимания заслуживают деятельность и возможности конкурирующих организаций.

8. Современные дискуссии

Серьезного внимания заслуживает «сетевая методология», исходной ступенью развития которой является системный подход. Первое исследование в русле «сетевой методологии» провели Джон Пфайфнер и Френк Шервуд¹⁴. Они подошли к организации как к системе, которая состоит из серии взаимосвязанных сетей, наложенных одна на другую в рамках формальной структуры. Среди прочих характеристик они обсуждают формальные и неформальные системы, групповую динамику, относительный вес разных частей организации и процессы принятия решений. Эта была первая комплексная попытка объединить разные подходы, которая стала важной ступенью не только на пути умножения информации об организациях, но и на пути развития методологических оснований теории менеджмента.

Целый комплекс важных методологических вопросов требует серьезного обсуждения в связи с дальнейшим развитием *эволюционной теории организации*. С эволюционной ориентацией в рамках теории организации связан, прежде всего, популяционно-экологический подход. Метод популяционной экологии, получивший развитие в рамках теории организации в

¹⁴ Pflifner J.M. and Sherwood F.P. Administrative Organization. N.Y., 1960.

70-х — начале 80-х гг., сегодня вновь обретает популярность¹⁵.

В центре этого направления стоит стремление плодотворно перенести аналогии из сферы биологической эволюционной теории в другие области, в частности, в теорию организации.

Основная идея заключается в том, что внешняя среда организации в целом и отдельные области ее деятельности претерпевают естественную эволюцию, при которой усиливается нестабильность условий. Популяционный подход базируется на динамической стохастической модели, составными частями которой являются три процесса — изменение, отбор, сохранение полезных признаков. Объектом исследования является популяция организаций, которые, с одной стороны, характеризуются общей структурой (организационной формой), аналогично фенотипу в биологии. С другой стороны, каждая из них по аналогии с генами живых существ обладает так называемыми «компасами» (набором отличительных признаков), которые образуют базовый материал (генотип) для эволюции.

Важно отметить, что в эволюционной теории организации сочетание внешних и внутренних факторов определяется не случайной ситуацией, в которой система ищет оптимальное состояние равновесия, а логикой эволюционного развития.

Интересное применение эволюционные принципы находят в синтезе нескольких метатеорий, например эволюционной теории с *теорией хаоса (синергетикой)*. Согласно этой теории в основе эволюционных процессов лежит свойство сложных систем самопроизвольно упорядочивать внутреннюю структуру (путем усиления жесткости и дальности взаимосвязей структурных элементов), названное *самоорганизацией*. Самоорганизация возникает в сильно неравновесных системах, т. е. ситуациях, далеких от термодинамического равновесия. Синергетический подход служит для объяснения ряда сложных явлений. Сложность в данном контексте по-

¹⁵ См.: Закс С. Эволюционная теория организации // Проблемы теории и практики управления. 1998. № 1; Алексеев Л. Эволюция систем и организационное проектирование // Проблемы теории и практики управления. 1998. № 4.

нимается как сочетание единства и многообразия или адаптации и идентичности.

Дальнейшее развитие эволюционной теории организации, попытки применения синергетики¹⁶ вновь обостряют важнейший методологический вопрос о законности и эффективности использования в социальной сфере подходов и концепций, выработанных в естествознании (в частности, в биологии и физике).

Сабилла Закс (профессор Института исследований экономики предприятий Цюрихского университета) в этой связи справедливо подчеркивает, что для теории организации важны не аналогии из современной эволюционной теории, а ее основополагающие принципы, которые помогают решать проблемы организации, объяснять ее развитие во времени. В качестве примера она берет так называемый *принцип многих уровней* в его применении к организации.

Согласно этому принципу, любая система — в данном случае организация — эволюционирует одновременно на нескольких внешних и внутренних уровнях. Эти уровни находятся во взаимосвязи. При принятии во внимание всех уровней, как внутренних, так и внешних, очевидно, что для предприятия, для его успеха в процессе отбора существенны не только экономические, но и социальные критерии эффективности. Принцип многих уровней указывает также, что на каждом из них действуют, хотя и в разной форме, оба основных эволюционных правила — стремление к сохранению идентичности и адаптация к внешней среде.

Важные методологические проблемы, в которые вплетается политико-философский аспект, затрагиваются в продолжающейся еще дискуссии по поводу *централизации и децентрализации*¹⁷.

Степень централизации в организации влияет практически на все аспекты ее жизни. Традиционные

¹⁶ См., напр.: Flämig M. Naturwissenschaftliche Weltbilder in Managementtheorien (Chaostheorie, Selbstorganisation, Autopoiesis). Frankfurt/Main, 1998.

¹⁷ Gordon G.J., Milalakovich M.E. Public Administration in America. N. Y., 1995.

модели основное внимание уделяли тому, как руководители используют свои полномочия в интересах эффективности и действенности организации. Этот традиционный взгляд соответствует централизованной власти в организации. В своем предельном случае централизованное управление предполагает, что принятие и осуществление всех решений происходит «наверху». Коммуникация идет только по одному пути, сверху вниз; связь «верха» и «низа» осуществляется в соответствии со схемой центральной координации, и участие в управлении работой организацией в значительной степени ограничено только высоко стоящими руководителями.

Однако ввиду того, что размеры и сложность многих предприятий увеличиваются, становится необходимым передавать большое количество полномочий руководителям нижнего звена, чье положение в организации далеко от руководящего состава. Большинство работников, как правило, стремится принимать больше участия в делах организации. Децентрализация власти как раз и отвечает этому желанию, без принуждения руководителя отказываться от своих возможностей и основной власти. Вместе с тем децентрализация часто приводит к увеличению внутренней сложности организации. Коммуникация становится многоканальной, со всеми формами сообщений, документов и информационных контактов. Хотя центральная власть частично сохраняется, координация (вследствие разделения власти) в большей степени становится горизонтальной.

Каждая из тенденций — централизация и децентрализация — имеют свои достоинства и недостатки.

Очевидно, что в случае централизации возрастает эффективный контроль и последовательность действий; появляется ответственность за действия отдельных сотрудников организации. Если власть высокоцентрализованная, то не может быть вопросов, кто принимает решения, формирующие цели работы организации. Централизация уменьшает также вероятность того, что права руководителей будут напрямую оспариваться снизу. Стандартные операции также упрощаются, когда ответственность за результат централизована.

С другой стороны, централизация, даже если она облегчает контроль, часто несет в себе недостаток гибкости и приспособляемости, особенно в больших организациях. В век многообразия и стремительных изменений организационная адаптивность может в значительной степени зависеть от того, насколько быстро определяется и предоставляется вниманию руководителей каждое серьезное изменение окружающей обстановки, и насколько быстро обеспечивается последующее приспособление к этому изменению.

Но есть и другая сторона медали. Поскольку высшему руководству придется выбирать между контролем и гибкостью, те, кто проповедуют добродетели децентрализации, должны принять во внимание, что в децентрализованной системе будет очень сложно привлечь к ответственности того, кто в действительности принимал решение. Хитрый лидер может проводить желаемую им политику и в нужный момент избежать ответственности, ссылаясь на децентрализованную природу процесса принятия решений, в котором участвовали многие.

Дискуссия между сторонниками централизации и децентрализации имеет, как подчеркивалось выше, политико-философский аспект, выраженный в концептуальных связях с дискуссией вокруг моделей «административной эффективности» и «плюралистической демократии»¹⁸. Сторонники централизации, сознательно или нет, добиваются применения административной модели; аргументы в пользу одного фактически те же, что и в пользу другого. Точно также те люди, которые вводят децентрализацию в организации, косвенным образом принимают демократическую модель с ее ключевыми предположениями.

Осуществляя выбор между централизацией и децентрализацией, важно иметь в виду, что ничто не может быть децентрализовано до того, как было первоначально централизовано. Это означает, что этапы централизации и децентрализации должны сменять друг друга.

¹⁸ Yates D. Bureaucratic Democracy: The Search for Democracy and Efficiency in American Government. Cambridge: Mass, 1987.

Методологические проблемы возникают и в связи с проблемой выбора между «вертикальной» и «плоской» иерархией, которая частично затрагивалась уже в представленной выше работе Г. Саймона «Пословицы управления».

Вертикальные цепочки развивались во многих ранних моделях организаций. Развитие вертикальной иерархии стимулировалось принципом узкого распределения обязанностей, сочетаемого с разнообразием задач и взаимозависимостью деятельности. Представление о том, что каждый начальник должен иметь ограниченное количество подчиненных, вело к увеличению командной цепочки для обеспечения связи между начальниками и подчиненными на каждом уровне в интересах общей координации действий.

Плоские иерархии были известны довольно давно, но в последнее время получили значительное распространение. В плоской иерархии вышестоящие руководители объединяются в коллегии, советы директоров, а все подчиненные рассматриваются как равные, или же все в организации находятся в равных условиях. Современный пример такой организации — научно-исследовательская группа; хотя среди членов такой группы может существовать деление, и есть научный руководитель, но нет определенного официально назначенного руководителя, а есть лишь тот, кого выбирают сами члены группы. Принятие решений в такой структуре происходит на основе взаимного уважения друг друга, что в определенной степени напоминает модель «организационного гуманизма».

Среди наиболее важных различий между двумя типами структур в наибольшей степени выделяются проблемы коммуникации. Многие эксперты отмечают, что чем больше слоев в организации, тем меньше шансов прохождения информации через все эти уровни без искажений. Для сотрудников нижнего звена и внешних клиентов, в связи с такими сложностями оказывается практически недоступно высшее руководство. Кроме того, проблемы централизации и децентрализации наиболее остры в организациях с вертикальной иерархией.

«Плоская» иерархия, однако, тоже не лишена недостатков. Если задачи организации становятся более

разнообразными, то при такой иерархии может возникнуть ситуация «толкания локтями», возникнут проблемы, которые слишком тесно связаны. Другая сложность таится в возможном существовании личной неприязни между сотрудниками в «плоской» иерархии; ввиду того, что между сотрудниками нет достаточной дистанции, труднее избегать конфликтов, из-за которых может разрушиться вся работа организации. Переход к «плоской» организации потребует изменения работы руководителя, причем многие руководители не захотят или не смогут сделать этого. Начальник, за долгое время привыкший оставаться на некотором расстоянии от ежедневных проблем рядовых сотрудников, может прийти в бешенство, столкнувшись с ними. Организационная близость ведет к фамильярности. Фамильярность же приводит к неуместным откровениям. А это значит, что начальник будет перегружен негативной информацией, чего не было раньше.

Перспективную тему для методологического обсуждения предлагает моделирование *альтернативных форм организации*.

Традиционные теории предполагали, прежде всего, разделение обязанностей, специализацию и отсутствие функционального перекрытия между частями организации. Эти условия, как мы видели, выполняются далеко не всегда. Но особенно важно то, что сегодня появились новые организации, устройство которых противоречит основным принципам традиционной теории управления. Их возникновение обусловлено по крайней мере тремя важными обстоятельствами.

Во-первых, разработка новых технологий значительно изменила и расширила самостоятельные задачи как общественных, так и частных организаций. Технологии, включенные в ежедневную деятельность организации (такие, например, как использование компьютеров) сами породили множество новых специальностей в управлении. Результатом явилось распространение новых различных структурных единиц в организациях, работа которых связана с выполнением функций, которых не было еще полвека назад.

Во-вторых, увеличение сложности имеющихся зна-ний обусловило усиление взаимозависимости различ-

ных областей знаний; то же относится и к специалистам в этих областях. Университетские программы, учебные планы и планы научных исследований становятся все более общими. Для консультаций на производство приглашают группы экспертов, которые также взаимозависимы. В этих условиях иерархические каналы власти не смогут работать, будут препятствовать выполнению задач организации. Поэтому должны развиваться другие формы организации.

В-третьих, рост профессионализма во многих областях приводит к необходимости больше внимания уделять профессионализму в самой управленческой деятельности. Это, в свою очередь, ведет к усилению тенденции разнообразия в организационном устройстве, создает потребность в различных стилях руководства при работе с различными специалистами.

Что же имеется в виду под *альтернативными формами организации*? Было предложено несколько направлений моделирования специфических структур. Одно из них называется «*конец иерархии и конкуренции*»¹⁹; это громкое название относится к широким изменениям в тех предположениях, которые касаются структур и систем стимулирования в современной организации. Другой подход был предложен У. Беннисом, известным исследователем проблем государственного управления.

У. Беннис считает, что настал *конец бюрократического руководства*, так как ни один руководитель не в состоянии овладеть сложной и разнообразной технологией, которая присутствует во многих организациях²⁰. Технологические цели обусловили возникновение такой ситуации, при которой руководители все больше играют роль координаторов, или «связующих звеньев» между группами специалистов, работающих в горизонтальной командной цепочке. По мнению У. Бенниса, это предполагает стиль «*соучаствующего*» *руководства*, когда команды бегут по горизонтальной цепочке, а сотрудники не разделяются на старших и подчиненных.

¹⁹ Thayer F.C. An End to Hierarchy and Competition: Administration in the Post-Affluent World. N. Y., 1980.

²⁰ См.: Bennis W.G., Slater Ph. E. The Temporary Society. N. Y., 1968.

Идея целевой группы, близкой родственницы оперативной группы, привела к новому термину, описывающему такой тип организации. Так называемые «*матричные организации*», в которых нет определенной иерархии, представляют собой полную интеграцию того, что было бы отдельными единицами организации при обычной системе управления. Матричные организации строятся на основе демократического принятия решений. Предполагается, что власть передается членам такой организации на основе профессионального опыта, а не формального ранга. В принципе именно для этого и создается «матрица». Матричные структуры рекомендуются, например, для управления (центрального) участниками каких-либо государственных программ.

Существует и еще одна возможность альтернативной организационной модели. Управление можно изобразить как *перевернутую пирамиду*. Этот тип организации связан обычно с работниками интеллектуальной сферы (имеющим дело с информацией и информационными технологиями) в различных организациях сервисного обслуживания²¹. В отличие от традиционной иерархии, эта перевернутая структура рассматривает руководителей как источник поддержки сотрудников, которые непосредственно работают с клиентами, обращающимися в организацию. По сравнению с традиционными иерархиями, такая структура предполагает большую степень децентрализации и совместное управление; косвенно предполагается также, что это скорее открытая, чем закрытая система, то есть система, постоянно взаимодействующая со своим социальным окружением.

Интересное развитие получает также *социально-гуманитарная, ценностно-гуманистическая ориентация* в управлении организациями. Сравнительно недавно к обобщенным Д. Макгрегором организационным моделям, названным «теория X» и «теория Y», была добавлена новая модель — «*теория Z*», которая обобщает ценности и характеристики деятельности многих

²¹ См.: Albrecht K. The Only Thing That Matters: Bringing the Power of the Customer into the Center Your Business. N. Y., 1992.

современных японских корпораций²². Для «теории Z» центральным является предположение о том, что производительность определяется скорее социальной организацией или организацией управления, чем технологическими изменениями. Делается акцент на доверие, близость и понимание. Предполагается, что большая увлеченность работников увеличивает производительность. Важную роль играет доверие работников своим руководителям. Если работники доверяют руководителям, то они смогут хорошо действовать даже в неопределенных обстоятельствах, разделять риск своей организации и жертвовать личными интересами. Предполагается также, что хорошие руководители знают личную жизнь своих подчиненных.

Не только интересно, но и важно отметить, что гуманистическая ориентация в управлении, как и во времена Конфуция, опять приходит с Востока. Осмысление этого и ряда других обстоятельств должно стимулировать серьезные исследования *роли социально-культурных факторов в формировании методологической основы теорий менеджмента.*

²² См.: *Ouchi W.G. Theory Z. How American Business Can Meet the Japanese Challenge.* N. Y., 1982.

ОСНОВНЫЕ ПАРАДИГМЫ И МОДЕЛИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В последние годы значительно вырос интерес исследователей к философской проблематике образовательной деятельности¹. Это вызвано прежде всего объективной и теперь уже осознаваемой обществом ролью образования в решении глобальных проблем. В конце XX, начале XXI в. образование все чаще начинает рассматриваться как стратегически важная сфера жизни общества. И это вполне закономерно, ибо «могущество любой страны может произрастать прежде всего системой образования»². Являясь фундаментальным условием осуществления человеком своих гражданских, политических, экономических и культурных прав, образование признается как важнейший фактор развития и усиления интеллектуального потенциала нации, гаранта ее самостоятельности и международной конкурентоспособности. Качественное образование способствует развитию демократии и общественной солидарности — за счет того, что оно формирует и воспитывает хорошо осведомленных граждан, которыми нелегко манипулировать с помощью демагогии и лозунгов³.

¹ *Философия образования: состояние, проблемы и перспективы (материалы заочного «круглого стола») //* *Вопр. философии.* 1995. № 11; *Философия образования: «Круглый стол» журнала «Педагогика» // Педагогика.* 1995. № 3; *Философия образования для XXI в. Сб. статей /* Ред.-сост. Н.Н.Пахомов, Ю.Б.Тупталов. М., 1992; *Философия образования. Сб. науч. статей /* Ред. А.Н. Кочергин. М., 1996; *Гершунский Б.С. Философия образования для XXI в. М., 1998.*

² *Философия образования.* М., 1996. С. 3.

³ *Смелзер Н. Социология.* М., 1994. С. 9.

В развитых странах мира национальная система образования рассматривается как важнейшая составляющая, предопределяющая процветание, безопасность и будущее страны, как стратегически важная сфера общественного бытия, как главный фактор развития и усиления интеллектуального потенциала нации, ее самостоятельности и международной конкурентоспособности. В силу этого образование, как было подчеркнуто на конференции, должно иметь абсолютный приоритет в бюджетах всех государств⁴. С другой стороны, появился новый класс проблем образовательной деятельности, решение которых возможно только на базе философской методологии и соответствующего научного инструментария.

В настоящее время существует множество методологий, концепций и подходов к анализу различных уровней, граней и «образовательного здания» в целом как самостоятельной подсистемы культуры, цивилизации, общества. Философские исследования в данной области можно условно подразделить на два раздела:

1. *Философия образования*, призванная раскрыть философские основания образования как социокультурного феномена, его функции как социального института воспроизводства определенного типа человеческой субъективности⁵.

2. *Философские проблемы педагогической деятельности*. Здесь, в свою очередь, также можно выделить два уровня: а) метатеория, разрабатывающая методологию педагогики, на основе которой в дальнейшем осуществляется анализ проблем фундаментальной пе-

⁴ *Курьер Юнеско*. 1988. Июнь. С. 34.

⁵ В ретроспективном плане философия образования как направление в отечественной педагогической мысли анализируется в книге В.В. Зеньковского «Русская педагогика в XX веке» (Париж, 1960). Среди современных авторов, разделяющих эту позицию, можно назвать В.А. Лекторского, Ф.Т. Михайлова, Э.Я. Дмитриеву, А.Н. Дмитриева, А.А. Круглову, А.Н. Подьякова и др. Своеобразной энциклопедией философии педагогики стал фундаментальный труд С.И. Гессена «Основы педагогики» (книга издана в 1992 г. в Фрейбурге, Германия). Книга ценна соединением теории и истории педагогики с теорией и историей философии на основе антропологического принципа. Антропологическая традиция получает здесь наиболее полное воплощение — от модели человека до технологии обучения.

дагогике и проектируются средства их концептуально-деятельностного решения; б) теоретико-методологическое обоснование отдельных педагогических феноменов и видов образовательной практики. Данное направление представляет собой особую специализированную область педагогического знания, интегрируя достижения общей философии, результаты теоретического анализа педагогической практики, идеи общественно-политических и педагогических движений. В качестве предмета этой области гуманитарного знания выступают наиболее общие основания образовательной деятельности (субъект и объект педагогики, целеполагание, проектирование, управление и др.), методология ее познания и ценностного осмысления.

Наиболее существенное влияние на формирование и динамику педагогических систем оказало и продолжает оказывать философское знание. Это влияние осуществляется по следующим каналам.

Во-первых, через непосредственное влияние философии на педагогику путем построения методологии педагогической деятельности.

Во-вторых, через разработку мировоззренческих парадигм образования и педагогической деятельности в рамках философских систем. Почти все мировые философские системы затрагивали эти проблемы. В частности, еще Аристотель размышлял о целях педагогики, сводя их к целостной реализации назначения человека, которая заключается в свободе, мудром созерцании и философских рассуждениях. Он подчеркивал, что именно в образовании совершается переход человека к его бытию, основанному на разуме⁶.

В разные времена образование понималось по-разному. В философско-религиозных трактатах образование рассматривалось как один из путей возвышения человека до божественного образа, механизм достижения божественного подобия⁷. Ж.-Ж. Руссо, наиболее полно выразивший типичные для эпохи Просвещения взгляды на образование, видел его как процесс приподнимания обновленного человека над обломками

⁶ Монро П. История педагогики: В 2 ч. М., 1932. Ч. 1. С. 78–81.

⁷ Антология педагогической мысли христианского Средневековья. М., 1994. Т. 1. С. 304.

своих потерпевших крушение неразумных желаний⁸. В понимании Гегеля, образование есть и процесс освобождения от непосредственного существования, случайного, несущественного бытия, и та сфера, в которой пребывает образованный человек. Здесь каждый индивид получает возможность подняться к духовности и через нее вернуться к себе на более высоком уровне⁹. Гадамер считал образование основой и системообразующей связью гуманитарных наук. По его мысли, «образование теснейшим образом связано с понятием культуры» и обозначает в конечном итоге «специфический человеческий способ преобразования природных задатков и возможностей»¹⁰. Сущность образования заключается в формировании «общего чувства», в «подъеме к всеобщему», в создании среды, которая создает возможность человеческого самосознания и самопонимания¹¹. Внутри европейского философского знания прослеживается динамика понимания образования, в которой акцент постепенно смещается в сторону утилитарных полей смысла (т. е. с возвышения, с подъема как такового на существование после возвышения, на умение сохранять полученный в возвышении свет при обратном спускании вниз¹²).

Рассмотрим основные философские парадигмы образовательной деятельности.

1. Философские парадигмы образовательной деятельности

В странах Западной Европы и США философия образования развивалась на базе европейских философских школ и психологических концепций, что

⁸ Созтар М. Ж.-Ж. Руссо // Перспективы образования. 1992. № 1–2. С. 163.

⁹ Гегель Г.В. Философская пропедевтика // Гегель Г.В. Работы разных лет. М., 1971. Т. 2. С. 32.

¹⁰ Гадамер Г.-Х. Истина и метод. М., 1988. С. 51.

¹¹ Там же. С. 59.

¹² Цукер А.А. Проблема соотношения философии и образования внутри классической модели философствования. <http://tutor.circle.ru/97/cuker-97.html>

обусловило общую специфику и многообразие ее направлений¹³.

Иррационально-эзотерическое направление философии образования выстраивается на базе философского иррационализма и объединяет целый ряд педагогических парадигм¹⁴. В частности, в эту группу входит вальдорфская педагогика, которая в качестве методологии использует антропософию Рудольфа Штейнера¹⁵. Целевой ориентацией данной педагогической концепции является развитие чувственной сферы личности (эмоции, художественный вкус и т. д.), которой отдается приоритет перед интеллектуальной сферой.

Цель этой педагогики — привести человека в контакт с миром, развить его скрытые способности (поэтому важнейшей становится категория «метаморфозы»: все качества человека в ходе обучения и воспитания рассматриваются как развивающиеся из неведомого источника). Основные принципы этой парадигмы — соответствие человека и природы, выявление и реализация личностных потенциалов, свобода в формах и способах личностной самореализации. Вальдорфская дидактика исходит из непознаваемости сущности человека с помощью рациональных методов. Поэтому педагог должен интуитивно улавливать потоки человеческой психики, иметь особые личностные качества, которые позволили бы ему осуществить свою педагогическую миссию как жизненный подвиг.

Сюда же можно отнести *так называемую экзистенциальную дидактику*, которая аналогичным образом исходит из абсолютной непознаваемости личностной сущности обучаемого. Эта парадигма отрицает возможности целенаправленной организации педагогического процесса, считая, что цель такого обучения и воспитания — это утопия традиционного образования¹⁶. Она также отрицает закономерности педагогического процесса и акцентирует внимание на интуитивном обще-

¹³ Платонов В.В. Западная философия образования. Программа спецкурса — <http://tqm.stankin.ru/arch/n01/04.html>

¹⁴ Геращенко И. Методологические программы в педагогике. http://www.informika.ru/koi8/magaz/higher/2_97/5razdel.html

¹⁵ Штейнер Р. Очерк тайноведения. Л.: Эго, 1991.

¹⁶ Power E. *Philosophy of Education*. N.Y., 1992. P. 14.

нии и других формах эмоционально-чувственных контактов между педагогом и воспитанниками. Основной метод обучения — свободный диалог и минимизация коллективных форм обучения, которые в категориях экзистенциальной педагогики ведут к объективации и распаду личностной целостности. В содержательном плане основное внимание уделяется литературе и искусству, которые должны компенсировать рационально-технократические тенденции развития современной цивилизации.

Бихевиористская концепция. Ее ядро формировалось под влиянием идей и взглядов авторов, которых относят к сформировавшейся в первые десятилетия XX в. «бихевиористской школе» в психологии (Э. Торндайк, Д. Уотсон, А. Вейс, У. Хантер и другие). Бихевиоризм, претендуя на выявление объективных закономерностей поведения человека и причинно-следственной зависимости между различными обстоятельствами, ситуациями и факторами, выстроил «модели поведения» человека, в основе которых лежат различные способы реакции на воздействие среды.

В психологии данная парадигма представлена несколькими направлениями: классический бихевиоризм Уотсона, когнитивный бихевиоризм Толмена, оперантный бихевиоризм Скиннера.

Наиболее полным выразителем данного направления является Скиннер, который довел бихевиоризм «до логического конца». Суть концепции Скиннера можно свести к следующим положениям.

Поведение человека, его межличностные контакты, его достижения в деятельности и творчестве зависят от генетического обеспечения, а также от физической и социальной среды. Среда управляет поведением человека. Структура поведения в значительной мере является копией структуры среды. Среда — это конфигурация, или мозаика, стимулов. Эти стимулы определяют реакции человека.

В этой связи основная предпосылка понимания поведения человека — установление функциональных связей между стимулами (средой) и реакциями (поведением). По мнению Скиннера, так называемые внутренние факторы — сознание, мышление, эмоции, свойства личности, установки не управляют поведением.

«Поведение — это то, что делает организм и что можно наблюдать. Еще точнее, можно сказать, что поведение — это та часть функционирования организма, которая занята взаимодействием с внешним миром и воздействием на внешний мир»¹⁷.

Между средой и поведением человека существует как прямая, так и обратная связь, в процессе которой человек также творит среду. Но воздействие среды на поведение является определяющим. Среда является активной, а человек — реактивной системой. Человек напоминает «черный ящик», а анализ поведения — это известный в кибернетике анализ типа «вход-выход». По мнению Скиннера, так называемое «сознательное управление своей судьбой» является коллективной иллюзией. Причем посредством «оперантного обусловливания» среда влияет на организм не только «до» реакции, но и «после» реакции — благодаря так называемому положительному и отрицательному подкреплению («наградам» и «наказаниям»).

Идеи бихевиоризма были использованы в совершенствовании коммуникативных технологий, и прежде всего в педагогике и маркетинге, в разработке эффективных способов воздействия на поведение человека. Их воздействие было столь эффективным, что Скиннер, характеризуя общество 40-х — начала 50-х гг., писал: «...человеком умело манипулируют с помощью мощной бихевиористской инженерии; он становится в этом обществе реактивной системой, которая действует в соответствии с программой, разработанной другими. Такие условия формируют «человека без свойств», человека стандартизованного, который утратил свою неповторимую индивидуальность и лишился возможности спонтанного действия»¹⁸.

Относительно самостоятельным направлением в рамках бихевиоризма является теория ожиданий (эспектаций), представляющая когнитивистское направление в психологии, согласно которой именно ожидание вознаграждения активизирует поведение и именно осознаваемое вознаграждение, связываемое с результатом каждо-

¹⁷ Skinner B.F. The behaviour of organisms: an experimental analysis. N.Y., 1938.

¹⁸ Там же.

го действия, придает поведению определенную направленность. Наиболее законченную форму эта теория получила в работах В. Врума. За основу он принимает термин «валентность», который отражает силу желания (или силу индивидуального предпочтения) по отношению к некоторому результату. В. Врум утверждает, что если субъект А предпринимает действие X, то действие X имеет некоторые результаты первого уровня, которые человек рассматривает как средство для получения желательных результатов второго уровня. Валентность, или желательность, результатов первого уровня является функцией суммы валентностей результатов второго уровня, умноженных на осознаваемую способность (или субъективную вероятность) результатов первого уровня привести к достижению результатов второго уровня. Чем меньше результаты первого уровня осознаются как ведущие по отношению к результатам второго уровня, тем меньше валентность (желательность), результатов первого уровня. Это означает, что человек, по-видимому, будет меньше стремиться к таким результатам. Результатами первого уровня могут выступать деньги, продвижение и т. д., а результатами второго уровня — удовлетворение потребностей личности. Иными словами, результаты первого и второго уровня всегда находятся в причинно-следственной зависимости. При этом результаты первого уровня должны субъективно восприниматься как средства, ведущие к достижению главной цели. В таком случае они являются побудительным мотивом действий. Модель Врума предполагает, что человек будет стремиться рационализировать критерии принятия решений, если он располагает двумя вариантами действий — одним с более высокой субъективной вероятностью достижения результата меньшей валентности, и другим — с меньшей вероятностью получения, но большей валентностью результата. Выбор одного из вариантов («максимизация результата с риском» или «минимальный гарантированный результат») зависит от отношения человека к риску. Модель Врума говорит о том, что мотивационная сила зависит от осознаваемой человеком связи между его поведением и возможным вознаграждением¹⁹.

¹⁹ Vroom V.H. Some Personality Determinations of the Effects of Participations. Englewood Cliffs, Prentice-Hall, 1960.

Аналитико-рационалистическое направление философии образования сложилось в начале 60-х гг. XX в. в США, Англии, Австралии (И. Шеффлер, Р.С. Питере, Е. Макмиллан, Д. Солтис и другие). Большое влияние на него оказали взгляды Л. Витгенштейна. В рамках данного направления сосуществует несколько концептов.

В границах наиболее распространенной парадигмы источником образовательного знания выступили логический анализ языка, используемого в практике образования, выявление содержания основных терминов («образование», «обучение» и т. п.) и логики их связей. В трудах указанных авторов существенное внимание уделялось формированию самостоятельности мышления обучаемых, что обуславливалось выведением целей образования из ценностей демократии. В 80-е гг. в рамках данного направления философии образования наметилось движение от аналитического подхода, вербализма, «абстрактного человека» Пиаже-Кольберга в сторону «индустрии» его обучения, диалога с гуманитарными направлениями философии образования.

В рамках *критико-рационалистического подхода* (сформировавшегося под влиянием идей К. Поппера и представленного исследованиями В. Брецинка, Г. Здарцила, Ф. Кубэ, Р. Лохнера и других) обосновывается «опытно-научная педагогика, дистанцированная от умозрительной философии». При этом педагогика рассматривается как прикладная социологическая дисциплина. Основными достижениями критико-рационалистической философии образования стали: «поэлементарная социальная инженерия» (как альтернатива «холизму» — фронтальному долгосрочному планированию педагогической практике), критика тоталитарного подхода в образовании и педагогическом мышлении, педагогики «ковша и воронки», «тиражирующей» конформистов. В позитивном плане обосновывается ценность воспитания «критически-проверяющего разума» и соответствующего стиля жизни.

Внутри данного направления можно выделить *теорию нового гуманизма*. Ее авторы Дж. Вильсон и Р. Кольберг, основываясь на идеях Канта, Витгенштейна и исходя из концепции определяющей роли языка в дидактическом процессе, большое внимание уделя-

ют рациональной автономии личности и логически-формальным методам обучения, позволяющим рационализировать процесс воспитания — за счет преимущественного изучения точных наук и дисциплин лингвистического цикла, формирующих логическую культуру личности.

Крайним выражением рационалистического направления в педагогике можно считать *прагматическую и неопрагматическую теории обучения*, ориентирующиеся на идеи прагматизма У. Джеймса, Д. Дьюи и др. Прагматизм выражается в подчинении образования главной задаче — подготовить личность, максимально успешную в социальном и профессиональном плане. Достижение успеха — это главная цель, которая оправдывает средства. Поэтому приоритет в педагогическом процессе отдается социализации. Основным инструментом успеха рассматривается мышление, которое «всегда связано с личным интересом»²⁰. Прагматизм рекомендует избегать конфликтов, и прежде всего с государством. Прагматизм отрицает полезность постановки далеких идеалов и целей. Рационализм провозглашается технологией оптимального поведения.

Современной педагогической концепцией, опирающейся на принципы рационализма, является *школа диалога культур* (основателем которой был В.С. Библер, опиравшийся на методологию М.М. Бахтина и М. Бубера). В основании этой методологии лежит идея изоморфизма образовательного процесса и истории мировой культуры («европейский разум есть диалог (общение) «разума эйдетического» (Античность) — «разума причащающего» (Средние века) — «разума познающего» (Новое время) и — возникающего в XX в. особого строя разума»²¹). Данная методология находит продолжение в специфической «формуле» самой образовательной деятельности: сутью обучения признается «диалогика» — спор формальной и содержательной логик с сохранением диалоговых характеристик всех основных исторических

²⁰ Джеймс У. Психология. М.: Педагогика, 1991. С. 257.

²¹ Библер В.С. От наукоучения — к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М., 1991. С. 4.

конструктов, что выводит диалог за границы чистого рационализма в более широкий общекультурный план. При этом внешний диалог должен стать логическим продолжением и формой выражения диалога внутреннего, иначе фетишизация речевой активности сведет на нет сам исходный принцип формирования культуры мышления²².

«Гуманитарная» философия образования основывается на идеях «философии жизни» В. Дильтея, понимании духовной культуры как гегелевского «духа народа», неокантианском «царстве ценностей». Взгляды наиболее ярких ее представителей — Г. Ноля, В. Флитнера, Е. Венигера и других — сформировались в первой трети XX в. на базе общественно-педагогического движения за реформу образования в Германии. В понимании представителей гуманитарной философии образования сущность человека состоит в человечности (*humanitas*), которая проявляется как духовность, находящая выражение в спонтанном самовыражении («экзистенции») личности в межличностных отношениях, а также их отражению в различных формах бытования духовной культуры (нравственность, искусство, мировоззрение). Духовность рассматривается как реальное средство обретения человеком автономии. Рассматриваемая в этом ключе «педагогическая антиномия» между самоутверждающимся учеником и школьными требованиями, разрешается через диалог, герменевтическое «слушание» ученика, его защиту от шаблонных требований учебных программ, через гуманизацию школы в целом. На этой базе обосновываются идеи автономизации системы образования, ее обособления от политики, церкви, идеологии.

Гуманистическая ветвь педагогики восходит к творческому наследию известного польского мыслителя и педагога Я. Корчака. Его «педагогика сердца» отдает приоритет воспитанию и основана не столько на формальной дидактике, сколько на любви педагога к своим воспитанникам. В основе такой педагогики лежит концепция детства как самоценного периода

²² Геращенко И.Г. От монолога — к школе диалога культур // Народное образование. 1993. № 1. С. 51 — 53.

жизни²³. К данному направлению можно отнести *френепопедагогику* (названную так по имени ее создателя С. Френе). Значительную роль она отводит ученическому коллективу, свободному выбору учебных предметов и методу проб и ошибок в выборе содержания образовательной деятельности (метод «экспериментального нащупывания»)²⁴.

Прикладной разновидностью «гуманитарной» образовательной парадигмы можно считать *педологию*, которая зародилась на Западе в трудах О. Хрисмана и получила развитие в работах Н.Е. Румянцева, А.П. Нечаева, А.Ф. Лазурского, В.П. Кащенко и других. Ее мировоззренческую базу составила идея целостного познания личности воспитуемого путем суммирования результатов, полученных различными науками.

В качестве основного критерия отбора средств обучения педология обосновала учет особенностей личности воспитуемого, ее мотивационной сферы. Поэтому в рамках данной педагогической парадигмы были востребованы те психологические концепции, в которых раскрывалась природа человеческой мотивации. Мотивационные концепции условно можно разделить на две группы. К первой относятся мотивационные теории, авторы которых абсолютизируют мотивацию, считая ее единственным фактором человеческого поведения. Мотив здесь — это то, что активизирует поведение, вызывает или прекращает какую-либо деятельность, что поддерживает и направляет ее. Мотиву предшествует состояние «лишения», которое приводит к возникновению «потребности», «потребность» вызывает «побуждение», а «побуждение» ведет к «действию». Авторы второго подхода избегали механистической модели мотивации, определяя мотив как «предрасположенность к достижению некоторых целей».

Определенное влияние на развитие педагогических технологий оказала в свое время теория мотивации Д. Макклеланда, который пытался объяснить не действия человека, но прежде всего его мысли и чувства,

²³ Корчак Я. Педагогическое наследие. М.: Просвещение, 1991. С. 19.

²⁴ Френе С. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1990. С. 39.

определяющие поведение. Автор использовал так называемую проективную методику, основанную на словесном описании испытуемым предъявляемого ему рисунка. Он считал, что чем более двусмысленным и неопределенным является рисунок, тем с большей степенью вероятности в рассказе испытуемого проявятся (спроецируются) его мотивы. Мысли, выраженные в таких рассказах, в любом случае должны отразить иерархию трех групп человеческих потребностей и соответствующих им мотивов: потребности в идентификации (стремление к принадлежности); потребность во власти; потребность в успехе или достижении цели²⁵. Согласно двухфакторной теории мотивации Ф. Герцберга, людям присущи два вида потребностей: избегание страданий и стремление к самовыражению, успеху и психологическому росту²⁶.

Экзистенциально-гуманистическая педагогика (К. Роджерс, А. Маслоу, А. Комбс, Н. Тэлент и другие). Данная педагогическая концепция и соответствующие образовательные и воспитательные технологии были подготовлены зарождением и быстрым развитием в 50-е гг. социально-культурной и психологической концепции, получившей название «третьего» или «гуманистического» направления (основы которого заложили А. Маслоу и Р. Роджерс)²⁷. Это движение вышло на мировую социокультурную арену вслед за «бихевиоризмом» и «фрейдизмом» и поэтому получило название «третьего направления». Сегодня оно оценивается как одно из фундаментальных направлений послевоенной культуры, которое обратилось непосредственно к вопросам самоосуществления (самоактуализации, самореализации) личности и оказало существенное влия-

²⁵ McClland D.C. The Achievement Society. N. Y.: Van Nostrand, 1961.

²⁶ Herzberg F., Mausner B. and Sniderman B. The Motivations to Work. N. Y.: Wiley, 1959.

²⁷ См.: Maslow A.H. The farther reaches of human nature. N.Y., 1971; Maslow A.H. Motivation Personality, N.Y.: Harper&Row, 1970; Maslow A.H. A theory of metamotivation: The biological rooting of the value-life. Journal of Humanistic Psychology. 1967. № 7. P. 93—127; Rogers C.R. Client-centered therapy: Its current practice, implications and theory. Boston: Houghton Mifflin, 1951; Rogers C.R. On becoming a person. Boston, 1961.

ние на философию, литературу, педагогику, психотерапию.

Личностно-ориентированная концепция образования. Это направление получило обоснование в работах И. Дерболава, О.Ф. Больнова, Г. Рота, М.И. Лангевельда, П. Керна, Г.-Х. Виттига, Е. Майнберга и др. Его теоретической и методологической базой стала философская антропология М. Шелера, Г. Плесснера, А. Портмана, Э. Кассирера. Представителей данного направления объединяет стремление к синтезу «экзистенциальной» и «культурологической» ветвей, сформировавшихся внутри гуманитарного подхода, ориентация на разработку образа человека в пространстве образования (*homo educandus*) как существа биосоциального и одновременно духовного. Именно духовность выступает основой высшей автономии, когда образовательный процесс строится с опорой не только на «активность» индивида в рамках объективных законов, но и сформированные «смыслы» (установки, идеи, цели и т. п.), успешно конкурирующие с внешней детерминацией. Восприятие человека как автономного существа, активно участвующего в своем образовании, объективно приводит представителей рассматриваемого направления к обоснованию так называемой личностно-ориентированной концепции образования, где доминируют такие цели, ценности и механизмы, как диалог с учеником как автономным субъектом и постоянная коррекция на этой основе всего образовательного процесса.

Личностно-ориентированная философия образования является центральной в теории *развивающего обучения* (методология которой была заложена в трудах Л.С. Выготского, Э.В. Ильенкова, В.В. Давыдова, Л.В. Занкова и других). Ее основу составляет деятельность (понимаемая в широком смысле этого слова) как способ интериоризации субъектом коллективного историко-культурного опыта человечества. Условием и целью полноценного образования является развитие интеллекта. Для этого обучение необходимо вести на повышенном уровне сложности, формируя при этом способности к содержательному обобщению, умения определять исходные основания в каждом учебном предмете, из которых можно воспроизвести развитие соответствующего знания.

Критико-эмансипаторская концепция образования оформилась в конце 60-х гг. в работах К. Молленхауера, В. Бланкерца, В. Лемперта, В. Клафки. Общефилософские основания этого направления лежат во франкфуртской философии неомарксизма М. Хоркхаймера, Т. Адорно, Ф. Маркузе, Ю. Хабермаса. Авторы, начинавшие свою деятельность в русле педагогической антропологии с критики гуманитарных концепций, недооценивающих обусловленность образования противоречиями индустриального общества, сосредоточили внимание на обосновании целевой установки образования — воспитании субъектов эмансипации, способных к свободному дискурсу, саморефлексии, преодолению отчуждения внутри себя. Характерная черта данного направления — высокая политизированность научного поиска, оправдание вовлечения образования в политические движения за эмансипацию личности и межличностных отношений, ее освобождение от господства отчужденных структур и идеологий.

Постмодернистская философия образования получила развитие практически одновременно во многих странах: в США — С. Ароновитц, У. Долл; в Германии — Д. Ленцен, В. Фишер, К. Вюнше, Г. Гизеке. Идейной основой этой философии образования является «центрация» на «кризисе смысла», т. е. трудностях в определении жизненных целей и идеалов личности и общества в условиях современной научно-технической цивилизации.

Основное внимание представители рассматриваемого направления уделяют критике «диктата» любых теорий, концепций, систем в педагогике, бюрократизма макроструктурных реформ общества и образования как его существенной структуры, акцентуации ценности самовыражения личности в малых группах, плюрализма самоценных практик, отказа от социально-политических целей в образовании.

■ 2. Основные подходы к образовательной деятельности в отечественной философии

Существенный вклад в развитие философских проблем образования принадлежит отечественным ученым. Методологией и информационной базой их науч-

ных исследований являются идеи и концепции философии образования как отрасли философского знания и как предмета социально-гуманитарных наук, а также реальная педагогическая практика²⁸.

Методологические вопросы образования получили разработку в трудах А.Н. Леонтьева, А.В. Петровского (личностно-деятельностный подход в психологии), а также Г.С. Батищева, Н.Г. Алексеева, Э.Г. Юдина (системно-деятельностная концепция в философии). В 1980-е гг. активно разрабатывалась диалогическая природа образовательной деятельности, анализировалось взаимодействие технократической и гуманитарной составляющих обучения (М.М. Бахтин, В.С. Библер, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов), а также психо-культурологическая парадигма (А.Г. Асмолов, И.С. Кон).

В 1980 – 1990-е гг. происходит рефлексия философско-образовательной проблематики, обсуждаются типы анализа парадигм и концептуальные схемы проектирования образовательной практики (Ю.В. Громько, В.М. Прозин, В.В. Рубцов, И.Н. Семенов, К.А. Славская, В.И. Слободчиков, В.С. Швырев, П.Г. Щедровицкий, Б.Г. Юдин и другие). Философия образования рассматривает человекотворческие возможности социально-культурной среды (семейной, школьной, вузовской, социально-психологической, профессионально-деятельностной, информационной и др.), осмысливает образовательные и воспитательные ресурсы гуманистической педагогики, рефлексивной психологии и понимающей социологии.

В это же время складываются концепции личностно-ориентированного образования, рефлексивной

²⁸ О важности данного уровня осмысления образовательных проблем свидетельствует институциональное оформление этой научной дисциплины. В частности, в ряде научных центров (Институт философии, Институт педагогических инноваций, Институт теории педагогики и образования, Институт инноваций и проблем консультирования, Институт рефлексивной психологии творчества и гуманизации образования и др.) есть подразделения, разрабатывающие философские проблемы образования. При Президиуме РАО создан научный совет по философии образования, координирующий ведущиеся в стране исследования. По философии образования введены специальные рубрики в ряде журналов («Вопросы философии», «Вопросы методологии», «Педагогика», «Гуманизация образования», «Инновационная деятельность в образовании»).

методологии (Н.Г. Алексеев, В.Т. Ополев, И.Н. Семенов), рефлексивной психологии и педагогики творчества (Г.Ф. Похмелкина, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов). Здесь предметом исследования и экспериментальной деятельности становится проектирование социокультурных и рефлексивно-инновационных сред с диалогическим и полилогическим взаимодействием детей и взрослых, обеспечивающих интенсивно-игровое развитие личности. Философско-методологическое и психологическое обоснование получают такие образовательные технологии, как игрорефлексика (И.Н. Семенов) и рефлепрактика (С.Ю. Степанов).

Исследования педагогических феноменов и видов образовательной практики отличаются широтой и многоаспектностью. В частности, в 1960-е гг. необходимо было на философском уровне обосновать алгоритмизацию учебной деятельности, программирование как метод ее оптимизации и управления (Л.Н. Ланда, П.Я. Гальперин, Н.Д. Никандров, Ю.К. Бабанский, Н.Ф. Талызина). Эти же проблемы, но с позиций критики «кибернетизма» в образовании, разрабатывались в рамках деятельностной методологии (Н.Г. Алексеев, В.М. Розин, Г.П. Щедровицкий), в социальной философии (Э.В. Ильенков). В 1970-е гг. стали разрабатываться вопросы проблемного обучения как метода стимулирования познавательной активности учащихся (Т.В. Кудрявцев, И.Я. Лернер, А.М. Матюшкин, Я.А. Пономарев).

Особый интерес представляют исследования, в которых содержится комплексное и многоуровневое теоретико-методологическое обоснование отдельных педагогических феноменов и видов образовательной практики (т. е. исследования, объединяющие философию образования как предмет социально-гуманитарных наук и как раздел педагогической теории).

Наиболее показательными в этом плане представляются исследования в области физического воспитания, которые демонстрируют результат объединения различных уровней анализа и попытки построения педагогических концепций на базе философского понимания физической культуры.

Следует отметить, что разработка теоретико-методологических основ физического воспитания здесь осуществлялась в весьма широком контексте. Традиционно эта

отрасль педагогики строилась на классической дидактике (центрированной на развитии физических качеств, формировании двигательных умений и навыков) и медико-биологических знаниях. В 70-е гг. начинается интенсивное осмысление иных проблем физической культуры — психологических, социологических, философско-культурологических²⁹. С общекультурологических позиций исследователи пытались понять сущность самого феномена физической культуры, а уже потом оптимизировать образовательные практики³⁰. В рамках психологических наук ставится проблема понимания человека как целостной системы, восприятия его в неразрывном единстве биологической природы и духовного состояния, его соматопсихического и социокультурного существа³¹. Складывается новое понимание человеческой индивидуальности как сложной и многоуровневой системы³².

Философско-культурологическое понимание сущности физической культуры меняет общий контекст исследований в сфере физического образования³³. Доминирующей становится методология целостного понимания человека, которая распространяет свое влияние на другие области социально-гуманитарного

²⁹ Конечно, эти исследования не стоит идеализировать — их общим недостатком является недостаточный учет соматопсихического и личностно-социокультурного единства человека, его био-социокультурной сущности. Эти аспекты если и рассматривались, то изолированно друг от друга, что не позволяло получить полную картину понимания сущности исследуемого феномена.

³⁰ Матвеев Л.П. К уточнению центральной категории теории физической культуры (очерки по теории физической культуры). М.: ФиС, 1984.

³¹ Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1969.

³² В частности, В.С. Мерлин выделяет анатомо-физиологический, психо-динамический, психологический, личностный и социально-психологический. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.

³³ Харабуга Г.Д., Ушинский К.Д. О физическом воспитании // Советская педагогика. 1969. № 2; Шахвергов Г.Г., Лесгафт П.Ф. Очерки жизни и научно-педагогическая деятельность. Л., 1950; Решетень И.Н., Мелия М.И. Перспективы совершенствования психолого-педагогической подготовки студентов института физической культуры // Теория и практика физической культуры. 1987. № 4; Белорусова В.В., Макаров А.Г. Место и направленность методов нравственного воспитания на занятиях по физическому воспитанию // Теория и практика физической культуры. 1988. № 12 и др.

знания и практики³⁴. Активно развивается идея целостности человека и сама физическая культура рассматривается как целостная система в единстве ее функционального, ценностного и деятельного аспектов. Подобная методология утверждается и в исследованиях различных граней физической культуры³⁵. В частности, в рамках интегративной антропологии утверждается мысль о взаимосвязи знаний внутри психобиологических и социокультурных наук, изучающих физическую культуру, а также их между собой, что полностью соответствует пониманию феномена человека как целостной системы³⁶. В теоретико-методической плоскости ставится вопрос о том, как совместить в едином педагогическом процессе задачи физического совершенствования и духовного развития человека³⁷. Разрабатываются основные положения концепции физкультурного образования в вузе, в которых в качестве основополагающего принципа выдвигается единство мировоззренческого, интеллектуального и телесного компонентов в формировании физической культуры личности³⁸. В исследованиях высказывается мысль о взаимосвязи и взаимодополняемости знаний, полученных в сфере психобиологических и социокультурных наук³⁹. Ставится вопрос о целостности личности как мировоззренческой предпосылке

³⁴ Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание. Л., 1991; Соколов Э.В. Культурология: Очерки теории культуры: Пособие для учащихся. М.: Интер-пракс, 1994 и др.

³⁵ Бальсевич В.К. Интеллектуальный вектор физической культуры человека // Теория и практика физической культуры. 1991. № 7; Визитей Н.Н. Физическая культура личности. Кишинев: Штиинца, 1989; Кузин В.В., Никитюк Б.А. Очерки теории и истории интегративной антропологии. М.: ФОН, 1995; Лубышева Л.И. Социальное и биологическое в физической культуре человека в аспекте методологического анализа // Теория и практика физической культуры. 1996. № 1. С. 2–4.

³⁶ Кузин В.В., Никитюк Б.А. Очерки теории и истории интегративной антропологии. М.: ФОН, 1995.

³⁷ Пуни А.Ц. О некоторых фундаментальных проблемах перспективного плана научно-исследовательской работы в области физической культуры и спорта // Теория и практика физической культуры. 1985. № 6. С. 10–13.

³⁸ Лубышева Л.И. Концепция формирования физической культуры человека. М.: ГЦОЛИФК, 1992.

³⁹ Кузин В.В., Никитюк Б.А. Очерки теории и истории интегративной антропологии. М.: ФОН, 1995.

формирования концепции предмета физической культуры в школе⁴⁰. В разработке теоретических основ совершенствования системы физкультурного воспитания используются принципы мировоззренческого, интеллектуального и телесного единства человека, методология биосоциальной сущности человека. Технологической основой воспитательных концепций рассматривается деятельный подход⁴¹. В философско-культурологической мысли разрабатывается идея воспроизводства в сфере физической культуры целостного человека — одухотворенной, нравственной, свободно действующей телесности⁴². Разрабатываемая в последнее время в русле социально-гуманитарных наук парадигма человеческой целостности является методологической основой коррективной и развития системы физического воспитания⁴³. В настоящее время в сфере физической культуры на стыке научных дисциплин рождаются новые направления и разделы (антропологические, социолого-психологические, психолого-гигиенические, психолого-педагогические, морфофизиологические и др.). Продолжается процесс осмысления феномена физической культуры с философско-культурологических позиций. Физическая культура осознается как важнейшей части культуры человека и общества.

⁴⁰ Матвеев А.П. Концепция образовательной программы «Физическая культура» для средней общеобразовательной школы // Физическая культура: Науч.-метод. журнал. 1996. № 1. С. 13–14.

⁴¹ Лубышева А.И.. Физкультурное воспитание в аспекте развития инновационных процессов. М.: РГАФК, 1996. С. 133.

⁴² Пономарчук В.А., Аяшев О.А. Физическая культура и становление личности. М., 1991; Пономарев Н.А. Гуманизм, духовность и физическая культура // Теория и методика физической подготовки: Сб. науч. тр. СПб.: ВДКИФК, 1994. С. 117–126.; Быховская И.М. Быть телом — «иметь тело» — творить тело: «три уровня «НОМО SOMATIS» и проблемы физической культуры // Теория и практика физической культуры. 1993. № 7. С. 2–5 и др.

⁴³ Бальсевич В.К. Физическая культура для всех и для каждого. М.: ФиС, 1988. С. 43; Виленский М.Я. Социально-педагогические детерминанты формирования здорового образа жизни // Теория и практика физической культуры. 1994. № 9. С. 9; Лях В.И. Ориентиры перестройки физического воспитания в образовательной школе // Теория и практика физической культуры. 1990. № 9. С. 10–14; Матвеев А.П., Непалов В.Н. Физическая культура: физкультура и развитие человека // Теория и практика физической культуры. 1994. № 9. С. 2–6.

3. Личностное развитие как основной приоритет образовательной деятельности

Главной целью образовательной деятельности должно быть формирование личности, максимально полно выражающей (собирающей, востребующей) потенциал человека. Процесс реализации стратегии образовательной деятельности включает в себя следующие три уровня:

- а) *духовное развитие личности;*
- б) *социальное развитие личности*, включающее в себя овладение личностью профессиональными знаниями, умениями, навыками;
- в) *физическое развитие личности.*

Данные уровни закладываются в недрах культуры, но свое предметное воплощение, актуализацию получают в конкретной педагогической системе. Их иерархия, содержательное наполнение, ценностная и инструментальная оснащённость задаются как типом культурной системы, так и конкретной педагогической ситуацией.

3.1. Духовное развитие личности

Важнейшая составляющая духовной сферы — *ценностно-нормативная область сознания личности*. Система ценностей входит в ядро личности и выступает в качестве мировоззренческой основы всех сфер и аспектов ее жизнедеятельности. Именно способность образования формировать данную компоненту является наиболее сущностной его функцией, что и находит отражение в самом термине (*образование*).

Содержание ценностно-нормативной составляющей человеческой духовности культурно обусловлено. Образование здесь выступает транслятором наиболее значимых и исторически устойчивых норм и ценностей бытия. Например, в структуре ценностей американской культуры доминируют такие ценности, как личный успех, активный и упорный труд, эффективность и полезность, автономия и ответственность, прогресс (вера, что новое — лучше старого), вещи, уважение к науке, демократия как способ распределения власти и разрешения конфликтов. Ядро американского образа

и стиля жизни составляют самодисциплина, ограничение удовольствий, материализм, прагматизм, потребительство, достижение успеха. Потребность в будущем подкрепляется высокими темпами развития технической культуры и цивилизационными изменениями, которые позволяют американцу получить новые ощущения и необходимые предметы потребления «здесь и сейчас». Высокая значимость будущего находится в определенной корреляции с восприятием прошлого, которое рядовому американцу в вечной погоне за настоящим кажется «скучным» и «ненужным»⁴⁴. Именно воспроизводство данной ценностно-нормативной модели объединяет все образовательные американские институты, независимо от их уровня и концептуальной оснащенности. В этой связи весьма показательны, что даже так называемые альтернативные по отношению к официальной культуре США движения объективно воспроизводят базовые для данного культурного типа ценности. Например, движение хиппи, пропагандируя ценности личного самовыражения, желание жить днем сегодняшним, полную свободу и равенство мужчин и женщин, в главном и существенном осталось в рамках ценностного ядра американской культуры. Декларативно отказавшись от ориентации на «здесь и теперь», порвав с традициями дома и семьи, внешне отвергнув блага цивилизации, молодежь не смогла преодолеть психологию «сейчас», сохранив стиль жизни, ориентированный на самореализацию в каждый данный момент времени.

В формировании же отечественной ценностно-нормативной модели существенную роль сыграло и начинает играть сейчас православие. Ценностно-нормативная специфика отечественной культуры проявляется на двух уровнях: бытийном (в труде, быту, традициях, обрядах, праздниках, стереотипах социального поведения) и на уровне самосознания. Здесь специфика культуры обнаруживает себя в языке, текстах культуры (философских, художественных, устном народном творчестве и т. д.). Сложилась точка зрения, согласно которой наиболее устойчивыми доминантами, которые составляют ценностно-нормативное ядро отечественной культуры

⁴⁴ Смелзер Н. Социология. М., 1991. С. 212.

являются: низкая значимость факторов материального благополучия и ориентация на идеальную, духовную сферу; неукорененность в настоящем и обращенность в прошлое или будущее; доминирование социальных ориентаций над индивидуально-личностными. Низкая значимость факторов материального благополучия (в пределе — аскетизм) и ориентация на идеальную, духовную сферу бытия коренится в православных глубинах национальной психологии. Неукорененность в настоящем и обращенность в прошлое или будущее как компонента ценностно-нормативного ядра культуры проявлялась в русской мысли, в том, что она всегда была пессимистична в отношении к настоящему и одновременно неслала в себе глубокую веру в будущее России. Ощущение неоформленного «настоящего» русской культуры давало основание верить в грядущие времена, наступление эпохи исторического величия и утверждения великой миссии России. Однако будущее видится не как результат эволюции настоящего, оно находится как бы «по ту сторону» катастрофы. Доминирование социального над индивидуальным (т. е. невыделенность человека из общности «мы», неосознанность своей отдельности, приоритет общего над личным) обнаруживает себя в содержании русской идеи, отражается в идеологии социальных преобразований, в характере идеалов русских революций, в особенностях русского быта, в гостеприимстве, в традиционных формах устройства общественной жизни и организации трудовой деятельности (крестьянская община, рабочая артель и т. д.). Социальная ориентированность сознания российского человека вытекает из общинного устройства жизни и артельных форм организации производства. Если западное общество строилось на основе гаранта прав и свобод отдельной личности, ее автономии от государства, то русская общественная жизнь — на соборности и растворении «я» в общинном «мы».

Приоритет социального в отечественной культуре определил специфику постановки в России проблемы свободы и ответственности, индивидуального и социального. Он придает особые акценты перспективам общественного устройства России, в которых, как полагал В.С. Соловьев, идеал «полного и многостороннего развития личности» отодвигается на второй план в

силу его неосуществимости, а в центре стоит идея «всеединства» как богочеловеческого союза, объединяющего все национальности и проповедующего безусловные нравственные ценности)⁴⁵.

Данная ценностно-нормативная модель культуры является результатом взаимодействия различных факторов — исторических, геополитических, психологических, природных, которые трудно поддаются анализу с позиции их причинно-следственных связей. Они формируются средой обитания человека, социальными условиями его жизни, культурой и, в свою очередь, порождают и воспроизводят их, являются их источником и причиной. Отсюда следует, что элементы «других» культур получают смысл и значение лишь в контексте «своего» историко-культурного мира. Идеи и ценности, «генетически» не связанные с ядром культуры, начинают играть деструктивную роль, разрушая целостность культурной системы.

Ментальный срез антропологической модели, сложившейся в отечественной традиции, предполагает единство рационального и морального, «философского умозрения, рефлексии и религиозной веры». Русские философы, отмечая специфику российской духовности, подчеркивали значимость нерациональных аспектов ее восприятия мира, и прежде всего веры как специфического способа познания. С. Булгаков, Н. Бердяев, С. Франк отмечали, что вера занимает значительное место не только в структуре сознания простого российского человека, но и ее интеллигенции. Она пронизывает все аспекты духовной деятельности, лежит в основе нравственности, отношения к труду, к природе, к ценности и смыслу человеческой жизни. При этом образованность и духовность рассматривались как самостоятельные феномены, сводимые и не обуславливающие друг друга. И.А. Ильин отмечал, что духовность доступна не только людям образованным, людям высокой культуры. «История всех времен и народов показывает, что именно образованные слои общества, увлекаясь игрою сознания и отвлеченностями ума, гораздо легче утрачивают непосредственную силу доверия к показаниям внут-

⁴⁵ Марков А.П. Отечественная культура как предмет культурологии. СПб.: Изд-во СПбГУП, 1996. С. 46.

ренного опыта, которая необходима для духовной жизни. Ум, порвавший с глубиной чувства и с художественной силой воображения, привыкает обливаться все ядом праздного, разрушающего сомнения; и поэтому оказывается в отношении духовной культуры не строящим, а разрушающим началом. Напротив, у людей наивно посредственных эта разрушающая сила еще не начинает действовать. Человек малой «культурности» гораздо более способен прислушиваться к показаниям внутреннего опыта, т. е. прежде всего сердца, совести, чувства справедливости, чем человек хотя бы и большой, но *рационалистической* культуры. Простая душа наивна и доверчива; может быть, именно потому она легковерна и суеверна и *верит где не надо*; но зато самый *гар веры* у нее не отнят; а потому она способна *верить и там, где надо*. Пусть духовность ее — не критическая, малоразумная, недифференцированная, тянет к мифу и к магии, связана со страхом и может заблудиться в колдовстве. Но духовность ее несомненна и подлинна, — и в способности внимать дыханию и зову Божию, и в любви сострадательной, и в любви патриотически-жертвенной, и в совестном акте, и в чувстве справедливости, и в способности наслаждаться красотой природы и искусства, и в проявлениях собственного достоинства, правосознания и деликатности. И напрасно образованный горожанин стал бы воображать, будто все это недоступно «необразованному крестьянину»!.. Словом, духовная любовь доступна всем людям, независимо от уровня их культурности»⁴⁶.

Таким образом, вера, а не знания, рассматривалась в качестве основания духовного мира русского человека. Соответственно, приоритет отдавался не образованию (в его западной версии), а просвещению (суть которого Н.В. Гоголь сформулировал так: «Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь»⁴⁷).

⁴⁶ Ильин И.А. Путь духовного обновления. С. 28.

⁴⁷ Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. М.: Патриот, 1993. С. 94.

Таким образом, система образования (от ее концепции до содержательного наполнения) должна максимально полно учитывать и воспроизводить специфику духовности нации. Лишь в таком случае она эффективно сможет решить задачу формирования нравственной и социально ответственной личности.

3.2. Социальное развитие личности

Социальное развитие прежде всего предполагает формирование профессиональных умений и навыков будущего специалиста, а также освоение форм и способов успешной коммуникации личности в качестве субъекта многообразных социальных отношений.

Главное назначение образования как социально-культурного института в исторически сложившейся системе социальных институтов — воспроизводство форм и способов институционализированной деятельности (как индивидуальной, так и совместной). Здесь человек должен, *во-первых*, усвоить способы и формы ролевого взаимодействия (социальной коммуникации); *во-вторых*, получить знания и навыки, необходимые для профессиональной деятельности (которые определяется характером и нормативными границами профессиональных ролей, являются достаточно четкими и требуют для своего освоения специализированной подготовки). Следует отметить, что данный уровень образования во многом определяется ценностно-нормативным содержанием духовного развития. Например, нормативные и ролевые рамки социальной активности определяются общественной идеологией. Выход за нормативные рамки в одних случаях рассматривается как правонарушение и карается в соответствии с законом, а в других — носит характер культурной инновации и может вызвать не столько негативные, сколько позитивные социальные следствия.

Профессиональная подготовка специалиста. Содержание профессионально-ролевой подготовки зависит не только от соответствующих технологий и критериев оценки результатов труда, но и от ценностей и целей профессиональной деятельности. Профессиональная подготовка специалиста осуществляется в процессе усвоения некоего многоуровневого комплекса, суть которого можно выразить формулой: «ценности — цели —

средства — методы — ресурсы — объекты». Кратко рассмотрим их содержание.

1. *Ценности*. Любая деятельность в качестве мировоззренческого основания имеет определенную систему ценностей и идеалов, которые определяют меру социальной и индивидуальной значимости ее результата, набор используемых средств, характер последствий и т. д. Это тем более важно для профессий социально-культурной сферы, которые предполагают вмешательство в реальные процессы жизнедеятельности человека, организации, социальной группы, даже общества в целом. Выстраивание ценностно-нормативного уровня специалиста особенно актуально для технологий, практикуемых в сфере маркетинговых коммуникаций, где отработаны весьма эффективные способы воздействия на личность и где существует прямая зависимость результата от мировоззрения и нравственности специалиста. Практикуемые здесь манипулятивные технологии (особенно в сфере рекламы, и, прежде всего политической), тиражируемые на всю страну СМИ, часто разрушают общественную солидарность, становятся причиной снижения критериев нравственности и даже угрожают психическому здоровью человека.

Поэтому технологии должны базироваться на определенном мировоззренческом фундаменте специалиста. Важно понимать — во имя чего осуществляется деятельность, осознавать ее возможные негативные последствия. С педагогической точки зрения, в личность будущего специалиста необходимо как бы «встроить» нравственный запрет на манипулирование другими людьми с помощью специального знания и умений. Технологически ценностно-нормативный уровень проявляется и реализуются через позиционирование субъекта образовательной деятельности, его социально-ролевое и культурное самоопределение.

2. *Цели и задачи*. Этот уровень профессиональной культуры характеризует представления человека о *норме* в тех или иных сферах жизнедеятельности. Именно образ нормы позволяет обнаружить в ситуации проблему — не просто как объективно существующий факт неблагополучия в той или иной сфере жизни, как внешне фиксируемые утраты и препятствия, затрудняющие процесс жизнедеятельности (личности, социальной

группы, организации), но как субъективно переживаемое противоречие между реальным и желаемым, целями и средствами, как несоответствие в ситуации сущего и должного, реального и нормативного.

3. *Средства профессиональной деятельности* представляют многоуровневый комплекс, включающий: а) специальный научный язык со своим специфическим категориальным аппаратом, набором понятий и их значений; б) знание, фиксирующее проблемное и нормативное состояние различных объектов, раскрывающее структуру и алгоритм более частных технологий (менеджмент, маркетинг, проектирование и т. д.); в) мыслительные операции (анализ, понимание, рефлексия, прогноз и др.).

4. *Методы* — это совокупность приемов и операций, осуществляемых над объектом профессиональной компетенции, а также условиями и ресурсами — с целью выработки наиболее оптимального варианта решения задач, а в конечном счете — преобразования ситуации в соответствии с ее нормой.

5. *Ресурсы профессиональной подготовки* — это прежде всего наработанные в практической деятельности готовые информационные блоки. Например, в социально-культурном проектировании — типовые модели ситуации и варианты ее анализа, характеристика нормативных состояний объектов, с описанием проектного потенциала различных видов социально-культурной деятельности, проектные решения в различных сферах практики и т. д.

6. *Объекты приложения профессиональных умений и навыков* — это те феномены (фрагменты жизненной ситуации), внутри или вокруг которых предполагается произвести некие изменения. Для специалистов социально-культурной сферы в таком качестве могут выступать:

- *социальная группа, общность* (возрастная, профессиональная, этнокультурная и др.);
- *событие, акция* (выставка, экспозиция, шоу-программа); *услуга* (например, в номенклатурной политике фирмы);
- *регион* как любое административно-территориальное сообщество (край, область, город, район, где в соответствии с ситуацией в рамках регио-

нальных программ проектируются те или иные изменения).

Объектом преобразования могут также выступать:

- сферы жизнедеятельности человека (образовательная, производственная, досугово-рекреационная, туристско-экскурсионная, информационная);
- область социально-культурной жизни (например, художественная, культурно-досуговая и т. д.).

Еще одним важнейшим объектом приложения профессиональных технологий является *среда* — социально-культурная, социально-психологическая, маркетинговая.

В каждой профессии есть (или должна быть) группа системообразующих дисциплин, призванных объединить обозначенные выше уровни и сформировать базовые качества специалиста.

Попробуем проиллюстрировать этот тезис на примере профессий социально-гуманитарной сферы. В основе успешности деятельности специалиста социально-гуманитарной сферы, как представляется, лежит его *проектная способность*. Рекламная кампания, шоу-акция, PR-деятельность будут эффективными лишь в том случае, если в их основу будет положен замысел — предваряющий действие проект. Безусловно, каждая из этих профессий имеет свой предмет, цели, задачи и специфические средства их решения, но в своей сущности представляет собой разновидность проектной деятельности — ее исходным результатом должен стать проект, предназначенный для практической реализации. А потому уровень проектной культуры специалиста — весьма значимое условие его успешной профессиональной деятельности. Проектные качества и способности личности, ее умение конструировать собственные технологические подходы к решению задач в ситуации все возрастающей неопределенности будут полностью востребованы сегодняшним и завтрашним рынком труда.

Поиски в соответствующем направлении идут во многих вузах. Так, например, в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов в структуру предмета «Социально-культурные технологии» включен базовый раздел «Основы социально-культурного проектирования», который изначально создавался как концептуальная и системно-синергетическая дисциплина, стягивающая в единый методологический и тех-

нологический узел проблематику большинства социально ориентированных предметов — социальной педагогики, менеджмента, маркетинга, рекламы, PR и т. д. Стратегическая целевая установка этого предмета — показать единую проектную сущность всех технологий, которые составляют основу профессий социально-гуманитарного цикла. Образовательные задачи данной учебной дисциплины состоят в том, чтобы мировоззренчески и методически обеспечить будущих специалистов технологией инновационной деятельности, методами проектирования самых разных объектов культуры и социума; помочь овладеть методами анализа ситуации на том или ином участке проектирования и способами выработки оптимальных вариантов решений проблем⁴⁸. Он должен обеспечить мировоззренческую и методическую основу целого ряда профессий, границы компетенции которых лежат в социально-культурной, социально-педагогической и маркетинговой плоскости. В технологической плоскости идея предмета состояла в том, чтобы найти и описать универсальный алгоритм (схемы, технологии, способы) актуализации (выявления, понимания) и решения проблем, возникающих в различных сферах социально-культурной практики (такое знание еще называют *хорошо структурированным* — владеющий им субъект способен осуществить понятные ему и целесообразные операции при решении задач различного класса и уровня). В узком, технологическом плане социально-культурное проектирование (далее — СКП) — это технология создания нормативной модели ситуации и коммуникативных способов ее реализации, это производство в процессе социальной коммуникации способов решения значимых для субъекта (социальной группы, личности, общественного объединения, организации и т. д.) проблем.

Социально-ролевое развитие личности. Данный аспект личностного развития, с одной стороны, предполагает становление личности как субъекта социальных коммуникаций. С другой стороны, соответствующие личностные качества формируются только в процессе этой коммуникации. Поэтому последняя определяется

⁴⁸ См. Марков А.П., Бирженюк Г.М. Основы социально-культурного проектирования. Уч. пос. СПб., 1999.

как универсальный социокультурный «механизм» взаимодействия людей, обеспечивающий воспроизводство и развитие социокультурных норм, образцов и ролей. Она осуществляется в форме интенциональной целеобусловленной деятельности субъектов, осуществляемой ими в контексте проблемных жизненных ситуаций и обнаруживается на всех уровнях социокультурной организации общества⁴⁹.

Эффективное социальное взаимодействие (коммуникация) предполагает развитые формы производства, освоения и обмена знаниями, ценностями, нормами. Категория «социально-культурная коммуникация» как важнейший способ социальных связей между людьми обозначает особый вид мотивированной и целеобусловленной активности, направленной на обмен идеями, знанием и опытом, нормативными ценностными образцами деятельности и поведения, пронизывающими все стороны жизни человека и общества. Социальная коммуникация носит знаковый характер. Знак — это квазиобъект, «материализованная фигура сознания», которая выступая в качестве (в функции) заместителя реального объекта (т. е. представляя другой объект в процессе общения), задает программу деятельности и поведения его истолкователю. Знак коммуникативен по функции, а значит и по исходному определению. Вводя элементарные знаки в те или иные связи, человек формирует знаки более высокого порядка. Включая разные по сложности знаки в многоступенчатые информационные связи, человек порождает мотивированное и целостное содержательно-смысловое образование — культурный объект, который одновременно является единицей общения. В нем запечатлевается образ коммуникативно-познавательных намерений, а значит, и программа по их осмыслению. Иерархическая коммуникативная единица, при порождении которой кристаллизуется внутренняя потребность субъекта в реализации того или иного коммуникативно-познавательного намерения, называется «текстом» (общением), а ее конструирование и интерпретация — «текстовой деятельностью». Не сводимая к речевому поведению, текстовая деятельность предполагает «пред-

⁴⁹ Дридзе Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // ОНС. 1996. № 3. С. 145 – 152.

мечивание» в актах общения специфичного тяготения социального субъекта к диалогу и партнеру, его способности к пониманию проблемной жизненной ситуации другого субъекта. Лишь на базе такого понимания возможен смысловой контакт», когда благодаря адекватному истолкованию коммуникативных замыслов при обмене действиями порождения и интерпретации текстов возникает эффект диалога — смысловой контакт, основанный на способности партнеров к адекватному истолкованию коммуникативных намерений⁵⁰.

В лингвосоциопсихологической плоскости коммуникация представляет собой обмен действиями порождения и интерпретации смыслов. Здесь она рассматривается как взаимодополняющий коммуникативно-познавательный процесс, который либо сопутствует материально-практической деятельности, либо оказывается самостоятельной деятельностью (с собственным мотивом, продуктом и результатом).

Коммуникация, протекающая в форме межличностного общения, является не только условием социального бытия человека, но и важнейшей составляющей целого ряда профессий (менеджмент, маркетинг, искусство и т. д.). Поэтому освоение техники успешного социального взаимодействия (и соответствующие личностные качества) необходимо рассматривать в качестве одной из задач образовательной деятельности.

Высшей формой коммуникации является диалог, который предполагает многоуровневый контакт субъектов (смысловой, духовно-нравственный, эмоционально-психологический), совпадение «смысловых фокусов» порождаемого и интерпретируемого текста и сопровождается синергетическим эффектом смыслообразования. Это, в свою очередь, зависит от адекватной ситуационной идентификации субъектов диалога. Доминантой коммуникативной ситуации становится событие как совокупность значимых для личностей явлений, событий, фактов, ценностей и т. д.

Следовательно, в рамках образовательных институтов необходимо сформировать такое поколение специалистов, для которых совесть, ответственность и призва-

⁵⁰ Дригзе Т.М., Орлова Э.А. Основы социокультурного проектирования. М., 1995. С. 87.

ние станут важнейшей частью их профессиональной культуры и личностного мировоззрения. Эту задачу можно решить лишь в том случае, если образовательный процесс будет ориентироваться на основательную гуманитарную подготовку специалистов, основываться на понимании изначальной генезисной слитности культуры, образования и воспитания. Учитывая обусловленность любых социальных технологий ценностно-нормативным содержанием, образование должно формировать образ личности специалиста как органичного носителя ценностей отечественной культуры.

3.3. Физическое развитие личности

Развитие физической культуры — важнейшая предпосылка реализации потенциала человека и общества. В этой связи проблемы физического образования и воспитания приобретают в последнее время особую актуальность. По определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), здоровье — это не только отсутствие болезней, а ощущение полного физического психического и социального благополучия. Сегодня здоровье, активное долголетие рассматриваются, с одной стороны, как ключевые условия оптимальной жизнедеятельности субъекта, с другой — как ведущие критерии социального прогресса и гуманизации общества.

Объективная тенденция изменения характера, содержания и интенсивности проявления личности в основных сферах ее жизнедеятельности требует максимального развития всей совокупности человеческих сил и способностей: физических, эмоциональных, психических, интеллектуальных⁵¹. Освоение человеком комплекса цен-

⁵¹ Глотов Н.К. Роль физической культуры в трудовом и духовном воспитании личности // Известия Воронежского пед. института. Вопросы коммунистического воспитания. Вып. 2. Воронеж, 1966. С. 78 — 89; Субетто А.И. Закон роста идеальной детерминации в истории и философии образования // Первая научная сессия отделения образования Петровской Академии наук и искусств. Образование: будущее России и человечества: Сб. науч. тр. СПб., 1993. С. 9 — 13; Галкин Ю.П. Проблемы физической рекреации и неспециального физкультурного образования работников промышленного производства: Автореф. дисс. д-р пед. наук. СПб., 1997.

ностей и технологий физической культуры все чаще рассматривается в качестве мощного стимула самоопределения и самореализации человека в современном мире. Исследования показывают, что существует тесная связь между уровнем физкультурно-спортивной деятельности и жизненной активности личности⁵². Молодые люди, регулярно занимающиеся физической культурой и спортом, более дисциплинированы, серьезнее относятся к учебе, большинство из них включены в жизнь школьного, вузовского или рабочего коллектива. В среде наиболее видных политиков современного российского истеблишмента преобладают люди, имеющие спортивный характер и достаточно высокую физическую подготовленность. Многие из них прошли школу спорта. Благодаря физической культуре человек развивает свои двигательные возможности, которые позволяют ему включаться в трудовые процессы, все более усложняющиеся с точки зрения силы, сложности, координированности.

Развитые телесные действия позволяют человеку совершать сложные действия, скоординированные с действиями других людей, и нередко становятся искусством.

О значимости физической культуры свидетельствует также возросший исследовательский интерес к соответствующей проблематике. Физическая культура переживает сегодня качественно новую стадию осмысления ее сущности, функций, структурных компонентов, связей с потребностями общества и человека.

Однако по мере увеличения количества и углубления проблематики исследований в области физической культуры все более заметным становятся две тенденции.

В соответствии с первой из них можно зафиксировать недостаточное внимание к физической культуре, ее невысокий рейтинг в системе ценностей современного человека. Пока еще на крайне низком уровне она функционирует в основных сферах жизнедеятельности человека и общества — образовании, труде, досуге, не давая ему запаса «прочности» в виде здоровья, функциональ-

⁵² Бальсевич В.К., Лубышева Л.И. Физическая культура: молодежь и современность // Теория и практика физич. культуры. 1995. № 4. С. 2–7.

ной подготовленности, психической устойчивости и эмоциональной удовлетворенности⁵³. Более того, в последние десятилетия происходила все большая девальвация ценности физической культуры, о чем свидетельствует отсутствие в общественном сознании культурно значимого социального статуса и престижа физического имиджа человека и своеобразный «соматический негативизм», который проявляется в равнодушии к собственному физическому здоровью, недоверии к телесному опыту и «голосу тела»⁵⁴. Большинство социальных групп, и особенно значительная часть молодежи, крайне слабо заинтересованы в культивировании своих телесных, двигательных качеств. Следствием этого является снижение общих показателей здоровья общества, рост (особенно в молодежной среде) девиантных форм поведения, разрушающих человеческий организм.

В 2001 г. на общем собрании Академии медицинских наук (РАМН) обсуждались проблемы здоровья населения. Отмечалось, что начиная с 1994 г. численность взрослого населения России сократилась на 2 млн человек, детского — 6 млн. За последние 10 лет уровень смертности всего населения вырос на 31,8 %, а трудоспособного — на 38,5 %. Средняя продолжительность жизни российских мужчин — 59 лет, женщин — 72 года. На заседании РАМН отмечалось, что причина сокращения средней продолжительности жизни — в высокой смертности населения трудоспособного возраста. Начиная с 1997 г. резко возросла также смертность среди девушек и молодых женщин. За последние 15 лет число подростков, взятых на учет с диагнозом «наркомания», увеличилось в 15 раз, а смертность среди них возросла в 42 раза⁵⁵. Совершенно очевидно, что

⁵³ Николаев Ю.М. Реализация культурологического аспекта в системе физкультурного образования // Физическая культура и спорт в современной жизни: Материалы III Всерос. науч. практ. конф. Воронеж, 1994. С. 35–36; О системе социальных функций физической культуры // Физическая культура студентов: физ. воспитание, спорт, активный досуг: Материалы Республ. науч.-метод. семинара. СПб., 1996. С. 25–27.

⁵⁴ Александрова Е.Я., Быховская И.М. Культурологические опыты. М., 1996. С. 48.

⁵⁵ Родионова И. Демографическая дыра // Общая газета. 2001, 1–7 марта. № 9. С. 11.

эти негативные тенденции отчасти обусловлены низкой физической культурой населения.

Вторая тенденция находит выражение в чрезмерной «соматизации» человека, возведении в культ его телесности, которая сама по себе не имеет прямого отношения к подлинным ценностям физической культуры. В данном случае телесно-физические характеристики человека абсолютизируются и выносятся за рамки нормальной культурной социализации. В результате разрушается то единство человеческого бытия (суть которого древние римляне выразили афоризмом «В здоровом теле — здоровый дух»), формируется одномерная личность, неспособная к раскрытию своего потенциала, отпущенного природой и предоставленного обществом.

Обобщение результатов накопленных исследований показывает, что сегодня в системе физического образования и воспитания сложилось противоречие между научно-технологическим и теоретическим потенциалом физической культуры и уровнем его освоения в рамках образовательного и воспитательного процесса. Это несоответствие обусловлено прежде всего узостью учебной проблематики, ориентацией на технологическую сторону физической культуры и отсутствием условий для освоения ее духовно-ценностного, интеллектуального богатства.

Одна из наиболее тревожных проблем сегодняшней социокультурной реальности — неспособность современного человека, и прежде всего молодежи, адаптироваться к изменившимся условиям жизни. На том же заседании РАМН ученые, опираясь на данные конкретных исследований, напрямую связали повышение смертности трудоспособного населения с общественно-политической ситуацией в стране. Резкий подъем смертности зафиксирован после политического кризиса, обусловленного расстрелом Российского парламента в 1993 г., финансового кризиса 1998 г. и т. д. По мнению ученых-медиков, помимо стресса на здоровье людей оказывает влияние механизм, который называется «нарушение динамического стереотипа высшей нервной деятельности», который ответственен за обеспечение стабильного состояния организма. Общественные катаклизмы вызывают сбой этого ме-

ханизма, что влечет за собой множество самых различных заболеваний⁵⁶.

Физическое состояние, уровень физической подготовленности молодежи не позволяют ей эффективно противостоять неблагоприятным условиям внешней среды и трудностям, связанным с изменениями социально-политического и экономического устройства общества.

К сожалению, сложившаяся система физического образования и воспитания не способна решать обозначенные выше проблемы. Более того, как показывают исследования, уровень психофизической культуры молодежи за время обучения в вузе снижается, что обусловлено, с одной стороны, резким ростом информационных и эмоциональных нагрузок, приводящих к значительному ухудшению психического самочувствия человека, повышенной тревожности, отчужденности, с другой — слабой технологической оснащенностью человека, позволяющей ему преодолевать стрессовые ситуации.

Таким образом, физическая культура на личностном уровне — это потребность и способность человека к максимальной самореализации на основе использования средств, отпущенных природой и преобразованных в соответствии с культурной целесообразностью. Физическая культура личности — это совокупность ценностей, потребностей, мотивов и форм жизнедеятельности человека по реализации его сущностных сил и способностей. Соответствующая этим ценностям деятельность направлена прежде всего на формирование и развитие телесного начала в человеке⁵⁷. Ее объектом является человеческая телесность, которая подлежит «культивированию». «Телесность» — это преобразованное, «очеловеченное» состояние человеческого тела, единство природного, социального и культурного. Физическая культура объективно включает человека со всей его *телесностью* в контекст социально-культурного развития общества, независимо от сте-

⁵⁶ Родионова И. Демографическая дыра // Общая газета. 2001, 1–7 марта. № 9. С. 11.

⁵⁷ Александрова Е.Я., Быховская И.М. Культурологические опыты. М., 1996. С. 46.

пени осознанности этого факта. Без подлинно ценностного отношения к телу развитие физической культуры будет односторонним. Человеческая телесность как цель физического воспитания в культурологическом контексте должна рассматриваться как важнейшая форма воплощения внутреннего мира человека, условие раскрытия его потенциала, способ межличностной коммуникации. Эта проблема особенно актуальна для студенческой молодежи, которой придется жить и работать в мире, требующем максимальной отдачи и высочайшего напряжения как духовных, интеллектуальных, так и физических сил.

Подводя итоги данному разделу, отметим следующее.

Философия позволяет осмыслить сущность образования как феномена, выделить его кардинальные цели и ценности, увидеть его место в системе жизнедеятельности общественного организма.

Образовательные системы, обладающие внутренней сущностью и имеющие логику саморазвития, функционально и содержательно обусловлены макрофакторами (типом культуры, религиозной системой, стадией формационного развития общества, господствующей идеологией). В этой связи формирование целостного представления о феномене образования (его генезисе, динамике) предполагает изучение как педагогических теорий и воспитательных практик, так и совокупности цивилизационных и формационных факторов.

В основе педагогических концепций и воспитательных практик лежит этический идеал, который формируется определенной культурой и концентрирует в себе ее представление о наиболее сущностных ценностных основаниях бытия и способах их воплощения. Следовательно, историю педагогики можно представить как циклический процесс возникновения, утверждения, кризиса и смены доминирующего идеала, который зарождается в недрах культуры и получает оформленные в этических и философско-антропологических системах. В философско-антропологическом ракурсе идеал можно рассматривать как определенное сочетание трех компонентов феномена «человек»: *духовного, социального и физического*. В онтологическом плане эти

компоненты, во-первых, предстают в виде соответствующих групп качеств человека, формирующихся за счет освоения и преобразования элементов культуры, социума, природы; во-вторых, они же с точки зрения образовательной теории и практики выступают основными *стратегиями развития* (которые должны быть обеспечены многоуровневым педагогическим комплексом ценностей, целей, знаний, методов, ресурсов): *духовного* (предполагающего формирование ценностно-нормативной, когнитивной и деятельностной сфер человеческой субъективности); *социального* (развитие личности как субъекта социальных отношений и профессиональной деятельности); *физического*. Иерархия, содержательное наполнение, ценностная и инструментальная оснащенность этих стратегий задаются как типом культурной системы, так и конкретной исторической ситуацией. При этом доминирование одной из стратегий оказывает влияние на специфику культуры, определяя область высочайших ее достижений.

Наиболее продуктивным способом концептуализации социально-гуманитарного знания (в том числе и педагогического) является антропологический подход, который переносит акцент с исследования собственно педагогических феноменов на человека как субъекта культуры, воплощающего ее высшие устремления и достижения. В контексте образовательных систем этот субъект рассматривается как формирующаяся и формируемая личность, вектор устремлений которой задается общественным идеалом. При этом образовательная система обеспечивает условия личностного становления и развития в направлении нормы.

Образование сущностно связано с системой научного знания конкретной эпохи и, прежде всего, с его доминирующим методом, который оформляется в рамках философской системы и как модель мира, и как и метод его познания. В этой связи образование становится способом воспроизводства базового для культурной эпохи мировоззрения и метода миропознания — в определенном соотношении его естественно-научной и гуманитарной составляющих. Динамика и доминирование одной из этих мировоззренческих и эпистемологических технологий обусловлены общесцивилизационными проблемами (кризисами), а разрешение

(оптимизация) происходит как в области философского дискурса, так и в сфере образовательной практики.

Образовательные аспекты в системе педагогической деятельности являются определяющими. Образование в его сущностном плане представляет собой процесс «сборки» духовного мира личности путем активной и деятельной проекции формирующихся качеств (элементов) на внешний персонифицированный образ, который интериоризируется и становится своеобразной «духовной доминантой», объединяющей и подчиняющей все составляющие внутреннего мира личности. Следовательно, целью образовательной деятельности является формирование *образа личности*, максимально полно выражающего (собирающего, востребующего) потенциалы человека.

Важнейшими механизмами образовательной деятельности являются психокультурные закономерности, обуславливающие содержание и успешность процесса личностного становления. Этот концептуально важный ракурс анализа позволяет рассмотреть образование: во-первых, как деятельную проекцию среды (социально-психологической, духовно-нравственной), в которой личность обнаруживает проекции своего «я» — как специфические формы «инобытия», дополняющие человеческую экзистенцию и оформляющие ее образ; во-вторых, как процесс формирования образа личности «по подобию» со значимыми для нее объектами; в-третьих, как «модель мира», в концентрированном виде отражающая реальное бытие в его целостности и всеобщей взаимосвязи.

Смена содержания и функций образования, его модели определяются динамикой культурных эпох и конкретной исторической ситуацией. Сегодня формируется новый тип культуры, вбирающий в себя достижения всех предшествующих культурных эпох, каждая из которых обогатила историю мировой культуры уникальным опытом. Однако она не имеет пока адекватной системы образования, что обуславливает интенсивные поиски оптимальной модели образования, соответствующей складывающемуся типу культуры и отвечающей актуальным запросам современной цивилизации.

Важнейшим мировоззренческим, методологическим условием корректировки образовательных моделей яв-

ляется идея единства и взаимодополняемости образования и культуры, трактовка образования как формы трансляции культуры и реализации ее креативного потенциала, а культуры, в свою очередь, как важнейшего условия развития личности и совершенствования образовательного процесса. Образование в этой связи рассматривается как социокультурная система, обеспечивающая культурную преемственность (трансляцию культурных норм, ценностей, идей) и развитие человеческой индивидуальности как способ подготовки человека к успешному существованию в социуме и культуре.

Учитывая существенный образовательный потенциал культурной деятельности, стратегическим направлением поиска условий эффективности гуманитарного образования должна стать культуросцентристская парадигма. Ее концептуальное и мировоззренческое ядро составляет понимание образования как специфического способа *преобразования* природных задатков и возможностей человека, где важнейшую роль играет не столько технологический момент, сколько специфика самого материала, его историко-культурная глубина и духовная универсальность. Из этого следует особая функция в педагогическом процессе духовно-нравственных референтов; учет в оптимизации воспитательной деятельности характера социально-культурного контекста (как исторически развивающейся культуры); опора на общественный идеал, который выражает «духовную вертикаль» культуры и определяет неизбежность и вектор духовных усилий человека как творца и творения культуры.

На институциональном уровне (в деятельности конкретного образовательного учреждения) существенным теоретическим и мировоззренческим ресурсом оптимизации культурно-образовательного пространства выступает культурно-историческая концепция развития личности, в рамках которой успешность социализации и индивидуализации определяется социально-культурным контекстом, влиянием исторически развивающейся культуры, а человек рассматривается как объективированная и превращенная форма культуругенеза.

В онтологическом плане стратегической целью образовательной деятельности является формирование образа личности, максимально полно выражающего

нравственный идеал эпохи и востребующего потенциала человека. Обучение, ориентированное на передачу знаний и освоение технологий, эффективно лишь в той мере, в какой в человеке пробуждается духовность. Образование в онтологической плоскости можно рассматривать как процесс и результат взаимодействия субъекта и среды, в которой личность обнаруживает проекции своего «я» (формы своего «инобытия»), дополняющие оформляющие ее образ; как концентрированное отражение («проживание») реального бытия в его целостности и всеобщей взаимосвязи.

В социально-культурном контексте образование функционально и содержательно обусловлено спецификой культуры, оно неразрывно связано с системой научного знания конкретной эпохи, всегда было способом воспроизводства базового для культурной эпохи мировоззрения. Это утверждение тем более верно по отношению к гуманитарному образованию, основу содержания которого составляет отечественная культура. Поэтому важнейшим принципом корректировки образовательных моделей является идея единства и взаимодополняемости образования и культуры, понимание образования как формы трансляции культуры и реализации ее креативного потенциала, а культуры, в свою очередь, как важнейшего ресурса развития человеческой индивидуальности.

С точки зрения *общественных потребностей* образование — это способ формирования будущей нации. Оно является не только решающим фактором экономического процветания, но и основой духовной безопасности человека и общества. Основной итог образования в его качественной плоскости — образованность как определенная совокупность социальных и культурных свойств субъекта (личности, группы, общества в целом), степень освоения им социально-исторического опыта. Вот почему обществу, и особенно в эпоху его неблагополучия, нужно, как точно и ответственно писал академик Н. Моисеев, «жертвовать последним, но сохранить интеллект нации, ее образованность... Высокая культура народа — залог будущего процветания, залог того, что он сможет однажды подняться с колен, даже в самых трудных природных условиях создать благоприятные условия существования».

ФИЛОСОФСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

Психологию традиционно принято определять как науку о закономерностях развития и функционирования психики¹. И хотя данное определение на первый взгляд может показаться проясняющим суть психологической науки, на самом деле оно всего лишь превращает вопрос «Что такое психология?» в вопрос «Что такое психика?». В ответах на этот последний вопрос среди психологов наблюдается большое разнообразие мнений, которые скорее дополняют друг друга, чем противоречат одно другому. Таким образом, психология на современном этапе своего развития характеризуется отсутствием единого представления о том, что составляет ее предмет и, следовательно, каким должен быть метод (методы) его изучения. Такая ситуация позволяет говорить об отсутствии в современной психологии единой парадигмы^{2,3}.

Для психологии, науки сравнительно молодой, актуальными и активно обсуждаемыми являются следующие фундаментальные проблемы: а) определение

¹ *Психологический словарь* / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Меццарькова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Педагогика-Пресс, 1996. С. 304–306.

² *Кун Т. Структура научных революций* / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1975.

³ *Гримен Х. Теория научных революций Томаса Куна* // *Теория и методы в социальных науках* / Под ред. С. Ларсена. Пер. с англ. МГИМО; Российская политическая энциклопедия, 2004. С. 39–57.

изучаемой реальности (проблема объекта); б) выявление психологической специфики исследуемого объекта (проблема предмета); в) разработка специальных процедур исследования (проблема метода).

Однако самоопределение науки, как известно, не ограничивается только фундаментальными проблемами. Развитие научного психологического знания предполагает также решение ряда институциональных проблем, например, определение места психологии среди других наук: установление, с одной стороны, ее специфики и автономности, а с другой — областей взаимодействия с другими науками; выявление источников, носителей и форм передачи психологического знания; выделение критериев различия научного и обыденного или житейского психологического знания.

Неоднородность психологического знания требует также обсуждения вопроса об отдельных отраслях психологии. Многие отрасли психологии имеют своей целью не теоретическое описание психики, а приложение этих знаний для решения практических поведенческих задач. В соответствии с этой целью они проводят поиск нового знания.

Наконец, как и любая другая наука, психология обладает общекультурной ценностью, внося свой вклад в развитие культуры. Многие проблемы психологического исследования, например, развитие личности, имеют непосредственное отношение к вопросам ценностных ориентиров жизни человека. Оценка общекультурного значения составляет необходимое условие развития психологии как науки.

1. История возникновения психологии как самостоятельной науки

Интерес человека к изучению психики ведет свою историю с древних времен, где он проявлялся главным образом в рамках развития представлений о душе. Душа человека была предметом обсуждений, которые с давних пор проводились прежде всего в рамках философии. И эти многовековые дискуссии о природе и предназначении души оказали значительное влияние

на развитие психологического знания. Аристотель (384 – 322 до н. э.) осуществил первое систематическое изложение учения о душе человека, что дает основание считать его отцом психологии. Один из его трактатов так и называется — «О душе». Вместе с тем психология как самостоятельная частная наука является весьма молодой, так как ведет свою историю со второй половины XIX в. Немецкий психолог Герман Эббингауз (1850 – 1909) заметил по этому поводу, что у психологии большое прошлое, но короткая история.

В истории донаучного развития психологии выделяют ряд этапов, время, содержание и итоги которых представлены в виде таблицы 1⁴.

Таблица 1

Этапы донаучного развития психологии

Время	Содержание этапа	Итоги этапа
Развитие психологии в рамках философии		
VI в. до н. э. – V в. н. э.	Возникновение первых представлений о психике и их начальное развитие	Формирование первых эмпирических знаний о психических процессах — ощущении, восприятии, памяти, воображении, мышлении, аффектах, воле; выделение проблемы соотношения души и тела
V–VIII вв.	Развитие учения о душе в рамках философских учений и на базе медицинских знаний	Начало опытной методологии исследования
XIV–XVI вв.	Дальнейшее развитие учения о душе в контексте развития анатомио-физиологических знаний и великих открытий XIV–XVI вв.	Отказ от понимания души как объекта исследования и объяснительного принципа телесных и психических явлений; введение термина «психология»
XVII — середина XIX в.	Выделение сознания в качестве предмета исследования и формирование теоретических основ психологии	Формирование эмпирической, интроспективной и ассоциативной психологии; возникновение психофизической проблемы; представление о бессознательной психике

Возникновение психологии как самостоятельной науки было предопределено работами разных исследователей. Немецкий физиолог и анатом Эрнст Вебер (1795 – 1878), измеряя минимальную величину различия между двумя стимулами, вызывающую субъективное ощущение различия, обнаружил, что отношение минимального прироста величины стимула, вызывающего ощущение различия, к исходной величине стимула, является постоянным для ощущений определенной модальности (зрения, слуха, осязания и др.). Так, для ощущения веса это постоянное отношение равняется примерно $1/30$, т. е. груз в 31 г воспринимается отличающимся от груза в 30 г, груз в 62 г — от груза в 60 г и т. д. Впоследствии это постоянное по величине отношение было названо законом Вебера.

Последователем Э. Вебера был немецкий философ и психолог Густав Фехнер (1801 – 1887). Г. Фехнер назвал свои исследования «психофизикой», понимая под этим связь души и тела. На основе закона Вебера он вывел формулу, описывающую соотношение интенсивности воздействующего на орган чувств стимула и величины вызываемого этим стимулом ощущения. В соответствии с этой формулой, получившей впоследствии название закона Фехнера, величина ощущения пропорциональна логарифму интенсивности стимула.

Идеи Г. Фехнера вдохновили на занятия экспериментальной психологией немецкого психолога Германа Эббингауза (1850 – 1909), который избрал в качестве предмета своих исследований память. В качестве запоминаемого материала он использовал бессмысленные слоги, чтобы минимизировать влияние предшествующего знания; испытуемым в его исследованиях был он сам. Одним из наиболее важных результатов его исследований стал тот факт, что забывание заученного материала происходит быстро на начальном этапе, а затем этот процесс замедляется. Он обнаружил, что для повторного заучивания материала, проводящегося спустя некоторое время после первоначального заучивания, обычно требуется меньшее количество повторений, чем для первоначального заучивания, что свидетельствует о сохранении материала в памяти. К признанным заслугам Г. Эббингауза относится внедрение ме-

тодов статистического анализа в психологию. В то же время он подвергся критике за использование бессмысленного стимульного материала, а также за то, что способствовал использованию в психологии механистических методов, заимствованных из физических наук и не всегда адекватных для психологических исследований. Работы Г. Эббингауза оказали большое влияние на последующие исследования в области психологии памяти.

Центральной фигурой в формировании экспериментальной психологии стал немецкий психолог Вильгельм Вундт (1832 – 1920). Опыт исследований в физиологической лаборатории Германа Гельмгольца (1821 – 1894) оказал влияние на его стремление использовать методы физиологии для исследования психики. В. Вундт обозначил область своей деятельности как «физиологическую психологию». Это относилось только к используемым им методам и не предполагало, что психология может быть сведена к физиологии. Фактически В. Вундт отрицал возможность такого сведения, поскольку считал, что изучает нередуцируемое «сознание»⁵. Использование В. Вундтом термина «сознание» вместо термина «душа» связано со сложившейся уже в философии Нового времени традицией рассмотрения внутреннего опыта, представленного человеку непосредственно при наблюдении за собою. Эта традиция связана с именем французского философа Рене Декарта (1596 – 1650), которому, как известно, принадлежит утверждение: «Мыслю, следовательно, существую» (*Cogito ergo sum*). При этом под мышлением Р. Декарт подразумевал всю совокупность внутреннего опыта: идеи, образы, чувства, желания. Опираясь на идеи Р. Декарта, психология в XIX в. сделала предметом своего изучения сознание. Процессы сознания, как и физические процессы, по мнению В. Вундта, подчиняются законам причинности, и, следовательно, экспериментальные процедуры должны раскрыть механизмы этих процессов. Так как содержание и процессы сознания непосредственно открыты самому субъекту и недоступны внешнему наблюдателю,

то изучать их можно только с помощью самонаблюдения или интроспекции (от лат. *intro spectio* — смотрю внутрь). Основания метода интроспекции можно обнаружить еще в работах английского философа Джона Локка (1632 – 1704), который считал, что существуют два источника всех знаний человека: 1) ощущения, получаемые от органов чувств, восприятия, желания и 2) наблюдение ума за собственной деятельностью (рефлексия). Первый из этих источников есть у любого человека, даже у ребенка, тогда как второй требует специальной организации и подготовки. Таким образом, при специально организованной деятельности возможно «раздвоение» сознания на наблюдаемую и наблюдающую части. Позднее возможность такого раздвоения неоднократно подвергалась сомнению и служила предметом критических замечаний.

Хотя экспериментальные исследования В. Вундта были посвящены преимущественно процессам восприятия, внимания и определению времени реакции, он написал также десятитомную работу «Психология народов», в которой рассматриваются мифология, язык, искусство и религия⁶. Эти объекты исследования, утверждал он, находятся за рамками применения экспериментального метода. Лишь исторический анализ может выявить эволюцию высших психических процессов на различных стадиях развития культуры.

Момент рождения психологии как самостоятельной науки связывается историками науки с созданием В. Вундтом первой в мире психологической лаборатории в Лейпцигском университете. Это событие, произошедшее в 1879 г., способствовало открытию многих других центров психологической науки, появлению первых научных психологических журналов и проведению первых конференций и симпозиумов. Студенты со всей Европы и из Северной Америки приезжали учиться у В. Вундта, чтобы затем, возвратившись на родину, основать психологические лаборатории и продолжить работу в различных областях психологии. Стремление В. Вундта создать самостоя-

⁶ Вундт В. Психология народов. М.: ЭКСМО, 2002. 864 с.

тельную и экспериментальную психологию нашло отклик у многих ученых. Первая в России лаборатория экспериментальной психологии была открыта известным физиологом, неврологом и психиатром Владимиром Михайловичем Бехтеревым (1857 – 1927) при клинике Казанского университета в 1885 г. Первый в России институт экспериментальной психологии был открыт при Московском университете философом и психологом Георгием Ивановичем Челпановым (1862 – 1936) в 1914 г. Г.И. Челпанов специально ездил в Германию к В. Вундту, чтобы познакомиться с опытом организации и работы его лаборатории. Примечательно, что это был первый в Европе институт, здание которого было построено специально для размещения в нем института экспериментальной психологии.

Один из наиболее близких учеников В. Вундта, немецкий философ и психолог Освальд Кюльпе (1862 – 1915), основал экспериментальную лабораторию в университете Вюрцбурга, где планировал проводить эксперименты, связанные с мышлением, — областью, которую сам В. Вундт объявил недоступной экспериментальному методу. Несмотря на острую полемику, разгоревшуюся вокруг данного вопроса и результатов некоторых посвященных ему исследований, вюрцбургской школе удалось расширить предмет экспериментальной психологии за рамки содержания сознания и времени реакции. Было показано, что совершение мыслительного акта может происходить без возникновения в сознании образов. Это явление получило название безобразного мышления.

Другой ученик В. Вундта, американский психолог Эдвард Титченер (1867 – 1927), принял точку зрения, согласно которой законами разума являются законы объединения ощущений. В его исследовательскую программу входило использование экспериментальных процедур с целью обнаружения элементарных ощущений (*elementary sensations*), составляющих сознание. Поскольку Э. Титченер пытался выявить структуру сознания, он назвал свою систему структурализмом. Он использовал метод, в котором обучал своих испытуемых интроспекции собственного сознания и наблюдению «сырых» ощущений, не обремененных значениями и смыслами.

Психологи, испытавшие влияние представлений об атомистическом строении сознания, такие, как Э. Титченер, по большей части пытались редуцировать сознание к ощущениям, а также к физиологии нервной системы и мозга, которые, как они полагали, являлись источником ощущений. Поскольку структуралисты не смогли предъявить своим оппонентам однозначных результатов своих экспериментов, это привело к значительной дискредитации структурализма.

Помимо исследований Э. Титченера, развитие психологии сознания в США связано с именем американского психолога и философа, представителя прагматизма, Вильяма Джеймса (1842–1910). На его взгляды значительно повлияло учение об эволюции Чарльза Дарвина, и В. Джеймс считается основоположником направления в психологии, получившего название «функционализм». В. Джеймс подчеркивал, что психология должна заниматься функцией сознания, а не его структурой или содержанием⁷. Функция сознания заключается в том, чтобы обеспечить адаптацию индивидуума к среде. Сознание существует не в виде отдельных элементов, а представляет собой поток. Эта точка зрения отличалась от позиции структурализма, однако В. Джеймс продолжал придерживаться представления о содержаниях сознания как об основе воли и причине поведения. В. Джеймс считал, что повторение поведения порождает привычки. Поскольку привычки повышают точность и эффективность действий человека, они функциональны и выполняют роль огромных маховиков, благодаря которым жизнь общества движется в определенном русле. В. Джеймс изучал также эмоции, привычки, познавательные процессы, волю и религиозный опыт.

Американский психолог Джон Дьюи (1859–1952) добавил к предложенному В. Джеймсом понятию потока сознания понятие потока поведения. Он настаивал на том, что стимулы и реакции функционально связаны друг с другом и не являются отдельными сущностями: у ребенка, который обжегся пламенем свечи, развивается новая функциональная реакция на пламя, а

⁷ Джеймс У. Научные основы психологии. Минск: Харвест, 2003. 528 с.

ее значение изменяет функцию стимула с привлекающей на болевую. Американский психолог Джеймс Энджелл (1869–1949), ученик В. Джеймса и Д. Дьюи, сформулировал три принципа функциональной психологии: а) психический поток является частью более широкого биологического потока и служит связующим звеном (или посредником) между организмом и средой; б) сознание позволяет организму выжить, опосредствуя его взаимодействие со средой, и обеспечивает приспособление к новым условиям; и в) сознание и тело действуют как единое целое, обеспечивая выживание организма. Можно сказать, что психика является функцией организма, служащей для обеспечения адаптации к окружающей среде⁸.

Многочисленные критические замечания в адрес исследований сознания состояли в том, что эти исследования не обладают достаточной надежностью, так как не позволяют провести проверку получаемых данных другими учеными, ограничивают круг испытуемых только специально обученными методу интроспекции людьми и вообще не имеют никакого отношения к запросам со стороны практической деятельности учителей, врачей и других специалистов, для которых знание психологии оказывается особенно важным.

Хотя указанные недостатки сделали невозможным дальнейшее развитие психологии сознания, это направление оказало огромное влияние на становление других направлений психологии, что способствовало разработке представлений о предмете и методах психологии. Критические замечания о несводимости всей психики только к явлениям сознания способствовали развитию представлений о поведении как важном объекте психологического изучения, а также обратили внимание психологов на неосознаваемые психические процессы. Критика постулата элементаризма — необходимости изучения сложных явлений путем их разложения на простые, далее неделимые элементы, привела к возникновению нового направления, показавшего, что специфика многих психических процессов определяется именно их целостностью.

2. Развитие представлений о предмете и методе психологии

Известный русский ученый Иван Михайлович Сеченов (1829 – 1905) проводил эксперименты на животных и пришел к выводу о том, что мысль не служит причиной действия. Внешние стимулы могут приводить к возникновению как мысли, так и внешнего действия. Физиолог Иван Петрович Павлов (1857 – 1927) провел на собаках эксперименты по выработке условных рефлексов, которые привлекли внимание американского психолога Джона Уотсона (1878 – 1958). Д. Уотсон проявлял интерес к поведению животных и был знаком с исследованиями многих работавших в этой области ученых, которые также повлияли на его взгляды.

Американский исследователь Эдвард Торндайк (1874 – 1949), проводивший исследования по научению животных, пришел к заключению, что животным не свойственны рассуждения и установление связей между вещами. Они научаются путем проб и ошибок, когда в результате поведения получают вознаграждение или наказание. Сформулированный им закон упражнения гласит, что реакции усиливаются прямо пропорционально числу проб, в которых имела место связь стимула с реакцией.

Поскольку использование интроспективного метода при работе с животными невозможно, акцент неизбежно перемещается на поведение. В английском языке слову «поведение» соответствует слово «*behaviour*», поэтому основанное Д. Уотсоном направление получило название «бихевиоризм».

В своей первой программе, излагающей основные положения бихевиоризма, Д. Уотсон утверждал, что нет никакой необходимости делать сознание специальным предметом изучения⁹. То есть в бихевиоризме существование сознания не отрицается, но перестает быть предметом изучения. Д. Уотсон заявил, что он не смог обнаружить никаких свидетельств существования опи-

⁹ Уотсон Д. Психология с точки зрения бихевиориста // История психологии: Тексты / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. С. 79 – 96.

санного В. Джеймсом потока сознания, но что ему, однако, удалось обнаружить свидетельства существования потока поведения.

Д. Уотсон считал, что человек поддается изменению в неограниченных пределах благодаря научению. В качестве механизма процесса научения он принял представления о выработке условных рефлексов (обусловливании), предложенные И.П. Павловым. Психика — это лишь передаточный орган между стимулом и реакцией, «черный ящик». Д. Уотсон включил в поведение мышление и речь, рассматривая их как тонкие, едва различимые телесные действия. Д. Уотсон вел наступление на существовавшую в то время психологию по четырем главным направлениям, добиваясь:

- 1) замены интроспекции объективными методами исследования, прежде всего внешним наблюдением;
- 2) замещения содержаний сознания (ощущений, идей) поведением;
- 3) смещения акцента с объяснения на предсказание и контроль поведения;
- 4) признания точки зрения, что между животными и человеком не существует качественного различия, и что для исследования животных и человека могут использоваться одни и те же методы.

Д. Уотсон заимствовал из биологии термины «стимул» и «реакция». Стимул (или *S* от англ. «*Stimulus*») — это предварительное условие, вход, а реакция (или *R* от англ. «*Reaction*») — его следствие, выход. Таким образом, поведение следует рассматривать по схеме *S — R*. Такая модель основана на аналогии с биофизикой, в которой непосредственная стимуляция препарированной мышцы приводит к ее рефлекторному сокращению.

Сотрудник Калифорнийского университета Эдвард Толмен (1886 — 1959) попытался объяснить поведение, связанное с научением у крыс, тем, что у них формируется «когнитивная карта» лабиринта¹⁰. Когнитивная карта занимает промежуточное положение между сти-

¹⁰ Толмен Э. Когнитивные карты у крыс и у человека // История психологии: Тексты / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. С. 124 — 143.

мулом и реакцией, поэтому Э. Толмен ввел в схему $S-R$ «промежуточные переменные». Работы Э. Толмена положили начало развитию необихевиоризма.

Хотя бихевиоризм доминировал в американской психологии 1930–1950-х гг. как строгое и объективное направление исследования психики, в последующем позиции его последователей стали ослабляться. Бихевиористы обещали начать с объяснения простых форм поведения и научения у животных, и затем перейти к сложным, наблюдаемым у человека. К сожалению, обнаруженные ими механизмы научения у животных оказались:

- а) слишком сложными;
- б) не соответствующими реальным механизмам научения по отношению не только к человеку, но и к животным вследствие искусственности лабораторных условий;
- в) не обязательно применимыми к человеку.

Основной недостаток бихевиоризма, возможно, состоял в том, что он сделал психологию дисциплиной, окончательно отступившей перед лицом таких сложных видов поведения, как воображение, восприятие, внимание, чувства и другие основные формы человеческой активности¹¹.

Неспособность бихевиоризма выполнить свои обещания, наряду с возвращением интереса к изучению внутреннего опыта, представленного в сознании, явилась наиболее важным фактором, приведшим к тому, что на смену бихевиоризма пришла когнитивная (от англ. *cognition* — «познание») психология, тем не менее продолжившая развивать методологию бихевиоризма и сохранившая научение как один из предметов изучения. Когнитивная психология изучает память, восприятие, внимание, мышление, воображение и другие познавательные процессы не как поведение, а как психические процессы. Помимо бихевиоризма на возникновение и развитие когнитивной психологии большое влияние оказало направление психологии, известное под названием «гештальтпсихология».

¹¹ Kantor J.R. The Scientific Evolution of Psychology. 2 Volumes. Chicago: Principia, 1969.

Представители гештальтпсихологии — немецкие психологи Макс Вертгеймер (1880 — 1943), Курт Коффка (1886 — 1941), Вольфганг Келер (1887 — 1967) — утверждали, что содержания сознания следует изучать как целостные структуры, неразложимые на элементы (немецкое слово «*gestalt*» означает «целостная форма», «структура»). Примером такой целостной структуры является мелодия, которая при исполнении ее в разных тональностях имеет разные элементы (отдельные звуки), но при этом полностью сохраняется как целое. Врожденные механизмы восприятия способствуют объединению компонентов в целостную структуру по принципам пространственной близости и сходства. Решение задачи определяется возможностью определить место каждого компонента в целостной структуре.

3. Современные направления психологии

Современное состояние психологии характеризуется наличием в ней разных направлений и подходов, число которых слишком велико, чтобы можно было провести развернутое описание каждого из них. Поэтому приходится остановиться лишь на некоторых основных положениях наиболее распространенных подходов. Следует отметить, что обозначение этих подходов как современных является условным. Во-первых, они имеют уходящие в историю психологии основания, в том числе определенную преемственность с другими направлениями. Во-вторых, некоторые из подходов или областей исследований, такие, как бихевиоризм и психофизика, не являются лишь достоянием истории и продолжают активно развиваться сегодня.

3.1. Психоанализ

Хотя традиционно психоанализ ассоциируется с именем его основателя Зигмунда Фрейда (1856 — 1939), он распался на множество разновидностей, причем некоторые из них ушли очень далеко от системы взглядов самого З. Фрейда.

З. Фрейд был основоположником системы, включающей в себя одновременно и теорию личности, и ме-

тод психотерапии. З. Фрейд постулировал особую форму энергии в организме, названную им «либидо», своего рода сексуальное напряжение. Эта энергия проявляет себя преимущественно в «Оно» — компоненте психической структуры, обладающем значительной частью энергии либидо. «Оно» следует исключительно принципу удовольствия, стремясь к разрядке сексуального напряжения. Второй компонент психической структуры носит название «Я». «Я» регулирует поведение человека в соответствии с требованиями реальности и желаниями, исходящими от «Оно». Третий компонент психической структуры, «Сверх-Я», опирается на моральные ценности, существующие в социальном окружении, и подавляет тенденции поиска удовольствия, присущие «Оно». Эти три структуры находятся в состоянии взаимодействия, причем «Я» выполняет роль посредника между стремящимся к удовольствию «Оно» и подавляющим удовольствие «Сверх-Я». В раннем детстве главенствующая роль принадлежит «Оно», однако по мере развития ребенка «Я» приобретает все большую власть. «Я» подавляет неприемлемые влечения, исходящие от «Оно», как этого требует «Сверх-Я». Одна из целей психоаналитической терапии — привести все эти силы в состояние гармонии посредством своего рода диалектического процесса.

Энергия либидо также обеспечивает развитие человека в детском возрасте. Развитие состоит в последовательном прохождении нескольких стадий, при этом человек может зафиксироваться на определенной стадии, в результате чего у него могут возникнуть невротические симптомы. На самой ранней стадии развития младенец привязан к собственному телу, что ведет к «нарциссизму», или самовлюбленности. Контроль над энергией либидо постепенно переходит от «Оно» к «Я», которое направляет эту энергию на объекты.

Вследствие энергии либидо люди обладают сексуальными и агрессивными потребностями, которые проявляются независимо от социального окружения. Если окружение блокирует удовлетворение этих потребностей, возникают невротические симптомы. Все действия людей нацелены на разрядку энергии либи-

до. Если разрядка блокируется, возникают такие невротические симптомы, как депрессия, страх, тревога и сексуальные дисфункции. Желания и стремления человека, вызываемые энергией либидо и недоступные осознанию по причине их несоответствия принятым общественным нормам, можно выявить и исследовать с помощью метода свободных ассоциаций, когда человек предоставляет полную свободу своим мыслям и высказывает вслух все, о чем думает в данный момент времени. Эти высказывания подвергаются интерпретации психоаналитиком, который помогает человеку осознать собственные желания и стремления, в результате чего невротические симптомы исчезают.

Среди первых последователей З. Фрейда наиболее видное место занимали А. Адлер и К.Г. Юнг. Оба впоследствии порвали с З. Фрейдом и создали новые школы психоанализа. Альфред Адлер (1870 — 1937) видел в младенце не стремящееся к удовлетворению сексуальных влечений создание, а беспомощное существо, нуждающееся во всесторонней заботе со стороны более могущественных взрослых. Эта зависимость от взрослых вызывает у ребенка чувство неполноценности и порождает стремление к обретению власти и независимости. Воля к власти является, по мнению А. Адлера, движущей силой развития. Мужская сексуальность — это симптом стремления преодолеть женское доминирование. С другой стороны, женщины испытывают чувство неполноценности из-за своего приниженого положения в обществе. Сексуальные проблемы являются не причинами невротического поведения, а формами проявления невроза.

А. Адлер отвергал биологически предопределенные влечения, постулированные З. Фрейдом, заменив их социальными отношениями внутри семьи, прежде всего положением ребенка среди братьев и сестер. Конфликт, по мнению А. Адлера, возникает между индивидуумом и социальной средой, а не между инстинктивными силами внутри индивидуума. А. Адлер делал упор на веру человека в будущие возможности, часто нереалистичные, тем самым акцентируя внимание на будущем, в отличие от акцента З. Фрейда на прошлом. А. Адлер назвал свой подход индивидуальной психологией. Как метод терапии, он представлял собой раз-

новидность переобучения. Термин А. Адлера «комплекс неполноценности» получил широкое распространение.

В отличие от З. Фрейда, Карл Густав Юнг (1875 — 1961) утверждал, что за невротические состояния несет ответственность не только прошлое, но и настоящее, а также цели и намерения человека, направленные в будущее. По мнению К.Г. Юнга, «Я» полностью сознательно и вытесняет воспоминания в личное бессознательное. На более глубоком уровне находится коллективное бессознательное, которое содержит «архетипы». Это инстинкты, наследуемые всеми представителями вида или расы. Они проистекают из опыта предков и побуждают человека воспринимать мир и мыслить определенным образом. Эти архетипы также содержат символы, и К.Г. Юнг утверждал, что он обнаружил архетипы, изучая символы искусства и мифы различных культур и периодов истории. Среди архетипов он выделял следующие:

- а) «персону» — маску, которую человек демонстрирует другим людям;
- б) «аниму» — женскую сторону мужчины, и «анимус» — мужскую сторону женщины;
- в) «тень» — животный инстинкт, который берет начало в дочеловеческом периоде жизни и связан с животными влечениями;
- г) «самость», которая объединяет все части в единое существо. Самость проявляется только в зрелом возрасте и часто использует для своей объединяющей цели религию или мистический опыт.

К.Г. Юнг разделил людей по их направленности на себя или на окружающую действительность на «интровертов» и «экстравертов», и эти термины стали использоваться столь же широко, как «комплекс неполноценности» А. Адлера. Интроверсия и экстраверсия могут сочетаться в любых комбинациях с четырьмя функциями: интуицией, ощущением, чувством и мышлением. Это привело К.Г. Юнга к выделению типов личности, таких как интровертированный мыслитель-интуитивист — возможно, творчески одаренный ученый, который любит работать в одиночестве. В целом К.Г. Юнг придавал большое значение роли мифологии и искусства. Он считал, что невроз — это страдание

души, которая не находит заключенный в ней смысл, поэтому побуждал своих пациентов стремиться к божественному.

3.2. Гуманистическая психология

Гуманистические взгляды возникли в эпоху развития европейского Ренессанса в XIV в. Распространенным стало представление о том, что законы, искусство, правительства и даже традиции должны измеряться тем влиянием, которое они оказывают на людей. Люди должны быть свободны, чтобы они сами могли определять собственную жизнь, и эту сферу не может контролировать ни церковь, ни государство.

Позднее в США из литературного течения XIX в. развилось гуманистическое направление, получившее название *трансцендентального гуманизма*. Его представители считали, что источником наиболее глубоких истин служит интуиция, а не объективные свидетельства. Они выступали против рабства и любых форм догматизма.

Гуманистическая психология, берущая свое начало в 1950-х гг., официально заявила о себе в 1960-х, выступив одновременно против а) бихевиористской предпосылки, согласно которой человеческое поведение определяется внешними стимулами; и б) психоаналитической предпосылки, согласно которой человеческое поведение определяется силами бессознательного. Соответственно, данное направление назвало себя «третьей силой». Его сторонники хотели уйти как от механистического обусловливания поведения в бихевиоризме (в соответствии с которым человек предстает в качестве пассивного автомата, находящегося во власти внешних сил), так и от детерминистских инстинктов психоанализа (в котором темные силы «Оно» вступают в схватку со «Сверх-Я»). Они также хотели отойти от методологии исследований и статистических процедур, которые психология заимствовала у физических наук, считая, что при строгом контроле условий экспериментов и представлении их результатов в числовой форме упускается из вида наиболее важное из того, что касается сущности человеческой деятельности.

Согласно утверждениям гуманистических психологов, опыт и смысл, а не поведение должны в первую очередь изучаться психологией. Внешнее наблюдение, при котором игнорируются мышление и чувства, является неадекватным методом познания. Источниками данных о внутреннем мире могут послужить произведения искусства, литературное творчество, биографии и интервью. Каждый человек уникален. Изучение животных не может привести к пониманию людей, как не может сделать этого изучение условных и статистических данных. Люди, по мнению гуманистических психологов, совершают акты свободного выбора, а не направляются подкреплениями и бессознательными силами. Каждый совершающий выбор индивидуум наделен ответственностью за развитие системы ценностей, которая будет служить для него направляющей силой в достижении осмысленной и полноценной жизни. Это достижение они называли самореализацией, или самоактуализацией. Если традиционная психология озабочена методической строгостью планирования экспериментов, а не проблемами, стоящими перед людьми, то гуманистическая психология ставит в центр именно эти проблемы. Она упрекает традиционную психологию в том, что та теряет конкретного человека в массе статистических данных. Основным акцент должен быть перенесен на уникальность индивидуума, обладающего потенциалом познания самого себя и тем самым — познания других.

Основным выразителем этого протеста явился Абрахам Маслоу (1908 — 1970). Неудовлетворенность традиционной психологией, а также нежелание журналов, отражающих официальное психологическое направление, печатать его статьи, привели А. Маслоу к попыткам инициировать новое движение в психологии. Его усилиями была организована Американская ассоциация гуманистической психологии. Первый информационный бюллетень призывал присоединиться к движению всех тех, кто не согласен с взглядом на человека как на совокупность отдельных функций, с заимствованием психологией методов физики и с развитием клинической практики по образцу медицинской. Со временем из этого информационного бюллетеня

ня вырос «Журнал гуманистической психологии» (*Journal of Humanistic Psychology*).

Взгляды некоторых из основателей этой организации заслуживают особого внимания. Гордон Олпорт (1897 – 1967), занимавшийся психологией личности, начал сомневаться в приемлемости использования методов естественных наук в психологии, несмотря на то, что он сформулировал концепцию черт личности и разработал тесты для их объективного измерения. В середине 1940-х гг. его деятельность привела к отделению представителей клинической и социальной психологии, культурной антропологии и социологии, работающих в Гарвардском университете, и образованию нового факультета социальных отношений. Г. Олпорт подчеркивал значение роста или становления как направленного на достижение целей (такой предмет, как цели, в значительной степени игнорировался традиционной психологией)¹². Г. Олпорт утверждал, что психология придает основное значение групповым нормам и другим статистическим показателям (номотетическому) и в значительной степени упускает из вида индивидуальный опыт (идиографическое).

Недирективная, или клиент-центрированная, терапия, разработанная Карлом Роджерсом (1902 – 1987), оказала значительное влияние на психотерапию благодаря тому, что представляла собой радикальный отход от теории и практики психоанализа, позволяя индивиду самому определять путь к своему выздоровлению и наиболее полному выражению себя. При таком подходе психотерапевт принимает роль консультанта, а не руководящей инстанции, и предлагает клиенту свое принятие (его как личности), честность (открытость) и понимание, что позволяет клиенту устранить социальные преграды на пути собственного роста¹³. Именно клиент, а не терапевт, наделен интуицией, касающейся его собственного роста. Теория личности К. Роджерса предполагает наличие «феноменального поля», составляющего опыт всей жизни индивида. Одной из областей этого

¹² Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. М.: Смысл, 2002. 462 с.

¹³ Роджерс К. Искусство консультирования и терапии. М.: Апрель Пресс; ЭКСМО-Пресс, 2002. 976 с.

поля является «Я», включающее отношение к себе и другим людям и сформированные на основе этого отношения ценности. «Я» постоянно оценивает различные области феноменального поля и является наиболее здоровым тогда, когда находится в соответствии с «идеальным Я», т. е. когда «Я», каким оно хотело бы быть, максимально совпадает с тем, каково оно есть.

А. Маслоу не выступал против психоаналитической теории личности столь же резко, как К. Роджерс, однако он хотел внести в нее более светлую сторону. Он предложил теорию мотивации, получившую всеобщую известность и излагаемую во всех вводных курсах психологии, а также в литературе, посвященной темам мотивации и личности. В ней предлагается иерархия врожденных человеческих потребностей. Физиологические потребности, такие, как голод, жажда и секс, нуждаются в удовлетворении в первую очередь; затем следуют потребности в безопасности и защищенности; вслед за ними — потребность в любви и чувстве принадлежности; и, наконец, самоуважение — принятие и уважение своего «Я». Лишь после того, как эти потребности будут удовлетворены, высший потенциал человека может быть реализован — это и есть самоактуализация. Для одного индивидуума она может выражаться в области искусства, для другого — в науке, а для третьего — в покорении горных вершин. А. Маслоу считал, что самоактуализирующиеся люди являются наиболее здоровыми и что изучение ценностей этих людей может привести к формированию научно обоснованной универсальной этической системы. Она включала бы такие ценности, как истина, добро, красота, веселье, справедливость и радость. Те, кого можно назвать самоактуализирующимися, достигают вершинных, или «пиковых», переживаний, в которых они поднимаются над своим обычным уровнем бытия, обретают свои высшие способности, живя полноценной жизнью здесь и сейчас. Те, кому не удастся достичь самоактуализации, становятся невротичными и больными.

Согласно К. Роджерсу, достижение аутентичности — следования своему собственному пути, а не чужим указаниям, — должно являться целью каждого индивидуума. У каждого человека есть свое «истинное Я» или

его внутренняя сущность — это и есть аутентичность; она является уже полностью развитой и доступной ему. Потребность в саморазвитии при этом отпадает. Чтобы достичь аутентичности или самоактуализации, человек должен актуализировать свою личность, живя в согласии со своей внутренней сущностью. Это скорее вопрос раскрытия своего истинного «Я», чем его создания.

К. Роджерс считал, что гуманистическая психология оказала значительное влияние на американскую культуру, но лишь незначительное влияние на научную психологию. Он обнаружил, что во всей Америке нет ни одной докторской программы по данному направлению, одобренной Американской психологической ассоциацией. Методы исследования гуманистической психологии также оказали незначительное влияние на развитие психологической науки, поскольку психологи, прошедшие подготовку в области гуманистической психологии, как правило, становились практикующими психологами, а не выбирали академическую карьеру в крупнейших университетах.

Хотя представители гуманистической психологии достаточно определенно указывали на то, против чего они выступали, они были значительно менее конкретны в отношении провозглашаемых ими положений. Некоторые из таких положений были сформулированы Генри Мюрреем (1893 — 1988) в его основном докладе на конференции в Сэйбруке в 1964 г. Предметом изучения психологии должны стать:

- а) люди, а не животные;
- б) весь человек, рассматриваемый во всех его аспектах и как целостность;
- в) человек в контексте всей его жизни;
- г) внутренний, сокровенный человек как дополняющий внешнего человека до целостности;
- д) человек в естественном окружении, а не в лабораторных условиях;
- е) положительные характеристики, составляющие для человека счастье и радость жизни;
- ж) волевая активность;
- з) философия жизни, включая систему ценностей, рассматриваемую во времени.

Данное перечисление не отличается четкой последовательностью и не содержит общей структуры.

3.3 Когнитивная психология

Широкое распространение в первой половине XX в. бихевиоризма, который отрицал возможность и необходимость изучения сознания человека и всего того, что связано с его внутренним опытом, не могло не привести к возрождению интереса психологов к таким психическим процессам, как мышление, память и др. К тому же среди последователей бихевиоризма были ученые, считавшие схему «стимул—реакция» слишком узкой для объяснения поведения. Необихевиористы предложили поместить между стимулом и реакцией «промежуточные переменные», которые позволили бы учитывать влияние на поведение таких «умственных» структур, как когнитивные карты. К середине XX в. получила достаточное развитие теория связи, поэтому неудивительно, что именно в это время в качестве модели психических процессов начинает рассматриваться процесс переработки информации в техническом устройстве, например, в компьютере. Действительно, можно отметить некоторое сходство между психическими процессами человека и процессами обработки информации: и человек, и компьютер оперируют символами, принимают, обрабатывают, хранят и используют информацию. Поэтому вполне допустимо рассматривать психические процессы, с помощью которых осуществляется познание человеком действительности, по аналогии с работой компьютера. Так, в середине XX в. возникла когнитивная психология (от англ. *cognition* — познание). В когнитивной психологии стали интенсивно изучаться восприятие, научение, память, речь, мышление, внимание, воображение. Психика человека рассматривается как система переработки информации, состоящая из блоков, в каждом из которых происходит определенное преобразование информации, и связей между блоками. Кардинально изменив предмет изучения по сравнению с бихевиоризмом, когнитивная психология вместе с тем унаследовала от него методологию исследования: использование гипотетико-дедуктивного метода для построения теории, разработку строгих процедур проведения эксперимента, применение статистического аппарата для анализа количественных данных. Среди центральных положений когнитивной психологии необходимо отметить следующие:

- 1) интерес к раскрытию механизмов познания;
- 2) постулат о том, что в основе познания лежит оперирование символическими репрезентациями;
- 3) возможность описания таких репрезентаций и операций с ними в виде формул;
- 4) тесная связь познавательных процессов с процессами мозга.

Формализация психических процессов позволяет использовать в когнитивной психологии методы математического и компьютерного моделирования для построения моделей соответствующих процессов и последующей их проверки эмпирическими данными.

Во второй половине XX в. когнитивная психология приобрела доминирующее положение в психологии. Такое бурное развитие сопровождалось возникновением разногласий и критических замечаний как в рамках данного подхода, так и за его пределами. Фактически данный подход стал представлять собой не единую систему психологии, а целый ряд в различной степени согласующихся между собой концепций. Стала развиваться когнитивная наука (*cognitive science*) с характерным для нее междисциплинарным подходом, по отношению к которому когнитивная психология является лишь одним из компонентов наряду с другими науками, такими, как, например, нейрофизиология, лингвистика, антропология и компьютерные науки.

Среди известных представителей когнитивной психологии следует отметить лауреата Нобелевской премии Герберта Саймона (1916 – 2001), который отстаивал идею о том, что человеческое познание можно моделировать с помощью компьютера. Его подготовка в области общественно-политических наук способствовала развитию у него интереса к механизмам принятия решений в организациях. Совместно со своими коллегами он разработал компьютерные модели решения задач, распространив их позднее на восприятие, научение и формирование понятий. Последующие исследования принятия решений, с акцентом на механизмы их осуществления в ситуациях неопределенности, выполненные Дэниэлом Канеманом (род. в 1934 г.), нашли широкое признание научной обще-

ственности, и их автор был удостоен в 2002 г. Нобелевской премии.

Другой крупной фигурой когнитивной психологии является Ульрих Найссер (род. в 1928 г.). Книга У. Найсера «Когнитивная психология», вышедшая в 1967 г., представляла собой первое общее изложение системы когнитивной психологии, благодаря ей данное направление исследований стало именоваться когнитивной психологией.

4. Направления психологии в отечественной науке

4.1. Культурно-историческая теория

Культурно-историческая теория психики человека разрабатывалась Львом Семеновичем Выготским (1896 — 1934) на ранних этапах становления отечественной психологии (в конце 1920-х — начале 1930-х гг.)¹⁴. Л.С. Выготский показал, что у человека возникает особый вид психических функций, названных им «высшими психическими функциями», которые полностью отсутствуют у животных, обладающих только натуральными (предпо-

¹⁴ Л.С. Выготский по образованию не был психологом, он получил юридическое и филологическое образование. В психологию он пришел относительно поздно: первые научно-психологические работы Л.С. Выготского относятся к 1924 г., когда их автору было уже 28 лет. С 1924 до 1934 г. ему оставалось десять лет жизни, и все то, что он сделал в психологии, пришлось на это его последнее десятилетие. Л.С. Выготский работал в очень многих областях психологии: в истории психологии, возрастной и педагогической психологии, в решении методологических и теоретических проблем; он занимался исследованием сознания и отдельных психических процессов: памяти, внимания, эмоций; провел фундаментальное исследование мышления и речи; разработал ряд проблем развития ребенка, он внес существенный вклад в психологию искусства. Вокруг Л.С. Выготского создавалась небольшая, но сплоченная группа психологов, имена которых стали впоследствии широко известными: А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, А.В. Запорожец, Д.Б. Эльконин, Л.И. Божович. Эти непосредственные сотрудники и ученики Л.С. Выготского, а затем их сотрудники и ученики сделали очень многое для развития его идей.

ределенными природой) функциями¹⁵. Высшие функции составляют высший уровень психики человека, обобщенно называемый сознанием. Они формируются в ходе социальных взаимодействий человека, то есть высшие психические функции имеют социальную природу.

В рассуждениях Л.С. Выготского можно выделить несколько основных положений, касающихся высших психических функций человека. Л.С. Выготский опирался на представления философии К. Маркса о том, что при переходе от животных к человеку происходит кардинальное изменение взаимоотношений субъекта с окружающей средой. На протяжении всего существования животного мира среда действовала на животное и видоизменяла его; животное приспособлялось к среде в процессе биологической эволюции животного мира. С появлением человека начался процесс противоположного плана. Человек ознаменовал свое появление тем, что начал действовать на природу и видоизменять ее. То есть человек оказался способен к овладению природой. Человеку удалось сделать это благодаря использованию орудий и благодаря развитию материального производства. Ведь именно материальное производство привело к эволюции средств воздействия на природу.

Способность к овладению природой не прошла бесследно для человека в одном очень важном отношении: он научился также овладевать собственным поведением, собственной психикой. Появились произвольные формы деятельности: человек приобрел способность заставлять себя запомнить некоторый материал, обратить свое внимание на какой-то предмет, организовать свою умственную деятельность.

Указанные изменения в психике человека выступают одновременно и как следствия измененных отношений человека с природой, и как фактор, который обеспечивает эти изменения. Ведь если жизнедеятельность человека сводится не к приспособлению к природе, а к изменению ее, то его действия должны совершаться по какому-то плану, подчиняться каким-то целям. Ставя и реализуя внешние цели, человек с какого-то момента начинает ставить и осуществлять внутренние цели, т. е. научается управлять собой. В то же

время прогресс в самоорганизации помогает более эффективно решать внешние задачи.

Подобно тому, как человек овладевает природой с помощью орудий, он овладевает собственным поведением тоже с помощью орудий, но только орудий особого рода — знаков. Л.С. Выготский рассматривает такой распространенный прием, как завязывание узелка «на память». Человеку надо что-то вспомнить спустя некоторое время, поэтому он завязывает на платке узелок и, снова увидев его, вспоминает запланированное дело. Анализ этнографического материала позволил обнаружить, что аналогичные способы запоминания широко практикуются у отсталых племен, не имеющих письменности. Исторические материалы показывают то же самое: у разных народов и племен в далеком прошлом подобным же образом использовались для запоминания разные средства. Иногда такие средства просты (узелок) и могут быть связаны с любым содержанием; иногда они более дифференцированы и более тесно связаны с запоминаемым содержанием, представляя собой зачатки письменности. Подобные средства-знаки фактом своего появления и использования порождают новую структуру запоминания как психического процесса.

Согласно положениям философии К. Маркса, труд создал человека и общение, в процессе труда возникла речь. Первые слова обеспечивали организацию совместных действий. Это были слова-приказы, обращенные к другому и направляющие его действия: «сделай то», «возьми это», «пойди туда» и т. п. Потом человек стал обращать слова-приказы на самого себя: функция внешней команды слова трансформировалась в функцию внутренней организации. Так возможность приказывать себе зарождалась в процессе культурного развития человека из внешних отношений приказа и подчинения. Сначала функции приказывающего и исполнителя были разделены и весь процесс был интерпсихическим, т. е. межличностным, а затем эти же отношения превратились в отношения с самим собой, т. е. в интрапсихические. Превращение интерпсихических отношений в интрапсихические получило название процесса интериоризации. В ходе него происходит превращение внешних средств (узелок) во внутренние (образ, внутренняя речь и др.).

В онтогенезе сначала взрослый действует словом на ребенка, побуждая его что-то сделать. Затем ребенок перенимает от взрослого способ обращения и начинает воздействовать словом на взрослого. И наконец, ребенок начинает воздействовать словом на самого себя.

Таким образом, высшие психические функции человека отличаются от низших, или естественных, природных психических функций животных по следующим своим свойствам: они произвольны по регуляции, опосредствованы по механизму, социальны по происхождению.

Культурно-историческая теория Л.С. Выготского оказала большое влияние на дальнейшее развитие отечественной психологии главным образом положением об опосредствованном характере высших психических функций, или произвольных форм поведения человека, и положением об интериоризации как процессе формирования высших психических функций.

Идея Л.С. Выготского об интериоризации психологических орудий и способов их употребления в дальнейшем составила основу понимания природы внутренней деятельности как производной от внешней, практической, деятельности с сохранением принципиально того же строения.

Подробное изучение этого вопроса было проведено учеником Л.С. Выготского, известным отечественным психологом Алексеем Николаевичем Леонтьевым (1903 – 1979), который разработал психологическую теорию деятельности¹⁶.

¹⁶ А.Н. Леонтьев как профессиональный психолог проработал 55 лет после окончания отделения общественных наук Московского университета в 1924 г. 30 последних лет он проработал в Московском университете как заведующий кафедрой, заведующий отделением психологии и, наконец, как декан факультета психологии. Как ученый А.Н. Леонтьев отличался широкими интересами, сочетая эту широту со способностью глубоко и оригинально разрабатывать каждую тему, к которой он обращался. В его трудах нашли разработку общепсихологическая теория деятельности, проблемы развития психики в фило-, антропо- и онтогенезе, механизмы психических процессов восприятия, внимания, памяти, мышления; проблемы человеческого сознания, личности и многое другое. Именно благодаря его организаторским способностям небольшая кафедра общей психологии на философском факультете Московского университета, которую А.Н. Леонтьев возглавил в 1949 г., превратилась в 1966 г. в самостоятельный факультет.

4.2. Психологическая теория деятельности

Следует сказать, что психологическая теория деятельности создавалась трудами многих отечественных психологов, среди которых помимо упомянутых уже Л. С. Выготского и его коллег и учеников — А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, А.В. Запорожца, Д.Б. Эльконина, Л.И. Божович — были также С.Л. Рубинштейн, П.Я. Гальперин и многие другие. В работах этих и других психологов можно обнаружить определенные различия в понимании механизмов, структуры и функций деятельности, поэтому можно говорить о разных вариантах психологической теории деятельности. Рассмотрим подробнее вариант А.Н. Леонтьева.

Психологическая теория деятельности начала разрабатываться в 1920-х — начале 1930-х гг. К этому времени уже находились в расцвете такие зарубежные направления психологической науки, как бихевиоризм, психоанализ, гештальтпсихология. Таким образом, отечественные психологи могли учесть и учитывали позитивные стороны и недостатки каждого из этих направлений.

Авторы теории деятельности опирались на философию К. Маркса и прежде всего ее важный для психологии тезис о том, что не сознание определяет бытие, деятельность, а наоборот, бытие, деятельность человека определяют его сознание. Этот общий философский тезис нашел в теории деятельности конкретную психологическую разработку. Наиболее полно теория деятельности изложена в последней книге А.Н. Леонтьева «Деятельность. Сознание. Личность»¹⁷.

Деятельность человека имеет сложное иерархическое строение. Она состоит из нескольких уровней. Во-первых, это уровень особенных деятельностей (или особых видов деятельности), следующий — уровень действий, затем уровень операций; наконец, самый низкий уровень психофизиологических функций.

Рассмотрение строения деятельности удобнее начать с уровня действий и двигаться вниз к психофизиологическим функциям и вверх к особым видам деятельности.

¹⁷ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 302 с.

Действие является основной единицей анализа деятельности. Действие — это процесс, направленный на достижение цели. При этом цель понимается как образ желаемого результата, т. е. того результата, который должен быть достигнут в ходе выполнения действия. Следует отметить, что имеется в виду сознательный образ результата, потому что он удерживается в сознании все то время, пока осуществляется действие. Таким образом, цель всегда сознательна, и действие включает в качестве необходимого компонента акт сознания в виде постановки и удержания цели. Но данный акт сознания не замкнут в самом себе, как это утверждалось в классической психологии сознания, а раскрывается в действии. Действие — это не только акт сознания, но одновременно и акт поведения. Следовательно, теория деятельности сохраняет также достижения бихевиоризма, делая объектом изучения внешнюю активность животных и человека. Однако в отличие от бихевиоризма она рассматривает внешние движения в неразрывном единстве с сознанием. Через понятие действия утверждается принцип активности, в противоположность принципу реактивности. Принцип активности и принцип реактивности различаются по тому, где, согласно каждому из них, должна быть помещена исходная точка деятельности: во внешней среде или внутри организма (субъекта). Для бихевиоризма Д. Уотсона главным было понятие реакции как ответного действия в результате воздействия стимула. Через понятие действия, предполагающего начало в субъекте в форме цели, психологическая теория деятельности утверждает принцип активности. Понятие действия выводит деятельность человека в предметный и социальный мир. Цель как представляемый результат действия может быть любым, и даже не биологическим и материальным. Это может быть производство какого-то материального продукта, установление социального контакта, получение знаний и др.

Конкретный набор и последовательность действий диктуются логикой социальной и предметной среды. Опыт относительно состава и последовательности действий обычно передается в ходе обучения в форме правил, советов, инструкций, программ. Способы совершения действий составляют следующий, нижееле-

жащий уровень анализа деятельности. Способ выполнения действия называется операцией.

Операции характеризуют техническую сторону выполнения действий. Характер используемых операций зависит от условий, в которых совершается действие. Если действие соответствует цели, то операция соответствует условиям, в которых эта цель дана. При этом под условиями понимаются как внешние обстоятельства, так и возможности, или внутренние средства, самого действующего субъекта.

Цель, данная в определенных условиях в теории деятельности, называется задачей. Описывая процесс решения задачи, необходимо указывать и действия, и операции, реализующие их.

Основное свойство операций состоит в том, что они мало осознаются или совсем не осознаются. Этим операции принципиально отличаются от действий, которые предполагают и сознаваемую цель, и сознательный контроль за протеканием действия. Уровень операций заполнен сформированными у человека умениями и навыками.

Операции бывают двух видов: одни возникают путем адаптации, прилаживания, непосредственного подражания; другие возникают из действий путем их автоматизации. Операции первого вида практически не осознаются и не могут быть вызваны в сознании даже при специальных усилиях. Операции второго рода находятся на границе сознания и легко могут стать актуально сознаваемыми.

Самый низкий уровень в структуре деятельности — психофизиологические функции. Говоря о том, что субъект осуществляет деятельность, нельзя забывать, что этот субъект представляет собой одновременно и организм с высокоорганизованной нервной системой, развитыми органами чувств, сложным опорно-двигательным аппаратом и т. п. По существу, психология никогда об этом и не забывала, но ей редко удавалось органически включить работу мозговых механизмов в психическую деятельность. Под психофизиологическими функциями в теории деятельности понимаются физиологические обеспечения психических процессов. К ним относится ряд способностей нашего организма, таких, как способности к ощущению, к образованию и

фиксации следов прошлых воздействий, моторная способность и др. Соответственно говорят о сенсорной, мнемической, моторной функциях. К этому уровню относятся также врожденные механизмы, закрепленные в морфологии нервной системы, и те, которые созревают в течение первых месяцев жизни.

Переходя от уровня действий вверх, к уровню деятельности, необходимо рассмотреть круг проблем, которые имеют близкое отношение к проблемам мотивации и личности: откуда берутся цели и что побуждает человека ставить цели и добиваться их осуществления.

Для анализа этих проблем следует обратиться к таким понятиям, как потребности и мотивы. Потребность — это исходная форма активности живых организмов. В живом организме периодически возникают определенные состояния напряженности; они связаны с объективной нехваткой веществ (предмета), которые необходимы для продолжения нормальной жизнедеятельности организма. Вот эти состояния объективной нужды организма в чем-то, что лежит вне его и составляет необходимое условие его нормального функционирования, и называются потребностями. Таковы потребности в пище, воде, кислороде и т. п.

Необходимо выделить два этапа в жизни каждой потребности. Первый этап — период до первой встречи с предметом, который удовлетворяет потребность; второй этап — после этой встречи. На первом этапе потребность, как правило, не представлена субъекту. Он может испытывать состояние какого-то напряжения, неудовлетворенности, но не знать, чем это состояние вызвано. Со стороны же поведения потребностное состояние в этот период выражается в беспокойстве, поиске, переборе различных предметов. В ходе поисковой деятельности обычно происходит встреча потребности с ее предметом. Процесс узнавания потребностью своего предмета получил название опредмечивания потребности. Это очень важное событие. Оно важно тем, что в акте опредмечивания рождается мотив. Мотив и определяется как предмет потребности. Можно сказать, что через опредмечивание потребность получает свою конкретизацию. В связи с этим мотив определяется еще иначе — как

опредмеченная потребность. Важно осознать, что самим актом опредмечивания потребность меняется, преобразуется. Она становится уже другой, определенной потребностью, потребностью именно в данном предмете.

Вслед за опредмечиванием потребности и появлением мотива меняется тип поведения. Если до этого момента поведение было ненаправленным, поисковым, то теперь оно приобретает направленность на предмет.

Согласно определению, мотив — это то, ради чего совершается действие. Совокупность действий, которые вызываются одним мотивом, и называется деятельностью. В качестве примеров деятельности обычно приводят игровую, учебную, трудовую деятельности. Уровень деятельностей четко отделяется от уровня действий. Дело в том, что один и тот же мотив может удовлетворяться, вообще говоря, набором разных действий. С другой стороны, одно и то же действие может побуждаться разными мотивами. Обычно действия человека побуждаются сразу несколькими мотивами. Например, человек может хорошо работать ради высокого качества результата, но попутно удовлетворять и другие свои мотивы — социального признания, материального вознаграждения и др. По своей роли или функции не все мотивы деятельности равнозначны. Как правило, один из них главный, другие — второстепенные. Главный мотив называется ведущим мотивом, второстепенные — мотивами-стимулами: они не столько определяют, сколько дополнительно стимулируют данную деятельность. Мотивы порождают действия, т. е. приводят к образованию целей. Сами же мотивы осознаются не всегда.

Если мотивы не осознаются, то это не значит, что они никак не представлены в сознании. Они проявляются в сознании в особых формах: в форме эмоции и в форме личностного смысла.

Эмоции возникают лишь по поводу событий или результатов действий, которые связаны с мотивами. Если человека что-то волнует, значит это «что-то» затрагивает его мотивы. В теории деятельности эмоции определяются как отражение отношения результата деятельности к ее мотиву. Если с точки зрения мотива

деятельность проходит успешно, возникают положительные эмоции, если неуспешно. — отрицательные эмоции.

Личностный смысл — это переживание повышенной субъективной значимости предмета, действия или события, оказавшихся в поле действия ведущего мотива. Важно подчеркнуть, что личностный смысл определяется ведущим мотивом. Второстепенные мотивы, мотивы-стимулы порождают только эмоции.

Мотивы человека образуют иерархическую систему. Мотивационной сферой человека определяется масштаб и характер его личности. Обычно иерархические отношения мотивов не осознаются в полной мере. Они проясняются в ситуациях конфликта мотивов. Жизнь сталкивает разные мотивы, требуя от человека сделать выбор в пользу одного из них.

Современная отечественная психология развивает положения культурно-исторического подхода Л.С. Выготского и психологии деятельности А.Н. Леонтьева. Эти подходы составляют теоретическую и методологическую основу исследований, посвященных различным проблемам: эмоционально-мотивационной сфере, личности, познавательным процессам, психическому развитию, научению и др. В оригинальном варианте культурно-исторический подход касался социализации и превращению натуральных психических функций в высшие, прежде всего памяти, внимания, мышления, восприятия, речи. Однако его эвристический потенциал позволил включить в понятие высшей функции также телесность человека¹⁸, традиционно изучавшуюся в рамках психоаналитического подхода. Хотя детерминируемые культурой формы телесного человеческого бытия оказались «теоретически невидимыми» для психологии, сама возможность и специфика их психологического изучения понималась уже самим Л.С. Выготским.

Одной из важных сторон телесного бытия человека является сексуальность. Развитие сексуальности соответствует принципу «культурного развития», состоящему в том, что общество, а не природа, рассматривается как детерминирующий фактор поведения че-

ловека. Иерархическое строение человеческой сексуальности проявляется в том, что природная потребность в продолжении рода, инстинктивная по своему характеру, имеющая четко очерченный круг безусловных стимулов, реализуемая в виде цепного рефлекса в условиях, отвечающих этим безусловным раздражителям, с определенного момента начинает подчиняться условностям, имеющим не биологический, а социальный характер. То есть происходит ее трансформация в генетически более сложную и высшую форму поведения¹⁹. Иерархичность строения человеческой сексуальности проявляется в возможности ее повторного расщепления, например, в случае «снятия» высших регулятивных форм, например, в ситуациях алкогольного опьянения, состояния патологического аффекта, при поражениях корковых отделов головного мозга.

Точно так же, как и другие высшие психические функции, человеческая сексуальность характеризуется прижизненным социальным характером формирования. Однако специфика социализации в данном случае определяется сочетанием жесткости запрета, его внутренней противоречивостью и не всегда явной формулировкой. Радикальное отличие сексуальности от классических высших психических функций определяется тем, что интерпсихический этап формирования характеризуется разделением не выполнения функции, а ее запрещения, и сначала усваивается не только и не столько модель реализации, сколько стереотип торможения.

Хотя понятие социализации не было связано для Л.С. Выготского с репрессивной функцией культуры, такое расширение понятия социализации может позволить использовать хорошо проработанную в современной западной философии и психологии тему репрессивной функции культуры и соединить ее с достоинствами отечественного культурно-исторического подхода, тщательно и последовательно анализировавшего конкретные механизмы интериоризации.

¹⁹ Зинченко Ю.П. Клиническая психология сексуальности человека в контексте культурно-исторического подхода. М.: ТК Велби, Проспект, 2003. 144 с.

5. Различение конструктов и событий

Современная психология характеризуется не только наличием разногласий по поводу своего предмета, но и крайней раздробленностью в своих теоретических и методологических подходах. Отчасти это обусловлено все возрастающей специализацией наук, но наряду с этим — и многовековыми разногласиями по поводу понятия или конструкта души.

Конструкция, или «конструкт», как указывает само название, представляет собой нечто конструируемое, а не наблюдаемое. Конструкт является продуктом теоретизирования, абстракцией. Все, что не является исходным событием, является, скорее всего, конструктом: теории, гипотезы, принципы, математические формулы, диаграммы, измерения и т. п. Даже описание можно считать конструктом, поскольку оно не является той вещью, которую описывает. Наиболее существенный вопрос касается того, выводятся ли конструкты из наблюдаемых событий или приписываются им. Чаще конструкт заимствуется из сложившейся культурной традиции и приписывается событиям. Событиями являются видение, представление, запоминание, мышление, воображение и другие конкретные, осуществляемые человеком акты. Событие — это то, что происходит, безразлично, знает человек об этом или нет²⁰.

Вопрос о различении конструктов и событий имеет принципиальное значение. Его решение определяет теорию, методику исследований, их практическое применение и даже решение вопроса о познаваемости.

В психологических исследованиях не так уж редко встречается смешение конструктов и событий, поэтому необходимо подробно рассмотреть эти понятия, чтобы выяснить, как их можно различать.

На чем должна основываться психологическая система: на конструктах или на событиях? Иными словами, должны ли исследователи начинать с конструктов, с помощью которых они будут интерпретировать

642 ²⁰ Смит Н. Современные системы психологии / Пер. с англ. Под общ. ред. А.А. Алексева. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 384 с.

события, или они должны начинаться с событий и развиваться свои конструкты на основе этих событий? Единства мнений по этому вопросу нет, но исследователи согласны в том, что отвечающая критериям валидности логика науки требует признания связей между событиями и конструктами, с учетом их разграничения²¹.

Понимание научной работы требует четкого различения данных, методов их получения и конструктов, которые обычно содержат описания механизмов, лежащих в основе полученных данных. Основная часть научных разногласий связана именно с используемыми конструктами. Конструкты можно считать обоснованными в том случае, когда они выводятся в результате непосредственного контакта с событиями.

Если конструкты правильно используются, они всегда относятся к чему-либо, то есть имеют конкретные референты: их референтами являются вещи или события.

Метафоры. Поскольку в психологии нередко смешивались конструкты с событиями и при этом такие конструкты, как душа и тело, были первоначально заимствованы из культуры, психологи пытались разрешить возникающие противоречия не за счет обращения к самим событиям, а за счет обращения к другим конструктам в форме метафор. Среди всех метафор особую популярность заслужили сравнения психики человека с компьютерами²².

Метафоры полезны при прояснении какого-либо вопроса и для придания образности описанию событий, однако они являются слабыми аргументами. Если рассматривать людей, как если бы они были компьютерами или компьютерными программами, то придется рассматривать их как то, чем они не являются²³.

²¹ Kantor J.R., Smith N.W. The Science of Psychology: An Interbehavioral Survey. Chicago: Principia, 1975.

²² Neisser U. Cognitive Psychology. New York: Appleton-Century-Crofts, 1967.

²³ Blewitt E. The Computer Analogy in Psychology: Memory as Interbehaviour or Information Processing? In: Reassessment in Psychology: The Interbehavioral Alternative. Ed. by N.W. Smith, E.T. Mountjoy, D.H. Ruben. Lanham, MD: University Press of America, 1983.

Выводы по аналогии могут быть обоснованными только тогда, когда имеется достаточное количество проявлений сходства при отсутствии значимых проявлений различия между случаями, в одном из которых интересующее свойство присутствует, а в другом наличие данного свойства выводится. Лишь в редких случаях ученые, использующие метафоры, применяют столь строгие критерии по отношению к психологическим событиям. Несмотря на пользу метафор, они в конечном итоге перестают работать, если начинают проводиться слишком прямые параллели между вещами, которые сопоставляются между собой.

Что может послужить альтернативой использованию метафор? Возможно, обоснование исследований конкретными событиями, а не конструктами, заимствованными из других областей знания. Данный рецепт требует четкого различения конструктов и событий. Тогда возможно будет использование описаний (лингвистических, математических, схематических и т. д.) наблюдаемых функциональных отношений как научных конструктов, которые можно подкреплять, отвергать или модифицировать с помощью дальнейших наблюдений.

6. Психофизиологическая проблема

Как показывает история развития психологии, различные мнения и даже глубокие разногласия между психологами по поводу того, что составляет предмет психологической науки, во многом были обусловлены различными представлениями о том, как соотносится психика и ее материальная основа — мозг. Вопрос о соотношении психических и физиологических процессов получил в истории естествознания название психофизиологической проблемы. Истоки этой проблемы можно обнаружить еще в представлениях древнегреческих философов.

Психофизиологическое взаимодействие. К числу классических подходов к вопросу об отношении души и тела относится позиция, предполагающая прямое взаимодействие нефизической души и физического

тела. Она до сих пор имеет своих сторонников^{24,25}. Аргументами в пользу этой позиции являются многочисленные данные о нарушениях психической деятельности в результате патологии мозга, о произвольном управлении движениями, о соматических заболеваниях, вызываемых психическими состояниями.

Психофизиологический параллелизм. Прямо противоположное решение психофизиологической проблемы состоит в том, чтобы рассматривать психические и физиологические процессы как протекающие параллельно и независимо друг от друга. То, что происходит в сознании, соответствует, но не зависит от того, что происходит в мозге, и наоборот, процессы мозга соответствуют, но не зависят от содержаний сознания. Наиболее распространена такая форма этого подхода, согласно которой мозг производит обработку информации, и любое описание человеческих действий, не устранившее все, кроме активности нейронов, в качестве объяснительного конструкта для данных действий, является ненаучным и дуалистическим²⁶.

Однако проблема таких объяснений в том, что до сих пор никто еще не обнаруживал мысль, восприятие или эмоцию в нейронах. То, каким образом электрохимический нейронный импульс может восприниматься как зеленый цвет, любовь или воспоминание о посещении бабушки, остается неясным. Эпифеноменализм сталкивается также с вопросом о том, кто является наблюдателем эпифеномена. Кто видит зеленый цвет или чувствует его любовную страсть? Может ли нейрон видеть или чувствовать сам себя?

Получается, что как будто в голове у человека сидит крохотный человечек (гомункулус) и интерпретирует все, что приходит извне, а в голове у этого гомункулуса сидит второй и т. д., до бесконечности.

Согласно редуccionистам, если психология хочет стать строгой наукой, обладающей равными правами с точными науками, она должна строиться по образцу

²⁴ Eccles J., Robinson D.N. *The Wonder of Being Human: Our Brain and Our Mind*. New York: Free Press, 1984.

²⁵ Vendler Z. *The Matter of Minds*. Oxford: Clarendon, 1984.

²⁶ Mahner M., Bunge M.L. *Foundations of Biopsychology*. Berlin: Springer, 1998.

биологии. В качестве дополнительного аргумента такой позиции обычно приводится представление о том, что мозг производит психические явления, и вряд ли это может быть оспорено. Это представление основано на допущении, согласно которому действия организма заключают причину в самих себе (такие действия называют саморегулирующимися).

7. Методы психологии

Психология, как и другие науки, использует определенные процедуры работы с предметом изучения — методы. Некоторые используемые в психологии методы являются общими для многих наук, другие были специально разработаны в ее рамках и применяются только для изучения психики. Основными общими методами психологии являются наблюдение, беседа, эксперимент, тестирование.

Наблюдение. Наблюдение — преднамеренное восприятие, обусловленное целями исследовательской деятельности. Наблюдение выступало в качестве главного метода на ранних этапах развития психологической науки. Основные требования к научному наблюдению состоят в том, чтобы однозначно определить цель наблюдения, по возможности обеспечить его объективность путем контроля либо путем повторения разными наблюдателями. Различают обычное наблюдение, когда события регистрируются наблюдателем со стороны, и включенное наблюдение, когда исследователь включается в определенную ситуацию и анализирует событие как бы изнутри. Наблюдаемые события могут фиксироваться в протоколе, который разрабатывается в соответствии с целями наблюдения. Фиксация данных позволяет сделать последующий их анализ и интерпретацию более обоснованными и надежными. Результаты наблюдения в значительной мере зависят от личности наблюдателя, его установок и отношения к объекту наблюдения.

Разновидностью метода наблюдения является самонаблюдение, когда субъект наблюдает за собственными психическими процессами и состояниями в момент их протекания или спустя некоторое время.

Недостаточная объективность получаемых при этом данных может быть компенсирована сопоставлением результатов самонаблюдения нескольких людей, полученных в одинаковых условиях.

Беседа. Беседа — форма вербального взаимодействия людей в виде устных вопросов и ответов, имеющая определенную цель и структуру. Беседа проводится для описания жизненного мира человека (его мыслей, воспоминаний, чувств, эмоций, переживаний, представлений, ценностей и др.) и предполагает интерпретацию смысла описываемых им явлений. Беседа как метод исследования отличается от беседы в обычной жизни тем, что исследователь определяет и контролирует беседу.

Эксперимент. Эксперимент предполагает целенаправленное воздействие на изучаемый объект и фиксирование эффекта — происходящих в результате этого воздействия изменений объекта. Эксперимент позволяет сделать заключение о причинно-следственной связи изучаемых явлений. Применение эксперимента целесообразно в тех случаях, когда возможно сформулировать проверяемые гипотезы. Эксперимент может проводиться в лаборатории или в естественных условиях. В последнем случае лица, участвующие в эксперименте, могут не знать, что они выступают в роли испытуемых.

Тестирование. Тестирование состоит в применении стандартизированных методик психологического измерения, предназначенных для определения выраженности у индивида определенных психических свойств или состояний. Обычно тест состоит из серии кратких испытаний (вопросов, ситуаций, задач), результаты выполнения которых служат индикаторами психических свойств или состояний. Существуют тесты для изучения интеллекта, способностей, личности и др.

8. Разделы психологии

Психологические исследования проводятся в рамках ряда различных разделов, характеризующихся разными предметами изучения (например, особенности психического развития, специфика разных нарушений

психических процессов, физиологические механизмы психики), методами, целями. Разнообразие таких разделов столь велико, что даже упомянуть их все не представляется возможным. Поэтому остановимся на кратком описании лишь некоторых из них. Ученые, занимающиеся *возрастной психологией и психологией развития*, пытаются понять, как происходит психическое развитие человека с первых часов его жизни и до смерти. До недавнего времени главное внимание уделялось детству и отрочеству, которые казались основными этапами в развитии человека. Однако постепенно интерес ученых перемещается на аспекты жизни, связанные со зрелостью, старостью и приближением смерти — этапами, которые в неменьшей мере порождают кризисы и напряженность у людей соответствующих возрастов. Проводятся также исследования, показывающие, что девять месяцев внутриутробной жизни — очень важный этап психического развития; значительная часть психических процессов младенца зарождается еще в утробе матери. Область *социальной психологии* дает представление о сложности взаимоотношений, складывающихся между людьми, о распространении в обществе определенных представлений, о взаимодействии людей в рамках больших и малых групп, о влиянии на восприятие и поведение человека социального контекста²⁷. *Психофизиология* изучает физиологические и биохимические изменения, происходящие в нервной системе. Она пытается установить связь между ними и различными аспектами человеческой активности: функционированием памяти, регулирующей эмоций, сном и сновидениями. Методы исследований здесь весьма разнообразны — от вживления электродов в головной мозг до использования приборов, измеряющих частоту сердечных сокращений, регистрирующих электрическую активность головного мозга или кожные реакции и т. п. *Психофармакология* призвана испытывать лекарственные вещества и активные факторы, синтезируемые в фармакологических лабораториях, с тем чтобы описать их воздействия на поведение подопытных животных. Лишь после прове-

²⁷ Андреева Г.М. Социальная психология. 3-е изд. М.: Наука, 1994. 325 с.

дения бесчисленных испытаний и анализа полученных результатов то или иное вещество может быть передано для испытаний на людях и только затем выпущено в продажу. *Зоопсихология* использует методы, принятые в психологии, чтобы дополнить данные этологов о поведении различных видов животных. Она старается лучше понять то, что составляет специфику человеческой природы, устанавливая связи человека с животным миром. В этих специализированных разделах исследований все чаще и чаще можно встретить психологов, занятых проблемой *искусственного интеллекта*. Они пытаются методом компьютерного моделирования лучше понять, как происходят у человека познавательные процессы, такие как восприятие, мышления, память, внимание, речь. *Клиническая психология* занимается изучением психического здоровья и различных нарушений психической деятельности (состояния тревоги, нарушения памяти, органические и функциональные расстройства эмоциональной сферы и др.). Специалисты в области *психологии труда* и *организационной психологии* изучают психологические факторы, оказывающие влияние на трудовую деятельность у представителей разных профессий, и работают над созданием программ обучения, направленных на повышение ее эффективности и производительности. *Педагогическая психология* занимается изучением и разработкой эффективных методов и условий обучения, для чего используются полученные в когнитивной психологии знания о процессах обучения. В последнее время некоторые педагогические психологи стали специализироваться в области «управления классом», помогая преподавателям выработать в себе такие психологические и социальные навыки, которые позволяют создать в школе приятную и продуктивную атмосферу. *Психологи-эргономисты* на основе накопленных знаний о поведении людей дают рекомендации конструкторам технических устройств, с которыми будут иметь дело пользователи. Психолог-эргономист должен уметь хорошо судить о наилучшем расположении рычагов управления, кнопок и циферблатов или же уметь оценивать интенсивность шума и освещенность, приемлемые для человека в данных условиях. *Юридическая психология* изучает взаимоотношения между исправитель-

ными учреждениями и заключенными или между последними и их семьями. Знания о поведении человека, которыми владеют специалисты в области юридической психологии, дают им возможность помогать судам вести процессы и назначать наказания, которые способствовали бы эффективному изменению поведения людей. *Экологическая психология* занимается изучением наиболее эффективных способов улучшения условий в населенных пунктах и различных местах, где протекает деятельность человека. Особое внимание она уделяет проблемам шума, загрязнения среды токсичными веществами и накопления отбросов, характерного для общества потребления.

Удивительная разнообразие и разносторонность современной психологии очаровывает не только тех, кто уже стал психологом, но и притягивает тех, кто еще находится в начале длинного, но интересного пути изучения этой науки.

Рекомендуемая литература

Основная

- Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977. 272 с.
- Андерсон Д.* Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2002. 496 с.
- Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982 – 1984.
- Гиппенрейтер Ю.Б.* Введение в общую психологию. Курс лекций. М.: ЧеРо, Юрайт, 2002. 336 с.
- Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д.* Основы психологии / Пер. с англ.; Под ред. В.Ю. Большакова, В.Н. Дружинина СПб.: Речь, 2001. 1247 с.
- Годфруа Ж.* Что такое психология: В 2 т. М.: Мир, 2004.
- Гудвин Д.* Исследование в психологии: методы и планирование. СПб.: Питер, 2004. 558 с.
- Джемс У.* Научные основы психологии. Минск: Харвест, 2003. 528 с.
- Зинченко В.П., Смирнов С.Д.* Методологические проблемы психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 165 с.
- Зинченко Ю.П.* Клиническая психология сексуальности человека в контексте культурно-исторического подхода. М.: Проспект, 2003. 144 с.

- Зейгарник Б.В. Патопсихология. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 286 с.
- История психологии: Тексты / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. 364 с.
- Левин К. Динамическая психология. М.: Смысл, 2001. 487 с.
- Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 565 с.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 302 с.
- Леонтьев А.Н. Философия психологии: Из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 228 с.
- Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000. 511 с.
- Лурья А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. 3-е изд. М.: Академический Проект, 2000. 512 с.
- Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 2001. 478 с.
- Общая психология. Тексты: В 3 т. Изд. 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. В.В. Петухов. Т. 1. Введение. Т. 2. Субъект деятельности. Книга 1. Книга 2. Книга 3. М.: УМК «Психология»; Генезис; Моск. психолого-социальный ин-та, 2001 — 2004.
- Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. М.: Смысл, 2002. 462 с.
- Роджерс К. Искусство консультирования и терапии. М.: Апрель Пресс; ЭКСМО-Пресс, 2002. 976 с.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999. 720 с.
- Смит Н. Современные системы психологии / Пер. с англ.; Под общ. ред. А.А. Алексеева. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 384 с.
- Соколова Е.Е. Тринадцать диалогов о психологии. М.: Наука, 1994. 395 с.
- Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. М.: Наука, 1989. 456 с.
- Юнг К.Г. Аналитическая психология. Глоссарий. СПб.: Кентавр, 1994. 132 с.
- Ярошевский М.Г. История психологии. М.: Мысль, 1985. 572 с.

Дополнительная

- Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. М.: Наука, 2001. 279 с.
- Асмолов А.Г. Психология личности. М.: Академия, 2002. 416 с.

- Андреева Г.М.* Социальная психология. 3-е изд. М.: Наука, 1994. 325 с.
- Бэддели А.* Ваша память. Руководство по тренировке и развитию / Пер. с англ. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 320 с.
- Васильюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ; Смысл, 2003. 240 с.
- Жган А.Н.* История психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. 367 с.
- Лазурский А.Ф.* Очерк науки о характерах. М.: Наука, 1995. 271 с.
- Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Меццеракова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Педагогика-Пресс, 1996. 440 с.
- Солсо Р.Л.* Когнитивная психология / Пер. с англ. М.: Три-вола, 1996. 600 с.
- Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. СПб.: Питер, 2003.
- Холл К.С., Линдсей Г.* Теории личности. М.: КСП+, 1997. 720 с.
- Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб.: Питер, 1998. 608 с.
- Ярошевский М.Г.* Психология в XX столетии. М.: Политиздат, 1974. 445 с.

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ ЯЗЫКА

1. Античность: две концепции имени

Статус имени (слова) в архаической культуре был очень высок. Имя не просто указывало на вещь — оно было ее полноценным «заместителем». Врагам не сообщали имя младенца, ибо они могли «навести порчу». Имя определяло судьбу человека, имя «раскрывало» суть любой вещи.

Но что же оно такое? Этот самый простой и самый сложный вопрос теории языка и появляется в античности. Слово (имя) не является «воплощением» идеи вещи (иначе бы мы попросту не смогли бы различить слово и вещь), но оно и не является просто копией вещи — ведь слова используются для сообщения истины, мы можем различать разумную и неразумную речи. Что же оно тогда? В этих веках длившихся спорах участвовало немало известных ученых мужей Античности — философы Гераклит, Сократ, риторы и софисты Исократ, Протагор и многие другие.

Безусловно, мощным стимулом для абстрактных изысканий в теории имени и толкования были практические потребности. Практическая деятельность истолкования возникает уже в античности. При восприятии речи другого (в т. ч. письменно зафиксированной) может возникнуть непонимание. Для его преодоления и предлагается набор приемов. Мощный импульс ис-

кусство толкования получает в связи с возникновением системы образования (поскольку возникает необходимость растолковать ученику смысл текстов), развитием письменности и языка (уже в IV в. до н. э. язык Гомера был не всегда понятен) и контактами с другими народами.

Постепенно формируются две основных концепции имени. Первая, берущая начало от Гераклита, утверждает, что и вещи, и имена в один и тот же момент времени пронизывает общий логос — поэтому разумная речь о происходящем возможна. Другое дело, что космос постоянно меняется — и для «восстановления» истины уже звучавшей речи нужна «особая» причастность логосу, которой награждаются немногие из смертных. Только понимая гармонию мира в целом и благодаря этому, понимая вещи, мы в состоянии постичь имена и вести разумные речи. Эта линия была продолжена Сократом, Платоном, сократическими школами¹. От ученика, ставшего искусным, никогда не требовали то, что мы бы назвали «точной цитатой» или выучиванием текста наизусть. Наоборот, понимающий суть дела сможет изложить его по-другому ничуть не хуже, а может быть, и лучше. Парафраз классических произведений не просто был приемлем — только он и был допустим. Так что нас не должно удивлять отсутствие в античных текстах точных цитат, а также свободный пересказ сути любой концепции, любого произведения — «логос» речи мудрый представит через разные имена.

Другая концепция — концепция софистов — была менее популярной. Имена — лишь имена, и к сути вещей они никакого отношения не имеют, они просто звучат и уходят. Поэтому словами можно доказать все (софисты любили доказывать правоту каждой из спорящих сторон в суде), о сути вещи они не говорят. Против этой концепции существовал простой и всех убеждавший контраргумент — но мы же различаем разумные речи и глупые речи, причем все разумные люди в оценке разумности речей не расходятся — значит, отношения имени и вещи не так случайны, как представляют софисты.

¹ См., например: Платон. Кратил, Соч. Т. 1. М., 1989. С. 613–663.

Благодаря именам мы постигаем, понимаем суть вещей. Происхождение термина «понимание» в европейской мысли связано с идеями, сформулированными Аристотелем. Понимание есть постижение строя, порядка божественного ума. Душа человека изначально причастна ему, но ей необходимо проявить его в себе, выстроить этот строй сущностей. Для этого даны две способности — схватывания отдельной простейшей сущности и умения различать разные сущности. Впоследствии в латыни мы встречаем два глагола для обозначения процесса понимания: *comprehendere* — очерчивать круг вокруг чего-либо, обступать что-либо, и *intellegere*. Второй происходит, по-видимому, от *interlegere* — различать между, впоследствии — вычитывать между строк. *Intellegere* подразумевает чисто логическую аналитическую процедуру. Важно и то, что в ряде европейских языков, вышедших из латинского, понятие «смысл» относится и к чувственной, и к рациональной сфере — ведь речь идет о «схватывании» сути вещи.

Понимание не всегда доступно всем. Толкование связано с неточностями языка или с непониманием человеком вещей, поэтому это не божественная, а именно человеческая деятельность.

Стоики своим учением о лектоне как человеческом смысле мира окончательно обосновывают несводимость языка ни к вещам, ни к вечным истинам. Именно они заменяют старое понятие «имя» на «знак», тем самым десакрализируя имя, лишая его статуса «представителя» вещи. Начинается развитие грамматики. Ведь если логика разрабатывается в Античности как выражение связи идей в божественном уме, то грамматика отражает человеческое восприятие идей (смыслов) мира. Связь же логики и грамматики трактуется по-разному (от их отождествления до указания жесткой границы между ними в зависимости от трактовки соотношения человеческого и божественного мышления).

Начинается и развитие теорий толкования. В латинской грамматике возникают школы аномалистов и аналогистов. Аномалисты полагали, что связь слова и сущности вещи случайна, и поэтому у текста может быть единственный смысл «поверх» его слов. Анало-

гисты же считали возможным уподобить логосы предметов и речи, выстраивая возможные стратегии толкования (впоследствии названных букввальным, аллегорическим и т. д.)².

Обратим здесь внимание на то, что речь не идет о языке как целостности — каждое имя, как и каждая вещь, самодостаточны. Анализируется просто набор имен, независимых друг от друга. Поэтому нет представления о границах текста, о контексте — каждая фраза как бы первоизданна и независима от других.

Не оперируют в античности и еще одним важным впоследствии понятием — автор. Лат. «auctor» обозначает субъект действия. Архаическое сознание называет автором того, «кто полномочен и правомочен» — богов, приводящих нечто в бытие или укрепляющих уже существующее, самодержцев, причастных божественной инициативе, просто граждан, «умножающих» и «учреждающих». В таком понимании авторство отождествляется с авторитетом (от лат. «auctoritas» — свойство действующего субъекта), как приведшим нечто в мир и поручившимся за это. Для архаического понимания авторства принципиально, кто первым «поименовал» данное содержание, заложил традицию. Все пишущие в рамках традиции — не авторы. Отсюда — практика свободного дописывания и исправления текстов более поздними переписчиками под тем же именем, объединение под именем одного автора круга создателей текстов — см., например, Псалтырь и Притчи Соломоновы в Библии и т. д., где прямо в тексте мы найдем указание того, кто это песню сочинил (Агур, сын Иакеев, Лемуил и др.), однако все равно они атрибуированы «автору» традиции, как единственно действительному автору³.

В недрах греческой культуры возникает идея игры с истиной. «Истиной можно играть и над истиной можно смеяться, можно из каких бы то ни было соображений переворачивать истину, но опровергать и отрицать истину, строго говоря, нельзя, потому что тут,

² См., например: *Античные теории языка и стиля* // Под ред. О.М. Фрейденберг. СПб., 1996.

³ *Аверинцев С.С. Авторство и авторитет* // *Риторика и истоки европейской литературной традиции*. М., 1996.

в рамках такого типа культуры всегда совершенно твердо известно, что *есть* истина и что есть *истина*, а вместе с тем все истинное еще и морально-положительно...»⁴

Исходя из представления о том, что истина предзадана, однако играть с ней, сталкивать разные ее видения никому не возбраняется, греки начинают обращать внимание на особенности видения мира выдающимися людьми. Параллельно с развитием авторского сознания идет становление «художественности» слова, т. е. изъятие его из житейского и сакрального обихода и использование его как инструмента видения, представления мира — каждый ведет свою речь о мире. Поэтому становится возможной речевая характеристика персонажей и становление диалога как жанра. Однако это уже не собственно разговор, открытый для становления истины — в рамках данной теоретической конструкции истина как бы предшествует беседе, и она не рождается, а лишь открывается в ней. «Диалог как литературный жанр! Это греческое изобретение едва ли не наиболее отчетливо выявило коренную недиалогичность греческой литературы»⁵, — замечает С.С. Аверинцев. Не случайно в последующей литературной традиции приживаются именно стилизованные описания и стилизованные диалоги, а для характеристики диалога используются часто фразы: «И повел он с ним свою речь о том...».

2. Рефлексия над словом в христианской традиции (Средневековье)

Христианская идея об окончательной непостижимости Бога для человека («божественные деяния превосходят человеческое понимание») ведет к тому, что понимание начинает относиться только к человеческо-

⁴ Михайлов А.В. Античность как идеал и культурная реальность XVIII—XIX вв. // Античность как тип культуры. М., 1989.

⁵ Аверинцев С.С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» // Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 22.

му миру. Бога не понимают — в Бога верят. Спектр ответов на вопрос о соотношении веры (как совокупности божественных истин, открытых человеку и способности души познавать еще непознанное) и понимания (человеческого постижения сути мира, перехода от знака к значению, предшествующему человеку) широк — от признания полного бессилия понимания перед лицом Божественных истин («верую потому, что абсурдно») до констатации возможности их гармонизации («верую, чтобы понимать»).

Там, где нет понимания, возможно истолкование (интерпретация). В то время оно мыслится как другой тип понимания — не непосредственное схватывание сути, а путь схватывания. Пергамская школа (наследники аномалистов) настаивает на единственности смысла Библии, Александрийская (Филон, Ориген, Климент, Августин) разрабатывает учение о понимании и классификацию смыслов Священного Писания. В частности, Августин Блаженный, создавший первый систематический свод правил толкования Библии («О христианском учении»), который он писал около 30 лет, отвечая на важнейший для себя вопрос — как Священное Писание может войти в душу человека, предлагает определения знака («вещь есть вещь, которая воздействует на чувства, помимо своего вида, заставляя приходиться на ум нечто иное»), объясняет, что такое человеческие знаки (знаки искусственные, созданные людьми как подобие знаков естественных — мокрой земли, которая вызывает мысль не только о земле, но и о дожде, является знаком дождя), дает определение понимания и на основании этого дает классификацию смыслов Священного Писания (буквальный, аллегорический, аналогический и пророческий) и способы их постижения. Понимание — переход от знака к внутреннему слову, т. е. движению божественной идеи в нас. В зависимости от того, с каким знаком мы имеем дело (прямым или переносным), интерпретация будет подразделяться на буквальную и аллегорическую. Возможно также историческое толкование (когда смысл Ветхого Завета проясняется через Новый — Ветхий Завет показывает человека, которого застанет Христос, при-

дя на Землю) и профетическое (пророческое) — когда постигается смысл Библии как Откровения Божьего⁶.

Пути западной и восточной церкви в искусстве толкования расходятся задолго до их раскола — в восточной ветви церкви ведущей является доктрина об отсутствии прямой связи между божественным смыслом и человеческим образом мира, у истоков которой стоят Василий Великий и Григорий Нисский. «Что общего у двух людей, носящих имя Петр?», — вопрошает Василий Великий, поучая — образы человеческие не совсем ошибочны, но до истинности им далеко. Произнося слово «зерно», один думает о хлебе, второй — о колосе, а третий — о посеве. За речью стоят образы, и как невозможно точно интерпретировать образы, так и невозможно правильно постичь речь другого⁷. Толкование и проповедь не столь нужны, сколь обет молчания.

Параллельно с усложнением классификации видов толкования в западной церкви углубляются и понимание «внутреннего слова». У Фомы Аквинского оно уже является «зеркалом, в котором мы видим вещь», а не просто фрагментом божественной идеи в нашем уме. Поэтому слово образуется не тогда, когда деятельность (*informatio*) интеллекта завершена; оно есть процесс (*formatio*) интеллекта. Впервые в анализе слова появляется процессуальность и проблески идеи единства слов. Окончательная непостижимость и целостность божественных смыслов заставляют говорить об оттачивании смыслов в душе человека.

3. Становление идеи целостности языка и текста

Слово «текст» (от лат. *textum* — переплетение, ткань), впервые данное Юстинианом своду законов, созданному по его распоряжению, в XIV–XV вв. начинает применяться для обозначения не только музыкальных партитур, но и литературных произведений. Почему так происходит?

⁶ Аврелий Августин. О христианском учении // Антология средневековой мысли. Т. 1. М., 2001.

⁷ Василий Великий. Против Евномия // Соч. М., 1995.

По-прежнему никто не оспаривает убеждение, что речь — выражение общих всему человеческому роду идей. Но души «открыты» этим истинам по-разному — добрая душа более открыта и чувствительна, нежели злая. Степень искажения божественных истин, следовательно, может быть различной. Известная фраза Петrarки «Я предпочел бы быть добрым, нежели просвещенным» достаточно точно характеризует и подходы к толкованию текста. Необходимо, таким образом, обращать внимание на «источник» произведения. Однако мы не всегда знакомы с автором, и имеем в своем распоряжении лишь текст — именно по структуре текста мы должны понять, какова душа автора. Если автор зол, то нечего читать его текст — искажений там будет очень много, даже если он весьма искусен.

На место представления о том, что все люди лишь в большей или меньшей степени постигают одно и то же, приходит представление о существовании у каждого божественного закона (*lex*) и разной степени послушности ему. Поэтому каждому может открыться тот аспект истины, который другим пока не был доступен. Однако по-прежнему речь идет о единых для всех божественных истинах. Собственно, с идеи, что и языческие авторы могли сообщить пока не сказанное никем из христианских авторов, хотя и понятное всем, и начинается «возрождение золотой латыни». Пусть античные авторы — в основном язычники, но, будучи людьми добрыми и имеющими свой «*lex*», они могли высказать то, что не сказали еще христиане, но все добрые люди в состоянии понять сказанное ими.

Впервые становится важным то, кто и как сказал о мире. Это — начало долгого пути формирования идеи «авторства». Ведь с идеей «разного искажения» истин связана и идея языкового и стилевого единства текста, исходя из которой появляются зачатки грамматической и исторической критики⁸. Правило «прочитай текст от начала до конца» — достижение этого времени. Появляется и идея герменевтического круга, предполагающая, что смысл части зависит от смысла целого. По мере уточнения смысла части может проясниться и

⁸ См., например: *Валла Лоренцо*. Критика Константинова дара // Итальянские гуманисты о религии и церкви. М., 1952.

смысл целого, а его уточнение приведет к уточнению смысла этой и других частей, и таким образом совершается круговое движение от частей к целому и вновь к частям.

Появляются основания для разведения авторства и авторитета. Божественные истины для всех одни и те же, но каждый причастен им по-своему. Теперь требуется понять, как те же истины мыслит другой (его замысел), а для этого надо понять его закон, его связь с Богом. Автор трактуется как источник целостности текста, пока еще послушный вечным и его превосходящим истинам. Толкование, которое раньше было необходимо тогда, когда не было понимания, становится моментом процесса понимания.

Впервые появляется и представление о языке не как о наборе независимых друг от друга имен, а как о целом — «язык как выражение души народа». Данте, рассуждая о необходимости писать на народном языке, отдает дань совершенству золотой латыни, однако полагает, что и народный язык в состоянии достичь совершенства — иного, чем золотая латынь. Будущее языков видится ему как букет, в котором много разных цветов. Каждый цветок по-своему выражает божественную гармонию.

Начинается формирование «сюжетной литературы» в европейской мысли, связанное с идеей замысла произведения. Легче всего представить себе этот процесс, поставив в ряд произведения, которые разделяет век: агиография — «Декамерон» — «Дон Кихот». Если первое представляет собой сборник новелл, в котором логика перехода от одной к другой отсутствует, то в «Декамероне» появляется уже канва, на которую нанизаны 100 новелл; новеллы же из «Дона Кихота» Сервантеса не только соединены единой тканью повествования, но и проясняются одна через другую, мы уже с трудом можем толковать их обособленно.

4. Становление языкознания в Новое время

Следующий этап развития языковедения — Новое время. Его суть достаточно точно схватывается в новом термине — «языкознание».

Понятие доброго или злого «транслятора» вечных истин уточняется до понятия «точка зрения». Это — неологизм, введенный школой Готфрида Вильгельма Лейбница. «Точка зрения» — внешнее и внутреннее состояние зрителя в той мере, в какой оно образует для него вещи. Иммануил Кант вводит понятие «мировоззрение», за два века прижившееся и в обыденном языке. Он подразумевает под ним конструкцию мира с определенной точки зрения.

Текст понимается как закрепленное в знаках мировоззрение, или структурированные формы дискурса, зафиксированные материально и передаваемые посредством операций прочтения. Текстами теперь называют любые знаково-символические системы, выраженные средствами естественного или искусственного языка и предназначенные для кодирования, сохранения и передачи информации (смысла текстов).

Такое понимание текста ряд авторов в XX в. назовут «статическим» и «избыточным». Оно является статическим, т. к. всегда подразумевает существование равного самому себе текста; оно избыточно, т. к. текст представляется тем сокровищем, откуда всегда можно черпать всякий раз непредсказуемые богатства, «провидением, которое всегда умеет говорить заранее, и которое всегда донесет до слушателя, если тот умеет слышать, навеянные прошлым неоспоримые суждения»⁹. Интересы литературоведения, герменевтики и других направлений гуманитарной мысли в отношении текста парадоксальным образом смещаются — интересуется не сообщаемое текстом, а вопрос — как вообще можно что-либо сообщить. Появляется «наука о языке, а не о языком говоримом» (Х.Г. Гадамер). В результате читатель, искавший в текстах жизненного смысла, превращается в «эстетствующего читателя», расширяющего текст.

Действительно, понимание текста как зафиксированного в языке мировоззрения предполагает расшифровку текста, т. е. идею, что ключ к тексту — не в нем самом, а «за ним». Если текст отождествляется с мировоззрением, т. е. по формулировке Ипполита Тэна, текст есть «снимок с окружающего и признак известного

состояния умов»¹⁰, то он должен быть понят, во-первых, через особенности конструирования мира человеком. Рождается психологическая интерпретация и понятие автора, как уникального источника именно этой, определенной конструкции мира. Авторитет начинает трактоваться как покушение на свободу мышления, а слово «предрассудок», которое первоначально обозначало суждение судьи, вынесенное до рассмотрения дела в суде, впервые приобретает негативный оттенок. Такое понимание текста лежит, в частности, в основе ряда методик психологии, которые позволяют устанавливать психологические характеристики личности на основе ею производимого или воспринимаемого текста (возможность воспроизводства целостного осмысленного текста как тест на психическое здоровье; выяснение психологического портрета через стилистику текста и т. д.).

Во-вторых, текст может быть представлен через те реалии, которые он описывает (идея Шлимана отнести к тексту Гомера не только как к предмету эстетического созерцания, но и как к источнику географических, исторических и других сведений — яркое выражение этого подхода). Историческая критика источников, натурализм и критический реализм — вот далеко неполный перечень подходов, базирующихся на этой идее.

Понимание и порождение речи теперь — две стороны одной медали; как изящно замечал Вильгельм фон Гумбольдт, «люди понимают друг друга не потому, что взаимно проникаются знаками вещей, и не потому, что они взаимно предопределены к тому, чтобы создавать одно и то же, в точности и совершенстве понятие, а потому, что они прикасаются к одному и тому же звену в цепи своих чувственных представлений, ударяют по одной и той же клавише своего духовного инструмента, в ответ на что тогда и выступают в каждом соответствующие, но не тождественные понятия»¹¹.

¹⁰ Тэн И. История английской литературы // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX—XX вв. Трактаты, статьи, эссе. М., 1987. С. 73 и далее.

¹¹ Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Избр. труды по языковедению. М., 1984.

Ф. Шлейермахер узаконивает термин «понимание» в философском языке. Усиливая мотивы предшественников, он говорит об индивидуальной связи с Богом каждой души и о редкости совпадений в творческом источнике с ней (конгениальность). Единство связи с Богом делает другого принципиально понимаемым, но лишь в бесконечной перспективе. Естественнее непонимание, понимания нужно искать. Оно достигается грамматическим и психологическим, историческим и дивинаторным истолкованием данной речи, т. е. либо движением от общности языка к языковым особенностям данного произведения и тем самым приближением к индивидуальному видению мира, либо движением от общих законов видения мира людьми к особенностям видения его автором. Все это помогает «попасть в круг» души автора, понимать его и сказанное им. Сказанное текстом будет понятно после того, как мы реконструируем способ авторского видения. Интересы сосредотачиваются не на том, что усматривается, а на том, как усмотрение возможно.

Понимание текста как мировоззрения позволяет распространить его на всю культуру. Не только речь или письменные источники, но и картины, музыкальные произведения и другие творения человеческого духа начинают пониматься как видение мира человеком, как «сетка», наброшенная на мир — т. е. как определенная знаковая система, несущая информацию, которую можно понять через особенности «конструирования» мира этим человеком, с одной стороны, и те реалии, которые «реконструируются».

Второе рождение переживает диалог. Понимание любого текста — встреча двух мировидений. Эта встреча становится одной из центральных методологических проблем. Одну из стратегий ее обсуждения предлагает немецкий романтизм, считающий необходимостью полное растворение в другом «я» для понимания его мировидения. Однако при этом любой текст лишается претензии на истину, а пытающийся понять другого по сути выводится из ситуации понимания. Вторая стратегия — стратегия «исторического объективизма», когда считается, что больший исторический опыт может помочь реконструировать самое важное в другом мировоззрении. Его методы «лишают почвы

произвол и случайность актуализирующего панибратства с прошлым, однако при этом он создает себе возможность со спокойной совестью отрицать не произвольные и случайные, но основополагающие для целого предпосылки, направляющие его собственное понимание»¹².

К этому же времени относится выделение двух «ветвей» в языковедении — собственно языковедения и литературоведения.

В Новое время формируется идея сетки, помещенной между человеком и миром. Язык отождествляется с этой общей сеткой, становясь то универсальным исчислением мира (как у Лейбница), то лишь представлением отдельных предметов в речи (как у Томаса Гоббса). Если язык — просто сетка, то она может стать тем самым предметом изучения, возможно не только «ведение» языка, но и его знание. Знание же языка — знание законов «устройства» сетки, помещенной между человеком и миром.

Возникают естественные теории языка — первоначальные сигналы животных, предупреждающих друг друга об опасности, сообщающих о найденной еде и т. д., постепенно становятся средством именования вещей, упорядочиваются в систему, в результате чего становится возможным создание абстрактных имен и постоянное усложнение языка, которое, в свою очередь, помогает последующим поколениям превзойти своих предков. Здесь язык мыслится как продукт и одновременно условие развития культуры.

Сформировавшаяся в то же время энергичная теория языка В. фон Гумбольдта говорит о языке как неустанной работе духа с целью приспособить членораздельные звуки к выражению мысли. В душе человека звучит весь мир, но что-то одно из этой целостности выделяется и противопоставляет себя мышлению в качестве объекта. Этим опосредуются наши отношения с миром. Без этой деятельности выделить конкретные предметы из целостности мира невозможно. Такая деятельность есть язык, поэтому он является одновременно и условием мышления конкретного индивида, и его общения с другими. При этом Гумбольдт подчеркивает вторичность коммуникативной функции

¹² Гагамер Х.Г. Истина и метод, М., 1988. С. 356.

языка — даже если существовал бы один-единственный индивид, он бы имел язык. Однако в обществе язык получает блестящие условия для своего развития — поскольку мы можем учиться совершенству видения мира другими и делиться с ними своими достижениями.

Психологические и социологические школы языкознания XIX в. пытаются говорить о языке как выражении специфической позиции человека в мире, подчеркивая аспект моделирования языком действительности, отождествляя язык с сеткой, помещенной между миром и человеком, при этом центральной проблемой является «устройство» этой сетки.

Дискуссия о природе слова в это время (является ли оно просто отражением предметов или неизбежно включает в себя исходное совершенное знание о мире) позволяет увидеть и новую предметную сферу — историю языка, а также по-новому сформулировать проблему связи языка и мышления. Если раньше ее постановка сводилась к следующему: «знающий толк в вещах знает толк в именах», то теперь язык становится необходимым компонентом мышления.

5. Разделение наук о природе и наук о духе

В XIX в. окончательно оформляется дихотомия понимания и объяснения и происходит разделение наук о природе и наук о духе. Термин «науки о духе» принадлежит Дж. Ст. Миллю, который в своей работе «Логика индуктивных наук» указывал, что естественные науки достигли той стадии своего развития, когда они опираются на опытные данные, а формулировка законов является индуктивным обобщением опытных данных. Науки же о духе (*moral science*) такого состояния не достигли. Однако Милль выражает уверенность в их возможном прогрессе.

Однако многие представители наук о духе с такими прогнозами не соглашались, обращая внимание на ряд моментов несводимости одной группы наук к другой.

Во-первых, гуманитарные науки не имеют дело с «чистым», свободным от наблюдателя опытом.

Во-вторых, в них нет той повторяемости, которая свойственна явлениям природы.

Наконец, их задача — понимание.

Однако в Новое время мотив понимания исчезает из сферы вещей. Во всей предшествующей традиции человеческое существо определялось через присутствие — душа изначально причастна смыслам мира. Человек может усмотреть суть вещи (то, что делает эту вещь именно такой), именно проявив в душе этот предпосланный смысл, поняв ее. В Новое время ранее единая и неделимая суть вещи (например, «стольность») стала теперь представимой через совокупность качеств (тот же «стол» будет теперь вещью, обладающей протяженностью, плотностью, цветом и т. д.). Вещь, таким образом, может быть исчерпана в человеческом представлении этой вещи, т. е. достаточно описания через набор признаков. Вопрос о том, что заставляет набор ее признаков быть именно таким, становится излишним. Она требует не столько схватывания ее сути, понимания ее, сколько правильной «организации» человеческого представления вообще — точного метода.

Познание мира теперь представляется иначе. В предшествующей традиции предполагалось, что схватывание сути вещи предполагает дальнейшие умозрительные операции. В Новое же время проблематичным становится само схватывание сути, или ансамбля качеств вещи. «Раньше считали, что достаточно черпать воду из колодца чтобы напиться, а надо извлечь из винограда сок», — заметит по этому поводу Ф. Бэкон. И разъяснит: «Необходимо разделение и разложение тел, конечно, не огнем, но посредством размышления и истинной индукции с помощью опытов, а также посредством сравнения с другими телами и сведения к простым природам и их формам, сходящимся и слагающимся в сложном»¹³. А это сложное и есть сама вещь!

Уяснение себе, что есть эта вещь, есть уяснение ансамбля ее качеств. От неправильного членения (анализа) никто не застрахован. Но если раньше вопрос стоял просто — увидена суть вещи или нет, то теперь постановка вопроса изменяется — насколько правильно увидена суть. Поэтому появляется в общем-то но-

¹³ Бэкон Ф. Соч. Т. 2. М., 1978. С. 86.

вая тема — устранение искажений видения мира — уже у Бэкона мы найдем учение об идолах, а Декарт будет тщательно разрабатывать правила для руководства ума. На место понимания вещей заступает их объяснение — разъяснение, разложение на составляющие признаки, т. е. замещение вещи ее человеческим представлением, показ взаимодействия этих составляющих, а также места этого представления в единой структуре представлений (структурное, причинное и т. д. объяснения). Если понимание — вхождение в круг, интуитивное схватывание целостности, то объяснение — разложение на составляющие, предполагающее отдаленность наблюдателя от наблюдаемого. «Наука считает познаваемым только то, что может сконструировать и воспроизвести; вопрос экспериментальной науки понимается математически и направляется на абстракцией изолированное от всего другого — мир становится предметом методического исследования»¹⁴.

Огромное ускорение темпов познания было первым следствием этого нового представления вещи. Раньше универсум был универсумом совершенных в себе творений, каждое из которых замкнуто в себе. Открытие относится именно к этой вещи и на другие не распространяется. Между открытием линз и идеей, что можно поставить две линзы в ряд, чтобы создать телескоп или микроскоп, прошло три века. Исследователи Нового времени полагают, что один и тот же признак может «входить» в сущность разных вещей. Следовательно, если мы знаем нечто о нем, то мы вправе судить о всех вещах, обладающих этим признаком. И не случаен пафос открытий Нового времени — ВСЕ твердые тела при нагревании расширяются!

Новая интерпретация понятия закона была первым следствием данного воззрения. *Lex naturae* раньше обозначал божественное предназначение вещи, которому данная вещь следует (такую классическую формулировку дает этому понятию, в частности, Фома Аквинский). Теперь вещь представима через взаимо-

¹⁴ Gadamer H.G. Die griechische Philosophie und das moderne Denken // Die Moderne und die Grenzen der Vergegenstaendlichung, Muenchen, 1996. S. 47.

связь качеств — и именно эта взаимосвязь и определяет ее «поведение». И в XIX в. понятие «закон» определяются уже как «устойчивая, необходимая и существенная связь предметов и явлений». Зная связь признаков, мы можем описать любую вещь. Все в мире подчиняется одним и тем же законам, причем неважно, что это — травинка, животное, дом, мост, Вселенная в целом. Достаточно познать закон, и мы можем предсказать все, что будет, и даже изменить все, что хочется изменить.

За ускорение темпов познания была заплачена огромная цена. Во-первых, была утрачена соединенность качеств в вещи, или сама эта уникальная единичная вещь. Как иронично отмечал Г. Коген, существование законов, которым подчиняется травинка, открывать и обосновать можно. Но нет того, кто смог бы объяснить, почему существует именно травинка.

Вторая потеря — это потеря целостного человеческого существа. Задача человека — познание законов. Это необходимо и достаточно для отношений с миром (да и с самим собой) — ведь построение общей сетки качеств и есть универсальный доступ к миру. Именно рациональное конструирование мира (или открытие его законов) и становится центральной характеристикой субъекта, в котором теперь «течет не настоящая кровь, а разжиженный сок разума» (В. Дильтей).

Объяснение относили к области наук о природе, тогда как понимание — к области наук о духе. Задача гуманитарных наук — понимание «психофизического существа». Ведь открывать законы дано не всем, обычно видение людьми мира неясно и неотчетливо. Необходимо анализировать реальный процесс познания, все разнообразные вариации, искажения, которые вносятся человеком в «правильное видение мира». Искажения же вносятся постольку, поскольку не каждый способен видеть вещи «правильно».

Собственно, эти «неправильные» видения, мировоззрения и являются предметом гуманитарных наук. «Научность» же их в том, что результатом исследований будет строгая и достаточно универсальная теория, показывающая, как мир конструируется человеком. Психологизм, или восстановление мироотношения индивидуумов, — вот ключевой метод исследования.

Его обратной стороной будут реализм, натурализм — т. е. требования «неискаженного» описания реальности, которая конструируется мировоззрением.

■ 6. Основные тенденции развития лингвистики и литературоведения в XX в. Рождение коммуникативистики

Ситуация в гуманитарных науках на рубеже XIX — XX вв. в чем-то была похожа на ситуацию в физике. Казалось, что основные открытия сделаны, и задача ученых — развить их, с тем чтобы достроить универсальную и всеохватывающую науку о мире. Роль законов Ньютона в гуманитарных науках играла идея текста как мировоззрения; исследования же процесса творчества, с одной стороны, и социальных реалий, с другой, были теми универсальными ключиками, которыми открываются все дверцы в сложном здании человеческой культуры.

Трактовка текста как зафиксированного в языке мировоззрения породила ряд серьезных проблем. Если исходить из предпосылки, что текст надо расшифровать, искать за ним автора и реконструировать реалии, отражением которых он является, то невозможно объяснить, зачем большинство людей обращаются к текстам — ведь научные интересы историка или психолога могут не руководить ими вовсе. Мы наслаждаемся Гомером, не зная ни о реалиях жизни Греции того времени, ни о спорах о фигуре Гомера (вопрос — один автор, три автора или школа гомеридов творила эти тексты, — вовсе не обязательно ставится каждым читателем этих произведений). «Текст говорит что-то, важное для меня», — эта простая формулировка улавливает принципиальный момент — именно диалог о жизненно значимом и для автора, и для читателя, слушателя заставляет обращаться к тексту.

Идея же диалога, базирующаяся на отождествлении текста с мировоззрением, показала недостаточность этого отождествления. Модель понимания текста — это «встреча» двух мировоззрений. Насколько и как они совпадут? Тезисы погружения в автора и отказа от соб-

ственных посылок, равно как и идея превосходства последующих поколений над предыдущими и почти автоматического «считывания» ими принципиальных смыслов догматически предполагают в качестве своих посылок, во-первых, единое смысловое поле культуры, не проблематизируя его. Во-вторых, предпосылается «совпадение» в бытийных смыслах разных людей. По сути дела, исключаемые идеей текста как мировоззрения посылки неявным образом учитываются, а это говорит о недостаточности понимания текста просто как закрепленного в языке мировоззрения.

Если же ставить вопрос именно об этом жизненно значимом, о тех бытийных смыслах, которые и обуславливают «жизнь» текста, возможность и обращения к нему, и понимания его другими людьми, то вопрос выводится на философский уровень, а категории — понимание, интерпретация, герменевтический круг и другие — становятся философскими категориями. Текст предстает уже не сеткой смыслов, которые надо расшифровать путем обращения к внетекстовым реалиям, а моментом, фазой свершения понимания. В строгом смысле слова «текст не есть, а текст думает» (Х.Г. Гадамер).

Что же такое текст в таком случае? Традиционно понятие «текст» подразумевало некоторую связность (вспомним этимологию данного слова), обладающую устойчивым смыслом. Причем если первоначально речь шла о связности на уровне фразы, то затем требование целостности начинает применяться к всему произведению (родившееся в XV в. и сформулированное Матиусом Флациусом правило «сначала прочти текст от начала до конца»), затем — к корпусу произведений одного автора (Ф. Аст, Ф. Шлейермахер), а впоследствии — и к культурной эпохе, и к культуре в целом (В. Дильтей, М. Бахтин и др.). Смысл же первоначально занимал своеобразное место — связность текста помогает не промахнуться мимо смысла, как бы наводит нас на него. Смысл не вплетен в текст подобно тому, как вплетены в него слова, но и несвободен от текста и открывается только благодаря ему. Достаточно вспомнить метафорику этой связи «смысл вырастает из текста», «рождается при чтении текста», «связность текста отсылает нас к чему-то другому», «понимание

текста есть созвучие в смыслах» и т. д. Однако всегда существовал «пробный камень» смысла — либо мировая гармония, либо божественное откровение, либо, наконец, объективная реальность. Заметим, что идея текста как мировоззрения заставила считать именно языковые структуры непосредственными «представителями» смысла, практически искать его непосредственно в них.

Теперь есть движение понимания. Смысл сохранил свое особое положение, но потерял устойчивую основу, с которой можно было согласовываться при его постижении. А связность текста диктовалась единством смысла. Теперь мы наблюдаем проблематизацию презумпции доверия к связности текста.

Можно считать вполне доказанным положение, что связность на уровне фразы установить нельзя (достаточно вспомнить пример со знаменитыми «пустыми бочками из-под бензина», подтолкнувшими к созданию гипотезы лингвистической относительности) — связность на уровне фразы отсылает к иному уровню организации текста.

Связность произведения возможна, если мы вводим особую фигуру — фигуру автора; ее введение ничем, кроме сложившейся организации культуры, не обосновано. Понятие «автор» и понятие «текст» — две стороны одной медали. Они появляются вместе в аппарате гуманитарных наук в эпоху Ренессанса и обозначают по сути один и тот же феномен: приобретение текстом замкнутости, цельности, которых до этого не было. Ведь у текста появляется «источник» — индивид, который чувствителен к единым всем идеям особым образом. Поэтому необходимо понять его замысел, чтобы понять текст. Постепенно этот ретранслятор общих всем идей уточняется до «точки зрения», а затем и до индивидуальности XIX в. — замкнутой и отличной от других. Текст — ее воззрение на мир, тоже уникальное, хотя и имеющее общую основу — ту самую единую для всех реальность.

Но вправе ли мы в современных условиях говорить о лишь по-разному отражаемой реальности и общем, и особенном в принципах ее конструирования? Тот самый автор, который создает свою картину мира, которая, будучи закреплена в языке, и является текстом,

оказался сначала социальным существом — т. е. видящим мир не «чисто» и «свободно», а через навязанные социализацией социальные практики. Кроме того, он оказался не совсем рациональным существом (новации австрийского психиатра З. Фрейда были первой ласточкой). Сначала обнаружилась сфера бессознательного, т. е. непосредственно не представленных в сознании субъекта психических процессов (причем речь шла не только об индивидуальном, но и о коллективном бессознательном). Параллельно обнаружилась и новая сфера анализа — телесность как особый способ организации мира человека, преодолевающий дихотомию материального и духовного, некая исторически определенная «матрица» разворачивания мысли. Еще М. Мосс обратил внимание на то, что представители разных культур по-разному бегают, улыбаются и т. д. Исследователи, развивающие эту тему, говорят, например, о том, что позы, которые считаются удобными при совершении одного и того же действия, различны в разных культурах. Европейцы сидят на стуле или полужалят, но сидеть на корточках или со скрещенными ногами им неудобно. Однако следы этих «телесных практик» можно найти и в языке этих культур. Можно указать на редкость в европейской живописи таких сюжетов, как отдельная букашка на травинке (чтобы ее увидеть, требуется как раз сидеть, причем так, чтобы букашка была как раз на уровне глаз) — и сопоставить это с массивом японского искусства, к примеру. Весьма многочисленные ныне исследования «пространства» в языке определенной культуры и аналогичные им как раз являются ярким примером обращения к «телесной» проблематике.

Кроме того, граница условного и реального в XX в. становится слишком зыбкой. Прежде всего мы имеем дело с постепенной унификацией режима, образа жизни, обихода и культуры потребления и — что более существенно — с планетарным масштабом, который будет задан данной культуре в качестве меры, — все происходящее на всей планете понимается по аналогии с собственным опытом — и не остается уголка на земле, где наши механизмы понимания давали бы сбой. Мы можем объяснить и понять все. Раньше в европейской культуре понимание все-таки предполагало вни-

мание к особенностям и отсутствие единой рационализируемой мерки, по которой можно мерить мир. Когда лермонтовский Максим Максимович говорит про Казбича: «Конечно, по-ихнему он был совершенно прав», — он не перестает считать Казбича бандитом; представить же в его устах риторику общечеловеческих ценностей — и призыв либо признать право на свободу черкесов, либо наоборот, призыв к уничтожению всех бандитов определенной национальности все-таки невозможны. XX в. как раз грешит такими универсально-понимающими мерками — особенностей нет, все может быть рационализировано и по этому рационализованному стандарту оценено.

Однако такое универсальное понимание чревато серьезными проблемами. Теперь их узловой пункт все чаще обозначают термином «квазиреальность». Представители европейского постмодерна (прежде всего Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр, У. Эко¹⁵) ставят тему квазиреальности в центр обсуждения. Понятно, что всегда существует некоторая условность образов, в которых и эпоха, и отдельные люди выражают себя. И «каждая эпоха имеет свой постмодерн» — т. е. состояние, когда условность образов осознается и должна быть показана. Модерн бунтует против сложившихся образов, но оказывается столь же тоталитарен, как и образный строй, против которого он бунтует — потому что претендует на выражение единственной истины. Постмодерн скромнее — он не дает ускользнуть истине, ибо, порождая образы, он одновременно подчеркивает их условность.

Квазиреальность последнего столетия оказывается не столь уж легко преодолимой. Оперативность и скорость коммуникации не дают запаса времени на прочтение и осмысление сообщений, к тому же толкая к обезличенности информации. Информационное сообщение тяготеет к краткости и претендует на полную объективность. Однако что это за реалии, которые стоят за текстом? Слушая сообщение о боевых действиях на другом континенте, мы, с одной стороны, просто доверяем им, не имея возможности их проверить. С дру-

¹⁵ См., например: Лиотар Ж.-Ф. Ситуация постмодерна. СПб., 1998; Эко У. Отсутствующая структура. СПб., 1998.

гой, это сообщение, затрагивая нас, является скорее «условно-событийным» — мы не видим эту боль и кровь и не всегда ее домысливаем. Нередко сообщение просто «принимается к сведению».

Однако это безобидное на первый взгляд явление имеет серьезные последствия — в статус условно-событийного может попасть что угодно. Спеша на работу и увидев издали автомобильную аварию, мы фиксируем это краешком сознания, и далеко не всегда появляется мысль о том, что там, может быть, нужна наша помощь. Событие аварии в данном случае переводится в ранг «условного события», аналогичного тому, которое мы видим на экране телевизора, компьютера или о котором читаем в газете. Граница реального и символического становится все более зыбкой. Нашумевшие откровения американского летчика, сравнивавшего свою бомбардировку (вполне реальную) с компьютерной игрой-стрелялкой и ставившего выше красоту взрывов своей бомбардировки, а не компьютерной — яркая иллюстрация этой «утраты социальности». Речь, однако, не идет о полностью виртуальном мире — ведь так или иначе «доступ к реальности» есть у каждого — мы в состоянии отличить, допустим, реальное дерево от его любых имитаций и уж тем более живого человека от робота. О полной подмене реальности речи нет — вопрос стоит иначе: в определенной общности существуют «каналы восприятия» реальности, из-за движения по которым далеко не все, что происходит, будет увидено и осмыслено человеком. Если и есть возможность манипуляции сознанием, то только ввиду существования этих каналов.

Похоже, что при анализе современного текста мы просто не имеем права апеллировать к единой для всех реальности. Значит, совпадения — либо совпадения в дискурсивной практике, либо чудесные созвучия. Текст в таком случае представляется как одновременно глобальный и локальный, этаким всемирным разговором в ожидании Годо. Он отсылает ко всему корпусу культуры и в определенной мере созвучен с ним, но организует смыслы в рамках своего дискурса, причем не только в соответствии с общими практиками, но и своим, особым образом.

Поэтому и автор становится, как это ни парадоксально, одновременно универсальным и локальным. Как

методологическая фигура, он теряет замкнутость и согласованность, свойственную индивидуальному миру, и отсылка к замыслу автора кажется не совсем правомерной. Но он по-прежнему вливается в общий хор посвоему. Специфика дискурса должна быть учтена.

Что же касается следующего уровня текста — уровня единства культуры, то оно может быть традиционно — как единство смысла, показывающегося нам разными гранями; однако другая модель — гипертекстовая, представимая как ризома, когда предполагается отсутствие стержневого смысла и возможная взаимоперекличка любых смыслов культуры, имеет не меньше оснований, если мы не держимся за старую идею единой для всех реальности и одинакового доступа к ней (о ее пересмотре см. выше).

Поэтому жажда всевозможных вариаций и экспериментов является характерной чертой именно XX в. — речь идет о поиске «места» смысла. Это к тому же время манифестов о смерти или убиении (начиная со сбрасывания Пушкина с парохода современности и отправки академического искусства на пенсию до недавней смерти автора, а вслед за ним и человека). Размывание законов текста и жанра и даже поиск а-стилевого единства — тоже важная характерная черта.

Нарочитое отсутствие последовательности в изложении, претензии произведения быть просто регистрацией жизненного опыта и понимания жизни конкретным человеком, похоже, стали стилевой особенностью текстов XX в. Сближение литературы и философии становится неизбежным, т. к. речь идет не о построении целостной системы мира, а о попытке «поймать» это рождение смысла как основной задаче.

Но если связность текста диктуется как раз «местом» смысла, то где оно? Ведь даже популярность слова «дискурс» прямо указывает на центральность вопроса о связи текста и смысла. Вот одно из возможных определений: дискурс — «жест бессмертия без субстанции»; высказывание — не фраза, не пропозиция и не речевой акт, а «функция существования, принадлежащая собственным знакам, исходя из которой... можно решить, порождают ли они смысл, согласно какому правилу располагаются в данной последовательности,

знаками чего являются и что осуществляется в процессе их формирования»¹⁶.

Мы встречаемся с двумя экстремальными попытками — с одной стороны, отделить смысл от текста совсем (концептуальное искусство, предполагающее обязательное дополнительное объяснение смысла произведения (само по себе оно не все может сказать!) является ярким тому примером).

С другой стороны, делаются попытки эту связность не принимать на веру и практиковать (просто понимая тексты), а найти опосредующие звенья, которые ее бы позволили объяснить (от генеративной грамматики через всевозможные коммуникативные прагматики к идее ситуации как ключа к пониманию смысла). Результатом будет простой показ (шоу) конкретной ситуации понимания, образцов чему в современной культуре много (см., например, «Сарразин» Р. Барта).

Можно констатировать, что понятие «текст» оспорить не удастся. Оправдание его методологической применимости — во-первых, сама пока существующая возможность коммуникации в культуре (хотя бы в разговорах о погоде) — она требует признания хотя бы одного текста — культуры в целом. Во-вторых, существование в культуре «высоких текстов», что показывает существование внутренней неоднородности этого единого текста культуры и особые связи текста и смысла.

С последним и связаны методологические новации XX в. — это проблема порождения смысла, его процессуальности (в том числе и при понимании текста). Речь идет о проблематизации метафорически описанной и, строго говоря, пока не проясненной связи текста и смысла.

Появляются различные стратегии представления этой связи. Стратегия феноменологической герменевтики¹⁷ направлена на то, чтобы уловить формирование смысла в человеке. Это оформление и есть процесс

¹⁶ Фуко М. Археология знания. Киев, 1996, С. 88.

¹⁷ См., например: Хайдеггер М. Исток художественного творчества // Соч. М., 1991; Сартр Ж.П. Что такое литература? СПб., 2000.

интерпретации. Структурно-семиотический подход настаивает на существовании алгоритма движения смыслов в рамках определенной культуры, и интерпретация будет лишь подбором такого алгоритма¹⁸. Постструктурализм¹⁹, говоря о неповторимости процесса порождения текста, настаивает на превращении культуры в один — единый текст, где все относится ко всему и произвольно выбранное высказывание является интерпретацией любого другого. Тем самым спектр возможных интерпретаций текста или высказывания ограничивается, а вопрос об их адекватности ему не ставится.

Разумеется, изменяется и связанное с понятием «текст» понятие авторства.

Признание системы смысловых связей, несущей на себе истину сказанного и ручающейся за нее (см. феноменологическая герменевтика) позволяет вести разговор об исторических и психологических условиях предпонимания, уточняющих смысл, существующий в произведении как ядро, оболочкой которого и будут условия порождения текста.

Последовательное признание обезличенности импульсов творения (и творчества) мира (например, в структурализме, неомарксизме) делает понятие авторства излишним. Анализ может концентрироваться вокруг прочерчивания данного пути в заданной схеме возможностей.

Тезис о принципиальной неповторимости события (созданные единства, системы связей можно распутывать, протягивать во всех направлениях, но расшифровывать нечего, потому что нельзя достичь основы) влекут тезис о смерти автора, которой надо заплатить за рождение читателя, т. е. за саму возможность его «движения» в смысле, за рождение смыслов у читателя.

Идея же редкости высказываний (высказывания всегда в дефиците по отношению к тому, что может быть высказано, поле формулировок не наполнено, и поэтому

¹⁸ См, например: Пропп В. Морфология сказки. Л., 1928 и след. изд.; Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983 и след. изд.

¹⁹ Барт Р. Избр. работы. М., 1989; Деррида Ж. Позиции. Киев, 1993 и др.

интересно изучение того, что позволяет высказываниям быть именно такими, в отличии от всех остальных и лакун, пустот, существующих в силу именно такого формирования высказывания) приводит к пониманию идеи авторства как одной из определяющих высказывания и, следовательно, направляющей в формировании поля высказываний данной культуры, того, о чем и как скажет эта культура. Стирая имя автора и удерживая его на границе, эта стратегия, выработанная, в первую очередь, М. Фуко и Ж. Делезом, вновь ищет переключки авторства и авторитета.

Новации в языковедении XX в. связаны, во-первых, с представлением о языке как системе, в которой отношения господствуют над элементами, в системе, сохраняющей некоторую устойчивость при различных преобразованиях и по-разному реализующей себя в речи; во-вторых, отнесением языка к полю надындивидуальных смыслов, с которыми мы встречаемся при попытках осознания мира. Язык становится не просто человеческой моделью мира, но опытом мира. Мы не просто понимаем какой-либо смысл, выражаемый в суждении, а при этом также конституируем самих себя как причастных к этому смыслу. Слово, таким образом, становится архетипом культуры. Поэтому центральной проблемой становится проблема «процессуальности смысла», т. е. языка как опыта одновременного конституирования мира и человека.

Именно эти проблемы являются центральными для большого круга языковедческих теорий XX в. — например, для «генеративной грамматики» Н. Хомски, различных теорий «семантического синтаксиса» (теории Дж. Лакоффа и других), теории Ф. де Соссюра, функционализма и структурализма (Р. Якобсон, Н. Трубецкой и других), теории иллокутивных актов (Дж. Серль, В. Вендервекен) и многих других.

Возникает новый методологический вопрос — каково же подлинное значение высказывания другого. Он становится еще острее из-за реалий информационной эпохи. Действительно, текст по-другому функционирует в культуре, попросту становится другим. Возьмем для примера текст СМИ. Текст СМИ не претендует, во-первых, на смысловую завершенность — хотя бы потому, что исходно является именно звеном в информа-

ционной сети. То есть речь идет не о тексте, а о гипертексте, или интертексте, в котором данный конкретный текст является лишь частью целого, существование которого мы можем предположить. Гипертекст, или интертекст — это постоянная ссылка текстов друг на друга и бесконечное цитирование; здесь нет базовых текстов, освоение которых формировало бы традицию; здесь трудно указать исходные или направляющие моменты восприятия смысла текста.

Во-вторых, текст СМИ нередко является текстом, созданным коллективным трудом определенной команды, а не отдельного человека. Уже такие простые факторы, как регулярность получения и обработки информации, ставят под вопрос индивидуальное творчество.

Поэтому коллективный автор и коллективный реципиент информации — новые аспекты текста СМИ для герменевтики. Обратим здесь внимание на то, что речь идет не просто о том, что субъект творчества, равно как и субъект восприятия информации, стал «коллективным». Когда раньше шел разговор о коллективном субъекте, предполагалось допущение, что, несмотря на различные интерпретации, можно говорить об общем смысловом ядре (значении). В СМИ же происходит размывание традиции в широком смысле слова, т. е. при анализе нельзя исходить из допущения «образцовых текстов» и общей логики образования, которая обеспечивала бы общность механизмов восприятия текстов. Сама идея «общего смысла» для коллективного субъекта стала проблематичной. «Совпадение» в смыслах — желаемое, но отнюдь не само собой разумеющееся состояние коллективного субъекта СМИ.

Кроме того, прежние авторы всегда исходили из модели «искренней» коммуникации — т. е. полагали добрую волю субъектов коммуникации, их полное понимание того, о чем они говорят, и исключали из анализа намеренное манипулирование информацией. Между тем, исследование функционирования текста в СМИ не может не учитывать этого. Возьмем простой факт — в текстах СМИ встречаются не просто слова и понятия в строгом смысле слова, а «слова для опознания». Например, вместо «Германская Демократическая Республика» средства массовой информации ФРГ в 50-е гг. употребляли словосочетание «средняя Герма-

ния» — словосочетание, которое трудно погрузить в логику языка. Географическое понятие циркулирует в политическом дискурсе как указание на нежелание признать определенные политические реалии, что ведет к нарушениям в едином строе языка. Приступая к анализу текстов СМИ, необходимо, таким образом, учитывать «искаженность» и «клишированность» коммуникации.

Свой существенный нюанс вносит и специфика средств передачи информации. Не только телевидение, но и газеты начинают с изложения «фактов»; это изложение претендует на статус «неприкрытой правды», а не только простого описания. Особенно ясно это видно на примере визуальных СМИ, когда картинку реальности (отметьте — кем-то снятую и, возможно, даже смонтированную) выдают за саму реальность. Современные СМИ как бы говорят: «Мир таков — смотрите сами». Эту тенденцию можно обозначить как тенденцию к «визуализации» информации. Такое понятие, как «монтаж», приобретает важное значение. Вспомним хрестоматийный пример с кадром, на котором крупным планом было снято лицо известного русского актера С. Мозжухина. В первом случае за этим кадром следовали кадры со стоящей на столе тарелкой супа; во втором — кадры гроба, а в третьем вслед за кадром с лицом актера следовали кадры, изображающие маленькую девочку, играющую с милым плюшевым мишкой. Зритель находил соответственно выражения удовольствия, скорби и умиления. Но ведь лицо-то Мозжухина не менялось! «Визуализация» текстов СМИ ставит серьезной вопрос о существовании той самой подлинной и единой для всех реальности, о которой идет речь. Возмущенные звонки в редакции телевидения 11 сентября 2001 г. с требованием прекратить дурные шутки и розыгрыши с обвалом зданий — яркое выражение тех проблем, которые ставит «визуализация» информации (повторим еще раз, она свойственна не только телевидению, но и традиционным источникам информации — газетам и т. д.).

Не столь важным, однако действенным фактором является и информационная пресыщенность. Ранее информация так или иначе обрабатывалась личностью, осмыслялась ею. Теперь же нередка ситуация, когда

мы имеем дело просто с маркировкой факта, события; нет того самого вдумывания, которое вело бы к освоению этого факта личностью и осмыслению его в рамках целостного мироотношения.

Эти особенности текстов СМИ требуют для работы с ними особого методологического аппарата, формированием которого и занята коммуникативистика на современном этапе. Возникают теории коммуникации.

В их основе — уточнение модели функционирования знака, предложенной Ч. Пирсом и У. Моррисом.

Традиционная модель функционирования знака включает четыре фактора²⁰ — то, что выступает как знак; то, на что знак указывает (десигнат); воздействие, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком (интерпретанта); а также самого интерпретатора. Для Морриса принципиально, что свойства знака, десигната, интерпретанты и интерпретатора — реляционные, существующие только в процессе симеозиса. И реальность этого процесса подразумевается при анализе каждого из этих факторов.

Исследования XX в. уточняют описание симеозиса, данное Моррисом. Коль мы говорим о квазиреальности, то стратегия этих уточнений — вывести сам процесс симеозиса из статуса подразумеваемого в статус явно представленного через свои факторы. В результате факторы, выделенные Моррисом, уточняются и порой изменяются достаточно сильно.

Еще бихевиористы, исследования которых и послужили отправной точкой для модели Морриса, замечают, что интерпретатор — своего рода черный ящик, в котором сигналы перерабатываются особым образом. Учет факторов переработки сигналов — первая линия уточнения модели симеозиса. Бессознательное (индивидуальное и коллективное), телесность и сложившиеся общественные практики (ко-субъект коммуникации) — это составляющая интерпретатора.

Сложным по структуре оказывается и десигнат — ведь поднимается проблема, что стоит за знаком. Выражение «реальность сама по себе» бессмысленно;

²⁰ См. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. М., 1983.

иллюзия достижения вещи самой по себе, реальности самой по себе — иллюзия взгляда на мир XIX в. Классическая семантическая концепция истины говорит нам о том, что «снег бел» истинно, если и только если он бел. Но что это за реальность белого снега? Знание — это то, о чем в рамках данной культуры можно сказать, что данная культура может увидеть. Другая культура увидит мир иначе, и не одна из культур не может претендовать на большую, чем другая, истинность. Язык не просто членит мир особым образом — он задает и способ членения, «очевидность», границы которой переступить трудно. Нет той реальности, с которой можно было бы сопоставить десигнат; можно только попытаться показать, как вещь конструируется в данной очевидности.

Интерпретанта тоже проблематизируется — ведь воздействие знака связано с пониманием смысла сообщения. Отсылка к реальности и психофизическому существованию, породившему знак, теперь явно недостаточна.

В рамках современных теорий коммуникации предлагаются следующие основные типы ответа на вопрос о значении сообщения другого.

Предшествование нам смыслов, которые мы открываем в своем опыте мира («смыслы, которым веряемся»), позволяет говорить о неизбежном достижении понимания, созвучия смыслов в диалоге и тем самым — введении разговаривающего в единый контекст культуры (М. Хайдеггер, Х.Г. Гадамер, Г. Шпет, П. Рикер и другие). Феноменолого-герменевтическое направление говорит о единстве базовых смыслов человеческого бытия, причастность людей к которым и дает возможность действительного общения. Ясперс различает объектную и экзистенциальную коммуникации. Объектная обусловлена общей организацией представлений людей (общие интересы, общая культурная принадлежность и т. д.) Экзистенциальная коммуникация возможна именно как причастность двух «самостей» сути мира. Она то и является подлинной.

К.О. Апелъ и Ю. Хабермас выражают сомнение в необходимости брать общие смыслы бытия в качестве исходной философской посылки и предлагают в анализе человеческого общения исходить либо из идеала свободной от господства коммуникации (Ю. Хабермас)

или из «трансцендентального коммуникативного сообщества» (К.О. Апель). При свободной от господства коммуникации ни один из участников не подвергается ограничениям, вызванным властными отношениями. В трансцендентальном коммуникативном сообществе каждый свободно может нормативно правильно обосновать свою позицию как исходящую из истинного (соответствующего реалиям) видения мира. Реальное сообщество должно действовать, имея в виду это идеальное сообщество — тогда успех в аргументации и консенсус относительно способов действия и будут показывать аспекты совпадения в подлинном отношении людей к смыслам мира. Достигаемые смыслы являются плодом общественного опыта, достижимы путем общественного консенсуса, и поэтому при претензии на общезначимость необходима рациональная аргументация.

Наконец, тезис о том, что созвучие двух разных «я» является случайным резонансом, хотя сам диалог обязательно имеет место и может быть методологически описан — третье, в последние годы наиболее распространенное толкование диалога (Х.Р. Яусс, В. Изер, Э. Бетти, У. Эко, Ж. Деррида, Р. Барт и другие). Постструктурализм, к примеру, говорит о неведении людей относительно «универсальности социального». Умеренная стратегия, связанная с именем Ф. Лиотара, говорит о конце эпохи метанарративов, таких, как дискурс спасения, дискурс освобождения, дискурс прогресса знания и т. д., которые обеспечивали единый коммуникационный код, давая иллюзорную возможность взаимодействия без какого-либо отнесения к подлинности. В эпоху конца метанарративов исходной реальностью должен быть не консенсус, а расхождение. Высказывание — события, они не поддаются унификации и не позволяют говорить о существовании правил. Единственный выход для продолжения разговора — не претендовать на создание метаправила, не дать естественной распре перерасти в тяжбу, в которой предполагается исходная заданная истина. Лиотар настаивал на необходимости продолжения всех существующих дискурсов. Совпадения же, умение слышать другого случайны. (Р. Барт использует для обозначения этого совпадения понятие «пунктум» —

случайная точка, которая вдруг позволяет высвечивать другое как понимаемое.)

Таковы основные идеи и некоторые итоги развития языковедения в XX в.

Мы видим, что большинство из них представляет собой попытки пересмотра классических допущений относительно знака, текста и языка, сложившихся в XIX в. Однако это вовсе не означает, что старые теории не «работают» в корпусе науки — и психологический подход, и историзм исторически используются.

В основе этих классических допущений лежала идея «концептуальной сетки», через которую человек и получает доступ к миру. Отсюда:

- идея текста как зафиксированного в языке мировоззрения и базирующиеся на ней методики психологизма и «обращения к реалиям» (реализм, натурализм, историзма и т. д.);
- идея языка как самодовлеющего «совокупного зрения» многих людей на мир и появление теорий происхождения языка и отдельных слов в нем, теорий о «системности особого рода» в языке (общих грамматик), теорий сопоставительного изучения языков и поисков либо исходного, либо наилучшего языка и т. д.;
- идея знака как фрагмента сообщения о мире, соотносящегося с реальностью, субъектом и конкретной ситуацией.

Пересмотр этих классических допущений был вызван как внутриконтцептуальными трудностями (проблема диалога, автора, реальности и т. д.), так и общим социальным контекстом.

Основная стратегия этого пересмотра — идея языка как опыта мира, организующего этот мир (и субъекта в т. ч.) «здесь и сейчас». Принципиальные ее следствия таковы:

- проблематизация вопроса о границах текста (появление понятий «гипертекст», «интертекст», «ризома»; проблема взаимоотношения текста и его социо-культурного контекста);
- поиск «внутренней логики» текста (принципиальное нарушение «правил игры» — а-сюжетная ли-

- тература, размывание границ жанров и т. д.; функциональные и структуральные теории текста);
- принципиальная постановка текста в ситуацию коммуникации (вопрос о границах и правилах интерпретации; игровые и деконструктивистские подходы к тексту и т. д.);
 - появление представления об «изменчивой системности» языка и попытки ее выявить (от Ф. де Соссюра через функционализм и структурализм к современным теориям конструктивного анализа, а также генеративистский подход);
 - принципиальный учет акта речи, его процессуальности (от специальных теорий до бурного развития языковой прагматики и провозглашения перформатива наиболее совершенной формой сообщения о мире);
 - попытки (весьма многочисленные) уточнить схему функционирования знака в ситуации сообщения и складывание особой дисциплины — коммуникативистики.

Можно констатировать, что развивается иная, нежели в XIX в., концептуализация знака, текста и языка, формируется новый подход в истории языковедения.

ФИЛОСОФИЯ КАК ГУМАНИТАРНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Одна из самых трудных проблем философии — это вопрос о том, как вообще возможна философия. В другой форме этот вопрос известен как проблема предмета, природы и функций философии как особого рода познания и знания. В настоящей статье мы ставим перед собой задачу обосновать взгляд на философию как специфическую гуманитарную дисциплину.

1. Предмет и природа философии

В истории философии было предложено более дюжины пониманий ее предмета:

- 1) бытие в его всеобщих характеристиках (свойствах, отношениях, закономерностях изменения и развития);
- 2) общая теория сознания (структура, функции, возможности);
- 3) общая теория структуры, методов и законов развития познания (и/или мышления);
- 4) общая теория самосознающей себя культуры;
- 5) теория абсолютных ценностей;
- 6) концепция бытия как жизни;
- 7) человек в его всеобщих характеристиках и возможностях;
- 8) всеобщая теория деятельности;
- 9) практика в ее всеобщих характеристиках и развитии;
- 10) общая теория материи;

- 11) всеобщие законы изменения, развития всего существующего;
- 12) теория человеческой экзистенции;
- 13) общая структура и развитие общества;
- 14) мудрость и способы ее достижения;
- 15) общая теория понимания;
- 16) всеобщие принципы взаимоотношений Я и не-Я;
- 17) лингвистический (семиотический) анализ общих понятий (категорий) и суждений (принципов) и др.

Очевидно, что сформулированные выше различные понимания предмета философии в целом не исключают, а дополняют друг друга; полагание и принятие каждого из них имеет конструктивно-консенсуальный характер; все они одинаково законны и имеют право на существование. В каждой из концепций делается акцент на особой стороне функционирования системы «человек — мир», которые, видимо, не сводимы друг к другу или такое сведение не имеет значимого практического и теоретического смысла. Имеющий место плюрализм в понимании предмета философии является, видимо, неизбежным и отражает, с одной стороны, качественное многообразие всеобщих свойств и отношений системы «человек — мир» в целом, а также каждого из ее основных элементов, а с другой — очевидно конструктивный характер теоретического мышления.

Вместе с тем это многообразие отнюдь не свидетельствует об отсутствии неких общих исходных моментов у всех указанных выше и других возможных концепций предмета философии. Такими общими и необходимыми исходными пунктами являются:

- 1) «раскол» всего возможного (теоретического) универсума на Я и не-Я;
- 2) полагание Я и не-Я в качестве теоретических (трансцендентальных) предметов, а не эмпирических реальностей («человек» и «мир»); последние суть не более чем возможные материально-отчужденные коннотации Я и не-Я;
- 3) наполнение конкретным теоретическим содержанием Я и не-Я;
- 4) преодоление раскола единой целостной системы, задание (конструирование) системы взаимосвязей между Я и не-Я.

Исходным пунктом выработки философского мировоззрения, философского отношения к миру безусловно является «Я». Во-первых, как наиболее очевидный предмет для рефлексирующего мышления. Во-вторых, как наиболее всеобщее (абсолютное) выражение сущности человека (Декарт, Фихте, Кант и другие), как его предельная и несомненная репрезентация. Утверждая «человек есть Я», философ полагает этим следующие моменты. Во-первых, что Я есть не общее имя для конкретных людей в их эмпирическом бытии, а трансцендентальный (идеальный, теоретический) субъект. Во-вторых, что Я есть самосознающий (рефлексирующий) себя субъект («Я есть Я»). Наконец, в-третьих, что Я есть личность, которой противостоит сфера не-Я, как некая чуждая и вместе с тем интенциональная для Я реальность (не-Я это не Я). Всякая подлинная философия (в отличие от мифологии, религии и натурализма) рассматривает человека именно как личность, а не как элемент космической (природной), трансцендентной (религиозной) или социальной системы (носителя определенной совокупности общественных отношений). Личность по определению (в отличие от объекта) есть самостоятельная, рефлексивная, конструктивная, творящая и самодостаточная «сущность». Спор внутри философии сводится лишь к вопросу о степени самостоятельности, рефлексивности, конструктивности и самодостаточности Я по отношению к не-Я.

Я реализуется прежде всего в актах самосознания человека, порождая сферу сознания. В сознании сформировались две основные подсистемы: когнитивная (познавательная) и ценностная, а также два основных уровня в каждой из них: чувственный и рациональный. Это общая структура сознания хорошо коррелирует с физиолого-психологической структурой мозга и психики. Левое полушарие человеческого мозга «специализируется» на обеспечении познавательной, аналитической и понятийной деятельности психики, правое — на ценностной, синтетической и образной ее деятельности. С другой стороны, чувственный и рациональный уровни деятельности сознания имеют своей физиолого-психической основой существование двух основных источников познавательной деятельности человека: чувственные анализаторы и мышление.

Из понимания сознания как дифференцированной внутри себя целостности закономерно возникают вопросы о «первичности» и «вторичности» отношений между различными его уровнями и подсистемами: познавательной и ценностной, чувственным и рациональным. Обсуждение этих вопросов составило, как известно, одну из главных линий исторического и логического развития философии, разделив философов на такие оппозиционные течения, как рационализм — иррационализм, сенсуализм — рационализм, эмпиризм (рассудочность) — теоретизм (разумность), когнитивизм — аксиологизм др. С нашей точки зрения, это оппозиционирование в своей сущности имеет скорее инструментальный, нежели теоретически-значимый характер, ибо все уровни и «отсеки» сознания тесно связаны между собой в своем функционировании.

Итак, Я как сознание структурировано и отнюдь не бессодержательно в абсолютном смысле.

На изначальную (априорную) структурированность сознания указывали многие философы (Платон, Декарт, Лейбниц, Гегель, Фрейд и другие), отвергавшие взгляд на сознание как *tabula rasa* (Аристотель, Локк, материалисты и другие). Но впервые с особой силой это сделал Кант, развив учение об априорных формах чувственности (пространство и время), рассудка (категории мышления + законы логики) и разума (теоретического и практического). После Канта стало невозможно утверждать о «чистом» объективном знании (в том числе и в науке), о бессубъектности (по крайней мере, трансцендентальной) любых способов и результатов сознания. Объективно существующую реальность («вещь в себе») невозможно в принципе «видеть» без соответствующих «очков сознания». Структура сознания при этом имеет собственную, независимую от объекта познания природу. Поэтому между сознанием и познаваемым объектом всегда существует определенное онтологическое напряжение, некоторый «зазор», «люфт», преодоление которого и составляет главную творческую задачу любого познавательного акта. Этот люфт преодолевается когнитивной волей (идентификационным мужеством «как бы»), основу которого состав-

ляет принятие всегда рискованного решения о тождестве конкретной идеи и конкретного объекта.

Философская репрезентация человека в качестве *Я* не может быть сведена, однако, к наличию у *Я* как идеализированного предмета философии только Сознания, ибо из последнего самого по себе невозможно «вывести» и объяснить многие очевидные «факты бытия» человека: действие, страдание, творчество, жизнь, экзистирование и др. Поэтому необходимо допустить наличие у *Я* таких фундаментальных свойств, как Воля и Свобода. Итак, *Я* обладает Сознанием, иначе невозможно объяснить феномены знания и целеполагания. *Я* обладает Волей, иначе невозможно объяснить феномен действия. *Я* обладает Свободой, иначе невозможно объяснить феномен творчества. Наконец, лишь постольку, поскольку *Я* обладает и Сознанием, и Волей, и Свободой, становится возможным объяснить феномен экзистенции. При этом важно подчеркнуть, что и Сознание, и Воля, и Свобода должны пониматься в философии не как эмпирические свойства конкретного единичного субъекта, а обобщенно-идеализированно, как всеобщие характеристики *Я*.

Вторым важнейшим элементом мировоззренческой системы является *не-Я*. Постоянно идентифицируя себя с самим собой, *Я* тем самым утверждает свое собственное существование. Это самоутверждение *Я* осознается им как бытие для себя (*Я есть*) или как свое внутреннее бытие. Сфера же *не-Я* осознается *Я* как нечто чуждое, как внешнее ему бытие или просто бытие. Если сознание является в философии ступенью теоретической конкретизации *Я*, то бытие является аналогичной ступенью конкретизации *не-Я*. Так же как *Я* и *не-Я*, сознание и бытие являются бинарными оппозициями, взаимоотрицают и взаимно предполагают друг друга, полностью исчерпывая собой весь возможный (мыслимый) универсум. Там, где кончается сознание, начинается бытие, и наоборот. И это не требует никакого специального доказательства, ибо есть просто следствие присущего рациональному мышлению стремления к определенности. По отношению к сознанию бытие суть, с одной стороны, форма его отчуждения, опредмечивания, а с другой — область возможных значений сознания, что связано с таким фундаменталь-

ным свойством сознания, как интенциональность, т. е. направленность вовне, или предметность. В свое время на это обстоятельство обратил внимание Гуссерль, указав, что сознание всегда есть сознание о чем-то, что не может быть сознания ни о чем. По своей значимости этот тезис, безусловно, — такой же важный вклад в теорию сознания, каким является утверждение Канта об изначальной структурированности сознания. С интенциональной точки зрения бытие — все то, что может быть означено; все, о чем может быть помыслено и сказано; все, что может быть артикулировано языком в качестве предмета сознания. Использование мышлением механизма бимодальности как конструктивного принципа развертывания своего содержания приводит его к необходимости следующих всеобщих различий бытия: подлинного (реального) и мнимого (ирреального), действительного и возможного, объективного и субъективного, материального и идеального, трансцендентного и имманентного, чувственного и рационального, эмпирического и теоретического, объектно-предметного и ценностного и др. Многие из указанных видов бытия являются отчужденными (предметными) формами соответствующих отсеков сознания, областями экстенционалов последних (чувственное бытие есть то, которое может быть зафиксировано чувственным познанием; рациональное бытие — сконструировано, положено мышлением; иррациональное — сферой бессознательного и т. д.). Указанные различия бытия суть его всеобщие структурные характеристики, задаваемые на уровне философской рефлексии. Они не могут поэтому истолковываться как результат некоей эмпирической констатации или обобщения. Напротив, указанные различия сами служат необходимыми априорными условиями всякого конкретного познания, определяющими его допустимые границы.

Другим способом развертывания всеобщих определений бытия (конструированием его всеобщего содержания как одной из главных задач философии) может быть их имманентное теоретическое развертывание от исходного, наиболее простого, ко все более сложному. Прекрасный образец реализации такого содержательно-конструктивного, имманентно-генети-

ческого метода порождения всеобщего содержания бытия дал Гегель. Он полагал, что саморазвитие бытия является результатом разрешения его исходного внутреннего противоречия (абстрактное противоречие) через последующее развертывание порождаемой им суммы дальнейших противоречий (конкретное противоречие). Этот философский метод получил название «диалектическое восхождение от абстрактного к конкретному» или просто «диалектический метод». Такое изображение порождения бытием своих всеобщих определений Гегель дал в «Логике» (чистое бытие, ничто, определенное бытие; качество, количество, мера и т. д.). Хотя многие (и не без основания) полагают, что механизм самопорождения и развития бытия (= Абсолютной идеи) является слишком жестким и искусственным (тезис — антитез, синтез и т. д.), а также телеологичным, бесспорно, что последовательность категориального осмысления бытия Гегель выразил в целом достаточно интересно. В отличие от Канта, он решительно подчеркнул творческий характер мышления как его имманентную и всеобщую характеристику. Согласно Гегелю, в чем он безусловно прав, мышление — субстанция творческая и творящая. Все особенности гегелевской теории бытия (и ее плюсы и минусы) вытекают из двух некритически принятых посылок:

- 1) идея тождества бытия и мышления;
- 2) развитие, понимаемое как бесконечный прогресс — необходимый и всеобщий атрибут бытия.

Критическому анализу данных философских принципов посвящена огромная литература. Здесь будет уместно напомнить лишь три серьезных возражения Гегелю:

- 1) рационализация бытия приводит к серьезной недооценке роли случайности, неопределенности и творческого характера бытия;
- 2) система Гегеля с ее претензией на Абсолютную Истину, на законченное изображение бытия противоречит одному из своих собственных принципов — принципу всеобщего отрицания и развития, т. е. заключает логическое противоречие;
- 3) принцип тождества бытия и мышления, дополненный претензией на истинность своей философии,

имел своим неизбежным следствием оправдание существующей социальной действительности как разумной.

Добавим, что многочисленные данные современного естествознания, теорий общественного развития, когнитивных наук убедительно свидетельствуют о том, что эволюция (направленное, необратимое изменение), а тем более развитие (восходящая, прогрессивная эволюция) являются лишь частными способами изменения бытия и скорее суть исключение, чем правило, в отношении всего множества происходящих в бытии процессов.

Одной из главных проблем самоопределения философии в учении о сознании и бытии является вопрос о том, где кончается философское содержание этих понятий и начинается не-философское, и в частности, научное их понимание. Правильным ответом на этот вопрос представляется следующий: там, где кончается внутренний рефлексивный опыт мышления и начинается внешний опыт сознания, внешний опыт деятельности мышления. Этот внешний опыт сознания начинается с признания существования за рамками сознания некоей независимой от него реальности («объективной реальности», «вещи в себе»), которая имеет источник своего содержания в самой себе, функционируя и развиваясь по собственным законам этого содержания.

Внешний опыт познания бытия заключается во взаимодействии с ним на равных, в попытке в ходе этого взаимодействия с помощью определенных средств сознания (наблюдение, эксперимент, теоретическое моделирование и т. д.) ассимилировать и присвоить его содержание (интериоризация). Хотя бытие в качестве объективной реальности постулируется независимым от сознания, образ этого бытия, его видение в существенной степени зависит не только от содержания самого объекта, но и от конструктивных возможностей наличного сознания. Всякий внешний опыт и, соответственно, его результат — знание принципиально субъект-объектны. Всякий образ объекта зависит не только от содержания самого объекта, но и от взаимодействующего с ним сознания (его содержания, установок, целей, возможностей). Таким образом, траектория не-философского (конкретно-научного) исследования бытия начинается с полагания последнего как «объективной реальности», на-

учного исследования сознания — как «психики», бытийной проекции сознания. Дальнейшая (уже в рамках науки) конкретизация «объективной реальности» происходит в рамках различных естественных, технических, социальных наук и комплекса наук о человеке (естественно-научная реальность, техническая реальность, социальная реальность и далее: физическая, химическая, биологическая, историческая, экономическая, политическая и др. реальности и их отдельные элементы). Соответствующая научная конкретизация сознания проникает в сферу когнитивных наук (психологическая, физиологическая, лингвистическая и др. объективные проекции сознания и их отдельные элементы). Не-философской конкретизацией «бытия» является также такая объективная и вместе с тем трансцендентная реальность, как Бог (часть «религиозной реальности»), лежащая за пределами научного и вообще рационального познания. Наконец, одной из конкретизаций понятия «объективная реальность» является «материя» как та часть объективной реальности, которая является принципиально наблюдаемой и способной быть зафиксированной с помощью органов чувств (предмет эмпирического познания). Вот почему материализм — имманентная установка эмпирического естествознания, и, вместе с тем, граница его понимания бытия.

К числу важных философских проблем бытия относятся вопросы его целостности, единства и многообразия. Бытие целостно, во-первых, потому, что целостен его антипод — сознание, которое познает его, упорядочивает и структурирует (в адаптивно-биологических и практических целях). Во-вторых, бытие целостно потому, что для него удастся сформулировать (по существу — задать) целый ряд всеобщих свойств, связей, отношений (протяженность, длительность, изменение, симметрия, причина, следствие, закон, связь, детерминация, сущность, явление, необходимость, случайность, возможность, действительность, системность, структурная организованность, противоречивость и др.), которые хорошо подтверждаются наукой. Наконец, в-третьих, бытие целостно потому, что его удастся представить в виде единой системы, состоящей из множества взаимосвязанных подсистем: трансцендентное и имманентное бытие, чувственное и трансценденталь-

ное, рациональное и иррациональное, эмпирическое и теоретическое, объективное и субъективное, материальное и идеальное, космос, природа, общество, человек, геосфера, биосфера, экосфера и др. Единство бытия заключается в его системности и организованности. Единство бытия не только не исключает его многообразия, но, напротив, с необходимостью предполагает наличие последнего. Бытие есть единое многообразие или многообразное единство существующего.

Итак, сознание и бытие образуют исходную бинарную оппозицию философского мировоззрения. Является ли какой-то из этих элементов ведущим («первичным») в системе «сознание — бытие» и определяющим ее целостность? Или оба этих элемента по своей значимости равноправны в своем функционировании? Связаны ли они между собой какой-то системой отношений и если да, то какой именно? Возможны ли типы систем, воплощающих их единство? Сформулированные выше вопросы образуют содержание так называемого «основного вопроса философии». Очевидно, что логически существует три возможных ответа на данный вопрос. Первый — монизм, согласно которому один из элементов должен быть первичным, ведущим, определяющим по отношению к другому. Монизм возможен и существует в двух вариантах:

- 1) бытие — первично, сознание — вторично (его частным случаем является материализм, понимающий бытие как «материю»);
- 2) сознание первично, бытие — вторично.

В зависимости от понимания сознания (либо как атрибута Я, либо как мира объективных потенций, сущностей, праформ бытия) различают субъективный и объективный идеализм. Второй логически возможный вариант ответа на основной вопрос философии: дуализм (признание сознания и бытия равноправными и полностью или частично независимыми элементами универсума). Третий логически возможный вариант: основной вопрос философии является некорректным, бессмысленным и должен быть дезавуирован с точки зрения его когнитивной законности. Каждый из рассмотренных выше логически возможных вариантов решения основного вопроса философии имел и имеет в философии немало видных сторонников. Выбор в пользу того или

иного варианта решения основного вопроса философии невозможен на чисто логических или теоретических основаниях. Как показывает опыт истории философии, каждое из них одинаково хорошо фундировано многочисленными аргументами их адептов.

Выбор между ними скорее лежит в сфере прагматики, в области предпочтения тех или иных социальных и личностных ценностей, интересов, в том числе на индивидуальном уровне, в плоскости психологического комфорта: детерминизм или свобода человека, зависимость или самоорганизация, стабильность или изменчивость, необходимость или случайность, активность или созерцательность, гармония или творчество, вечность или временность, твердость или пластичность и т. д. Так, ценности объективной истины, детерминизма, зависимости человеческого сознания от бытия, стабильности, порядка, определенности хорошо коррелируют с материализмом и объективным идеализмом, охотно поддерживаются господствующими элитами, особенно в тоталитарных обществах, получая идеологическую санкцию на власть от имени объективной истины. И наоборот, ценности свободы, приоритета личности, творчества, неконформизма, самоутверждения хорошо коррелируют с субъективно-идеалистическим решением основного вопроса философии, способствуя мировоззренческому выбору именно данной философской концепции. Конечно, нельзя утверждать о существовании жесткой детерминационной связи между миром разделяемых личностью или социальной группой ценностей, интересов и принятием одного из логически возможных вариантов решения основного вопроса философии. Речь может идти лишь о существовании корреляционных и даже кооперативных связей между ними, большей или меньшей степени релевантности одного по отношению к другому. Дуализм хорошо коррелирует, с одной стороны, с такими поведенческими ценностями человека, как уважение к себе, центрация на своих интересах. Конечно, иногда за это приходится платить ощущением своего экзистенциального, «тотального» одиночества, чуждости себя миру и мира себе, но это неизбежное следствие исходной философской установки сознания, делящего мир на взаимоисключающие сферы *Я* и *не-Я*. Вместе с тем, дуалист признает независимость бытия от

сознания, относясь с уважением к другому, к не-Я (будь то природа, общество или другой индивид), как к своему неуничтожимому, самоценному и равноценному оппоненту, с интересами которого невозможно не считаться, как бы они не нравились. Такая установка — несомненно положительный антропологический императив адекватного и адаптивного существования. Технология поведения при принятии толерантного императива предполагает активный диалог с не-Я, нацеливая на возможный позитивный компромисс с ним, на установление некоторого временного баланса взаимных интересов в ходе когнитивно-практической игры Я и не-Я, способность частичной идентификации Я и не-Я, т. е. умения отождествлять не-Я с собой и, наоборот, посмотреть на себя глазами другого (не-Я).

Другими словами, дуализм Я и не-Я и основанное на нем философское сознание, как особый тип мировоззрения, исключает как редукционизм в отношении Я и не-Я, так и антиинтеракционизм, утверждающий отсутствие вообще какого-либо взаимодействия между двумя разными субстанциям.

На наш взгляд, наиболее приемлемой философской позицией является мягкий дуализм. В отличие от жесткого дуализма (Декарт, Лейбниц) мягкий дуализм, признавая равноценность Я и не-Я, Сознания и Бытия, их самостоятельность и самодостаточность, вместе с тем утверждает наличие между ними отношений взаимосвязи.

Дуалистическая философия как форма мировоззрения, анализируя онтологическое отношение Я и не-Я, обосновывает, с одной стороны, существование человека как личности, свободу и творчество в качестве главных ценностей ее самореализации, а с другой — уважение к не-Я, взаимодействие с ним, учет объективных обстоятельств. С процессуальной стороны сущность взаимоотношений Я и не-Я может быть определена не как детерминация одного другим, а как некая Игра между ними. Причем этой игре характерен открытый, творческий характер. Сама игра осуществляется в целом в условиях неполной определенности (целей, средств, намерений, исходных состояний Я и не-Я). Я всегда вынуждено принимать решения (делать ходы в игре) со значительной степенью риска, не на чисто рациональных основаниях, а полагаясь также на

интуицию и волю с надеждой и верой в успех принятого решения. Более того, даже правила игры со временем могут меняться. Игровой характер касается всех основных типов отношения Я и не-Я (онтологическое, познавательное, эстетическое, этическое и др.).

«Игра» представляет собой более общее понятие, нежели «деятельность»: деятельность является структурированной игрой (в этой структуре достаточно четко фиксируются предмет, средства и цель деятельности). Истокование взаимоотношения Я и не-Я в терминах деятельности является слишком сильной идеализацией действительных взаимоотношений между ними (оно основано прежде всего на рационалистическом понимании Я). Рациональное Я предполагает отсутствие у него большого объема неявного знания, существенно влияющего на принятие решений, а также бессознательного содержания сознания как детерминанты многих его поступков и поведенческих актов. Деятельностная интерпретация отношения Я и не-Я предполагает возможность полного абстрагирования от биологической и экзистенциальной природы реального человека, полностью сводя Я к разумным, целесообразным, социальным характеристикам и детерминантам. При деятельностном подходе человек неминуемо редуцируется к рациональной и полностью социально детерминированной системе. Конечно, при этом иногда делаются оговорки типа, что не всякая деятельность технологична и эффективна, чтобы избежать явных противоречий с многими фактами неосознанного человеческого поведения, а также с тем, что называется непреднамеренными результатами (хотели одно, а получили совсем другое). Разумеется, необходимо также различать понятия «деятельность» и «конструктивная деятельность», понимая последнюю как детерминированную, определенную и конечную последовательность шагов (алгоритм), приводящую к определенному результату (цели).

Познавательная игра сознания и бытия имеет своей главной целью получение истинного знания о бытии (игра в Истину). Средства для достижения Истины существуют самые разнообразные (они подробно описаны в теориях познания, логики и методологии науки и т. д.). Однако не существует ни одной такой последовательно-

сти познавательных действий («ходов»), которая бы гарантированно вела к успеху. Здесь не существует какого-то однозначного, а тем более универсального метода (научного или вненаучного). Познание представляет собой по существу специфическую систему проб и ошибок, испытание самых разных комбинаций из имеющихся когнитивных средств или созданных новых. Пролиферация комбинаций, ведущая к увеличению разнообразия попыток, в том числе в науке (как убедительно показал Фейерабенд), есть один из главных шансов увеличить вероятность когнитивного выигрыша, шанса угадать Истину. Такая пролиферация всемерно оправдана и с биологически-адаптивной и с практической точки зрения. Утверждение истины всегда представляет собой ставку, принятие ответственного когнитивного решения, которое осуществляется в условиях неопределенности (неполной определенности) по значительному числу параметров (эмпирического, теоретического, ценностного характера). Вот почему в философии, как и в науке, нет и никогда не будет окончательного решения по любому вопросу, вот почему достижение полного тождества содержания бытия и сознания всегда есть лишь регулятивная цель, но никогда не реальность. Поскольку на уровне эмпирии так называемый трансцендентальный субъект познания всегда представляет собой некоторое множество различных реальных субъектов (когнитивных сообществ, в частности), постольку единственно возможным способом удостоверения истины является спор, диалог, выработка между членами данного сообщества и между различными сообществами определенного (как правило временного) когнитивного консенсуса. Истина — результат не только корреспонденции субъекта и объекта, но и соответствующей коммуникации и когеренции между субъектами. Одним словом, Истина — всегда результат коллективного характера когнитивной игры, она всегда социальна.

В марксистской философии в качестве главного способа соединения сознания и бытия, посредствующего звена между ними, проверки тождества их содержания, была предложена материально-предметная, практическая деятельность людей. Формами взаимодействия, взаимопревращения (обмена и присвоения) содержания между сознанием и бытием полагались оп-

редмечивание (сознания) и распредмечивание (бытия). Местом встречи, устанавливающим эквивалентность (тождество) их содержания, считалась практика (эксперимент в естествознании и экономическая деятельность в социальных науках и мировоззренческих системах). Бесспорно, в тигле практики осуществляется синтез сознания и бытия, проверяется его устойчивость и жизнеспособность. Однако при этом по-прежнему остается неопределенность в утверждении полного тождества содержания бытия и сознания в процессе создания новой объективной реальности. Практическая деятельность не может полностью устранить неясность, неопределенность, неконтролируемость содержания сознания, бытия и их синтеза. В любом случае практика может рассматриваться в этом качестве только при условии признания принципиально социальной природы сознания и познания, консенсуального и когерентного характера принятия решения об истинности. Практический характер познавательной деятельности не может отменить ее в целом игровой природы, независимо от трактовки познания либо как чисто созерцательной, имманентно рефлексивной и конструктивной игры, максимально освобожденной от влияния исторических, социальных и психологических влияний на процесс видения истинного содержания явления (феноменологическая редукция — Гуссерль), либо как вплетенной в конкретную практическую деятельность в качестве его подчиненного аспекта (марксизм, инструментализм, прагматизм и др.).

Традиционно, при обсуждении в литературе основного вопроса философии обычно выделяют только две его стороны: онтологическую (какой элемент является порождающим другой: сознание или бытие) и гносеологическую (познаваемо ли бытие, возможно ли тождество бытия и сознания по содержанию, прозрачно ли бытие для сознания?). Представляется, однако, что количество фундаментальных отношений между бытием и сознанием нельзя сводить (ограничивать) только к двум (детерминационному и познавательному). Таких отношений гораздо больше.

Еще И. Кант выделил по крайней мере три главные проблемы философии:

1. Что я могу знать?
2. Что я должен делать?
3. На что я могу надеяться?

Очевидно, что на вопрос о том, познаваем ли мир, логически возможны три ответа: да (познавательный оптимизм), нет (агностицизм), может быть (скептицизм). Сам Кант, как известно, полагал, что мир «как вещь в себе» непознаваем, что все наше знание имеет субъект-объектный характер, что и чувственное и рациональное познание регулируется априорными формами сознания, которые образуют его внутреннюю структуру и в соответствии с которыми организуются результаты воздействия бытия («вещи в себе») на сознание. Представители познавательного оптимизма (идеалисты и материалисты) в той или иной форме придерживаются гипотезы о тождестве бытия и сознания, соответствующим образом обосновывая ее. Наконец, скептики занимают в познавательном вопросе осторожную позицию, считая, что однозначного и убедительного ответа здесь дать невозможно (мета-агностицизм). Вместе с тем очевидно, что всякое отношение *Я* и *не-Я*, сознания и бытия, субъекта и объекта должно регулироваться какими-то целями, ценностями и нормами, чтобы вообще иметь какой-то определенный смысл. В случае познавательного отношения *Я* и *не-Я* такими ценностями (предельными идеальными целями и образами) выступают Истина и Ложь, образующие крайние значения познавательного континиума. Истинное же значение *реальных* когнитивных образов и теоретических моделей находится, как правило, где-то между этими крайними значениями континиума и обычно оценивается качественно, приблизительно и интуитивно. Второй кантовский вопрос фиксирует внимание на практическом типе отношения между *Я* и *не-Я*, который у самого Канта имеет этический характер отношения *Я* к другому *Я*. Третий же философский вопрос Канта — это вопрос об отношении *Я* и Бога (как некоего гаранта положительной оценки всех правильных действий и помыслов *Я*).

Поставленные Кантом вопросы индуцируют стремление не ограничиваться выделением только двух фундаментальных сторон основного вопроса философии, двух типов отношения между *Я* и *не-Я*, стимулируя, в первых, постановку проблемы об *отношении между Я*

и не-Я в качестве важнейшего, самостоятельного (третьего) элемента (предмета) в системе «мир — человек», относительно независимого от содержания первых двух элементов («мир», «человек»). Во-вторых, кантовские вопросы наводят на мысль о возможности и необходимости расщепления общего (абстрактного) понятия «отношение между Я и не-Я» на серию фундаментальных и относительно независимых типов возможных отношений между Я и не-Я.

Можно выделить более десятка фундаментальных и независимых отношений (и, соответственно, сторон основного вопроса философии) между Я и не-Я. Примерный их список может выглядеть следующим образом:

- 1) онтологическое;
- 2) познавательное;
- 3) деятельностное;
- 4) практическое;
- 5) прагматическое;
- 6) эпистемическое;
- 7) этическое;
- 8) эстетическое;
- 9) филологическое;
- 10) эггийное;
- 11) коммуникационное;
- 12) футурологическое;
- 13) экзистенциальное и др.

Чем примечательно каждое из этих отношений? Тремя обстоятельствами. Во-первых, каждое из них регулируется бинарными ценностями (положительными и отрицательными). Тем самым задается ценностная континуальная шкала оценки реального поведения субъектов (Я). Во-вторых, поскольку таких отношений много, постольку появляется возможность, с одной стороны, многомерного измерения мировоззренческого потенциала Я, изображения его фазового портрета, а с другой — естественного и необходимого способа введения в философию системы ценностных всеобщих категорий. И наконец в-третьих, появляется возможность истолкования философии в качестве стратегической теоретической науки о поведении, а не только науки о всеобщих теоретических характеристиках бытия (онтология) и сознания (гносеология). Не имея возможности описать здесь сколь-нибудь подробно данный сюжет, перечислим

лишь бинарные ценности, регулирующие соответствующий тип отношения между Я и не-Я: онтологическое (материальное, идеальное), познавательное (истина, ложь), деятельностное (активность, пассивность (недеяние)), практическое (преобразование, сохранение), прагматическое (успех, не-успех), эпистемическое (вера, безверие), этическое (добро, зло), эстетическое (гармония, дисгармония), филологическое (любовь, ненависть), эгийное (эгоизм, альтруизм), коммуникативное (конформизм, нон-конформизм), футурологическое (оптимизм, пессимизм), экзистенциальное (ничто — нечто) и т. д. По своему справедливо утверждать, что именно множество отношений в системе «человек — мир», «Я — не-Я», «сознание — бытие» составляет главный элемент всей мировоззренческой системы, всей «святой» троицы философии: «Я», «не-Я», «отношение Я и не-Я». И это связано с тем, что, во-первых, система отношений реально цементирует, связывает «Я» и «не-Я», «бытие» и «сознание», задавая их конкретную целостность. Во-вторых, эта система относительно независима от содержания «бытия» и «сознания» и невыводима из них. Философы это уже давно теоретически разработали и экспериментально подтвердили своей жизнью поздние древнегреческие философы (кинники, стоики, скептики, эпикурейцы, неоплатоники), в Индии — буддисты, в Китае — даосисты. Все они утверждали и доказывали своей жизнью, что реальное «бытие» можно и должно в философии выносить за скобки, что главной задачей подлинной философии является разработка такой системы отношений «человек — мир», которая никак не зависела бы от конкретного содержания «бытия», была бы инвариантна ему. Такими истинными инвариантными ценностями считались, в частности, воздержание, атараксия, стоицизм, скептицизм, созерцание и др.

Представляется также, что именно рациональное учение об общих ценностях, регулирующих отношения между бытием и сознанием, составляет сердцевину философии, понимаемую как любовь к мудрости. Ведь, чтобы ни говорили, а все же главной проблемой для мудреца вообще и для философа, в частности, является вопрос о смысле жизни, о том, для чего жить и как жить. А без обсуждения вопроса о ценностях на него нельзя дать ответа. «Бытие» (особенно в смысле объективной реаль-

ности) и «Сознание», всеобщие знания о них, оказываются в этом смысле хотя и интересными, важными, но все же периферическими темами философии. С другой стороны, как показывает история цивилизации, умножение и совершенствование знания о бытии мало способствует решению коренных ценностных проблем человеческого существования. Современное общество вряд ли стало мудрее своих предшественников, да и мудрецов как всегда — считанные единицы, ибо и в современных университетах их вырастить (выгучить) невозможно. Как говорится: много званых, да мало избранных. В одной из своих последних работ, истолковывая «любомудрие» как рациональное учение об общих ценностях, А. Чанышев различал следующие виды мудрости:

- 1) агатологическую (учение о добре и зле);
- 2) айтиологическую (учение о причинах);
- 3) аксиологическую (учение о ценностях);
- 4) антропологическую (учение о человеке);
- 5) архэологическую (учение о начале, началах);
- 6) биотическую (житейскую);
- 7) гносеологическо-эпистемную (учение о знании);
- 8) диалектическую (умение вести диалог, обсуждение, спор);
- 9) криптологическую (учение о сокровенном знании);
- 10) логическую (учение о мышлении и его законах);
- 11) процессуальную (учение о процессах между началами и концами);
- 12) телеологическую (учение о целях);
- 13) теологическую (учение о богах и Боге);
- 14) теоретическую (учение об умственном постижении истины);
- 15) техническую (практическое искусство);
- 16) футурологическую (учение о будущем);
- 17) хюпокейменическую (учение о субстрате);
- 18) эмпирическую (учение об опыте);
- 19) эстетическую (айсхетическую) (учение о чувственно прекрасном и безобразном);
- 20) эсхатологическую (учение о концах как противоположных «началам»);
- 21) этическую (учение о нравах).

При этом А. Чанышев отмечает одну очень важную тонкость: «философ (любомудр) любит не все мудрости (эмпирическая и техническая мудрости — дофилософич-

ны, сокровенная — сверхфилософична, религиозная и житейская удовлетворяются также вне философии» [1].

Будучи учением об общих ценностях, регулирующих различные виды отношений между Я и не-Я, философия, тем не менее, всегда была далека от того, чтобы быть нормативной формой сознания, а тем более — нормативной базой правильного поведения. Это — удел конкретных поведенческих наук (педагогика, психологии, прикладной этики и др.).

Подведем некоторые итоги. Разрыв всего мыслимого универсума на Я и не-Я, на «сознание» и «бытие» и последующее задание всеобщих свойств каждого из них есть *первая ступень* построения философского мировоззрения. *Второй* является конструирование их единства, синтеза. Этот синтез «Я и не-Я», «сознания и бытия» как двух противоположных сторон единого универсума и является собственно предметом философии. Существуют *три основных способа конструирования такого синтеза, т. е. задания предмета философии*. *Первый способ* — рассмотрение диалога между Я и не-Я, сознанием и бытием — осуществляется в рамках основного вопроса философии, наиболее оптимальной формой решения которого является, как было показано выше, мягкий дуализм. *Вторым способом* демонстрации синтеза между сознанием и бытием является конкретная система общих ценностей, регулирующая многообразные отношения между Я и не-Я. В этом смысле предметом философии выступает мудрость, понимаемая как знание о системе абсолютных всеобщих ценностей. Наконец, *третьим*, наиболее массовым и разнообразным способом задания предмета философии является конструирование и предъявление онтологических систем, являющихся конкретным единством бытия и сознания (культура, жизнь, общество, человек, поведение, техника и др.). Разумеется, речь идет о создании теоретических моделей всеобщих свойств и законов функционирования и эволюции такого рода систем. Бесспорно, все такие исследования являются философскими. Весь вопрос лишь в том, имеет ли право какое-нибудь из них выдавать себя за единственно верное понимание предмета философии. Мы считаем, что ответ в данном случае может быть только отрицательным, так как все эти предметы не сводимы

друг к другу, ни один из них не является парадигмальным и все они демонстрируют особенные проявления единства бытия и сознания. Если воспользоваться различием Аристотеля, то все они представляют собой не первую философию, а различные варианты второй, прикладной философии.

2. Метод философии

Определив философию как рационально-теоретическую форму мировоззрения, как абстрактно-категориальное мировоззрение, как понятийный способ задания основных мировоззренческих ценностей и их обоснования, мы вправе теперь поставить следующий фундаментальный вопрос: каковы методы получения, обоснования и развития философских концепций?

Как уже отмечалось выше, философское мировоззрение есть когнитивная система, состоящая из трех базовых компонент:

- 1) не-Я (бытие);
- 2) Я (сознание);
- 3) система отношений между не-Я (бытием) и Я (сознанием).

Как возможно о каждой из этих компонент всеобщее теоретическое знание?

Всеобщее — предикат количественный и указывает на максимально мощный объем соответствующего понятия, на максимально большую степень его общности. Признак бытия действительно относится ко всем мыслимым и чувственно-воспринимаемым предметам. Поэтому бытие — безусловно всеобщее понятие (также, как и многие его категории: содержание, форма, изменение, качество, количество, взаимосвязь, причина, следствие и т. д.). Логическими методами получения любых общих понятий и утверждений являются, как известно, анализ, абстрагирование и индукция. Однако, если эти методы годятся в качестве получения общего знания для конечно-обозримых или даже конечно-необозримых классов, предметов, свойств, отношений (с помощью перечислительной индукции), как это часто имеет место в повседневной жизни и науке, то для бесконечных классов они заведомо не годятся, ибо любая сколь угодно большая конечная

выборка для бесконечных классов может оказаться заведомо не репрезентативной. Далее. Весь опыт познания в науках явно недостаточен по отношению к суждениям о всеобщем, так как всегда исторически ограничен. А ведь философия претендует не просто на всеобщее, но еще и на всеобщее истинное знание. Только опыт, только индукция для всеобщности — не очень надежные помощники. Поэтому философия не может быть обобщающим познанием по отношению к своему предмету. Чтобы спасти эмпирическую, обобщающую трактовку происхождения всеобщих понятий философии, есть только один путь — дополнить индукцию актом интеллектуальной интуиции («умозрением»), что и было впервые предложено Аристотелем. Но тогда, может быть, всеобщность и необходимость философского знания не апостериорна, а априорна, а обобщение как способ получения философского знания вообще не причем? Априорный характер философского знания утверждали, как известно, хотя и в различных версиях, очень многие философы (Платон, Декарт, Лейбниц, Кант, Фихте, Гегель и т. д., и т. п.). С их точки зрения, философия не только не является, но и не может быть обобщением ни обыденного, ни научного, равно как и всех других способов познания универсума. Напротив, она сама лежит в основе всякого рода познания (в том числе научного).

Наука, в частности, сама отнюдь не доказывает, а просто исходит из таких философских утверждений, как, например, «мир познаваем», «в мире есть законы», «все материальные объекты имеют свойства пространства и времени», «в природе не существует беспричинных явлений» и т. д., и т. п.

Философия не может быть логическим обобщением ни всей науки, ни всей практики, ни всей культуры в целом, еще и потому, что в трактовке каждой из этих систем содержатся альтернативные, взаимоисключающие, противоречащие друг другу концепции, взгляды. Как обобщить теорию Птолемея и теорию Коперника, когда они исключают друг друга? То же самое относится к классической и квантовой механике, рыночной экономике и социалистическому производству, фашизму и либерализму и т. д., и т. п. Противоречие подлежит констатации, но не обобщению. Множество, состоящее из противоречивых элементов, нельзя обобщить по оп-

ределению. Для обобщения нужно повторяющееся сходство. Да, повторяющиеся события, явления, процессы культуры и различных ее форм и отсеков могут быть обобщены в виде некоторых всеобщих утверждений (например, «все изменяется»). Но ведь это обобщение сделано только по «любимым примерам». Для других, «нелюбимых», могут быть сформулированы прямо противоположные всеобщие утверждения, типа «все истинно существующее — инвариантно, неизменно» и т. д.

Конечно, существуют аналитически истинные всеобщие утверждения типа «все тела протяженны», но они не являются результатом индуктивного (опытного) обобщения, а суть просто тавтологии («все тела суть тела»), если содержание предмета суждения («протяженность») составляет необходимую часть содержания субъекта данного высказывания («Тело»). Вопрос как раз и заключается в том, возможны ли всеобщие апостериорные синтетические утверждения? Ответ может быть только такой: да, возможны, но тогда философия будет логически противоречивой системой, как это показал Кант, сформулировав антиномии. Поскольку требование непротиворечивости является необходимым для любой рациональной конструкции, в том числе и философской, постольку необходимо искать ответ о возможности философских всеобщих истин не в индуктивном обобщении наличной культуры и ее истории, а в каком-то другом направлении.

Это направление связано с признанием конструктивной синтетической и аналитической деятельности мышления — своего рода априоризма мышления. Априоризм, утверждающий возможность получения доопытного и независимого от опыта знания, не обязательно является нативизмом (концепцией «врожденных идей»). Последний — лишь его грубый психологистский вариант. Априоризм предполагает существование независимого от внешнего опыта источника знания. И такой источник есть. Это — мышление, особая способность сознания по конструированию абстрактных (мысленных) предметов и систем их связей. Наиболее ярким воплощением конструктивной деятельности мышления является теоретическая («чистая») математика, как современная неклассическая (собственно «конструктивная»), так и классическая, начиная с Пифагора, Фалеса и Евклида. Математиче-

ские точки, линии, плоскости, натуральные, а особенно действительные (иррациональные), мнимые и комплексные числа, множество теоретических систем знания о них — примеры как самих «неэмпирических» объектов, так и множества утверждений о них (априорного знания). Как и в «чистой» математике, в «чистой» (теоретической) философии источником познания является как раз творческое, конструктивное мышление, самополагающее, анализирующее и синтезирующее свое содержание. В этом отношении философия и математика имеют один корень — мыслительное творчество. Не случайно они и появились в Древней Греции одновременно и развивались одними и теми же мыслителями (Пифагор, Фалес, Парменид, Платон и др.). Хотя математика и философия, безусловно, имели опытные предпосылки (искусство измерения длин, площадей и объемов реальных тел в Древнем Вавилоне и Египте — для математики); (различного рода мифологические, религиозные системы и житейская мудрость — для философии), они лишь тогда стали именно математикой и именно философией, когда решительно сделали ставку на мышление как главный источник своих построений, когда начали конструироваться как системы априорного знания. В качестве таковых они — не только дополнение к соответствующим системам эмпирического (опытного) знания, но и их отрицание, их критика. Фактом своего появления они со всей силой поставили вопросы об относительной ценности (первичности — вторичности, в частности) апостериорного и априорного знания, соотношения (согласования) эмпирического и теоретического, «доксы» и «эпистемы», опытных обобщений и теоретических доказательств. Таким образом, если философия является не просто рациональной, а именно теоретической (в противоположность эмпирической) формой познания, то тем самым она должна быть признана в своей сущности априорным мировоззренческим знанием. Всеобщие характеристики мыслимого универсума и его подсистем (бытия, сознания, отношения между сознанием и бытием с регулируемыми их ценностями) задаются, т. е. создаются, конструируются (это в данном контексте — синонимы) мышлением.

Мышление не только конструктивно (т. е. способно творить), но еще и свободно — как в полагании своего

мысленного содержания, так и в видах и способах когнитивной деятельности с ним (анализе, структуризации, развертывании, интерпретации и др.). Именно свободой мышления объясняется огромное множество философских построений, как в диахронии, так и в любой момент синхронного бытия философии. Плюрализм — это объективное условие ее существования, а вовсе не результат заблуждений (слишком уж многочисленных!) отдельных философов. Даже если бы существовал один единственный носитель мышления (абсолютный трансцендентальный субъект), плюрализм философских построений был бы неизбежен. Он был бы неизбежен благодаря имманентной свободе и творческому характеру философского мышления. Необходимо отметить, что конструктивный плюрализм проявляется не только в философии — сфере всеобщего, но и во всех других областях деятельности «чистого» (теоретического) мышления (современная наука, естествознание и математика, в частности, убедительно свидетельствуют о постоянно имеющей место конкуренции теоретических моделей как о вполне нормальном явлении). И априоризм кантовской философии (равно как и гегелевской и др.) плох не сам по себе, а именно своей некритичностью и фундаментализмом (претензией на абсолютную истинность своих философских построений).

Существуют ли границы философскому плюрализму, какие-то критерии отбора лучших среди конкурирующих построений или «все кошки серы»? Да, такие критерии существуют, хотя ни строгими, ни достаточными их назвать нельзя. Во-первых, это общелогические требования к определенности и непротиворечивости теоретических мировоззренческих конструктов. Во-вторых, это требование организовать максимально возможное пространство мысли с единых позиций. В-третьих, это способность предложенных философских конструктов и основанных на них ходов мысли «естественно» решать известные философские проблемы, предлагать новые проблемы и способы их решения, т. е. способствовать росту знания. И наконец, в-четвертых, введенные философские конструкты должны иметь максимальное внешнее оправдание, т. е. быть полезными (в их соответствующей интерпретации и конкретизации) при разрешении разного рода социальных, научных, практических и человеческих про-

блем. Философия, как и любая другая область человеческой деятельности в конечном счете вплетена в общий механизм адаптивного выживания человеческого рода и должна помогать вырабатывать адекватные ответы на вызовы человеческому бытию, увеличивая адаптационный потенциал личности и человечества.

Переходя к вопросу о специфических способах развертывания содержания философских построений, можно отметить следующие методы философского творчества: диалог, генетическое конструирование, метод восхождения от абстрактного к конкретному (диалектический метод), феноменологическая редукция, свободный дискурс.

Диалог — один из древнейших и эффективных именно философских методов выработки исходных теоретических идеализаций (категорий), построения системы таких идеализаций и разворачивания ее содержания. Классическим образцом такого типа построения философского знания являются «Диалоги» Платона. Каковы примечательные моменты философского диалога? Во-первых, введение философских категорий (благо, красота, истина, бытие и т. д.) через предельный переход, отправляясь от употребления аналогичных слов в обыденном, повседневном языке. «Бытие» как теоретическая категория философии отнюдь нетождественна в своем содержании реальному многообразию «эмпирического» бытия. Последнее может выступать лишь ее прообразом. Не более. То же самое относится и к другим конструктам философии. Создание идеальных объектов через предельный переход от некоторого «эмпирического» прообраза — лишь один из способов их конструирования. Другой способ, который в зрелой науке и философии является столь же распространенным, — введение идеальных объектов чистым актом мысли, «по определению», без всякой опоры на предшествующий эмпирический опыт (комплексные числа, тензор, трансцендентальная апперцепция, матрица, эпохэ и т. д.). И в этом отношении, в плане механизма своего введения, идеализации философии по существу ничем не отличаются от идеальных объектов геометрии (точка, прямая, плоскость, окружность и т. д.). И те и другие теоретические конструкты имеют своим непосредственным источником идеализирующее, конструктивное мышление.

Во-вторых, диалог с самого начала ориентируется на сравнение и рациональную оценку содержания вводимых конструктов по степени их значимости для построения философской системы и гармонии с другими философскими конструктами. В-третьих, диалог позволяет оценивать философские альтернативы с точки зрения их применимости к решению важнейших мировоззренческих проблем, а также — после соответствующей (эмпирической по сути) интерпретации — к решению конкретных социальных, научных и практических проблем (такому применению философии с позиций ее «полезности» всегда уделялось большое внимание). То же самое делается и по отношению к любым другим теоретическим построениям вне сферы философии (математика, физика, социальные науки, идеология и др.). Важно лишь понимать (на это впервые обратили внимание элейцы), что теоретическая реальность — особый, качественно отличный от эмпирического мир, со своей «онтологией» и законами взаимоотношений между элементами, по-своему самодостаточный и несущий в себе более или менее вероятные возможности своего изменения и развития. И самое главное, диалог потому и является абсолютно неустранимой формой развертывания содержания философского знания, что философское мышление принципиально рефлексивно. Оно не может формулировать и принимать какие-то принципы догматически, на веру, некритически. Этого не позволяет ей сделать ценность рациональности, с которой она связала свою судьбу. Можно дедуктивно обосновать истинность частных суждений с помощью общих, но нельзя (по определению) логически обосновать истинность самых общих (всеобщих) законов и принципов, на что и претендует философия. В подлинном философе постоянно находится внутренний критик, который никогда не уверен в абсолютной правильности созданных конструкций. Стремясь к абсолютной (высшей) определенности, философия никогда не сможет достичь ее. Поистине сизифов труд!

Декартом и Гегелем были предложены два оригинальных метода построения теоретического философского знания: *генетическо-конструктивный* и *диалектический*. При этом оба они исходили из возможности достичь абсолютно истинного исходного пункта философии. Декарт возлагал надежды на методическое сомнение во

всем, в чем можно усомниться, и возможность нахождения такого знания, в истинности которого уже нельзя вообще сомневаться. Это должно быть такое достоверное знание, очевидная истинность (несомненность) которого усматривалась бы разумом непосредственно, с помощью интеллектуальной интуиции. Великий Декарт понимал, однако, что в уме найти можно только то, что уже должно существовать (т. е. быть прирождено ему). Не разбирая в данном случае правомерности того, что Декарт нашел в качестве отправного пункта философии, отметим лишь предложенный им способ движения мысли от исходного пункта. Это — не аналитическое дедуктивное выведение содержания философии из ее истинных высших принципов — аксиом, а построение (порождение) из более простых исходных философских конструкций более сложных (на основе контроля со стороны интуиции за правильностью каждого шага такого построения) с добавлением к прежним элементам (идеям) новых свойств (новых идей). Это — безусловно синтетический метод построения знания. Такой же метод Декарт рекомендовал и для частных наук, считая, что он открыл универсальный метод истинного познания.

Гегель также некритически утверждал о наличии у философии истинного, безусловного исходного пункта (Абсолютная Идея), считая, что потенциально он гарантированно заключает в себе все истинное содержание действительности, утверждая тождество Мышления и Бытия. Вместе с тем Гегель предложил новый метод разворачивания содержания философской теории, отчетливо противопоставив его формально-логической дедукции и аксиоматическим построениям математики. Свой метод он назвал диалектическим. Будучи безусловно синтетическим, он заключается в структуризации всего философского универсума на противоположные предметы, свойства, отношения, выделение из этого множества базового противоречия, и последующей реконструкции всех противоположностей универсума в качестве продукта имманентного развития и усложнения исходного противоречия (механизм этого движения мысли: тезис — антитезис — синтез — антисинтез и т. д.). Гегелю удалось диалектически вывести (построить) огромные пласты философского универсума и тем не менее большинством философского сообщества его система и метод были

признаны слишком искусственными, особенно в их претензиях на универсальность и абсолютную истинность. Уверовав в фундаментальность и силу своего философского метода, Гегель слишком высокомерно относился к представителям современного ему естествознания и математики, пользовавшихся успешно другими методами, обвиняя их в теоретической незрелости и «метафизичности» (антидиалектичности). Высокомерная философия всегда превращается в плохую идеологию и тем самым выносит себе смертный приговор.

Одна из современных попыток выработать для философии свой особый метод построения строгого знания была осуществлена Гуссерлем и получила название феноменологического. Суть его в том, что философское мышление должно заниматься нахождением абсолютно простых и очевидных феноменов содержания сознания, с последующей реконструкцией на их основе всей истинной сферы сознания. Гуссерлевская идея сродни декартовскому подходу, но гораздо шире его, т. к. не ограничивает предмет философии только мысленным, теоретическим содержанием всеобщего, охватывая всю сферу сознания в качестве предмета философии. Феноменологический метод, нацеленный на выявление базовых исходных содержательных структур сознания в самых различных областях когнитивной деятельности, получил в современной философии весьма широкое распространение. Феноменологический метод основан на идее эпохэ (от греч. *epoché* — удерживание). С помощью эпохэ (абстрагирования *Я* от всего накопленного историей познания *внешнего* опыта, мнений, определений, ценностей и оценок различных предметов сознания) философ становится в позицию «чистого наблюдателя», и только отсюда ему может быть доступна подлинная сущность предмета. Каждый философ обязан как бы заново — своим личным внутренним светом — открывать мир сущностей. Другого пути у философа нет. Посредством эпохэ, составляющим основу феноменологической редукции, осуществляется переход от естественной (в том числе и естественно-научной) установки познания к феноменологической (философской). Эпохэ позволяет открыть новую онтологическую область, *подлинный* мир явлений сознания, недоступный другим видам эмпирического и теоретического познания. Благодаря данному

методу, философ возвышается над естественным бытием и естественным миром (вынося их в своей деятельности «за скобки»), но отнюдь не теряет их бытия. Он вынужден постоянно «гештальтировать», переключать свое сознание, переходя от философских размышлений к внешнему опыту (в том числе и к своей мирской жизни) и обратно. Бытийственной структурой, обеспечивающей возможность такого «переключения» является поток феноменов как психических явлений, которые одновременно и объективны (поскольку даны трансцендентальному Я) и субъективны (поскольку образуют психическую реальность).

Главными конкурентами феноменологии в современной философии выступают, с одной стороны, аналитическая философия, с другой — постмодернизм. Представители первого направления (поздний Витгенштейн, Райл, Остин и др.) считают основным средством философского познания *лингвистический анализ* языка. Главный недостаток всех аналитиков — отказ от попыток построения философии как теоретического мировоззрения, как «метафизики». Такие попытки в философии по-прежнему продолжают (экзистенциализм, философия жизни, философия науки, философия культуры, философия искусства, философия природы и т. д.), однако, по сравнению с XIX в. и даже первой половиной XX в., подавляющее большинство современных философов сознает невозможность и по большому счету бесполезность создания больших, всеохватывающих и логически стройных философских систем.

После крушения идеала абсолютной определенности и абсолютной надежности даже в таких областях, как математика, логика и теоретическая физика, после разрушительной критики философами постмодернизма (Деррида, Лиотар и др.) возможности достижения определенного и ясного дискурса в любой сфере рационального познания вообще, стала очевидной бессмысленность какой-либо жесткой регламентации любого дискурса, в том числе и философского, какими-то единичными методами и стандартами. Свободное творчество мышления оказалось сильнее всяких организующих его прокрустовых рамок. Ограничения, конечно, всегда имеют место, но они должны быть ситуативны и конст-

руктивны, а не навязаны содержанию и субъекту когнитивного творчества извне. Если угодно обозначить такую философскую стратегию (способ когнитивного творчества) каким-то именем, то его можно назвать «*свободным конструктивным дискурсом*». Философия сближается с искусством по раскованности и многообразию своих построений. На первый план в оценке их значимости все более выходят прагматическая полезность (в самом широком смысле этого слова), внутренняя гармония и «нескучность». Современные философы знают, что истинность их построений оценивают не только их коллеги, но и массовые потребители философского мировоззрения, те, к которым собственно и обращены взоры философов. Они также хорошо понимают, что люди слишком различны, чтобы всем им было одинаково комфортно в одной мировоззренческой одежде.

3. Функции философии

Разнообразные функции философии по своей сути коренятся ни в чем ином, как в сообщении мировоззренческой мысли высокой культуры, жизненной глубины, далекого видения, внутренней сосредоточенности. Это обусловлено самим предназначением философского знания быть средством выработки предельных ценностных ориентаций, глобальных целей, означивающих все частные, конечные цели и ценности, движущие человеком. Жизнеучительское место, катарсическая миссия философии обеспечиваются высокодуховной деятельностью на основе знания. Философ работает на восхождение, возвышение: поднимает публику до понятий, тогда как, скажем, политик, миссионер работает на нисхождение, понижение: опускает понятия до публики (вольно или неосознанно впадая в популизм).

Депозит возможностей философии представителен, широк, как представительна и широка материя опыта, получающая форму узаконения в философии. Низшее в реальности — тайное измерение высшего: бессознательное — сознания, животное — человеческого. Сепарируя высшее, представляя его высоким, философия утверждает абсолютное, должное. Должное, абсолютное — подлинная стихия, стезя философии, отмечающая

некритический энтузиазм в отношении нападок на нее как на сферу занятости. То, что позволяет философии быть явлением, всегда выдерживающим многочисленные социальные, умственные испытания и нагрузки, — суть причастность к пространству, где абсолютное «как должно быть» оказывается «предпоставленной целью и потому — ценностью в подлинном смысле»[2].

«Будущее как в своих глубочайших элементах, так и в разыгрывающихся на поверхности казусах не будет тождественно повторять прошлое и подражать ему», — говорит Джеме. Верно. Только человек, люди, поколения несут имя, вершат историю, передаваемую, завещаемую предками. В опоре на что? На высокое, абсолютное, должное. Эти столпы, скрепы — не абстракции, каких стоит бояться, не нарушения привычной меры. Спинозе от его величества короля Франции предложили пенсию, если он посвятит ему какой-нибудь труд. «Свои сочинения я посвящаю лишь истине», — последовал ответ.

Мир, история, культура имеют смысл благодаря высокому: лежат во зле, но стоят на добре. Нет такого урода, который не нашел бы поклонников, нет такой глупости, которая не нашла бы приверженцев. Так. Но непреложность абсолютов — в освобождении от давления расхожего. Понятия меняют смысл в зависимости от ценностных горизонтов. Подключая к абсолютному, должному, философия вводит ценностно высокие уровни, отсекает нагромождение ненужного, ложного; не сея иллюзий, она разрушает их.

Пафос сказки-притчи о голом короле не в фиксации отсутствия платья, а в развенчании мифа о его наличии. Людям не стало бы лучше, если бы сбылись их простые желания. Неожиданно свежие, духоподъемные проявления философии в опыте идут от способности производить работу, заставляющую жить то, чего нет. Философия не претендует на выработку каких-то конкретных рецептов, инструкций. В отличие от специальных наук, поставляющих в освоении предметности технику «увидеть», философия генерирует нечто, что с полным правом заслуживает названия спасительной возможности «видеть» вообще.

Лишь сон и смерть, ничего не обещая, все исполняют. В реальности не так. Бесконечная тяга к улучшению, понуждая превращать яд в лекарство, сталкивает

человека и общество, природу и культуру, познание и практику, делает их внутренне конфликтными, пикирующимися. Человек восстает против несвободы общества. Природа противостоит культуре. Разум вызывает кризис разума. Пока никому в социуме не удалось достичь оптимума изменения и сохранения, инновации и мобилизации, доктрины и жизни, судьбы и деятельности, культуры и цивилизации.

Упоминание обо всем этом в качестве идейного фона позволяет не только детализировать интуитивные представления порядка связи философии и общественно-исторического процесса, но и ввести ясное понятие ее специфических ролей. Принципиально плодотворное, творческое, санационное проявление философии относительно компонентов и комплексов культуры сказывается в выполнении ею следующих эвристических функций.

Аналитическая функция: выявление предельных, граничных основоположений, оснований (которые выступают в виде содержательных предпосылок, семантических универсалий), составляющих условие возможности всех видов теоретического и практического опыта.

Рефлексивная функция: превращение скрытых допущений, латентных комплексов в явный предмет специализированного исследования; экспликация всеобщих идей, побуждений, влечений, инициатив, предприятий, обуславливающих уникальные (культурные) или универсальные (цивилизационные) принципы, формы организации и реализации общественно-исторической деятельности.

Онтологическая функция: введение фундаментальных гипотез существования, задание схем, каркасов строения действительности. К примеру, для оформления электромагнитной теории требовалось развить понятие среды как проводника физических взаимодействий в пространстве. Возникло представление об электромагнитном поле как о некоей реальности, ответственной за передачу взаимодействий зарядов на расстоянии. Задача обосновать эту реальность в качестве реальности «объективной» (не мнимой), дабы замкнуть формализм теории на действительность, и составляет компетенцию оснований онтологических.

Гносеологическая функция: разработка и оценка допущений о характере познавательного процесса. Является ли знание систематизацией субъективного опыта или фиксирует закономерные связи мира? — проблема, анализом которой, по словам Эйнштейна, вынуждают заниматься ученых трудности их собственной науки. Так, на вопрос «что изучает квантовая механика?» (КМ), сформировались совершенно различные позиции:

1. КМ описывает поведение объектов «самих по себе» — они ведут себя в наблюдении так же, как и вне его; проблема роли средств наблюдения в исследовательской ситуации лишена радикальности.
2. Элементарная частица ведет себя в наблюдении вовсе не так, как вне наблюдения; взаимодействие экспериментальной установки и элементарной частицы порождает подлинный объект науки, за пределами которого нет оснований искать прототип.
3. КМ — феноменологическая теория; имеются неизвестные «скрытые параметры», определяющие наблюдаемые поведения КМ-систем; во всякое данное время возможно созерцать лишь следствие их действий.

Как видно, обсуждение, казалось бы, внутринаучной темы предполагает построение философской системы, проясняющей статус опытных установок в познании. В настоящий момент доминирует так называемая «копенгагенская интерпретация» [2], настаивающая, что включение действия измерительных приборов выступает предпосылкой определения КМ-явлений. Дальнейшее упрочение позиции, связанное с анализом парадокса Эйнштейна — Подольского — Розена, обуславливает необходимость углубления уже онтологических характеристик КМ-реальности, требуя рефлексии «неделимой целостности» (Бом); «несиловых взаимодействий» (Фок, Хааг); «особой формы связей в зависимости от условий» (Александров); «детерминации будущим» и «опережающих взаимодействий» (де Борегаар) и т. п.

Методологическая функция: выработка нормативных представлений, позволяющих оценивать продукты поисковой деятельности по принципу предпочтительности. Если брать науку, спрашивается: является ли несогласие теорий с данными опыта достаточным условием их фальсификации? возможен ли решающий эксперимент? ка-

ковы основания сравнения конкурирующих теорий? Эти и однопорядковые им вопросы входят в разряд методологических. Капитальнейшая проблема научного познания — проблема выбора теории, обусловленная постановкой вопроса: равноценны ли в эпистемологическом отношении эмпирически эквивалентные описания? Опыт исследований не дает положительного ответа. Скажем, в начале века в связи с уточнением перспектив физической мысли, А. Пуанкаре утверждал, что последующее развитие физики сохранит евклидовость (ввиду простоты) в хроногеометрической модели реальности с дополнительной экспликацией в ней «гравитации». Эйнштейн рассуждал прямо противоположным образом. Исходя из фиктивности понятия пространства, лишеного какого-то физического содержания, а также из анализа свойств систем отсчета, Эйнштейн настаивал на неприемлемости для новой физики евклидовой геометрии: «в негалилеевых системах пространственные и временные интервалы не определяются просто с помощью часов и твердых единичных масштабов. Евклидова геометрия в этих случаях не применима» [3]. По замечанию В. Паули, не оставалось ничего другого, как допустить рассмотрение всех мыслимых систем координат, где последние толкуются как вполне произвольные параметры, произвольным, однозначным, непрерывным образом поставленные в соответствие мировым точкам (гауссовы координаты). Этому максимально соответствовал аппарат общей римановой геометрии, метрика которой «автоматически» учитывала и гравитационные эффекты.

Содержательная подоплека дилеммы Пуанкаре — Эйнштейн такова. В развитии хроногеометрических представлений Пуанкаре относился к гравитации как к внешнему для теоретического мира физики явлению, следствием чего была искусственность его позиции: сохранение геометрической компоненты вело к непредсказуемому усложнению физической компоненты теории. Руководствуясь тем, что в теории законы природы — математические формулировки относительно физических объектов, справедливые для пространств с произвольными геометриями, Эйнштейн включил в теорию и гравитацию, представив ее свойством пространства — времени (криволинейная четырехмерная метрика). Желая того или нет, Пуанкаре выступил

против критерия рациональности теории, крепящиеся на идеях гомогенности, замкнутости системы знания относительно некоторого мира объектов [4]. Эйнштейн же предложил программу физического знания, учитывая его сбалансированность с данными методологическими регулятивами.

Критическая функция: охват негативного опыта, развенчание многообразных ошибок, привычек, призраков, идолов, догм, суеверий, предрассудков, стереотипов — этих, по выражению Ф. Бэкона, докучливых, тягостных противников, сковывающих, парализующих, притупляющих ищущую мысль и преобразующее действие. Талант критики, в своих полномочных проявлениях требующий поддержки, а не узды, — структурный реквизит философии. Давая реалиям некие нестандартные прочтения, видоизменяя условия понимания, философия играет роль своеобразного ценностного селектора, вырабатывает адекватные программы созидания жизни. В нашей мысли подчеркнем «созидание». Срывание масок, выявление *facta concludentia* в случае философии не самоцель. Критика аспектов бытия личного подчинена более серьезной задаче — обслуживанию деятельности положительной.

Интегративная функция: системное обобщение и понятийная реконструкция много- и разнообразия социальной практики, богатства культуры применительно к наличной точке существования. Конституируясь посредством фокусировки конкретных ценностей с последующим развертыванием из них — как из порождающих ядер — проектов мира (центрирование «космоса» влечет космизм, «бога» — теизм, «человека» — гуманизм, «воли» — волюнтаризм и т. д.), философия согласует в пределах данных проектов все типы отношений человека к действительности: теоретические и практические, познавательные и ценностные, социальные и экзистенциальные. Подобное согласование — не эклектика, а единственное условие создания универсальных сценариев жизни, вариантов миропонимания и миропреобразования, несущих общезначимые значения и возможности.

Социальная функция: сознательное объединение людей в рамках гуманитарных общностей, гармонизация, сбалансирование бытия общественного.

Наблюдение за персональной реализацией и осмысление ее показывает, что индивид, будучи самостоятельным источником экзистенциальных процессов в различных начальных условиях, приходит в итоге к неким состояниям равновесия, которые не зависят от начальных условий. Описание самоутверждения производится в многомерном пространстве, на осях которого откладывается значение обобщенных параметров — личностных интенций. Состояния индивида изображаются точкой фазового пространства, изменение состояний во времени — движением точки вдоль фазовой траектории. Итоговые равновесные состояния оказываются пунктами, которые играют роль аттракторов.

С семантической точки зрения гуманитарные аттракторы — инварианты, целерациональные абсолюты, фундаментальные ценности, движущие поведением индивида. Допущение, что человек руководствуется в деятельности ценностными абсолютами, отчасти декларативно. Если принять презумпцию полной и безграничной свободы воли, оно не подтверждается. Вместе с тем опыт и здравый смысл подсказывают: человек, не выносящий казармы (задетерминированный социум), не живет и по одной свободной воле своей (анархия). Социогенетически бытие человека сбалансировано: исходно оно ориентировано на гуманитарно оправданные правила общежития. Те, кто в силу разных причин не соотносится с ними, ставят себя по ту сторону социума (изоляция умалишенных, манкуртов, отщепенцев, неполноценных культуруощербных лиц). Признание в нас личностей со стороны сограждан, соплеменников сопряжено с удостоверением в нас носителей ценностей. Выделяется пять их групп: социально-целевые (Святость, Духовность, Знание, Мастерство, Дело, Слава, Власть, Богатство), социально-инструментальные (Право, Свобода, Справедливость, Солидарность, Милосердие), персонально-инструментальные (Жизнь, Здоровье, Сила, Ловкость, Красота, Ум), субъективно-целевые (Вещество, Энергия, Пространство), общечеловеческие (Мыслящий дух, Общество, Человек)[5].

Ценности замыкают на себя многообразие траекторий субъективных систем (фазовых точек), определяемых интенциями (начальными условиями). Поведение изолированного индивида для внешнего наблюдателя

кажется хаотическим. Вне предположения об аттракторах поведенческая хаотичность толкуется либо как следствие значительности степеней свободы системы, либо как результат нерепрезентативности, нарочитости поведения, рассчитанного на наблюдателя. Использование модели аттракторов открывает широкие перспективы герменевтической аналитики: за видимым на поверхности хаосом просматриваются элементы регулярности и порядка, обусловленные ориентацией на ценности. Соответственно режим функционирования субъективной системы описывается достаточно малым числом принципиальных характеристик.

Развивая данный сюжет, невозможно уклониться от обсуждения темы инвариантов человеческой жизни. По аналогии с фундаментальными физическими константами (ФФК), фундаментальные социальные константы (ФСК) ответственны за фиксированность общественных структур в цивилизационной системе отношений. Основные параметры социальности, подразумевая тип производства, общественного и экзистенциального устройства, весьма стандартны. Вычлняя крайности, получаем либо дисциплинарный, либо иницирующий социум с соответственными способами поддержания жизни:

- производство: контингентированность — самости-мулированность;
- гражданственность: казарменность — гарантированность свободы;
- жинесфера: отчужденность — самореализованность.

Основная идея, какую мы выносим из опыта вершения истории, заключается в том, что историческое бытие осмысленно, что подлинная цель исторической жизни состоит в наращивании плодов цивилизации, обеспечивающих эффективность производства, конституционность, легальность, достоинство существования. Речь, стало быть, идет о просматриваемой выделенной траектории эволюции человечества по вектору умножения гуманитарности.

Сказанного достаточно для очередной аналогии. Обращаясь к естествознанию, отметим исключительную эвристичность формулируемого в космологии антропного принципа (АП). Устанавливая корреляцию между эволюцией Вселенной и возникновением чело-

вечества, АП взрывает утвержденную Коперником антропоцентрическую парадигму. Суть в том, что, как бы там ни было, но человек с его социальностью и сознанием занимает привилегированное положение в мире. Возникает задача увязки естественного прогресса Вселенной с необходимостью появления геопланетарной цивилизации (проблема мотивированности, предопределенности развития нашей природной мегасистемы). Задача эта решается путем оригинального истолкования АП.

Слабая версия АП. Во Вселенной имеются множество объектов — от обычных звезд до галактик, пульсаров, квазаров, черных и белых дыр. Все они осваиваются средствами наличных теорий, в количественной плоскости обусловленных использованием ФФК. Значения ФФК — эмпирические. Поскольку опыт не сообщает необходимости, спрашивается: к чему ведет предположение изменения их номинала? С позиций гносеологии ясно: если значения ФФК будут иными, мы имеем дело с иными формами знания. А в онтологии? Как изменяется реальная картина в случае других значений ФФК? Естествознание отвечает: варьирование ФФК влечет трансформацию реальности вплоть до инореальных форм (невозможность жизни, сложных химических, предбиологических структур). Если это так, то в чем основание одноклейности естественного отбора, обусловившего наблюдаемое состояние? Надлежащего ответа естествознание не дает. Оно лишь не отвергает возможности плюрализма миров с различными значениями ФФК, что исключает, однако, действительность нашей геобстановки. Резюмируя, акцентируем тезис, согласно которому факт наличной геобстановки отрицает реальность иных значений ФФК; другими словами, мы живем постольку, поскольку значения ФФК таковы.

Принципиальное сходное, на наш взгляд, обстоятельство в общественном знании. Мир не взорван до сих пор изнутри потому, что имеются универсальные постоянные социальности в виде законов эффективной коллективности, производительности, экзистенциальности. Из теории никак не вытекают значения констант для обеспечения жизни. Теория как перебор логических диспозиций, вообще говоря, допускает любые значения. На деле в естествознании и в общественном знании не веер, а одновариантность. Само наличие жизни отрицает произвольные

значения ФФК, не стимулирующие факт жизни. Также наличие социальности отрицает любое устройство общества, ставящее под сомнение факт социальности при несоблюдении ФСК. Хотя общество а priori может организовываться по-разному, условия отбора накладывают жесткие ограничения на социальную технику в лице системных требований цивилизованности. Поскольку есть ФСК, есть единство истории, понимаемое как внутреннее тождество, родство, сходность способов, приемов вершения, отправления гарантийной жизни.

Сильная версия АП. Ретрополируя ситуацию, скажем: факт наличной социальной организации предопределяет предыдущие этапы — чтобы человечество могло существовать, условия антропной цивилизации должны быть жестко ограниченными на протяжении всей эволюции человечества. Иначе говоря: антропная цивилизация должна быть такой, чтобы в ней на некоторой фазе допускалось существование наличных социальных форм. Наша социальность не случайна. Ее комплексы de facto лимитируют многообразие видов устройства жизни. Отследить хитросплетения становления антропной цивилизации входит в задачу социальной эволюционистики (являющейся звеном глобальной эволюционистики), призванной уточнить последовательность цепочек утверждения человеческих форм посредством не механической, а целеполагающей ценностной детерминации.

В физике варьирование значений ФФК влечет идею ансамбля Вселенных. В социологии сходная операция обуславливает идею плюрализма культурных миров. В отличие от физики, где видоизменение ФФК остается абстрактной возможностью, в социологии многообразие типов социумов с атрибутивными им ФСК дано опытно-исторически: на ограниченных геопланетарных просторах воплощается ансамбль способов воспроизводства жизни со всеми мыслимыми (и не мыслимыми) комбинациями начальных условий и ФСК. Картина историко-культурного многообразия, однако, по ходу прогресса утрачивает многоцветье: в цивилизационном отношении все народы идут к одному оптимальному укладу. В обществе потенциальный кредит имеют лишь гуманитарно оправданные формы. Перспектива дееспособного общества просматривается для минимума комбинаций параметров, которые обособливают в ансамбле миров

особое цивилизованное подмножество. Остальное — дикость, нецивилизованные стадии человечности.

Будучи общезначимыми предпосылками деятельности, ФСК и сцепленные с ними гуманитарные абсолюты задают актуальный горизонт персональной и групповой реализации. Чем развитее социум, тем массивней линия соприкосновения индивида с общественным целым, тем большими степенями свободы (в рамках легальных инициатив) располагает личность. Напротив, чем более отсталое общество, тем худосочней человеческие возможности. Век от века поэтому законы общества, истории формируются, как бы впитывая, вбирая в себя совершенные устои жизни, связанные с расширением полномочий, условий, гарантий достойного существования. Речь идет о всем спектре человеческого утверждения, воления, творения, сопряженно с идеалами бытия *ad unguem*.

С этих позиций, подкрепляемых диахроническими рассмотрениями, в социальной эволюционистике обнаруживаются такие зависимости. В тенденции, в перспективе, в принципе демократические формы социальной организации предпочтительнее деспотических, легальные формы предпочтительнее нелегальных, индустриальные — доиндустриальных (патриархальных) и т. п. Это не означает, что у названных начал нет теневых сторон общественных воплощений. Там хорошо, где нас нет. Мечты о золотом веке влекут критику техники (Бердяев, Фромм), науки (Годвин, Гельдерлин, Шопенгауэр), общественного, исторического прогресса (Л. Толстой, Э. Гартман), культуры и цивилизации (Руссо, Хайдеггер).

Не впадая в цивилизационную некрофилию — в эту, выражаясь языком Фромма, страсть ко всему искусственному, механическому, нездоровому, отметим значимость аргументов к издержкам гражданского научно-технического развития. Да, в чем-то прав Бердяев, тревожащийся, что если «ранее человек был органически связан с природой и его общественная жизнь складывалась соответственно с жизнью природы», то теперь, в обстановке техногенного существования, машина нарушает эту связь — «она не только по-видимости покоряет человеку природные стихии, но она покоряет и самого человека... Какая-то таинственная сила, как бы чуждая человеку и самой природе, входит в человеческую

жизнь, какой-то третий элемент, неприродный и не человеческий, получает страшную власть над человеком, и над природой» [6]. Пусть так. Но никакой разумной альтернативой машинизму на индустриальной стадии своего бытия человечество не располагает. Критику техницизма можно адресовать будущему; применительно к прошлому и отчасти настоящему она выглядит мелодекламаторски. Без техники, интенсивного потребления и переработки планетарного тела возможности жизни и выживания рода минимальны. Оттого и идеализации доиндустриализма в букволическом духе призрачны, по-крупному мизантропичны. Цена прогресса высока, но она оплачена уровнем жизни, относительным благодеянием человечества.

Либерализм, выборное начало, прочная свободная гражданственность, конституционализм, парламентаризм, вольный труд, гарантированная мобильность, здоровое чувство собственности — все это непреходящие, неигнорируемые завоевания цивилизации, от которых не отмахнуться.

Аксиологическая функция: конституирование социальных форм взаимодействий людей в групповой, «роевой» жизни, налаживание систем «вовлечения», «участия», ценностно, гуманистически регламентирующих обмен деятельностью индивидуальных общественных существ.

Индивид самостийен, но глубинная настроенность на признание — социально удостоверенные стандарты, идеалы, поддерживающие Я-концепцию и не ниспровергающие индивида, не низводящие его до ничтожества, — предопределяют фигуры персональной мобильности, содержание и форму индивидуальной и межличностной коммуникации, интеракции, циркуляции. Во всех ипостасях самоутверждения социум присутствует как аксиологический фильтр, шкала предпочтений, множество презумпций, стимуляций, что в терминах модели фундаментальных социальных констант и аттракторов выражается понятием устойчивости ценностного сознания к малым возмущениям — помехам свободы воли. Ценностная стабильность ФСК и гуманитарных аттракторов позволяет толковать антропологические многообразия как безусловно рациональные, и следовательно, воспроизводить их на языке теории и расценивать по-

веденческую стохастичность как имманентное свойство, фиксируемое в аппарате теории ценностей.

Гуманистическая функция: сверхзадача, сверхцель философии — поставить глубокую, солидную трактовку «каким надо быть, чтобы быть человеком». Известно хорошо и полно, что добропорядочная философия не разворачивается как произвольный поток сознания в модусе рассуждений *ad marginem*. Конструирование реальности в философии, отличаясь свободой, не терпит произвола. Игра умственных сил, интеллектуальные штудии, изощрения, нарочитости своим естественным пределом имеют общественный резонанс, социальное звучание, гражданскую роль доктрины. Говорит Марк Аврелий: «Время человеческой жизни — миг; ее сущность — вечное течение; ощущение смутно; строение всего тела бrenно; душа загадочна; слава недостоверна... жизнь — борьба и странствия по чужбине; посмертная слава — забвение. Но что же может вывести на путь? Ничто, кроме философии». Жизнелюбивой. Духоподъемной. Дарующей счастье ощущать себя человеком.

Литература

1. Чанышев А.Н. Введение в любомудрие. М., 2000. С. 50.
2. Агацци Э. Человек как предмет философии // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 31.
3. Франкфурт У.И. Специальная и общая теория относительности. М., 1968. С. 219.
4. Грязнов Б.С. Логика Рациональность. Творчество. М., 1982.
5. Бороноев А.О., Смирнов П.И. Россия и русские. Характер народа и судьба страны. М., 1992. С. 34.
6. Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 118.

Наши авторы

Лебедев Сергей Александрович — доктор философских наук, профессор, зав. каф. философии Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук (ИППК) МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный профессор Московского университета.

Ананьин Олег Игоревич — кандидат экономических наук, профессор, зав. каф. экономической методологии и истории Государственного университета «Высшая школа экономики», зав. сектором методологии экономики Института экономики РАН.

Артамонова Юлия Дмитриевна — кандидат философских наук, доцент кафедры методологии и философии науки философского факультета МГУ.

Барулин Владимир Семенович — доктор философских наук, профессор кафедры философии ИППК МГУ, заслуженный профессор Московского университета.

Борзенков Владимир Григорьевич — доктор философских наук, профессор факультета государственного управления МГУ, заслуженный профессор Московского университета.

Запесоцкий Александр Сергеевич — член-корреспондент РАО, доктор культурологических наук, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Зинченко Юрий Петрович — доктор психологических наук, профессор, зав. каф. методологии психологии факультета психологии МГУ, декан факультета психологии МГУ.

Ильин Виктор Васильевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии ИППК МГУ.

Ионин Леонид Григорьевич — доктор философских наук, профессор, декан «Школы российских исследований» Государственного университета «Высшая школа экономики».

Капицын Владимир Михайлович — доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии ИППК МГУ.

Кезин Анатолий Владимирович — доктор философских наук, профессор, зав. каф. философии и методологии науки естественных факультетов МГУ.

Лазарев Феликс Васильевич — доктор философских наук, профессор, зав. каф. философии Таврического государственного университета им. В.И. Вернадского (Симферополь).

Малахов Валерий Петрович — доктор юридических наук, профессор, зав. каф. теории государства и права Московского университета МВД России.

Рубочкин Валерий Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии, политологии и истории Российского университета кооперации.

Тхостов Александр Шамильевич — доктор психологических наук, профессор кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ.

Ушаков Александр Иванович — доктор исторических наук, профессор, зав. каф. философии, социологии, политологии и истории Российского университета кооперации.

Шилко Роман Сергеевич — кандидат психологических наук, науч. сотр. кафедры методологии психологии факультета психологии МГУ.

Юдин Борис Григорьевич — член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, зав. отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

Раздел I

Общие методологические проблемы социально-гуманитарных наук

Глава 1. Проблема истины в естествознании и социально-гуманитарных науках	11
Глава 2. Методология социально-гуманитарных наук	69
Глава 3. Естественно-научные основания современных социально-гуманитарных наук	152
Глава 4. Социальная философия и ее методологическое значение для общественных наук	194
Глава 5. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям	216

Раздел II

Философские проблемы отдельных социальных и гуманитарных наук

Глава 1. Философия исторической науки	247
Глава 2. Философия политической науки	276
Глава 3. Философия права и юридические науки	332
Глава 4. Философия социологии	373
Глава 5. Философия и методология экономической науки	438
Глава 6. Методологические основы теорий менеджмента	522
Глава 7. Основные парадигмы и модели образовательной деятельности	566
Глава 8. Философские и методологические проблемы психологии	608
Глава 9. Историко-философское и методологическое введение в теорию языка	653
Глава 10. Философия как гуманитарная дисциплина	687

Наши авторы	730
-------------------	-----

THE TABLE OF CONTENTS

Foreword (S. Lebedev)	5
-----------------------------	---

Part I

Methodological problems of social sciences and humanities

Chapter 1. Problem of truth in natural science, social sciences and humanities (F. Lazarev, S. Lebedev)	11
Chapter 2. Methodology of social – humanity investigations (V. Ilyin)	69
Chapter 3. Natural science backgrounds of social sciences and humanities (V. Borzenkov)	152
Chapter 4. Social philosophy and its meaning for social sciences (V. Barulin)	194
Chapter 5. Modern social humanities technologies (B. Yudin)	216

Part II

Philosophical problems of social sciences and humanities

Chapter 1. Philosophy of history science (V. Rubochkin, A. Ushakov)	247
Chapter 2. Philosophy of policy science (V. Kapicin)	276
Chapter 3. Philosophy of law and jurisprudence (V. Malakhov)	333
Chapter 4. Philosophy of sociology (L. Ionin)	373
Chapter 5. Philosophy and methodology of economic theory (O. Ananyin)	438
Chapter 6. Methodological backgrounds of management theories (A. Kezin)	522
Chapter 7. Philosophical and methodological problems of psychology (Iu. Zinchenko, A. Tkhostov, R. Shilko)	566
Chapter 8. Education activity paradigms and models (A. Zapesotsky)	608
Chapter 9. History – philosophic and methodology introduction to linguistic theory (Yu. Artamonova)	653
Chapter 10. Metaphilosophy (V. Ilyin, S. Lebedev)	687

Учебное издание

ФИЛОСОФИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Под общей редакцией профессора
С.А. Лебедева

Компьютерная верстка *О. Максимова*
Корректор *О. Наумова*

ООО «Академический Проект»
Изд. лиц. № 04050 от 20.02.01.
111399, Москва, ул. Мартеновская, 3.
Санитарно-эпидемиологическое заключение
Федеральной службы по надзору в сфере защиты
прав потребителей и благополучия человека
№ 77.99.60.953.Д.002432.03.07 от 09.03.07.

*По вопросам приобретения книги просим обращаться
в ООО «Трикта»:*

111399, Москва, ул. Мартеновская, 3
Тел.: (495) 305-3702; 305-6092; факс: 305-6088
E-mail: info@aproject.ru
www.aproject.ru

Подписано в печать с готовых диапозитивов 28.12.07.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура БалтикаС. Бумага писчая.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,64. Тираж 3000 экз.
Заказ № 1.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620041, ГСП-148, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru

Под общ. ред. С.А. Лебедева

**Философия социальных
и гуманитарных наук**

В учебном пособии анализируются философские проблемы социальных и гуманитарных наук: 1) общие методологические вопросы социально-гуманитарного познания; 2) философские проблемы отдельных социальных и гуманитарных наук (истории, политологии, социологии, экономики, юридических наук, языкознания, менеджмента, психологии, педагогики). Авторы книги — профессора МГУ им. М.В. Ломоносова, других российских вузов, ученые институтов РАН. Адресовано студентам, аспирантам, преподавателям, научным сотрудникам, всем, кто интересуется философией социально-гуманитарных наук.

ISBN 978-5-8291-0918-9

9 785829 109189